Ф
Н

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ

ФРЭНСИС БЭКОН

СОЧИНЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМ 2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

«МЫСЛЬ»

МОСКВА – 1978

1 Ф
Б 97

РЕДАКЦИИ
ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Составление, общая редакция и вступительная статья
А. Л. СУББОТИНА

Перевод *З. Е. АЛЕКСАНДРОВОЙ, А. Н. ГУТЕРМАНА, С. КРАСИЛЬЩИКОВА, Е. С. ЛАГУТИНА, Н. А. ФЕДОРОВА*

Б $\frac{10501\text{-}189}{004(01)\text{-}78}$ подписное

© Издательство «Мысль». 1978

ВТОРАЯ ЧАСТЬ СОЧИНЕНИЯ, НАЗЫВАЕМАЯ НОВЫЙ ОРГАНОН, ИЛИ ИСТИННЫЕ УКАЗАНИЯ ДЛЯ ИСТОЛКОВАНИЯ ПРИРОДЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Те, кто осмелился говорить о природе как об исследованном уже предмете,— делали ли они это из самоуверенности или из тщеславия и привычки поучать — нанесли величайший ущерб философии и наукам. Ибо, насколько они были сильны для того, чтобы заставить верить себе, настолько же они преуспели в том, чтобы угасить и оборвать исследование. Они принесли не столько пользы своими способностями, сколько вреда тем, что погубили и совратили способности других. Те же, кто вступил на противоположный путь и утверждал, что решительно ничего нельзя познать,— пришли ли они к этому убеждению из ненависти к древним софистам, либо по причине отсутствия стойкости духа, или даже вследствие обладания некоторого рода ученостью — приводили в пользу этого доводы, которыми, конечно, нельзя пренебречь. Однако они отправлялись в своем мнении не от истинных начал и, увлекаемые вперед усердием и страстью, решительно превзошли меру. Древнейшие же из греков (писания которых погибли) более благоразумно удерживались между самонадеянностью окончательных суждений и отчаянием акаталепсии. И хотя они довольно часто сетовали и жаловались на трудность исследования и темноту вещей, однако, как бы закусив удила, не переставали стремиться к цели и испытывать природу. Они, как видно, полагали, что этот вопрос (т. е. можно ли что-либо познать) разрешается не спором, а опытом. Но и они, знакомые только с силой разума, не обращались к правилам, а все возлагали на остроту мысли, на подвижность и постоянную активность ума.

Наш же способ столь же легок в высказывании, сколь труден в деле. Ибо он состоит в том, что мы устанавливаем степени достоверности, рассматривая чувство в его собственных пределах и по большей части отбрасывая ту

работу ума, которая следует за чувством, а затем открываем и прокладываем разуму новый и достоверный путь от самых восприятий чувств. Без сомнения, это понимали и те, кто такое же значение придавал диалектике. Отсюда ясно, почему они искали помощи разуму, относясь с подозрением к прирожденному и самопроизвольному движению ума. Но слишком поздно прилагать это средство, когда дело уже загублено: после того как ум уже пленен привязанностями повседневной жизни, ложными слухами и учениями, когда он осажден пустейшими идолами [1]. Итак, это искусство диалектики, поздно (как мы сказали) становящееся на защиту разума и никоим образом не поправляющее дело, скорее повело к укреплению заблуждений, чем к открытию истины. Остается единственное спасение в том, чтобы вся работа разума была начата сызнова и чтобы ум уже с самого начала никоим образом не был предоставлен самому себе, но чтобы он был постоянно управляем и дело совершалось как бы механически. В самом деле, если бы люди взялись за механические работы голыми руками, без помощи орудий, подобно тому как в делах разума они не колеблются приступать к работе почти лишь только с усилиями ума, то невелики были бы те вещи, которые они могли бы подвинуть и преодолеть, хотя бы они посвятили этому усердные и притом соединенные усилия. И если угодно несколько остановиться на этом примере и вглядеться в него, как в зеркало, то представим себе обелиск значительной величины, предназначенный для ознаменования триумфа или подобного торжества, который дóлжно перенести на другое место. Если люди возьмутся за это голыми руками, то не признает ли это любой трезвый наблюдатель проявлением некоего тяжкого безумия? И не признает ли он еще большим безумием, если они увеличат число работающих и решат, что таким образом они сумеют это свершить? А если они сделают известный выбор, и отделят немощных, и используют только сильных и здоровых, и понадеются, что таким путем они выполнят работу, то не скажет ли он, что они еще сильнее отступают от разума? А если, наконец, они, не довольствуясь и этим, решат обратиться к атлетическому искусству и прикажут всем прийти с хорошо умащенными и подготовленными для этого руками и мышцами, то не воскликнет ли он, что они трудятся только для того, чтобы сумасбродствовать по известному правилу и умыслу? Так люди с подобным же неразумным рвением

и бесполезным единодушием принимаются за дело разума, когда они возлагают большие надежды на многочисленность умов или на их превосходство и остроту или даже усиливают крепость ума диалектикой (которую можно почитать некоей атлетикой); а между тем тому, кто рассудит правильно, станет ясно, что при всем их усердии и напряжении они все же не перестают применять только голый разум. Но ведь совершенно очевидно, что во всякой большой работе, за которую берется человеческая рука без орудий и машин, силы отдельных людей не могут ни быть вполне напряжены каждая в отдельности, ни соединены все вместе. Итак, из установленных нами предпосылок мы выводим две вещи, о которых мы хотели бы предупредить людей, чтобы это не ускользнуло от их внимания. Первая из них состоит в следующем. Мы полагаем, что было бы хорошим предзнаменованием, если для уменьшения и устранения разнотолков и высокомерия как за древними сохранились бы нетронутыми и неущемленными их честь и почитание, так и мы смогли бы свершить предназначенное, пользуясь при этом, однако, плодами своей скромности. Ибо если мы заявим, что мы можем принести лучшее, чем древние, вступив на ту же самую дорогу, что и они, то мы не сможем никаким красноречием воспрепятствовать тому, чтобы возникли сравнение и спор относительно дарований, или превосходства, или способности. Конечно, этот спор не был бы чем-то недозволенным или чем-то новым. Ибо если бы древние что-либо установили и открыли неправильно, то почему бы мы не могли с таким же правом, как и все люди, отметить и опровергнуть это? Однако, хотя этот спор и справедлив и дозволен, все же он, возможно, не соответствовал бы мере наших сил. Но так как мы стремимся к тому, чтобы разуму открылся совершенно новый путь, не известный древним и не испытанный ими, то дело меняется. Прекращаются соревнование и споры сторон. Мы сохраняем за собой только роль указующего путь, что представляет, конечно, лишь посредственную ценность и в большей степени является делом фортуны, чем способности и превосходства. Это предупреждение имеет отношение к личностям, другое же — к самим вещам.

Мы вовсе не пытаемся ниспровергнуть ту философию, которая ныне процветает, или какую-либо другую, которая была бы правильнее и совершеннее. И мы не препятствуем тому, чтобы эта общепринятая философия и

другие философии этого рода питали диспуты, украшали речи и прилагались для надобностей преподавания в гражданской жизни. Более того, мы открыто объявляем, что та философия, которую мы вводим, будет не очень полезна для таких дел. Она не может быть схвачена мимоходом, и не льстит разуму предвзятостями, и недоступна пониманию толпы, кроме как в своей полезности и действенности.

Итак, пусть будут — на счастье и благополучие обеих сторон — два истока учений и два их разделения и подобным же образом пусть будут два рода или как бы два сродства созерцающих или философствующих, никоим образом не враждебных и не чуждых друг другу, но связанных взаимной помощью и союзом. Одни из них пусть занимаются наукой, другие ее изобретают. Тем, для кого предпочтительнее первое по причине ли поспешания или по причине требований гражданской жизни, или потому, что они не могут охватить и воспринять это другое из-за недостаточной силы своего разума (а это неизбежно должно встречаться очень часто),— тем мы желаем достигнуть счастливой удачи в том, чем они занимаются, и продолжать придерживаться избранного направления. Но если кто из смертных желает не только оставаться при том, что уже открыто, и пользоваться этим, но проникнуть глубже и не спором побеждать противника, но работой — природу и, наконец, не предполагать красиво и правдоподобно, но знать твердо и очевидно,— такие пусть, если пожелают, соединятся с нами как истинные сыны науки для того, чтобы, оставив атриумы природы, которые осаждали бесконечные толпы, проложить себе наконец доступ к ее недрам.

Для того чтобы мы были поняты лучше и то, чего мы желаем, предстало в названиях более близких, мы обычно называем один из наших способов, или путей, *предвосхищением ума,* а другой — *истолкованием природы.*

Есть у нас еще одно пожелание. Мы, конечно, стремились в своих размышлениях и приложили старание к тому, чтобы предлагаемое нами не только было истинно, но имело бы незатрудненный и беспрепятственный доступ к душам людей, хотя и весьма занятым и обремененным. Однако по справедливости мы можем ожидать (в особенности в столь великом восстановлении наук), что те, кто пожелает что-либо высказать об этом нашем труде на основании ли собственного понимания, или множества авторитетов, или форм доказательств (которые

теперь стали как бы судебными законами), не попытаются сделать это мимоходом и как бы между прочим. Пусть они прежде надлежащим образом изучат предмет; пусть они сами понемногу испытают тот путь, который мы указываем и пролагаем; пусть они привыкнут к тонкости вещей, запечатленной в опыте; пусть они, наконец, исправят посредством своевременного и как бы законного промедления превратные и глубоко укоренившиеся наклонности ума; и тогда наконец (если будет угодно), после того как это станет им по силам, пусть они воспользуются своей способностью суждения.

АФОРИЗМЫ ОБ ИСТОЛКОВАНИИ ПРИРОДЫ И ЦАРСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

I

Человек, слуга и истолкователь природы, столько совершает и понимает, сколько постиг в ее порядке делом или размышлением, и свыше этого он не знает и не может.

II

Ни голая рука, ни предоставленный самому себе разум не имеют большой силы. Дело совершается орудиями и вспоможениями, которые нужны разуму не меньше, чем руке. И как орудия руки дают или направляют движение, так и умственные орудия дают разуму указания или предостерегают его.

III

Знание и могущество человека совпадают, ибо незнание причины затрудняет действие. Природа побеждается только подчинением ей, и то, что в созерцании представляется причиной, в действии представляется правилом.

IV

В действии человек не может ничего другого, как только соединять и разъединять тела природы. Остальное природа совершает внутри себя.

V

Изучению природы предаются в своих делах механики, математики, врачи, алхимики и маги, но при данном положении вещей успехи слабы и попытки незначительны.

VI

Было бы безумным и в себе противоречивым ожидать, что будет сделано то, чего до сих пор никогда не было, иначе, как средствами никогда доселе не испытанными.

VII

Мы видим в книгах и в предметах многочисленные порождения ума и руки. Но все это разнообразие состоит в дальнейшем изощрении и комбинациях немногих уже известных вещей, а не в множестве аксиом[2].

VIII

Даже тем, что уже открыто, люди обязаны больше случаю и опыту[3], чем наукам. Науки же, коими мы теперь обладаем, суть не что иное, как некое сочетание уже известного, а не способы открытия и указания новых дел.

IX

Истинная причина и корень всех зол в науках лежит в одном: в том, что мы обманчиво поражаемся силам человеческого ума, возносим их и не ищем для них истинной помощи.

X

Тонкость природы во много раз превосходит тонкость чувств и разума, так что все эти прекрасные созерцания, размышления, толкования — бессмысленная вещь; только нет того, кто бы это видел.

XI

Как науки, которые теперь имеются, бесполезны для новых открытий, так и логика, которая теперь имеется, бесполезна для открытия знаний.

XII

Логика, которой теперь пользуются, скорее служит укреплению и сохранению заблуждений, имеющих свое основание в общепринятых понятиях, чем отысканию истины. Поэтому она более вредна, чем полезна.

XIII

Силлогизм неприложим к принципам знаний[4], он бесплодно прилагаем к средним аксиомам, так как далеко не соответствует тонкости природы. Поэтому он подчиняет себе мнения, а не предметы.

XIV

Силлогизмы состоят из предложений, предложения из слов, а слова суть знаки понятий. Поэтому если сами

понятия, составляя основу всего, спутаны и необдуманно отвлечены от вещей, то нет ничего прочного в том, что построено на них. Поэтому единственная надежда — в истинной индукции.

XV

Ни в логике, ни в физике в понятиях нет ничего здравого. «Субстанция», «качество», «действие», «страдание», даже «бытие» не являются хорошими понятиями; еще менее того — понятия: «тяжелое», «легкое», «густое», «разреженное», «влажное», «сухое», «порождение», «разложение», «притяжение», «отталкивание», «элемент», «материя», «форма» и прочие такого же рода. Все они вымышлены и плохо определены.

XVI

Понятия низших видов — «человек», «собака», «голубь» — и непосредственных восприятий чувства — «жар», «холод», «белое», «черное» — не обманывают нас явно, но и они иногда становятся смутными из-за текучести материи и смешения вещей. Остальные же понятия, которыми люди до сих пор пользуются, суть уклонения, должным методом не отвлеченные от вещей и не выведенные из них.

XVII

Уклонений и произвола не меньше в построении аксиом, чем в образовании понятий, даже и в тех началах, которые зависят от простой индукции. И еще больше этого в аксиомах и в низших предложениях, которые выводятся посредством силлогизма.

XVIII

То, что до сих пор открыто науками, почти целиком относится к области обычных понятий. Для того, чтобы проникнуть в глубь и в даль природы, необходимо более верным и осторожным путем отвлекать от вещей как понятия, так и аксиомы, и вообще необходима лучшая и более надежная работа разума.

XIX

Два пути существуют и могут существовать для отыскания и открытия истины. Один воспаряет от ощущений и частностей к наиболее общим аксиомам и, идя от этих оснований и их непоколебимой истинности, обсуждает и

открывает средние аксиомы. Этим путем и пользуются ныне. Другой же путь выводит аксиомы из ощущений и частностей, поднимаясь непрерывно и постепенно, пока наконец не приходит к наиболее общим аксиомам. Это путь истинный, но не испытанный.

XX

Разум, предоставленный самому себе, вступает на тот же путь, на какой ведут правила диалектики, а именно на первый. Ибо дух стремится подняться к наиболее общему, чтобы там успокоиться, и слишком скоро начинает пренебрегать опытом. Но это зло еще увеличила диалектика своими пышными диспутами.

XXI

Разум, предоставленный самому себе, если это ум трезвый, терпеливый и упорный (особенно, если ему не мешают усвоенные ранее учения), пытается отчасти идти по второму, истинному пути, но с малым успехом. Ибо разум, если им не управляют и не помогают ему, бессилен и вовсе не способен преодолеть темноту вещей.

XXII

Оба эти пути исходят из ощущений и частностей и завершаются в высших общностях. Но различие их неизмеримо. Ибо один лишь бегло касается опыта и частностей, другой надлежащим образом задерживается на них. Один сразу же устанавливает некие общности, абстрактные и бесполезные, другой постепенно поднимается к тому, что действительно более сообразно природе.

XXIII

Немалое различие существует между идолами человеческого ума и идеями божественного разума, т. е. между пустыми мнениями и истинными признаками и подлинными чертами созданий природы, каковыми они открываются.

XXIV

Никоим образом не может быть, чтобы аксиомы, установленные рассуждением, имели силу для открытия новых дел, ибо тонкость природы во много раз превосходит тонкость рассуждений. Но аксиомы, отвлеченные должным образом из частностей, в свою очередь легко указывают и определяют новые частности и таким путем делают науки действенными.

XXV

Аксиомы, которыми ныне пользуются, проистекают из скудного и простого опыта и немногих частностей, которые обычно встречаются, и почти соответствуют этим фактам и их объему. Поэтому нечего удивляться, если эти аксиомы не ведут к новым частностям. Если же, паче чаяния, открывается пример, который ранее не был известен, аксиому спасают посредством какой-либо прихотливой дистинкции, между тем как истиннее было бы исправить самое аксиому.

XXVI

Познание, которое мы обычно применяем в изучении природы, мы будем для целей обучения называть *предвосхищением природы,* потому что оно поспешно и незрело. Познание же, которое должным образом извлекаем из вещей, мы будем называть *истолкованием природы.*

XXVII

Предвосхищения составляют достаточно твердое основание для согласия. Ведь если люди станут безумствовать по одному образу и форме, они достаточно хорошо могут прийти к согласию между собой.

XXVIII

Для достижения согласия предвосхищения даже много сильнее, чем истолкования, ибо почерпнутые из немногих примеров, и притом из тех, которые чаще всего встречаются, они тотчас захватывают разум и наполняют фантазию, тогда как истолкования, почерпнутые из разнообразных и далеко рассеянных вещей, напротив, не могут сразу пронизать наш разум. Поэтому они для общего мнения должны казаться странными и непонятными, как бы подобными таинствам веры.

XXIX

Пользование предвосхищениями и диалектикой уместно в науках, основанных на мнениях и воззрениях, ибо их дело достигнуть согласия, а не знания вещей.

XXX

Если бы даже гении всех времен сошлись и объединили свои усилия, то и тогда с помощью предвосхищений они все же не могли бы повести науки далеко впе-

ред, ибо коренные ошибки, сделанные при первых усилиях ума, не излечиваются превосходством последующих действий и лекарств.

XXXI

Тщетно ожидать большого прибавления в знаниях от введения и прививки нового к старому. Должно быть совершено обновление до последних основ, если мы не хотим вечно вращаться в круге с самым ничтожным движением вперед.

XXXII

Честь старых, да и всех вообще авторов остается нерушимой, ибо производится сравнение не умственных способностей или дарований, а путей познания. Я же исполняю не дело судьи, а дело указующего.

XXXIII

Нельзя (скажем это открыто) из предвосхищений (т. е. из оснований, коими обычно пользуются) вывести правильное суждение о нашем пути и о том, что этим путем найдено. Ибо не должно прибегать к суду того, что само подлежит суду.

XXXIV

Нелегко найти способ для объяснения и передачи того, что мы предлагаем. Ибо то, что само по себе ново, будет понято только по аналогии со старым.

XXXV

Борджиа сказал о походе французов в Италию, что они пришли с мелом в руках, чтобы отмечать себе пристанища, а не с оружием, чтобы силой проложить себе дорогу[5]. Таков и наш способ: пусть наше учение постепенно проникает в души, способные и готовые его принять. Споры неуместны там, где мы расходимся в началах, в самих понятиях и даже в формах доказательств.

XXXVI

Нам остается единственный и простой путь передачи. Мы должны привести людей к самим частностям, к их рядам и сочетаниям. Пусть люди на время прикажут себе отречься от своих понятий и пусть начнут свыкаться с самими вещами.

XXXVII

Рассуждения тех, кто проповедовал акаталепсию, и наш путь в истоках своих некоторым образом соответствуют друг другу. Однако в завершении они бесконечно расходятся и противополагаются одно другому. Те просто утверждают, что ничто не может быть познано. Мы же утверждаем, что в природе тем путем, которым ныне пользуются, немногое может быть познано. Те в дальнейшем рушат достоверность разума и чувств, мы же отыскиваем и доставляем им средства помощи.

XXXVIII

Идолы и ложные понятия, которые уже пленили человеческий разум и глубоко в нем укрепились, так владеют умом людей, что затрудняют вход истине, но, если даже вход ей будет дозволен и предоставлен, они снова преградят путь при самом обновлении наук и будут ему препятствовать, если только люди, предостереженные, не вооружатся против них, насколько возможно.

XXXIX

Есть четыре вида идолов, которые осаждают умы людей[6]. Для того чтобы изучать их, дадим им имена. Назовем первый вид *идолами рода,* второй — *идолами пещеры,* третий — *идолами площади* и четвертый — *идолами театра.*

XL

Построение понятий и аксиом через истинную индукцию есть, несомненно, подлинное средство для того, чтобы подавить и изгнать идолы. Но и указание идолов весьма полезно. Учение об идолах представляет собой то же для истолкования природы, что и учение об опровержении софизмов — для общепринятой диалектики.

XLI

Идолы рода находят основание в самой природе человека, в племени или самом роде людей, ибо ложно утверждать, что чувства человека есть мера вещей[7]. Наоборот, все восприятия как чувства, так и ума покоятся на аналогии человека, а не на аналогии мира. Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде.

XLII

Идолы пещеры суть заблуждения отдельного человека[8]. Ведь у каждого помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы. Происходит это или от особых прирожденных свойств каждого, или от воспитания и бесед с другими, или от чтения книг и от авторитетов, перед какими кто преклоняется, или вследствие разницы во впечатлениях, зависящей от того, получают ли их души предвзятые и предрасположенные или же души хладнокровные и спокойные, или по другим причинам. Так что дух человека, смотря по тому, как он расположен у отдельных людей, есть вещь переменчивая, неустойчивая и как бы случайная. Вот почему Гераклит правильно сказал, что люди ищут знаний в малых мирах, а не в большом, или общем, мире.

XLIII

Существуют еще идолы, которые происходят как бы в силу взаимной связанности и сообщества людей. Эти идолы мы называем, имея в виду порождающее их общение и сотоварищество людей, *идолами площади.* Люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждает разум. Определения и разъяснения, которыми привыкли вооружаться и охранять себя ученые люди, никоим образом не помогают делу. Слова прямо насилуют разум, смешивают все и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям.

XLIV

Существуют, наконец, идолы, которые вселились в души людей из разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств. Их мы называем *идолами театра,* ибо мы считаем, что, сколько есть принятых или изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры. Мы говорим это не только о философских системах, которые существуют сейчас или существовали некогда, так как сказки такого рода могли бы быть сложены и составлены во множестве; ведь вообще у весьма различных ошибок бывают почти одни и те же причины. При этом мы разумеем здесь не только общие философские учения, но и многочисленные

начала и аксиомы наук, которые получили силу вследствие предания, веры и беззаботности. Однако о каждом из этих родов идолов следует более подробно и определенно сказать в отдельности, дабы предостеречь разум человека.

XLV

Человеческий разум в силу своей склонности легко предполагает в вещах больше порядка и единообразия, чем их находит. И в то время как многое в природе единично и совершенно не имеет себе подобия, он придумывает параллели, соответствия и отношения, которых нет. Отсюда толки о том, что в небесах все движется по совершенным кругам. Спирали же и драконы[9] совершенно отвергнуты, если не считать названий. Отсюда вводится элемент огня со своим кругом для того, чтобы составить четырехугольник вместе с остальными тремя элементами, которые доступны чувству[10]. Произвольно вкладывается в то, что зовется элементами, мера пропорции один к десяти для определения степени разреженности и тому подобные бредни[11]. Эти бесполезные утверждения имеют место не только в философских учениях, но и в простых понятиях.

XLVI

Разум человека все привлекает для поддержки и согласия с тем, что он однажды принял,— потому ли, что это предмет общей веры, или потому, что это ему нравится. Каковы бы ни были сила и число фактов, свидетельствующих о противном, разум или не замечает их, или пренебрегает ими, или отводит и отвергает их посредством различений с большим и пагубным предубеждением, чтобы достоверность тех прежних заключений осталась ненарушенной. И потому правильно ответил тот, который, когда ему показали выставленные в храме изображения спасшихся от кораблекрушения принесением обета и при этом добивались ответа, признает ли теперь он могущество богов, спросил в свою очередь: «А где изображения тех, кто погиб, после того как принес обет?»[12] Таково основание почти всех суеверий — в астрологии, в сновидениях, в повериях, в предсказаниях и тому подобном. Люди, услаждающие себя подобного рода суетой, отмечают то событие, которое исполнилось, и без внимания проходят мимо того, которое обмануло, хотя последнее бывает гораздо чаще. Еще глубже прони-

кает это зло в философию и в науки. В них то, что раз признано, заражает и подчиняет себе остальное, хотя бы последнее было значительно лучше и тверже. Помимо того, если бы даже и не имели места эти указанные нами пристрастность и суетность, все же уму человеческому постоянно свойственно заблуждение, что он более поддается положительным доводам, чем отрицательным, тогда как по справедливости он должен был бы одинаково относиться к тем и другим; даже более того, в построении всех истинных аксиом бо́льшая сила у отрицательного довода.

XLVII

На разум человеческий больше всего действует то, что сразу и внезапно может его поразить; именно это обыкновенно возбуждает и заполняет воображение. Остальное же он незаметным образом преобразует, представляя его себе таким же, как и то немногое, что владеет его умом. Обращаться же к далеким и разнородным доводам, посредством которых аксиомы испытываются, как бы на огне, ум вообще не склонен и не способен, пока этого не предпишут ему суровые законы и сильная власть.

XLVIII

Жаден разум человеческий. Он не может ни остановиться, ни пребывать в покое, а порывается все дальше. Но тщетно! Поэтому мысль не в состоянии охватить предел и конец мира, но всегда как бы по необходимости представляет что-либо существующим еще далее. Невозможно также мыслить, как вечность дошла до сегодняшнего дня. Ибо обычное мнение, различающее бесконечность в прошлом и бесконечность в будущем, никоим образом несостоятельно, так как отсюда следовало бы, что одна бесконечность больше другой и что бесконечность сокращается и склоняется к конечному. Из того же бессилия мысли проистекает ухищрение о постоянно делимых линиях[13]. Это бессилие ума ведет к гораздо более вредным результатам в раскрытии причин, ибо, хотя наиболее общие начала в природе должны существовать так, как они были найдены, и в действительности не имеют причин, все же ум человеческий, не зная покоя, и здесь ищет более известного. И вот, стремясь к тому, что дальше, он возвращается к тому, что ближе к нему, а именно к конечным причинам, которые имеют своим источником скорее природу человека, нежели природу

Вселенной, и, исходя из этого источника, удивительным образом исказили философию. Но легковесно и невежественно философствует тот, кто ищет причины для всеобщего, равно как и тот, кто не ищет причин низших и подчиненных.

XLIX

Человеческий разум не сухой свет, его окропляют воля и страсти [14], а это порождает в науке желательное каждому. Человек скорее верит в истинность того, что предпочитает. Он отвергает трудное — потому что нет терпения продолжать исследование; трезвое — ибо оно неволит надежду; высшее в природе — из-за суеверия; свет опыта — из-за надменности и презрения к нему, чтобы не оказалось, что ум погружается в низменное и непрочное; парадоксы — из-за общепринятого мнения. Бесконечным числом способов, иногда незаметных, страсти пятнают и портят разум.

L

Но в наибольшей степени запутанность и заблуждения человеческого ума происходят от косности, несоответствия и обмана чувств, ибо то, что возбуждает чувства, предпочитается тому, что сразу чувств не возбуждает, хотя бы это последнее и было лучше. Поэтому созерцание прекращается, когда прекращается взгляд, так что наблюдение невидимых вещей оказывается недостаточным или отсутствует вовсе. Поэтому все движение духов, заключенных в осязаемых телах, остается скрытым и недоступным людям [15]. Подобным же образом остаются скрытыми более тонкие превращения в частях твердых тел — то, что принято обычно называть изменением, тогда как это на самом деле перемещение мельчайших частиц. Между тем без исследования и выяснения этих двух вещей, о которых мы сказали, нельзя достигнуть ничего значительного в природе в практическом отношении. Далее, и сама природа воздуха и всех тел, которые превосходят воздух тонкостью (а их много), почти неизвестна. Чувство само по себе слабо и заблуждается, и немногого стоят орудия, предназначенные для усиления и обострения чувств. Всего вернее истолкование природы достигается посредством наблюдений в соответствующих, целесообразно поставленных опытах. Здесь чувство судит только об опыте, опыт же — о природе и о самой вещи.

LI

Человеческий ум по природе своей устремлен на абстрактное и текучее мыслит как постоянное. Но лучше рассекать природу на части, чем абстрагироваться. Это и делала школа Демокрита, которая глубже, чем другие, проникла в природу. Следует больше изучать материю, ее внутреннее состояние и изменение состояния, чистое действие[16] и закон действия или движения, ибо формы суть выдумки человеческой души, если только не называть формами эти законы действия.

LII

Таковы те идолы, которых мы называем идолами рода. Они происходят или из единообразия субстанции человеческого духа, или из его предвзятости, или из его ограниченности, или из неустанного его движения, или из внушения страстей, или из неспособности чувств, или из способа восприятия.

LIII

Идолы пещеры происходят из присущих каждому свойств как души, так и тела, а также из воспитания, из привычек и случайностей. Хотя этот род идолов разнообразен и многочислен, все же укажем на те из них, которые требуют больше всего осторожности и больше всего способны совращать и загрязнять ум.

LIV

Люди любят или те частные науки и теории, авторами и изобретателями которых они считают себя, или те, в которые они вложили больше всего труда и к которым они больше всего привыкли. Если люди такого рода посвящают себя философии и общим теориям, то под воздействием своих предшествующих замыслов они искажают и портят их. Это больше всего заметно у Аристотеля, который свою натуральную философию совершенно предал своей логике и тем сделал ее сутяжной и почти бесполезной. Химики также на немногих опытах в лаборатории основали свою фантастическую и малопригодную философию. Более того, Гильберт после усердных упражнений в изучении магнита тотчас придумал философию, соответствующую тому, что составляло для него преобладающий интерес.

LV

Самое большое и как бы коренное различие умов в отношении философии и наук состоит в следующем. Одни умы более сильны и пригодны для того, чтобы замечать различия в вещах, другие — для того, чтобы замечать сходство вещей. Твердые и острые умы могут сосредоточить свои размышления, задерживаясь и останавливаясь на каждой тонкости различий. А умы возвышенные и подвижные распознают и сопоставляют тончайшие вездеприсущие подобия вещей. Но и те и другие умы легко заходят слишком далеко в погоне либо за подразделениями вещей, либо за тенями.

LVI

Одни умы склонны к почитанию древности, другие увлечены любовью к новизне. Но немногие могут соблюсти такую меру, чтобы и не отбрасывать то, что справедливо установлено древними, и не пренебречь тем, что верно предложено новыми. Это наносит большой ущерб философии и наукам, ибо это скорее следствие увлечения древним и новым, а не суждения о них. Истину же надо искать не в удачливости какого-либо времени, которая непостоянна, а в свете опыта природы, который вечен.

Поэтому нужно отказаться от этих устремлений и смотреть за тем, как бы они не подчинили себе ум.

LVII

Созерцания природы и тел в их простоте размельчают и расслабляют разум; созерцания же природы и тел в их сложности и конфигурации оглушают и парализуют разум. Это более всего заметно в школе Левкиппа и Демокрита, если поставить ее рядом с учениями других философов. Ибо эта школа так погружена в части вещей, что пренебрегает их построением; другие же так воодушевлены созерцанием строения вещей, что не проникают в простоту природы. Поэтому эти созерцания должны чередоваться и сменять друг друга с тем, чтобы разум сделался одновременно проницательным и восприимчивым и чтобы избежать указанных нами опасностей и тех идолов, которые из них проистекают.

LVIII

Осмотрительность в созерцаниях должна быть такова, чтобы не допустить и изгнать идолы пещеры, кои преимущественно происходят либо из господства прошлого

опыта, либо от избытка сопоставления и разделения, либо из склонности к временному, либо из обширности и ничтожности объектов. Вообще пусть каждый созерцающий природу вещей считает сомнительным то, что особенно сильно захватило и пленило его разум. Необходима большая предосторожность в случаях такого предпочтения, чтобы разум остался уравновешенным и чистым.

LIX

Но тягостнее всех идолы площади, которые проникают в разум вместе со словами и именами. Люди верят, что их разум повелевает словами. Но бывает и так, что слова обращают свою силу против разума. Это сделало науки и философию софистическими и бездейственными. Большая же часть слов имеет своим источником обычное мнение и разделяет вещи в границах, наиболее очевидных для разума толпы. Когда же более острый разум и более прилежное наблюдение хотят пересмотреть эти границы, чтобы они более соответствовали природе, слова становятся помехой. Отсюда и получается, что громкие и торжественные диспуты ученых часто превращаются в споры относительно слов и имен, а благоразумнее было бы (согласно обычаю и мудрости математиков) с них и начать для того, чтобы посредством определений привести их в порядок. Однако и такие определения вещей, природных и материальных, не могут исцелить этот недуг, ибо и сами определения состоят из слов, а слова рождают слова, так что было бы необходимо дойти до частных примеров, их рядов и порядка, как я скоро и скажу, когда перейду к способу и пути установления понятий и аксиом.

LX

Идолы, которые навязываются разуму словами, бывают двух родов. Одни — имена несуществующих вещей (ведь подобно тому как бывают вещи, у которых нет имени, потому что их не замечают, так бывают и имена, за которыми нет вещей, ибо они выражают вымысел); другие — имена существующих вещей, но неясные, плохо определенные и необдуманно и необъективно отвлеченные от вещей. Имена первого рода: «судьба», «перводвигатель», «круги планет», «элемент огня» и другие выдумки такого же рода, которые проистекают из пустых и ложных теорий. Этот род идолов отбрасывается легче, ибо для их искоренения достаточно постоянного опровержения и устаревания теорий.

Но другой род сложен и глубоко укоренился. Это тот, который происходит из плохих и неумелых абстракций. Для примера возьмем какое-либо слово — хотя бы «влажность» — и посмотрим, согласуются ли между собой различные случаи, обозначаемые этим словом. Окажется, что слово «влажность» есть не что иное, как смутное обозначение различных действий, которые не допускают никакого объединения или сведения. Оно обозначает и то, что легко распространяется вокруг другого тела; и то, что само по себе не имеет устойчивости; и то, что движется во все стороны; и то, что легко разделяется и рассеивается; и то, что легко соединяется и собирается; и то, что легко течет и приходит в движение; и то, что легко примыкает к другим телам и их увлажняет; и то, что легко обращается в жидкое или тает, если перед тем пребывало твердым. Поэтому, если возникает вопрос о применимости этого слова, то, взяв одно определение, получаем, что пламя влажно, а взяв другое — что воздух не влажен. При одном — мелкая пыль влажна, при другом — стекло влажно. И так становится вполне ясным, что это понятие необдуманно отвлечено только от воды и от обычных жидкостей без какой бы то ни было должной проверки.

Тем не менее в словах имеют место различные степени негодности и ошибочности. Менее порочен ряд названий субстанций, особенно низшего вида и хорошо очерченных (так, понятия «мел», «глина» хороши, а понятие «земля» дурно); более порочный род — такие действия, как «производить», «портить», «изменять»; наиболее порочный род — такие качества (исключая непосредственные восприятия чувств), как «тяжелое», «легкое», «тонкое», «густое» и т. д. Впрочем, в каждом роде одни понятия по необходимости должны быть немного лучше других, смотря по тому, как воспринимается человеческими чувствами множество вещей.

LXI

Идолы театра не врождены и не проникают в разум тайно, а открыто передаются и воспринимаются из вымышленных теорий и из превратных законов доказательств. Однако попытка опровергнуть их решительно не соответствовала бы тому, что сказано нами. Ведь если мы не согласны ни относительно оснований, ни относительно доказательств, то невозможны никакие доводы к лучшему. Честь древних остается незатронутой, у них ничего

не отнимается, потому что вопрос касается только пути. Как говорится, хромой, идущий по дороге, опережает того, кто бежит без дороги. Очевидно и то, что, чем более ловок и быстр бегущий по бездорожью, тем больше будут его блуждания.

Наш же путь открытия наук таков, что он немногое оставляет остроте и силе дарований, но почти уравнивает их. Подобно тому как для проведения прямой линии или описания совершенного круга много значат твердость, умелость и испытанность руки, если действовать только рукой,— мало или совсем ничего не значит, если пользоваться циркулем и линейкой. Так обстоит и с нашим методом. Однако, хотя отдельные опровержения здесь не нужны, надо кое-что сказать о видах и классах этого рода теорий. Затем также и о внешних признаках их слабости и, наконец, о причинах такого злосчастного долгого и всеобщего согласия в заблуждении, чтобы приближение к истине было менее трудным и чтобы человеческий разум охотнее очистился и отверг идолы.

LXII

Идолы театра или теорий многочисленны, и их может быть еще больше, и когда-нибудь их, возможно, и будет больше. Если бы в течение многих веков умы людей не были заняты религией и теологией и если бы гражданские власти, особенно монархические, не противостояли такого рода новшествам, пусть даже умозрительным, и, обращаясь к этим новшествам, люди не навлекали на себя опасность и не несли ущерба в своем благосостоянии, не только не получая наград, но еще и подвергаясь презрению и недоброжелательству, то, без сомнения, были бы введены еще многие философские и теоретические школы, подобные тем, которые некогда в большом разнообразии процветали у греков. Подобно тому как могут быть измышлены многие предположения относительно явлений небесного эфира, точно так же и в еще большей степени могут быть образованы и построены разнообразные догматы относительно феноменов философии. Вымыслам этого театра свойственно то же, что бывает и в театрах поэтов, где рассказы, придуманные для сцены, более слажены и красивы и скорее способны удовлетворить желания каждого, нежели правдивые рассказы из истории.

Содержание же философии вообще образуется путем выведения многого из немногого или немногого из

многого, так что в обоих случаях философия утверждается на слишком узкой основе опыта и естественной истории и выносит решения из меньшего, чем следует. Так, философы рационалистического толка выхватывают из опыта разнообразные и тривиальные факты, не познав их точно, не изучив и не взвесив прилежно. Все остальное они возлагают на размышления и деятельность ума.

Есть ряд других философов, которые, усердно и тщательно потрудившись над немногими опытами, отважились вымышлять и выводить из них свою философию, удивительным образом извращая и толкуя все остальное применительно к ней.

Существует и третий род философов, которые под влиянием веры и почитания примешивают к философии богословие и предания. Суетность некоторых из них дошла до того, что они выводят науки от духов и гениев. Таким образом, корень заблуждений ложной философии троякий: *софистика, эмпирика* и *суеверие*.

LXIII

Наиболее заметный пример первого рода являет Аристотель, который своей диалектикой испортил естественную философию, так как построил мир из категорий и приписал человеческой душе, благороднейшей субстанции, род устремления второго порядка [17]; действие плотности и разреженности, посредством которых тела получают большие и меньшие размеры или протяженность, он определил безжизненным различием акта и потенции; он утверждал, что каждое тело имеет свое собственное единственное движение, если же тело участвует в другом движении, то источник этого движения находится в другом теле; и неисчислимо много другого приписал природе по своему произволу. Он всегда больше заботился о том, чтобы иметь на все ответ и словами высказать что-либо положительное, чем о внутренней истине вещей. Это обнаруживается наилучшим образом при сравнении его философии с другими философиями, которые славились у греков. Действительно, гомеомерии — у Анаксагора, атомы — у Левкиппа и Демокрита, земля и небо — у Парменида, раздор и дружба — у Эмпедокла, разрежение тел в безразличной природе огня и возвращение их к плотному состоянию — у Гераклита — все это имеет в себе что-либо от естественной философии, напоминает о природе вещей, об опыте, о телах. В физике же Аристотеля нет ничего другого, кроме звучания диалектических слов. В своей

метафизике он это вновь повторил под более торжественным названием, будто бы желая разбирать вещи, а не слова. Пусть не смутит кого-либо то, что в его книгах «О животных», «Проблемы» и в других его трактатах часто встречается обращение к опыту. Ибо его решение принято заранее, и он не обратился к опыту, как должно, для установления своих мнений и аксиом; но, напротив, произвольно установив свои утверждения, он притягивает к своим мнениям искаженный опыт, как пленника. Так что в этом отношении его следует обвинить больше, чем его новых последователей (род схоластических философов), которые вовсе отказывались от опыта.

LXIV

Эмпирическая школа философов выводит еще более нелепые и невежественные суждения, чем школа софистов или рационалистов, потому что эти суждения основаны не на свете обычных понятий (кои хотя и слабы, и поверхностны, но все же некоторым образом всеобщи и относятся ко многому), но на узости и смутности немногих опытов. И вот, такая философия кажется вероятной и почти несомненной тем, кто ежедневно занимается такого рода опытами и развращает ими свое воображение; всем же остальным она кажется невероятной и пустой. Яркий пример этого являют химики и их учения. У других это вряд ли встречается теперь, разве только в философии Гильберта. Но пренебречь предосторожностью против такого рода философий не следует. Ибо я уже предчувствую и предсказываю, что если люди, побужденные нашими указаниями и распростившись с софистическими учениями, серьезно займутся опытом, то тогда, вследствие преждевременной и торопливой горячности разума и его стремления вознестись к общему и к началам вещей, возможно, возникнет большая опасность от философий этого рода. Это зло мы должны предупредить уже теперь.

LXV

Извращение философии, вызываемое примесью суеверия или теологии, идет еще дальше и приносит величайшее зло философиям в целом и их частям. Ведь человеческий разум не менее подвержен впечатлениям от вымысла, чем впечатлениям от обычных понятий. Философия сутяжная и софистическая запутывает разум, другая же философия, полная вымыслов и как бы поэтическая, больше льстит ему. Ибо в людях не меньше часто-

любия разума, чем честолюбия воли, особенно в глубоких и возвышенных дарованиях.

Яркий пример этого рода мы видим у греков, в особенности у Пифагора; но у него философия смешана с грубым и обременительным суеверием. Тоньше и опаснее это изложено у Платона и у его школы. Встречается оно и в некоторых разделах других философий — там, где вводятся абстрактные формы, конечные причины, первые причины, где очень часто опускаются средние причины, и т. п. Этого надо как можно больше остерегаться. Апофеоз заблуждений есть злейшее дело, и поклонение суетному равносильно чуме разума. Однако, погрузившись в эту суету, некоторые из новых философов [18] с величайшим легкомыслием дошли до того, что попытались основать естественную философию на первой главе книги Бытия, на книге Иова и на других священных писаниях. Они ищут мертвое среди живого. Эту суетность надо тем более сдерживать и подавлять, что из безрассудного смешения божественного и человеческого выводится не только фантастическая философия, но и еретическая религия. Поэтому спасительно будет, если трезвый ум отдаст вере лишь то, что ей принадлежит.

LXVI

Уже достаточно сказано о сомнительных достоинствах философий, основанных либо на обычных понятиях, либо на немногочисленных опытах, либо на суеверии. Пора сказать и о порочности предмета умозрений, особенно в естественной философии. Ибо разум человеческий заражается созерцанием того, что совершается в механических искусствах, где тела чаще всего изменяются путем соединения или разделения, и предполагает, будто нечто подобное совершается во всеобщей природе вещей. Отсюда возникла выдумка об элементах и их соединении для образования естественных тел [19]. С другой стороны, если человек созерцает природу в ее свободном состоянии, он встречается с видами вещей, животных, растений, минералов. Отсюда он легко склоняется к заключению, что в природе существуют какие-то первичные формы вещей, которые природа стремится воспроизвести, и что остальное разнообразие вещей происходит из-за препятствий и отклонений, возникающих в процессе творчества природы, или из-за столкновений различных видов и из пересаживания одного вида в другой. Первое соображение породило у нас идею о первичных элементарных качествах,

второе — о скрытых свойствах[20] и специфических способностях. И то и другое относится к роду пустых умствований, в которых душа успокаивается и отступается от более твердого знания. Медики, однако, дали нечто лучшее, говоря о вторичных качествах и действиях вещей: притяжении, отталкивании, разрежении, сгущении, расширении, сжатии, раздроблении, созревании и т. п. Они преуспели бы больше, если бы двумя вымыслами (о которых я уже говорил) — элементарных качеств и специфических способностей — не портили того, что было ими намечено правильно относительно вторичных качеств, сведением последних к первичным качествам и их тонким неизмеримым смешениям и если бы еще более усердным наблюдением довели их до качеств третьей и четвертой степени, вместо того чтобы преждевременно обрывать исследование. Подобные же качества (я не говорю те же самые) нужно искать не только в способах врачевания человеческого тела, но и в изменениях других тел природы.

Еще большее зло исходит из того, что созерцаются и исследуются покоящиеся основания вещей, из которых — а не движущие, *посредством которых* — происходят вещи. Ибо там речь идет о словах, здесь — о действиях. Ничего не стоят те обычные различения движения, которые известны в общепринятой естественной философии: возникновение, уничтожение, увеличение, уменьшение, изменение и перемещение. В самом деле они означают следующее. Если тело не изменяется ни в чем другом, но сдвинуто с места, то это *перемещение*. Если оно остается на своем месте и в своем виде, но меняет состояние, то это *изменение*. Если же при изменении сама масса и количество тела не остаются теми же, то это движение *увеличения* или *уменьшения*. Если же тела меняются настолько, что меняется самый вид их и сущность и они переходят в другие тела, то это есть *возникновение* и *уничтожение*. Но все это слишком упрощенно и никоим образом не проникает в природу, ибо это только меры и периоды, а не виды движения. Они показывают лишь *насколько*, а не *каким образом* или *из какого источника*. Они ничего не указывают ни в отношении устремления тел, ни в отношении продвижения их частей, а только, когда движение представляет чувству вещь резко иной, чем она была, устанавливают свои разграничения. А когда эти философы хотят объявить что-либо о причинах движений и на основании этого установить их разделение, они

с величайшей беспечностью вводят различие между естественным и насильственным движением[21]. Это различие также всецело относится к вульгарным представлениям, потому что всякое насильственное движение есть также естественная вещь: внешнее действие заставляет природу вещи действовать иным образом, нежели раньше.

Но если бы кто-нибудь, отбросив все это, заметил, например, что в телах есть стремление ко взаимному соприкосновению, которое не допускает разрыва и разобщения единства природы и образования пустоты; или сказал бы, что в телах есть стремление к возвращению в свои естественные размеры и протяжения, так что при сжатии или расширении они готовы тотчас возвратиться в свой прежний объем и протяженность; или сказал бы, что в телах есть стремление к соединению с массой той же природы, а именно в плотных — к соединению с земным шаром, в тонких и разреженных — с окружностью неба, то указал бы на движение физического рода. А те, перечисленные выше, движения являются только логическими и схоластическими, как это и становится очевидным из этого сравнения.

Не меньшее зло состоит и в том, что в философии и размышлениях своих они направляют усилия на исследование начал вещей и последних оснований природы, в то время как вся польза и практическая действенность заключаются в средних аксиомах. Отсюда и получается, что люди продолжают абстрагироваться от природы до тех пор, пока не приходят к потенциальной, бесформенной материи; и не перестают рассекать природу до тех пор, пока не дойдут до атома. И если бы даже это было истинно, то немногим могло бы содействовать благосостоянию людей.

LXVII

Надо также предостеречь разум против той неумеренности, с которой философы выражают свое согласие или несогласие с чем-либо. Ибо такого рода неумеренность явно укрепляет идолы и как бы их увековечивает, так что не остается и доступа для их ниспровержения.

Существуют две ошибочные крайности. В одну впадают те, которые легко приходят к окончательным утверждениям и делают науки докторальными и догматическими. В другую — те, кто ввел акаталепсию и смутные, расплывчатые умозрения. Ошибка первого рода подавляет разум, ошибка второго рода ослабляет его. Так философия

Аристотеля уничтожила полемическими опровержениями остальные философии, наподобие того как поступают оттоманские султаны со своими братьями [22], и обо всем вынесла решение. Она сама заново ставит вопросы, по своему усмотрению разрешает их, так что все оказывается несомненным и определенным. Это сохраняет силу и находит применение и у ее последователей.

Школа Платона ввела акаталепсию сначала как бы для забавы и насмешки, из ненависти к древним софистам — Протагору, Гиппию и остальным, которые больше всего боялись показаться сомневающимися в чем-либо. Новая же Академия возвела акаталепсию в догму и открыто провозгласила ее. Хотя это более достойно, нежели выносить произвольные решения, ибо они сами про себя говорили, что в отличие от Пиррона и ефектиков [23] они не отвергают исследование, а следуют за тем, что представляется вероятным, правда не считая ничего истинным, все же человеческая душа, раз она отчаялась найти истину, становится менее деятельной. Отсюда получается, что люди более склонны к занимательным спорам и разговорам и к блужданию от одной вещи к другой, чем к строгому исследованию. Но, как мы уже вначале сказали и постоянно говорим, не следует лишать значения человеческий разум и чувства, как бы слабы они ни были, но следует оказывать им помощь.

LXVIII

Итак, об отдельных видах идолов и об их проявлениях мы уже сказали. Все они должны быть отвергнуты и отброшены твердым и торжественным решением, и разум должен быть совершенно освобожден и очищен от них. Пусть вход в царство человека, основанное на науках, будет почти таким же, как вход в царство небесное, «куда никому не дано войти не уподобившись детям».

LXIX

Порочные же доказательства суть как бы защита и прикрытие идолов. Те доказательства, которые мы имеем в диалектике, сводятся почти целиком к тому, что отдают и подчиняют мир человеческим умствованиям, а эти умствования — словам. Между тем доказательства по силе своей сами суть философии и знания. Ибо, каковы они — правильно или плохо построены, таковы и философия, и созерцания, которые за ними следуют. Ложны и невеже-

ственны те доказательства, которыми мы пользуемся на том общем пути, что ведет от вещей и чувств к аксиомам и заключениям. Этот путь состоит из четырех частей и имеет столько же пороков. Во-первых, порочны впечатления самого чувства, ибо чувство и сбивает с толку и вводит в заблуждение. Поэтому должно исправить то, что вводит в заблуждение, и упредить то, что сбивает с толку. Во-вторых, понятия плохо отвлечены от впечатлений чувств, неопределенны и спутаны, тогда как должны быть определенными и хорошо разграниченными. В-третьих, плоха та индукция, которая заключает об основах наук посредством простого перечисления, не привлекая исключений и разложений или разделений, которых требует природа. Наконец, матерь заблуждений и бедствие всех наук есть тот способ открытия и проверки, когда сначала строятся самые общие основания, а потом к ним приспособляются и посредством их проверяются средние аксиомы. Но об этом, чего мы теперь касаемся мимоходом, мы скажем более пространно, когда, совершенно очистив и исцелив ум, покажем истинный путь истолкования природы.

LXX

Самое лучшее из всех доказательств есть опыт, если только он коренится в эксперименте. Ибо если он переносится и на другое, что считается сходным, и это перенесение не производится должным образом, то опыт становится обманчивым. Но тот способ пользования опытом, который люди теперь применяют, слеп и неразумен. И потому, что они бродят и блуждают без всякой верной дороги и руководствуются только теми вещами, которые попадаются навстречу, они обращаются ко многому, но мало подвигаются вперед. Порой они сильно стремятся, порой рассеиваются, и всегда находят предмет для дальнейших поисков. Можно сказать, что люди легкомысленно и словно забавляясь производят испытания, слегка изменяя уже известные опыты, и, если дело не удается, они пресыщаются и оставляют попытку. Но если даже они принимаются за опыты более вдумчиво, с большим постоянством и трудолюбием, они вкладывают свою работу в какой-либо один опыт, например Гильберт — в магнит, алхимики — в золото. Такой образ действий людей и невежествен и беспомощен. Никто не отыщет удачно природу вещи в самой вещи — изыскание должно быть расширено до более общего.

Если же они пытаются вывести из опытов какую-либо науку или учение, то почти всегда с излишне торопливым и несвоевременным усердием отклоняются к практике. Они так поступают не столько затем, чтобы получить таким путем пользу и прибыль, но для того, чтобы в какой-нибудь новой работе добыть доказательство того, что они не без пользы смогут заниматься и другим, а также и для того, чтобы показать себя другим и придать бо́льшую цену тому, чем они заняты. Так они, наподобие Аталанты, сходят с пути для того, чтобы поднять золотое яблоко, прерывая тем временем свой бег и упуская победу из рук. На истинном же пути опыта, на приведении его к новым творениям должны быть всеми взяты за образец божественная мудрость и порядок. Бог в первый день творения создал только свет, отдав этому делу целый день и не сотворив в этот день ничего материального. Подобным же образом прежде всего до́лжно из многообразного опыта извлекать открытие истинных причин и аксиом и до́лжно искать светоносных, а не плодоносных опытов. Правильно же открытые и установленные аксиомы вооружают практику не поверхностно, а глубоко и влекут за собой многочисленные ряды практических приложений. Но о путях опыта, которые заграждены и затруднены не меньше, чем пути суждения, мы будем говорить после. Здесь мы говорили только об обычном опыте как о дурном доказательстве. Теперь же порядок вещей требует, чтобы мы присоединили к этому что-нибудь о тех признаках (о них мы упомянули ранее), которые свидетельствуют о дурном употреблении философий и теорий и о причинах этого явления, которое на первый взгляд кажется столь удивительным и неправдоподобным. Ведь понимание признаков, или указаний, подготовляет согласие, а объяснение причин устраняет кажущееся чудо. И то и другое во многом помогает более легкому и спокойному искоренению идолов из разума.

LXXI

Науки, которые у нас есть, почти все имеют источником греков. Того, что прибавили римские, арабские или новейшие писатели, немного, и оно не имеет большого значения[24]; да и каково бы оно ни было, оно основано на том, что уже открыли греки. Но мудрость греков была профессорская и расточалась в спорах, а этот род мудрости

в наибольшей степени противен исследованию истины. Поэтому название «софисты», которое те, кто хотел считаться философами, пренебрежительно прилагали к древним риторам — Горгию, Протагору, Гиппию, Полу, подходит и ко всему роду — к Платону, Аристотелю, Зенону, Эпикуру, Теофрасту и к их преемникам — Хризиппу, Карнеаду и остальным. Разница была лишь в том, что первый род софистов был бродячий и наемный: они проходили по городам, выставляли напоказ свою мудрость и требовали платы; другой же род софистов был более респектабелен и благороден, ибо он состоял из тех, кто имел постоянное жительство, кто открывал школы и даром поучал своей философии. Но оба эти рода, хотя и неодинаковые в других отношениях, состояли из поучающих. Они сводили дело к спорам и строили и отстаивали некие школы и направления в философии, так что их учения были подобны «словам праздных стариков к неопытным юношам», как неплохо пошутил Дионисий [25] над Платоном. Но более древние из греков — Эмпедокл, Анаксагор, Левкипп, Демокрит, Парменид, Гераклит, Ксенофан, Филолай и остальные (Пифагора опускаем из-за его суеверий), насколько мы знаем, не открывали школ, но с большей сдержанностью, строгостью и простотой, т. е. с меньшим самомнением и хвастовством, отдавались отысканию истины. И потому-то они, как мы полагаем, достигли большего. Только труды их с течением времени были вытеснены теми более легковесными, которые больше соответствуют и более угодны обычному пониманию и вкусу, ибо время, подобно реке, доносит до нас более легкое и раздутое, поглощая более тяжелое и твердое. Но и эти философы не были вполне свободны от порока их нации: они слишком склонялись к тщеславию и суетности основания школ и снисканию славы в народе. Нельзя надеяться на отыскание истины, когда склоняются к суетностям этого рода. И не должно упускать из виду известное суждение или, скорее, пророчество египетского жреца о греках: «Они всегда были детьми и не владели ни древностью науки, ни наукой древности» [26]. И действительно, у них была детская черта: они были скоры на болтовню, но не могли создавать. Их мудрость представляется богатой словами, но бесплодной в делах. Итак, указания для суждения о той философии, которой ныне пользуются, получаемые на основании ее начал и происхождения, неблагоприятны.

LXXII

Те указания, или признаки, которые могут быть почерпнуты из природы времени и века, немногим лучше почерпнутых из природы места и народа. Ибо в ту эпоху знание было слабым и ограниченным как по времени, так и по пространству, а это хуже всего для тех, кто все возлагает на опыт. У греков не было тысячелетней истории, которая была бы достойна имени истории, а только сказки и молва древности. Они знали только малую часть стран и областей мира и без различения называли всех живущих на севере скифами, а всех живущих на западе — кельтами. В Африке они ничего не знали дальше ближайшей части Эфиопии, в Азии — ничего дальше Ганга. Тем более ничего они не знали про области Нового Света, хотя бы по слуху или по какой-нибудь твердой и определенной молве. Мало того, многие климаты и зоны, в которых живут и дышат бесчисленные народы, были ими объявлены необитаемыми; наконец, странствия Демокрита, Платона, Пифагора — отнюдь не дальние, а, скорее, пригородные — прославлялись ими как что-то великое. В наше же время становятся известными многие части Нового Света и самые отдаленные части Старого Света, и до бесконечности разрослась груда опытов. Поэтому, если мы, подобно астрологам, будем истолковывать сопутствующие знаки из времени происхождения или рождения этих философий, то ничего значительного для них, по-видимому, не обнаружим.

LXXIII

Среди указаний, или признаков, нет более верного и заслуживающего внимания, чем принесенные плоды. Ибо плоды и практические изобретения суть как бы поручители и свидетели истинности философий. И вот из всех философий греков и из частных наук, происходящих из этих философий, на протяжении стольких лет едва ли можно привести хотя бы один опыт, который облегчал бы и улучшал положение людей и который действительно можно было бы приписать умозрениям и учениям философии. Цельс прямодушно и благоразумно признает это, говоря, что в медицине сначала были найдены опыты, а потом люди стали рассуждать о них, искать и приписывать им причины, и не бывало наоборот — чтобы из философии и из самого знания причин открывали и черпали опыт [27]. Поэтому неудивительно, что у египтян, которые наделяли божественностью и святостью изобретателей

вещей, больше было изображений неразумных животных, чем людей, ибо неразумные животные открыли многое посредством естественных побуждений, а люди своими речами и рассуждениями произвели мало или ничего не произвели.

Кое-что принесла деятельность алхимиков, но как бы случайно и мимоходом или из некоторого видоизменения опытов (как обычно делают механики), а не благодаря какому-либо искусству или теории. Ибо та теория, которую они измыслили, больше вносит путаницы в опыты, чем способствует им. Также и те, кто погрузился в так называемую натуральную магию, открыли немногое, да она и легковесна, и близка к плутовству. Как религия предписывает, чтобы вера обнаруживалась в делах, так то же самое наилучшим образом применимо и к философии: судить о ней нужно по плодам и считать суетной ту, которая бесплодна, особенно если вместо плодов винограда и оливы она приносит шипы и чертополох споров и препирательств.

LXXIV

Указания дóлжно также брать из роста и развития философии и наук. Ибо то, что основано на природе, растет и преумножается, а то, что на мнении, меняется, но не растет. Поэтому, если бы эти учения не были подобны растениям, оторванным от своих корней, а держались бы у древа природы и питались бы от него, то никак не случилось бы того, что мы видим совершающимся уже в течение двух тысячелетий: науки не выходят из своей колеи, остаются почти в том же состоянии и не получают заметного приращения; они даже более процветали у первых создателей, а затем пришли в упадок. В механических же искусствах, основание которых — природа и свет опыта, мы видим, происходит обратное. Механические искусства (с тех пор как они привлекли к себе внимание), как бы исполненные некоего дыхания, постоянно крепнут и возрастают. В своем непрерывном возвышении они вначале кажутся грубыми, затем оцениваются как полезные и наконец становятся почитаемыми.

LXXV

Дóлжно рассмотреть еще одно указание, если только это уместно назвать указанием, ибо здесь, скорее, свидетельство, притом самое сильное из всех свидетельств. Это собственное признание сочинителей, за которыми люди ныне следуют. Ведь даже те, кто с такой твердой

уверенностью судит о вещах, все же обращаются к жалобам на тонкость природы, смутность вещей и слабость человеческого разума, когда по временам приходят в себя. И если бы это делалось попросту, то могло бы одних, более боязливых, отвратить от дальнейших изысканий, а других, более смелых и бодрых разумом, побудить и вдохновить к дальнейшему движению вперед. Однако они не довольствуются признанием этого для себя, но оставляют за пределами возможного все то, что было не познано или не затронуто ими или их учителями, и как бы на основе своего знания, умения и опыта провозглашают, что это невозможно познать или совершить. Так они с величайшей надменностью и завистью обращают слабость своих открытий в клевету против самой природы и в малодушие всех других. Отсюда и возникла школа Новой Академии, которая открыто провозгласила акаталепсию и приговорила людей к вечному мраку. Отсюда и мнение, что формы или истинные отличия вещей, которые в действительности суть законы чистого действия, открыть невозможно и что они лежат за пределами человеческого. Отсюда и эти суждения в области действия и практики: что тепло солнца совершенно отличается от тепла огня, т. е. что не следует людям думать, будто с помощью огня можно вывести или образовать что-либо подобное тому, что происходит в природе. Отсюда и это суждение: только составление есть работа человека, а смешивание — работа единой природы[28], т. е. люди не должны надеяться посредством науки произвести или преобразовать какое-либо из тел природы. Итак, это свидетельство легко убедит людей в том, что им не следует соединять свою судьбу и труды с учениями, которые не только безнадежны, но и посвящены безнадежному.

LXXVI

Нельзя оставить без внимания и то указание, что среди философов некогда было столько противоречий и такое разнообразие самих школ. Это достаточно показывает, что дорога от чувств к разуму не была достаточно надежна, так как один и тот же предмет философии (а именно природа вещей) в столь смутных и многообразных блужданиях был расхищен и разделен на части. И хотя в настоящее время разногласия и противоречия учений относительно самих начал и систем философии в большей части уже угасли, однако еще остаются бесчисленные вопросы и споры относительно отдельных частей

философии. А это ясно доказывает, что ни в самих философиях, ни в способе доказательств нет ничего верного или здравого.

LXXVII

Люди полагают, что философия Аристотеля во всяком случае принесла большее единогласие, ибо, после того как она появилась, более древние философии прекратили свой рост и были преданы забвению, а в те времена, которые за нею последовали, не было открыто ничего лучшего; так что эта философия столь хорошо построена и обоснована, что покорила себе и прошедшее и будущее время. Но, во-первых, ложно то, что люди думают о прекращении древних философий после выхода трудов Аристотеля. Еще долго после того, до самых времен Цицерона и до последовавших за ними веков, существовали труды древних философов. Но позднее, когда по причине нашествия варваров на Римскую империю человеческая наука потерпела как бы кораблекрушение, тогда-то философии Аристотеля и Платона были сохранены потоком времени, как доски из более легкого и менее твердого материала. Обманулись люди и относительно единогласия, если рассмотреть дело внимательнее. Ибо истинное единогласие состоит в совпадении свободных суждений после того, как вопрос исследован. Но величайшее большинство тех, кто пришел к согласию с философией Аристотеля, подчинилось ей по причине составленного заранее решения и авторитета других. Это, скорее, послушание и подчинение, чем согласие. Но если бы даже это было истинное и широкое согласие, то согласие не только не должно считаться надежным авторитетом, а, наоборот, служит сильным доводом в пользу противного мнения. Общее согласие — самое дурное предзнаменование в делах разума, исключая дела божественные и политические, где есть право подачи голоса. Ибо большинству нравится только то, что поражает воображение и охватывает ум сплетением обычных понятий, как сказано выше. Поэтому отлично подходит к делам разума то, что Фокион говорил о нравах: «Люди, если многие соглашаются и одобряют их, должны тотчас проверить себя, не ошиблись ли в чем и не согрешили ли»[29]. Этот признак принадлежит к самым неблагоприятным. Итак, уже сказано, что указания для истинности и здравости философий и наук, которыми ныне пользуются, неблагоприятны, брать ли их из самих

начал философий и наук, или из их результатов, или из их движения вперед, или из признания сочинителей, или из общего согласия.

LXXVIII

Теперь нужно подойти к причинам заблуждений и столь долгого сохранения их во все века. Причины эти многочисленны и могущественны и устраняют всякое удивление тому, что все приведенное мной оставалось до сих пор скрытым от людей. Остается удивляться только тому, что оно теперь наконец пришло на ум одному из смертных и возникло в чьей-то мысли. Мы даже считаем, что это, скорее, дело счастливого случая, чем какой-либо выдающейся способности. Это, скорее, надо считать порождением времени, чем дарования.

Во-первых, число всех веков, если правильно поразмыслить, оказывается весьма малым; ибо из двадцати пяти столетий, которые обнимают наука и память людей, едва ли можно выбрать и отделить шесть столетий, которые были бы плодотворны для науки или полезны для ее развития. Пустых, заброшенных областей во времени не меньше, чем в пространстве. По справедливости можно насчитать только три периода наук: один — у греков, другой — у римлян, третий — у нас, т. е. у западных народов Европы, и каждому из них можно уделить не более двух столетий. А промежуточные времена мира были несчастливы в посеве и урожае наук. И нет причины для того, чтобы упоминать арабов или схоластов, потому что в эти промежуточные времена они, скорее, подавляли науку многочисленными трактатами, чем прибавляли ей вес[30]. Итак, первая причина такого ничтожного преуспевания наук по всей справедливости должна быть отнесена к ограниченности времени, которое благоприятствовало им.

LXXIX

На втором месте предстает причина, несомненно, величайшего значения. Она состоит в том, что на протяжении тех самых времен, когда человеческий разум и научные занятия процветали в наиболее высокой степени или хотя бы посредственно, естественной философии уделялась самая малая доля человеческих трудов. А между тем именно она должна почитаться великой матерью наук. Ибо все науки и искусства, оторванные от ее ствола, хотя и могут быть усовершенствованы и приспособлены

для практики, но вовсе не могут расти. Известно же, что, после того как христианская вера была принята и окрепла, преобладающая часть лучших умов посвящала себя теологии. Этому были отданы высшие награды; этому были в изобилии предоставлены средства вспомоществования всякого рода; это занятие теологией преимущественно и поглотило ту треть, или тот период времени, который принадлежит нам, западным европейцам. Тем более что в одно и то же примерно время начали процветать науки и разгораться религиозные споры. В предшествующую же эпоху, в продолжение второго периода, у римлян, лучшие мысли и усилия философов были отданы моральной философии, которая была для язычников как бы теологией. Даже величайшие умы посвящали себя в те времена чаще всего гражданским делам вследствие величины Римской империи, которая нуждалась в работе очень многих людей. Время же, в течение которого естественная философия более всего процветала у греков, было наименее продолжительно. Ибо и в более древние времена все те семеро, которых называли мудрецами, за исключением Фалеса, посвятили себя моральной философии и политике; и в последующие времена, когда Сократ низвел философию с неба на землю, моральная философия приобрела еще большую силу и отвращала разум людей от естественной.

Даже тот самый период времени, когда исследования природы шли оживленно, испортили и сделали бесполезным противоречия и домогательства новых учений. Следовательно, поскольку в эти три периода естественная философия по большей части испытывала пренебрежение и затруднение, неудивительно, что люди мало успели в этом деле, раз они занимались совсем другим.

LXXX

К этому добавляется то, что даже в числе тех, кто занимался естественной философией, она едва ли имела хотя бы одного вполне свободного и полностью отдавшегося ей человека (особенно в недавние времена), разве только нам укажут на пример какого-нибудь монаха, размышляющего в своей келье, или знатного вельможу в своем поместьи; естественная философия сделалась как бы переходом и мостом к чему-либо другому.

Итак, эта великая матерь наук недостойным образом была низведена до обязанностей служанки, которая помогает в работе медицине и математике и которая омы-

вает незрелый разум юношей и как бы окропляет их первой краской для того, чтобы потом они уже легче и удобнее воспринимали другие. Между тем пусть никто не ждет большого прогресса в науках, особенно в их действенной части, если естественная философия не будет доведена до отдельных наук или же если отдельные науки не будут возвращены к естественной философии. Оттого и получается, что у астрономии, оптики, музыки, у многих видов механики и у самой медицины и даже — что более всего достойно удивления — у моральной и гражданской философии и науки логики почти нет никакой глубины, что они только скользят по поверхности и разнообразию вещей. Ибо, после того как эти отдельные науки были построены и разграничены, их уже более не питает естественная философия, которая могла бы их наделить новыми силами для роста из ее источников и истинного созерцания движений, лучей, звуков, строения и формы тел, страстей и умственных восприятий. Итак, неудивительно, что науки не растут, ибо они отделены от своих корней.

LXXXI

Очевидна далее и еще одна великая и могущественная причина того, что науки мало продвинулись вперед. Состоит она в следующем. Не может правильно совершаться ристание, если сама мета[31] положена и утверждена неправильно. Подлинная же и надлежащая мета наук не может быть другой, чем наделение человеческой жизни новыми открытиями и благами. Но подавляющее большинство людей науки ничего в этом не смыслит. Это большинство — только наставители и доктринеры, и лишь иногда случится, что мастер с более острым умом, желая славы, устремится к какому-либо новому открытию. Это он совершает почти с убытком для своего достояния. Но большинство не только не ставит себе целью увеличение всего содержания наук и искусств, но даже из имеющегося содержания ищет и берет не больше, чем может обратить для целей поучения или наживы, или для того, чтобы прославить свое имя, или для другой прибыли этого рода. А если найдется кто-либо из множества ученых, кто стремится к науке с благородной склонностью и ради нее одной, то и он скорее обратится к разнообразию существующих учений, чем к строгому и непреклонному разысканию истины. Если же кто-либо другой и окажется, возможно, более строгим искателем истины, то

и он поставит себе целью истину такого назначения, которая удовлетворит ум и разумение указанием причин вещей, известных уже ранее, а не ту, которая ведет к новым достижениям в практике и к новому свету аксиом. Поэтому если до сих пор никто не определил хорошо конечную цель наук, то не удивительно, что во всем подчиненном этой конечной цели последовало блуждание.

LXXXII

Подобно тому как люди плохо определяли конечную цель и мету наук, так же избирали они дорогу совершенно ошибочную и непроходимую, даже когда цель определялась ими правильно. И если кто поразмыслит, он будет глубоко поражен, что ни у кого из смертных не было заботы и попечения о том, чтобы открыть и проложить дорогу человеческому разуму при помощи самого чувства и приведенных в порядок и хорошо построенных опытов, но все было предоставлено или мраку преданий, или круговращению силлогизмов, или случайности и произволу смутного, неупорядоченного опыта. Пусть кто-нибудь усердно и трезво подумает над тем, каков тот путь, которого люди привыкли держаться в исследовании и открытии какой-либо вещи,— он прежде всего заметит, без сомнения, простой и безыскусственный метод открытия, наиболее свойственный людям. Этот метод состоит не в чем другом, как в том, что человек, готовясь и приступая к какому-либо исследованию, прежде всего отыскивает и изучает сказанное об этом другими, затем он прибавляет свои соображения и посредством усиленной работы разума возбуждает свой дух и как бы призывает его открыть свои прорицания. Тут все лишено основания и сводится только ко мнениям.

Иной призывает для открытия диалектику, которая имеет лишь номинальное отношение к тому, что рассматривается. Ибо открытие посредством диалектики не есть открытие начал и особых аксиом, из которых слагаются науки, но только того, что по видимости сообразно с ними. А более пытливых и настойчивых, более ревностных в своем деле, призывающих диалектику доказать или открыть начала или первые аксиомы, она известным ответом отталкивает к вере и как бы к клятве на верность какой-либо науке.

Остается просто опыт, который зовется случайным, если приходит сам, и экспериментом, если его отыскивают.

Но этот род опыта есть не что другое, как, по пословице, развязанная метла[32] или хождение ощупью, как ходят ночью, трогая все, что попадается навстречу, чтобы выбраться на верную дорогу, тогда как гораздо полезнее и обдуманнее было бы для них подождать дня или зажечь свет и затем уже вступить на дорогу. Истинный же метод опыта сначала зажигает свет, потом указывает светом дорогу: он начинает с упорядоченного и систематического опыта, отнюдь не превратного и отклоняющегося в сторону, и выводит из него аксиомы, а из построенных аксиом — новые опыты; ведь и божественное слово не действовало на массу вещей без распорядка!

И потому пусть люди перестанут удивляться тому, что путь наук еще не пройден, ибо они вовсе сбились с дороги, решительно оставив и покинув опыт или путаясь и блуждая в нем, как в лабиринте. Правильно же построенный метод неизменной стезей ведет через леса опыта к открытию аксиом.

LXXXIII

Указанное зло достигло устрашающих размеров, выросши из некоего укоренившегося исстари надменного и вредоносного мнения, или суждения. Оно состоит в том, что достоинство человеческого разума будет умалено, если он долго и много будет обращаться к опыту и частным вещам, подлежащим чувству и определенным в материи, тем более что вещи этого рода требуют прилежного искания и они слишком низменны для того, чтобы о них размышлять, слишком грубы, чтобы о них говорить, слишком неизящны для того, чтобы ими пользоваться, бесконечны по количеству и недостаточны по совершенству. И вот, дело дошло до того, что истинная дорога не только покинута, но даже закрыта и заграждена, а опыт находится в совершенном пренебрежении, не говоря уже о том, что он оставлен или дурно управляем.

LXXXIV

Помимо того людей удерживали от движения вперед и как бы околдовывали благоговение перед древностью, влияние людей, которые считались великими в философии, и обусловленные этим единогласие и согласие. О единогласии уже сказано выше.

Что же касается древности, то мнение, которого люди о ней придерживаются, вовсе не обдуманно и едва ли согласуется с самим словом. Ибо древностью следует по-

читать престарелость и великий возраст мира, а это должно отнести к нашим временам, а не к более молодому возрасту мира, который был у древних. Этот возраст по отношению к нам древен и более велик, а по отношению к самому миру нов и менее велик. И подобно тому как мы ожидаем от старого человека большего знания и более зрелого суждения о человеческих вещах, чем от молодого, по причине опытности и разнообразия и обилия вещей, которые он видел, о которых он слышал и размышлял, так и от нашего времени, если только оно познает свои силы и пожелает испытать и напрячь их, следует ожидать большего, чем от былых времен, ибо это есть старшее время мира, собравшее в себе бесконечное количество опытов и наблюдений.

Не должно считать малозначащим и то, что дальние плавания и странствования (кои в наши века участились) открыли и показали в природе много такого, что может подать новый свет философии. Поэтому было бы постыдным для людей, если бы границы умственного мира оставались в тесных пределах того, что было открыто древними, тогда как в наши времена неизмеримо расширились и прояснились пределы материального мира, т. е. земель, морей, звезд.

А что касается авторов, то высшее малодушие состоит в том, чтобы воздавать им бесконечно много, а у времени — у этого автора авторов и источника всякого авторитета — отнимать его права. Ибо правильно называют истину дочерью времени, а не авторитета. Поэтому неудивительно, что чары древности, писателей и единогласия столь связали мужество людей, что они, словно заколдованные, не смогли свыкнуться с самими вещами.

LXXXV

Не только восхищение перед древностью, авторитетом и единогласием побудило деятельность людей успокоиться на том, что уже открыто, но и восхищение перед самими творениями, изобилие которых уже давно создано человеческим родом. Ибо если кто-либо обратит взор на разнообразие вещей и прекраснейшее оборудование, которое механические искусства собрали и ввели для удобства людей, то он склонится, скорее, к тому, чтобы восхищаться богатством человечества, чем почувствовать его нужду, не замечая, что первичные наблюдения человека и те дела природы, кои суть как бы душа и первое движение всего этого разнообразия, не многочисленны и не

глубоко почерпнуты, что остальное относится только к терпеливости людей и к тонкому и правильному движению руки или орудий. Например, часы есть, несомненно, тонкая, тщательно изготовленная вещь, которая подражает небесному кругу своим вращением и биению сердца животных последовательным и размеренным движением. И все же эта вещь зависит от одной или двух аксиом природы.

А если кто-либо будет рассматривать тонкость свободных искусств или также изощренность в обработке естественных тел посредством механических искусств и рассмотрит вещи такого рода, как открытие небесных движений в астрономии, гармонии в музыке, алфавита (которым до сих пор не пользуются в государстве китайцев) в грамматике, или, возвращаясь к механическим искусствам, дела Вакха и Цереры, т. е. приготовление вина и пива, хлеба или даже изысканных яств, искусство перегонки жидкостей и тому подобное, то пусть он хорошенько подумает, сколько же должно было миновать времени для того, чтобы привести эти вещи к тому совершенству, какое они теперь имеют (ведь все это — открытия древние, за исключением перегонки жидкостей[33]), в сколь малой степени они получены из наблюдений и аксиом природы (как об этом уже сказано по поводу часов) и как легко и как бы случайными совпадениями и удачными наблюдениями все это могло быть открыто; обдумав это, он легко освободится от всякого восхищения и скорее пожалеет о человеческом жребии, о том, что так незначительны, бедны были во все века вещи и открытия. А кроме того, упомянутые сейчас открытия более древни, чем философия и науки. Так что если говорить правду, то вместе с началом рациональных и догматических наук этого рода прекратилось открытие полезных дел.

Если кто-либо обратится от мастерских к библиотекам и придет в восхищение от безграничного разнообразия книг, которое мы видим, то, исследовав и прилежнее рассмотрев содержание и предмет самих книг, он, конечно, поразится противоположному. После того как он заметит бесконечные повторения и то, как люди говорят и толкуют об одном и том же, он перейдет от восхищения перед разнообразием к удивлению перед малочисленностью тех вещей, которые до сих пор владели умами людей.

Если же кто-либо направит внимание на рассмотрение

того, что более любопытно, чем здраво, и глубже рассмотрит работы алхимиков и магов, то он, пожалуй, усомнится, чего эти работы более достойны — смеха или слез. Алхимик вечно питает надежду, и, когда дело не удается, он это относит к своим собственным ошибкам. Он обвиняет себя, что недостаточно понял слова науки или писателей, и поэтому обращается к преданиям и нашептываниям. Или он думает, что ошибка в каких-то мелких подробностях его работы, и поэтому до бесконечности повторяет опыт. Когда же в течение своих опытов он случайно приходит к чему-либо новому по внешности или заслуживающему внимания по своей пользе, он питает душу доказательствами этого рода и всячески превозносит и прославляет их, а в остальном хранит надежду. Не следует все же отрицать, что алхимики изобрели немало и подарили людям полезные открытия. Однако к ним неплохо подходит известная сказка о старике, который завещал сыновьям золото, зарытое в винограднике, но притворился, будто не знает точного места, где оно зарыто. Поэтому его сыновья прилежно взялись за перекапывание виноградника, и хотя они и не нашли никакого золота, но урожай от этой обработки стал более обильным.

Те же, кто занимался естественной магией, те, кто все сводил к симпатии и антипатии в силу праздных и беспочвенных догадок, приписывали вещам удивительные способности и действия. Даже если они чего-нибудь достигли, то эти дела более поразили своей новизной, чем принесли пользу своими плодами.

В суеверной же магии (если о ней надо говорить) следует обратить внимание на то, что существуют предметы определенного рода, общие у всех народов, во все века и даже во всех религиях, на которых играют и на которых основываются науки тайные и суеверные. Опустим их рассмотрение, хотя вовсе не удивительно, что мнение о богатстве этих наук явилось причиной их бедности.

LXXXVI

Восхищение людей перед учениями и науками, само по себе уже достаточно наивное и почти детское, преумножено еще хитростью и уловками тех, кто занимался науками и преподавал их. Ибо они представляют их с таким тщеславием и напыщенностью и приводят их к взору человека столь преображенными и как бы замаски-

рованными, как если бы они были совершенны и доведены до полной законченности. Если посмотреть на их метод и разделы, то может показаться, что они объемлют и заключают в себе все, что может быть отнесено к их предмету. И хотя их части плохо заполнены и подобны пустым ящикам, все же для обычного разумения они представляются как формы и основания целостной науки.

Первые же и древнейшие искатели истины, более добросовестные и более удачливые, обычно те знания, которые хотели почерпнуть из созерцания вещей и сделать пригодными для пользования, заключали в афоризмы, т. е. в короткие изречения, разрозненные и не связанные методом; они не притворялись, что владеют всеобщей наукой, и не обещали этого. А при нынешнем положении не удивительно, если люди ничего не ищут за пределами того, что им было передано как уже давно вполне законченное по совершенству и охвату.

LXXXVII

Даже древнее стало пользоваться большим почитанием и доверием вследствие суетности и легкомыслия тех, кто предложил новое,— в особенности в действенной и практической части естественной философии. Ведь немало было хвастливых и сумасбродных людей, которые отчасти из легкомыслия, отчасти в целях обмана осыпали человеческий род такими обещаниями, как: продление жизни, предотвращение старости, облегчение страданий, исправление природных недостатков, ублажение чувств, обуздание и возбуждение страстей, озарение и возвышение способностей разума, превращение вещества, усиление и умножение движений по желанию, изменение погоды и климата, управление небесными влияниями, предсказания будущего, приближение отдаленного, раскрытие тайного, и обещали и сулили еще многое другое. Немногим ошибется тот, кто скажет, что в учениях философии существует такое же различие между суетностями этих щедрых дарителей и истинными науками, какое в рассказах истории существует между делами Юлия Цезаря или Александра Македонского и Амадиса Галльского или Артура Британского[34]. Ведь эти славнейшие полководцы совершили много больше, чем выдумано содеянного теми призрачными героями, и они совершили это способом и путем действий отнюдь не сказочным и волшебным. Не следует отказывать в вере истинному известию по той причине, что доверие было уже обмануто сказками.

При всем том совсем не удивительно, если есть большое предубеждение против новых предложений (особенно когда поминают и об их применении в практике) из-за тех обманщиков, которые пытались делать нечто подобное. Ибо полнейшая суетность и вызываемое ею отвращение разрушили ныне всякое величие попыток такого рода.

LXXXVIII

Но еще больше нанесла наукам вреда мелочность и ничтожность тех задач, которые ставит перед собой человеческая деятельность. И притом, что хуже всего, эта мелочность предстает не без тщеславия и надменности.

Прежде всего во всех науках мы встречаем ту же ставшую обычной уловку, что создатели любой науки обращают бессилие своей науки в клевету против природы. И то, что недостижимо для их науки, то они на основании той же науки объявляют невозможным и в самой природе. Конечно, никакая наука не может быть осуждена, раз она сама же и судит. Так и философия, которой теперь располагают, содержит в своих недрах некие положения, касающиеся того (если рассмотреть более тщательно), чтобы совершенно убедить людей в невозможности ожидать от науки или от труда человека ничего высокого, такого, что могло бы повелевать природой и подчинить ее, как это уже было выше сказано о разнородности тепла светил и огня и о смешении. Все это, если изучить это более основательно, представляет несправедливую оценку человеческих сил и ведет к надуманному и искусственному отчаянию, которое не только рассеивает обнадеживающие предсказания, но и отсекает все побуждения и стремления к деятельности и уничтожает всякую возможность успеха самого опыта. Ведь стремясь к тщетной и суетнейшей славе, они заботятся только о том, чтобы их наука расценивалась как совершенная и чтобы все оставшееся до сих пор не открытым или не познанным считалось вообще недоступным открытию и познанию в будущем. Если же кто и посвящает себя этому делу и пытается открыть что-либо новое, то он ставит перед собой цель отыскать и исследовать какое-либо одно открытие, и не больше. Он будет исследовать или природу магнита, или прилив и отлив моря, систему неба и тому подобное, что кажется заключающим в себе некую тайну и до сих пор рассматривалось безуспешно. А между тем величайшее невежество представляет собой исследование природы какой-либо вещи в ней самой. Ибо та же самая

природа, которая в одних вещах кажется скрытой и тайной, в других вещах очевидна и почти ощутима; в этих вещах она возбуждает восхищение, а в тех даже не привлекает внимания. Так обстоит дело с природой плотности, которую в дереве или камне не замечают, довольствуясь названием твердости и не задаваясь вопросом о сопротивлении разделению и разрыву непрерывности; но то же самое явление кажется замечательным и замысловатым в пленке водяных пузырей, которые любопытнейшим образом принимают форму полушария, так что на мгновение задерживается разрыв непрерывности.

Так то, что в одних вещах считается скрытым, в других имеет явную и обычную природу, и она никогда не позволит рассмотреть себя, если опыты и наблюдения людей будут вращаться только в пределах первого. Вообще же обыкновенно в делах механических новыми открытиями считаются, если кто-либо тоньше обработал уже сделанное изобретение, или красивее убрал его, или соединил и сложил с чем-либо, или удобнее сочетал с пользованием, или представил работу в большем или меньшем размере, чем она была прежде, и тому подобное.

Поэтому совсем не удивительно, что значительные и достойные человеческого рода открытия не извлечены на свет, если люди удовлетворяются и восхищаются такими малыми и детскими задачами и притом еще считают, что в них они добиваются или достигают чего-то великого.

LXXXIX

Нельзя упускать и то, что во все века естественная философия встречала докучливого и тягостного противника, а именно суеверие и слепое, неумеренное религиозное рвение. Так, мы видим у греков, что те, которые впервые предложили непривычному еще человеческому слуху естественные причины молнии и бурь, были на этом основании обвинены в неуважении к богам [35]. И немногим лучше отнеслись некоторые древние отцы христианской религии к тем, кто при помощи вернейших доказательств (против которых ныне никто в здравом уме не станет возражать) установил, что земля кругла и как следствие этого утверждал существование антиподов [36].

Более того, по теперешнему положению дел условия для разговоров о природе стали более жестокими и опасными по причине учений и методов схоластов. Ибо схоласты не только в меру своих сил привели теологию в порядок и придали ей форму науки, но и вдобавок еще

добились того, что строптивая и колючая философия Аристотеля смешалась, более чем следовало, с религией.

Сюда же (хотя и иным образом) относятся и рассуждения тех, кто не постеснялся выводить и подкреплять истинность христианской религии из авторитетов философов. Они с большой пышностью и торжественностью прославляют этот как бы законный союз веры и рассудка и стараются привлечь души людей приятным разнообразием вещей, тогда как недостойным образом смешивают божественное и человеческое. Но в подобном смешении теологии и философии охватывается только то, что принято ныне в философии, а новое, хотя бы и измененное к лучшему, чуть ли не изгоняется и искореняется.

Наконец, мы видим, что по причине невежества некоторых теологов закрыт доступ к какой бы то ни было философии, хотя бы и самой лучшей. Одни просто боятся, как бы более глубокое исследование природы не перешло за дозволенные пределы благочестия; при этом то, что было сказано в священных писаниях о божественных тайнах и против тех, кто пытается проникнуть в тайны божества, превратно применяют к скрытому в природе, которое не ограждено никаким запрещением. Другие более находчиво заключают, что если обычные причины не известны, то все можно легче приписать божественной длани и жезлу; и это они считают в высшей степени важным для религии. Все это есть не что иное, как «желание угождать богу ложью». Иные опасаются, как бы движения и изменения философии не стали примером для религии и не положили бы ей конец. Другие, наконец, очевидно, озабочены тем, как бы не было открыто в исследовании природы чего-нибудь, что опрокинет или по крайней мере поколеблет религию (особенно у невежественных людей). Опасения этих двух последних родов кажутся нам отдающими мудростью животных, словно эти люди в отдаленных и тайных помышлениях своего разума не верят и сомневаются в прочности религии и в главенстве веры над рассудком и поэтому боятся, что искание истины в природе навлечет на них опасность. Однако если здраво обдумать дело, то после слова бога естественная философия есть вернейшее лекарство против суеверия и тем самым достойнейшая пища для веры. Поэтому ее справедливо считают верпейшей служанкой религии: если одна являет волю бога, то другая — его могущество. Ибо не ошибся тот, кто сказал: «Вы блуждаете, не зная Писания и могущества бога» [37], соединив и сочетав, таким об-

разом, нерушимой связью осведомление о воле и размышление о могуществе. Поэтому неудивительно, что естественная философия была задержана в росте, так как религия, которая имеет величайшую власть над душами людей, вследствие невежества и неосмотрительного рвения некоторых была уведена от естественной философии и перешла на противоположную сторону.

XC

Кроме того, в нравах и обычаях школ, академий, коллегий и тому подобных собраний, которые предназначены для пребывания в них ученых людей и для служения учености, все оказывается противным движению наук вперед. Ибо чтения и упражнения расположены так, что нелегко может кому-либо прийти в голову обдумывание и созерцание того, что отличается от привычного.

А если тот или другой, возможно, отважится воспользоваться свободой суждения, то он сможет возложить эту работу только на себя одного. От общения с другими он не получит для себя ничего полезного. Если же он и это перенесет, то убедится все же, что эта деятельность и отвага составляют немалое препятствие в снискании благополучия. Ведь в случаях такого рода старания людей заключены, как в темнице, в писаниях некоторых авторов. А если кто-либо не согласится с ними, то он будет тотчас обвинен как бунтарь и алчный до перемен человек. Между тем велико различие между гражданскими делами и науками: ведь опасность, происходящая от нового движения, совсем не та, что от нового света. Действительно, в гражданских делах даже изменения к лучшему вызывают опасения смуты, ибо гражданские дела опираются на авторитет, единомыслие и общественное мнение, а не на доказательства. В науках же и искусствах, как в рудниках, все должно шуметь новыми работами и дальнейшим продвижением вперед. Но так должно быть согласно здравому смыслу; в жизни это иначе: указанный выше порядок в руководстве науками и учением как тяжелое бремя издавна подавляет их рост.

XCI

Однако если бы даже это недоброжелательство, о котором сказано выше, и прекратилось, то и тогда достаточным препятствием для роста наук оставалось бы то, что деятельность и усилия этого рода лишены вознаграждения. Ибо развитие наук и вознаграждение зависят не от

одних и тех же людей. Ведь приращение наук совершается, как бы то ни было, большими талантами, а плата и вознаграждение за науки зависят от толпы или от знатных мужей, которые за редкими исключениями едва ли достигли средней учености. Мало того, успехи этого рода лишены не только вознаграждения и благоволения людей, но даже и народной похвалы. Ибо они лежат выше понимания преобладающей части людей, и ветер общего мнения легко опрокидывает и погашает их. Поэтому нисколько не удивительно, если не преуспевало то, что не было в почете.

XCII

Однако величайшим препятствием на пути движения наук и работы над новыми задачами и в новых областях, бесспорно, оказывается отчаяние людей и предположение невозможного. Даже разумные и твердые мужи совершенно отчаиваются, когда они размышляют о непонятности природы, о краткости жизни, об обмане чувств, о слабости суждения, о трудностях опытов и о тому подобном. Поэтому-то они считают, что в мировом круговращении времен и веков у наук бывают некие приливы и отливы, ибо в одни времена науки росли и процветали, а в другие времена приходили в упадок и оставались в небрежении; так что, достигнув известного уровня и состояния, науки не способны пойти еще дальше.

А если кто-нибудь верит или обещает большее, то это считается проявлением бессилия и незрелости духа, так как это стремление, радостное вначале, становится тягостным в дальнейшем и заканчивается замешательством. Но поскольку такого рода мысли легко завладевают достойными и выдающимися умами, то дóлжно позаботиться о том, чтобы мы не уменьшили и не ослабили строгость суждения, увлеченные любовью к великому и прекрасному. Дóлжно зорко наблюдать за тем, чтó светится надеждой и с какой стороны этот свет. И, отбросив более легкие дуновения надежды, дóлжно со всех сторон обсудить и взвесить те, которые кажутся более верными. Нужно даже призвать к совету и привлечь на помощь гражданское благоразумие, которое, согласно своим правилам, предписывает недоверие и в делах человеческих предполагает худшее. Поэтому-то мы теперь и должны сказать о надежде, тем более что мы не рассыпаем обещаний, и не готовим сети, и не замышляем козней против

суждений людей, а ведем людей за руку по их доброй воле. Итак, хотя могущественнейшим средством для внушения надежды будет приведение людей к частностям, особенно к тем, кои приведены в систему и расположены в наших таблицах открытия (относящихся отчасти ко второй, но много больше к четвертой части нашего *Восстановления),* ибо это не только одна надежда, но и как бы само дело; однако, чтобы все стало легче, дóлжно продолжить сообразно с нашим намерением приуготовление человеческих умов, а в этом приуготовлении немалое место занимает обретение надежды. Ведь, помимо надежды, все остальное больше содействует тому, чтобы опечалить людей (т. е. чтобы создать у них худшее и более низкое мнение о том, что уже принято, и понимание бедственности своего положения), а не тому, чтобы сообщить им некую бодрость или поощрить в них стремление к опыту. Итак, следует открыть и преподать те наши соображения, которые делают надежду в этом деле оправданной. Мы поступаем так, как делал перед удивительным своим плаванием в Атлантическое море Колумб, который привел соображения в пользу своей надежды открыть новые земли и континенты помимо тех, что уже были ранее известны. Эти соображения, хотя и были сперва отвергнуты, в дальнейшем, однако, подтвердились опытом и стали причинами и началом величайших вещей.

XCIII

Начало же должно быть взято от бога, ибо все совершающееся вследствие обнаруживающейся природы самого добра явно происходит от бога, который является творцом добра и отцом света. А в делах божественных даже ничтожные начала с неизбежностью влекут за собой результат. И то, что сказано о духовном: «Царство божие не приходит заметно» [38], происходит во всех больших делах божественного провидения. Все движется постепенно, без шума и звона, и дело совершается раньше, чем люди подумают о том, что оно совершается, или заметят это. Не следует упускать из виду пророчество Даниила о последних временах мира: «Многие пройдут, и многообразно будет знание» [39], явно указывающее, что судьбой, т. е. провидением, определено, чтобы совпали в одно и то же время прохождение через мир (который уже пополнен столькими дальними плаваниями или пополняется) и рост наук.

XCIV

За этим следует наиболее значительное основание для внушения надежды, оно вытекает из заблуждений прошедшего времени и ошибочности испытанных уже путей. Ибо очень хорошо сказал некто, выражая порицание по поводу неблагоразумного управления государством: «То, что в прошлом было наихудшим, должно быть признано превосходным для будущего: если бы вы исполнили все, что требуют ваши обязанности, и все же ваши дела не были бы в лучшем состоянии, то не оставалось бы даже никакой надежды привести их к лучшему. Но так как состояние ваших дел стало плохим не в силу самих дел, а по причине ваших заблуждений, то следует надеяться, что, устранив или исправив эти заблуждения, можно достигнуть большого улучшения» [40]. Подобным же образом если бы люди на протяжении стольких лет владели истинным путем открытия и развития знаний и все же не смогли продвинуться дальше, то, без сомнения, дерзко и безрассудно было бы рассчитывать, что можно подвинуть дело дальше. Тогда как если ошибка заключалась в выборе самого пути и труды людей растрачены совсем не на то, на что надо было, то из этого следует, что не в самих вещах, которые вне нашей власти, возникает трудность, но в человеческом разуме, в его применении и приложении, а это допускает лекарство и лечение. Поэтому самое лучшее будет представить эти самые заблуждения. Все те ошибки, что были помехой в прошедшее время, суть лишь доводы в пользу надежды на будущее. И хотя они уже затронуты в том, что было сказано выше, я хочу их здесь коротко представить в простых и неприкрашенных словах.

XCV

Те, кто занимался науками, были или эмпириками или догматиками. Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным. Рационалисты, подобно пауку, производят ткань из самих себя. Пчела же избирает средний способ: она извлекает материал из садовых и полевых цветов, но располагает и изменяет его по своему умению. Не отличается от этого и подлинное дело философии. Ибо она не основывается только или преимущественно на силах ума и не откладывает в сознание нетронутым материал, извлекаемый из естественной истории и из механических опытов, но изменяет его и перера-

батывает в разуме. Итак, следует возложить добрую надежду на более тесный и нерушимый (чего до сих пор не было) союз этих способностей — опыта и рассудка.

XCVI

До сих пор естественная философия еще не была чистой, а лишь запятнанной и испорченной: в школе Аристотеля — логикой, в школе Платона — естественной теологией, во второй школе Платона, Прокла и других — математикой, которая должна завершать естественную философию, а не рождать и производить ее. От чистой же и несмешанной естественной философии следует ожидать лучшего.

XCVII

Никто еще не был столь тверд и крепок духом, чтобы предписать себе и осуществить совершенный отказ от обычных теорий и понятий и приложить затем заново к частностям очищенный и беспристрастный разум. А потому наш человеческий рассудок есть как бы месиво и хаос легковерия и случайностей, а также детских представлений, которые мы первоначально почерпнули.

Лучшего надобно ждать от того, кто в зрелом возрасте, с полностью сохранившимися чувствами, с очищенным умом заново обратится к опыту и к частностям. В этой области мы обещаем себе судьбу Александра Великого. И пусть никто не изобличает нас в тщеславии, пока не услышит завершения этого дела, которое направлено к тому, чтобы отбросить всякую тщету.

Ведь об Александре и его делах Эсхин[41] говорил следующим образом: «Мы, поистине, не живем жизнью смертных, но рождены для того, чтобы потомство громко возвещало о нас чудеса», как будто дела Александра казались ему чудом.

Но в последующие времена Тит Ливий лучше понял дело и сказал об Александре следующим образом: «Он только решился пренебречь тщетным»[42]. Подобным же образом в будущие времена и о нас, полагаем мы, будет высказано суждение, что мы не совершили ничего великого, а только сочли незначительным то, что считалось великим. Вместе с тем (как мы уже сказали) единственная надежда заключается в возрождении наук, т. е. в пересмотре их в определенном порядке посредством опыта и в новом их установлении. Никто (как мы думаем) не станет утверждать, что это уже было сделано или задумано.

XCVIII

До сих пор опыт (ибо к нему мы теперь всецело должны обратиться) или совсем не имел основания или имел весьма ненадежное. До сих пор не было отыскано и собрано изобилие частностей, способное дать разуму знание, в какой бы то ни было мере достаточное по своему количеству, роду, достоверности. Напротив того, ученые (конечно, нерадивые и легкомысленные) приняли для построения или укрепления своей философии какие-то слухи об опыте и как бы молву о нем или его отголосок и приписали им все же значение законного свидетельства. И как если бы какое-либо государство стало управлять своими установлениями и делами не на основании писем и сообщений послов и достойных доверия вестников, а на основании толков горожан на перекрестках,— точно такой же образ действий был введен в философию в отношении опыта. Ничего мы не находим в естественной истории должным образом разведанного, проверенного, сосчитанного, взвешенного и измеренного. Однако то, что в наблюдении не определено и смутно, в представлении ложно и неверно. Если же кому-либо сказанное здесь покажется странным и близким к несправедливой жалобе на основании того, что Аристотель, муж столь великий и опирающийся на силы такого царя, написал столь тщательное исследование о животных, а другие с большим прилежанием (хотя и с меньшим шумом) многое прибавили, и еще другие составили многочисленные рассказы и исследования о растениях, о металлах, об ископаемых, то он, конечно, недостаточно замечает, что́ совершается у него на глазах. Ибо одна основа у той естественной истории, которая слагается для одной себя, и другая у той, которая составлена, чтобы дать разуму понятия с целью создания философии [43]. Эти две истории различаются как в других отношениях, так и особенно в следующем. Первая из них содержит разнообразие природных видов, а не опыты механических искусств. Подобно тому как и в гражданских делах дарование каждого, а также скрытый смысл души и страстей лучше обнаруживаются тогда, когда человек подвержен невзгодам, чем в другое время, таким же образом и скрытое в природе более открывается, когда оно подвергается воздействию механических искусств, чем тогда, когда оно идет своим чередом. Поэтому тогда только следует возлагать надежды на естественную

философию, когда естественная история (которая есть ее подножие и основа) будет лучше разработана; а до того — нет.

XCIX

Но и в самом изобилии механических опытов открывается величайший недостаток таких опытов, которые более всего содействуют и помогают осведомлению разума. Ведь механик никоим образом не заботится об исследовании истины, а устремляет усилия разума и руки только на то, что служит его работе. Надежду же на дальнейшее движение наук вперед только тогда можно хорошо обосновать, когда естественная история получит и соберет многочисленные опыты, которые сами по себе не приносят пользы, но содействуют открытию причин и аксиом. Эти опыты мы обычно называем *светоносными* в отличие от *плодоносных*. Опыты этого первого рода содержат в себе замечательную силу и способность, а именно: они никогда не обманывают и не разочаровывают. Ибо, приложенные не к тому, чтобы осуществить какое-либо дело, но для того, чтобы открыть в чем-либо естественную причину, они, каков бы ни был их исход, равным образом удовлетворяют стремление, так как полагают конец вопросу.

C

Следует, однако, заботиться не только о большом запасе опытов, но и о получении опытов другого рода, нежели те, кои совершены до сих пор. Дóлжно ввести совсем другой метод и порядок и ход работы для продолжения и обогащения опыта. Ибо смутный и руководящийся лишь собой опыт (как уже сказано выше) есть не более как движение на ощупь и, скорее, притупляет ум людей, чем осведомляет его. Но когда опыт пойдет вперед по определенному закону, последовательно и беспрерывно, можно будет ожидать чего-то лучшего для наук.

CI

Однако и после того как уже добыты и находятся под рукой факты и материалы естественной истории и опыта, которые требуются для работы разума или для философской работы, разума все еще отнюдь не достаточно, чтобы он сам по себе и с помощью памяти подвизался в этом материале; это было бы то же самое, как надеяться удержать в памяти и одолеть вычисление какой-либо

эфемериды. Однако до сих пор в исследовании больше значения имело обдумывание, чем писание, и до сих пор опыт не знал грамоты. Но исследование не может быть удовлетворительным иначе как в письме. Когда это войдет в обычай, можно будет ожидать лучшего от опыта, который наконец станет письменным [44].

CII

Кроме того, если множество и как бы войско частностей столь велико и в такой степени рассеяно и разбросано, что смущает разум и сбивает его с пути, то не следует ожидать добра от неожиданных нападений и легких движений и перебежек разума, пока посредством удобных, хорошо расположенных и как бы живых таблиц открытия не будут установлены порядок и стройность в том, что относится к исследуемому предмету, и пока ум не обратится к помощи этих заранее приготовленных и систематизирующих таблиц.

CIII

Но и после того как множество частностей будет должным образом как бы поставлено перед глазами, не следует тотчас переходить к исследованию и открытию новых частностей или практических приложений. Или по крайней мере если это сделано, то не следует здесь останавливаться. Мы не отрицаем, что после того как из всех наук будут собраны и расположены по порядку все опыты и они сосредоточатся в знании и суждении одного человека, то из переноса опытов одной науки в другую посредством того опыта, который мы зовем научным (literata), может быть открыто много нового — полезного для жизни человека. Однако от этого следует ожидать не столь многого, как от нового света аксиом, которые по известному способу и правилу выводятся из тех частностей и в свою очередь указывают и определяют новые частности. Ведь путь не проходит по равнине, у него есть восхождения и нисхождения. Сначала восходят к аксиомам, а затем спускаются к практике.

CIV

Не следует все же допускать, чтобы разум перескакивал от частностей к отдаленным и почти самым общим аксиомам (каковы так называемые начала наук и вещей) и по их непоколебимой истинности испытывал бы и устанавливал средние аксиомы. Так было до сих пор: разум

склоняется к этому не только естественным побуждением, но и потому, что он уже давно приучен к этому доказательствами через силлогизм. Для наук же следует ожидать добра только тогда, когда мы будем восходить по истинной лестнице, по непрерывным, а не прерывающимся ступеням — от частностей к меньшим аксиомам и затем к средним, одна выше другой, и, наконец, к самым общим. Ибо самые низшие аксиомы немногим отличаются от голого опыта. Высшие же и самые общие аксиомы (какие у нас имеются) умозрительны и абстрактны, и в них нет ничего твердого. Средние же аксиомы истинны, тверды и жизненны, от них зависят человеческие дела и судьбы. А над ними, наконец, расположены наиболее общие аксиомы — не абстрактные, но правильно ограниченные этими средними аксиомами.

Поэтому человеческому разуму надо придать не крылья, а, скорее, свинец и тяжести, чтобы они сдерживали всякий его прыжок и полет. Но этого, однако, до сих пор не сделано. Когда же это будет сделано, то можно будет ожидать от наук лучшего.

CV

Для построения аксиом должна быть придумана иная форма индукции, чем та, которой пользовались до сих пор. Эта форма должна быть применена не только для открытия и испытания того, что называется началами, но даже и к меньшим и средним и, наконец, ко всем аксиомам. Индукция, которая совершается путем простого перечисления, есть детская вещь: она дает шаткие заключения и подвергнута опасности со стороны противоречащих частностей, вынося решения большей частью на основании меньшего, чем следует, количества фактов, и притом только тех, которые имеются налицо. Индукция же, которая будет полезна для открытия и доказательства наук и искусств, должна разделять природу посредством должных разграничений и исключений. И затем после достаточного количества отрицательных суждений она должна заключать о положительном. Это до сих пор не совершено, и даже не сделана попытка, если не считать Платона, который отчасти пользовался этой формой индукции для того, чтобы извлекать определения и идеи[45]. Но чтобы хорошо и правильно строить эту индукцию или доказательство, нужно применить много такого, что до сих пор не приходило на ум ни одному из смертных, и затратить больше работы, чем до сих пор было затрачено

на силлогизм. Пользоваться же помощью этой индукции следует не только для открытия аксиом, но и для определения понятий. В указанной индукции и заключена, несомненно, наибольшая надежда.

CVI

При построении аксиом посредством этой индукции нужно взвесить и исследовать, приспособлена ли устанавливаемая аксиома только к мере тех частностей, из которых она извлекается, или она полнее и шире. И если она полнее или шире, то надо смотреть, не может ли аксиома укрепить эту свою широту и полноту указанием новых частностей, как бы неким поручительством, чтобы мы и не погрязли в том, что уже известно, и не охватили бы чрезмерно широким охватом лишь тени и абстрактные формы, а не прочное и определенное в материи. Только тогда, когда это войдет в обыкновение, по справедливости блеснет прочная надежда.

CVII

Здесь следует снова повторить то, что было сказано выше о расширении естественной философии и о приведении к ней частных наук, чтобы не было разъединения наук и разрыва между ними. Ибо и без этого мало надежды на движение вперед.

CVIII

Итак, мы показали, что можно устранить отчаяние и создать надежду, если распроститься с заблуждениями предшествующего времени или исправить их. Теперь надобно посмотреть, есть ли что-либо другое, что подает надежду. И тут является следующее соображение. Если люди, не добиваясь этого и преследуя иные цели, все же открыли много полезного как бы случайно или мимоходом, то никто не будет сомневаться в том, что если они начнут поиски, занимаясь непосредственно тем, чем нужно, и пойдут по определенному пути и в определенном порядке, а не скачками, то откроют много больше. Хотя и может подчас случиться, что кто-нибудь при счастливом стечении обстоятельств сделает открытие, которое раньше ускользало от того, кто вел поиски с большими усилиями и старанием; однако в преобладающем большинстве случаев, без сомнения, случается противоположное. Поэтому гораздо большего, лучшего и получаемого через меньшие промежутки времени следует ожидать от рас-

судка, деятельности, направленности и стремления людей, чем от случая, животных инстинктов и тому подобного, что до сих пор давало начало открытиям.

CIX

Можно привести также и следующее обстоятельство, подающее надежду. Не мало из того, что уже открыто, таково, что, раньше чем оно было открыто, едва ли кому-нибудь могло прийти на ум чего-нибудь ожидать от него; напротив, всякий пренебрег бы им, как невозможным. Люди обычно судят о новых вещах по примеру старых, следуя своему воображению, которое предубеждено и запятнано ими. Этот род суждения обманчив, поскольку многое из того, что ищут у источников вещей, не течет привычными ручейками.

Например, если бы кто-либо до изобретения огнестрельного оружия описал эту вещь по тому, как она действует, и сказал бы следующим образом: «Сделано изобретение, посредством которого можно с далекого расстояния сотрясать и разрушать стены и укрепления, как бы ни были они велики», то люди, конечно, стали бы делать много разнообразных догадок об увеличении сил метательных снарядов и орудий посредством грузов и колес и стенобитных средств этого рода. Но едва ли чьему-либо воображению и мысли представился бы столь внезапно и быстро распространяющийся и взрывающийся огненный ветер, ибо человек не видел вблизи примеров этого рода, кроме, может быть, землетрясения и молнии, а эти явления были бы тотчас исключены людьми как чудо природы, коему человек подражать не может.

Подобным же образом, если бы кто-либо ранее изобретения шелковой нити повел такую речь: «Найдена для нужд одежды и убранства нить некоего рода, намного превосходящая льняную и шерстяную нить тонкостью, но вместе с тем и прочностью, а также красотой и мягкостью», люди тотчас бы стали думать о каком-то шелковистом растении, или о более тонком волосе какого-то животного, или о перьях и пухе птиц. А о ткани малого червя, о таком ее изобилии и ежегодном возобновлении они, конечно, никогда бы не подумали. А если бы кто-либо бросил какое-нибудь слово о черве, он был бы, без сомнения, осмеян, как человек, который бредит о какой-то невиданной паутине.

Точно так же если бы кто-либо ранее изобретения мореходной иглы сказал: «Изобретен прибор, посредством

которого можно точно определить и указать страны света и кардинальные точки неба», то люди тотчас, подстрекаемые воображением, устремились бы к разнообразным предположениям об изготовлении более совершенных астрономических приборов. Изобретение же такого предмета, движение которого отлично сходится с небесным, хотя сам он не из числа небесных тел, а состоит из камня или металла, считалось бы совершенно невозможным. Однако это и подобное этому, оставаясь скрытым от людей в течение столь многих времен мира, было изобретено не посредством философии или наук, а благодаря случаю и совпадению. Ибо эти открытия (как мы уже сказали) настолько отличны и удалены от всего познанного ранее, что никакое предшествующее знание не могло к ним привести.

Поэтому надо вообще надеяться на то, что до сих пор в недрах природы таится много весьма полезного, что не имеет родства или соответствия с уже изобретенным и целиком расположено за пределами воображения. Оно до сих пор еще не открыто, но, без сомнения, в ходе и круговороте многих веков и это появится, как появилось предыдущее. Однако тем путем, о котором мы теперь говорим, все это можно представить и предвосхитить быстро, немедленно, тотчас.

CX

Но встречаются и другие открытия, такие, которые доказывают, что род человеческий может миновать и оставить без внимания даже лежащие у него под ногами замечательные находки. Действительно, если изобретение пороха, или шелковой нити, или мореходной иглы, или сахара, или бумаги зависит от некоторых свойств вещей и природы, то уж в искусстве книгопечатания, конечно, нет ничего, что бы ни было явно и почти самоочевидно. И все же люди в продолжение стольких веков были лишены этого прекраснейшего изобретения, которое так содействует распространению знаний. Они не обратили внимания на то, что, хотя знаки букв разместить труднее, чем писать буквы движением руки, но зато размещенные однажды буквы дают бесчисленное количество отпечатков, а буквы, начертанные рукой, дают только одну рукопись; или же не заметили того, что краска может быть настолько сгущена, чтобы она окрашивала, а не текла, особенно когда буквы опрокинуты и печатание производится сверху.

Однако ум человеческий обычно столь неловок и плохо расположен на этом пути открытия, что сначала он себе не доверяет, а вскоре доходит до презрения к себе: сначала ему кажется, что подобное изобретение невероятно; а после того как оно сделано, кажется невероятным, что люди так долго не замечали его. Но и это по справедливости дает повод к надежде. Есть, значит, много до сих пор остающихся без движения открытий, которые могут быть выведены посредством того, что мы называем научным опытом, не только из неизвестных ранее действий, но также из перенесения, сочетания и применения действий уже известных.

CXI

Нельзя упускать для создания надежды также и следующее. Пусть люди подумают о бесконечном расточении ума, времени и способностей, которые они отдают вещам и занятиям много меньшей пользы и ценности; если бы обратить хоть некоторую часть этого на занятия здравые и положительные, то не было бы такой трудности, которую нельзя было бы преодолеть. Это мы сочли нужным прибавить по той причине, что открыто признаем: такое собирание естественной и опытной истории, каким мы его замышляем и каким оно должно быть, есть великое, как бы царское дело, которое потребует много труда и издержек.

CXII

Пусть никто не устрашится множества частностей, пусть это скорее ведет его к надежде. Ибо частные явления искусств и природы составляют лишь горсть по сравнению с вымыслами ума, оторванными и отвлеченными от очевидности вещей. Исход этого пути открыт и почти близок. Иной же путь исхода не имеет, но бесконечно запутан. Люди же до сих пор мало задерживались на опыте и лишь слегка его касались, а на размышления и выдумки ума тратили бесконечное время. Если бы среди нас был кто-нибудь, кто отвечал бы нам на вопросы о фактах природы, то открытие всех причин и завершение наук было бы делом немногих лет.

CXIII

Мы считаем также, что надежде людей может кое-чем помочь наш собственный пример. Мы говорим это не из тщеславия, а потому, что это полезно сказать. Если кто

не верит, пусть посмотрит, как я, человек среди людей моего времени наиболее занятый гражданскими делами и не совсем крепкого здоровья (на что тратится много времени), хотя и вполне первый в этом деле, не идя ни по чьим следам, не сообщаясь в этом деле ни с кем из смертных, все же твердо вступил на истинный путь и, подчиняя ум вещам, таким образом (как мы полагаем) подвинул это дело несколько вперед. Пусть он тогда посмотрит, чего можно ожидать после этих наших указаний от людей, у которых много досуга, а также от соединения трудов и от распорядка времени; тем более, что по этому пути может идти не один лишь человек (как по пути рассуждений), а могут быть наилучшим образом распределены и затем сопоставлены труды и работы людей (особенно в том, что касается собирания опыта). Люди тогда только начнут сознавать свои силы, когда не бесконечное количество людей будет делать одно и то же, но один будет совершать одно, а другой — другое.

CXIV

Наконец, если бы даже ветер надежды, который дует со стороны этого Нового Света [46], был гораздо менее надежен и более слаб, то и тогда все же, полагаем мы, следовало бы сделать эту попытку (если мы не хотим совершенно пасть духом). Ведь опасность не совершить попытку и опасность испытать неудачу не равны. Ибо в первом случае мы теряем огромные блага, а во втором — лишь небольшую человеческую работу. Из всего нами сказанного, а также из несказанного очевидно, что у нас достаточно надежды на успех не только для человека усердного и предприимчивого, но даже и для благоразумного и трезвого.

CXV

Итак, мы сказали о необходимости отбросить то отчаяние, которое является одной из могущественнейших причин замедления развития наук; закончена также речь о признаках и причинах заблуждений, бездеятельности и укоренившегося невежества; сказанного тем более достаточно, что особенно тонкие причины, недоступные суждению или наблюдению толпы, должны быть отнесены к тому, что сказано об идолах человеческой души.

И здесь также должна быть закончена разрушительная часть нашего *Восстановления,* которая состоит из трех опровержений, а именно: опровержения прирожден-

ного человеческого ума, предоставленного самому себе, опровержения доказательств и опровержения теорий, или принятых философий и учений. Опровержение их было таково, каким оно только могло быть, т. е. через указания и очевидные причины, ибо никаких других опровержений мы не могли применить, расходясь с остальными и в основных началах и в методах доказательств.

Поэтому теперь своевременно будет обратиться к самому искусству и образцу истолкования природы, хотя все еще остается кое-что, что надо предпослать. Ибо поскольку цель этой первой книги афоризмов — подготовить разум людей для понимания и восприятия того, что последует, то теперь, очистив, пригладив и выровняв площадь ума, остается еще утвердить ум в хорошем положении и как бы в благоприятном аспекте для того, что мы ему предложим. Ведь предубеждение относительно новой вещи обусловлено не только преобладающей силой старого мнения, но и наличием предвзятого ложного мнения или представления о предлагаемой вещи. Итак, попытаемся создать правильные и истинные мнения о том, что мы приводим, пусть лишь временные и как бы взятые взаймы, пока сама вещь не будет вполне познана.

CXVI

Прежде всего мы считаем нужным потребовать, чтобы люди не думали, будто мы, подобно древним грекам или некоторым людям нового времени, как, например, Телезию, Патрицию, Северину, желаем основать какую-то школу в философии. Не к тому мы стремимся и не думаем, чтобы для счастья людей много значило, какие у кого абстрактные мнения о природе и началах вещей. Нет сомнения в том, что много еще в этой области можно возобновить старого и ввести нового, подобно тому как могут быть предположены многочисленные теории неба, которые достаточно хорошо сходятся с явлениями, но расходятся между собой.

Мы же не заботимся о такого рода предположительных и вместе с тем бесполезных вещах. Напротив того, мы решили испытать, не можем ли мы положить более прочное основание действенному могуществу и величию человеческому и расширить его границы. И хотя в отношении некоторых частных предметов у нас есть, как мы полагаем, более правильные, более истинные и более плодотворные суждения, чем те, которыми люди пользуются до сих пор (их мы собрали в пятой части нашего *Восста-*

новления), все же мы не предлагаем никакой всеобщей и цельной теории. Ибо, кажется, еще не пришло для этого время. И я даже не надеюсь прожить достаточно для завершения шестой части *Восстановления* (которая предназначена для философии, открытой законным истолкованием природы). Мы считаем, однако, достаточным, если, действуя трезво и с пользой в средней части[47], успеем бросить потомству семена более беспристрастной истины и не отступим перед началами великих дел.

CXVII

Не будучи основателями школы, мы равным образом и не раздаем щедрых обещаний относительно частных практических результатов. Однако тут кто-нибудь может возразить, что мы, столь часто упоминая о практике и все приводя к ней, должны бы представить в виде залога какие-нибудь практические результаты. Но наш путь и наш метод (как мы часто ясно говорили и как я бы хотел сказать это и теперь) состоят в следующем: мы извлекаем не практику из практики и опыты из опытов (как эмпирики), а причины и аксиомы из практики и опытов и из причин и аксиом снова практику и опыты как законные истолкователи природы.

И хотя в наших таблицах открытия (из которых состоит четвертая часть нашего *Восстановления*), а также в примерах частностей (которые мы приводим во второй части), а кроме того, и в наших замечаниях относительно истории (которая изложена в третьей части труда) каждый человек, даже средней проницательности и прозорливости, найдет много указаний, касающихся важных практических применений, однако мы откровенно признаем, что та естественная история, которая у нас теперь имеется (из книг ли или из собственного исследования), недостаточно богата и проверена, чтобы удовлетворить или послужить законному истолкованию.

Итак, если найдется кто-либо более способный и подготовленный в механике, а также более проворный в погоне за практикой посредством одного лишь обращения к опытам, мы ему предоставляем и разрешаем эту деятельность: извлекать, как бы срывая по дороге, из нашей истории и таблиц многое, что он сможет приложить к практике, пользуясь как бы процентами, пока не окажется возможным получать самый капитал. Мы же, устремляясь к большему, осуждаем всякую преждевременную задержку в такого рода делах, так же как яблоки Аталанты (как

мы часто говорим). Мы не хватаем по-детски золотых яблок, но все возлагаем на победу науки в состязании с природой и не спешим снять посев в зеленых всходах, а ждем своевременной жатвы.

CXVIII

Тот, кто прочтет нашу историю и таблицы открытия, может, без сомнения, натолкнуться на что-либо менее достоверное или совершенно ложное в самих опытах. И поэтому он, возможно, подумает, что наши открытия опираются на ложные и сомнительные основания и начала. В действительности же это ничего не значит. Ибо в начале дела неизбежно должно происходить нечто подобное. Ведь это равносильно тому, как если в писаном или в печатном произведении та или иная буква поставлена или расположена неверно: это мало мешает читающему, поскольку ошибки легко исправляются по самому смыслу. Точно так же пусть люди подумают о том, что в естественной истории можно ошибочно поверить многим опытам и принять их, но спустя короткое время их легко отвергнуть и отбросить на основании найденных причин и аксиом. Однако, действительно, если в естественной истории и опытах будут большие, многочисленные и непрерывные заблуждения, то их невозможно исправить или устранить никакой удачей дарования или искусства. Итак, если в нашей естественной истории, которая была собрана и испытана с таким усердием и строгостью и с почти религиозным рвением, находится в частностях что-либо ложное или ошибочное, что же тогда дóлжно сказать про обычную естественную историю, которая столь легковесна и небрежна по сравнению с нашей? Или о философии и науках, построенных на этом сыпучем песке? Поэтому пусть никого не волнует то, что мы сказали.

CXIX

В нашей истории и опытах даже встретится немало вещей, с одной стороны, тривиальных и общеизвестных, с другой — низких и недостойных и, наконец, слишком тонких и совершенно умозрительных и вроде бы совсем бесполезных. Этого рода вещи могут отвратить от себя интересы людей.

Что касается тех вещей, которые кажутся общеизвестными, пусть люди подумают: до сих пор они занимались только тем, что сообразовывали причины редких

вещей с вещами, случающимися часто, и не искали никаких причин того, что случается часто, но принимали это как допущенное и приятное.

Так, они не исследуют причин тяготения, вращения небесных тел, тепла, холода, света, твердости, мягкости, разреженности, плотности, жидкости, крепости, одушевленности, неодушевленности, сходства, несходства, наконец, органического. Они принимают все это как явное и очевидное и рассуждают и спорят только относительно тех вещей, которые случаются не столь часто и привычно.

Но мы, достаточно зная о том, что нельзя составить никакого суждения о редких или замечательных вещах и, еще менее того, извлечь на свет новые вещи, пока не будут по порядку проверены и открыты причины обычных вещей и причины причин, по необходимости принуждены принять в нашу историю самые обычные вещи. Мало того, ничто, как мы убедились, не преграждало так путь философии, как то, что люди не останавливались и не задерживались в созерцании частых и простых явлений, но принимали их мимоходом и не имели обыкновения доискиваться их причины, так что сведения о неизвестных вещах приходится искать не чаще, чем внимания к известным.

CXX

Что же касается низких или даже непристойных вещей, о которых, как сказал Плиний, можно говорить, лишь предварительно испросив позволения[48], то и эти вещи должны быть приняты в естественной истории не менее, чем прекраснейшие и драгоценнейшие. Естественная история от этого не будет осквернена. Ведь солнце одинаково проникает и во дворцы, и в клоаки и все же не оскверняется. Мы же не воздвигаем какой-либо капитолий или пирамиду в честь человеческого высокомерия, но основываем в человеческом разуме священный храм по образцу мира. И мы следуем этому образцу. Ибо то, что достойно для бытия, достойно и для познания, которое есть изображение бытия. Одинаково существует как низкое, так и прекрасное. В самом деле, как из какого-либо гниющего материала, как, например, мускуса и цибета[49], порождаются иногда лучшие ароматы, так и из низких и грязных явлений исходят порой замечательнейшие свет и познание. Однако об этом сказано уже слишком много, ибо такой род брезгливости вполне относится лишь к детям и неженкам.

CXXI

Более тщательно надо рассмотреть следующее: возможно, что многое в нашей истории пониманию толпы или даже чьему-либо разуму, привыкшему к обычным вещам, покажется пустыми и бесполезными тонкостями. Итак, об этом прежде всего сказано и должно быть еще сказано, а именно: вначале и в первое время мы ищем только светоносных опытов, а не плодоносных, поступая по примеру божественного творения, которое, как мы часто говорили, в первый день создало только один свет и отдало ему одному целый день, не присоединяя в этот день никакого материального деяния.

Поэтому, если кто-либо сочтет, что вещи этого рода бесполезны, то это равносильно тому, как если бы он думал, что и у света нет никакой пользы, ибо это вещь неосязаемая и нематериальная. Действительно, следует сказать, что хорошо проверенное и определенное познание простых натур есть как бы свет. Оно открывает доступ к самым глубинам практических приложений, могущественно охватывает и влечет за собой все колонны и войска этих приложений и открывает нам истоки замечательнейших аксиом, хотя само по себе оно не столь полезно. Ведь и буквы сами по себе отдельно ничего не означают и не приносят какой-либо пользы, но составляют как бы первую материю для сложения каждой речи. Так же и семена вещей, сильные своими возможностями, совершенно не могут быть использованы, кроме как в своем развитии. Так и рассеянные лучи самого света ничего не могут уделить от своей благодетельности, пока они не собраны.

Если кто-либо недоволен умозрительными тонкостями, то что же тогда сказать о схоластах, которые без конца предавались тонкостям? Ведь эти тонкости сводились к словам или по крайней мере к ходячим понятиям (что означает то же самое), а не к вещам или природе. Они были бесполезны не только вначале, но и в дальнейшем, а не как те, о которых мы говорим, бесполезны в настоящем, но бесконечно полезны в дальнейшем. Пусть же люди знают достоверно, что тонкость споров и рассуждений ума станет запоздалой и превратной после открытия аксиом. Истинное же и надлежащее или по крайней мере предпочтительное время для тонкости заключается во взвешивании опыта и выводе из него аксиом. Ибо хотя та или другая тонкость старается уловить и обнять природу, однако никогда она ее не схватит и не обнимет. В высшей степени правильно то, что обычно говорят о случае или

о фортуне, если отнести это к природе: «На лбу у нее волосы, но с тыла она лысая» [50].

Наконец, относительно презрительного отношения в естественной истории к вещам обычным, или низким, или слишком тонким и бесполезным в своем начале пусть будут вещанием оракула слова, обращенные бедной женщиной к надменному властителю, который отверг ее просьбу как вещь недостойную и слишком низкую для его величия: «Перестань тогда быть царем» [51]. Ибо несомненно, что тот, кто не захочет уделить внимание вещам этого рода, как слишком малым и ничтожным, тот не сможет ни получить, ни осуществить господство над природой.

CXXII

Возможно и такое возражение: удивительно и недопустимо, что мы как бы одним ударом и натиском ниспровергаем все науки и всех авторов, и притом не взяв себе для помощи и руководства кого-либо из древних, а как бы своими собственными силами.

Однако мы знаем, что, если бы мы пожелали действовать менее добросовестно, нам было бы нетрудно возвести то, что мы предлагаем, или к древним векам, предшествующим временам греков (когда науки о природе, быть может, процветали больше, однако с меньшим шумом и еще не дождались труб и свирелей греков), или даже (хотя бы частично) к некоторым из самих греков, и искать у них подтверждения и почета, наподобие выскочек, которые промышляют и заимствуют себе благородство от какого-либо старого рода, пользуясь помощью генеалогии. Мы же, полагаясь на очевидность вещей, отбрасываем всякое пользование выдумкой и обманом. И мы считаем, что для дела не столь важно, было ли уже известно древним то, что мы откроем, всходили или же заходили эти открытия среди превратности вещей и веков,— не более, чем должна заботить людей мысль, был ли Новый Свет островом Атлантида, известным древнему миру [52], или же только теперь впервые открыт. Ибо открытия новых вещей дóлжно искать от света природы, а не от мглы древности.

Что же касается универсальности этого нашего опровержения, то оно, если правильно, конечно, рассудить, и более основательно и более скромно, чем если бы касалось только одной части. Ведь если бы заблуждения не коренились в первых понятиях, то не могло случиться, что некоторые правильные открытия не исправили другие — превратные. Но так как заблуждения были фундамен-

тальными и такими, что люди, скорее, пренебрегли и обошли их, чем составили о них неправильное и ложное суждение, то менее всего удивительно, если люди не получили того, над чем и не работали, не достигли той цели, которую и не ставили, а также не наметили и не прошли той дороги, на которую не вступили и которой не держались.

Теперь о дерзости нашего предприятия. Конечно, если кто-либо берется при помощи твердости руки и силы глаза провести более прямую линию или описать более совершенный круг, чем кто-либо другой, то здесь речь идет о сравнении способностей. Но если кто объявит, что он при помощи линейки или циркуля сможет провести более прямую линию или описать более совершенный круг, чем кто-либо другой посредством одной лишь силы глаза и руки, то он, конечно, отнюдь не хвастун. И вот то, о чем мы говорим, не только имеет место в этой нашей первой и начальной попытке, но относится также к тем, которые будут заниматься этим впоследствии. Наш путь открытия знаний почти уравнивает дарования и мало что оставляет их превосходству, ибо он все проводит посредством самых определенных правил и доказательств. Итак, это наше открытие (как мы часто говорили), скорее, дело какой-то удачи, чем способности, и, скорее, порождение времени, чем дарования. Ведь, действительно, случайность имеет значение и не менее в человеческих размышлениях, чем в трудах и делах.

CXXIII

Итак, следует сказать о нас самих то, что сказано кем-то в шутку и здесь очень хорошо подходит к делу: «Не может статься, чтобы одно и тоже думали те, кто пьет вино и кто воду» [53]. Прочие люди, как древние, так и новые, пили в науках простую влагу, словно воду, которая или сама собой проистекает из разума, или почерпнута логикой, как колесом из колодца. Мы же пьем и предлагаем влагу, полученную от бесчисленных вполне зрелых лоз, сорвав с них и собрав виноград, затем выжав сок и, наконец, очистив его и дав отстояться в сосуде. Итак, нет ничего удивительного в том, что у нас расхождение с другими.

CXXIV

Возразят, конечно, и следующее: мы и сами не правильно и не наилучшим образом определили мету и цель наук (в чем мы упрекаем других). Ведь созерцание истины

достойнее и выше всякой полезности и величия дел; а это длительное и беспокойное пребывание среди опытов и материи и в потоках частных явлений как бы приковывает разум к земле или, скорее, низвергает его в какую-то преисподнюю смятения и замешательства и удерживает и удаляет его от безмятежности и покоя отвлеченной мудрости (как от состояния много более божественного). Мы охотно соглашаемся с этим соображением, и к тому, на что нам указывают как на предпочтительное, мы особенно и прежде всего стремимся. Ибо мы строим в человеческом разуме образец мира таким, каков он оказывается, а не таким, как подскажет каждому его рассудок. Но это невозможно осуществить иначе как рассеканием мира и прилежнейшим его анатомированием. А те нелепые и как бы обезьяньи изображения мира, которые созданы в философиях вымыслом людей, мы предлагаем совсем рассеять. Итак, пусть знают люди (как мы говорили выше), каково различие между идолами человеческого разума и идеями божественного разума. Те не что иное, как произвольные абстракции, эти же, действительно, знаки создателя на созданиях, запечатленные и определенные в материи посредством истинных и тончайших черт. Итак, истина и полезность суть (в этом случае) совершенно одни и те же вещи [54]. Сама же практика должна цениться больше как залог истины, а не из-за жизненных благ.

CXXV

Быть может, возразят также и следующее: мы совершаем лишь то, что уже совершено, и придерживаемся того же самого пути, что и древние. Поэтому кто-нибудь сочтет вероятным, что и мы после такого размаха и замысла придем все же к одной из тех философий, которые имели силу у древних. Ибо и те приготовили в началах своих размышлений великое изобилие примеров и частностей, расписали их по отделам и рубрикам и отсюда производили свою философию и науки, а затем, разработав их, выступали публично, прибавив кое-где примеры для убедительности и ясности поучения. Однако они считали излишним и неудобным извлечь на свет свои заметки о частностях, комментарии и приложения. И поэтому они сделали так, как обычно делается при постройке, а именно: после того как здание возведено, убрали от взоров машины и леса. Конечно, надо думать, что они поступали не иначе. Но если кто не забыл совершенно

того, о чем говорилось выше, то он легко ответит на это замечание (или, вернее, на это сомнение). Какая форма исследования и открытия была у древних — об этом и сами они заявляют, и это видно из самой внешности их писаний. Она состояла лишь в том, чтобы от каких-либо примеров и частностей (прибавив обычные понятия и, быть может, некоторую часть общепринятых суждений, более всего пришедшихся по вкусу) воспарить к наиболее общим заключениям или к принципам наук и от их недвижимой и неколебимой истинности выводить и доказывать низшие заключения через посредство средних и затем строить из них науки. А когда выдвигались и приводились новые примеры и частности, противоречащие их мнениям, они их искусно подчиняли своей системе посредством тонких дистинкций или нового разъяснения своих правил или же наконец попросту отводили посредством исключений. Причины же тех частных вещей, которые им не противоречили, они упорно и трудолюбиво приводили в соответствие со своими началами. Но это было не естественной историей и не опытом, каковым ему следовало быть (поистине, оно далеко отстояло от этого), и эта склонность воспарять к наиболее общему погубила все.

CXXVI

Возразят также, что, удерживая людей от произнесения суждений и от установления определенных начал до тех пор, пока они в должном порядке не придут через средние ступени к наиболее общему, мы проповедуем какое-то воздержание от суждений и приводим дело к акаталепсии. В действительности же мы думаем не об акаталепсии, а об *евкаталепсии,* ибо мы не умаляем значения чувства, а помогаем ему и не пренебрегаем разумом, а управляем им. Притом лучше знать то, что надо, и все же считать, что мы не знаем вполне, чем считать, что мы знаем вполне, и все же ничего не знать о том, что надо.

CXXVII

У кого-нибудь явится также сомнение (скорее, чем возражение): говорим ли мы, что только естественная философия или также и остальные науки — логика, этика, политика — должны создаваться, следуя нашему пути? Мы, конечно, понимаем то, что сказано, в общем смысле. Подобно тому как общепринятая логика, которая

распоряжается вещами посредством силлогизма, относится не только к естественным, но и ко всем наукам, так и наша логика, которая движется посредством индукции, охватывает все. Ибо мы составляем нашу историю и таблицы открытия как для тепла и холода, света, произрастания и тому подобного, так и для гнева, страха, уважения и тому подобного, а также для примеров общественных явлений, а равно и для душевных движений — памяти, сопоставления, различения[55], суждения и прочего. Но с другой стороны, поскольку наш способ истолкования (после того как история подготовлена и приведена в порядок) принимает во внимание не только движения и деятельность ума (подобно обычной логике), но также и природу вещей, постольку мы направляем ум так, чтобы он мог всегда пригодными способами обратиться к природе вещей. И поэтому в учении об истолковании мы даем много разнообразных указаний о видоизменениях способа открытия применительно к качеству и состоянию того предмета, который мы исследуем.

CXXVIII

Но вот в чем нас нельзя даже и подозревать: будто мы желаем расстроить и разрушить философию, искусства и науки, которыми мы пользуемся. Напротив, мы охотно принимаем и пользование ими, и служение им, и почитание их. Мы ведь никоим образом не препятствуем тому, чтобы общераспространенные науки питали споры, украшали речи и применялись для профессорской деятельности, а также для надобностей гражданской жизни, чтобы они, наконец, были как ходячая монета, принимаемая среди людей по общему согласию. Мало того, мы скажем открыто: то, что мы приводим, будет не очень пригодно для этих дел, ибо сможет быть доведено до понимания толпы только посредством практики и результатов. О том же, насколько искренне мы говорим о нашем добром расположении к принятым наукам, могут свидетельствовать уже опубликованные наши писания (особенно книги о развитии наук[56]). Поэтому мы не пытаемся далее доказывать это на словах. Вместе с тем мы неустанно и определенно напоминаем, что те способы, которыми обычно пользуются, немногим могут продвинуть вперед науки и не могут привести их к широким практическим применениям.

CXXIX

Остается еще немногое сказать о превосходстве нашей цели. Если бы это было сказано прежде, то могло бы показаться чем-то вроде пустого мечтания. Но когда уже создана надежда и устранены несправедливые предубеждения, это будет иметь, возможно, больше веса. Помимо того, если бы мы все совершили и вполне разрешили сами и не призывали бы усиленно других для участия и сопутствия в трудах, мы бы также воздержались от подобных слов, чтобы это не было воспринято как прославление наших заслуг. Однако коль скоро дóлжно побудить деятельность других, воспламенить и возбудить умы, естественно будет, если мы доведем это до сознания людей.

Итак, прежде всего мы находим, что введение знаменитых изобретений, бесспорно, занимает первое место среди человеческих деяний. Так судили и древние века, ибо они оказывали божеские почести творцам изобретений, тогда как тем, кто прославился в гражданских делах (как, например, основатели городов и государств, законодатели, освободители отечества от длительных бедствий, разрушители тираний и им подобные), воздавали только славу героев. И действительно, если кто правильно сравнит то и другое, он найдет справедливым суждение прежнего времени. Ведь благодеяния изобретателей могут относиться ко всему человеческому роду, а гражданские благодеяния — только к некоторым местопребываниям людей. Притом эти последние длятся лишь в пределах жизни немногих поколений, а те — почти на вечные времена. Кроме того, исправление состояния гражданских дел большей частью сопровождается применением насилия и смятением. А открытия обогащают и приносят благодеяния, не причиняя никому ни обиды, ни печали.

Кроме того, открытия суть как бы новые создания и подражания божественным творениям, как хорошо сказал поэт:

> Первые некогда злак, приносящий плоды, даровали
> Жалкому роду людей осиянные славой Афины;
> Жизнь обновили они и законы для всех учредили [57].

И достойно внимания в Соломоне, что, хотя он и процветал властью, золотом, великолепием дел, стражей, челядью, флотом, блеском имени и высшим почитанием людей, все же он ничего не избрал себе из этого для

славы, а сказал следующее: «Слава бога состоит в том, чтобы сокрыть вещь, а слава царя — в том, чтобы ее исследовать» [58].

И далее, пусть кто-нибудь подумает, прошу об этом, какова разница между жизнью людей в каком-либо наиболее культурном краю Европы и в какой-нибудь наиболее дикой и варварской области Новой Индии, и он увидит: между ними такое различие, что — по справедливости сможем сказать — «человек человеку бог», и не только вследствие оказываемой помощи и благодеяний, но также и вследствие разницы их состояния. И это происходит не от почвы, не от климата, не от телосложения, а от наук.

Хотелось бы еще показать силу, достоинство и последствия открытий; а это обнаруживается нагляднее всего на примере тех трех открытий, которые не были известны древним и происхождение которых хотя и недавнее, однако темно и лишено громкой славы, а именно: искусство печатания, применение пороха и мореходной иглы. Ведь эти три изобретения изменили облик и состояние всего мира, во-первых, в деле просвещения, во-вторых, в делах военных, в-третьих, в мореплавании. Отсюда последовали бесчисленные изменения вещей, так что никакая власть, никакое учение, никакая звезда не смогли бы произвести большее действие и как бы влияние на человеческие дела, чем эти механические изобретения.

Кроме того, уместно различать три вида и как бы три степени человеческих домогательств. Первый род состоит в том, что люди желают распространить свое могущество в своем отечестве. Этот род низмен и подл. Второй род — в том, что стремятся распространить власть и силу родины на все человечество. Этот род заключает в себе, конечно, больше достоинства, но не меньше жадности. Но если кто-либо попытается установить и распространить могущество и власть самого человеческого рода по отношению к совокупности вещей, то это домогательство (если только оно может быть так названо), без сомнения, разумнее и почтеннее остальных. Власть же человека над вещами заключается в одних лишь искусствах и науках, ибо над природой не властвуют, если ей не подчиняются.

Кроме того, если полезность одного какого-либо частного открытия столь поражала людей, что они считали высшим существом того, кто мог обязать себе весь человеческий род каким-либо благодеянием, то насколько

выше открыть то, посредством чего легко может быть открыто все другое! И однако (чтобы сказать всю правду), подобно тому как при всей благодетельности света, при помощи которого мы идем своей дорогой, занимаемся своим делом, читаем и узнаем друг друга, все же само созерцание света превосходнее и прекраснее, чем его многообразное использование, точно так и созерцание вещей, каковы они суть без суеверия или обмана, заблуждения или замешательства, более достойно само по себе, чем все плоды открытий.

Наконец, если кто-либо станет говорить, что науки и искусства ведут к пороку, роскоши и тому подобному, пусть это никого не тронет. Ибо это же может быть сказано обо всех земных благах — об уме, мужестве, силе, красоте, богатстве, самом свете и об остальном. Пусть человеческий род только овладеет своим правом на природу, которое назначила ему божественная милость, и пусть ему будет дано могущество; пользование же будет направляться верным рассудком и здравой религией.

CXXX

Теперь нам пора уже предложить само искусство истолкования природы. И хотя мы считаем, что даем в нем самое полезное и самое верное, однако мы не приписываем ему ни абсолютной необходимости (как если бы ничто не могло быть сделано без него), ни совершенства. Ибо мы держимся следующего мнения: если люди будут иметь в своем распоряжении подлинную историю природы и опыта, и прилежно ей отдадутся, и притом окажутся способными к двум вещам: во-первых, оставить принятые мнения и понятия, во-вторых, удержать на время ум от самого общего и от того, что близко ему, тогда они смогут прийти к нашему истолкованию посредством собственной природной силы ума без помощи какого-либо другого средства. Ибо истолкование есть истинное и естественное творение ума, освобожденного от всех препятствий[59]. Однако, несомненно, благодаря нашим правилам все будет более доступным и гораздо более достоверным.

Мы не утверждаем, однако, что к этому ничего нельзя прибавить. Наоборот, рассматривая ум не только в его собственной способности, но и в его связи с вещами, мы должны установить, что искусство открытия может расти вместе с открытиями.

КНИГА ВТОРАЯ АФОРИЗМОВ ОБ ИСТОЛКОВАНИИ ПРИРОДЫ, ИЛИ О ЦАРСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

I

Дело и цель человеческого могущества в том, чтобы производить и сообщать данному телу новую природу или новые природы. Дело и цель человеческого знания в том, чтобы открывать *форму* данной природы, или истинное отличие, или производящую природу, или источник происхождения (ибо таковы имеющиеся у нас слова, более всего приближающиеся к обозначению этой цели). Этим двум первичным делам подчиняются два других дела, вторичных и низшего разряда. Первому подчиняется превращение одного конкретного тела в другое в пределах возможного; второму — открытие во всяком порождении и движении *скрытого процесса,* продолжающегося непрерывно от проявленного действующего начала и проявленной материи вплоть до данной формы, а также открытие другого схематизма тех тел, которые пребывают не в движении, а в состоянии покоя.

II

Насколько неблагополучно существующее положение человеческого знания, явствует даже из того, что обычно утверждается. Правильно полагают, что «истинное знание есть знание причин». Не плохо также устанавливаются четыре причины: материя, форма, действующая и конечная причины. Но из них конечная причина не только бесполезна, но даже извращает науки, если речь идет не о действиях человека. Открытие формы почитается безнадежным. А действующая причина и материя (как они отыскиваются и принимаются вне скрытого процесса, ведущего к форме) — вещи бессодержательные и поверхностные и почти ничего не дают для истинной и деятельной науки. Однако мы не забыли, что выше мы отметили и исправили заблуждение человеческого ума, отдающего формам первенство сущности. Ибо хотя в при-

роде не существует ничего действительного, помимо единичных тел, осуществляющих сообразно с законом отдельные чистые действия, однако в науках этот же самый закон и его разыскание, открытие и объяснение служат основанием как знанию, так и деятельности. И этот же самый закон и его разделы мы разумеем под названием форм, тем более что это название укоренилось и обычно встречается.

III

Знание того, кто знает причину какой-либо природы (как, например, белизны или теплоты) только в некоторых предметах, несовершенно. Равным образом несовершенно могущество того, кто может производить действие только на некоторые материи (из числа тех, что способны воспринять его). А кто знает только действующую и материальную причины (эти причины переходящи и в некоторых случаях суть не что иное, как носители формы), тот может достигнуть новых открытий в отношении материи, до некоторой степени подобной и подготовленной, но не затронет глубже заложенных пределов вещей. Тот же, кто знает формы,— тот охватывает единство природы в несходных материях. И следовательно, он может открыть и произвести то, чего до сих пор не было, чего никогда не привели бы к осуществлению ни ход природных явлений, ни искусственные опыты, ни самый случай и что никогда не представилось бы человеческому мышлению. Поэтому за открытием форм следует истинное созерцание и свободное действие.

IV

Хотя пути к человеческому могуществу и знанию ближайшим образом сплетены один с другим и едва ли не одни и те же, однако вследствие пагубной застарелой привычки обращения к абстрактному гораздо безопаснее начинать и строить науки от тех оснований, которые связаны с действенной частью, чтобы она сама обозначила и определила созерцательную часть. Следовательно, должно позаботиться о том, какие правила, или направление, или указание более всего нужны были бы тому, кто хотел бы породить в данном теле и придать ему какую-нибудь природу и изложить это простой и незапутанной речью.

Так, например, если кто-либо пожелает придать серебру желтый цвет золота, или (сохраняя законы материи)

увеличить вес, или придать непрозрачному камню прозрачность, или стеклу прочность, или какому-либо нерастительному телу способность к произрастанию, следует, повторяю, позаботиться о том, какие он может скорее всего пожелать для себя правила или предписания. И прежде всего он, без сомнения, выберет то, что не будет тщетным в работе и не обманет в опыте. Затем он изберет себе для указания то, что не будет его стеснять и связывать определенными средствами и особенными приемами работы, ибо может случиться, что он не будет иметь возможности и благоприятных обстоятельств для того, чтобы добыть эти средства или обеспечить себя ими. Ибо если кроме предписанного существуют и другие средства и другие способы порождения этой природы, то они, возможно, окажутся доступны работающему; и тем не менее его может удержать узость предписания, и он не соберет плодов. В-третьих, он изберет себе для указания то, что не столь трудно, как то дело, которое отыскивается, но ближе подходит к практике.

Итак, требование относительно правильного и совершенного наставления в работе будет таково: чтобы оно было точным, свободным и располагающим или ведущим к действию. Но это то же самое, что и открытие истинной формы. Ибо форма какой-либо природы такова, что когда она установлена, то и данная природа неизменно за ней следует. Итак, форма постоянно пребывает, когда пребывает и эта природа, она ее вполне утверждает и во всем присуща ей. Но эта же форма такова, что когда она удалена, то и данная природа неизменно исчезает. Итак, она постоянно отсутствует, когда отсутствует эта природа, постоянно удерживает ее и только ей присуща. Наконец, истинная форма такова, что она выводит данную природу из источника какой-либо сущности, которая пребывает во многом и, как говорят, более известна природе, чем сама форма[60]. Итак, наше требование и предписание относительно истинной и совершенной аксиомы знания состоят в том, чтобы была открыта другая природа, которая могла бы быть превращена в данную природу, но была бы ограничением более известной природы наподобие истинного рода. Но эти два требования относительно действенного и созерцательного суть одно и то же. Что в действии наиболее полезно, то и в знании наиболее истинно.

V

Предписания, или аксиомы, превращения тел бывают двоякого рода. Первый рассматривает тело как группу, или соединение, простых природ. В золоте, например, соединяется следующее: что оно желто, тяжело до такого-то веса, ковко и тягуче до такого-то растяжения, не становится летучим и на огне ничего не теряет из своего количества; таково-то в жидком состоянии; выделяется и растворяется посредством таких-то способов; и так в отношении других естественных свойств, которые сходятся в золоте. Итак, аксиома этого рода выводит вещь из форм простых природ. Ибо, кто знает формы и способы наведения желтизны, тяжести, ковкости, прочности, текучести, растворимости и тому подобного, а также их степени и меры, тот и позаботится о том, чтобы они могли быть соединены в каком-либо теле, откуда последует превращение в золото. Этот род работы относится к первичному действию. Способ порождения какой-либо одной простой природы тот же, что и многих,— разве только человек связан и ограничен в действиях, когда требуется получить много природ, вследствие трудности соединения столь многих природ, которые не по проторенным и обычным дорогам природы не сходятся легко. Как бы то ни было, нужно все же сказать, что этот способ работы (рассматривающий простые природы, хотя и в определенном теле) исходит из того, что́ постоянно, вечно и всеобще в природе, и открывает человеческому могуществу широкие дороги, которые (сообразно с нынешним положением дел) едва может охватить и представить себе человеческая мысль.

Второй род аксиом (который зависит от открытия скрытого процесса) направлен не на простые природы, а на конкретные тела, как они открываются в природе в ее обычном течении. Например, в том случае, когда исследуется, из каких начал, каким образом и посредством какого процесса рождается золото или какой-либо другой металл или камень — от их первых зачатков до совершенного минерала; или также: каким путем рождаются травы — от первых сгущений соков в земле или от семян до сформировавшегося растения с общей последовательностью движения и разнообразными и продолжительными усилиями природы; или также при последовательном разъяснении рождения животных от сово-

купления до родов; или также в случае, когда исследуются другие тела.

Действительно, это исследование относится не только к рождению тел, но также и к другим движениям и произведениям природы. Например, когда ведется исследование прохождения и последовательных актов питания — от принятия пищи до ее совершенного усвоения; или произвольного движения у животных — от первого впечатления воображения и последовательных усилий духа вплоть до сгибания и движений членов тела; или развитого движения языка и губ и остальных органов — вплоть до произнесения членораздельных звуков. Ведь все эти исследования относятся к естествам слитым, или собранным, в одном построении, и здесь рассматриваются как бы частные и особые навыки природы, а не основные и общие законы, которые образуют формы. Впрочем, нужно вообще признать, что этот способ кажется более легким, и более близким, и подающим бо́льшие надежды, чем тот, первичный.

Подобным же образом и практическая часть, соответствующая рассмотренной созерцательной части, выводит и распространяет практику от того, что обычно открывается в природе, до чего-либо ближайшего или не слишком удаленного от ближайшего. Но более высокие и коренные воздействия на природу зависят, как бы то ни было, от первичных аксиом. Более того, там, где человеку дана не возможность действия, а только возможность знания, как, например, в небесных явлениях (ибо человеку не дано воздействовать на небесные тела, или менять их, или преобразовывать), исследование самого факта, или истинного положения вещей, не менее, чем познание причин и соответствий, зависит от тех первичных и всеобщих аксиом о простых природах, таких, как природа самопроизвольного вращения, притяжения или магнетической способности, или многих других явлений, которые более общи, чем сами небесные явления. Поэтому пусть никто не надеется решить вопрос, вращается ли в суточном движении земля или небо, не поняв предварительно природу самопроизвольного движения.

VI

Скрытый же процесс, о котором мы говорим, далеко не такая вещь, которая легко могла бы представиться человеческой душе в том ее состоянии, какому она ныне подвержена. Ведь мы не понимаем под ним ни какие-либо

меры, ни знаки или степени в движении, видимые в телах, а только непрерывный процесс, который большею частью ускользает от чувств.

Например: во всяком порождении и превращении тел следует искать, что теряется и улетает, что остается, что прибавляется, что расширяется, что сжимается, что разделяется, что продолжается, что обрывается, что побуждает, что препятствует, что господствует, что подчиняется и многое другое.

И опять-таки это следует искать не только в порождении и превращении тел, но и во всех других изменениях и движениях; точно так же дóлжно искать, что предшествует и что последствует, что стремительнее и что спокойнее, что производит движение и что им управляет и тому подобное. Но все это наукам (которые ныне разрабатываются крайне грубо и совершенно негодны) не известно и ими не затронуто. Ведь если каждое естественное действие совершается при посредстве самых малых частиц или по крайней мере слишком малых для того, чтобы возбудить чувство, то пусть никто не надеется, что он сможет управлять природой или изменять ее, пока должным образом ее не поймет и не узнает.

VII

Точно так же разыскание и открытие скрытого схематизма тел есть не менее новая вещь, чем открытие скрытого процесса и формы. Ведь мы до сих пор вращаемся только в преддверии природы и не готовим себе доступа в ее тайники. Но никто не может придать данному телу новую природу или удачно и целесообразно превратить тело в новое, пока он не будет хорошо знать об изменении и превращении тела. Без этого он прибегнет к тщетным или по крайней мере трудным и превратным способам, не соответствующим природе тела, над которым он работает. Итак, также и к этому надо открыть и проложить путь.

Несомненно правильно и с пользой применяют труд в анатомии органических тел (каковы тела человека и животных); это представляется тонкой вещью и хорошим исследованием природы. Но этот род анатомии основан на зрении, т. е. подчинен чувству и имеет место только для органических тел. Притом это нечто близкое и очевидное в сравнении с истинной анатомией скрытого схематизма в тех телах, которые считаются однородными, особенно в вещах, отличающихся специфическими

чертами[61], и их частях, таких, как железо, камень, и в однородных частях растения, животного, таких, как корень, лист, цветок, мясо, кровь, кость и т. д. Но даже и здесь человеческое усердие не всецело бездействовало, ибо к этому направлено разложение однородных тел путем перегонки и другими способами разложения, обнаруживающими неоднородность целого, составленного из собрания однородных частей. Это разложение приносит пользу и содействует нашим исканиям, хотя часто бывает обманчиво, ибо многие природы считаются результатом разделения, как если бы они ранее существовали в сложном [целом], в действительности же их заново создают и вводят огонь и тепло и другие способы разложения. Но и это лишь малая часть работы в раскрытии истинного схематизма в сложном целом, ибо этот схематизм гораздо более тонкая вещь, которая действием огня, скорее, смешивается, чем извлекается и проясняется.

Итак, необходимо разделение и разложение тел, конечно, не огнем, но посредством размышления и истинной индукции с помощью опытов, а также посредством сравнения с другими телами и сведения к простым природам и их формам, сходящимся и слагающимся в сложном. Решительно следует перейти от Вулкана к Минерве, если мы намерены извлечь на свет истинное строение и схематизм тел (от чего зависит всякое скрытое и, как его называют, специфическое свойство и способность в вещах и из чего также выводится правило всякого значительного изменения и превращения).

Например, нужно исследовать, сколько есть во всяком теле от духа и сколько от осязаемой сущности, а также обилен ли и тучен этот самый дух или тощ и беден, тонкий он или более густой, более воздушный или более огненный, деятельный или праздный, слабый или сильный, влекущий вперед или назад, раздробленный или непрерывный, пребывает ли в согласии с внешним и окружающим или в раздоре и т. д. То же в отношении осязаемой сущности (у которой не меньше различий, чем у духа) — ее жил, волокон и всякого рода ткани. И опять-таки под то же исследование подпадают расположение духа в телесной массе и ее поры, проходы, жилы и клетки, и начала, или первые зачатки, органического тела. Но также в этом исследовании и в открытии каждого скрытого схематизма истинный и ясный свет, действительно разгоняющий всякий туман и неясность, проистекает от первичных аксиом.

VIII

Мы поэтому не будем сводить вещь к атому, который предполагает пустоту и нетекучую материю (и то и другое ложно), а к истинным частицам, как они открываются. С другой стороны, нет ничего такого, что заставило бы кого-нибудь испугаться этой тонкости, как чего-то необъяснимого. Напротив, чем больше исследование склоняется к простым природам, тем более все будет ясно и очевидно, ибо исследование переходит от многообразного к простому, от несоизмеримого к соизмеримому, от невнятного к учитываемому, от бесконечного и смутного к конечному и определенному, подобно тому как мы видим это в элементах письма и в тонах созвучий. Лучше же всего подвигается вперёд естественное исследование, когда физическое завершается в математическом. Пусть никто опять-таки не устрашится множества или раздробленности. Ибо в вещах, которые рассматриваются посредством чисел, столь же легко думать и говорить о тысяче, как и об одном, или о тысячной части одного, как об одном целом.

IX

Из двух родов аксиом, которые установлены выше, возникает истинное деление философии и наук, причем мы придаем особый смысл общепринятым названиям (которые наиболее подходят к обозначению вещи). Таким образом, исследование форм, которые (по смыслу и по их закону) вечны и неподвижны, составляет *метафизику,* а исследование действующего начала и материи, скрытого процесса и скрытого схематизма (все это касается обычного хода природы, а не основных и вечных законов) составляет *физику.* Им и подчиняются подобным образом две практики: физике — *механика,* метафизике (в очищенном смысле слова) — *магия* вследствие ее обширных путей и большей власти над природой.

X

Итак, поставив цель учению, дóлжно перейти к предписаниям, сделав это отнюдь не превратным и спутанным образом. Указания об *истолковании природы* охватывают две различного рода части: во-первых, выведение или порождение аксиом из опыта; во-вторых, выведение или извлечение новых опытов из аксиом. Первая часть разделяется трояко, а именно: вспоможение чувству, вспоможение памяти и вспоможение уму, или рассудку [62].

Ведь прежде всего мы должны подготовить достаточную и хорошую *естественную* и *опытную историю,* которая представляет собой основу дела. Ибо мы должны не измышлять и выдумывать, а открывать то, что свершает и приносит природа.

Естественная же и опытная история столь разнообразна и рассеянна, что приведет разум в замешательство и расстройство, если не будет установлена и предложена в должном порядке. Поэтому нужно образовать *таблицы* и *сопоставления примеров* таким способом и порядком, чтобы разум мог по ним действовать.

Однако, даже в случае если бы это было сделано, все же разум, предоставленный сам себе, движимый сам собой, неуправляемый и неподготовленный, неспособен и недостаточен для того, чтобы образовать аксиомы. Итак, в-третьих, следует применить истинную и законную *индукцию,* которая есть самый ключ истолкования. При этом должно начать с конца и затем уже открыто возвращаться к остальному.

XI

Исследование форм происходит следующим образом. Сначала нужно для каждой данной природы представить разуму все известные примеры, сходящиеся в этой природе, хотя бы и посредством самых различных материй. И собрание этого рода должно быть образовано исторически без преждевременного умствования или каких-либо чрезмерных тонкостей. Например, в исследовании формы тепла.

Примеры, сходящиеся в природе тепла

1. Солнечные лучи, особенно летом и в полдень.
2. Солнечные лучи, отраженные и собранные, как, например, среди гор или в стенах и особенно в зажигательных зеркалах.
3. Огненные метеоры.
4. Воспламеняющиеся молнии.
5. Извержение пламени из горных недр и т. д.
6. Всякое пламя.
7. Раскаленные тела.
8. Естественные горячие источники.
9. Кипящие или нагретые жидкости.
10. Горячие пары и дымы, а также и самый воздух, который принимает сильнейший и неистовый жар, ког-

да бывает заперт, как, например, в отражательных печах.

11. Некоторые случаи ясной погоды, обусловленные самим состоянием воздуха независимо от времени года.

12. Запертый и подземный воздух в некоторых пещерах, особенно зимой.

13. Все мохнатое, как, например, шерсть, шкуры животных, оперения, содержит немало тепла.

14. Все тела, как твердые, так и жидкие, как густые, так и разреженные (каков, например, сам воздух), на время приближенные к огню.

15. Искры от кремня и стали, полученные посредством сильного удара.

16. Всякое подверженное сильному трению тело, как, например, камень, дерево, сукно; так что иногда дышла и оси колес загораются; а у западных индейцев огонь добывался посредством трения.

17. Зеленые и влажные травы, плотно уложенные вместе, как, например, розовые лепестки, набитые в корзинки, сено, если оно было сложено влажным, часто охватывается пламенем.

18. Негашеная известь, смоченная водой.

19. Железо, как только оно начинает растворяться в стеклянном сосуде кислотой, и притом без какого-либо приближения к огню. Так же и олово и прочее, но не столь сильно.

20. Животные, особенно и постоянно во внутренних частях; впрочем, тепло насекомых не доходит до осязания по причине малости их тела.

21. Конский навоз и вообще свежие испражнения животных.

22. Крепкое серное и купоросное масла выполняют действие тепла, сжигая ткань.

23. Масло майорана[63] и т. п. выполняет действие тепла, сжигая кости зубов.

24. Крепкий и хорошо очищенный винный спирт выполняет действие тепла, так что если бросить в него белок яйца, то белок сгущается и белеет, почти как в сваренном яйце. А брошенный в него хлеб становится сухим и твердеет наподобие поджаренного хлеба.

25. Ароматические и теплотворные травы, как, например, тургун[64], старая настурция и т. д., которые хотя и не теплы на ощупь (ни в целом виде, ни в порошке), но если слегка пожевать их, то язык и нёбо ощущают тепло и жжение.

26. Крепкий уксус и всякие кислоты на тех членах тела, где нет верхнего слоя кожи, как, например, на глазе, на языке, или на какой-нибудь пораненной части тела или там, где содрана кожа, причиняют боль, ненамного отличающуюся от той, которую причиняет жар.

27. Сильный и острый холод также приносит некое ощущение жжения.

Разгорячась, не сожгла, ни Борея пронзительный холод?..[65]

28. И прочее.

Эту таблицу мы обыкновенно называем *таблицей сущности* и *присутствия.*

XII

Во-вторых, должно представить разуму примеры, которые лишены данной природы, ибо форма (как уже сказано) так же должна отсутствовать там, где отсутствует природа, как и присутствовать там, где она присутствует. Но перечисление этого во всех случаях было бы бесконечным.

Поэтому отрицательное должно быть подчинено положительному, и отсутствие природы должно быть рассмотрено только в предметах наиболее родственных тем, в которых данная природа присутствует и наблюдается. Эту таблицу мы называем *таблицей отклонения,* или *отсутствия в ближайшем.*

Примеры ближайшего, лишенного природы тепла

к первому положительному примеру — первый отрицательный, или подчиненный, пример

Лучи луны, звезд и комет не оказываются теплыми для осязания. Более того, в полнолуние обычно наблюдаются наиболее суровые холода. Но полагают, что большие неподвижные звезды увеличивают и усиливают жар солнца, когда солнце проходит под ними или приближается к ним, как это бывает, когда солнце стоит в созвездии Льва и в дни Пса[66].

ко второму — второй

Лучи солнца не производят тепла в средней (как ее называют) области воздуха. Обычно этому дается неплохое объяснение, а именно что эта средняя область не

приближена достаточно ни к теплу солнца, откуда исходят лучи, ни к земле, которая их отражает. Это можно видеть на вершинах гор (если они не чрезмерно высоки), где постоянно пребывает снег. Напротив того, многими было замечено, что вершины пика Тенериф, а также Перуанских Анд[67] лишены снега и что снег там лежит только ниже — на подъеме. Кроме того, воздух этих самых горных вершин оказывается вовсе не холодным, а только разреженным и резким, так что в Андах чрезмерная резкость колет и ранит глаза, а также поражает устье желудка и вызывает рвоту. Замечено также древними[68], что на вершине Олимпа воздух был столь разрежен, что необходимо было тем, кто туда поднимался, нести с собою губки, смоченные уксусом и водой, и время от времени подносить их ко рту и к носу, ибо воздух вследствие его разреженности был недостаточен для дыхания. Сообщают также, что на этой вершине была такая ясность и такое спокойствие при отсутствии дождей, снегов и ветров, что буквы, начертанные пальцем на пепле жертвенных животных, приносимых на алтарь Юпитера, оставались до следующего года без какого-либо изменения. Так же и теперь те, кто взбирается на вершину пика Тенериф, идут туда ночью, а не днем. И вскоре после восхода солнца проводники предупреждают их о необходимости поспешить со спуском ввиду той опасности, что разреженность воздуха может прервать дыхание и задушить их.

ко второму — третий

Отражение солнечных лучей в областях, близких к полярным кругам, оказывается очень слабым и неэффективным в отношении тепла — настолько, что голландцы, которые зимовали на Новой Земле и ожидали освобождения своего корабля от осаждающих его ледяных громад, в начале июля, обманувшись в своей надежде, были принуждены искать спасения на лодке[69]. Итак, как видно, прямые солнечные лучи мало действуют, притом даже на ровной поверхности земли; да и отраженные также, если они не умножаются и не соединяются, как это бывает, когда солнце больше приближается к зениту. Ибо тогда падающие лучи образуют острые углы, так что линии лучей находятся ближе одна к другой, тогда как при большем склонении солнца углы весьма тупые и поэтому линии лучей находятся на большем расстоянии одна от

другой. Но при этом следует также отметить, что действия солнечных лучей могут быть различными и даже обусловленными природой тепла, причем они не соразмерны нашему ощущению, так что в отношении нас их действие не простирается до теплотворности, но в отношении некоторых других тел они производят работу тепла.

ко второму — четвертый

Проделаем следующий опыт. Возьмем стекло, сделанное противоположно тому, как делаются зажигательные стекла[70], расположим его между рукой и солнечными лучами и станем наблюдать, уменьшает ли оно солнечное тепло подобно тому, как зажигательное стекло его увеличивает и усиливает. Ибо в отношении оптических лучей наблюдается, что — в соответствии с различием в толщине стекла на середине и по краям — и изображения оказываются более размытыми или более собранными. Поэтому то же самое должно наблюдаться и в отношении тепла.

ко второму — пятый

Надо тщательно произвести опыт, можно ли посредством сильнейших и превосходно сделанных зажигательных стекол уловить и собрать лунные лучи для того, чтобы создать какую-либо, хотя бы наименьшую, степень тепла. Но так как эта степень тепла, возможно, будет слишком тонка и слаба, чтобы ощущение смогло ее воспринять и обнаружить, то надо будет прибегнуть к помощи тех измерительных стекол, которые показывают холодное или теплое состояние воздуха[71]. Сделать это надо таким образом, чтобы лунные лучи, проходящие через зажигательное стекло, падали на верхнюю часть такого измерителя. И тогда надо заметить, происходит ли там из-за тепла понижение воды.

ко второму — шестой

Надо также применить зажигательное стекло к такому теплу, которое не предполагает ни лучей, ни света, как, например, от нагретого, но не раскаленного железа и камня или от кипящей воды. И обратить внимание, будет ли здесь увеличение и усиление тепла, как от солнечных лучей[72].

ко второму — седьмой

Следует также применить зажигательное стекло для обычного огня.

к третьему — восьмой

Не обнаруживается, чтобы кометы (если и их причислять к метеорам[73]) производили очевидное и постоянное действие на увеличение жары, хотя и замечено, что они часто сопровождаются засухой. Более того, светящиеся полосы и столбы, небесные сияния и т. п. показываются чаще в зимнее время, чем в летнее, и преимущественно во время сильнейших холодов, однако в соединении с сухой погодой. Молнии, зарницы и гром редко происходят зимой, но бывают во время большого зноя. Так называемые падающие звезды обыкновенно считаются, скорее, состоящими из какой-то особой блестящей и воспламененной материи, чем имеющими более сильную огненную природу. Но это будет исследовано далее.

к четвертому — девятый

Бывают сверкания, которые дают свет, но не жгут, и они всегда бывают без грома.

к пятому — десятый

Извержения пламени происходят в холодных областях не менее, чем в теплых, как, например, в Гренландии и в Исландии; равным образом и деревья в холодных областях иногда более воспламеняемы и более смолисты, чем в теплых. Таковы ель, сосна и другие. Однако, в каком состоянии и в какого рода почве обычно происходят подобного рода извержения, недостаточно исследовано для того, чтобы мы могли присоединить к положительному примеру отрицательный.

к шестому — одиннадцатый

Всякое пламя всегда более или менее горячо, и здесь вообще нет отрицательного примера. И все же указывают, что так называемый блуждающий огонь, который иногда налетает на стену, содержит мало тепла. Возможно, он подобен пламени винного спирта, которое спокойно

и мягко. Но еще более мягко то пламя, которое, согласно некоторым верным и надежным свидетельствам, охватывало волосы и головы мальчиков и девочек и которое никоим образом не зажигало волос, а мягко колыхалось вокруг них. Вполне достоверно также и то, что вокруг вспотевшей в пути лошади иногда ночью при сухой погоде показывается сияние без какого-либо заметного тепла. Всем известно и несколько лет тому назад считалось почти чудом, что корсаж какой-то девушки сиял, если его немного шевелили или терли. Это, возможно, вызывали квасцы или соли, которыми был выкрашен корсаж: они пристали несколько плотнее, чем обычно, стали как бы корою и ломались при трении. Достоверно также и то, что всякий сахар, приправленный ли (как его называют) или простой, если только он тверд, сверкает, если его ломают в темноте или скоблят ножом. Иногда ночью подобным же образом сияет соленая морская вода, когда ее рассекают сильным ударом весла. Так же и во время бурь ночью сверкает сильно волнующаяся морская пена. Это сверкание испанцы называют дыханием моря[74]. Что же касается того пламени, которое древние мореплаватели называли Кастором и Полуксом, а новые — огнем св. Эльма[75], и того, какое тепло в нем содержится, то это недостаточно исследовано.

к седьмому — двенадцатый

Все доведенное до такой степени каления, что становится огненно-красным, постоянно горячо, хотя бы и без пламени. Этому положительному примеру нет соответствующего отрицательного. Но ближе всего к этому подходит, по-видимому, гнилое дерево, которое светит ночью и, однако, не отдает теплом; так же и гниющая рыбья чешуя блестит ночью, но на ощупь не тепла. И незаметно также, чтобы тело светящегося червяка или мухи, которую зовут светляком, было тепло на ощупь.

к восьмому — тринадцатый

Недостаточно исследовано, в каких местах и в почве какой природы обычно истекают теплые источники. Поэтому здесь не присоединяется отрицательный пример.

к девятому — четырнадцатый

К кипящим жидкостям присоединяется отрицательный пример самой жидкости в ее природе. Ведь нет ни одной осязаемой жидкости, которая была бы тепла по своей природе и постоянно оставалась бы таковой. Тепло наводится только на время, как приобретаемое свойство. Так что те жидкости, которые наиболее теплы по своей силе и действию, как винный спирт, химические ароматические масла, а также купоросное и серное масла и т. п., которые спустя короткое время обжигают, при первом прикосновении холодны. А вода естественных теплых источников, взятая в какой-либо сосуд и отделенная от своих истоков, охлаждается так же, как вода, нагретая на огне. Однако верно и то, что маслянистые жидкости на ощущение менее холодны, чем водянистые, подобно тому как масло менее холодно, чем вода, а шелк менее холоден, чем полотно. Но это относится к таблице степеней холода.

к десятому — пятнадцатый

Подобным же образом к горячему пару присоединяется отрицательный пример природы самого пара, в которой он нам является. Ибо испарения маслянистых жидкостей, хотя и легко воспламеняемые, все же не теплы, кроме того случая, когда они недавно изошли из теплого тела.

к десятому — шестнадцатый

Подобным же образом и к горячему воздуху присоединяется отрицательный пример природы самого воздуха. Ведь воздух у нас не встречается теплым, кроме того случая, когда он заперт, или сжат, или явно нагрет солнцем, огнем или каким-нибудь другим горячим телом.

к одиннадцатому — семнадцатый

К этому примеру присоединяется отрицательный пример погоды более холодной, чем соответствовало бы времени года; такая бывает у нас, когда дуют восточный и северный ветры, подобно тому как противоположная погода наступает тогда, когда дуют южный и западный

ветры. Так же и дождливость (особенно в зимние времена) сопровождает теплую погоду, а снегопад, наоборот, холодную.

к двенадцатому — восемнадцатый

Присоединяется отрицательный пример воздуха, заключенного в пещерах в летнее время. Но запертый воздух надо вообще более усердно исследовать. Ибо прежде всего не без основания возникает вопрос, какова сама по себе природа воздуха в отношении к теплу и холоду. Ведь воздух явно получает тепло от воздействия небесных тел, а холод он получает, возможно, от дыхания земли и, кроме того, в средней (как ее называют) области воздуха от холодных паров и снегов. Так что нельзя высказать никакого суждения о природе воздуха по воздуху наружному и расположенному под открытым небом, но истиннее будет суждение по запертому воздуху. Однако необходимо, чтобы воздух был заключен в таком сосуде и материале, который и сам не передаст воздуху тепло или холод и не легко допустит силу внешнего воздуха. Поэтому надо сделать опыт в глиняном кувшине, много раз обернутом шкурой для защиты от внешнего воздуха, и пусть в продолжение трех или четырех дней воздух остается в этом хорошо закрытом сосуде. И потом, открыв кувшин, надо сделать испытание рукой или стеклянным измерителем.

к тринадцатому — девятнадцатый

Подобным же образом возникает сомнение, получается ли тепло в шерсти, шкуре, перьях и т. п. из какого-то малого количества присущего им тепла, поскольку все это отделяется от животных, или также от некоторой жирности и маслянистости, которые по своей природе схожи с теплом, или исключительно от заключенного в них раздробленного воздуха, как сказано в предыдущем параграфе. Ибо по-видимому, всякий воздух, отрезанный от бесконечности наружного воздуха, имеет некоторое количество тепла. Поэтому надо сделать опыт на том волокне, которое приготовляют из льна, а не из шерсти, перьев или шелка, получаемых от животных. Следует также заметить, что все порошки (где явно содержится воздух) менее холодны, чем их целые тела; точно так же мы считаем, что всякая пена (как содержащая воздух) менее холодна, чем сама жидкость.

к четырнадцатому — двадцатый

К этому примеру не присоединяется отрицательный. Ибо мы ничего не находим ни осязаемого, ни воздушного, что, будучи приближено к огню, не принимало бы тепла. Однако есть различие в том, что одни тела принимают тепло быстрее, как воздух, масло и вода, а другие — медленнее, как камень и металл. Но это относится к таблице степеней.

к пятнадцатому — двадцать первый

К этому примеру нет другого отрицательного, кроме того, что искры (это надо ясно отметить) не возникают из кремня, или из стали, или из какой-либо другой твердой субстанции, если не отсекаются какие-нибудь ничтожные частицы от самого вещества камня или металла, а трение воздуха само по себе никогда не производит искр, как это обычно полагают. Ведь и сами эти искры по причине веса огненного тела направляются более вниз, чем кверху, и, погаснув, обращаются в некую вещественную сажу.

к шестнадцатому — двадцать второй

Мы полагаем, что к этому примеру нельзя присоединить отрицательный. Ибо у нас нет ни одного осязаемого тела, которое бы явно не нагревалось от трения; так что древние воображали, будто присущая небесным телам сила или способность нагревания обусловлена всецело трением о воздух при их сильном и быстром вращении [76]. Но в этой области следует далее исследовать, не получают ли тела, выбрасываемые машинами (как, например, ядра из пушек), сколько-нибудь тепла от самого сотрясения — в такой степени, что после падения оказываются довольно горячими. Движение же воздуха больше холодит, чем нагревает, как, например, при ветре, при работе раздувальных мехов и когда дуют сквозь сжатые губы. Впрочем, движение этого рода не настолько быстро, чтобы вызвать тепло, и совершается в целом, а не в частицах. Так что не удивительно, если оно не рождает тепла.

к семнадцатому — двадцать третий

Относительно этого примера следует сделать более тщательное исследование. По-видимому, травы и зеленые и влажные растения имеют в себе какое-то скрытое тепло.

Но это тепло столь слабо, что в отдельных растениях оно не воспринимается ощущением; но, после того как эти растения были бы соединены и заключены таким образом, чтобы их дух не испарялся в воздух, а, наоборот, согревал сам себя, возникало бы явное тепло, а иногда и огонь в подходящей для этого материи.

к восемнадцатому — двадцать четвертый

Также и относительно этого примера следует сделать более тщательное исследование. По-видимому, политая водой негашеная известь получает тепло или вследствие соединения тепла, которое ранее было рассеяно (как выше было сказано относительно спрессованных трав), или вследствие раздражения и возбуждения огненного духа водой, так что происходит некоторое столкновение и противодействие. Какая же из двух причин в действительности имеет место, легче обнаружится тогда, когда вместо воды будет влито масло. Ведь масло будет иметь такое же значение, как и вода для связывания заключенного духа, но не для его раздражения. Дóлжно также расширить опыт, производя его как над пеплом и известью различных тел, так и посредством вливания различных жидкостей.

к девятнадцатому — двадцать пятый

К этому примеру присоединяется отрицательный пример других металлов, которые более мягки и текучи. Ибо листки золота, обращенные в жидкость с помощью царской водки[77], не дают в растворе никакого ощутимого тепла. Точно так же и свинец в крепкой водке, и ртуть (насколько я помню). Но само серебро возбуждает малое количество тепла, а также и медь (насколько я помню); а более это заметно в олове и более всего в железе и стали, которые возбуждают при растворении не только сильное тепло, но даже и бурное кипение[78]. Итак, по-видимому, тепло возникает от столкновения, когда крепкие жидкости проникают в тела, пронизывая их и разрывая их на части, а сами тела этому противятся. А там, где тела уступают легче, тепло едва возбуждается.

к двадцатому — двадцать шестой

К теплу животных не присоединяется ни один отрицательный пример, за исключением насекомых (как уже сказано) по причине малого размера их тела. Ибо в ры-

бах, если их сравнить с земными животными, скорее замечается низкая степень тепла, чем его отсутствие. Зато в растениях всякого рода не воспринимается ощущением никакая степень тепла — ни в вытекающем соке, ни в свежераскрытой сердцевине. Но и в животных обнаруживается великое разнообразие тепла как по его расположению (ибо одно тепло — вблизи сердца, другое — в мозгу и другое — вблизи поверхности тела), так и по состояниям, в которых они находятся, как, например, при сильном напряжении и лихорадках.

к двадцать первому — двадцать седьмой

К этому примеру едва ли можно присоединить отрицательный. Ведь даже и несвежие испражнения животных явно содержат потенциальное тепло, как это замечается при унавожении земли.

к двадцать второму и двадцать третьему — двадцать восьмой

Жидкости, обладающие большой и сильной остротой (называть ли их водами или маслами), производят тепловое действие, разлагая тела, а также обжигая их после некоторого промежутка времени. И все же на ощупь они сначала не теплы. Действуют же они сообразно способности и проницаемости тела, с которым они соединяются. Действительно, царская водка растворяет золото, но не серебро; кислота, напротив, растворяет серебро, но не золото; но ни та ни другая не растворяет стекла и так далее.

к двадцать четвертому — двадцать девятый

Надо сделать опыт над действием винного спирта на дерево, на коровье масло, на воск, на смолу: не разжижает ли он их до некоторой степени своим теплом. Ведь двадцать четвертый пример представляет его силу схожей с теплом в случае затвердения. Подобно этому надо сделать опыт и в отношении разжижения. Надо также сделать опыт посредством измерительного стекла, полого в своей верхней части. В эту полость надо налить хорошо очищенный винный спирт под крышкой, чтобы он лучше удерживал свое тепло, и заметить, заставит ли он своим теплом воду опускаться.

к двадцать пятому — тридцатый

Ароматические растения и острые травы сообщают тепло нёбу и еще гораздо больше — желудку. Итак, нужно рассмотреть, на какие другие вещества они производят действие тепла. Моряки рассказывают, что если сразу открыть склад ароматических растений, который долго был заперт, то для тех, кто их разбирает и выгружает, представляется опасность заболеть лихорадкой или воспалением. Можно было бы также сделать опыт, сушит ли порошок из таких ароматических растений подвешенные над ним жир и мясо, подобно дыму огня.

к двадцать шестому — тридцать первый

Острота и способность проникновения присущи и холодным жидкостям, как уксус или купоросное масло, и теплым жидкостям, как масло майорана и подобные ему. Поэтому они одинаковым образом вызывают боль у животных, а у неживых тел разделяют и уничтожают их части. И для этого примера нет отрицательного. Притом в живых существах никакая боль не наблюдается без некоторого чувства тепла.

к двадцать седьмому — тридцать второй

Есть много действий, общих и теплу и холоду, хотя и совершенно различных по своим причинам. Так, мы видим, что и снег жжет руки мальчиков, спустя недолгое время; и холод предохраняет мясо от гниения не меньше, чем огонь; и тепло стягивает тела в меньшие размеры, что делает так же и холод. Но это и подобное этому будет удобнее отнести к исследованию о холоде.

XIII

В-третьих, должно представить разуму примеры, в которых исследуемая природа присутствует в большей и в меньшей степени. Это возможно или посредством сопоставления роста и уменьшения этого свойства в одном и том же предмете, или посредством сравнения его в различных предметах. Ибо если форма вещи есть сама вещь и вещь не отличается от формы иначе, чем явление отличается от сущего, или внешнее от внутреннего, или вещь по отношению к человеку от вещи по отношению к Вселенной[79], то отсюда вообще следует, что никакую

природу нельзя принимать за истинную форму, если форма не убавляется всегда, когда убавляется сама природа, и подобным же образом не увеличивается всегда, когда увеличивается сама природа. Мы называем эту таблицу *таблицей степеней,* или *таблицей сравнений* [80].

Таблица степеней, или сравнений, для тепла

Итак, сначала мы будем говорить о том, что не имеет на ощупь совершенно никакой степени тепла, но, по-видимому, имеет только некоторое потенциальное тепло, или предрасположение и приуготовление к теплу. Затем мы перейдем к тому, что актуально или на ощупь тепло, к его силе и степеням.

1. Среди твердых и осязаемых тел мы не находим ни одного, которое было бы изначально тепло по своей природе. Ведь ни камень какой-либо, ни металл, ни сера, ни какое-либо ископаемое, ни дерево, ни вода, ни труп животного не обнаруживают тепла. Теплые же воды в источниках нагреваются, очевидно, случайно — либо подземным пламенем или огнем наподобие того, что извергается из Этны и многих других гор, либо столкновением тел, подобно тому как образуется тепло при растворении железа и олова. Итак, в неживых телах нет никакой заметной для человеческого ощущения степени тепла. Однако они различаются степенью холода, ибо неодинаково холодны дерево и металл. Но это относится к таблице степеней холода.

2. Но что касается потенциальности тепла и предуготовленности к пламени, то встречается много неживых тел, весьма расположенных к этому, как, например, сера, нефть, горное масло.

3. Тела, которые были ранее нагреты, как конский навоз, нагретый животным, или негашеная известь, или, может быть, пепел и сажа, нагретые огнем, удерживают некоторые скрытые остатки прежнего тепла. Поэтому можно производить некоторые перегонки и разложения тел посредством их закапывания в конский навоз; а также возбуждать тепло в негашеной извести посредством обливания водой, как уже было сказано.

4. Среди растительных тел нет ни одного растения или части растения (как камедь или сердцевина), которые были бы теплы для человеческого осязания. Однако все же

(как сказано выше) спрессованные зеленые травы нагреваются. И для внутреннего ощущения, как для нёба или желудка или также и для внешних частей тела, при несколько более длительном воздействии (например, в пластырях или в мазях) одни растения оказываются горячими, другие — холодными.

5. В частях животных после смерти или отделения от тела не обнаруживается какого-либо тепла, заметного для человеческого ощущения. Даже и самый конский навоз не удерживает тепла, если он не закрыт и не закопан. Однако, по-видимому, всякий навоз содержит потенциальное тепло, как, например, при удобрении полей. Подобным же образом содержат это скрытое потенциальное тепло и трупы животных, так что в земле кладбищ, где ежедневно происходят погребения, собирается некоторое скрытое тепло, которое гораздо скорее уничтожает недавно положенный труп, чем чистая земля. Рассказывают также, что на Востоке существует какая-то тонкая и мягкая ткань, сделанная из перьев птицы, которая своей прирожденной силой растопляет и разжижает масло, если его слегка в нее обернуть.

6. То, чем удобряют поля, как, например, навоз всякого рода, мел, морской песок, соль и тому подобное, имеет некоторое предрасположение к теплу.

7. Всякое гниение имеет в себе зачатки некоторого слабого тепла, хотя и не в такой степени, чтобы оно воспринималось на ощупь. Ибо ни то, что при гниении разлагается на мелких животных, как мясо, сыр, ни гнилое дерево, которое блестит ночью, не тепло на ощупь. Иногда же тепло в гнилых телах обнаруживается отвратительным и сильным запахом.

8. Итак, первая степень тепла среди тех тел, которые теплы для человеческого осязания, есть тепло животных, которое имеет широкую шкалу степеней. Действительно, низшая степень (как у насекомых) едва заметна на ощупь. Высшая же степень этого тепла едва не достигает степени тепла солнечных лучей, свойственного областям и временам года наиболее знойным, хотя этот жар и не настолько резок, чтобы рука не могла его выдержать. И все же рассказывают о Констанции[81] и о некоторых других, отличающихся чрезвычайной сухостью телосложения, будто, заболев острейшей лихорадкой, они охватывались таким жаром, что приложенная к ним рука испытывала некоторый ожог.

9. В животных тепло увеличивается от движения и напряжения, вина и еды, половой деятельности, острых лихорадок и боли.

10. Во время приступов импульсивной лихорадки животные сначала охватываются холодом и ознобом, но спустя немного нагреваются в еще большей степени; последнее бывает в начале при воспалительных и чумных лихорадках.

11. Необходимо дальнейшее исследование для сравнения тепла различных животных, как, например, рыб, четвероногих, змей, птиц, а также различных видов этих животных, как лев, коршун, человек. Ибо, согласно обычному мнению, рыбы в своих внутренностях менее теплы, птицы же более теплы, особенно голуби, ястребы, воробьи.

12. Необходимо дальнейшее исследование для сравнения тепла в одном и том же животном, но в различных его частях и членах. Ибо молоко, кровь, сперма, яйца оказываются в умеренной степени теплы и менее горячи, чем поверхность самого тела животного, когда оно движется или действует. Какова же степень тепла в мозгу, желудке, сердце и остальных частях, до сих пор еще не исследовано.

13. Все животные охлаждаются на поверхности тела зимой и во время холодной погоды; но полагают, что во внутренних частях они становятся еще более горячими.

14. Тепло небесных тел, даже в наиболее знойной области и в наиболее знойную пору года и дня, не достигает такой степени, чтобы воспламенить или обжечь самое сухое дерево, или солому, или даже трут, если его не усилить посредством зажигательного стекла. Однако оно может вызывать пар из влажных вещей.

15. Согласно воззрению астрономов, одни звезды считаются более теплыми, другие — менее теплыми. Среди планет самым горячим после Солнца считается Марс, затем Юпитер, затем Венера. Холодными же считаются Луна, а затем — наиболее холодным из всех — Сатурн. Среди неподвижных же звезд самой горячей считается Сириус, затем Сердце Льва, или Регул, затем Пес и др.[82]

16. Солнце греет тем более, чем более приближается к положению отвеса или к зениту. И это же следует полагать и для других планет в отношении меры их тепла. Например, Юпитер более согревает, когда он расположен под знаком Рака или Льва, чем под знаком Козерога или Водолея.

17. Дóлжно полагать, что само Солнце и остальные планеты больше нагревают в своих перигеях (по причине близости к Земле), чем в апогеях[83]. Но если случается, что в какой-нибудь области Солнце одновременно находится в перигее и ближе к зениту, то оно неизбежно больше греет, чем в той области, где оно также находится в перигее, но в большем склонении. Так что следует учитывать сравнение высот планет в различных областях, смотря по отношению к отвесу или склонению.

18. Считается, что Солнце и остальные планеты греют больше тогда, когда находятся вблизи больших неизменных звезд. Так, например, когда Солнце находится под знаком Льва, оно оказывается ближе к Сердцу Льва, к Хвосту Льва, к Колосу Девы, к Сириусу и к Псу, чем тогда, когда оно находится под знаком Рака, хотя там оно расположено ближе к зениту. Дóлжно так же полагать, что части неба сообщают тем более тепла (хотя и незаметного для осязания), чем более они украшены звездами, особенно большими.

19. Вообще тепло небесных тел увеличивается тремя условиями, а именно: отвесным положением, близостью или нахождением в перигее и соединением или сочетанием звезд.

20. Правда, имеется большой интервал между теплом животных, а также лучей небесных тел (в том их состоянии, как они до нас доходят) и огнем, хотя бы мягчайшим, а также всеми раскаленными телами, жидкостями и самим воздухом, нагретым в сильной степени огнем. Ибо пламя винного спирта, будучи особенно разреженным, все же в состоянии зажечь солому, полотно или бумагу, чего никогда не сделает тепло животного или тепло солнца без зажигательных стекол.

21. Есть много степеней силы и слабости тепла у пламени и раскаленных тел. Однако об этом еще нет тщательного исследования, так что придется этого коснуться лишь слегка. По-видимому, из всех видов пламени наиболее мягко пламя винного спирта, разве только еще более мягок блуждающий огонь и огонь или сияние от испарений животных. За этим, мы полагаем, следует пламя легких и пористых растительных тел, как соломы, тростника, сухих листьев; от этого пламени немногим отличается пламя волос или перьев. За этим, возможно, следует пламя дерева, в особенности такого, которое содержит немного смолы. Причем пламя небольших кусков дерева (которые обычно собираются в связки) мягче, чем пламя ство-

лов и корней. Это можно легко испытать в тех печах, где выплавляют железо,— для них огонь связок и ветвей дерева не вполне пригоден. За этим следует (как мы полагаем) огонь масла, сала, воска и тому подобных маслянистых и жирных тел, не имеющих большой остроты. Сильнейшее же тепло оказывается в смолах и еще большее — в сере, камфоре, нефти, горном масле и солях (после того как из них удалено сырое вещество) и в их сочетаниях, как, например, в огнестрельном порохе, греческом огне (который часто зовут диким огнем) и в его различных разновидностях, которые имеют столь упорный жар, что их нелегко тушить водой.

22. Мы считаем также очень сильным и острым пламя, которое происходит от некоторых несовершенных металлов. Но для всего этого необходимо дальнейшее исследование.

23. Но по-видимому, пламя могущественных молний превосходит все эти виды пламени настолько, что иногда расплавляет в капли кованое железо, чего другое пламя совершить не может.

24. В раскаленных телах также имеются разные степени тепла, о которых еще не сделано тщательного исследования. Мы считаем, что наиболее слаб жар у трута, которым мы пользуемся при высекании пламени, и подобным же образом — у губчатого дерева или сухого фитиля, применяемого для огнестрельных орудий. За этим следует раскаленный уголь, древесный и каменный, а также торф и тому подобное. Но самый сильный жар среди всех раскаленных тел содержится, как мы считаем, в раскаленных металлах, как железо, медь и др. Однако относительно этого также должно быть сделано дальнейшее исследование.

25. Встречаются среди раскаленных тел гораздо более горячие, чем некоторые виды пламени. Так, раскаленное железо гораздо горячее и гораздо более обжигает, чем пламя винного спирта.

26. Некоторые тела, превосходящие теплом многие виды пламени и раскаленных тел, встречаются также среди тел, которые не раскалены, а только нагреты огнем, как, например, кипящая вода и воздух, заключенный в отражательных печах.

27. Движение увеличивает теплоту, как это видно на примере раздувательных мехов, так что более твердые из металлов не расплавляются и не превращаются

в жидкости от мертвого или спокойного огня, пока огонь не будет возбужден дутьем.

28. Надо произвести опыт с зажигательными стеклами. Здесь (насколько помню) происходит следующее. Если стекло, например, ставится на расстоянии пяди от зажигаемого предмета, оно не обжигает и не воспламеняет его в такой степени, как если, например, поставить стекло на расстоянии полупяди и затем постепенно и медленно отодвигать его на расстояние одной пяди. Хотя конус и соединение лучей остаются теми же, но само движение увеличивает действие теплоты [84].

29. Считается, что пожары, которые происходят при сильном ветре, скорее распространяются против ветра, чем по ветру; очевидно, потому, что пламя отбрасывается более быстрым движением, когда ветер уступает ему, чем тогда, когда оно движется, подгоняемое ветром.

30. Пламя не поднимается и не возникает, если нет пространства, в котором оно могло бы двигаться и играть, за исключением порохового пламени и подобного ему, когда сжатие и запирание пламени увеличивают его неистовство.

31. Наковальня сильно нагревается под молотом, так что мы считаем, что если бы наковальня была сделана из более тонкой плиты, то сильными и продолжительными ударами молота ее можно было бы раскалить докрасна, как раскаленное железо. Но это нужно проверить на опыте.

32. В охваченных огнем телах, которые настолько пористы, что дают пространство для движения огня, огонь тотчас гаснет, если этому движению мешает сильное сдавливание. Так, действие огня немедленно прекращается, если трут или фитиль свечи или лампады или также раскаленный уголь сжать прессом.

33. Приближение к горячему телу увеличивает теплоту в зависимости от степени приближения, как это происходит и со светом, а именно: чем ближе помещают предмет к свету, тем более он видим.

34. Соединение различных теплот увеличивает теплоту, если только не происходит смешения тел. Действительно, большой огонь и малый огонь в одном и том же месте сообща немало увеличивают теплоту. Но теплая вода, введенная в кипящую воду, охлаждает ее.

35. Пребывание горячего тела увеличивает теплоту. Ибо постоянная переходящая и исходящая теплота смешивается с теплотой, существовавшей ранее, так что теп-

лота увеличивается. Ведь огонь не настолько нагревает комнату в продолжение получаса, как в продолжение целого часа. Свет же этого свойства не имеет, ибо лампада или свеча, поставленная в каком-либо месте, не больше освещают в течение продолжительного времени, чем тотчас после начала освещения.

36. Раздражение окружающим холодом увеличивает теплоту, как это видно по горению очага во время сурового мороза. Мы считаем, что это происходит не только от ограничивания и сжатия теплоты, что представляет собой род соединения, но и от раздражения. Так, если воздух или палка насильственно сжимаются или сгибаются, то они отскакивают не до прежнего места, но дальше в противоположную сторону. Поэтому надо сделать тщательный опыт с палкой или чем-либо подобным, внесенным в пламя,— не будет ли горение сильнее по бокам пламени, чем в середине пламени.

37. Есть много степеней восприимчивости теплоты. И прежде всего следует заметить, что незначительная и слабая теплота все же изменяет и несколько нагревает даже те тела, которые наименее восприимчивы к теплоте. Ведь даже теплота руки несколько нагревает шарик из свинца или другого металла, если немного подержать его. Так легко теплота проникает во все тела и возникает в них, в то время как тело нисколько не изменяется на вид.

38. Из всех известных нам тел легче всех и воспринимает и испускает теплоту воздух. Это отлично показывает измерительное стекло. Устройство его таково. Берут стеклянную колбу с объемистым брюшком и с тонкой и продолговатой шейкой. Колбу опрокидывают и опускают устьем вниз и брюшком вверх в сосуд с водой так, чтобы устье опущенной колбы коснулось дна принимающего сосуда; и пусть шейка опущенной колбы немного обопрется о край принимающего сосуда так, чтобы она могла стоять. Чтобы облегчить это, надо положить немного воска на край принимающего сосуда, но не вовсе закрыв его отверстие, чтобы не помешать недостатком поступления воздуха весьма легкому и тонкому движению, о котором мы будем говорить.

Следует перед тем, как вставить опускаемую колбу в другую, нагреть на огне ее верхнюю часть, т. е. брюшко. После же того, как эта колба будет поставлена так, как мы говорили, воздух (расширенный нагреванием) после промежутка времени, достаточного для угасания заимст-

вованного тепла, сожмется и соберется до того же протяжения и объема, какой был у окружающего воздуха в то время, когда опускается стекло, и потянет воду вверх до соответствующего деления; нужно привесить длинную и узкую бумажную полосу, размеченную на сколько угодно делений. И мы увидим, что сообразно тому, становится ли погода теплее или холоднее, воздух сжимается от охлаждения и расширяется от нагревания. Это будет заметно по воде, которая поднимается, когда воздух сжимается, и опускается, когда воздух расширяется. При этом чувствительность воздуха в отношении холода и тепла столь тонка и изощренна, что намного превосходит способность человеческого осязания; так что какой-нибудь солнечный луч или тепло дыхания и еще более тепло руки, положенной поверх склянки, тотчас явно понижают воду. И все же мы считаем, что животный дух имеет еще более изощренное чувство тепла и холода, только этому чувству мешает и притупляет его телесная оболочка.

39. После воздуха мы считаем наиболее чувствительными к теплоте тела, которые сразу же изменяются и сжимаются холодом; таковы, например, снег и лед, ибо они начинают таять и распускаться от любого слабого тепла. За ними, пожалуй, следует ртуть. За ней следуют жирные тела, как растительное и животное масла и тому подобные; затем дерево, затем вода и наконец камни и металлы, которые нагреваются нелегко, особенно внутри. Они, однако, приняв однажды тепло, удерживают его очень долго: раскаленный кирпич, или камень, или железо, брошенные и погруженные в таз с холодной водой, приблизительно в продолжение четверти часа удерживают тепло настолько, что до них нельзя дотронуться.

40. Чем меньше размер тела, тем скорее оно нагревается от приближения нагретого тела; это показывает, что все наше тепло некоторым образом обращено к осязаемому телу.

41. Применительно к человеческому чувству и ощущению тепло есть разнообразная и относительная вещь. Так, теплая вода покажется горячей, если погрузить в нее охваченную холодом руку, и холодной, если рука будет нагрета.

XIV

Насколько мы бедны в истории, каждый может легко видеть из приведенных выше таблиц, где мы вместо проверенной истории и несомненных примеров ставили иногда

ходячие мнения (всегда, однако, присоединив замечание о сомнительной верности авторитета) и часто также должны были пользоваться следующими словами: «Надо сделать опыт» или «Необходимо дальнейшее исследование».

XV

Задачу и цель этих трех таблиц мы называем *представлением примеров разуму*. А после представления должна прийти в действие и самая индукция. Ибо на основании представления всех и отдельных примеров следует открыть такую природу, которая всегда вместе с данной природой и присутствует и отсутствует, возрастает и убывает и является (как сказано выше) частным случаем более общей природы. Если разум с самого начала попытается сделать это в положительном смысле (как он всегда делает, будучи предоставлен самому себе), то произойдут призрачные, сомнительные и плохо определенные понятия и аксиомы, которые надо будет ежедневно исправлять, если только не предпочитать (по обычаю схоластов) сражаться за ложное. Однако эти заключения будут лучшими или худшими сообразно со способностью и силой действующего разума. Вообще же только богу (подателю и творцу форм) или, может быть, ангелам и высшим гениям свойственно немедленно познавать формы в положительных суждениях при первом же их созерцании. Но это, конечно, выше человека, которому только и дозволено следовать сначала через отрицательное и в последнюю очередь достигать положительного после всякого рода исключения [85].

XVI

Итак, следует совершать разложение и разделение природы, конечно, не огнем, но разумом, который есть как бы божественный огонь. Поэтому первое дело истинной индукции (в отношении открытия форм) есть *отбрасывание*, или *исключение*, отдельных природ, которые не встречаются в каком-либо примере, где присутствует данная природа, или встречаются в каком-либо примере, где отсутствует данная природа, или встречаются растущими в каком-либо примере, где данная природа убывает, или убывают, когда данная природа растет. Тогда после отбрасывания и исключения, сделанного должным образом (когда все легковесные мнения обратятся в дым), на втором месте (как бы на дне) останется положительная форма, твердая, истинная и хорошо определенная. Сказать

это просто, но путь к этому извилист и труден. Мы же постараемся не оставить без внимания ничего, что способствует этому.

XVII

Приходится почти постоянно предостерегать и наставлять людей, чтобы они, видя, какое значение мы придаем формам, не переносили того, что мы говорим, на те формы, к которым до сих пор привыкло созерцание и размышление людей.

Ибо, во-первых, мы сейчас не говорим о видовых формах, которые представляют собой (как мы сказали) сочетания простых природ, возникшие из общего хода вещей в мире, как, например, лев, орел, роза, золото и тому подобное. Ибо говорить о них будет время тогда, когда мы подойдем к скрытым процессам и скрытым схематизмам и к нахождению того, как они открываются в так называемых субстанциях, т. е. в конкретных природах.

Опять-таки, пусть не отнесут наши слова (даже относительно простых природ) к абстрактным формам и идеям или вовсе не определенным в материи или плохо определенным[86]. Ибо когда мы говорим о формах, то мы понимаем под этим не что иное, как те законы и определения чистого действия, которые создают какую-либо простую природу, как, например, теплоту, свет, вес во всевозможных материях и воспринимающих их предметах. Итак, одно и то же есть форма тепла или форма света и закон тепла или закон света. Мы никогда не отвлекаемся и не отходим от самих вещей и от практики. Поэтому, когда мы говорим, например, при исследовании формы тепла: «Отбрось тонкость» или «Тонкость не относится к форме тепла», то это значит то же, как если бы мы сказали: «Человек может ввести тепло в плотное тело» или, наоборот, «Человек может удалить или отнять тепло из тонкого тела».

Но если кому-нибудь и наши формы покажутся несколько абстрактными по той причине, что они смешивают и сочетают разнородные вещи (ведь кажутся весьма разнородными и тепло небесных тел и тепло огня, красный цвет в розе и тому подобном и красный цвет радуги или лучей опала или алмаза, смерть от утопления, смерть от огня, от удара мечом, от апоплексии, от атрофии; и все же они сходятся в природе теплоты, красноты, смерти), то пусть он знает, что разум пленен и опутан привычкой, кажущейся целостностью вещей и ходячими мнениями. Ибо совершенно очевидно, что хотя эти вещи разнородны и чужды одна другой, однако они сходятся в той

форме или законе, которые управляют теплотой, или красным цветом, или смертью. Невозможно сделать независимым могущество человека, освободить его от общего хода природы, расширить его и возвысить до новых задач и способов действия, кроме как обнаружением и открытием форм этого рода. И все же после этого соединения природы, которое есть основное дело, в дальнейшем в свое время будет сказано о разделениях и ответвлениях природы как обычных, так и более глубоких и более истинных.

XVIII

Теперь пора предложить пример исключения, или отбрасывания, природ, которые обнаруживаются посредством таблиц представления, как не принадлежащие к форме теплоты; при этом отметим, что для исключения какой-либо природы достаточно не только отдельных таблиц, но даже какого-либо из отдельных примеров, содержащихся в этих таблицах. Ведь из сказанного явствует, что каждый противоречивый пример разрушает предположение о форме. Тем не менее мы иногда удваиваем или повторяем исключения для большей наглядности и для того, чтобы яснее показать применимость таблиц.

Пример исключения, или отбрасывания, природ от формы теплоты

1. Посредством солнечных лучей: отбрось элементарную природу [87].

2. Посредством обычного огня и особенно посредством подземных огней (которые чрезвычайно удалены и большей частью ограждены от небесных лучей): отбрось природу небесных тел.

3. Посредством нагревания всякого рода тел (таких, как минералы, растительные тела, внешние части животных, вода, масло, воздух и остальные) одним лишь приближением к огню или к другому горячему телу: отбрось всякую особенность или тонкость строения тел.

4. Посредством раскаленных железа и металлов, которые нагревают другие тела и все же нисколько не уменьшаются в весе или массе: отбрось соединение или смешивание вещества с веществом другого горячего тела.

5. Посредством кипящей воды и воздуха, а также посредством металлов и других твердых тел, нагретых, но не до огненности или красного каления: отбрось свет и блеск.

6. Посредством лучей Луны и других звезд (за исключением Солнца): также отбрось свет и блеск.

7. Посредством сравнения раскаленного железа и пламени винного спирта (из которых раскаленное железо имеет больше тепла и меньше света, пламя же винного спирта — больше света и меньше тепла): также отбрось свет и блеск.

8. Посредством раскаленных золота и других металлов, которые наиболее плотны в целом: отбрось разреженность.

9. Посредством воздуха, который чаще всего оказывается холодным и все же остается разреженным: также отбрось разреженность.

10. Посредством раскаленного железа, которое не возрастает в объеме, а остается в том же видимом размере: отбрось пространственное движение или стремление к расширению в целом.

11. Посредством расширения воздуха в измерительных стеклах и подобных приборах, где воздух явно движется, перемещаясь и расширяясь, но не приобретает, однако, заметного увеличения тепла: также отбрось перемещение и стремление к расширению в целом.

12. Посредством легкого нагревания всех тел без какого-либо разрушения или заметного изменения: отбрось разрушительную природу или насильственное распространение какой-либо новой природы.

13. Посредством согласия и единообразия действий, которые исходят от тепла и холода: отбрось как расширяющее, так и сжимающее движение в целом.

14. Посредством возникновения тепла от трения тел: отбрось первоначальную природу. Первоначальной природой мы называем ту, которая положительно присутствует в данной природе и не вызывается предшествующей природой [88].

Существуют и другие природы: ведь эти таблицы мы составляем не как совершенные, а только для примера.

Все и каждая из упомянутых природ не принадлежат к форме теплоты. И человек освобождается от всех упомянутых природ при работе над теплотой.

XIX

В исключении заложены основы истинной индукции, которая, однако, не завершена до тех пор, пока не утверждается в положительном. Само же исключение никоим образом не совершенно и не может быть таким

с самого начала. Ибо исключение (как это вполне явствует) есть отбрасывание простых природ. А если мы до сих пор не имеем хороших и истинных понятий о простых природах, то каким же образом могло быть правильным исключение? Некоторые же из упомянутых выше понятий (как понятие об элементарной природе, о природе небесных тел, о разреженности) суть смутные и не вполне определенные понятия. Итак, зная и помня о том, к какой работе мы приступаем — к приведению человеческого разума в соответствие вещам и природе, мы никоим образом не успокаиваемся на том, что разъяснили до сих пор; мы идем дальше, изобретая и оказывая разуму еще более сильную помощь тем, что мы сейчас добавим. Действительно, к истолкованию природы ум должен быть так подготовлен и образован, чтобы удерживаться в должных степенях уверенности и все же помнить (особенно вначале) о том, что настоящее во многом зависит от дальнейшего.

XX

Так как истина все же скорее возникает из заблуждения, чем из неясности, мы полагаем, что, после того как составлены и сообщены три таблицы первого представления (как мы их предложили), будет полезно позволить разуму приготовиться и сделать попытку истолкования природы в положительном[89] — как на основании примеров таблиц, так и на основании тех примеров, которые встретятся. Попытку этого рода мы называем *льготой разуму,* или *началом истолкования,* или *первым сбором плодов.*

Первый сбор плодов для формы теплоты

Должно заметить, что форма вещи (как это вполне ясно из уже сказанного) присуща всем и каждому из примеров, в которых находится сама вещь. Ведь иначе она не была бы формой. Следовательно, совершенно недопустим никакой противоречащий пример. И все же в одних примерах — а именно в тех, где другие природы меньше мешают и препятствуют природе формы и подчиняют ее,— форма оказывается гораздо более заметной и ясной, чем в других. Примеры этого рода мы называем *проблесками,* или *указующими примерами.* Итак, должно перейти к первому сбору плодов для формы теплоты.

Из всех примеров и из каждого из них видно, что природа, частным случаем (limitatio) которой является тепло, есть движение. Это более всего обнаруживается в пламени, которое всегда движется, и в кипящих жидкостях, которые также всегда движутся. Это также обнаруживается в возбуждении или возрастании тепла посредством движения, как в случае мехов для раздувания огня и ветра,— об этом смотри пример 29 таблицы 3. Так же и в движениях другого рода — об этом смотри примеры 28 и 31 таблицы 3. И снова это обнаруживается в затухании огня и тепла от всякого сильного давления, которое обуздывает и прекращает движение,— об этом смотри примеры 30 и 32 таблицы 3. Это обнаруживается также и в том, что всякое тело разрушается или во всяком случае весьма заметно изменяется всяким огнем или сильным и бурным теплом. Отсюда явствует, что тепло производит смятение и замешательство и резкое движение во внутренних частях тела, которое постепенно склоняется к разложению.

То, что мы сказали здесь о движении (а именно что оно является как бы родовым понятием для тепла), не надо понимать в том смысле, будто тепло рождает движение или движение рождает тепло (хотя и это в некоторых случаях истинно), но в том смысле, что само тепло или самое сущность тепла есть движение и ничто другое, ограниченное, однако, специфическими отличиями, которые мы скоро присоединим, предпослав некоторые предостережения, чтобы избегнуть двусмысленности.

Тепло для ощущения есть относительная вещь и относится к человеку, а не ко Вселенной; и оно правильно считается воздействием теплоты только на животный дух. Более того, в самом себе тепло есть изменчивая вещь, если одно и то же тело (сообразно предрасположению чувства) дает восприятие как тепла, так и холода, как это явствует из примера 41 таблицы 3.

Однако не нужно смешивать с формой тепла сообщение тепла, т. е. его свойство передаваться, вследствие которого тело нагревается при приближении к горячему телу. Ибо теплое — это одно, а согревающее — это другое. Ведь посредством движения, трения тепло придается без какого-либо предшествующего теплого тела, почему и исключается согревающее из формы тепла. Даже и там, где теплое получается вследствие приближения теплого, это происходит не от формы тепла, а всецело зависит от более высокой и более общей природы, а именно от природы

уподобления или самовоспроизведения, о которой надо сделать особое исследование.

Понятие же об огне вульгарно и ничего не стоит. Оно составлено из совмещения тепла и света в каком-либо теле, как, например, в обычном пламени и в телах, раскаленных до красного цвета.

Итак, устранив всякую двусмысленность, можно наконец перейти к истинным отличиям, которые делают определенным движение и приводят его к форме тепла.

Итак, первое отличие состоит в том, что тепло есть распространяющееся движение, при котором тело стремится к расширению и к получению большего объема или размера, чем тот, который оно имело ранее. Это отличие лучше всего демонстрирует пламя, когда дым или густое испарение явно распространяются и расширяются в пламени.

Это также обнаруживается во всякой кипящей жидкости, которая явно раздувается, поднимается и испускает пузыри, продолжая распространяться до тех пор, пока она не обратится в гораздо более протяженное и расширенное тело, чем была сама жидкость, т. е. в пар, или в дым, или в воздух.

Это также обнаруживается во всяком дереве и топливе, где иногда бывает выпот и всегда — испарение.

Это обнаруживается также в плавлении металлов, которые нелегко раздуваются и расширяются (будучи весьма плотного строения). Однако их дух, расширившись сам в себе и стремясь к еще большему расширению, просто толкает и принуждает более плотные части обратиться в жидкое состояние. А если жар будет еще усилен, то он разложит многие из этих частей и обратит их в летучее состояние.

Это обнаруживается также в железе или в камнях, которые хотя и не становятся жидкими и текучими, однако размягчаются. То же самое происходит с деревянными палками, которые, слегка нагревшись в горячей золе, становятся гибкими.

Но лучше всего это движение обнаруживается в воздухе, который явно и непрерывно расширяется от небольшого количества тепла, согласно примеру 38 таблицы 3.

Обнаруживается это также и в противоположной природе холода. Действительно, холод стягивает тело и заставляет его сужаться, так что во время сильных холодов гвозди выпадают из стен, бронза трескается; также трескается и ломается нагретое и внезапно выставленное на

холод стекло. Точно так же и воздух сжимается от легкого охлаждения, как это явствует из примера 38 таблицы 3. Но об этом будет сказано подробнее в исследовании о холоде.

Не удивительно, что от теплоты и холода исходит много общих действий (о чем смотри пример 32 таблицы 2), если два из следующих отличий (о них сейчас скажем) оказываются общими той и другой природе, хотя в этом отличии (о котором мы теперь говорим) действия диаметрально противоположны одно другому. Ибо тепло дает распространяющее и расширяющее движение, а холод — сжимающее и собирательное движение.

Второе отличие есть видоизменение предыдущего. Оно заключается в том, что хотя тепло и есть движение расширения или движение в стороны, но при этом такое, что тело одновременно стремится вверх. Ибо нет сомнения в том, что существует много смешанных движений. Например, стрела или дротик, двигаясь вперед, вращаются и, вращаясь, одновременно двигаются вперед. Подобным же образом и движение тепла есть одновременно и расширение, и стремление вверх.

Это отличие обнаруживается, если вставить в огонь клещи или железную палку. Если их держать перпендикулярно за верхушку, то рука скоро обожжется, если же держать со стороны или снизу, то рука обожжется гораздо позднее.

Это также заметно при перегонках посредством опускания жидкости вниз. Этим пользуются для нежных цветов, ароматы которых легко исчезают. Ибо практика показала, что огонь надо располагать не снизу, а сверху, чтобы он менее сжигал. И не только одно пламя устремляется вверх, но также всякое нагретое вещество.

Надо также распространить этот опыт на противоположную природу холода, а именно: не сокращает ли холод тело, спускаясь книзу, подобно тому как тепло расширяет тело, поднимаясь кверху. Для этого надо взять две одинаковые железные палки или стеклянные трубки и, немного нагрев их, приложить губку с холодной водой или снегом к одной снизу, а к другой сверху. Мы полагаем, что более быстро охладится до конца та палка, где снег положен сверху, чем та, где снег положен снизу,— обратно тому, что происходит при тепле.

Третье отличие состоит в том, что тепло не есть движение равномерного расширения всей массы, но расширения в малейших частицах тела и одновременно затруд-

ненное, сдерживаемое и отражаемое, так что тело принимает переменное движение, постоянно порывистое, пытающееся, устремляющееся и возбужденное отталкиванием. Отсюда и возникает неистовство огня и тепла.

Это отличие более всего обнаруживается в пламени и в кипящих жидкостях, которые постоянно дрожат и поднимаются маленькими частями и снова опускаются.

Это обнаруживается также и в тех телах, которые обладают столь твердым сцеплением, что не разбухают и не увеличиваются в объеме, будучи нагретыми или раскаленными, как, например, раскаленное железо, у которого самый резкий жар.

Этот факт обнаруживается также и в том, что в самую холодную погоду очаг горит наиболее жарко.

Обнаруживается это также и в том, что, когда воздух расширяется в измерительном стекле без какой-либо помехи или отталкивания, т. е. равномерно и однообразно, тепло не воспринимается. Также и при заграждении ветров значительное тепло не воспринимается, хотя они и вырываются с величайшей силой; это происходит потому, что движение совершалось всей массой без переменного движения в частицах.

Надо также сделать опыт, чтобы установить, не жжет ли пламя сильнее по сторонам, чем в середине.

Указанный факт обнаруживается также и в том, что всякое горение совершается через малые поры горящего тела. Так что горение испещряет, пронизывает, разрывает, прокалывает тело, как если бы действовали бесчисленные игольные острия. От этого получается, что все кислоты (если они сообразны тому телу, на которое воздействуют) имеют действие огня, в силу их природы — разъедающей и пронизывающей.

Это отличие (о котором мы теперь говорим) обще с природой холода, в котором сжимающему движению препятствует стремление к распространению, подобно тому как в тепле распространяющему движению препятствует стремление к сжатию.

Итак, сходятся ли части тела во внутрь или расходятся во вне, сущность этого одинакова, хотя и совершенно неодинакова сила, ибо у нас нет на поверхности земли ничего такого, что было бы чрезвычайно холодным. Смотри пример 27 таблицы 9.

Четвертое отличие есть разновидность предыдущего, заключающаяся в том, что движение прокалывания и проникновения должно быть довольно быстрым, а отнюдь

не медленным. И хотя оно совершается посредством частиц очень малых, однако не до крайней тонкости, а несколько более крупных.

Это отличие обнаруживается в сравнении тех действий, которые исходят от огня, с теми, которые исходят от времени или возраста. Ибо возраст или время сушит, истребляет и испепеляет не менее, чем огонь, или, лучше сказать, гораздо более тонко. Но так как движение этого рода весьма медленно и совершается посредством очень незначительных частиц, то тепло не воспринимается.

Это также обнаруживается в сравнении растворения железа и золота. Ибо золото растворяется без возбуждения тепла; железо же растворяется с бурным возбуждением тепла, хотя и почти в такой же промежуток времени, как золото. Это значит: внедрение кислоты в золото совершается легко и тонко и части золота уступают легко. В железе же внедрение совершается грубо и в столкновении, и у частей железа большее упорство.

Это также обнаруживается до известной степени в некоторых гангренах и омертвлениях, которые вследствие тонкости гниения не вызывают большого тепла или боли.

Итак, пусть это будет первым сбором плодов, или началом истолкования, для формы тепла, совершенным посредством льготы разуму.

На основании этого первого сбора плодов форма, или истинное определение тепла (того, которое относится ко Вселенной, а не только к чувству), состоит в следующем, если изложить это в немногих словах: тепло есть движение распространения, затрудненное и происходящее в малых частях. Но это распространение особого вида: распространяясь вокруг себя, оно, однако, отклоняется несколько вверх. Деятельность частей также особого вида: она не медленная, а возбужденная и обладает некоторой стремительностью. То же самое и в отношении к действию. Здесь определение таково: если ты сможешь вызвать в каком-либо природном теле движение распространения или расширения, обуздать это движение и направить его в себя само таким образом, чтобы расширение не происходило равномерно, но поочередно, то допускаясь, то подавляясь, то ты, без сомнения, произведешь тепло. При этом нет различия, элементарное ли это (как говорят) тело[90] или испытавшее влияние небесных тел; светоносное или темное; тонкое или плотное; расширяется ли оно свободно в пространстве или ограничено пределами своего первоначального размера; склоняется ли к растворению

или пребывает в своем состоянии; животное ли это тело или растительное, или минеральное; вода, или масло, или воздух, или какое-нибудь другое вещество, способное воспринять указанное выше движение. В отношении же к чувству тепло есть то же самое, но рассматриваемое по аналогии, которая соответствует чувству. А теперь дóлжно перейти к дальнейшим вспомогательным средствам.

XXI

Дав таблицу первого представления, пример отбрасывания или исключения и первый сбор плодов при их посредстве, следует перейти к остальным вспоможениям разуму для истолкования природы и истинной и совершенной индукции. Предлагая это, мы будем прибегать к холоду и теплу там, где будет необходимость в таблицах. Там же, где будет необходимо лишь немного примеров, мы будем прибегать ко всему другому, чтобы не было неясности в исследовании и все учение протекало в менее узких пределах.

Итак, прежде всего мы будем говорить о *преимущественных примерах;* во-вторых, о *помощи индукции;* в-третьих, об *исправлении индукции;* в-четвертых, о *видоизменениях исследования* сообразно с природой предмета; в-пятых, о *преимуществах природ* в отношении к исследованию, т. е. о том, что следует исследовать ранее и что позднее; в-шестых, о *пределах исследования* или *обозрения* всех природ Вселенной; в-седьмых, о *дедукции к практике* или о том, что относится к человеку; в-восьмых, о *приготовлении к исследованию* и, наконец, о *восходящей и нисходящей лестнице аксиом.*

XXII

Среди преимущественных примеров мы прежде всего укажем *обособленные примеры.* Обособленные примеры — это те, что обнаруживают исследуемую природу в таких предметах, которые не имеют с другими предметами ничего общего, кроме этой самой природы, или, наоборот, обнаруживают отсутствие исследуемой природы в таких предметах, которые подобны другим предметам во всем, кроме этой самой природы[91]. Ибо очевидно, что такого рода примеры устраняют извилины пути и ускоряют и подкрепляют исключение, так что немногие из них заменяют многие.

Например, если исследуется природа цвета, то обособленные примеры суть призмы, кристаллические камни,

которые дают цвета не только в себе, но и вне себя — на стенах; также роса и т. д. Действительно, они не имеют ничего общего с постоянными цветами в цветках растений, цветных камнях, металлах, древесине и т. д., за исключением самого цвета. Отсюда легко заключить, что цвет есть не что иное, как видоизменение изображения посланного и воспринятого света [92]: в первом случае вследствие различных углов падения, а во втором — вследствие различия тканей и строения тела. И эти примеры обособлены в отношении сходства.

В этом же исследовании обособленными примерами служат разноцветные жилы в мраморе — белые и черные, пестрота окрасок в цветах одного и того же вида. Ибо белые и черные части мрамора и белые и красные пятна в цветах гвоздики сходятся почти во всем, за исключением цвета. Отсюда легко заключить, что у цвета мало общего с внутренней природой тела, но что он заключается только в более грубом и как бы механическом распределении частей. Эти примеры обособленны в отношении различия. И тот и другой род мы называем обособленными примерами, или Ferinus, заимствуя это слово у астрономов [93].

XXIII

На второе место среди преимущественных примеров мы ставим *переходящие примеры*. Это те примеры, в которых исследуемая природа переходит к зарождению, если ее ранее не было, или, наоборот, переходит к разрушению, если она ранее была.

Итак, в том и другом переходе эти примеры всегда двойственны; или, лучше сказать, это один пример в движении или в переходе, проведенный до противоположного состояния. Но примеры этого рода не только ускоряют и подкрепляют исключение, но также вводят в тесные пределы положительное суждение или самое форму [94]. Ибо необходимо, чтобы форма явления была чем-либо таким, что придается в подобном переходе этого рода или, наоборот, что разрушается или устраняется таковым переходом этого рода. И хотя каждое исключение продвигает положительное суждение, однако на одном и том же предмете это происходит более прямым путем, чем на различных. Форма же (как это явствует из всего, что сказано), выступающая в чем-либо одном, ведет ко всему. Чем проще был переход, тем более ценным становится пример. Помимо того переходящие примеры очень полезны для

практики, ибо, представляя форму в сочетании с производящим или устраняющим ее началом, они в некоторых случаях ясно указывают на практику, а отсюда легким становится также переход к ближайшему. Однако в этом имеется некоторая опасность, которая требует предосторожности: эти примеры могут слишком близко привлечь форму к производящему началу и заполнить или по крайней мере опутать разум ложным мнением о форме, полученным из рассмотрения производящего начала. Ибо производящее начало всегда предполагается не чем другим, как опорой или привносителем формы. Но правильно сделанным исключением этому легко помочь.

Итак, пора представить образец переходящего примера. Пусть исследуемой природой будет белизна. Переходящий пример ее порождения есть целое стекло и толченое стекло. Равным образом — простая вода и вода вспененная. Ибо целое стекло и простая вода прозрачны, но не белы, толченое же стекло и пенящаяся вода белы, но не прозрачны. Итак, следует исследовать, что происходит от этого перехода в стекле или в воде. Ведь очевидно, что форму белизны приносит и сообщает это раздробление стекла и волнение воды. Между тем мы не находим тут ничего, что произошло бы, кроме измельчения частей стекла и воды и вхождения воздуха. Но мы не мало продвинулись вперед к открытию формы белизны, установив, что два тела — оба прозрачные, но в неравной степени (т. е. воздух и вода, воздух и стекло), сложенные вместе в малых частицах,— дают белизну вследствие неодинакового преломления лучей света.

Но надо здесь привести также пример опасности и предосторожности, о которых мы говорили. Разум, совращенный производящими началами этого рода, легко заключит, что для формы белизны всегда требуется воздух или что белизна производится только посредством прозрачных тел. А это ложно и опровергается многочисленными исключениями. Скорее, надо будет заключить (отбросив воздух и тому подобное), что вообще тела однородные (относительно их проводящих свет частей) дают прозрачность; неоднородные тела простого строения дают белизну; неоднородные тела сложного, но упорядоченного строения дают остальные цвета, за исключением черного; неоднородные же тела сложного, но совершенно беспорядочного и спутанного строения дают черный цвет.

Итак, представлен переходящий пример порождения исследуемой природы белизны. Пример же перехода

к устранению этой же природы белизны есть опавшая пена или растаявший снег. Ибо вода теряет белизну и получает прозрачность после того, как она становится сплошной и не смешанной с воздухом.

Никоим образом нельзя опустить указание, что под переходящими примерами надо понимать не только те, что переходят к порождению и изъятию; но также и те, которые переходят к приращению и уменьшению, ибо они также направлены к открытию формы, как это вполне явствует из сделанного выше определения формы и таблицы степеней. Поэтому одинаковый смысл с примерами, приведенными выше, имеет пример бумаги, которая бела, когда она суха, но, увлажненная (приняв воду и исключив воздух), менее бела и склоняется более к прозрачности.

XXIV

На третье место среди преимущественных примеров поставим *указующие примеры,* о которых мы упомянули в первом сборе плодов для тепла. Мы их называем также *проблесками* или *освобожденными* и *преобладающими примерами.* Это те примеры, которые показывают исследуемую природу обнаженной и самостоятельной, а также в ее возвышении или высшей степени ее могущества, т. е. ставшей независимой и освобожденной от препятствий или по крайней мере господствующей над ними силой своих свойств и подавляющей и сдерживающей их. Ибо если каждое тело принимает формы многих природ в конкретном сочетании, то одна форма укрощает, подавляет, ослабляет и связывает другую. Поэтому отдельные формы затемняются. Однако встречаются некоторые предметы, где исследуемая природа преимущественно перед другими пребывает в своей силе — или по причине отсутствия препятствий, или по причине преобладания ее свойств. Примеры этого рода для формы более всего показательны. Однако и этими примерами надо пользоваться с осторожностью, сдерживая стремительность разума. Ибо все то, что выставляет форму на вид и как бы подталкивает ее навстречу разуму, должно быть взято под подозрение и проверено строгим и тщательным исключением.

Например, пусть исследуется природа тепла. Указующий пример распространяющегося движения, которое (как сказано выше) представляет собой преимущественную часть формы тепла, есть воздушное измерительное стекло. Ибо пламя хотя и явно обнаруживает распро-

странение, однако вследствие мгновенного угасания не показывает увеличения в распространении. Кипящая же вода не столь хорошо показывает распространение воды в своем теле по причине легкого перехода воды в пар и воздух. Раскаленное железо и тому подобное не только не показывает увеличения распространения, но, наоборот, само распространение вследствие подавления и отражения испарений плотными и грубыми частями тела (которые укрощают и обуздывают распространение) становится совершенно незаметным для чувства. Измерительное же стекло ясно указывает заметное, увеличивающееся, продолжительное и непреходящее распространение воздуха.

Далее, пусть, например, исследуется природа тяжести. Указующий пример тяжести есть ртуть, ибо она своим весом намного превосходит все, за исключением золота, которое немного тяжелее ее[95]. Но ртуть — более ценный пример для указания формы тяжести, чем золото, ибо золото твердо и устойчиво, что, очевидно, связано с плотностью, а ртуть жидка и переполнена духом и все же во много раз превосходит тяжестью алмаз и те тела, которые считаются наиболее твердыми. Это указывает, что форма тяжелого или весомого зависит только от количества материи, а не от плотности соединения.

XXV

На четвертое место среди преимущественных примеров поставим *скрытные примеры,* которые мы также называем *сумеречными примерами.* Они как бы противоположны указующим примерам, ибо они выставляют исследуемую природу в ее низшей силе, как бы в пеленках и зачатках и как бы совершающую первую попытку, скрытую и подчиненную противной ей природой. Примеры этого рода имеют большое значение для открытия форм, ибо, подобно тому как указующие легко ведут к отличиям, скрытные превосходно ведут к родам, т. е. к тем общим природам, по отношению к которым исследуемые природы суть не что иное, как ограничения.

Например, пусть исследуется природа твердости, или природа того, что в себе ограничено, противоположность чему есть жидкое, или текучее. Скрытные примеры — это те, которые представляют некоторую слабую или низшую степень твердости в текучем. Таков, например, водяной пузырь, который есть как бы твердая и ограниченная пленка, сделанная из тела воды. Сходны с этим и капли, которые, если есть запас воды, текут нитью настолько

тонкой, чтобы вода не разрывалась, но, если нет воды в количестве, достаточном для того, чтобы она могла течь, вода падает круглыми каплями, которые наилучшим образом предохраняют ее от утраты непрерывности. Но в тот самый миг, когда прекращается нить воды и начинается ее падение каплями, вода сама делает скачок вверх для избежания разрыва. Даже и у металлов, которые при плавке жидки, но более вязки, разжиженные капли часто отодвигаются вверх и так держатся. Нечто подобное наблюдается в примере зеркал, которые дети часто устраивают из тростинки с помощью слюны, где также видна устойчивая пленка воды. Но еще лучше это обнаруживается в другой детской игре, когда берут воду и, сделав ее несколько более вязкой посредством мыла, дуют в нее через пустую тростинку, пока из воды не образуется как бы целый замок пузырей. Введенный воздух придает воде такую плотность, что она выдерживает некоторое давление, не разрываясь. Но лучше всего это замечается в пене и в снеге, которые приобретают такую плотность, что их почти можно резать, хотя они и представляют собой тела, образованные из воздуха и воды, а то и другое — текучие тела. Все это ясно указывает, что жидкое и твердое суть только ходячие и опирающиеся на чувство понятия; на деле же всем телам присуще стремление избежать разрыва. В однородных телах (каковыми являются жидкости) оно слабо и шатко, а в сложных и разнородных телах оно более живо и сильно, потому что прибавление разнородного связывает тело, а введение однородного его распускает и ослабляет.

Пусть, например, подобным же образом исследуется притяжение, или схождение, тел. Наиболее замечательный указующий пример для его формы есть магнит. Противоположная же притяжению природа есть отсутствие притяжения, хотя бы и между подобными. Так, железо не притягивает железо, подобно тому как свинец не притягивает свинец, дерево — дерево, вода — воду. Скрытный же пример есть магнит, оснащенный железом, или, лучше сказать, железо, оснащенное магнитом. Ибо в природе так обстоит, что оснащенный магнит притягивает железо на расстоянии не сильнее, чем неоснащенный магнит. Но если железо приближается настолько, что прикасается к железу неоснащенного магнита, то оснащенный магнит выдерживает много больший груз железа, чем магнит простой и неоснащенный, вследствие подобия вещества железа в отношении к железу. Это действие было совер-

шенно скрытым и потаенным в железе, пока не был приложен магнит. Итак, очевидно, что форма схождения есть нечто такое, что в магните жизненно и сильно, а в железе слабо и скрыто. Замечено также, что небольшие деревянные стрелы без железного наконечника, выброшенные из больших орудий, проникают глубже в деревянный материал (как, например, борта кораблей и тому подобное), чем те же самые стрелы, снабженные железным острием,— вследствие подобия вещества одного дерева с другим, хотя это было ранее в дереве скрыто. Точно так же, хотя в цельных телах и не видно, чтобы воздух притягивал воздух, а вода — воду, однако пузырь, приближенный к другому пузырю, разлагается легче, чем если бы этот другой пузырь отсутствовал: происходит это вследствие стремления к схождению воды с водой и воздуха с воздухом. Скрытные примеры этого рода (которые, как сказано, имеют величайшее применение) более всего обнаруживаются в малых и тонких частях тела, ибо большие массы вещей следуют за более общими формами, как это будет показано в своем месте.

XXVI

На пятое место среди преимущественных примеров мы поставим *конститутивные примеры,* которые мы также называем *примерами связки*[96]. Это те примеры, которые составляют один вид исследуемой природы, как бы ее меньшую форму. Ибо если законные формы (которые всегда обращены к исследуемым природам) скрыты в глубине и нелегко открываются, то дело и слабость человеческого разума требуют тщательно, без пренебрежения рассмотреть частные формы, которые объединяют некоторые связанные примеры (но отнюдь не все) в каком-либо общем понятии. Ибо что бы ни соединяло природу, пусть и не совершенными способами, пробивает дорогу к нахождению форм, так что примеры, пригодные для этого, не ничтожны своей силой, но имеют известное преимущество.

Однако здесь нужно тщательно остерегаться того, чтобы человеческий разум, открыв многие из этих частных форм и установив отсюда части и разделения исследуемой природы, не успокоился на этом совершенно и не замедлил бы приступить к подобающему открытию большой формы, чтобы он, предполагая, что природа в самых корнях своих многообразна и раздельна, не отверг

дальнейшее объединение природы как вещь излишней тонкости и склоняющуюся к чисто абстрактному.

Например, пусть исследуется память или то, что возбуждает память и помогает ей. Конститутивные примеры здесь суть порядок или распределение, которые явно помогают памяти, подобно местам в искусственной памяти [97], которые могут быть или местами в собственном смысле, как, например, дверь, угол, окно и тому подобное, или близкими и знакомыми лицами, или чем угодно (лишь бы они были расположены в порядке), как, например, животные, травы; так же и слова, буквы, исторические лица и другое; некоторые из них, конечно, более пригодны и удобны, другие — менее. Места этого рода значительно помогают памяти и возносят ее высоко над естественными силами. Так же и стихи легче удерживаются и заучиваются на память, чем проза. Из этой связки трех примеров, а именно: порядка, мест искусственной памяти и стихов — строится один вид помощи для памяти. Этот вид правильно было бы назвать отсечением бесконечности. Ибо, если кто пытается что-либо вспомнить или вызвать в памяти, не имея предварительного понятия или восприятия того, что он ищет,— он ищет, бегая туда и сюда, как бы в бесконечности. А если кто имеет точное предварительное понятие, он тотчас отсекает бесконечность, и память движется в более тесном кругу. В трех примерах, которые упомянуты выше, предварительное понятие очевидно и несомненно. А именно: в первом должно быть нечто согласующееся с порядком; во втором должен быть образ, который имел бы известное соотношение или сходство с теми определенными местами; в третьем должны быть слова, которые складываются в стих; и так отсекается бесконечность. Но одни примеры составят такой вид: все, что заставляет интеллектуальное воздействовать на чувство (этот способ преимущественно и применяется в искусственной памяти), помогает памяти. Другие же примеры дадут такой другой вид: то, что вызывает впечатление посредством сильного волнения, т. е. возбуждая страх, восхищение, стыд, веселье, помогает памяти. Другие составят такой вид: то, что запечатлевается в чистом и менее занятом до того или после того уме, как, например, то, что заучивается в детстве, или то, что обдумывается перед сном, а также и вещи, которые случаются впервые, более удерживается в памяти. Одни примеры дадут такой вид: многочисленность сопутствующих обстоятельств или опор помогает памяти, как, например, писа-

ние по частям без непрерывности, чтение или произнесение вслух. И наконец, другие примеры составят такой вид: то, что ожидается и возбуждает внимание, лучше удерживается, чем мимолетное. Поэтому если перечтешь какое-либо писание двадцать раз, то не так легко выучить его на память, как если перечтешь десять раз, пробуя при этом сказать наизусть и заглядывая в книгу, когда памяти не хватает. Таким образом, имеется как бы шесть меньших форм того, что помогает памяти, а именно: отсечение бесконечности; приведение интеллектуального к чувственному; запечатление во время сильного волнения; запечатление в чистом уме; многочисленность опор; предварительное ожидание.

Подобным же образом пусть, например, исследуется природа вкуса. Конститутивные примеры здесь таковы: те, кто не имеет обоняния и по природе лишен этого чувства, не воспринимают или не различают вкусом гнилой или тухлой пищи, равно как и приправленной чесноком или розами и тому подобным. Так же и те, у кого ноздри заложены приступом насморка, не различают гнилого или тухлого или окропленного розовой водой. А если страдающие насморком в ту же минуту, когда к ним в рот или к нёбу попадает что-либо гнилое или пахучее, сильно высморкаются, то получат явное восприятие гнилого или пахучего. Эти примеры дают и составляют следующий вид или, лучше сказать, часть вкуса: чувство вкуса есть, в частности, не что иное, как внутреннее обоняние, проходящее и спускающееся через верхние проходы ноздрей в рот и к нёбу. Напротив того, и соленое и сладкое, и острое и кислое, и терпкое и горькое, и тому подобное — все это, повторяю, те, у кого обоняние отсутствует или заглушено, чувствуют так же, как и всякий другой. Отсюда и явствует, что вкус есть некое чувство, сложенное из внутреннего обоняния и некоего утонченного осязания. Но об этом здесь не место говорить.

Подобным же образом пусть исследуется природа сообщения качества без примешивания субстанции. Пример света даст или составит один вид сообщения, тепло и магнит — другой. Ибо сообщение света как бы мимолетно и при удалении первоначального света тотчас исчезает. Тепло же и магнетическая сила, будучи переданы или, лучше сказать, вызваны в каком-либо теле, удерживаются и остаются немалое время и после того, как будет удален первый возбудитель.

В общем велики преимущества конститутивных примеров, ибо они дают очень много и для определений (в особенности частных), и для разделений или расчленений природ, о чем неплохо сказал Платон: «Должен быть почитаем, как бог, тот, кто хорошо может определять и разделять»[98].

XXVII

На шестое место среди преимущественных примеров мы ставим *примеры соответствия,* или *соразмерности,* которые мы также называем *параллельными примерами* или *физическими подобиями.* Это те примеры, которые показывают подобия и соединения вещей не в меньших формах (как это делают конститутивные примеры), но в окончательной конкретности. Поэтому они представляют как бы первые и низшие ступени к единству природы. Они не составляют никаких аксиом сразу в самом начале, но только указывают и отмечают некоторое согласие тел. И все же хотя они и немного способствуют открытию форм, однако с большой пользой раскрывают устройство частей Вселенной и совершают как бы некую анатомию ее членов. И потому они иногда как бы за руку ведут нас к величественным и значительным аксиомам, в особенности к тем, которые более относятся к строению мира, чем к простым природам и формам.

Так, следующие примеры суть примеры соответствия: зеркало и глаз, а также устройство уха и места, издающего эхо. Из этого соответствия помимо самого наблюдения подобия, которое во многом полезно, легко, кроме того, вывести и образовать ту аксиому, что сходную природу имеют органы чувств и тела, которые рождают отражения для чувств. С другой стороны, наученный этим разум без труда поднимается к более высокой и значительной аксиоме, которая состоит в следующем: нет никакого различия между согласием или симпатией тел, одаренных чувством, и неодушевленных тел без чувства, кроме того, что первым придан животный дух, а во вторых он отсутствует. Отсюда следует, что, сколько есть согласий у неодушевленных тел, столько же могло бы быть чувств у животных, если бы в одушевленном теле были отверстия для вхождения животного духа в член, как в подходящий орган, должным образом для этого расположенный[99]. И обратно, сколько есть чувств у животных, столько же, без сомнения, есть движений в неодушевленном теле, где животный дух отсутствует; но,

несомненно, в неодушевленных телах гораздо больше движений, чем чувств в одушевленных телах, вследствие малочисленности органов чувств. Для этого представляется вполне очевидным пример боли. Ибо хотя у животных и много есть родов боли и столь разнообразных (так, одна боль от ожога, иная — от сильного холода, иная — от укола, иная — от сжатия, иная — от растяжения и тому подобное), однако несомненно, что все это в форме движений существует в неодушевленных телах, как, например, в дереве или камне, когда их обжигают, или охлаждают, или колют, или разрывают, или сгибают, или ударяют и так далее, хотя чувства при этом нет в силу отсутствия животного духа.

Примерами соответствия также являются (это может показаться удивительным) корни и ветви деревьев. Ибо всякое растение разбухает и выталкивает свои части в окружающее как вверх, так и вниз. Между корнями и ветвями нет другого различия, как то, что корни заключены в земле, а ветви выставляются на воздух и на солнце. Ведь если взять нежную и полную жизни ветвь дерева и пригнуть ее к какой-нибудь частице земли, то, хотя бы она и не прикасалась к самой почве, она тотчас начнет пускать не ветвь, а корень. И наоборот, если на растение положить сверху землю и так придавить его камнем или чем-нибудь твердым, чтобы помешать ему покрыться листьями сверху, то оно начнет пускать ветви в воздух снизу.

Примеры соответствия суть также смолы деревьев и большинство горных самоцветов. И те и другие не что иное, как выделившиеся и проступившие соки, в первом случае древесные соки, во втором — соки камней; отсюда и происходит ясность и блеск в тех и других — вследствие тонкого и тщательного процеживания. Отсюда получается также и то, что шерсть животных не такой красивой и живой окраски, как многие перья птиц, ибо соки не столь тонко процеживаются через кожу, как через ствол пера.

Примеры соответствия суть также мошонка у самцов животных и матка у самок: все замечательное устройство половых отличий (в отношении к земным животным), по-видимому, не представляет собой ничего другого, как расположение извне и внутри[100], а именно: у мужского пола вследствие большей силы тепла детородные части выталкиваются наружу, тогда как у женского пола тепло слишком слабо для того, чтобы вызвать это, почему и происходит, что детородные части удерживаются внутри.

Примерами соответствия являются также плавники рыб и ноги четвероногих или ноги и крылья птиц, к чему Аристотель прибавил еще четыре изгиба при движении змеи[101]. Так что в строе Вселенной движение живых существ вообще осуществляется обыкновенно посредством четырех конечностей или сгибаний.

Примерами соответствия служат также зубы у земных животных и клювы у птиц. Отсюда очевидно, что у всех совершенных животных по направлению ко рту течет некое твердое вещество.

Не лишено основания также и то подобие и соответствие, согласно которому человек есть как бы перевернутое растение. Ибо корень нервов и животных способностей есть голова, а семенные части находятся внизу, не считая конечностей, каковы ноги и руки. В растении же корень (который есть как бы голова) всегда помещается в нижнем месте, а семена — в верхнем.

Наконец, надо настоятельно и всячески убеждать людей, чтобы в исследовании и собирании естественной истории их усердие отныне совершенно изменилось и обратилось в противоположную сторону по сравнению с теперешним. Ибо до сих пор люди проявляли большое усердие и любознательность в фиксации разнообразия вещей и в объяснении тонких особенностей животных, трав и ископаемых, многие из которых представляют, скорее, игру природы, чем какую-либо действительную пользу для наук. В самом деле, вещи этого рода доставляют некоторое удовольствие, а иногда также имеют значение и для практики, но для проникновения в природу — мало или никакого значения. Поэтому надо всецело обратить внимание на исследование и выявление подобий и соответствий вещей как в целокупностях, так и в частях. Ибо это и есть то, что объединяет природу и начинает составлять науки.

Однако во всем этом необходима величайшая осторожность и осмотрительность, чтобы в качестве примеров соответствия и соразмерности принимались только те, которые отмечают физические (как мы сказали вначале) подобия, т. е. вещественные, реальные и заключенные в природе, а не случайные и относящиеся к виду и тем более не доставляемые суеверием или любопытством, как те, что постоянно выставляют писатели естественной магии (люди легкомысленнейшие, которых едва ли надо упоминать в столь серьезных делах, как ныне разбираемые нами), с большим тщеславием и безрассудством опи-

сывая пустые подобия и симпатии вещей, а иногда и придумывая их.

Но, оставив это, мы не должны забывать, что в самом строении мира — в его больших частях — нельзя пренебречь примерами подобия. Таковы Африка и Перуанская область с континентом, простирающимся до Магелланова пролива, ибо и та и другая области имеют подобные перешейки и подобные мысы, а это не случайно [102].

Так же и Новый и Старый Свет. И тот и другой расширяются к северу, к югу же сужаются и заостряются.

Важными примерами соответствия являются также сильные холода в средней (как ее называют) области воздуха и неистовые огненные извержения, которые часто вырываются из подземных областей. Эти две вещи составляют пределы и крайности: природа холода устремляется к окружности неба, а природа тепла — к недрам земли вследствие отталкивания противоположных природ.

Наконец, достойно быть отмеченным соответствие примеров в аксиомах наук. Так, риторический троп, называемый неожиданностью, соответствует музыкальному тропу, который зовется уклонением каденции. Подобным же образом и математическая аксиома — «Две величины, равные третьей, равны между собой» — соответствует строению того силлогизма в логике, который соединяет сходящееся в среднем. Вообще весьма полезно в очень многих случаях некоторое чутье в исследовании и отыскании физических соответствий и подобий.

XXVIII

На седьмое место среди преимущественных примеров мы ставим *уникальные примеры,* которые мы также часто называем *неправильными* или *гетероклитическими* (заимствуя название у грамматиков). Это те примеры, которые показывают тела в их конкретности и представляются необычными и как бы оторванными по своей природе и никак не сходящимися с другими вещами этого же рода. Таким образом, примеры соответствия подобны другим, а уникальные примеры подобны себе. Пользование уникальными примерами такое же, как и пользование скрытными примерами, а именно: они пригодны для вынесения и объединения природы с целью открытия родов, или общих природ, с последующим их ограничением посредством истинных отличий. Ибо не должно отступать от исследования, пока свойства и

качества, открываемые в вещах такого рода, что они могут почитаться за чудо природы, не будут сведены и заключены в какую-либо форму или определенный закон так, чтобы открылось, что всякая нерегулярность или сингулярность зависят от какой-либо общей формы, а чудо состоит только в тонких отличиях, в степени, в редкостном совпадении, а не в самом виде; тогда как ныне созерцания людей не идут дальше того, чтобы почитать вещи этого рода тайными и великими творениями природы, как бы беспричинными вещами и исключениями из общих правил.

Образцы уникальных примеров суть Солнце и Луна среди светил, магнит — среди камней, ртуть — среди металлов, слон — среди четвероногих, половое чувство — среди родов осязания, охотничье чутье собак — среди родов обоняния. У грамматиков уникальной почитается также буква «S» по причине легкости, с которой она слагается с согласными — иногда с двойными, иногда с тройными, чего не делает никакая другая буква. Примеры этого рода весьма ценны, ибо они обостряют и оживляют исследование и врачуют разум, испорченный привычкой и обыденностью.

XXIX

На восьмое место среди преимущественных примеров мы поставим *отклоняющиеся примеры,* т. е. уклонения природы, уродства и диковины, когда природа отклоняется и удаляется от своего обычного хода. Уклонения природы отличаются от уникальных примеров тем, что уникальные примеры суть чудеса среди видов, а уклонения — чудеса среди индивидов. Однако пользование ими почти такое же, как и пользование уникальными примерами, ибо они восстановляют разум против навыков и вскрывают общие формы. Ибо здесь не следует отказываться от исследования, пока не будет открыта причина этого рода отклонения. Причина же эта восходит не к некоей форме в собственном смысле, а только к скрытому процессу, который ведет к форме. Ведь кто познает пути природы, тот также легче заметит и отклонения. А кто познает отклонения, тот тщательнее опишет пути.

Уклонения отличаются от уникальных примеров также тем, что в большей степени наставляют практику и действенную часть. Ибо производить новые виды было бы очень трудно; разнообразить же известные виды и отсюда производить много редкого и необычайного — менее

трудно. Переход же от чудес природы к чудесам искусства легок. Ибо если природа была однажды застигнута в своем отклонении и причина этого стала ясна, то будет нетрудно повести природу посредством искусства туда, куда она случайно отклонилась. И не только туда, но и в других направлениях, ибо уклонения одного рода указывают и открывают дорогу к уклонениям и отклонениям повсюду. Здесь нет нужды в примерах, настолько они многочисленны. Следует создать собрание или частную естественную историю диковин и чудесных порождений природы — словом, всякой новизны, редкости и необычности в природе. Однако это надо делать со строжайшим выбором, чтобы соблюдалась достоверность. Наиболее сомнительным надо считать те из них, которые в какой-либо мере зависят от религии, как чудеса, описанные Ливием, и не меньше те, которые находятся у писателей натуральной магии или также алхимии и у других людей этого же рода: все они искатели и любители сказок. Но следует заимствовать примеры из положительной и достоверной истории и надежных сообщений.

XXX

На девятое место среди преимущественных примеров мы поставим *пограничные примеры,* которые мы также называем *причастиями.* Это примеры, показывающие такие виды тел, которые как бы составлены из двух видов или являются первыми приближениями к тому и другому. Эти примеры можно было бы, не делая ошибки, причислить к уникальным или гетероклитическим примерам, ибо они редки и экстраординарны в универсуме вещей. Однако ввиду их ценности они должны быть истолкованы и расположены отдельно, ибо они превосходно указывают сложение и строение вещей, и уясняют причины количества и качества обычных видов во Вселенной, и ведут разум от того, что есть, к тому, что может быть.

Примеры этого: мох — среднее между гнилью и растением; некоторые кометы — среднее между звездами и огненными метеорами; летающие рыбы — среднее между птицами и рыбами; летучие мыши — среднее между птицами и четвероногими, а также

Обезьяна, безобразнейший зверь, столь похожий на нас [103],

и двуобразные рождения у животных, помеси из различных видов и тому подобное.

XXXI

На десятое место среди преимущественных примеров мы поставим *примеры могущества,* или *фасций* (взяв название у знаков консульской власти), которые мы также называем *способностью* или *руками человека.* Это наиболее значительные и совершенные создания и как бы последняя ступень в каждом искусстве. Ибо если задача преимущественно состоит в том, чтобы природа подчинялась человеческим делам и благополучию, то подобает отмечать и перечислять те дела, которые уже были во власти человека (как бы области, занятые и подчиненные ранее), особенно дела наиболее совершенные, ввиду того что от них переход к новому и до сих пор не открытому будет легче и ближе. Ибо если кто-либо после внимательного их созерцания усердно и деятельно приступит к делу, то он, несомненно, или продвинет их еще несколько далее, или отклонит их к чему-либо определенному, или, наконец, распространит и приложит их к какому-либо важному опыту.

Но это не все. Подобно тому как редкие и необычные творения природы побуждают разум возвыситься до исследования и открытия форм, способных вместить эти творения, то же, и в гораздо большей степени, происходит и с выдающимися и удивительными творениями искусства, ибо способ образования и сотворения подобного рода чудес искусства по большей части очевиден, тогда как в чудесах природы он обычно более затемнен. Однако и здесь дóлжно соблюдать величайшую предосторожность, чтобы эти чудеса не подавили разума, как бы привязывая его к земле.

Ибо есть опасность, что разум будет ошеломлен и связан такого рода творениями искусства, которые кажутся как бы некими вершинами человеческой деятельности, и, как бы завороженный ими, не сможет привыкнуть к другому, но будет думать, будто ничего нельзя достигнуть в этом роде, как не тем же путем, каким достигнуты эти чудеса, только с бóльшим прилежанием и более тщательным приготовлением.

В противовес этому следует считать установленным, что пути и способы осуществления деяний и творений, открытых и известных до сих пор, обыкновенно скудны и что всякое большое могущество зависит и закономерно происходит от источников форм, из которых ни одна пока не открыта. И поэтому (мы уже в другом месте об этом

сказали[104]), если бы кто начал думать о тех осадных орудиях, которые были у древних, то хотя бы он это делал упорно и истратил на это весь свой век, он никогда бы все же не напал на изобретение огнестрельных орудий, действующих посредством пороха. Так же и тот, кто устремил бы свое наблюдение и размышление на производство шерсти и растительного шелка, никогда не открыл бы природы шелковичного червя или шелковой нити.

Поэтому все открытия, которые могут считаться более значительными, появились на свет (если внимательно вглядеться) никак не посредством мелочной разработки и расширения искусства, а всецело благодаря случаю. Но нельзя воспроизвести или предвосхитить случай (который имеет обыкновение случаться лишь с течением долгих веков) иначе как через открытие форм.

Нет надобности приводить частные образцы примеров этого рода ввиду их изобилия. Надо проследить и глубоко проникнуть во все механические, а также изящные искусства (поскольку они относятся к практике) и из них почерпнуть собрание или частную историю великих, мастерских и наиболее совершенных творений в каждом из искусств вместе со способами их осуществления или произведения. Но мы не ограничиваем прилежания, которое должно быть приложено к собранию этого рода, только тем, что почитается мастерским и недосягаемым в каком-либо искусстве и возбуждает изумление. Ибо изумление есть порождение редкостности: если что-либо редкостное и обычно по своей природе, оно все же вызывает изумление.

Напротив того, то, что по справедливости должно вызывать изумление различием самого его вида по сравнению с другими видами, лишь едва замечается, если оно привычно. А уникальное в искусстве надобно замечать не меньше, чем уникальное в природе, о чем мы ранее говорили[105]. И подобно тому как мы отнесли к уникальному в природе Солнце, Луну, магнит и тому подобное (вещи обычнейшие и все же, можно сказать, единственные по своей природе), так же должно поступать и в отношении уникальных примеров искусства.

Так, уникальный пример искусства есть бумага, вещь вполне обычная. Но если разобраться внимательно, то искусственные материалы или сотканы из прямых и поперечных нитей, как шелковая, шерстяная, полотняная ткань и т. п., или составлены из сгущенных соков, как кирпич, или гончарная глина, или стекло, или эмаль, или

фарфор и тому подобные материалы, которые блестят, если хорошо соединены; если же не так хорошо, то затвердевают, но не блестят. Однако все то, что делают из сгущенных соков, хрупко, а отнюдь не стойко и гибко. Бумага же, наоборот, стойкое тело, которое можно разрезать и разрывать так, что оно почти соперничает с кожей животного или листом растения и тому подобными творениями природы. Ибо она не ломка, как стекло, не соткана, как ткань, и состоит из волокон, а не из различных нитей — совсем наподобие естественных материалов, так что среди искусственных материалов едва ли найдется что-либо схожее, и бумага — пример вполне уникальный. А среди искусственного надо, конечно, предпочитать или то, что в наибольшей степени восходит к подражанию природе, или, наоборот, то, что ею управляет и преобразует ее.

С другой стороны, среди произведений дара и рук человека не должно пренебрегать забавами и фокусами. Ибо многие из них, хотя и легковесны и несерьезны, все же могут быть поучительны.

Наконец, не следует совершенно отбрасывать и суеверия и магию (в обычном смысле этого слова). Ибо, хотя вещи этого рода глубоко погребены под массой лжи и сказок, все же нужно рассмотреть, не скрыто ли в глубине некоторых из них какое-либо естественное действие, как, например, в дурном глазе, в гипертрофии воображения, в управлении вещами на расстоянии, в передаче впечатлений как от духа к духу, так и от тела к телу и т. п.

XXXII

Из сказанного нами ранее явствует, что последние пять родов примеров, о которых мы говорили (а именно: примеры соответствия, примеры уникальные, примеры отклоняющиеся, примеры пограничные и примеры могущества), не следует оставлять до тех пор, пока не будет найдена некая определенная их природа (подобно остальным примерам, которые мы перечислили раньше, и многим из тех, которые последуют). Но сразу же в самом начале следует приступить к их собиранию, как к некоторой частной истории, ибо они приводят в порядок то, что воспринял разум, и исправляют неправильный склад самого разума, который совершенно неизбежно будет без этого напитан и заражен и, наконец, извращен и искажен каждодневными привычными впечатлениями.

Итак, эти примеры должны быть приложены как нечто подготовляющее к исправлению и очищению разума. Ибо все то, что отводит разум от привычного, ровняет и сглаживает его поле для восприятия трезвого и чистого света истинных понятий.

Более того, примеры этого рода пролагают и приготовляют дорогу для практики, о чем мы в свое время будем говорить, когда речь будет идти о выводах к практике [106].

XXXIII

На одиннадцатое место преимущественных примеров мы поставим *примеры сопровождения и вражды,* которые мы также называем *примерами постоянных предложений.* Это примеры, представляющие что-либо телесное или конкретное так, что исследуемая природа постоянно следует за ним, как некий неразлучный спутник, или, наоборот, от чего исследуемая природа постоянно убегает и исключается из сопровождения, как вражеская и неприязненная. А из примеров этого рода образуются достоверные и всеобщие предложения — положительные или отрицательные, в которых субъектом будет такое тело в его конкретности, а предикатом — сама исследуемая природа. Ибо частные предложения вообще непостоянны: в них исследуемая природа оказывается текущей и движущейся в конкретном, т. е. привходящей или приобретаемой и, обратно, уходящей или утрачиваемой. Поэтому частные предложения не имеют какого-либо большого преимущества, разве только в случае перехода, о котором уже сказано раньше [107]. Все же и эти частные предложения, будучи сопоставлены и сравнены со всеобщими, многому помогают, как в свое время будет сказано. Мы, однако, не ищем даже во всеобщих предложениях точного или абсолютного утверждения или отрицания. Ибо для нашей цели достаточно, если они будут допускать некоторые единичные или редкие исключения.

Пользование же примерами сопровождения служит для приведения подтверждающего форму к более узким пределам. Ибо подтверждающее форму суживается как в случае примеров переходящих, когда форма вещи с необходимостью должна считаться чем-то таким, что вводится или упраздняется посредством этого действия перехода, так и в случае примеров сопровождения, когда

форма вещи с необходимостью должна быть принята чем-либо таким, что входит в данную конкретность тела или, наоборот, избегает ее; так что тот, кто хорошо узнает строение и внутреннюю структуру такого тела, будет не далек от того, чтобы извлечь на свет форму исследуемой природы.

Например, пусть исследуется природа теплоты. Пример сопровождения есть пламя. Действительно, в воде, воздухе, камне, металле и многом другом тепло подвижно и может приходить и уходить; пламя же горячо всегда, так что тепло постоянно следует за конкретным пламенем. Враждебного же теплу примера у нас нет ни одного. Ибо о недрах земли ничто не известно чувству, но среди известных нам тел нет ни одного, которое не было бы способно воспринимать тепло.

Пусть теперь исследуется природа плотности. Враждебный пример есть воздух. Ибо металл может течь и может быть плотным, точно так же и стекло, так же и вода может стать плотной, когда она заморожена; но невозможно, чтобы воздух когда-либо стал плотным или утратил текучесть.

В отношении таких примеров постоянных предложений остаются два указания, полезные для нашей цели. Первое состоит в том, что, если в чем-либо совершенно отсутствует постоянно подтверждающее или отрицающее, тогда и самая вещь обоснованно расценивается как несуществующая, как мы и поступили в отношении тепла, где постоянно отрицающее (поскольку речь идет о тех сущностях, которые доступны нашему знанию) отсутствует в природе вещей. Подобным же образом нет у нас всегда подтверждающего, если исследуется природа вечного и нетленного. Ибо нельзя приписать вечность и нетленность какому-либо из тех тел, что находятся под небесами и над недрами земли. Второе указание состоит в следующем: ко всеобщим предложениям в отношении какой-либо конкретности, как положительным, так и отрицательным, вместе с тем должны присоединяться те конкретности, которые ближе всего подходят к неосуществленному. Так, для тепла — мягчайшие и наименее обжигающие виды пламени, а для нетленного — золото, которое ближе всего к этому подходит. Ибо все это указывает пределы природы между существующим и несуществующим и помогает описанию форм, чтобы оно не распространилось и не начало блуждать за пределами состояний материи.

XXXIV

На двенадцатое место среди преимущественных примеров мы ставим те самые *присоединительные примеры*, о которых мы говорили в предыдущем афоризме и которые мы также называем *примерами крайности*, или *предела*. Ибо примеры этого рода полезны не только для присоединения к постоянным предложениям, но также сами по себе и в своей особенности. Ибо они не скрывают истинного разделения природы и меры вещей, а также указывают, до какого предела природа что-либо совершает и производит и затем — переход природы к другому. Такие примеры суть золото — в весе, железо — в твердости, кит — в величине животных, собака — в чутье, воспламенение пороха — в быстром расширении и т. п. Равным образом те примеры, которые стоят на низшей ступени, должны быть показаны, как и те, которые стоят на высшей, как, например, винный спирт — в весе [108], шелк — в мягкости, кожные черви — в величине животных и т. п.

XXXV

На тринадцатое место среди преимущественных примеров мы поставим *примеры союза*, или *соединения*. Это примеры, смешивающие и соединяющие те природы, которые считаются разнородными, отмечаются в качестве таковых и обозначаются посредством принятых разделений.

Так, примеры союза показывают, что действия и результаты, которые считаются свойственными только какой-либо одной из этих разнородностей, принадлежат также и другой. И это обнаруживает, что разнородность, которую рассматривали, не есть подлинная и существенная, а только видоизменение общей природы. Поэтому примеры союза отлично пригодны для возвышения и возведения разума от видов к родам и для устранения масок и призраков вещей, поскольку они встречаются и выступают замаскированными в конкретных субстанциях.

Например, пусть исследуется природа теплоты. Представляется вполне заслуживающим доверия деление, устанавливающее три рода тепла: тепло небесных тел, тепло животных и тепло огня, причем эти три рода (особенно один из них в сравнении с остальными двумя) различны и совершенно разнородны по самой сущности и специфической природе, так как тепло небесных тел и животных рождает и согревает, а тепло огня, наоборот, губит и разрушает. Поэтому примером союза является известный

опыт, когда виноградную ветвь заключают в помещение, где поддерживается постоянный огонь; от этого кисти созревают даже на целый месяц раньше, чем под открытым небом. Так что созревание висящего на дереве плода может совершаться посредством огня, хотя это и представляется собственной работой солнца. От этого начала разум, отбросив разнородность в существенном, легко поднимается к исследованию, каковы на самом деле различия между теплом солнца и огня, благодаря которым действия солнца и огня становятся столь несхожими, хотя они сами причастны к одной общей природе.

Этих различий окажется четыре. Первое состоит в том, что тепло солнца по своей степени намного легче и мягче, чем тепло огня, второе — в том, что по качеству оно намного влажнее (тем более что проникает к нам через воздух), третье (и это самое важное) — в том, что оно в высшей степени неравномерно, то прибывая и увеличиваясь, то отступая и уменьшаясь, а это в наибольшей степени способствует рождению тел. Ибо правильно утверждал Аристотель, что главная причина тех рождений и разрушений, которые происходят здесь у нас на поверхности земли, есть блуждающий путь Солнца по зодиаку. Отсюда и тепло солнца — отчасти вследствие чередования дня и ночи, отчасти вследствие смены лета и зимы — становится удивительно неравномерным. Однако названный философ не преминул тотчас испортить и извратить то, что он правильно открыл. Ибо он, как судья природы (что у него в обычае), весьма властно приписывает причину рождения приближению Солнца, а причину разрушения — его удалению, тогда как то и другое (т. е. приближение и удаление) не соответственно, а как бы безразлично дает причину как для рождения, так и для разрушения, так как неравномерность тепла помогает рождению и разрушению вещей, а равномерность — только их сохранению. Есть и четвертое различие между теплом солнца и огня, и оно имеет важное значение. А именно: солнце производит свои действия через большие промежутки времени, тогда как действия огня (подталкиваемого нетерпением людей) приходят к завершению через короткие промежутки. Ибо если кто-то усердно возьмется за то, чтобы смягчить тепло огня и низвести его до более умеренной и мягкой степени (а это легко сделать многими способами), и затем еще прибавит к нему некоторую влажность, особенно же если он будет подражать теплу солнца в его неравномерности, и, наконец, ес-

ли он терпеливо выждет время (разумеется, не такое, которое было бы соразмерно действию солнца, но все же более длительное, чем обычно дают люди действию огня), то он легко отрешится от этой разнородности тепла и либо замыслит, либо совершит, либо в ином превзойдет действие солнца посредством тепла огня. Подобный пример союза представляет собой воскрешение малым теплом огня бабочек, окоченевших и как бы замерзших от холода. Отсюда легко заметить, что огонь так же не лишен способности оживлять одушевленное, как и делать зрелым растительное. Так же и знаменитое открытие Фракастория[109]: горячо нагретая сковорода, которую врачи надевают на головы безнадежных апоплектиков, явно распространяет животный дух, сжатый и почти подавленный соками и преградами мозга, и снова побуждает его к движению — не иначе, чем огонь воздействует на воду или на воздух и вследствие этого их оживляет. Так же и птенцы из яиц иногда выводятся посредством тепла огня, который вполне уподобляется животному теплу. Есть и многое другое этого же рода, так что никто не может сомневаться, что во многих предметах тепло огня может быть видоизменено до подобия теплу небесных тел и животных[110].

Подобным же образом пусть исследуются природы движения и покоя. Представляется основательным и происходящим из глубин философии разделение, согласно которому тела природы или вращаются, или двигаются прямолинейно, или стоят, т. е. пребывают в покое, ибо есть или движение без предела, или стояние у предела, или стремление к пределу. И вечное вращательное движение, по-видимому, свойственно небесным телам; стояние, или покой, по-видимому, принадлежит самому земному шару; остальные же тела (как их называют, тяжелые и легкие, т. е. помещенные вне места своего естественного расположения) движутся прямолинейно к массам или соединениям подобных же тел: легкие тела — вверх по направлению к окружности неба, а тяжелые — вниз к Земле. Все это красиво сказано.

Но примером союза является любая более низкая комета. Ибо, хотя она находится много ниже неба, все же она вращается. И выдумка Аристотеля о связи или о следовании кометы за какой-нибудь звездой уже давно лопнула — не только потому, что лишена правдоподобного основания, но и потому, что опыт явно показывает неправильное движение комет через различные места неба.

Другой пример союза в отношении этого же самого

предмета есть движение воздуха, который в тропиках (где большие круги движения), по-видимому, и сам вращается с востока на запад[111].

Еще один пример этого рода был бы в приливе и отливе моря, если бы только обнаружилось, что сама вода находится во вращательном движении (хотя бы медленном и слабом) с востока на запад, но при этом дважды в день отбрасывается назад. Если это обстоит так, то очевидно, что вращательное движение не заканчивается в небесных телах, но сообщается воздуху и воде.

Так же и свойство легкого устремляться вверх довольно неустойчиво. Здесь за пример союза может быть взят водяной пузырь. Ибо если воздух находится под водой, то он быстро поднимается к поверхности воды вследствие того движения вытеснения (как зовет его Демокрит), с которым падающая вода толкает воздух и уносит его вверх, а не вследствие напряжения и усилия самого воздуха. Но когда воздух приходит к самой поверхности воды, то он удерживается от дальнейшего подъема легким сопротивлением, оказываемым водой, не сразу допускающей утрату непрерывности. Так что стремление воздуха вверх довольно слабо.

Пусть также исследуется природа тяжести. Общепринято разделение, согласно которому плотные и твердые тела устремляются к центру Земли, а разреженные и тонкие — к окружности неба, как бы к свойственным им местам. Но что касается мест, то это совершенно пустое и ребяческое мнение (хотя в школах вещи этого рода имеют вес), будто место имеет какую-то силу. Поэтому философы пустословят, говоря, что если бы Земля была пробуравлена, то тяжелые тела остановились бы у центра Земли. Ведь тогда оказалось бы, что имеет некую силу и действенность род пебытия пли математической точки, которая или действовала бы на другие тела, пли была бы целью устремления других тел; тогда как тело подвержено действию только тела. В действительности же это стремление к восхождению и нисхождению заключается или в строении движущегося тела, или в симпатии, т. е. согласии с другим телом. Так что если будет найдено какое-нибудь плотное п твердое тело, которое, однако, не устремляется к Земле, то разделение этого рода будет опровергнуто. И если принять мнение Гильберта о том, что магнетическая сила Земли в притяжении тяжелых тел не выходит из предела своей способности, действуя всегда на известное расстояние и не далее, и это мнение

подтвердится каким-нибудь примером, то таковой и будет примером союза в данном предмете. Но в настоящее время для этого нет какого-либо верного и очевидного примера. Ближе всего сюда подходят смерчи, которые часто наблюдаются при плавании через Атлантический океан в направлении к обеим Индиям. Ибо такая сила и масса воды внезапно обрушивается этими смерчами, что, по-видимому, скопление воды собирается раньше и удерживается в этих местах, а затем скорее сбрасывается какой-либо бурной силой, чем падает от естественного движения тяготения; так что можно предположить, что плотная телесная масса может висеть на большом расстоянии от Земли, как сама Земля, и не свалиться, если не будет сброшена. Однако об этом мы не утверждаем ничего достоверного. В этом и во многом другом легко обнаруживается, сколь беспомощны мы в естественной истории, если иногда мы принуждены давать предположения вместо верных примеров.

Пусть также исследуется природа движения ума. Разделение человеческого ума и умелости животных кажется вполне истинным. Однако есть примеры действий, исходящих от животных, показывающие, что и животные также как бы рассуждают. Так, передают рассказ о вороне, который во время большой засухи, полумертвый от жажды, заметил воду в дупле дерева и, так как ему не удавалось проникнуть в узкое дупло, стал бросать камешки, от которых вода поднялась и достигла такой высота, что он мог ее пить. Впоследствии это перешло даже в поговорку.

Пусть также исследуется природа видимости. Вполне правильным и истинным кажется разделение света, который есть первичная видимость и дает первую возможность видения, и цвета, который есть вторичная видимость и не различается без света, так что он является не чем иным, как образом или видоизменением света [112]. И все же и в том и в другом видны примеры союза, как, например, блеск и пламя в большом количестве серы. В одном из них мы наблюдаем цвет, начинающий издавать свет, в другом — свет, склоняющийся к цвету.

XXXVI

На четырнадцатое место среди преимущественных примеров мы поставим *примеры креста,* беря название от тех крестов, которые ставятся на перекрестках, указывая разделение путей. Эти примеры мы также называем *ре-*

шающими и *судящими примерами* и в некоторых случаях *примерами оракула* и *поручительства*. Их смысл состоит в следующем. Если в исследовании какой-либо природы разум колеблется и не уверен, какой из двух или даже иногда из многих природ приписать причину исследуемой природы — вследствие частого и обычного сосуществования этих природ, то примеры креста указывают, что наличие одной из этих природ при исследуемой природе постоянно и неотделимо, а другой — непостоянно и отделимо. Здесь заканчивается исследование, и эта первая природа принимается за причину, а другая отвергается и отбрасывается. Примеры этого рода наиболее ясны и как бы авторитетны, так что ход истолкования иногда заканчивается в них и через них завершается. Иногда эти примеры креста встречаются и открываются среди того, что уже известно, но большей частью они новы и бывают отысканы, извлечены и применены лишь благодаря обдуманному намерению и настойчивому и упорному старанию. Например, пусть исследуется природа прилива и отлива моря, из которых каждый дважды повторяется в течение дня и длится в нарастании и отступлении шесть часов с некоторым отклонением, совпадающим с движением Луны. Путевой указатель в отношении этой природы состоит в следующем.

Необходимо предположить, что это движение совершается или вследствие прихода и ухода воды, наподобие воды, движущейся в тазе, когда она, смывая один край таза, оставляет другой; или вследствие вздымания воды из глубины и ниспадания ее, наподобие вскипающей и снова падающей воды. Сомнение возникает в том, к какой из этих двух причин должны быть отнесены прилив и отлив. Если принять первое предположение, то отсюда неизбежно следует, что, когда в одной части моря происходит прилив, где-нибудь в другой части происходит отлив. К этому и сведется исследование. Но Акоста и некоторые другие, сделав тщательное исследование, заметили, что у побережья Флориды и у противоположных ему побережий Испании и Африки прилив происходит в одно и то же время и отлив — также в одно и то же время, а не так, чтобы у побережья Флориды происходил прилив, когда у побережий Испании и Африки происходит отлив [113]. И все же, если рассмотреть более тщательно, это не доказывает поднимающегося движения и не устраняет поступательного движения. Ибо может случиться, что вода прибывает и все же одновременно заливает про-

тивоположные берега одного и того же русла, когда эта вода выталкивается из какого-нибудь другого места, как это бывает в реках, где прилив и отлив к обоим берегам происходит в одно и то же время, хотя это движение есть явно движение прибывания, а именно прибывание вод, входящих из моря в устье реки. Подобным же образом может оказаться, что воды, идущие большой массой из восточного Индийского океана, вталкиваются в Атлантический океан и таким образом одновременно наводняют оба берега. Итак, дóлжно исследовать, есть ли другое русло, в котором вода могла бы в то же время уменьшаться и оттекать. И таковое есть — это Южный океан[114], никоим образом не меньший, чем Атлантический океан, скорее, более широкий и протяженный, который может для этого оказаться достаточным.

Итак, мы, наконец, пришли к примеру креста в отношении этого предмета. Он состоит в следующем. Если будет твердо установлено, что когда бывает прилив к противоположным берегам Атлантического океана — как к Флориде, так и к Испании, то одновременно бывает прилив у берегов Перу и на юге Китая — в Южном море, тогда действительно этим решающим примером опровергается в нашем исследовании утверждение о том, что прилив и отлив моря совершаются посредством поступательного движения. Ибо не остается другого моря или места, где могло бы в то же самое время происходить убывание воды или отлив. Лучше всего это можно было бы узнать, если бы спросить жителей Панамы и Лимы (где оба океана — Атлантический и Южный — разделяются незначительным перешейком), происходят ли одновременно прилив и отлив на противоположных сторонах перешейка или наоборот. Однако это решение, или суждéние, казалось бы верным, если принять, что Земля неподвижна. Но если Земля вращается, то может статься, что из-за неравного (в отношении быстроты или стремительности) вращения Земли и морских вод следует бурный натиск воды вверх,— и это есть прилив,— и их отход назад (после того как они не выдержали дальнейшего собирания),— и это есть отлив. Но об этом дóлжно сделать особое исследование. Впрочем, и при этом предположении одинаково твердо установленным сохраняется то, что где-нибудь неизбежно происходит отлив моря в то самое время, когда совершается прилив в других частях.

Подобным же образом пусть — в том случае если при тщательном рассмотрении будет отброшено первое

движение, о котором мы говорили, поступательное,— исследуется второе из предположенных нами движений: вздымающееся и опускающееся движение моря; тогда в отношении этой природы крест будет таков. Движение, вследствие которого воды во время приливов и отливов поднимаются и снова опускаются без какого-либо прибавления притекающих других вод, должно совершаться одним из следующих трех способов: или потому, что это обилие воды исходит из недр земли и снова туда возвращается; или потому, что, без какого бы то ни было возрастания массы воды, те же самые воды (не увеличивая своего количества) расширяются или разрежаются, так что то занимают большее место и пространство, то снова сжимаются; или потому, что, хотя ни обилие, ни протяжение не увеличиваются, эти же самые воды по количеству и плотности или разреженности поднимаются какой-либо магнетической силой, притягивающей и влекущей их вверх, и затем снова опускаются. Итак, сведем теперь (если угодно) исследование к этому последнему виду движения (опустим два предыдущих). Пусть исследуется, возможно ли такое поднятие через симпатию, или магнетическую силу. Прежде всего очевидно, что все воды моря, находящиеся в его лоне, не могут одновременно подняться, ибо чему было бы занять их место на дне. Так что если бы даже и было в водах некое подобного рода стремление подняться, то оно было бы сломлено и сдержано взаимной связью вещей, чтобы (как обычно говорят) не появилась пустота. Значит, остается, что воды поднимаются в одной части и по причине этого уменьшаются и отступают в другой. И далее, отсюда с необходимостью следует, что указанная магнетическая сила сильнейшим образом действует на середину, так как не может воздействовать на все,— так что она поднимает воды в середине, и, следовательно, они покидают и оставляют края.

Итак, мы наконец пришли к примеру креста в отношении этого предмета. Он состоит в следующем. Если будет найдено, что во время отлива морских вод поверхность моря будет более выпуклой и округленной, так как воды поднимаются на середине и уходят по краям — к берегам, а во время прилива та же поверхность будет более ровной и гладкой, так как воды вернулись к своему прежнему положению, то тогда, действительно, можно благодаря этому решающему примеру принять вспучивание посредством магнетической силы, в противном же

случае оно решительно должно быть отвергнуто. Это нетрудно испытать в морях посредством лота, а именно установив, не будет ли море на середине более высоко или глубоко во время отлива, чем во время прилива. Следует, однако, заметить, что если дело обстоит так, то это означало бы (обратно тому, как думают), что воды во время отливов поднимаются, а во время приливов опускаются и таким путем покрывают и затопляют берега.

Пусть также исследуется природа самопроизвольного вращательного движения, и в частности является ли суточное движение, вследствие которого Солнце и звезды восходят и заходят для нашего зрения, действительным движением вращения небесных тел или движением, только по видимости принадлежащим небесным телам, в действительности же принадлежащим Земле. Пример креста в отношении этого предмета мог бы быть таков. Если откроется какое-либо движение в океане с востока на запад, хотя бы очень медленное и слабое; если это же самое движение окажется несколько более стремительным в воздухе, в особенности у тропиков, где его легче заметить вследствие большей величины кругов; если это самое движение, уже ставши живым и сильным, откроется в более низких кометах; если это самое движение откроется в планетах, и притом в такой постепенности, что, чем ближе оно к Земле, тем медленнее, чем дальше от нее, тем быстрее, и наконец в звездном небе становится быстрейшим,— то тогда следует считать суточное движение действительным движением в небесах и отвергнуть движение Земли. Ибо тогда будет очевидно, что движение с востока на запад есть вполне космическое и совершается в силу согласного строя Вселенной, будучи в вершинах небес наиболее быстрым, постепенно ослабевая и наконец превращаясь и затухая в неподвижном, т. е. в Земле [115].

Пусть также исследуется природа того другого вращательного движения, о котором так много говорят астрономы, которое обратно и противоположно суточному движению, т. е. направлено с запада на восток; это движение древние астрономы приписывают планетам, а также звездному небу. Коперник же и его последователи — также и Земле. Пусть исследуется, есть ли в природе вещей какое-либо такое движение, или же оно только выдумано для сокращения и удобства вычислений и ради этого прекрасного представления, сводящего движение

небесных тел к совершенным кругам. Ибо никоим образом нельзя доказать, что то движение в высотах действительно и реально,— ни неполным возвращением планеты в суточном движении на прежнее место звездного неба, ни различием между полюсами зодиака и полюсами мира, т. е. теми двумя обстоятельствами, которые породили у нас представление об этом движении. Ибо первое явление отлично объясняется посредством опережения и оставления позади[116]; второе — посредством спиральных линий, так что неполнота возвращения и уклонение к тропикам могут быть, скорее, изменениями этого единственного суточного движения, чем движением, противоположным суточному или происходящим по отношению к другим полюсам. И несомненно, что если бы мы на некоторое время стали рассуждать, как простые люди (оставив выдумки астрономов и схоластов, у которых в обычае без основания подавлять чувство и предпочитать темное), то это движение для чувства окажется таким, как мы о нем говорили; и мы даже однажды представили его изображение посредством железных нитей — наподобие машины.

По отношению к этому предмету пример креста мог бы быть следующим. Если будет открыто в какой-нибудь достоверной истории, что была какая-нибудь комета, более высокая или более низкая, которая не вращалась в очевидном согласии с суточным движением (хотя бы не совсем правильно), но вместо того вращалась в обратную сторону, то тогда, конечно, дóлжно будет полагать, что в природе возможно такое движение. Но без открытия такого рода это движение надо почитать сомнительным и следует прибегнуть к другим примерам креста в отношении этого предмета.

Пусть также исследуется природа веса или тяготения. Путевой указатель в отношении этой природы состоит в следующем. Необходимо допустить, что тяжелые и весомые тела или по своей природе устремляются к центру Земли в силу их схематизма, или притягиваются и привлекаются телесной массой самой Земли как собранием родственных по природе тел и движутся к ней в силу симпатии. И если причиной является последнее, то отсюда следует, что, чем ближе становится тяжелое тело к Земле, тем оно устремляется к ней сильнее и с большим натиском; чем дальше оно отстоит от Земли, тем медленнее и слабее стремится к ней (как это происходит в случае магнитного притяжения); и это совершается лишь

в пределах определенного пространства, так что, если это тяжелое тело будет удалено на такое расстояние, что сила Земли не сможет на него воздействовать, оно останется висящим, как сама Земля, и вовсе не низвергнется.

Итак, в отношении этого пример креста может состоять в следующем. Нужно взять часы из числа таких, которые приводятся в движение свинцовыми гирями, и другие часы из числа тех, которые приводятся в движение сжатием железной пружины, и тщательно испытать их, чтобы ни одни не шли быстрее или медленнее других. Затем часы, движущиеся посредством гирь, надо поместить на вершину какого-нибудь высочайшего храма, а другие часы оставить внизу и тщательно заметить, не пойдут ли часы, расположенные на высоте, медленнее, чем раньше, вследствие уменьшения силы тяготения. Этот же опыт нужно сделать и в глубоко вырытых под землей шахтах: не пойдут ли часы этого рода быстрее, чем обычно, вследствие увеличения силы тяготения. И если обнаружится, что сила тяготения уменьшается на высоте и увеличивается под землей, то за причину тяготения надо будет принять притяжение телесной массой Земли [117].

Пусть также исследуется полярность железной иглы, которой коснулся магнит. В отношении этой природы путевой указатель будет состоять в следующем. Необходимо допустить, что прикосновение магнита или из себя придает железу склонение к северу или югу, или только возбуждает железо и делает его чувствительным, движение же сообщается ему присутствием самой Земли, как полагает и усердно стремится доказать Гильберт. Сюда относится то, что он добыл тщательным исследованием. А именно: что железный гвоздь, который долго был направлен с севера к югу, приобретает полярность без прикосновения магнита, как будто сама Земля, которая вследствие дальности расстояния действует слабо (ибо поверхность или самая внешняя корка Земли лишена, как он утверждает, магнетической силы), все же благодаря длительности воздействия заменила прикосновение магнита и возбудила железо, а затем, когда оно было возбуждено, направляет и склоняет его. Далее, если раскаленное добела железо будет во время охлаждения положено в направлении с севера к югу, то оно приобретает полярность без касания магнитом, как будто части железа, приведенные в движение раскаливанием, а затем возвращающиеся в свое прежнее положение, в самый

момент угасания более восприимчивы и чувствительны к силе, исходящей от Земли, чем в другое время, и потому подвергаются возбуждению. Однако, хотя это хорошее наблюдение, все же оно не вполне доказывает то, что утверждает Гильберт [118].

Пример креста в отношении этого предмета мог бы состоять в следующем. Надо взять глобус (terrella) [119], сделанный из магнита, и обозначить его полюсы; расположить полюсы глобуса по направлению с востока на запад, а не с севера на юг и так оставить. Затем надо положить на глобус железную иглу, не касавшуюся магнита, и оставить в таком положении на шесть или семь дней. Игла (в этом нет сомнения), находясь над магнитом, оставит полюсы мира и отклонится к магнитным полюсам. Итак, пока это будет продолжаться, она будет склоняться к востоку и к западу мира. И вот если обнаружится, что эта игла, будучи удалена от магнита и положена на свою ось, тотчас направится к северу и югу или хотя бы постепенно уклонится туда, тогда за причину следует принять присутствие Земли. Если же она обратится (как прежде) к востоку и западу или потеряет полярность, то следует эту причину признать сомнительной и повести исследование дальше.

Пусть также исследуется телесная субстанция Луны — тонка ли она, т. е. огненна или воздушна, как полагало большинство древних философов, или тверда и плотна, как утверждает Гильберт [120] и многие новые философы вместе с некоторыми из древних. Основания этого последнего мнения заключаются больше всего в том, что Луна отражает лучи Солнца, а свет, по-видимому, не отражается чем-либо иным, кроме плотного тела.

Примерами креста в отношении этого предмета (если они здесь вообще возможны) могли бы быть такие, которые показывали бы отражение от тонкого тела, каково, например, пламя, если оно достаточной толщины. Но несомненно, одна из причин сумерек состоит в отражении солнечных лучей верхней частью воздуха. Иногда также мы видим в ясный вечер, как лучи солнца, отраженные от краев дождевых туч, сверкают не меньше, но, скорее, с большим блеском и пышностью, чем те, которые отражаются от тела луны, а между тем нет оснований полагать, что эти тучи сгустились в плотное тело воды. Мы видим также, что ночью темный воздух за окнами отражает свет свечи не меньше, чем плотное тело [121]. Следует

также сделать опыт, направив лучи солнца через отверстие на какое-либо темноватое синее пламя. Действительно, открытые лучи солнца, падающие на темное пламя, как бы убивают его, так что оно кажется скорее белым дымом, чем пламенем. Вот то, что я в настоящее время могу привести как примеры креста в отношении этого предмета. Быть может, возможно найти и лучшие. Но во всяком случае нужно заметить, что не следует ожидать отражения от пламени, если оно не будет иметь известной глубины, ибо иначе оно склоняется к прозрачности. Но можно считать за достоверное, что однородное тело всегда или воспримет и пропустит дальше свет, или отразит его.

Пусть также исследуется природа движения брошенных тел, как, например, движения копий, стрел, ядер в воздухе. Это движение схоластика по своему обыкновению объясняет совершенно небрежно, полагая, что достаточно будет назвать это движение насильственным движением в отличие от естественного (как они его называют); и для того, чтобы объяснить этот первый удар, или толчок, она удовлетворяется следующим положением: «Два тела не могут быть в одном месте во избежание взаимопроникновения их измерений», а о последовательном ходе этого движения совершенно не заботится. В отношении этого свойства путевой указатель состоит в следующем. Или это движение вызывается воздухом, несущим брошенное тело и собирающимся позади него, наподобие реки, несущей лодку, или ветра, несущего солому; или тем, что части самого тела не выдерживают сжатия и, чтобы ослабить его, последовательно движутся. Первое из этих объяснений принимал Фракасторий [122] и почти все, кто более внимательно исследовал это движение. И нет сомнения в том, что здесь есть некоторое участие воздуха; но, несомненно, истинно второе движение, как это явствует из бесчисленных опытов. Среди примеров креста в отношении этого предмета можно указать следующий: согнув и сжав между указательным и большим пальцами упругую железную полоску, или нить, или даже тростинку, или перо, разделенное продольно, заставим их отскочить. Очевидно, что это движение не может быть приписано воздуху, собирающемуся позади тела, ибо источник движения — посредине пластинки или пера, а не на краях.

Пусть также исследуется природа быстрого и могущественного движения пороха, расширяющегося в огонь,

когда опрокидываются такие массы, исторгаются такие тяжести, как мы это видим на примере подкопов и мортир. Путевой указатель в отношении этой природы состоит в следующем. Или это движение возбуждается исключительно стремлением тела к расширению, после того как оно воспламенено; или также присоединяющимся неудержимым стремлением духа, который быстро убегает от огня и бурно вырывается из его окружения, словно из темницы. Однако схоластика и обычное мнение учитывают только то первое стремление. Ибо люди считают хорошей философией утверждения, что элементарная форма пламени с необходимостью заставляет его занимать более широкое пространство, чем занимало это же самое тело, когда оно имело форму пороха, и отсюда следует это движение. Между тем они совершенно не замечают, что хотя бы это и было верно для случая, когда пламя порождается, однако такая масса, которая в состоянии подавить и заглушить пламя, может воспрепятствовать его рождению, так что дело не сводится к той неизбежности, о которой они говорят. Они правильно судят о том, что если рождается пламя, то неизбежно происходит расширение и отсюда следует выталкивание или отталкивание того тела, которое оказывает противодействие. Но эта неизбежность совершенно устраняется, если эта твердая масса подавляет пламя, прежде чем оно родилось. И мы видим, что пламя, особенно при первом зарождении, мягко и спокойно и ищет прикрытия, за которым могло бы играть и испытать свою силу. Поэтому такое неистовство нельзя приписать этому предмету, взятому самому по себе. На самом же деле рождение такого раздувающегося пламени, как бы огненного ветра, происходит из столкновения двух тел и их природ, совершенно противоположных друг другу. Одно из них весьма воспламеняемо. Это та природа, которая сильна в сере. Другое боится пламени. Это есть простой дух, который пребывает в селитре. Так что происходит удивительное столкновение. Сера воспламеняется, насколько может (ибо третье тело, а именно ивовый уголь, почти ничего не производит, кроме как сочетает и объединяет эти два тела), в то время как дух селитры рвется прочь, насколько может, и вместе с тем расширяется (ибо так делают и воздух и все простые тела, и вода, расширяясь от тепла) и этим бегством и извержением раздувает пламя серы во все стороны, как скрытые кузнечные мехи.

Примеры креста в отношении этого предмета могли бы быть двух родов. Одни дают тела, наиболее воспламеняемые, как сера, камфора, нефть и т. п., вместе с их смесями. Они легче и скорее, чем порох, воспринимают пламя, если только им в этом не препятствуют, из чего явствует, что стремление к воспламенению само по себе еще не производит этого ошеломляющего действия. Другие примеры дают те тела, которые отвращаются и убегают от пламени,— таковы все соли. Ибо мы видим, что если их бросить в огонь, то водяной дух вырывается с шумом прежде, чем пламя его охватит,— это также в слабой степени происходит с более жесткими листьями, когда водяная часть вырывается прежде, чем огонь охватывает маслянистую часть. Но больше всего это замечается на ртути, которая неплохо именуется минеральной водой, ибо она без воспламенения, а одним только извержением и расширением почти достигает силы пороха. Говорят также, что, будучи примешана к пороху, она увеличивает его силу.

Пусть также исследуется преходящая природа пламени и его мгновенное затухание. Ибо мы не наблюдаем устойчивого пламени, но оно как бы на отдельные мгновения рождается и тотчас гаснет. Ибо очевидно, что длительность в том пламени, которое представляется устойчивым, не есть длительность одного и того же отдельного пламени, но составляется из последовательности новых вспышек, непрерывно порождаемых, так что пламя совсем не остается численно тем же. Это легко усмотреть и из того, что пламя тотчас же исчезает, если удалить пищу пламени, или горючее. Путевой указатель в отношении этого предмета состоит в следующем. Эта природа мгновенности происходит или от того, что устраняется причина, которая сначала рождает пламя, как это происходит со светом, звуком или с теми движениями, которые называют насильственными; или от того, что хотя пламя по своей природе и могло бы длиться, но его угнетают и разрушают окружающие его противодействующие природы.

Итак, в отношении этого предмета пример креста мог бы быть следующим. Мы видим, как высоко поднимается пламя более сильных пожаров. Ибо, насколько шире основание пламени, настолько выше подъем. Отсюда видно, что первое загасание пламени происходит по сторонам, где воздух сжимает пламя и вредит ему. Внутренняя же часть пламени, которой воздух не касается, но которая со всех сторон окружена другим пламенем,

остается численно той же и не гаснет, пока постепенно не будет сдавлена воздухом, окружающим пламя с боков. Поэтому каждое пламя имеет пирамидальную форму, будучи более широко в своем основании, вблизи горючего, в вершине же (где воздух враждебен, а горючего недостает) — острее. Дым же, более узкий в основании, поднимаясь, расширяется и образует как бы обращенную пирамиду, очевидно, потому, что воздух воспринимает дым, но подавляет пламя. Ибо никто не должен воображать, что пламя есть зажженный воздух, так как это совершенно разнородные тела.

Для этого предмета можно было бы дать весьма подходящий пример креста, достигнув наглядности посредством пламени двух цветов. Нужно взять маленькую металлическую чашку и в ней укрепить зажженную маленькую восковую свечу; поместить чашку в таз и кругом налить винный спирт в умеренном количестве, чтобы он не достигал краев чашки; затем зажечь винный спирт. Этот винный спирт даст более синее пламя, а свеча — более желтое. Теперь заметим, остается ли пламя свечи пирамидальным (а это пламя легко отличить по цвету от пламени винного спирта, ибо пламя с пламенем не смешивается тотчас, как жидкости), или оно больше склоняется к шарообразной форме, когда нет ничего, что бы его сжимало или разрушало [123]. Если произойдет последнее, то следует считать достоверным, что пламя численно остается тем же, пока заключено внутри другого пламени и не испытывает враждебной силы воздуха.

О примерах креста сказано достаточно. Мы дольше задержались на них с той целью, чтобы люди постепенно научились и привыкли судить о природе на основании примеров креста и светоносных опытов, а не только вероятных соображений.

XXXVII

На пятнадцатое место среди преимущественных примеров мы поставим *примеры расхождения,* указывающие разобщения таких природ, которые обыкновенно встречаются вместе. Они, однако, отличаются от примеров, относимых к примерам сопровождения, ибо те указывают отделенность какой-либо природы от какой-либо конкретности, с которой она обычно связана, а эти указывают разъединенность одной какой-либо природы от другой. Они отличаются также от примеров креста, ибо они ничего не определяют, а только напоминают об отделенности

одной природы от другой. Их можно использовать для вскрытия ложных форм и для того, чтобы рассеять легковесные заключения от тех вещей, которые находятся под рукой, являясь для разума как бы свинцом или гирей.

Например, пусть исследуются те четыре природы, которые Телезий называет «сожительствующими» и как бы существующими под одним кровом[124]: теплое, светлое, тонкое, подвижное или склонное к движению. Среди них все же встречается много примеров расхождения. Так, воздух тонок и легок в движении, но не теплый и не светлый; Луна светит, но без тепла; кипящая вода тепла, но не светит; движение железной иглы на оси легко и быстро, и все же совершается в холодном, плотном, темном теле; и так далее.

Пусть также исследуются телесная природа и естественное действие. Ибо очевидно, что естественное действие не встречается кроме как существующим в каком-либо теле. И все же могут быть в отношении этого некоторые примеры расхождения. Таково магнетическое действие, в силу которого тело движется к магниту, а тяжелые тела — к земному шару. Можно также указать некоторые другие случаи действия на расстоянии, так как действие этого рода совершается и во времени — не в один миг, а через некоторый промежуток, и в пространстве — через ступени и расстояния, и, следовательно, есть какое-то мгновение времени и какой-то промежуток пространства, когда эта сила или действие пребывает в середине между теми двумя телами, которые производят движение. Таким образом, рассуждение сводится к следующему: располагают ли и изменяют ли тела, являющиеся пределами движения, посредствующие тела так, что путем преемственности и действительного соприкосновения сила переходит от предела к пределу, на время задерживаясь в посредствующем теле, или ничего нет, кроме тел, силы и пространства. Возможно также, что в лучах света, в звуке, тепле и некоторых других действиях на расстоянии располагаются и изменяются посредствующие тела, тем более что посредник для перенесения такого действия необходим. Магнетическая же, или сближающая, сила допускает эти посредствующие тела как бы без различия и не встречает препятствия ни в каком посредствующем теле. Но если эта сила или действие никак не связаны с посредствующим телом, то отсюда следует, что на некоторое время и в некотором месте есть сила или естественное действие, существующее

без тела, ибо она не присутствует ни в предельных телах, ни в посредствующих. Поэтому магнетическое действие сможет быть примером расхождения в отношении телесной природы и естественного действия. Отсюда вытекает еще следующее добавление, которым не следует пренебрегать: согласно философскому умозрению, можно предпринять доказательство того, что бывают отделенные и бестелесные сущности и субстанции. Действительно, если естественная сила или действие, исходящие от тела, могут существовать совершенно без тела в некоторое время и в некотором месте, то к этому приближается то, что они могут в своем происхождении проистекать от бестелесной сущности. Ибо телесная природа представляется не менее необходимой для поддержания передачи естественного действия, чем для его возбуждения или рождения.

XXXVIII

Следующие пять родов примеров мы обозначаем одним общим названием — *примерами светильника,* или *первого осведомления.* Это те примеры, которые помогают чувству. Ибо если всякое истолкование природы начинается с чувства и по прямой, постоянной, верной дороге идет от восприятий чувств к восприятиям разума, каковыми являются истинные понятия и аксиомы, то неизбежно: чем обильнее и точнее были представления самого чувства, тем легче и удачнее будет достигнуто все остальное.

Из этих пяти примеров светильника первые примеры усиливают, пополняют и исправляют непосредственное действие чувства; вторые приводят нечувственное к чувственному; третьи указывают продолжительность процесса или последовательность тех вещей и движений, которые большей частью незаметны, кроме как в их завершении или периодах; четвертые заменяют чем-либо чувство тогда, когда оно совершенно бессильно; пятые возбуждают внимание чувства и его способность замечать, а также ограничивают тонкость вещей. Но о каждом из этих примеров надо сказать в отдельности.

XXXIX

На шестнадцатое место среди преимущественных примеров мы ставим *примеры дверей,* или *ворот.* Этим именем мы называем те примеры, которые помогают непосредственным действиям чувства. Очевидно, что среди чувств первое место в отношении осведомления занимает зрение, для которого поэтому особенно важно изыскать

помощь. Эта помощь может быть троякой: или чтобы зрение воспринимало то, что было ему недоступно; или чтобы оно воспринимало на большем расстоянии; или воспринимало бы точнее и яснее [125].

К первому роду относятся (если не принимать во внимание очки и прочее такого рода, что служит только для исправления и облегчения слабости зрения и потому не осведомляет полнее) те недавно изобретенные зрительные приборы, которые, сильно увеличивая видимые размеры тел, показывают их неявные и невидимые подробности и скрытые строения и движения. С помощью этого открытия мы не без удивления различаем в блохе, мухе, червяке точные очертания и линии тел, а также цвета и движения, не замечавшиеся прежде. Более того, говорят, что прямая линия, проведенная пером или карандашом, представляется через эти стекла очень неровной и извилистой, очевидно, потому, что и движения руки (хотя бы и с помощью линейки), и нанесение чернил или краски в действительности неравномерны, хотя их неравномерность столь незначительна, что ее нельзя заметить без помощи подобных стекол. Люди присоединили сюда даже некоторое суеверное наблюдение (как это бывает с новыми и удивительными вещами), будто стекла этого рода украшают творения природы и обезображивают творения искусства. Это, однако, объясняется только тем, что ткани природных тел много тоньше, чем искусственные. Ведь эти стекла пригодны только для мелких частиц. Если бы их увидел Демокрит, он бы возликовал, думая, что открыт способ видеть атом, который, как он утверждал, совершенно невидим. Однако неприменимость стекол этого рода ни к чему, кроме мелких частиц (да и то, если они принадлежат не слишком большому телу), ограничивает полезность этой вещи. Ибо, если бы можно было распространить это изобретение на большие тела или на частицы больших тел, так чтобы возможно было различать строение льняной ткани, как сети, и подобным же образом различать скрытые частицы и неровности драгоценных камней, жидкостей, мочи, крови, ран и многих других вещей, то, несомненно, можно было бы извлечь из этого изобретения большую пользу.

Ко второму роду относятся те стекла, которые изобретены достопамятными усилиями Галилея. Посредством них, как посредством лодок или кораблей, открывается и осуществляется более близкая связь с небесными телами. Таким путем было установлено, что Млечный Путь есть

пучок или собрание мелких звезд, вполне исчислимых и разделенных, о чем древние только догадывались. Посредством этих стекол, по-видимому, можно установить, что так называемое пространство планетных орбит вовсе не лишено других звезд, но что на небе появляются звезды еще до видимого звездного неба, хотя и меньше, чем те, которые можно заметить без этих стекол. Благодаря указанному изобретению можно также рассмотреть хороводы малых звезд вокруг планеты Юпитер, из чего можно заключить, что в движениях звезд есть много центров. Таким же образом можно яснее различить и разместить светлые и темные неровности Луны, так что может быть создана некая селенография. Тем же способом можно открыть пятна на Солнце и другие явления этого рода; все это, конечно, значительные открытия, насколько можно полагаться на доказательства этого рода. Я в этом сомневаюсь прежде всего потому, что опыт остается в пределах этих немногих открытий и этим способом не открыто многое другое, равным образом достойное исследованию.

К третьему роду относятся шесты для измерения Земли, астролябии и тому подобные орудия, которые не расширяют чувства зрения, но исправляют и направляют его. Если же есть другие примеры, помогающие остальным чувствам в их непосредственных и обособленных действиях, то это примеры такого рода, которые не прибавляют к осведомлению ничего сверх того, что уже имеется, и потому не пригодны для нашей теперешней цели. Поэтому мы о них не упоминаем [126].

XL

На семнадцатое место среди преимущественных примеров мы поставим *побуждающие примеры,* взяв это название из гражданского права, ибо они побуждают к появлению то, что прежде не появлялось. Мы зовем их также *призывающими примерами:* они приводят нечувственное к чувственному.

Вещи ускользают от чувства или вследствие удаленности предмета; или потому, что находящиеся в промежутке тела преграждают путь восприятию; или потому, что предмет не способен создать впечатление для чувства; или потому, что размер предмета недостаточен для того, чтобы подействовать на чувство; или потому, что время несоразмерно для возбуждения чувства; или потому, что чувство не переносит действия предмета; или потому, что другой предмет ранее наполнил чувство и

завладел им, так что для нового движения нет места. Все это преимущественно относится к зрению, а затем к осязанию. Ибо эти два чувства осведомляют широко и об общих предметах, тогда как остальные три почти не осведомляют, кроме как непосредственно и о близких им предметах.

В первом роде приведение к чувственному возможно только в случае, когда к той вещи, которую чувство не может различить из-за расстояния, присоединяется или заменяет ее другая вещь, которая может издали больше возбуждать и поражать чувство, как, например, при обозначении вещей посредством огней, колоколов и тому подобного.

Во втором роде вещи, скрытые в глубине и загражденные другими телами, и те, которые не могут быть легко вскрыты, приводятся к чувству посредством того, что лежит на поверхности или вытекает изнутри, как, например, распознается состояние человеческого тела по пульсу, моче и тому подобному.

В третьем и четвертом роде приведения охватывают весьма многое и должны изыскиваться отовсюду для исследования вещей. Укажем такой пример. Ясно, что нельзя ни различить, ни осязать ни воздух, ни дух, ни другие предметы этого рода, тонкие в своем веществе. Поэтому в исследовании таких тел, конечно, необходимы приведения.

Итак, пусть исследуется природа действия и движения духа, заключенного в осязаемых телах. Ибо все осязаемое для нас содержит невидимый и неосязаемый дух, который оно покрывает и как бы одевает. Отсюда и происходит этот троякий, могущественный и удивительный источник движения в осязаемом теле: дух, исторгаясь из осязаемого тела, сжимает и сушит его, а удерживаясь в нем, размягчает и разжижает его; а если он не совсем исторгнут и не совсем удержан, то он оформляет тело, расчленяет, упорядочивает, организует и тому подобное. И все это приводится к чувственному посредством заметных действий.

Ибо в каждом осязаемом неодушевленном теле заключенный дух сначала приумножается и как бы пожирает те осязаемые части, которые наиболее для этого доступны и пригодны. Он их обрабатывает, преобразует и обращает в дух и наконец улетает вместе с ними. Эта переработка и умножение духа приводят к чувственному уменьшению веса. Ибо в каждом усыхании что-нибудь отходит от количества, и не только из духа, существовав-

шего до того, но и из тела, которое было прежде осязаемым и заново преобразовалось. Ведь дух невесом. Выход, или исторжение, духа приводится к чувственному в ржавчине металлов и в других гниениях этого рода, которые имеют место, прежде чем происходит переход к началам жизни. Они относятся к третьему роду указанного движения. Ибо в более твердых телах дух не находит отверстий и пор для того, чтобы вылететь. Поэтому он вынужден проталкивать осязаемые части и гнать их перед собой, чтобы они вместе с ним вышли из тела. Отсюда получается ржавчина и тому подобное. Сжатие же осязаемых частей после того, как исторгнута часть духа (почему и происходит это усыхание), приводится к чувству как через само увеличение твердости вещи, так и в еще большей степени через происходящие отсюда трещины, сморщивание, ссыхание тела. Так, части дерева отскакивают и ссыхаются, кожа морщится. Более того (если дух исторгается внезапно вследствие нагревания огнем), тела так спешат сжаться, что свиваются и свертываются.

Напротив того, там, где дух задерживается и все же возбуждается и расширяется действием тепла и подобного ему (как это бывает в телах более твердых и крепких),— там тела размягчаются, как раскаленное добела железо, текут, как металлы, превращаются в жидкость, как смолы, воск и тому подобное. Поэтому легко сблизить эти противоположные действия тепла, которые делают одни тела твердыми, а другие превращают в жидкость, ибо в первом случае дух исторгается, а во втором приводится в движение и удерживается. Последнее из этих действий есть действие самого тепла и духа, предыдущее же есть действие осязаемых частей, только обусловленное исторжением духа.

Но там, где дух не совсем удержан и не совсем исторгнут, а лишь делает попытки выйти из своего заключения и встречает осязаемые части, повинующиеся ему и воспроизводящие каждое его движение, так что, куда ведет дух, туда и они за ним следуют,— там происходит образование органического тела, образование членов и остальные жизненные действия как в растительных телах, так и в животных. Это лучше всего приводится к чувству тщательным наблюдением первых начал или попыток к жизни в маленьких животных, рождающихся из гниения, как, например, в яйцах муравья, червях, мухах, лягушках после дождя и т. д. Однако для оживления тре-

буется и мягкость тепла, и податливость тела, чтобы дух не вырывался поспешно и не удерживался вследствие твердости частей, но скорее мог бы сгибать и лепить их, наподобие воска.

С другой стороны, многие из приводящих примеров как бы ставят у нас перед глазами наиболее важное и имеющее наиболее широкое значение различение отдельных разновидностей духа (дух или разделенный, или просто разветвленный, или одновременно и разветвленный и разделенный на клетки; первый вид есть дух всех неодушевленных тел, второй — растительных тел и третий — животных тел).

Подобным же образом явствует, что более тонкие ткани и схематизмы (хотя бы тело в целом было видимо и осязаемо) не различаются и не осязаются. И в этом также осведомление идет посредством приведения. При этом наиболее коренное и первичное различие схематизмов берется из обилия или скудости материи, занимающей данное пространство или измерение. Ибо остальные схематизмы (относящиеся к несходству частей, содержащихся в одном и том же теле, и к их размещениям и местоположениям) имеют второстепенное значение в сравнении с предыдущим.

Итак, пусть исследуется относительная распространенность или сжатость материи в телах, т. е. сколько в каждом из них материя занимает пространства. Ибо нет в природе ничего вернее этих двух предложений: «Из ничего ничего не происходит» и «Нечто не обращается в ничто». Все количество материи, или ее сумма, остается постоянной и не увеличивается и не уменьшается. Не менее истинно и то, что «количество материи, содержащееся в одном и том же пространстве или измерении, бывает большим или меньшим для различных тел». Так, в воде материи больше, а в воздухе — меньше. И если бы кто-нибудь стал утверждать, что он может обратить какой-либо объем воды в равный объем воздуха, то это было бы то же, как если бы он сказал, что может нечто обратить в ничто. Наоборот, если бы кто-нибудь стал утверждать, что он может обратить какой-либо объем воздуха в равный объем воды, то это было бы то же, как если бы он сказал, что он может сделать нечто из ничего. И из этого изобилия и скудости материи, собственно, и отвлекаются понятия плотного и разреженного, которые употребляются во многих и различных смыслах. Следует принять и третье утверждение,

также достаточно достоверное: что большее или меньшее количество материи, о котором мы говорим, в том или другом теле можно привести (сделав сравнение) к расчету точным или приблизительно точным соизмерением. Так, например, если кто-нибудь скажет: в данном объеме золота такая плотность материи, что для винного спирта потребуется пространство в двадцать один раз большее, чем занимаемое золотом, для того чтобы сравниться с ним по количеству материи,— то он не ошибется.

Плотность же материи и ее учет приводятся к чувственному посредством веса. Ибо вес соответствует количеству материи в отношении частей осязаемого тела; дух же и его количество, возникшее пз материи, не могут быть измерены посредством веса, ибо дух, скорее, облегчает вес, чем увеличивает его. Мы составили весьма тщательную таблицу [127], в которую включили веса и пространства отдельных металлов, важнейших камней, древесины, жидкостей, масел и многих других тел, как естественных, так и искусственных. Это вещь весьма полезная как для осведомления, так и для практики и открывает много вещей сверх всякого ожидания. Не следует почитать незначительным и даваемое ею указание, что все заключающееся в известных нам осязаемых телах разнообразие (мы имеем в виду хорошо соединенные тела, а не губчатые и пустые и в большой степени наполненные воздухом) не выходит за пределы соотношения частей 21 к 1. Значит, настолько ограничена природа или по крайней мере та часть ее, которой мы в наибольшей степени пользуемся.

Мы также сочли необходимым требованием, предъявляемым к нашему усердию, испытать, могут ли быть рассчитаны отношения неосязаемых, или воздушных, тел к осязаемым телам. К этому мы приступили следующим образом. Мы взяли стеклянный фиал, вмещающий примерно одну унцию. Мы пользовались малым сосудом для того, чтобы последующее испарение могло совершиться посредством меньшего тепла. Этот фиал наполнили почти до горлышка винным спиртом. Мы выбрали винный спирт, ибо из предыдущей таблицы видели, что среди осязаемых тел (которые хорошо соединены между собой и непористы) он наиболее разрежен и в своем объеме содержит самое малое количество материи. Затем мы точно заметили вес жидкости вместе с этим фиалом. Потом взяли пузырь, содержащий в себе приблизительно две пинты. Из этого пузыря мы выжали, насколько было

возможно, весь воздух, так что обе стороны пузыря сошлись. Предварительно же мы обмазали пузырь маслом, слегка его растерев, чтобы лучше замкнуть пузырь, заполнив маслом те поры, которые у него были. Горлышко фиала мы вставили внутрь этого пузыря и пузырь крепко перевязали вокруг горлышка фиала, слегка навощив для этого нить, чтобы она лучше примкнула и туже завязала. Затем, наконец, мы поставили фиал над горящим в очаге углем. Спустя короткое время пар, или испарение, винного спирта, расширившегося от тепла и обратившегося в воздушное состояние, постепенно начал раздувать пузырь и растянул его во все стороны, как парус. Как только это произошло, мы тотчас отодвинули склянку от огня и поставили на ковер, чтобы она не лопнула от охлаждения. Немедленно сделали в вершине пузыря отверстие, чтобы пар по прекращении тепла не превратился снова в жидкость и не смешал бы расчеты. Затем сняли самый пузырь и снова установили вес винного спирта, который оставался. Отсюда мы вычислили, сколько спирта ушло в пар, или воздушное состояние, и затем, сравнив, сколько места, или пространства, заполняло бы это тело, оставаясь винным спиртом в фиале, а также сколько пространства заполняло оно после того, как стало воздушным в пузыре, подвели расчеты. И из них вполне явствовало, что это тело, обращенное и измененное таким образом, возросло в объеме более чем в сто раз.

Пусть также исследуется природа тепла или холода, притом в такой слабой степени, в какой они не воспринимаются чувством. Здесь приведение к чувству достигается посредством измерительного стекла, которое мы выше описали. Ибо тепло и холод сами по себе не воспринимаются осязанием, но тепло расширяет воздух, а холод сжимает. Это расширение и сжатие воздуха не воспринимаются также зрением, но расширившийся воздух понижает воду, а сжатый — поднимает ее. И только тогда совершается приведение к зрению — не раньше и не иначе.

Пусть также исследуется природа смешения тел, т. е. что они содержат от воды, от масла, от спирта, от пепла и солей и т. д. Или (в частности) какое количество содержится в молоке масла, казеина, сыворотки и т. д. Это приводится к чувству посредством искусных и тщательных разделений, поскольку речь идет об осязаемом. Но природа духа в них хотя и не замечается непосредственно, однако через разнообразные движения и устремления

осязаемых тел открывается в самом действии и процессе выделения — через появление остроты, разъеданий и различных цветов, запахов, вкусов тех же тел после этого выделения. В этой области люди упорно работали посредством перегонок и искусных разделений, но не с большей удачей, чем в других опытах, которые до сих пор производятся. Ибо люди шли ощупью, вслепую, с помощью, скорее, трудолюбия, чем разума, и (что хуже всего) без всякого подражания природе или соревнования с ней, но разрушая (посредством чрезмерного нагревания и воздействия слишком могущественных сил) всякие более тонкие схематизмы, в которых главным образом содержатся скрытые свойства и согласия вещей. В разделениях этого рода до разума или наблюдения людей обычно не доходит то, о чем мы напоминали в другом месте [128], а именно: когда тело обрабатывается огнем или другими средствами, то многие качества, которых раньше не было, внедряются в эти тела самим огнем и теми телами, которые применяются для разделения. Отсюда происходят поразительные ошибки. Так, не весь пар, который огонь исторгает из воды, был ранее паром или воздухом в теле воды, но в наибольшей части его создало расширение воды от огня.

Точно так же сюда надо отнести все исследованные испытания тел — как естественных, так и искусственных, позволяющие отличить истинное от поддельного, лучшее от худшего. Ибо они приводят невоспринимаемое чувством к воспринимаемому чувством. Поэтому их нужно заботливо и старательно собирать отовсюду.

Что касается сокрытости пятого рода, то очевидно, что действие чувства происходит в движении, а движение во времени. Следовательно, если движение какого-либо тела совершается столь медленно или столь быстро, что оно несоразмерно времени, в течение которого совершается действие чувства, то мы совершенно не замечаем предмета, как это бывает при движении стрелки часов или при движении пули мушкета. Однако движение, которое не замечается по причине его медленности, легко привести к чувству суммированием этих движений; те же движения, которые не замечаются по причине их быстроты, до сих пор еще достаточно не измерены. Однако исследование природы в некоторых случаях требует сделать это.

В шестом же роде, где чувству препятствует слишком большая заметность предмета, приведение достигается или

отдалением предмета от чувства, или ослаблением предмета путем расположения в такой среде, которая убавит силу предмета, но не уничтожит ее, или посредством восприятия отражения предмета, если прямое воздействие было бы чрезмерно сильным, как, например, отражения солнца в бассейне с водой.

Седьмой же род сокрытости, где чувство столь обременено предметом, что для нового допущения нет места, почти и не встречается, кроме как при запахах, и не имеет большого отношения к нашему исследованию. Поэтому удовольствуемся тем, что уже сказано о приведениях невоспринимаемого чувством к ощутимому.

Иногда, однако, приведение совершается не к чувству человека, но к чувству какого-либо другого животного, чувствительность которого в некоторых случаях превосходит человеческую. Таково, например, действие некоторых запахов на чутье собаки; действие света, который скрывается в воздухе, не освещенном извне, на зрение кошки, совы и тому подобных животных, видящих ночью. Ибо правильно заметил Телезий, что в самом воздухе есть некое количество изначального света, хотя и слабого и тонкого, который почти совершенно не служит глазам человека и большинства животных, ибо те животные, для чувств которых этот свет соразмерен, видят ночью, и менее вероятно допущение, что это происходит без света или посредством внутреннего света.

Дóлжно заметить, что здесь мы говорим только о недостаточности чувств и о средствах ее преодоления. Ибо ошибки чувств следует отнести к собственным исследованиям чувства и чувствительного, за исключением того основного обмана чувств, в силу которого черты вещей строятся по аналогии с человеком, а не по аналогии со Вселенной. А это исправляется только посредством разума и универсальной философии.

XLI

На восемнадцатое место среди преимущественных примеров мы поставим *примеры дороги,* которые мы также называем *шествующими,* или *расчлененными, примерами.* Это те примеры, которые указывают движения природы в их постепенности и непрерывности. Этот род примеров ускользает, скорее, от наблюдения, чем от чувства. Ибо удивительна небрежность людей в отношении этого предмета. Они созерцают природу только обрыв-

ками, с промежутками и после того, как тела стали окончательными и завершенными, а не в действовании ее. Ведь если кто-то пожелает рассмотреть и исследовать дарование какого-либо мастера, то он будет не только стремиться к тому, чтобы осмотреть сырые материалы его искусства, а затем завершенную работу, но, скорее, предпочтет присутствовать при том, как мастер работает и продвигает свое дело. Нечто подобное этому следует сделать в отношении природы. Например, если кто-то будет исследовать произрастание растений, он должен будет наблюдать с самого посева семени (что можно легко сделать, беря день за днем семена, которые оставались в земле по два, три, четыре дня и так далее, и тщательно их рассматривая), каким образом и когда семя начинает разбухать и развиваться и как бы наполняться духом; затем, как оно разрывает оболочку и пускает ростки, несколько устремляясь при этом кверху, если только земля не была слишком твердой; как оно продолжает пускать ростки, частью для корней вниз, частью для стебля вверх, иногда уклоняясь в сторону, если с этой стороны обнаруживается открытая или более легкая земля; и многое другое. Так же следует поступать в отношении высиживания яиц, где легко заметить ход оживления и организации: что́, какие части получаются из желтка, что́ — из белка яйца и т. д. Таков же способ и в отношении наблюдения животных, рождающихся из гниения [129]. Ибо было бы негуманным делать это исследование в отношении совершенных и земных животных посредством иссечения плода из чрева, если только не в случае выкидыша или во время охоты и т. п. Вообще необходимо как бы подстерегать природу, ибо ночью она лучше поддается рассмотрению, чем днем. Ведь указанные наблюдения могут считаться как бы ночными вследствие малости светильника и необходимости его постоянного возобновления.

Это же надо испытать и в отношении неодушевленных тел, как мы это и делали, исследуя расширение жидкостей от огня. Ибо одним способом расширяется вода, иным — вино, иным — винный уксус, иным — сок неспелого плода; совсем иначе расширяется молоко, масло и остальное. Это можно было легко заметить посредством кипячения на медленном огне в стеклянном сосуде, где все ясно различается. Однако этого мы вкратце лишь коснемся; полнее и точнее мы будем говорить об этом, когда подойдем к выявлению скрытого процесса

вещей[130]. Ибо надо все время помнить, что мы здесь не разбираем самих вещей, но только приводим примеры.

XLII

На девятнадцатое место среди преимущественных примеров мы ставим *примеры пополнения* или *подстановку,* которые мы также называем *примерами убежища.* Это те примеры, которые пополняют осведомление, когда чувство совершенно бессильно, и поэтому мы к ним прибегаем тогда, когда собственные примеры не могут иметь места. Подстановка совершается двояко — или с помощью непрерывного перехода, или с помощью аналога. Например, не открыта среда, которая совершенно воспрепятствовала бы действию магнита, притягивающего железо. Таковой не является ни золото, положенное между магнитом и железом, ни серебро, ни камень, ни стекло, ни дерево, ни вода, ни масло, ни сукно или волокнистые тела, ни воздух, ни пламя и прочее. И все же, быть может, точное испытание позволило бы найти какую-либо среду, которая в известной степени сравнительно ослабила бы силу магнита больше, чем что-либо другое. Например, возможно, что через слой золота магнит не притягивает железа с такой же силой, как через такой же промежуток воздуха; или через слой раскаленного серебра он не притягивает железа с такой силой, как через слой холодного серебра, и т. д.; мы не произвели этих опытов, однако достаточно их предложить в качестве примера. У нас нет также тела, которое не воспринимало бы тепла при приближении к огню. Однако воздух гораздо скорее воспринимает тепло, чем камень. Такова подстановка, совершаемая с помощью непрерывного перехода.

Подстановка же с помощью аналога безусловно полезна, однако менее верна и поэтому должна быть применяема с некоторой предосторожностью. Она имеет место тогда, когда еще неощутимое приводится к чувству — не посредством воспринимаемых действий самого неощутимого тела, а посредством созерцания какого-либо родственного ощутимого тела. Например, если исследуется смешение духов, представляющих собой невидимые тела, то обнаружится известное родство между телами и началом, которое их питает. Так, начало, питающее пламя, есть масло и жирное; начало, питающее воздух, есть вода и водянистое, ибо пламя умножается над

испарениями масла, а воздух — над испарениями воды. Поэтому надо обратиться к смешению воды и масла, которое доступно чувству, тогда как смешение воздуха и пламени ускользает от чувства. Так, вода и масло, которые очень несовершенно смешиваются между собой при сливании и перемешивании, тщательно и тонко смешиваются в травах, крови и частях животных. Поэтому нечто подобное может совершаться в воздушных телах при смешениях пламени и воздуха. Хотя они и нелегко подвергаются смешению при простом соединении, однако, по-видимому, смешиваются в ду́хах животных и растений, тем более что всякий живой дух поглощает влажные вещества обоих родов — водяное и жирное, как свою пищу.

Так же обстоит дело, если исследуется не совершенное смешение воздушных тел, а только их сочетание. А именно: исследуется, легко ли происходит взаимное проникновение этих тел, или существуют, например, какие-либо ветры, или испарения, или другие воздушные тела, которые не смешиваются с окружающим воздухом, а только держатся и плавают в нем в виде шариков и капель и, скорее, разбиваются и измельчаются воздухом, чем принимаются им и сочетаются с ним. В воздухе и в других воздушных телах чувство этого не может обнаружить вследствие тонкости этих тел. И все же некоторое подобие того, как это происходит, можно наблюдать в жидкостях — ртути, масле, воде, а также и в воздухе, когда он разбивается, рассеивается и поднимается в воде маленькими частицами; также и в более густых дымах и, наконец, в поднятой и висящей в воздухе пыли. Во всех этих случаях взаимного проникновения тел не происходит. Подстановка, о которой мы говорили выше, не плоха для этого предмета, если сначала тщательно исследовать, может ли быть между воздушными телами такая же разнородность, как между жидкими, ибо если она такова, то это подобие с удобством можно подставить по аналогии.

Если мы сказали, что эти примеры пополнения доставляют в качестве убежища осведомление, когда отсутствуют собственные примеры, то все же мы хотим быть понятыми лишь в том смысле, что они могут принести значительную пользу и тогда, когда имеются собственные примеры,— подкрепляя даваемое теми осведомление. Но об этом мы скажем подробнее, когда должным порядком речь пойдет о помощи индукции.

XLIII

На двадцатое место среди преимущественных примеров мы поставим *рассекающие примеры,* которые мы называем также *подстрекающими примерами,* но в другом смысле. Ибо подстрекающими мы их называем потому, что они подстрекают разум, а рассекающими — потому, что они рассекают природу. Поэтому мы их также иногда называем примерами Демокрита[131]. Это те примеры, которые напоминают разуму об удивительной и совершенной тонкости природы, чтобы побудить его к должному вниманию, наблюдению и исследованию. Например, малая капля чернил расходуется на столь много букв и строк; серебро, позолоченное только снаружи, может быть вытянуто в позолоченную нить такой большой длины; мельчайший червячок, который встречается в коже, содержит в себе дух и разнообразные части тела; самая малость шафрана окрашивает целую бочку воды; самая малость цибета или мускуса наполняет запахом гораздо больший объем воздуха; самое малое курение вызывает столь большие облака дыма; столь тонкие различия звуков, как членораздельные слова, разносятся во все стороны по воздуху и даже проникают в отверстия и поры дерева и воды (хотя и очень ослабленные) и, более того, отражаются столь явственно и быстро; свет и цвет так быстро, обильно и в таком изысканном разнообразии проходят через плотные тела стекла, воды, а также отражаются и преломляются в них; магнит действует через все тела, даже через наиболее плотные. Но (что наиболее удивительно) во всех этих случаях при прохождении через безразличную среду (каковой является воздух) одно действие не очень препятствует другому. А именно: в одно и то же время через воздушное пространство проносится и столь много зрительных образов, и столько звуков членораздельного голоса, и столько различных запахов, как запах фиалки, розы, и притом еще тепло, и холод, и магнетические силы. Все это, повторяю, происходит одновременно, причем одно действие не мешает другому, как будто они имеют свои собственные пути и свои собственные, отдельные ходы, и ни одно из них не сталкивается и не встречается с другим.

Однако полезно присоединить к этим рассекающим примерам те примеры, которые мы называем *пределами рассекания.* Например, то, что в случаях, о которых мы говорили, действие иного рода не приводит в расстрой-

ство данное действие и не препятствует ему, не исключает, что в одном и том же роде действий одно господствует над другим и подавляет его. Так, свет солнца господствует над светом свечи, грохот пушки — над человеческим голосом, более сильный запах — над менее сильным, более сильное тепло — над умеренным, полоска железа, положенная между магнитом и другим железом,— над действием магнита. Однако об этом также будет более уместно говорить в связи с помощью индукции.

XLIV

Уже сказано о примерах, которые помогают чувству и особенно полезны для осведомления. Ибо осведомление начинается от чувства. Но все дело завершается в действовании: если там было начало дела, то здесь его конец. Поэтому здесь последуют примеры, полезные главным образом для практической части. Их два рода, а всего их семь. Все их мы называем общим именем — *примеры практики.* Но в действенной части есть два порока, и столько же достоинств у всех примеров этого рода. Ибо действие или обманывает, или слишком затрудняет. Действие обманывает главным образом (в особенности после тщательного исследования природы) вследствие плохого определения и измерения сил и действий тел. Силы же и действия тел разграничиваются и измеряются по отношению или к занимаемому пространству, или к промежутку времени, или к количеству массы, или к преобладающей способности тела. И пока эти четыре мерила не будут тщательно взвешены, науки будут, может быть, прекрасны для созерцания, но не действенны в практике. А четыре примера, которые сюда относятся, мы однозначно называем *математическими примерами и примерами измерения.*

Затруднительной же бывает практика или вследствие примешивания бесполезных вещей, или вследствие многочисленности инструментов, или вследствие массы материала и тел, которые могут потребоваться для какой-либо работы. Поэтому ценными должны считаться или те примеры, которые направляют действие к тому, что наиболее полезно людям, или те, которые щадят инструменты, или те, которые щадят материал и средства. И те три примера, которые сюда относятся, мы назовем однозначно — *благосклонные,* или *благоприятные, примеры.* Итак,

скажем теперь о каждом из этих семи примеров в отдельности, и ими мы заключим эту часть, трактующую о преимущественных или важнейших примерах.

XLV

На двадцать первое место среди преимущественных примеров мы поставим *примеры жезла,* или *радиуса,* которые мы называем также *примерами предела* или *ограничения* (Non Ultra). Ибо силы и движения вещей действуют и совершаются не на неопределенном и случайном пространстве, но на конечном и определенном. Для практики очень важно постигнуть и заметить этот предел для отдельных исследуемых природ, и не только для того, чтобы практика не ошиблась, но и для того, чтобы она была более действенна и могущественна. Ибо иногда нам дано расширить силы и как бы уменьшить расстояния, как, например, при пользовании зрительной трубой.

Большинство сил действует и производит результат только при явном соприкосновении, как это происходит в случае столкновения тел, когда одно тело не сдвинет другое, пока толкающее не коснется толкаемого. Так же и лекарства, предназначающиеся для наружного употребления, как мази и пластыри, не производят своего действия, если не соприкасаются с телом. Наконец, и объекты чувств вкуса и осязания не возбуждают этих чувств, пока не будут соприкасаться с их органами.

Но есть другие силы, которые действуют на расстоянии, правда на весьма малом. Лишь немногие из них известны до сих пор, однако их больше, чем люди предполагают. Так (берем обычные примеры), янтарь и агат притягивают соломинки; водяные пузыри, приближаясь, разрывают другие пузыри; некоторые очистительные лекарства отвлекают соки из верхней части тела [132] и тому подобное. А магнетическая сила, заставляющая сходиться железо и магнит или два магнита, действует внутри определенного, и притом малого, круга. Наоборот, если есть какая-либо магнетическая сила, исходящая от самой земли (конечно, от более внутреннего ее слоя) и действующая на железную иглу в отношении ее полярности, то действие происходит на большом расстоянии.

Равным образом, если есть какая-либо магнетическая сила, которая проявляется в согласии между земным шаром и весомыми телами; или между лунным шаром и

морскими водами (как это представляется весьма вероятным на основании наблюдения полумесячных приливов и отливов); или между звездным небом и планетами, которые опа возбуждает и подпимает к их апогеям,— то все это происходит на чрезвычайно далеких расстояниях. Бывают и некоторые воспламенения, или возгорания, совершающиеся на большом расстоянии, как это рассказывают о Вавилонской нефти [133]. Тепло также распространяется на большие расстояния; точно так же и холод — до такой степени, что ледяные массы, которые отрываются и плывут через Северный океан и относятся в Атлантический по направлению к его берегам, издали воспринимаются жителями Канады: они приносят им холод. Так же и ароматы (хотя здесь, по-видимому, всегда есть некоторое телесное выделение) действуют на значительные расстояния, как это обычно наблюдают плавающие вблизи берегов Флориды, а также некоторых берегов Испании, где сплошные леса из лимонных и апельсиновых деревьев или рощи розмарина, майорана и других ароматических растений. Наконец, излучение света и впечатления звуков действуют на обширные расстояния.

Однако действует ли все это на большие или малые расстояния, во всяком случае оно действует в определенных границах природы, так что здесь есть некоторое non ultra. И предел зависит от массы или количества тел, или могущества и слабости сил, или от благоприятствования и препятствовапия среды. Все это должно быть учтено и замечепо. Даже надо измерить так называемые насильственные движения, как, например, движения метательных снарядов, колес и тому подобных предметов, так как и они явно имеют свои определенные границы.

Бывают также некие движения и силы, противоположные тем, которые действуют при соприкосновении, а не на расстоянии,— действующие, значит, на расстоянии, а пе при соприкосновении; бывают и такие, которые действуют умереннее на меньшем расстоянии и сильнее на большем расстоянии. Так, видимость ухудшается при соприкосновении и требует промежуточной среды и расстояния. Впрочем, я помню: один достойный доверия человек рассказывал мне, что он сам во время лечения его глаз от катаракты (а лечение состояло в том, чтобы, введя маленькую серебряную иголочку внутрь первой оболочки глаза, удалить и оттолкнуть пленку этой катаракты в угол глаза) ясно видел эту иглу, движущуюся поверх самого зрачка. Но хотя это, возможно, и верно,

однако известно, что большие тела только тогда различаются хорошо и отчетливо, когда глаз находится в вершине конуса, который образуют лучи от предмета, отстоящего на некотором расстоянии от него. Более того, у стариков глаз лучше различает более отдаленный предмет, чем более близкий. Известно также, что и удар метательных снарядов не так силен на слишком малом расстоянии, как в некотором отдалении. Итак, дóлжно заметить это и подобное этому в измерении движений по отношению к их дальности.

Есть и другой род пространственного измерения движений, который мы не пропускаем. Он относится не к поступательным движениям, но к сферическим, т. е. к расширению тел в больший объем или сжатию в меньший. Измерением этих движений надо исследовать: какое расширение или сжатие телá (по своей природе) переносят легко и свободно и у какого предела они начинают противиться этому, пока не приходят к последнему non ultra. Так, если сжимать надутый пузырь, то он выдерживает некоторое давление воздуха; но если давление становится бóльшим, воздух не выдерживает этого и пузырь рвется.

Мы испытали это точнее посредством более тщательного опыта: взяли металлический колокольчик, легкий и тонкий, каким мы пользуемся в качестве солонки, и опустили его в сосуд с водой так, чтобы он отнес содержавшийся в его полости воздух к самому дну сосуда. Предварительно же мы поместили на дне сосуда шарик, на который должен был становиться колокольчик. При этом происходило следующее: если шарик был мал (в сравнении с полостью колокольчика), то воздух, сжимаясь, собирался в меньшем пространстве. Если шарик был слишком велик для того, чтобы воздух легко ему уступил, то воздух, не вынося чрезмерного давления, приподнимал колокольчик с какой-либо стороны и поднимался на поверхность пузырями.

Чтобы установить не только какое сжатие, но и какое расширение может вынести воздух, мы произвели такое испытание: взяли стеклянное яйцо с маленьким отверстием на одном его конце; с силой высосали из него воздух через это отверстие и тотчас закрыли отверстие пальцем; затем погрузили яйцо в воду и отняли палец. Оставшийся воздух, расширившийся от этого высасывания свыше его свойств и устремляющийся снова сжаться и принять первоначальный объем (так что если бы это яйцо не было погружено в воду, то оно с шипением

втянуло бы воздух), втянуло в яйцо воду в количестве, достаточном для того, чтобы воздух принял прежнюю сферическую форму или размер [134].

Несомненно, что более тонкие тела (каков воздух) выдерживают некоторое заметное сжатие, как уже сказано. Осязаемые же тела (как вода) поддаются сжатию с гораздо большим трудом и на меньшее протяжение. Какое же, однако, сжатие они выдерживают, мы исследовали посредством следующего опыта.

Мы заказали полый шар из свинца, объемом приблизительно в две винные пинты, с достаточно толстыми стенками, для того чтобы выдержать большую силу. В него мы влили воду через сделанное в одном месте отверстие. Наполнив шар водой, мы запаяли свинцом это отверстие, чтобы шар стал совершенно замкнутым. Затем мы сплющили шар тяжелым молотом с двух противоположных сторон, отчего вода неизбежно должна была сжаться в меньшем пространстве, так как шар имеет наибольший объем среди тел. Затем, когда ударов молота уже не хватало для того, чтобы далее сжимать воду, мы воспользовались прессом, так что наконец вода, не выдерживая уже дальнейшего давления, начала выступать сквозь крепкий свинец, как мелкая роса. Потом мы подсчитали, сколько объема убавилось в шаре от давления, и убедились, что это есть то сжатие, которое вынесла вода, но только подвергнутая воздействию огромной силы [135].

Но гораздо меньшее и почти незаметное сжатие или расширение выдерживают более твердые и сухие или более плотные тела, как камни, дерево, а также металлы. Они уклоняются от него или ломаясь, или выскальзывая, или как-нибудь иначе, как это показывают сгибание дерева и металла, движение часов при помощи пружин, движение метательных снарядов, обработка молотом и бесчисленные другие движения. И все это надо наблюдать, исследовать и измерять при изучении природы или точно, или через приблизительную оценку, или посредством сравнения, смотря по тому, что будет доступно.

XLVI

На двадцать второе место среди преимущественных примеров поставим *примеры пробега,* которые мы также называем *примерами воды,* взяв это название от тех часов, что были у древних, где вместо песка была налита вода. Эти примеры измеряют природу в промежутках вре-

мени, подобно тому как примеры железа измеряют ее в отрезках пространства. Ибо каждое движение или естественное действие протекают во времени — одно быстрее, другое медленнее, но, как бы то ни было, в определенные и известные природе промежутки времени. Даже те действия, которые кажутся происходящими сразу и, как говорят, в мгновение ока, оказывается, занимают больший или меньший промежуток времени.

Так, прежде всего мы видим, что небесные тела возвращаются к прежнему положению в исчисляемое время; так же совершается и прилив и отлив моря. Устремление тяжелых тел к земле и легких к небу тоже совершается за определенные промежутки времени в зависимости от устремляющегося тела и среды. Плавание кораблей, движение животных, полет метательных снарядов — все это равным образом совершается в исчислимые (по крайней мере в целом) промежутки времени. Что же касается тепла, то мы видим, как зимой дети суют руки в огонь и не обжигаются, а жонглеры быстрыми и ловкими движениями переворачивают сосуды, наполненные вином или водой, вниз и снова вверх, не проливая жидкости; и многое другое в этом роде. Также и сжатия, расширения и разрывания происходят в одних телах быстрее, в других медленнее в зависимости от природы тела и движения, но в определенные промежутки времени. Более того, при одновременном выстреле сразу многих пушек, который иногда слышен на расстоянии тридцати миль, звук прежде воспринимают те, кто находится ближе к месту, где он происходит, чем те, кто дальше отстоит от этого места. Даже для зрения (действие которого наиболее быстро) также требуется известный промежуток времени; это доказывают такие движения, которых нельзя различить из-за их быстроты, как, например, полет пули, выпущенной из мушкета. Ибо полет пули совершается быстрее, чем может дойти до зрения ее изображение.

Это и подобное этому внушало нам иногда совершенно чудовищное сомнение, а именно: различается ли поверхность ясного звездного неба в то самое время, когда она действительно существует, или же несколько позднее этого, и не существуют ли (в отношении ви́дения звезд) действительное время и кажущееся время, так же как действительное место и кажущееся место, которое отмечают астрономы при исправлении параллаксов [136]. Столь неправдоподобным нам казалось, что вид или лучи небесных тел могут тотчас донестись до зрения через столь

безмерное пространство: они, скорее, должны пройти через него в какое-либо заметное время. Но то сомнение (в отношении сколько-нибудь значительного промежутка между действительным и кажущимся временем) совершенно исчезло, когда мы подумали относительно бесконечного уменьшения величины (что касается видимости) от действительного размера тела звезды и до ее кажущегося вида, которое причиняется расстоянием; и вместе с тем приняли во внимание, на каком расстоянии (а именно: по меньшей мере шестьдесят миль) тотчас различаются нами тела, хотя бы только белеющие; тогда как нет сомнения в том, что небесный свет намного превосходит по силе излучения не только живую яркость белизны, но и свет всякого известного у нас пламени. Так же и эта бесконечная скорость в самом теле, которая проявляется в его суточном движении (она даже так удивила ученых мужей, что они предпочли верить в движение земли), делает более правдоподобным движение отбрасывания лучей от светил (хотя, как мы сказали, и удивительное по скорости). Но более всего нас убедило то соображение, что если между действительностью и видимостью пройдет значительный промежуток времени, то получится, что изображения будут часто прерываться появляющимися облаками и другими подобными изменениями среды и, таким образом, смешаются. Сказанного достаточно о простом измерении времени.

Но для нас гораздо важнее отыскать не только простое измерение действий и движений, но также и сравнительное измерение. Ибо оно приносит большую пользу и применимо по отношению к очень многому. Так, мы видим, что пламя какого-либо огнестрельного оружия замечается скорее, чем слышен звук выстрела, хотя и необходимо, чтобы пуля прежде ударила по воздуху, чем мог бы выйти огонь, который следует за ней; и это обусловлено тем, что движение света протекает быстрее, чем движение звука. Мы также видим, что зрение быстрее воспринимает видимый образ, чем отпускает его. Поэтому и происходит, что струны арфы, приведенные в движение пальцем, получают двойной или тройной вид, ибо новый их вид воспринимается прежде, чем отпущен предыдущий. Поэтому также вертящиеся кольца кажутся шарообразными, а горящий факел, быстро проносящийся ночью, кажется хвостатым. Исходя из этой неравномерности движений в отношении их скорости, Галилей выдумал и причину прилива и отлива моря,

предположив, что земля движется быстрее, а вода медленнее и поэтому вода собирается вверху и затем падает вниз, как это видно в сосуде с водой, приведенном в быстрое движение. Но это он выдумал, сделав недопустимое допущение (а именно, что земля движется), и притом он не был хорошо осведомлен о шестичасовом движении вод океана [137].

Пример же того, о чем идет речь, а именно сравнительных измерений движений,— и не только самого предмета, но и его замечательного использования (о чем мы говорили несколько раньше) — дают подкопы, заряжаемые порохом. Огромные массы земли, строений и тому подобного сокрушаются и взлетают вверх от ничтожного количества пороха. Причина этого, несомненно, состоит в том, что расширительное движение взрывающегося пороха во много раз быстрее, чем движение тяготения, в силу которого могло бы быть оказано известное сопротивление. Так что первое движение выполняет свое дело прежде, чем начинается противоположное движение, и вначале сопротивляемости как бы не существует. Поэтому так же и происходит, что в каждом метательном орудии имеет наибольшее значение для переброски снаряда не столько сильный, сколько резкий и быстрый удар. Малое количество животного духа в животных, особенно в таких огромных телах, как киты и слоны, не могло бы также поворачивать такую телесную массу и управлять ею, если бы не быстрота животного духа и косность телесной массы, оказывающей ему сопротивление.

Наконец, одно из главных оснований магических опытов (о которых мы далее скажем) [138], когда малая масса материи превосходит значительно большие массы и подчиняет их,— опережение движений вследствие скорости одного из них, которое совершается раньше, чем начнется другое.

Наконец, надо отметить само различие между «раньше» и «позднее» во всяком естественном действии. Так, при изготовлении настойки из ревеня очистительная сила извлекается ранее, а стягивающая — позднее. Нечто подобное мы заметили при настаивании фиалок в уксусе, когда сначала извлекается приятный и тонкий аромат цветка, а затем — более землистая часть цветка, которая изменяет запах. Поэтому, если погрузить фиалки на целый день, то получится очень слабый запах; но так как ароматного духа мало в фиалке, то, если погружать их

только на четверть часа, а затем извлекать и через каждые четверть часа погружать новые фиалки до шести раз, тогда наконец настой облагораживается. При этом фиалки, хотя и сменяемые, оставаясь в винном уксусе не больше полутора часов, дают приятнейший аромат, не уступающий самой фиалке и остающийся на целый год. Однако следует заметить, что аромат восходит к своей полной силе только через месяц после настаивания. При перегонках же настоек ароматных трав в винном спирте мы видим, что сначала поднимается бесполезная водянистая влага, затем жидкость, содержащая больше винного спирта, а затем уже жидкость, содержащая больше аромата. И много подобного, достойного быть отмеченным, обнаруживается в перегонках. Однако для примера этого достаточно.

XLVII

На двадцать третье место среди преимущественных примеров мы поставим *примеры количества,* которые мы также называем *дозами природы* (взяв это название от лекарств). Это те примеры, которые измеряют способности в соответствии с количествами тел и указывают, как величина тела воздействует на меру способностей. Прежде всего есть способности, которые не существуют кроме как в космическом количестве, т. е. в таком количестве, которое соответствует очертаниям и строению Вселенной. Так, земля стоит, а ее части падают. В морях воды имеют приливы и отливы, а в реках — нет, разве только от вхождения морской воды. Затем, почти все частные способности действуют сообразно с тем, велико или мало количество тела. Обильные воды портятся нелегко, а малые — быстро. Вино и пиво созревают и делаются пригодными для питья гораздо скорее в малых мехах, чем в больших бочках. Если траву положить в большое количество жидкости, то произойдет, скорее, пропитывание, чем всасывание; если же в меньшее количество, то получится больше всасывание, чем пропитывание. По-одному, следовательно, действует на человеческое тело купание, а по-другому — легкое орошение. Так же и малые росинки никогда не падают в воздухе, но рассеиваются и смешиваются с ним; и если подышать на драгоценные камни, то видно, как эта малая влажность тотчас расходится наподобие тучки, рассеянной ветром. Так же кусок магнита не притягивает столько железа, как целый магнит. Есть также способности, для которых малое количество

имеет больше силы. Так, при протыкании острый наконечник проникает скорее, чем тупой. Остроконечный алмаз режет стекло, и т. д.

Однако не следует оставаться здесь в такой неопределенности, а надо также исследовать соотношение между количеством тела и мерой способности. Ведь было бы естественно предположить, что количество и способность пропорциональны, например: если свинцовый шарик весом в одну унцию будет падать в течение такого-то времени, то шарик весом в две унции будет падать вдвое скорее,— что совершенно ложно. Не одни и те же соотношения существуют для всякого рода способностей, но очень различные. Поэтому меры должны быть извлечены из самих вещей, а не из правдоподобия и предположений.

Наконец, во всяком исследовании природы должно заметить количество тела, требуемого для какого-либо действия, как бы дозу его, и соблюдать осторожность в отношении как чрезмерного, так и недостаточного.

XLVIII

На двадцать четвертое место среди преимущественных примеров мы поставим *примеры борьбы,* которые мы также называем *примерами преобладания.* Это те примеры, которые указывают преобладание и подчинение способностей по отношению друг к другу; указывают, какая из этих способностей сильнее и побеждает и какая слабее и покоряется. Ибо движения и устремления тел сложны, разложимы и запутаны не менее, чем сами тела. Итак, мы покажем прежде всего главные виды движений или действующих способностей, чтобы было более наглядным их сравнение в силе и отсюда — разъяснение и обозначение примеров борьбы и преобладания.

Первое движение есть движение *противостояния* (antitypiae) [139] материи, которое присутствует в ее отдельных частицах, благодаря чему она не желает быть совершенно уничтоженной. Так что никакое сожжение, никакая тяжесть или давление, никакое насилие, никакая, наконец, продолжительность времени не могут обратить в ничто какую-либо, хотя бы мельчайшую, частицу материи; она всегда будет чем-то и будет занимать какое-то место, и, в какое бы безвыходное положение она ни была поставлена, она освободится, изменив либо форму, либо место, или же, если это невозможно, будет оставаться, как она есть; и никогда она не будет ничто или

нигде. Это движение схоласты (которые почти всегда называют и определяют вещь, скорее, по ее способности и неспособности, чем по внутренним причинам) или обозначают посредством следующей аксиомы: «Два тела не могут быть в одном месте»,— или называют движением, которое «не допускает взаимопроникновения измерений». Предлагать примеры этого движения не имеет смысла, ибо оно присуще каждому телу.

Второе движение есть движение *сцепления* (так мы его называем). Благодаря этому движению тела не допускают разобщения в какой-либо части при соприкосновении с другим телом, сохраняя взаимную связанность и соприкосновение. Это движение схоласты называют движением, которое «не допускает пустоты». Так, вода привлекается вверх действием высасывания, или насоса, плоть — действием кровососных банок; так, вода задерживается и не вытекает из пробуравленных сосудов, пока устье сосуда не будет открыто для воздуха; так же обстоит дело и в бесчисленных других явлениях этого рода.

Третье движение есть движение *освобождения* (так мы его называем). Посредством этого движения тела стремятся освободиться от давления и напряжения, превышающего естественное, и остаться в подходящем для них объеме. Примеры этого движения также бесчисленны. Таково (в отношении освобождения от давления) движение воды при плавании, воздуха при полете, воды при гребле, воздуха при порывах ветра, пружины в часах. Не плохо также обнаруживается движение сжатого воздуха в игрушечных ружьях детей, когда дети выдалбливают палку ольхи или другого дерева и затыкают ее с обеих концов куском какого-либо сочного корня. Затем они вталкивают этот корень или другую затычку с одного конца. Тогда на другом конце палки корень выбрасывается с шумом, и притом прежде, чем его коснется вталкиваемый корень. Что же касается освобождения от растяжения, то это движение обнаруживается в том воздухе, который остается после высасывания в стеклянных яйцах, а также в струпах, коже и ткани, когда они сокращаются после растяжения, если только это растяжение не укрепилось в течение продолжительного времени, и т. д. Это движение схоласты обозначили как движение «из формы элемента», впрочем, довольно неудачно, ибо это движение относится не только к воздуху, воде или огню, но и к телу любого состава, как к дереву, железу,

свинцу, пергаменту и т. д., каждое из которых имеет свойственную ему меру объема и от этой меры на какой-либо заметный объем пространства отходит с трудом. Однако ввиду того что указанное движение освобождения есть наиболее очевидное из всех и относится к бесчисленному количеству явлений, было бы благоразумно хорошо и ясно выделить его. Ибо некоторые по крайней небрежности смешивают это движение с упомянутыми двумя движениями противостояния и сцепления, а именно: освобождение от давления — с движением противостояния и освобождение от растяжения — с движением сцепления, как будто сжатые тела отступают или расширяются для того, чтобы не последовало слияние измерений, а растянутые тела собираются и сжимаются для того, чтобы не появилась пустота. Между тем если бы сжатый воздух пожелал принять плотность воды или сжатое дерево — плотность камня, то не было бы никакой необходимости в слиянии измерений, и все же сжатие этих тел могло бы быть много большим, чем они выдерживают каким бы то ни было образом. Точно так же если бы вода пожелала расшириться до разреженности воздуха, а камень — до разреженности дерева, то не было бы необходимости в пустоте, и все же их растяжение могло бы быть много большим, чем они выдерживают каким бы то ни было образом. Дело доходит до слияния измерений и до пустоты только при крайних пределах сгущения или разрежения; а эти движения протекают и заканчиваются задолго до того и представляют собой не что иное, как стремление тел оставаться в своих пределах (или, если угодно, в своих формах) и не удаляться от них внезапно, если только изменение происходит мягкими средствами или посредством согласия. Но еще гораздо более необходимо (ибо это многое влечет за собой), чтобы люди знали, что насильственное движение (его мы называем *механическим,* а Демокрит, которого в даваемом им объяснении первых движений надо причислить к посредственным философам, называл движением *толчка*) есть не что иное, как движение освобождения, а именно от сжатия к расслаблению. Ибо при всяком простом подталкивании или бросании через воздух движение, или перемена места, происходит не ранее, чем части тела будут сжаты сверх своего естества внешним воздействием. Тогда, когда одни части последовательно подталкивают другие, устремляется все тело, и не только продвигаясь вперед, но одновременно и вращаясь, чтобы таким образом части могли

освобождаться или претерпевать это состояние равномерно. Но об этом движении достаточно.

Четвертое движение, которому мы дали имя движения *материи,* некоторым образом противоположно движению, названному нами движением освобождения. Действительно, при движении освобождения тела отвращаются, убегают, уклоняются от нового размера, или нового объема, или нового расширения, или нового сжатия (ибо это разнообразие слов обозначает то же самое), и всеми силами стремятся вернуться в прежнее состояние. В этом же движении материи, наоборот, тела стремятся к новому объему, или размеру, и стараются приблизиться к нему охотно и быстро и иногда путем самого бурного усилия (как в движении пороха). Средства же этого движения — хотя и не единственные, но наиболее могущественные или по крайней мере наиболее частые — суть тепло и холод. Например, если воздух расширяется вследствие растяжения (как при высасывании воздуха из стеклянных яиц), то он движим большим желанием восстановить свой прежний объем. При сообщении же тепла, наоборот, он стремится расшириться и желает нового объема и охотно переходит в него, как бы в новую форму (как говорят); и после известного расширения не старается возвратиться, если только его к этому не побуждает приближение холода. Но это не есть возвращение, а повторное преображение. Таким же образом и вода, если ее пытаются сжать, подвергая давлению, сопротивляется, желая стать такой, какой она была, т. е. шире. Но если является сильный и продолжительный холод, она охотно и добровольно преображается до плотности льда; и если холод продолжается все время и не прерывается потеплением (как это бывает в более глубоких пещерах и погребах), она обращается в кристалл или в подобную материю и никогда не принимает прежнего вида.

Пятое движение есть движение *непрерывности.* Под этим мы понимаем не простую и первичную неразрывность одного тела с другим (ибо это есть движение сцепления), но непрерывность известного тела в себе самом. Ибо совершенно достоверно, что все тела избегают ослабления непрерывности, одни — больше, другие — меньше, но все в известной степени. Так, если в твердых телах (как в стали или в стекле) сопротивление ослаблению непрерывности наиболее сильно и упорно, то даже и в жидкостях, где движение этого рода кажется прекращающимся или по крайней мере ослабевающим, все же

не наблюдается его полное отсутствие; оно сохраняется и здесь, хотя как бы в наиболее низких степенях, и обнаруживается во многих явлениях, как, например, в водяных пузырях, в округлости капель, в тонких струйках стекающей воды, в вязкости клейких тел и тому подобных явлениях. Но наиболее обнаруживается это стремление, если пытаться довести прерывность до мельчайших частей. Ибо в ступках после разбивания до известной степени пестик уже больше не действует; вода не проникает в слишком малые трещины; даже и самый воздух, несмотря на тонкость его тела, не тотчас проникает в поры более плотных тел, но лишь длительным внедрением.

Шестое движение есть движение, которое мы называем движением *выгоды* или движением *нужды*. Посредством него тела, если они, находясь среди совершенно чужеродных и как бы враждебных тел, получают возможность избежать этих чужеродных тел и присоединиться к более близким телам (хотя бы эти близкие тела были такими, у которых нет тесного согласия с ними), тотчас принимают и избирают их как предпочтительные и как будто считают это выгодным (откуда мы и взяли название), как если бы они ощущали нужду в таких телах. Например: золото или другой металл в форме фольги не любит окружающего воздуха; поэтому, если оно встречается с каким-либо осязаемым и плотным телом (как палец, бумага и что угодно другое), оно тотчас к нему пристает и не легко отрывается. Так же и бумага или ткань и другие тела этого рода не ладят с воздухом, который проник в их поры; поэтому они охотно впитывают воду или жидкость и вытесняют воздух. Так же сахар или губка, погруженные в воду или вино, если часть их выдается и далеко поднимается над вином или водой, понемногу и постепенно привлекают воду или вино вверх.

Отсюда получается превосходное правило для открытия и разложения тел. Ибо если можно, оставив разъедающие кислоты, которые сами открывают для себя путь, найти тело, сообразное и более согласное и дружественное какому-либо плотному телу, чем то, с которым последнее смешано как бы в силу необходимости, то это плотное тело тотчас отрывается и расслабляется и принимает внутрь себя то второе, исключив или удалив предыдущее. Это движение выгоды действует или имеет силу не только при соприкосновении. Ибо электрическое действие (о котором Гильберт и другие после него

пустили столько сказок) есть не что иное, как стремление тела, возбужденного легким трением и плохо выносящего воздух, но предпочитающего какое-либо другое осязаемое тело, если оно находится поблизости.

Седьмое движение есть то, которое мы называем движением *большего собрания*. Посредством этого движения тела несутся к массам соприродных им тел: тяжелое — к земному шару, легкое — к окружности неба. Это движение схоласты легкомысленно обозначили как *естественное движение* — очевидно, потому, что извне нет ничего заметного, возбуждающего это движение (и поэтому они считали это движение прирожденным и присущим самим вещам), или же потому, что оно не прекращается. Но это и не удивительно, ибо земля и небо всегда присутствуют, тогда как причины и начала большинства остальных движений, наоборот, то отсутствуют, то присутствуют. Поэтому схоласты полагали это движение вечным и собственным, ибо оно не прерывается и тотчас является тогда, когда прекращаются другие; остальные же движения они полагали заимствованными. Однако это движение в действительности достаточно непрочно и вяло: оно как бы уступает и подчиняется другим движениям, пока они действуют, если только оно не совершается в телах чрезвычайно большой массы. И хотя это движение столь наполнило мысли людей, что от них почти скрылись остальные движения, однако люди мало о нем знают и впадают во многие ошибки относительно него.

Восьмое движение есть движение *меньшего собрания*, посредством которого однородные части в каком-либо теле отделяются от инородных и сочетаются между собой. Посредством этого движения также и целые тела подобного вещества обнимают и лелеют друг друга и, когда оказываются сблизившимися до некоторого расстояния, притягиваются друг к другу и сходятся. Так, в молоке сливки всплывают, а в вине осадки опускаются через некоторое время. Ибо это происходит не только вследствие движения тяжести и легкости, когда одни части устремляются кверху, а другие опускаются к самому низу, но и в гораздо большей степени вследствие стремления однородных частей к схождению и соединению. От движения нужды это движение отличается в двух отношениях. Во-первых, в движении нужды преобладает побуждение враждебной и противоположной природы; в этом же движении части соединяются (если только отсутствуют препятствия и оковы) в силу друж-

бы, хотя бы и отсутствовала чуждая природа, вызывающая раздор. Во-вторых, отличие состоит в том, что соединение здесь теснее и совершается как бы с большим выбором. В том движении, чтобы избежать враждебного, сходятся и не очень родственные тела, в этом же сходятся вещества, связанные совершенно братским подобием, и они как бы сливаются воедино. Это движение присуще всем сложным телам, и в отдельных случаях оно было бы хорошо заметно, если бы только не связывалось и не обуздывалось другими устремлениями тел, нарушающими это схождение.

А связывают это движение главным образом три обстоятельства: косность тел, узда господствующего тела и внешние движения. Что касается косности тел, то достоверно известно, что осязаемым телам присуща некоторая вялость, большая или меньшая, и боязнь перемещения. И если они не встречают побуждения извне, то предпочитают остаться в том положении, в каком пребывают, чем привести себя в лучшее. Но эта косность разбивается с помощью трех воздействий: или тепла, или силы, исходящей от какого-либо родственного тела, или живого и мощного движения. Что касается, во-первых, помощи от тепла, то она дала повод определить тепло как то, что «разделяет разнородное и собирает однородное». Это определение перипатетиков по заслуге осмеял Гильберт, который сказал, что это то же самое, как если бы кто-либо определил человека как то, что сеет пшеницу и сажает виноградные лозы; ибо это определение является лишь определением посредством действия, и притом частного. Но это определение еще более ошибочно, потому что и эти действия (каковы бы они ни были) не исходят из свойств тепла, но являются привходящими (ибо это же совершает и холод, как мы будем говорить впоследствии), а именно вызываются стремлением однородных частей к схождению; тепло только помогает разбить косность, которая раньше связывала это желание. Что же касается помощи от способности, приданной близким телом, то она удивительным образом обнаруживается в армированном магните, который возбуждает в железе способность удерживать железо вследствие подобия веществ, причем косность железа разбивается способностью магнита. Что же касается помощи от движения, то она замечается в деревянных стрелах, у которых также и острие деревянное. Они проникают глубже в другое дерево, чем если бы были оснащены железом. Это

происходит вследствие подобия вещества, причем косность дерева устраняется быстрым движением. Об этих двух опытах мы говорили также в афоризме о скрытных примерах [140].

Связывание же движением меньшего собрания посредством обуздывания со стороны господствующего тела мы наблюдаем в разделении крови и мочи холодом. Ибо, пока эти тела будут наполнены деятельным духом, который, как господин целого, располагает и сдерживает их отдельные части, до тех пор однородные части не сойдутся вследствие этого обуздывания. Но после того, как этот дух испарится или будет подавлен холодом, части, освобожденные от узды, сойдутся, следуя своему естественному стремлению. Поэтому и происходит, что все тела, содержащие острый дух (как соли и тому подобное), сохраняются под воздействием постоянной и крепкой узды господствующего и властного духа.

Связывание же движения меньшего собрания посредством внешнего движения лучше всего наблюдается в движениях тела, задерживающих гниение. Ибо всякое гниение основывается на собирании однородных частей, отчего постепенно происходит порча первичной (как ее называют) формы и рождение новой. Ведь гниению, пролагающему дорогу для рождения новой формы, предшествует разложение старой формы, которое само есть сведение к однородности. Если ничто не препятствует, то происходит простое разложение. Но если встречаются разнообразные препятствия, то следует гниение, которое есть зачаток нового рождения. Если же (об этом теперь и идет речь) происходит быстрое движение, сообщаемое извне, тогда движение этого схождения (которое тонко и мягко и нуждается в покое от внешнего) нарушается и прекращается, как мы это видим в бесчисленных случаях. Так, ежедневное движение и протекание воды задерживает гниение; ветры препятствуют скоплению заразы в воздухе; зерно, движимое и переворачиваемое в амбарах, остается чистым; вообще все движимое извне не легко гниет внутри.

Наконец, нельзя опустить то схождение частей тела, от которого главным образом происходит затвердевание и высыхание. Ибо, после того как дух, или влажность, обращенная в дух, отлетает из какого-либо пористого тела (дерева, кости, пергамента и т. п.), более плотные части сильнее сжимаются и сходятся, отчего и следует затвердевание и высыхание. Мы полагаем, что это происходит

не столько от движения сцепления — дабы не было пустоты, сколько от этого движения дружбы и союза.

Что же касается схождения тел на расстоянии, то оно происходит редко. Все же оно присуще большему количеству вещей, чем мы наблюдаем. Образец этого дают водяные пузыри, разрушающие другие пузыри; лекарства, которые притягивают жидкости в силу подобия веществ; струна арфы, которая заставляет другую струну звучать в унисон, и т. п. Мы полагаем, что и духам животных присуще это движение, но здесь оно совершенно неизвестно. Вполне ясно оно выступает в магните и в возбужденном железе. Но когда мы говорим о движениях магнита, то между ними надо проводить отчетливое различие. Ибо есть в магните четыре способности, или действия, которые дóлжно не смешивать, а разделять, хотя удивление и восхищение людей их смешали. Первое состоит в схождении магнита с магнитом, или железа с магнитом, или намагниченного железа с железом; второе — в склонении магнита к северу и югу, а также и в его наклонении; третье — в проникновении магнита через золото, стекло, камень и все остальное; четвертое — в сообщении его свойства от камня к железу и от железа к железу без передачи вещества. Однако здесь мы говорим только о его первой способности, т. е. о схождении. Замечательно также движение схождения ртути и золота, заставляющее золото притягивать ртуть, хотя бы даже и превращенную в мазь; работающие среди паров ртути обычно держат во рту кусочек золота, для того чтобы собирать пары ртути, которые иначе вошли бы в их кости и черепа и от которых этот кусочек спустя короткое время белеет. Итак, о движении меньшего собрания сказано достаточно.

Девятое движение есть движение *магнетическое,* которое хотя и относится к роду движений меньшего собрания, однако если действует на большие расстояния и на большие массы вещей, то заслуживает отдельного исследования,— в особенности тогда, когда оно не начинается от соприкосновения, как многие другие, и не доводит действие до соприкосновения, как все они; оно только поднимает тела и заставляет их вздыматься, не более. Ибо если луна поднимает воды или заставляет влагу вздыматься, или звездное небо притягивает планеты к их апогеям, или солнце удерживает Венеру и Меркурий в таком положении, чтобы они не дальше чем на известное расстояние отстояли от тела солнца, то очевидно, что

это движение нельзя отнести ни к большему собранию, ни к меньшему собранию, но оно есть как бы посредствующее и незавершенное собрание и поэтому должно составлять свой собственный вид.

Десятое движение есть движение *бегства;* оно противоположно движению меньшего собрания. Посредством этого движения тела в силу антипатии убегают от враждебных тел, или обращают их в бегство и отделяются от них, или отказываются смешиваться с ними. Хотя могло бы показаться, что иногда это явление совершается только как случайное — вторичное по отношению к движению меньшего собрания, ибо однородные части не могут сойтись без исключения или удаления разнородных частей, все же должно рассматривать это движение как отдельное и выделить его в особый вид, ибо во многих случаях, скорее, стремление к бегству оказывается первичным, чем стремление к схождению.

Это движение заметно обнаруживается в выделениях животных; не менее оно заметно также в некоторых предметах, неприятных для ощущения, главным образом для обоняния и вкуса. Ведь дурной запах настолько отвергается обонянием, что даже из-за несогласия вызывает в пищеводе движение отталкивания: горький и неприятный вкус настолько отвергается нёбом и горлом, что по несогласию вызывает судорожные движения головы и мороз по коже. Но это движение имеет место и в других случаях. Иногда оно проявляется в окружающем: например, холод в средней области воздуха, очевидно, есть отбрасывание природы холода из пределов небесных тел. Подобно этому и возникающие в подземельях великий зной и воспламенения, по-видимому, представляют собой отбрасывание горячей природы недрами земли. Ибо, если тепло и холод будут в меньшем количестве, они уничтожат друг друга; но, если они будут в больших массах и как бы правильно расположены, тогда они, сталкиваясь, сдвигают и отбрасывают друг друга с места. Передают также, что корица и другие ароматические вещества дольше сохраняют запах, если их поместить вблизи сточных канав и зловонных мест, ибо их запах отказывается покинуть свое место и смешаться с зловонием. Во всяком случае ртуть, которая иначе соединилась бы в целое тело, удерживается от схождения частей человеческой слюной, свиным салом или терпентином и тому подобными веществами, ибо у ее частей плохое согласие с телами этого рода, от которых они уклоняются, будучи окружены

ими, так что желание убежать от этих лежащих в промежутке частей сильнее, чем желание соединиться с подобными себе частями. Это называют умерщвлением ртути. Так же масло не смешивается с водой не только вследствие различия в легкости, но и вследствие плохого согласия между ними, как это видно из примера винного спирта, который хотя и легче масла, однако хорошо смешивается с водой. Но более всего движение бегства заметно в селитре и в подобного же рода простых телах, как в порохе, ртути, а также золоте, которые отвращаются от пламени. Однако бегство железа от одного полюса магнита, как это хорошо заметил Гильберт, не есть, собственно, бегство, но сообразование и схождение к более благоприятному положению [141].

Одиннадцатое движение есть движение *уподобления*, или *самоумножения*, или также *простого порождения*. Простым же порождением мы называем порождение не целых тел, как у растений или животных, но подобных тел. А именно: посредством этого движения подобные тела обращают в свое вещество и природу другие родственные или по крайней мере хорошо расположенные и приуготовленные тела. Так, пламя умножается и порождает новое пламя на испарениях и маслянистых телах; воздух умножается и порождает новый воздух на воде и водянистых телах; растительный и животный дух умножается и порождает новый дух на более легких частях водянистого и маслянистого в своем питании; твердые части растений и животных, как, например, лист, цветок, мясо, кость и другие, уподобляют и порождают из соков своего питания заменяющее и восполняющее вещество. И пусть никто не подражает сумасбродству Парацельса, который (ослепленный, по-видимому, своими перегонками) считал, что питание совершается только посредством отделения и что в хлебе или в пище скрывается глаз, нос, мозг, печень, а в соке земли — корень, лист, цветок; ибо подобно тому, как художник выводит лист, цветок, глаз, нос, руку, ногу и тому подобное из грубой массы камня или дерева посредством отделения и отбрасывания лишнего, так, утверждает он, и этот Архей, внутренний художник, выводит из пищи отдельные члены и части тела посредством отделения и отбрасывания [142]. Но если оставить этот вздор, то вполне достоверно, что отдельные части растений и животных, как подобные, так и органические, сначала с некоторым выбором извлекают соки из своего питания (которые или являются почти общими и одинаковыми

с остальными, или ненамного от них отличаются) и затем уподобляют их и обращают их в свою природу. И это уподобление, или простое порождение, совершается не только в одушевленных телах; также и неодушевленные тела причастны к этому, как уже сказано о пламени и воздухе. Более того, отмерший дух[143], содержащийся в каждом осязаемом одушевленном теле, постоянно стремится растворить и претворить более плотные части в дух, который затем исходит, почему и происходит уменьшение веса и высыхание, как мы уже говорили в другом месте[144]. Говоря об уподоблении, нельзя пренебречь и тем нарастанием, которое обычно отличают от питания. Так, глина посреди камней сгущается и обращается в каменистую материю; отложения на зубах обращаются в вещество не менее твердое, чем сами зубы, и т. д. Ибо мы придерживаемся того мнения, что всем телам присуще стремление к уподоблению не меньшее, чем к схождению с однородными телами. Однако эта способность, равно как и та, связывается, хотя и не теми же воздействиями. Но эти воздействия, как и освобождение от них, нужно исследовать со всей тщательностью, ибо они относятся к сообщению новых сил старости[145]. Наконец, следует отметить, что в тех девяти движениях, о которых мы говорили, тела стремятся только к сохранению своей природы, а в этом десятом стремятся к расширению[146].

Двенадцатое движение есть движение *побуждения*. Это движение, по-видимому, относится к роду уподобления, и иногда мы называем его этим именем. Ибо это движение, как и предыдущее, есть и рассеивающее движение, и сообщающее, и переходящее, и умножающее. Оба они в большинстве случаев сходятся в результате, хотя различаются в образе действия и в предмете. Движение уподобления происходит как бы властно и могущественно, ибо оно приказывает и принуждает уподобляемое тело измениться и обратиться в уподобляющее. Движение же побуждения действует как бы искусно и украдкой и тайно. Оно только приглашает и располагает побуждаемое перейти к природе побуждающего. Кроме того, движение уподобления умножает и преобразует тела и вещества. Так, больше становится пламени; больше воздуха, больше духа, больше мяса. В движении же побуждения умножаются и преобразуются только способности; больше становится теплоты, больше магнетизма, больше гниения. Это движение проявляется в особенности в тепле и в холоде. Ибо тепло распространяется при нагревании не через

сообщение первого тепла, но только через побуждение частей к тому движению, которое есть форма теплоты,— о чем мы говорили в первом сборе плодов для природы тепла. Поэтому тепло гораздо медленнее и труднее возбуждается в камне или в металле, чем в воздухе, вследствие неспособности и нерасположенности этих тел к такому движению. Поэтому вероятно, что внутри земли, вблизи ее недр, есть вещества, совершенно отвергающие нагревание, ибо по причине чрезмерного сгущения они лишены того духа, от которого главным образом начинается это движение побуждения. Подобным же образом магнит придает железу новое расположение частей и сообразное движение, сам же не теряет ничего из своей способности. Подобным же образом дрожжи, пивное бродило, молочная закваска и некоторые яды побуждают и вызывают последовательное и непрерывное движение в тесте, пиве, сыре или человеческом теле не столько вследствие силы побуждающего тела, сколько вследствие предрасположения и уступчивости побуждаемого.

Тринадцатое движение есть движение *запечатления,* которое также из рода движения уподобления, и оно наиболее тонкое из распространяющихся движений. Мы сочли нужным выделить его в особый вид, так как оно значительно отличается от двух предыдущих движений. Ибо простое движение уподобления преобразует самые тела, так что если удалить первую движущую силу, то это не будет иметь никакого значения для всего последующего. Действительно, ни первое возгорание пламени, ни первое превращение в воздух не имеют никакого значения для пламени или для воздуха, возникающего в последующем рождении. Подобным же образом остается на достаточно долгое время и движение побуждения, если удалить первую движущую силу, как, например, в нагретом теле — когда удалено первое тепло, в возбужденном железе — когда удален магнит, в тесте — когда удалена закваска. Движение же запечатления, хотя и оно распространяющееся и переходящее, однако, по-видимому, всегда зависит от первой движущей силы, так что, если она будет удалена или прекратится, тотчас погибает и отпадает и оно. Итак, оно совершается мгновенно или по крайней мере в течение короткого времени. Поэтому мы называем те движения уподобления и побуждения движениями *рождения от Юпитера,* ибо порожденное остается; а это движение — движением *рождения от Сатурна,* ибо рожденный тотчас пожирается и поглощается[147]. Это движе-

ние является в трех вещах: в лучах света, в устремлении звука и в действии магнита в отношении его сообщения. Ибо, если удалить свет, тотчас пропадают цвета и остальные его образы; если удалить первый удар и прекратить последовавшее отсюда колебание тела, немного спустя пропадает звук. Ибо, хотя на звуки, когда они проходят через промежуточную среду, ветры воздействуют наподобие волн, однако надо тщательно отметить, что звук существует не так долго, как происходит звучание. Так, при ударе в колокол кажется, что звук продолжается довольно долгое время, из-за чего легко впасть в ошибку, будто звук все это время как бы плавал и держался в воздухе, тогда как это совершенно ложно. Ибо это звучание не есть численно один и тот же звук, но его возобновление. Это обнаруживается, если успокоить или задержать тело, в которое ударили. Ибо, если колокол будет задержан и приведен в неподвижность, звук тотчас пропадет и больше не звучит; так это бывает со струнами, если после первого удара коснуться струны или пальцем, как на лире, или пером, как на спинете[148]: звучание тотчас прекращается. Так же и при удалении магнита железо тотчас падает. Луну же невозможно удалить от моря и Землю — от падающего тела. Поэтому здесь невозможен никакой опыт. Но соотношение остается то же самое.

Четырнадцатое движение есть движение *очертания,* или *положения.* При помощи этого движения тела стремятся не к какому-либо схождению или отделению, но к тому или иному положению и размещению относительно других тел. Но это движение совершенно неясно и недостаточно хорошо исследовано; и в некоторых случаях оно кажется совершенно беспричинным, хотя в действительности оно, как мы думаем, не таково. Так, если спросят, почему небо вращается с востока на запад, а не с запада на восток или почему оно вращается вокруг полюсов, расположенных вблизи Большой и Малой Медведиц, а не вблизи Ориона или в какой-нибудь другой части неба, то такой вопрос будет каким-то сумасбродством, ибо все это должно быть принято из опыта и как положительное. В природе, несомненно, есть нечто последнее и беспричинное, но рассматриваемое движение таковым, по-видимому, не является. Мы считаем, что оно совершается в силу некоторой гармонии и согласия мира, которые до сих пор остаются вне нашего наблюдения. Если же принять движение Земли с запада на восток, то останутся те же вопросы, потому что и тогда она движется вокруг некото-

именно там, где они есть, а не в другом месте? К этому же движению относятся и склонение, направление и наклонение магнита, известное расположение и размещение частей и как бы жилки и волокна, встречающиеся также в телах как естественных, так и искусственных, в особенности в плотных и нетекучих. Их надо тщательно исследовать, ибо, пока они не будут обнаружены, с этими телами трудно обращаться и трудно управлять ими. Но циркуляции в жидкостях, посредством которых они, будучи сжаты, прежде чем могут освободиться, помогают друг другу, чтобы равномерно переносить это сжатие, мы с большим основанием относим к движению освобождения.

Пятнадцатое движение есть движение *препровождения,* или движение *по течению.* В этом движении среда тела в большей или меньшей степени задерживает или выдвигает способности тел сообразно природе тел и их действующих способностей, а также и самой среды. Ибо одна среда подходит для света, другая — для звука, третья — для тепла и холода, четвертая — для магнетических сил и т. д.

Шестнадцатое движение есть *царственное,* или *правящее,* движение (ибо так мы его называем). Посредством этого движения преобладающие и повелевающие части в каком-либо теле обуздывают, укрощают, подчиняют, располагают остальные части и принуждают их соединяться, разделяться, пребывать, двигаться, размещаться не сообразно их желаниям, но смотря по тому, соответствует ли это велениям и полезно ли это повелевающей части. Так что это есть как бы некое правление и власть, которые правящая часть применяет по отношению к подчиненным частям. Это движение проявляется главным образом в духе животных, который размеряет, пока он в силе, все движения остальных частей. Оно обнаруживается и в других телах, но в более низкой степени; например, кровь и моча (о чем уже сказано) не разделяются до тех пор, пока не будет удален или подавлен дух, который смешивал и удерживал их части. Это движение не исключительно свойственно духам, хотя в большинстве тел дух господствует вследствие его быстрого движения и проникновения. Однако в телах более плотных и не исполненных живого и сильного духа (такого, который присущ ртути и купоросу), скорее, господствуют более плотные части; так что, пока это ярмо не будет чем-либо сброшено, совершенно не следует надеяться на какое-либо новое превра-

щение тел этого рода. Но пусть никто не подумает, что мы забыли то, о чем теперь говорится: так как этот ряд и распределение движений не служат только тому, чтобы легче было исследовать их преобладание посредством примеров борьбы, то мы упомянули об этом преобладании и среди самих движений. Ибо в описании этого царственного движения мы говорим не о преобладании движений и способностей, но о преобладании частей в телах. Это преобладание и есть то, что строит особый вид данного движения.

Семнадцатое движение есть движение *самопроизвольного вращения*. Посредством его расположенные к движению и благоприятно размещенные тела повинуются своей природе и следуют сами за собой, а не за чем-либо другим и как бы сами себя охватывают. Ибо тела, как мы видим, или движутся без предела, или совершенно покоятся, или устремляются к пределу, где они сообразно своей природе или вращаются, или покоятся. И если тела размещены благоприятно и расположены к движению, то они движутся по кругу, т. е. вечным и бесконечным движением. Те же тела, которые размещены благоприятно и боятся движения, совершенно покоятся. А те тела, которые размещены неблагоприятно, движутся по прямой линии (как по наиболее короткому пути) к общности с телами, соприродными им[149]. Указанное движение вращения имеет девять отличий. Первое отличие — в его центре, вокруг которого движутся тела; второе — в его полюсах, на которых они движутся; третье — в его окружности, или обращении, зависящее от того, насколько тела отстоят от центра; четвертое — в их возбуждении, зависящее от того, быстрее или медленнее они вращаются; пятое — в следовании движения, например с востока на запад или с запада на восток; шестое — в отклонениях от совершенного круга по спиралям, более или менее отстоящим от его центра; седьмое — в отклонениях от совершенного круга по спиралям, более или менее отстоящим от его полюсов; восьмое — в большем или меньшем расстоянии между его спиралями; девятое и последнее — в изменении самих полюсов, если они подвижны; но само это изменение уже не относится к вращению, если не совершается по кругу. По общему и укоренившемуся мнению это движение считается свойственным небесным телам. И все же относительно этого движения идет большой спор среди некоторых ученых, как из числа древних, так и из числа новых, которые приписывали вращение земле. Но пожалуй, много спра-

ведливее был бы спор (если только не признать вопрос совершенно бесспорным), заключено ли это движение (если допустить, что земля покоится) в пределах небес, или оно, скорее, спускается оттуда и сообщается воздуху и воде. Вращательное же движение в метательных снарядах, как в дротиках, стрелах, пулях и тому подобном, мы целиком относим к движению освобождения.

Восемнадцатое движение есть движение *дрожания,* которому в том виде, как его понимают астрономы, мы не придаем много веры [150]. Но так как мы старательно разыскиваем повсюду естественные устремления тел, то нам встречается это движение, и его надо выделить в особый вид. Это есть как бы движение вечного плена, т. е. заключающееся в том, что тела, размещенные не вполне благоприятно для своей природы и все же не совсем плохо, постоянно дрожат и беспокойно движутся, не будучи довольны своим состоянием и не решаясь продвинуться дальше. Это движение встречается в сердце и пульсе животных. Оно неизбежно должно существовать во всех телах, которые пребывают в колеблющемся состоянии между благоприятным и неблагоприятным,— так что, будучи приведены в расстройство, они пытаются освободить себя и снова претерпевают неудачу.

Девятнадцатое и последнее движение таково, что ему едва ли подходит название движения, и все же оно вполне есть движение. Это движение можно назвать движением *покоя* или движением *избегания движения.* Посредством этого движения земля покоится в своей массе, в то время как ее крайние части движутся по направлению к середине — не к воображаемому центру, но к соединению. Вследствие этого же стремления все сгущенные в большей степени тела избегают движения, и единственное стремление у них — это не двигаться, так что, если даже их побуждать и вынуждать к движению бесчисленными средствами, все же они, насколько могут, соблюдают свою природу. А если они вынуждаются к движению, они все же явно стремятся снова обрести свой покой и свое состояние и не двигаться больше. В этом они проявляют проворность и домогаются этого достаточно упорно и стремительно, словно утомленные и не терпящие никакой отсрочки. Однако изображение этого устремления можно различить только отчасти, ибо вследствие воздействия и влияния небес все осязаемые вещества у нас не только не сгущены до предела, но даже смешаны с некоторым духом.

Итак, мы уже показали существующие в природе наиболее общие виды или простые элементы движений, устремлений и действующих способностей, и в этом обрисована немалая часть естественной науки. Однако мы не отрицаем, что могут быть прибавлены и другие виды и что, следуя более истинным разделениям вещей, эти самые разделения могут быть перенесены и наконец сведены к меньшему их количеству. Но мы здесь не говорили о каких-либо абстрактных разделениях. Так, если кто-то скажет, что тела стремятся или к сохранению, или к возвышению, или к распространению, или к осуществлению своей природы; или если кто-то скажет, что движение вещей направлено к сохранению и к благу или всего мира — как противостояние и сцепление, или большого универсума — как движение большого собрания, вращения и избегания движения, или особых форм — как остальные виды,— то хотя все это и будет истинно, однако если оно не будет определено в материи и в ее строении посредством истинных границ, то остается умозрительным и мало полезным. Все же это будет достаточно и хорошо для рассмотрения преобладания способностей и отыскания примеров борьбы, о чем теперь и идет речь.

Итак, из числа предложенных нами движений иные совершенно непоборимы; иные сильнее прочих и связывают их, обуздывают, располагают; иные простираются дальше, у иных есть преимущество во времени и в быстроте; иные благоприятствуют прочим, усиливают их, расширяют и ускоряют.

Движение противостояния совершенно несокрушимо и непоборимо. Непобедимо ли движение сцепления — мы пока колеблемся сказать. Ибо мы не стали бы утверждать с уверенностью, есть ли пустота, будь она собрана в одном месте или распределена в разных частях [151]. Но для нас ясно, что то основание, ради которого пустота была введена Левкиппом и Демокритом (а именно то, что без пустоты одни и те же тела не могут изменять объем, заполняя бо́льшие или меньшие пространства), ложно. Ибо материя складывается и развертывается в пространстве между определенными пределами без посредничества пустоты; и в воздухе нет пустоты в две тысячи раз большей (ибо такой ей следовало бы быть), чем в золоте [152]. Это вполне явствует для нас из могущественнейших сил воздушных тел (которые иначе плавали бы в пустоте, как мельчайшие пылинки) и из многих других явлений. Остальные же движения управляют и управляются друг

другом сообразно степени их силы, количества, возбуждения, разбега, а также сообразно встречающимся им вспоможениям и препятствиям.

Например, армированный магнит часто поднимает и удерживает количество железа, в шестьдесят раз большее, чем его вес,— настолько здесь преобладает движение меньшего собрания над движением большего собрания. Но если вес железа будет больше, движение меньшего собрания уступит. Рычаг такой-то крепости поднимает такую-то тяжесть; здесь движение освобождения преобладает над движением большего собрания. Но если вес будет бóльшим, движение освобождения уступит. Кожа, натянутая до известного напряжения, не разрывается; здесь преобладает движение непрерывности над движением натяжения. Но если натяжение будет усиливаться, кожа порвется, и движение непрерывности уступит. Вода вытекает через такую-то щель; здесь преобладает движение большего собрания над движением непрерывности. Но если щель станет меньшей, то движение большего собрания уступит, и движение непрерывности победит. Если в ружье положить только пулю и серу и приблизить к ним огонь, то пуля не вылетит; здесь движение большего собрания побеждает движение материи. Но если положить порох, то движение материи в сере победит с помощью движений материи и бегства в селитре. И так далее. Вообще примеры борьбы (которые указывают преобладание способностей и то, согласно каким соотношениям и расчетам происходит преобладание и подчинение) надо всюду прилежно и тщательно отыскивать.

Следует также тщательно рассмотреть способы и виды самого подчинения движений, а именно: совершенно ли они прекращаются, или они все же присутствуют, но оказываются связанными. Ибо в телах, которые нам известны, нет истинного покоя — ни в целых телах, ни в частях, но бывает только кажущийся покой. Этот кажущийся покой вызывается или равновесием, или абсолютным преобладанием движений. Равновесием он достигается, например, на весах, которые неподвижны, если грузы равны. Преобладанием он достигается в пробуравленном сосуде, где вода покоится и удерживается от падения вследствие преобладания движения сцепления. Следует, однако, заметить (как мы уже говорили), насколько сопротивляются эти уступающие движения. Ибо, если кто-либо во время борьбы будет распростерт на земле со связанными или иначе удерживаемыми руками и ногами и будет изо всех

сил стараться подняться, сопротивление будет не меньшим, хотя и ничего не принесет. Но этот же самый вопрос (т. е. уничтожается ли в случае преобладания подчиняющееся движение, или усилие продолжается, хотя оно и незаметно), который скрывается в столкновениях, быть может, возникнет и при совпадении движений. Например, надо сделать опыт с ружьем,— даст ли оно на том расстоянии, на какое оно бросает пулю по прямой линии, или (как обычно говорят) в белой точке, более слабый удар, если выстрел будет произведен снизу вверх, когда есть простое движение удара, чем если выстрел будет произведен сверху вниз, когда движение тяготения совпадает с движением удара.

Надо также собрать встречающиеся законы преобладаний. Так, чем более общим является благо, составляющее цель устремления, тем движение сильнее. Так, движение сцепления, которое касается общения с мировым целым, сильнее, чем движение тяготения, которое касается только общения с плотными телами. Так же и стремления к частному благу обыкновенно не могут возобладать над стремлениями к более общему благу, разве только в малых количествах. Если бы это имело силу в гражданских делах!

XLIX

На двадцать пятое место среди преимущественных примеров мы поставим *намекающие примеры.* Это — те примеры, которые намекают и указывают на благоприятное для человека. Ибо только «мочь» и только «знать» обогащают человеческую природу, но не делают человека счастливым. Поэтому из всеобщности вещей надо извлечь то, что больше всего удовлетворяет жизненные потребности. Однако об этом уместнее будет говорить, когда мы перейдем к дедукции, к практике. Тем более что в самой работе по истолкованию мы в каждом отдельном случае уделяем место для *человеческой хартии,* или *хартии желанного.* Ибо искать и желать умело есть часть науки.

L

На двадцать шестое место среди преимущественных примеров мы поставим *примеры широкого применения.* Это те примеры, которые относятся к разнообразным вещам и часто встречаются и поэтому немало сберегают трудов и новых испытаний. Об орудиях и изобретениях уместнее говорить, когда мы будем рассматривать дедукцию к практике и способы эксперимента. Даже то, что

уже известно и применяется ныне, будет описано в частных историях отдельных искусств. Сейчас же мы дадим некоторые общие указания лишь в качестве примеров широкого применения.

Итак, человек воздействует на естественные тела главным образом семью способами (исключая простое придвигание и отодвигание тел), а именно: или посредством исключения того, что мешает и препятствует; или посредством сжатия, растяжения, приведения в движение и тому подобного; или посредством тепла и холода; или посредством удержания в благоприятствующем месте; или посредством обуздания движения и управления им; или посредством особых согласований; или посредством своевременного и должного чередования и последовательности всех этих способов или, по крайней мере, некоторых из них.

Итак, относительно первого способа. Многому мешает обыкновенный воздух, который присутствует и примешивается всюду, и лучи небесных тел. Поэтому то, что способствует их исключению, может справедливо считаться примером широкого применения. Сюда, следовательно, относятся материал и толщина сосудов, в которые помещаются тела, приготовленные для работы над ними. Точно так же сюда относится тщательное закрывание сосудов при помощи уплотнений и того, что химики называют замазкой мудрости [153]. Чрезвычайно полезно также покрытие поверхности жидкостью. Так, когда наливают масло поверх вина или травяных соков, то масло, растекаясь по поверхности, словно покрышка, отлично сохраняет их невредимыми от воздуха. Не плохи также и порошки, которые хотя и содержат примесь воздуха, однако задерживают силу окружающей массы воздуха, как это бывает при сохранении яиц и плодов в песке и в муке. Так же и воск, мед, смолу и тому подобные вязкие вещества хорошо применять для более совершенного закрытия и для удаления воздуха и небесных излучений. Мы сделали однажды опыт, погрузив сосуд и некоторые другие тела в ртуть, которая гораздо плотнее всех тел, которыми можно облить другие тела. Весьма также полезны пещеры и подземные погреба, чтобы помешать нагреванию солнцем и губительному открытому воздуху,— этим пользуются в Северной Германии для хранения зерна. Сюда же относится также и погружение тел в воду. Так, помню, я слышал о мехах с вином, погруженных в глубокий колодец для охлаждения. Но случайно или по

небрежности и забывчивости они остались там в течение многих лет и затем были извлечены. И от этого вино не только не стало кислым и слабым, но гораздо более благородным на вкус, очевидно благодаря более тонкому смешению его частей. Если же требуется, чтобы тела были погружены под воду на дно реки или моря, но не соприкасались с водой и при этом чтобы они не были заключены в закрытые сосуды, а только окружены воздухом, то для этого хорошо пользоваться таким сосудом, который иногда применяется для работы на затонувших судах, чтобы водолазы, оставаясь долгое время под водой, могли время от времени дышать. Этот сосуд таков: делается из металла открытая бочка; она опускается, сохраняя отвесное положение по отношению к поверхности воды, и несет с собой на дно моря весь содержащийся в ней воздух [154]. Она стоит, как треножник, на трех ногах, длиной несколько меньших, чем рост человека. Таким образом, водолаз может, когда у него недостает дыхания, просунуть голову в отверстие бочки, подышать и затем продолжать работу. Мы также слышали, что изобретена уже машина или лодка, которая может везти человека на некотором расстоянии под водой [155]. Но к тому сосуду, о котором мы говорили, можно подвесить любые тела; поэтому мы и привели данный опыт.

Есть и другое назначение тщательного и совершенного закрытия тел, а именно: закрытие не только мешает вхождению внешнего воздуха (о чем уже сказано), но также мешает выходу духа из тела, внутренние части которого исследуются. Ибо для работающего над природными телами необходимо, чтобы количество тела оставалось неизменным, т. е. чтобы ничто не испарялось и не вытекало. Ибо глубокие изменения в телах происходят тогда, когда, в то время как природа препятствует уничтожению тела, искусство препятствует даже потере или удалению какой-либо части. Относительно этого укоренилось ложное мнение (если бы оно было истинным, то надо было бы почти отказаться от надежды сохранить известное количество тела без уменьшения), что дух тел и воздух, утонченный сильным нагреванием, никакими преградами нельзя удержать в сосудах, ибо они улетают через тончайшие поры сосудов. К этому мнению люди пришли на основании общеизвестного опыта с опрокинутым над водой стаканом, внутри которого горит свеча или бумага, отчего вода вовлекается вверх; а также на основании примера кровососных банок, которые, будучи на-

греты на огне, втягивают тело. Полагают, что в обоих случаях утонченный воздух вышел и поэтому уменьшилось его количество, которое заполнили вода или тело вследствие движения сцепления. Но это совершенно ложно. Ибо воздух не уменьшается в количестве, а сжимается в пространстве, и это движение заполнения водой не начинается прежде, чем пламя не погаснет и воздух не охладится; так что врачи накладывают поверх банок смоченные холодной водой губки для того, чтобы банки притягивались сильнее. Поэтому нет причины для того, чтобы люди очень боялись легкого выхода воздуха или духа. Ибо хотя и правда, что даже наиболее твердые тела имеют поры, однако воздух или дух с трудом претерпевают размельчение до такой тонкости, подобно тому как и вода отказывается вытекать через малейшие щели.

Относительно второго из семи упомянутых способов следует прежде всего заметить, что, действительно, сжатия и тому подобные насильственные движения имеют величайшее значение для пространственного движения, как это видно в метательных орудиях, а также для разрушения органических тел и тех их способностей, которые состоят исключительно в движении. Ибо всякая жизнь да и всякий огонь и воспламенение разрушаются сжатием, как и всякая машина портится и приводится в беспорядок им же. Оно также разрушает способности, которые заключаются в расположении и более явной неоднородности частей, как это бывает в цвете (ибо не один и тот же цвет у целого цветка и раздавленного или у целого янтаря и растолченного), а так же и во вкусе (ибо не один и тот же вкус у незрелой груши и у нее же, когда она сжата и размягчена,— тогда она явно получает бо́льшую сладость). Однако для более глубоких изменений и превращений однородных тел эти насильственные движения мало значат, ибо при их посредстве тела не приобретают какого-либо нового постоянного и спокойного состояния, а только состояние преходящее и всегда стремящееся вернуться к прежнему и освободиться от нового. Однако не лишне было бы произвести более тщательный опыт над этим, а именно установить, могут ли сгущения или разрежения вполне однородных тел (как воздух, вода, масло и тому подобное), произведенные насильственно, стать постоянными, прочными и как бы перешедшими в природу тел. Это сначала надо произвести посредством простого продолжительного выдерживания, а затем посредством вспоможения и согласия.

Это мы легко могли сделать (если бы пришло на ум), когда сжимали воду (об этом мы говорили в другом месте [156]) молотом и прессом, пока она не вырвалась. Мы должны были предоставить сплющенный шар на несколько дней самому себе и потом только извлечь воду, чтобы испытать, тотчас ли она заполнила бы прежний объем, который она имела перед сжатием. Если бы она этого не сделала ни тотчас, ни хотя бы спустя короткое время, то это сжатие можно было бы рассматривать как постоянное; в противном случае было бы очевидно, что произошло восстановление и, значит, сжатие было преходящим. Нечто подобное надо было сделать также при вытягивании воздуха из стеклянных яиц. После высасывания воздуха надо было сразу крепко затянуть отверстие, затем оставить эти яйца закрытыми таким образом в течение нескольких дней и тогда наконец испытать, войдет ли с шипением воздух, если открыть отверстия, или также будет ли в случае погружения в воду втянуто такое же самое количество воды, какое было бы втянуто вначале, когда еще не прошло известное время. Возможно (или по крайней мере достойно испытания), что это могло бы и может произойти, ибо с течением времени это происходит в несколько менее однородных телах. Так, после некоторого времени согнутая палка не разгибается, и не следует приписывать это какой-либо потере в количестве дерева за истекшее время, ибо то же самое (если увеличить время) происходит и с железной пластинкой, которая не подвержена испарению. Но если посредством простого выдерживания опыт не удается, то все же надо не оставлять его, а применить другие вспоможения. Ибо немалая будет выгода, если окажется возможным насильственно сообщать телам прочные и постоянные свойства. Так, можно было бы воздух обратить в воду посредством сжатия и сделать многое другое в том же роде, ибо человек более властен над насильственными движениями, чем над остальными.

Третий из семи способов относится к тому великому орудию в работе как природы, так и искусства, которым являются тепло и холод. Но именно в этой области человеческое могущество как бы хромает на одну ногу. Ибо мы имеем тепло огня, которое бесконечно могущественнее и сильнее тепла солнца в том его виде, как оно доходит до нас, и тепла животных. Но нет холода, кроме того, который бывает в зимнюю погоду, или в погребах, или от снега и льда; этот холод по силе, пожалуй, можно сопоставить с теплом полуденного солнца в какой-либо

знойной области, увеличенным притом посредством отражения от гор и стен, ибо как тепло, так и холод такой величины животные могут переносить короткое время. Но они почти ничто рядом с теплом пылающей печи или с каким-либо холодом, который соответствовал бы этой мере. Поэтому все у нас сводится к разрежению, иссыханию и истреблению и почти ничего — к сгущению или смягчению, кроме как посредством смешения и почти несостоятельных способов. Поэтому примеры холода надо изыскивать со всей тщательностью. Они встречаются тогда, когда в сильные морозы тела выставляют на башнях; когда тела помещают в подземных пещерах, в окружении снега и льда в более глубоких местах и в местах, вырытых для этого; когда тела опускают в колодцы, погружают в ртуть и в металлы; когда тела потопляют в воде, которая обращает дерево в камень; когда тела закапывают в землю (так в Китае приготовляют фарфор, причем, как говорят, массы вещества, предназначенные для этого, остаются в земле сорок или пятьдесят лет и передаются по наследству как некие искусственные рудники) и т. д. Помимо того, точно так же надо исследовать все сгущения в природе, происходящие от холода, чтобы, познав их причину, перенести их в искусства. Такие сгущения наблюдаются в выступах мрамора и камней, в оседании росы на стекле с его внутренней стороны под утро после холодной ночи; в возникновении и собирании под землей паров, от которых часто бьют ключи, и во многих других явлениях этого рода.

Помимо тех, холодных на ощупь, встречаются и некоторые другие тела, содержащие скрытый холод, которые также сгущают. Они, видимо, действуют только на тела животных и едва ли на остальные тела. Такими оказываются многие из лекарств и пластырей. При этом одни из них сгущают мясо и осязаемые части, каковы стягивающие, а также крепящие лекарства; другие сгущают дух, что более всего наблюдается в снотворных средствах. Но есть два рода сгущения духа посредством снотворных и усыпляющих лекарств. Одни действуют посредством успокоения движения, другие — посредством изгнания духа. Ибо фиалка, высушенная роза, латук и тому подобные благотворные лекарства своими дружественными и умеренно охлаждающими испарениями призывают духи к соединению и обуздывают их резкое и неспокойное движение. Розовая вода, приложенная к ноздрям во время обморока, также заставляет собраться

рассеянный и слишком расслабленный дух и как бы питает его. Но опий и родственные опию лекарства обращают дух в бегство своими враждебными и коварными свойствами. Поэтому если их приложить к внешним частям, то дух тотчас убегает от этих частей и не возвращается туда охотно. Если же их принять внутрь, то их пары, поднимаясь к голове, полностью прогоняют дух, содержащийся в желудочках мозга. Так как эти духи, отступая, не могут никуда уйти, то они вследствие этого сходятся и сгущаются, а иногда совершенно загашаются и удушаются, хотя те же самые опийные лекарства, принятые умеренно, благоприятствуют духу вследствие привходящего вторичного действия (т. е. того сгущения, которое происходит от схождения духа), укрепляют дух и подавляют его бесполезные и воспламененные движения, почему и приносят немалую пользу для лечения болезней и продления жизни.

Нельзя также пренебречь и приготовлением тел к восприятию холода. Так, слегка теплая вода легче замерзает, чем совершенно холодная, и т. д.

Кроме того, так как природа столь скупо доставляет нам холод, то нужно делать так, как обычно поступают аптекари, которые, когда не могут получить какого-либо вещества, берут его замену (quid pro quo, как они говорят). Так, они берут вместо ксилобальзама дерево алоэ и кассию вместо корицы [157]. Подобным же образом надо тщательно рассмотреть, нет ли замены у холода, а именно каким образом можно достигнуть сгущений в телах иными средствами, кроме холода, который производит их как свое преимущественное действие. Эти сгущения, насколько это явствует до сих пор, бывают четырех родов. Первое из них производится простым сжатием, которое немного может дать для постоянного сгущения (ибо тела упруги), но все же может быть вспомогательным средством. Второе сгущение производится сближением более плотных частей в каком-либо теле после отлетания или ухода более тонких частей, как это происходит при затвердевании тел от действия огня, при повторных закалках металлов и в других подобных случаях. Третье сгущение производится схождением наиболее плотных однородных частей в каком-либо теле, которые раньше были рассеяны и смешаны с менее плотными частями. Так это бывает при восстановлении сублимированной ртути, которая в порошке занимает гораздо большее пространство, чем простая ртуть, а также при очищении всех ме-

таллов от шлака. Четвертое сгущение производится в силу симпатии приближением тел, которые сгущаются благодаря свойственной им скрытой силе. Эти симпатии пока редко обнаруживаются, и неудивительно, так как трудно надеяться на исследование симпатий раньше, чем успешно завершится открытие форм и схематизмов. Конечно, нет сомнения, что для тел животных есть много лекарств как для внутреннего, так и для наружного употребления, которые сгущают как бы по симпатии, о чем мы говорили немного раньше. Но в неодушевленных телах такое действие происходит редко. Правда, распространен как в писаниях, так и в устной молве рассказ о дереве на одном из Терсерских или Канарских островов (хорошо не помню), с которого постоянно каплет, так что оно предоставляет жителям немалое удобство в отношении воды. А Парацельс рассказывает, что трава, называемая «росою солнца», в полдень полна росы при палящем солнце, когда все другие травы сухи. Но мы считаем оба этих рассказа сказочными; а если бы эти примеры были верны, они были бы весьма полезны и наиболее достойны рассмотрения. Мы не думаем также, что те медовые росы, которые находят на листьях дуба в мае, происходят и сгущаются от какой-либо симпатии или от свойств листьев дуба. Мы полагаем, что эти росы одинаково падают на все листья, но удерживаются и остаются только на листьях дуба, потому что эти листья плотны, а не губчаты, как большинство других.

Что же касается тепла, то, конечно, у человека есть его изобилие и возможность распоряжаться им. Однако в некоторых случаях, и при том в наиболее необходимых, недостает наблюдения и исследования, как бы ни хвастались спагирики, ибо отыскиваются и замечаются действия более сильного тепла; действия же более умеренного, которые наиболее совпадают с путями природы, не испытываются и потому остаются скрытыми. Поэтому мы видим, что от того прямо вулканического жара, которым столько занимаются, дух тел чрезвычайно возносится, как это бывает в кислотах и в некоторых других химических маслах; осязаемые части затвердевают и после отгонки летучего иногда закрепляются; однородные части отделяются, а разнородные часто грубо сочетаются и смешиваются; но более всего разрушаются и перепутываются соединения сложных тел и тонкие схематизмы. Надо, однако, исследовать и испытать действия более мягкого тепла, откуда могли бы быть порождены и выделены, по

примеру природы и в подражание действиям солнца, более тонкие смешения и упорядоченные схематизмы, как это мы отчасти наметили в афоризме о примерах союза. Ибо дела природы совершаются с гораздо большей постепенностью и через более совершенные и разнообразные расположения, чем дела огня в его нынешнем применении. Тогда, действительно, будет видно увеличение могущества человека, если посредством тепла и искусственных сил окажется возможным представить творения природы в их форме, воспроизвести в их способности и разнообразить в количестве; к этому надо прибавить также и ускорение во времени. Ибо ржавление железа происходит в течение долгого времени, тогда как его обращение в марсов шафран [158] совершается тотчас. Так же обстоит и с ярью-медянкой и белилами; кристалл образуется в течение долгого времени, а стекло вздувается сразу; камни растут в течение долгого времени, а кирпичи тотчас выжигаются и т. д. Возвращаясь к тому, о чем идет речь, нужно тщательно и прилежно изыскать и собрать отовсюду все разновидности тепла и их действия: тепло небесных тел, воздействующее посредством своих прямых, отраженных, преломленных и собранных в зажигательных стеклах лучей; тепло молнии, пламени, огня от угля, огня от разных материалов, огня открытого, запертого, стесненного и распространяющегося, огня, видоизмененного различным устройством печей, огня, возбужденного дутьем, спокойного и не возбужденного, огня, удаленного на большее или меньшее расстояние, огня, проходящего через разные среды; тепло влажное, как, например, от водяной ванны [159], от навоза, внешнее тепло животных, внутреннее тепло животных, тепло запертого сена; сухое тепло — от пепла, извести, теплого песка; вообще тепло любого рода в различных его степенях.

Главным же образом надо попытаться исследовать и открыть действия и последствия тепла, прибывающего и убывающего постепенно, упорядоченно, периодически, в должные промежутки времени. Ибо эта упорядоченная неравномерность поистине есть дочь небес и матерь рождения, а от тепла неистового, или быстрого, или скачкообразного не следует ожидать чего-либо великого. Это совершенно очевидно и в растениях; велика также неравномерность тепла и в матке животных вследствие движения, сна, питания и различных состояний самки во время беременности. Наконец, эта же неравномерность имеет место и силу и в недрах земли, где образуются металлы

и ископаемые. Тем более обращает на себя внимание невежество иных из новых алхимиков, которые думали, что при помощи равномерного тепла и непрерывно и ровно горящих ламп они достигнут своей цели[160]. Итак, о работе и действиях тепла сказано достаточно. Глубокое же изыскание их было бы несвоевременным, пока не будут дальше исследованы и извлечены на свет формы вещей и схематизмы тел. Ибо тогда только, когда явится образец, должно будет искать, применять и приспособлять орудия.

Четвертый способ действия состоит в выдержке, которая действительно является как бы прислужницей и ключницей природы. Выдержкой мы называем предоставление тела на некоторое время самому себе, причем оно защищено и ограждено от какой бы то ни было внешней силы. Ибо внутренние движения производятся и совершаются тогда, когда внешние и привходящие движения прекращаются. А работа времени много тоньше работы огня. Ведь невозможно посредством огня достигнуть такого очищения вина, как посредством выдержки; и испепеления, произведенные огнем, также не столь тонки, как разложения и истребления, произведенные веками. Так же и внезапные и быстрые взаимопроникновения и смешения тел, произведенные посредством огня, гораздо ниже тех, что произведены посредством выдержки. А неоднородные и разнообразные схематизмы, которые тела стремятся воспринять при выдержке (таковы гниения), разрушаются посредством огня или более сильного тепла. Вместе с тем нелишне заметить, что в движении совершенно заключенных тел есть некоторая насильственность, ибо это заключение мешает самопроизвольному движению тела. Поэтому выдержка в открытом сосуде больше способствует разделению, в совершенно закрытом сосуде — смешиванию, в сосуде не вполне закрытом, куда немного проходит воздух,— гниению. Вообще надо отовсюду тщательно собрать примеры дел и действий выдержки.

Немалую силу имеет и управление движением (которое представляет пятый способ действия). Об управлении движением мы говорим, когда встречное самостоятельное тело мешает движению другого тела, отталкивает, не пускает или направляет его. Оно заключается большей частью в формах и расположении сосудов. Действительно, поставленный прямо конус способствует сгущению паров в перегонных кубах, а перевернутый конус способствует очищению сахара в опрокинутых сосудах.

Иногда же требуется изогнутость, перемежающиеся сужения и расширения и тому подобное. Сюда же относится и всякое процеживание, когда встречающееся тело открывает дорогу одной части другого тела, но другие части его закрывает. Не всегда процеживание или другое управление движением совершается извне; оно совершается также посредством тела в теле. Так это бывает, когда бросают камешки в воду для того, чтобы собрать ее илистую часть, или когда очищают сиропы посредством яичного белка, добиваясь того, чтобы к нему пристали более густые части, которые затем можно было бы отделить. К этому управлению движением Телезий довольно легкомысленно и невежественно относил формы животных, создаваемых, как он полагал, каналами и складками матки. Но он должен был заметить подобное же формообразование в скорлупе яйца, где нет ни морщин, ни неровностей. Однако верно то, что управление движением совершает формообразование при отливках с образцов.

Действие же, совершающееся посредством согласий или расхождений (которые составляют шестой род), часто скрыто в глубине. Ибо эти так называемые скрытые и специфические свойства — симпатии и антипатии — по большей части суть порча философии. И не следует слишком надеяться на открытие согласий вещей, пока не будет достигнуто открытие форм и простых схематизмов. Ибо согласие есть не что иное, как взаимная симметрия форм и схематизмов.

Однако более общие согласия вещей не совсем скрыты. Поэтому следует начать с них. Их первое и главное различие состоит в следующем. Некоторые тела весьма различаются по плотности и разреженности материи, но сходятся в схематизмах; другие тела, наоборот, сходятся в плотности и разреженности, но различаются в схематизмах. Ибо неплохо замечено химиками в их триаде основных положений [161], что сера и ртуть как бы проходят через всеобщность вещей (относительно соли их утверждение лишено смысла и введено лишь для того, чтобы охватить земляные, сухие и твердые тела). Действительно, в этих двух вещах обнаруживается одно из наиболее общих согласий природы. Ибо с одной стороны, сходятся сера, масло и испарения жиров, пламя и, возможно, звездное тело, с другой стороны,— ртуть, вода и водяные пары, воздух и, быть может, чистый межзвездный эфир. И все же эти две четверицы, или два великих племени вещей (каждое в своем порядке), бесконечно различаются плот-

ностью и разреженностью, хотя вполне сходятся в схематизме, как это обнаруживается во многих случаях. Различные же металлы, наоборот, часто сходятся в плотности и разреженности (в особенности по сравнению с растительными телами и т. п.), но в схематизме многим различаются. Подобным же образом животные и растения почти бесконечно различаются в схематизме, но в отношении плотности или густоты материи их различия заключены в узкие пределы.

Далее следует наиболее общее после предыдущего согласие — согласие между главными телами и их истоками, т. е. их зачатками и питательной средой [162]. Поэтому должно исследовать, в каком климате, в какой почве и на какой глубине рождаются различные металлы; точно так же и в отношении драгоценных камней, рождаются ли они из скал или в недрах; на какой почве всходят лучше всего и как бы больше расположены различные деревья, кустарники и травы; и вместе с тем какое удобрение — унавоживание ли различного рода или мел, морской песок, зола и т. д. — наиболее полезно; и какие способы наиболее пригодны и подходят к различным почвам. Во многом зависит от согласия также и прививка деревьев и растений и ее правила, т. е. какое дерево к какому прививается лучше. В этом отношении был бы небесполезен опыт, который, как мы слыхали недавно, предпринят,— это опыт прививки лесных деревьев (до сих пор совершалась прививка только садовых деревьев), благодаря которой листья и желуди увеличиваются и деревья становятся более тенистыми. Подобным же образом надо соответственно отметить роды пищи животных и их отрицательные примеры. Ибо плотоядное животное не выдерживает растительного питания, почему и орден Фельянов, осуществив (как передают) этот опыт, как бы не переносимый для человеческой природы, почти исчез [163] (хотя человеческая воля может большего достигнуть в отношении своего тела, чем воля остальных животных). Надо также обратить внимание и на различные вещества гниения, из которых рождаются маленькие животные.

Согласия между первичными телами и телами подчиненными им (таковыми могут считаться те, которые мы обозначили) уже достаточно ясны. К этому можно прибавить согласия чувств относительно их объектов, которые, будучи весьма очевидны, могут, если их хорошо заметить и внимательно исследовать, превосходно осветить другие, скрытые согласия.

Более же внутренние согласия и расхождения тел, или дружбы и раздоры (ибо мы питаем почти отвращение к словам «симпатия» и «антипатия» из-за связанных с ними пустых суеверий), или вымышлены, или смешаны со сказками, или остаются незамеченными и потому довольно редки. Так, если кто будет утверждать, что есть раздор между виноградной лозой и капустой, потому что, будучи посажены рядом, они произрастают менее пышно, то в этом будет смысл, ибо оба растения сочны и истощают почву, так что одно лишает пищи другое. Но если кто будет утверждать, что есть согласие и дружба между злаками и васильком или диким маком, ибо эти травы растут почти исключительно на обработанных полях, то он должен, скорее, говорить про раздор между ними, ибо мак и василек возникают и растут из таких соков земли, которые злаки оставляют и отвергают; так что засевание земли злаками приготовляет ее для их произрастания. И число этих ложных приписываний велико. Что же касается сказок, то их надо совершенно искоренить. Остается малое количество таких согласий, которые подтверждены надежным опытом. Таковы согласия магнита и железа, золота и ртути и тому подобные. Но в химических опытах над металлами обнаруживаются и некоторые другие согласия, достойные наблюдения. Чаще всего (будучи вообще столь редки) они обнаруживаются в некоторых лекарствах, которые благодаря своим так называемым скрытым и специфическим свойствам действуют или на определенные члены, или на определенные соки, или на определенные болезни, или иногда на индивидуальные природы. Нельзя также опустить те согласия между движениями и фазами Луны и состоянием тел, находящихся под ней, которые можно при условии строгого и правильного отбора получить из опытов земледелия, мореплавания, медицины или других областей. Чем более редки все вообще примеры тайных согласий, тем более тщательно их надо изыскивать из достоверных и надежных передач и рассказов, если, конечно, отнестись к этому без легкомыслия и чрезвычайной доверчивости, но с заботой и как бы с колеблющимся доверием. Остается согласие тел в отношении способа действия, как бы безыскусственное, но имеющее обширное применение; его никоим образом не дóлжно опускать, но нужно исследовать посредством прилежных наблюдений. Например, легкое или затрудненное схождение или соединение тел при их сложении или простом прикладывании. Ведь неко-

торые тела смешиваются и сочетаются легко и охотно, другие же — с трудом и плохо. Так, порошки хорошо смешиваются с водой, известь и зола — с маслом и т. д. Следует собирать не только примеры склонности или уклонения тел от смешения, но также примеры расположения частей, их распределения и растворения, после того как тела смешаны. Наконец, нужно собирать и примеры преобладания после проведенного смешивания.

На заключительном месте среди семи способов действия остается седьмой и последний — способ действия посредством смены и чередования шести предыдущих. Но предлагать примеры этого было бы несвоевременно до тех пор, пока те способы не будут исследованы каждый в отдельности и несколько глубже. Ряд, или цепь, такого чередования в приложении к отдельным действиям есть вещь, весьма трудная для познания, но весьма важная для работы. Величайшее нетерпение охватывает и обуревает людей в отношении этих исследований и их практических применений; между тем это как бы нить в лабиринте, ведущая к большим делам. Сказанного достаточно о примерах широкого применения.

LI

На двадцать седьмое и последнее место среди преимущественных примеров мы поставим *магические примеры*. Этим именем мы зовем примеры, в которых материя или действующая причина слаба или мала в сравнении с величиной, вызываемой ею работы или действия. Так что, если даже они и обычны, все же они представляются чем-то чудесным, одни — на первый взгляд, другие — если рассмотреть их внимательнее. Сама по себе природа доставляет их мало. Но что она сможет делать, когда ее тайники будут вскрыты и будут найдены формы, процессы и схематизмы,— это откроется в будущем. Эти магические воздействия (как мы уже теперь можем предполагать) совершаются трояко: или посредством самоумножения, как у огня и ядов, которые называют специфическими [164], а также в случае движений, которые переходят и усиливаются от колеса к колесу; или посредством возбуждения движения в другом теле, как у магнита, который возбуждает бесчисленные иглы, нисколько не теряя и не убавляясь в своей силе, у дрожжей и т. д.; или посредством предупреждения движения, как это сказано про порох, мортиры и подкопы. Первые два способа требуют отыскания согласия, третий требует

измерения движений. Но есть ли какой-нибудь способ для изменения тел в наименьших, как говорят, частях и для перенесения более тонких схематизмов вещества (что имеет отношение ко всякого рода превращениям тел и открывает искусству возможность в короткое время свершить то, к чему природа ведет извилистым путем),— относительно этого у нас нет до сих пор никаких указаний. Подобно тому как в прочном и истинном мы ищем окончательного и совершенного, так же мы постоянно ненавидим пустое и напыщенное и ниспровергаем его, как только можем.

LII

О достоинствах или преимущественных примерах уже сказано. Хотелось бы напомнить, что мы в этом нашем Органоне излагаем логику, а не философию. А ведь наша логика учит и наставляет разум к тому, чтобы он не старался тонкими ухищрениями улавливать абстракции вещей (как это делает обычно логика), но действительно рассекал бы природу и открывал свойства и действия тел и их определенные в материи законы. Так как, следовательно, эта наука исходит не только из природы ума, но и из природы вещей, то неудивительно, если она везде будет сопровождаться и освещаться наблюдениями природы и опытами по образцу нашего исследования.

Итак (как это явствует из того, что сказано), есть двадцать семь родов преимущественных примеров, а именно: примеры обособленные, примеры переходящие, примеры указующие, примеры скрытные, примеры конститутивные, примеры соответствия, примеры уникальные, примеры отклоняющиеся, примеры пограничные, примеры могущества, примеры сопровождения и вражды, примеры присоединительные, примеры союза, примеры креста, примеры расхождения, примеры дверей, примеры побуждающие, примеры дороги, примеры пополнения, примеры рассекающие, примеры жезла, примеры пробега, дозы природы, примеры борьбы, примеры намекающие, примеры широкого применения, примеры магические. Пользование же этими примерами, в котором они превосходят обычные примеры, заключается вообще или в части познавательной, или в части практической, или в той и другой. Что касается части познавательной, то эти примеры помогают или чувству, или разуму. Чувству — как пять примеров светильника.

Разуму — ускоряя исключение формы, как обособленные примеры, или суживая и указывая ближе утверждение формы, как примеры переходящие, указующие, сопровождения вместе с примерами присоединительными; или возвышая разум и возводя его к родам и общим природам, делая это или непосредственно, как примеры скрытные, уникальные и примеры союза; или постепенным приближением, как конститутивные примеры; или в слабой степени, как примеры соответствия; или очищая разум от привычного, как примеры отклоняющиеся; или приводя к большой форме, т. е. к строению Вселенной, как примеры пограничные; или предостерегая против ложных форм и причин, как примеры креста и расхождения. В практической части эти примеры или указывают, или измеряют, или облегчают практику. Указывают они или с чего надо начать, чтобы не делать уже свершенного, как примеры могущества; или на что надо надеяться, если есть возможность, как намекающие примеры. Измеряют же четыре вида математических примеров, облегчают — примеры широкого применения и магические.

Некоторые из этих двадцати семи примеров мы должны уже сразу начать собирать (как мы выше говорили), не ожидая частного исследования природ. Примеры этого рода — примеры соответствия, примеры уникальные, примеры отклоняющиеся, пограничные, могущества, дверей, примеры намекающие, примеры широкого применения, магические. Ибо они или помогают разуму и чувству и врачуют его, или вообще наставляют практику. Остальные же примеры должны быть собраны только тогда, когда мы составим таблицы проявлений для истолкования той или иной частной природы. Ибо примеры, отмеченные и одаренные этими преимуществами, суть как бы душа среди обычных примеров проявления, и, как мы сказали вначале, хотя их немного, они заменяют собой многое. И поэтому при составлении таблиц они должны быть изысканы со всем прилежанием и внесены в таблицы. О них необходимо будет упомянуть и в том, что последует. Поэтому и надо было предпослать их исследование.

Теперь же должно перейти к помощи индукции, к исправлению ее, а затем к конкретному, к скрытым процессам, скрытым схематизмам и к остальному, что мы перечислили в двадцать первом афоризме, дабы мы (как честные и верные опекуны) передали наконец

людям их богатство, после того как их разум освобожден от опеки и как бы стал совершеннолетним; а за этим неизбежно последует улучшение положения человека и расширение его власти над природой. Ибо человек, пав, лишился и невинности, и владычества над созданиями природы. Но и то и другое может быть отчасти исправлено и в этой жизни, первое — посредством религии и веры, второе — посредством искусств и наук. Ведь проклятие не сделало творение совершенно и окончательно непокорным. Но в силу заповеди: «В поте лица своего будешь есть хлеб свой»[165] — оно после многих трудов (но, конечно же, не посредством споров или пустых магических действий) все же отчасти понуждается давать человеку хлеб, т. е. служить человеческой жизни.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ЕСТЕСТВЕННОЙ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ИЛИ ПЛАН ЕСТЕСТВЕННОЙ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ, СПОСОБНОЙ СЛУЖИТЬ НАДЛЕЖАЩИМ ОСНОВАНИЕМ И БАЗОЙ ИСТИННОЙ ФИЛОСОФИИ

Если наше «Восстановление» мы издаем по частям, то это лишь для того, чтобы избежать опасностей, грозящих некоторым из них. Именно это соображение побуждает нас и сейчас присоединить к уже сделанным ранее еще одну небольшую частицу и издать ее вместе с ними. Речь идет о наброске плана такой естественной и экспериментальной истории, которая могла бы служить основанием для создания философии и которая охватывала бы надежный и богатый материал, достаточно удобно расположенный для последующего его истолкования. Собственно, об этом следовало бы говорить тогда, когда дело своим чередом дойдет до приготовления к исследованию. Однако нам кажется более разумным несколько ускорить дело и не дожидаться соответствующего места, потому что история такого рода, какой мы ее задумали и план которой мы сейчас изложим,— дело чрезвычайно сложное, требующее для своего выполнения огромных трудов и средств, нуждающееся в усилиях множества людей, и, как мы сказали в другом месте, труд поистине царский. Поэтому, как мне кажется, не лишним будет попробовать, нельзя ли эту работу поручить еще кому-нибудь, с тем чтобы, пока мы сами станем осуществлять планомерно наше начинание, эта часть работы, столь сложная и трудоемкая, еще при нашей жизни (если будет угодно господу богу) могла бы быть выполнена с помощью других людей, вместе с нами ревностно направляющих усилия к той же цели; тем более что силы наши, если бы мы стали заниматься этим в одиночестве, едва ли оказались бы достаточными для такого предприятия. Ведь в том, что касается самой работы мысли, то здесь мы, пожалуй, победим собственными силами. Но материал для мысли столь обширен, что его приходится собирать отовсюду, подобно тому как купцы со всего мира привозят свои товары. К этому присоединяется еще одно соображение: едва ли достойно нашего начинания нам одним тратить

время в деле, открывающем простор для деятельности чуть ли не всего человечества. Но что здесь самое главное, мы сейчас покажем сами, детально и точно наметив план и характер такой истории, которая бы удовлетворяла нашим замыслам, чтобы люди не стали по неведению делать что-то другое, следуя примеру существующих ныне естественных историй, и не отклонились слишком в сторону от поставленных нами задач. А между тем именно здесь следует еще раз повторить то, что мы говорили неоднократно: если бы даже соединились воедино все умы всех эпох, прошлых и будущих, если бы весь род человеческий посвятил себя философии, если бы весь мир состоял из одних университетов, колледжей и школ ученых, все равно без той естественной и экспериментальной истории, которую мы предлагаем создать, в философии и науке не могло и не может быть никакого прогресса, достойного рода человеческого. И наоборот, если будет создана и должным образом подготовлена такого рода история, если с ней соединятся вспомогательные и светоносные опыты, которые или встретятся в самом ходе истолкования, или должны быть найдены, исследование природы и всех наук станет делом немногих лет. Итак, или это нужно делать, или вообще отказаться от нашего предприятия. Только и только так могут быть заложены прочные основы истинной и действенной философии, и тогда люди, словно разбуженные от глубокого сна, тотчас же увидят, в чем различие между произвольным и ложным умозрением, с одной стороны, и истинной и действенной философией — с другой, и, наконец, как важно, исследуя природу, советоваться с самой природой. Поэтому сначала мы изложим общие принципы построения такой истории, а потом наглядно покажем всем ее конкретные очертания, не забывая при этом не только о том, что следует изучать, но и что должно преследовать это изучение, дабы люди, заранее видя и понимая цель предприятия, могли предложить нечто такое, что, возможно, было нами упущено. А историю эту мы называем первой историей или матерью-историей.

АФОРИЗМЫ О СОЗДАНИИ ПЕРВОЙ ИСТОРИИ

I

Природа существует в трех состояниях и подчиняется, если можно так сказать, тройному управлению. Она существует или в свободном состоянии и развивается своим

обычным путем, или же под влиянием искажений и извращений материи и под действием мощных препятствий она выбивается из своего состояния, или же, скованная силой человеческого искусства, формируется им заново. Первое состояние охватывает виды (species) вещей и явлений, второе—чудовища (monstra), третье—произведения человеческого искусства (artificialia). Ведь во всем, что создано силой искусства, природа принимает иго, налагаемое властью человека, ибо никогда такого рода вещи не могли бы возникнуть без человека. Но труд и усилия человека дают возможность увидеть совершенно новый облик предметов, как бы иной мир (universitas) или иной театр вещей. Таким образом, естественная история складывается из трех частей: она исследует природу либо в свободном состоянии, либо в ее отклонениях (errores), либо скованной, так что мы вполне можем разделить ее на историю обычных явлений, историю исключительных явлений и историю искусств, последнюю из которых мы обычно называем также механической и экспериментальной. Однако мы не требуем, чтобы эти три части излагались раздельно. Почему бы, например, история исключительных явлений в отдельных видах не могла бы объединяться с историей самих этих видов? Точно так же и создания искусства иногда справедливо объединяются с естественными видами, а иногда лучше их рассматривать отдельно. Поэтому самое лучшее — в каждом случае судить, исходя из существа дела. Ведь метод равно породит и повторения, и длинноты, и если слишком педантично следовать ему, и если вообще пренебрегать им.

II

Естественная история, как мы сказали, по своему предмету делится на три части, а с точки зрения практического применения — на две части. Она может или служить для познания самих вещей, являющихся ее предметом, или выступать как первоначальная материя философии, как материал и подспорье истинной индукции. Об этой последней ее роли и идет теперь речь, именно теперь, повторяю, мы впервые говорим об этом. Ведь ни Аристотель, ни Теофраст, ни Диоскорид [1], ни Гай Плиний и еще менее того наши недавние предшественники (moderni) никогда не ставили перед собой такой цели в естественной истории. И самое важное здесь, чтобы те, кто возьмет на себя отныне задачу написания естественной истории, постоянно помнили и думали, что они дол-

жны служить не услаждению читателя, не самой пользе, которую может принести их изложение в данный момент, но искать и находить как можно больше самых разнообразных фактов, которые послужили бы достаточным основанием для создания истинных аксиом. Если они примут все это в соображение, они сами установят метод для такого рода истории. Ведь метод определяется целью.

III

Чем сложнее и огромнее это предприятие, чем бо́льших усилий оно требует, тем меньше следует отягощать его излишними подробностями. Существуют три вещи, в отношении которых следует ясно предупредить всех возможно экономнее тратить свои усилия, ибо они способны до бесконечности увеличивать объем работы, весьма мало или вовсе не увеличивая ее результаты. Прежде всего отбросим древности, цитаты и свидетельства авторов, а также их споры, расхождения и противоречивые суждения, наконец, вообще все филологическое. Авторов нужно цитировать только в спорных и сомнительных случаях, а противоречия и расхождения приводить лишь в вопросах действительно важных и существенных. Что же касается всякого рода ораторских украшений, сравнений, красот стиля и тому подобных пустяков, от них нужно вообще решительно отказаться. Весь материал, включаемый в историю, должен излагаться сжато и кратко, чтобы ничего не было так мало, как слов. Ведь, собирая строительный материал для кораблей или зданий или чего-нибудь иного в том же роде, никто не стремится разложить его красиво, как в лавке торговца, чтобы на него приятно было смотреть; в таком случае люди заботятся лишь о том, чтобы сам материал был добротный и прочный и занимал на складе как можно меньше места. Вот именно так и следует поступать.

Второе: мало пользы делу и от бесчисленных описаний и изображений отдельных видов, от интереса к их пестроте и разнообразию, чем изобилуют сочинения по естественной истории. Ведь такого рода ничтожные различия суть не что иное, как игра и забавы природы, имеющие скорее отношение к природе индивидуальных явлений. Конечно, подобные описания и картины делают изложение приятным и занимательным, но дают весьма скудную, а порой почти бесполезную информацию для науки.

Третье: следует полностью отбросить все суеверные россказни и басни (я не говорю о чудесных явлениях,

истинность которых может быть доказана, но именно о суевериях) и опыты церемониальной магии, потому что мы не хотим, чтобы философия, которой естественная история первой дает грудь, с младенческих лет привыкала к бабушкиным сказкам. Быть может, когда-нибудь настанет время (когда люди проникнут несколько глубже в познание природы), и можно будет немного заняться такого рода вещами, чтобы, если в этом отстое найдется хоть какое-то достойное природное качество, его можно было бы извлечь и обратить на пользу людям. А пока все это следует оставить в стороне. Нужно также тщательно и со всей серьезностью проверить опыты натуральной магии, прежде чем принять их, особенно те, которые обычно с великой беспечностью и легковерием самым фантастическим образом выводятся из вульгарных симпатий и антипатий. И нельзя сказать, что ничего (или даже мало) не было сделано для того, чтобы избавить естественную историю от этих трех ненужных вещей, о которых мы сказали выше, а иначе они заполнили бы целые тома. Но этого недостаточно. Ведь в великом труде равно необходимы и краткость изложения принимаемого материала, и способность отбросить то, что окажется излишним, хотя ни у кого не может вызвать сомнения, что подобная стерильность и краткость доставят очень мало удовольствия и читателю, и самому пишущему. Но этим соображением, безусловно, следует пренебречь, ибо то, что мы задумали,— это лишь склад материалов, амбар, вовсе не предназначенный для того, чтобы поселиться в нем и жить в свое удовольствие: туда нужно лишь заходить по мере надобности, когда необходимо взять что-то для последующей работы истолкователя.

IV

Та история, которую мы хотим создать и которую мы задумали, прежде всего должна быть широкой, должна быть создана по масштабу Вселенной. Ибо не мир нужно подгонять под узкую мерку разума (а именно это делалось до сих пор), а раздвигать и расширять границы разума, чтобы сделать его способным воспринять такой образ мира, каким он является в действительности. Ведь пресловутый принцип «исследовать немногое и судить о немногом» губит все дело. Итак, возвращаясь к тому делению естественной истории, которое мы провели незадолго перед этим (то есть на историю обычных явлений, исключительных явлений и искусств), мы устанавливаем

пять разделов истории обычных явлений. Первый раздел должен быть посвящен истории эфира и небесных явлений, второй — истории метеоров и так называемых воздушных слоев (regiones), то есть течений воздуха от Луны и до поверхности Земли; к этому же разделу мы, порядка ради (как бы ни обстояло дело в действительности), относим и всякого рода кометы, как более высокие, так и более низкие. Третий раздел — история земли и моря. Четвертый — история так называемых элементов: пламени или огня, воздуха, воды и земли. Элементы же мы понимаем не как первоначала вещей, но как большие массы природных тел. Ведь природа вещей распределена таким образом, что во Вселенной существует очень большое количество или масса некоторых тел, потому что для их определенной организации требуется легкий и простой тип сплетения материи. Таковы эти четыре телесные субстанции, о которых мы говорили. Количество же некоторых других тел во Вселенной невелико и расходуется природой экономно, потому что форма сплетения материи в них очень своеобразна и тонка и в большинстве случаев детерминирована и органична. Таковы виды природных вещей — металлы, растения, животные. Поэтому обычно мы называем первую категорию вещей бо́льшими собраниями, а вторую — меньшими собраниями. История этих бо́льших собраний представляет собой, как мы сказали, четвертую часть истории и называется историей элементов. И этот четвертый раздел отнюдь не смешивается со вторым или третьим на том основании, что в них мы упоминаем о воздухе, воде и земле, потому что во втором и третьем разделах рассматривается их история как неотъемлемых частей мира и в той мере, в какой они принадлежат ко всему мирозданию, в четвертом же разделе содержится история их субстанции и их природы, которая проявляется в отдельных их частях безотносительно к целому. Наконец, пятый раздел истории охватывает меньшие собрания или виды (species); именно ими до сих пор и занималась главным образом естественная история.

Что же касается истории исключительных явлений, то мы уже сказали, что она может быть превосходным образом объединена с историей обычных явлений в той мере, разумеется, в какой речь идет об исключительных, но естественно объяснимых вещах. Историю же всякого рода суеверий и чудес мы вообще переносим в специальное исследование, к которому не следует приступать не-

медленно, но несколько позже, когда мы продвинемся глубже в изучении природы.

Историю искусств и природы, измененной и переделанной человеком, то есть экспериментальную историю, мы делим на три части. Эта история строится на материале или механических искусств, или прикладной стороны свободных искусств, или на многочисленном практическом и опытном материале, не получившем еще оформления в каком-либо специальном искусстве, более того, это могут быть самые обычные, обыденные вещи, вообще не нуждающиеся в искусстве. А поэтому, если из всего названного нами, то есть из обычных явлений, исключительных явлений, искусств и экспериментов, будет создана история, то, по-видимому, в этом случае ничто не окажется упущенным из того, о чем чувства способны информировать интеллект. И мы больше не будем как заколдованные плясать все в одном и том же тесном кругу, но охватим своей мыслью весь мир.

V

Среди названных нами разделов истории особенно важна история искусств, потому что она показывает вещи в движении и прямее ведет к практике. Более того, она срывает маску и покров с природных явлений, в большинстве случаев затемненных и скрытых за пестротой форм и внешних проявлений. В конце концов насилие, совершаемое искусством, поистине подобно оковам и наручникам Протея, ставящим пределы последним усилиям и попыткам материи сопротивляться. Ведь тело не желает погибнуть и исчезнуть, скорее оно изменится в другие формы[2]. Поэтому, отбросив всякое высокомерие и пренебрежение, мы должны приложить максимум усилий к созданию этой истории, хотя и механической и, как может показаться, недостаточно благородной.

С другой стороны, среди искусств особенно важны для нас те, которые имеют дело с естественными телами и материалами вещей, изменяют и переделывают их, такие, как земледелие, кулинария, химия, крашение, изготовление стекла, эмали, сахара, пороха, искусственных огней, бумаги и т. п. Сравнительно менее полезны будут для нас те ремесла, которые требуют главным образом тонкости работы рук и инструментов, такие, например, как ткачество, кузнечное дело, строительство зданий, мельничное дело, работа часовщиков и тому подобное, хотя и ими никоим образом не следует пренебрегать, во-первых,

потому, что и здесь встречается многое, имеющее отношение к видоизменениям природных тел, а во-вторых, потому, что они дают обширную информацию о движении переноса (de motu lationis), а это — вещь огромной важности, имеющая отношение к большинству явлений.

Но, создавая это универсальное объединение всех искусств в их истории, следует прежде всего твердо помнить следующее: нужно включать в эту историю не только опыты, ведущие к достижению основной цели данного искусства, но и те наблюдения, с которыми так или иначе приходится сталкиваться в ходе исследования. Например, то, что лангусты или крабы, первоначально имевшие грязную окраску, если их сварить, приобретают красный цвет, не имеет никакого отношения к кулинарии, но тот же самый факт имеет немаловажное значение в исследовании природы красного цвета, потому что то же самое происходит и с обожженным кирпичом. Точно так же то, что мясо зимой засаливается быстрее, чем летом, имеет отношение не только к хорошей и своевременной заготовке поваром съестных припасов, но и является немаловажным моментом, помогающим понять природу и действие холода. Поэтому было бы глубоким заблуждением считать, что наше намерение сводится к желанию собрать все опыты искусств единственно для того, чтобы таким путем достичь еще большего совершенства каждого из них. И хотя во многих случаях мы отнюдь не пренебрегаем и этой целью, однако наша мысль заключается прежде всего в том, чтобы ручейки всех технических экспериментов вливались со всех сторон в море философии. Отбор же наиболее важных в каждом роде фактов (а их нужно самым тщательным и настойчивым образом собирать, буквально охотиться за ними) должен определяться значением этих факторов.

VI

В этом месте следует также резюмировать то, о чем мы подробнее говорили в афоризмах XCIX, CXIX, CXX первой книги[3], хотя здесь будет достаточно дать краткие наставления, посоветовав включить в эту историю прежде всего самые обыденные вещи, которые иной счел бы даже ненужным излагать в книгах, ибо они всем прекрасно известны. Затем — вещи низменные, неблагородные, отвратительные (ведь «для чистого все вещи чисты», и если хорошо пахнут деньги, полученные от общественных уборных, то еще несравненно приятнее знание, получен-

PARS SECVNDA OPERIS,

QVAE DICITVR

NOVVM ORGANVM,

SIVE

INDICIA VERA

DE INTERPRETATIONE

NATVRÆ.

Заглавная страница «Нового Органона»
Первое английское издание 1620 г.

PRAEFATIO.

Vi de Naturâ, tanquàm de re explorata, pronuntiare ausi sunt, siue hoc ex animi fiducia fecerint, siuè ambitiosè, & more professorio; maximis illi Philosophiam, & Scientias detrimentis afficere. Vt enim ad fidem faciendam valuit, ita etiam ad inquisitionem extinguendam & abrumpendam efficaces fuerunt. Neque virtute propria tantùm profuerunt, quantùm in hoc nocuerunt, quòd aliorum virtutem corruperint, & perdiderint. Qui autem contrariam huic viam ingressi sunt, atque nihil prorsus sciri posse asseruerunt, siue ex Sophistarum veterum odio, siue ex animi fluctuatione, aut etiam ex quadam doctrinæ copiâ, in hanc opinionem delapsi sint, certè non contemnendas eius rationes adduxerunt; veruntamen nec à veris initijs sententiam suam deriuárunt, & studio quodam, atque affectatione prouectâ, prorsus modum excesserunt. At antiquiores ex Græcis (quorum scripta perierunt)

D inter

Первая страница «Предисловия» к «Новому Органону» (издание 1620 г.)

APHORISMI
DE INTERPRETATIONE NATVRAE, ET REGNO HOMINIS.

APHORISMVS I.

Homo Naturæ minister, & Interpres, tantum facit, & intelligit, quantum de Naturæ Ordine re, vel mente, obseruauerit, nec amplius scit, aut potest.

II.

NEc manus nuda, nec Intellectus sibi permissus, multum valet; Instrumentis & auxilijs res perficitur; quibus opus est, non minus ad intellectum, quam ad manum. Atque vt instrumenta manûs motum aut

Начало первой книги «Нового Органона»
(издание 1620 г.)

PARASCEVE,

AD

HISTORIAM

NATVRALEM,

ET

EXPERIMENTALEM.

Заглавная страница «Приготовления к естественной и экспериментальной истории»
Первое английское издание 1620 г.

ное из любого источника); интересны даже любые пустяки и ребячьи забавы (и не удивительно, ибо нам необходимо снова стать детьми). Наконец, вещи, представляющиеся в чем-то слишком утонченными, потому что сами по себе не имеют никакого практического значения. Ведь, как уже было сказано, все, что излагается в нашей истории, собрано там не ради самих себя, и поэтому значение этих фактов следует определять не тем интересом, который они представляют сами по себе, но тем, в какой мере наблюдения над ними могут быть применены в других областях и оказать влияние на философию.

VII

Еще одно наше требование: все сведения о природных телах и их свойствах, насколько это возможно, должны содержать точные указания на число, вес, объем, размеры. Ведь мы думаем о практических целях, а не о чистых спекуляциях. Практика же рождается из тесного соединения физики и математики. Поэтому в истории небесных явлений нужно определить и подробно описать точные периоды обращения (restitutiones) планет и расстояния между ними, протяженность суши и какое пространство она занимает в сравнении с водой — в истории земли и моря, какое сжатие испытывает воздух без сильного сопротивления — в истории воздуха, насколько один металл тяжелее другого — в истории металлов; примеров такого рода может быть бесчисленное множество. Если же точные данные получить невозможно, тогда придется прибегнуть к приблизительным или сравнительным оценкам, не дающим точных определений. Например, если у нас почему-то возникнут сомнения в расчетах астрономов относительно расстояний между планетами, что Луна находится ниже тени Земли, а Меркурий — выше Луны и тому подобное. И если средние пропорции (mediae proportiones) получить невозможно, следует привести крайние, например: довольно слабый магнит притягивает кусок железа, равный весу самого магнита, а очень сильный — в 60 раз тяжелее собственного веса. Я это сам видел на примере очень маленького, но армированного магнита. Нам достаточно известно, что такого рода точные данные найти нелегко и встречаются они нечасто, но их нужно выискивать как вспомогательные данные в процессе самого истолкования (когда они особенно необходимы). Но если они случайно встретятся, их нужно

включать в изложение самой истории при условии, что они не слишком задержат процесс создания естественной истории.

VIII

Что же касается достоверности фактов, которые должны быть включены в историю, то эти факты, естественно, бывают либо вполне достоверными, либо сомнительными, либо очевидно недостоверными. В первом случае они должны приводиться без всяких помет, а во втором — с пометой: например, «говорят», или «передают», или «я слышал из достоверных источников» и тому подобное, потому что приводить доказательства достоверности и недостоверности фактов было бы очень трудно и, несомненно, слишком замедлило бы работу авторов. Да это и не имеет большого значения для нашего замысла, потому что (как мы сказали в CXVIII афоризме I книги) истинность аксиом очень скоро изобличит ложность эксперимента, если только она сама не проявляется повсюду. Однако, если факт окажется весьма важным или сам по себе, или по тому влиянию, которое он может оказать на многие другие явления, следует во всяком случае назвать имя автора, и не просто назвать, но и сделать соответствующее указание: узнал ли он этот факт из чьих-то сообщений, или переписал из какого-то сочинения (таковы почти все сочинения Гая Плиния), или же он утверждает что-то на основании собственного изучения, а также к какому времени относится сообщаемый факт: ко времени жизни автора или к более раннему. Кроме того, принадлежит ли этот факт к таким, для доказательства истинности которых необходимо множество свидетелей, или нет. Наконец, что касается личности самого автора — пустослов ли он, не заслуживающий внимания, или же серьезный и строгий ученый и тому подобное, все, что придает должный вес и достоверность изложению. И последнее: сведения, очевидно недостоверные, но получившие тем не менее широкое распространение и за долгие века, отчасти из-за недостаточного внимания к фактам, отчасти же под влиянием аналогий, приобретшие прочность предрассудка,— например, что алмаз связывает магнит, а чеснок лишает его силы, что янтарь притягивает все, кроме базилика, и множество других подобных утверждений — не должны обходиться молчанием, а ясно и недвусмысленно должны быть осуждены, чтобы подобные выдумки не мешали в дальнейшем развитию науки.

Кроме того, было бы полезным, если к тому представится случай, отметить источник этого пустословия или по меньшей мере легковерия: например, что трава сатирия будто бы способна возбуждать половое чувство, потому что ее корень имеет форму мошонки; а на самом деле она имеет такой корень потому, что каждый год рождается новый клубневидный корень, вырастающий рядом с прошлогодним, отсюда и эта своеобразная форма. Ясно же вот что: новый корень всегда плотный и сочный, а старый — высохший и похожий на губку, и поэтому не удивительно, если один тонет в воде, а другой всплывает, что, однако, считается чем-то удивительным и способствует тому, что в этой траве видят и другие чудесные свойства.

IX

Остается несколько дополнений, которые могут быть полезными для естественной истории и лучше приспособить ее к той работе истолкования, которая нам предстоит. Этих дополнений пять. Во-первых, нужно ставить такие вопросы (я говорю не о причинах, а о фактах), которые бы способствовали и побуждали к дальнейшему исследованию проблемы; например, в истории земли и моря: существуют ли приливы и отливы в Каспийском море и каковы промежутки между ними, существует ли какой-нибудь Южный континент или это остров и тому подобное.

Во-вторых, производя какой-нибудь более тонкий и новый эксперимент, следует сообщать и методику, применявшуюся в нем, чтобы люди могли свободно судить об истинности или ложности информации, даваемой этим экспериментом, и чтобы побудить людей к поискам, если это возможно, более точной методики.

В-третьих, если при изложении той или иной темы возникнут какие-то трудности или сомнения, они ни в коем случае не должны замалчиваться или обходиться, наоборот, на них следует четко и ясно указать в форме сноски или примечания. Ведь мы хотим, чтобы первая история была написана самым точным образом, как бы связанная клятвой свято блюсти истину в каждом отдельном факте, ибо это книга творений господних и (насколько допустимо сопоставлять величие божественных деяний с ничтожностью дел человеческих) как бы второе Писание.

В-четвертых, было бы полезно время от времени приводить различные наблюдения (как это делал Г. Плиний):

например, в истории земли и моря можно отметить факт, что очертания суши (насколько они в настоящее время известны) в сравнении с очертаниями моря неровны и как бы заострены в южном направлении, к северу же гладкие и ровные, очертания же морей — наоборот; и то, что большие океаны рассекают сушу заливами, вытянувшимися с севера на юг, а не с запада на восток, за исключением, может быть, крайних полярных областей. Очень хорошо привести еще и каноны (которые есть не что иное, как общие и всеохватывающие наблюдения), как, например, в истории небесных явлений то, что Венера никогда не отстоит от Солнца больше, чем на 46 частей, а Меркурий — на 23 и что планеты, располагающиеся выше Солнца, движутся очень медленно, потому что очень далеко отстоят от Земли, планеты же, расположенные ниже Солнца, движутся очень быстро. Следует, кроме того, применить и другой род наблюдений, который до сих пор еще не вошел в употребление, несмотря на то, что он весьма и весьма важен. Состоит он в следующем: нужно указывать наряду с тем, что существует, и то, что не встречается. Например, в истории небесных явлений следует отметить, что не встречаются звезды продолговатой или треугольной формы, но что всякая звезда имеет шарообразную форму: либо просто шарообразна, как Луна, либо на вид представляется угловатой, а по существу шарообразна, как остальные звезды, либо на вид представляется как бы косматой, а по существу шарообразна, как Солнце. Или то, что звезды никогда не располагаются в определенном порядке, так что нельзя найти здесь ни пятиугольника, ни четырехугольника, ни другой правильной фигуры (хотя им и дают названия дельты, короны, креста, квадриги и т. д.), даже прямая линия найдется с трудом, за исключением, пожалуй, только пояса и меча Ориона [4].

В-пятых, быть может, человеку ищущему принесет какую-то пользу, а принимающего все на веру совершенно собьет с толку и погубит, если общепринятые ныне представления со всей их пестротой и разнообразием направлений будут ставиться под сомнение, как бы походя, в нескольких словах, чтобы не дать разуму уснуть, но не более.

X

Итак, сказанного будет вполне достаточно, поскольку речь идет об общих правилах; если все эти положения тщательно исполнить, то наш труд по созданию истории

пойдет прямиком к своей цели и не разрастется чрезмерно. Ну а если какому-нибудь малодушному человеку труд этот в намечаемых нами границах вдруг покажется слишком обширным, пусть взглянет он на библиотеки и, между прочим, окинет взглядом своды гражданского или канонического права, с одной стороны, и комментарии ученых и юристов — с другой, и он увидит все различие между ними в отношении массы материала и количества самих томов. Ведь нам (которые, подобно аккуратным секретарям, слушаем и записываем только сами законы природы) необходима краткость, предписываемая самим существом предмета. А всяческим мнениям, гипотезам и спекуляциям нет ни числа, ни конца.

Что же касается упомянутых нами в росписи нашего сочинения основных качеств (cardinales virtutes) в природе[5] и того, что их история должна быть написана еще до того, как мы обратимся к труду истолкования, то мы вовсе не забыли об этом, но оставили этот труд для самих себя, ибо не рискуем слишком полагаться на чужой энтузиазм в этом деле, прежде чем люди не сойдутся с природой несколько теснее. Итак, теперь следует обратиться к проекту отдельных историй. Но поскольку в настоящее время мы завалены другими делами, у нас хватит времени лишь на то, чтобы написать каталог отдельных историй, приведя только их заглавия. Но как только мы сможем найти для этого свободное время, мы намерены в каждой теме в виде вопросов дать наставления о том, что́ именно прежде всего нужно исследовать и о чем писать в каждой из этих историй, так, чтобы это соответствовало поставленной нами цели, нечто вроде своеобразных частных топик; или, скорее (пользуясь сравнением с гражданским процессом), мы собираемся в ходе этого великого разбирательства или процесса, порученного нам и назначенного божественной милостью и провидением (с чьей помощью род человеческий стремится осуществить свое право на природу), допросить по каждому из пунктов саму природу и искусства.

О МУДРОСТИ ДРЕВНИХ

Светлейшему мужу, графу Солсбери[1], *лорду-казначею Англии и канцелларию университета Кембриджского*

Все, что посвящается Кембриджскому университету, по праву принадлежит и тебе как канцелларию его; все же, что может исходить от меня, дóлжно всецело принадлежать тебе. И здесь особенно важно, чтобы этот по праву принадлежащий тебе дар был в такой же степени и достоин тебя; во всяком случае самое малое, что есть в нем,— талант автора — не повредит делу (ведь ты всегда столь снисходителен ко мне); прочее же также не обесславит его. Действительно, посмотрим ли мы на избранную нами эпоху: древнейшие времена вызывают глубочайшее уважение; посмотрим ли мы на форму изложения: парабола — это некий ковчег, всегда хранящий драгоценнейшие сокровища наших знаний; посмотрим ли мы на предмет нашего труда: это философия — вторая слава и украшение жизни и души человеческой. Да позволено мне будет сказать, что, хотя философия в наш век, как будто бы впадая в детство от старости, стала достоянием чуть ли не одних детей и подростков, она тем не менее, по моему глубокому убеждению, остается для нас после религии самым важным и самым достойным человеческой природы. Даже политика, в которой ты проявил себя столь удивительным образом и по своим способностям, и по своим заслугам, и по своей рассудительности, достойной мудрейшего из государей,— даже политика проистекает из того же источника и составляет значительную часть этой науки. Ну а если кому-то покажется, что я говорю о вещах общеизвестных, то не мне, разумеется, судить об этом; во всяком случае я стремился, избегая очевидного, устаревшего, общих мест, дать что-то полезное в житейских тяготах и приоткрыть тайны науки. Поэтому пусть будут банальности достоянием

заурядных умов, возвышенный же ум не останется, быть может, безразличным к моему труду и даже (как я надеюсь) найдет в нем нечто новое. Но, стараясь найти в этом сочинении нечто достойное тебя, я боюсь, как бы мне не перейти границы скромности: ведь это же мой собственный труд. Ты же прими его как залог и свидетельство моих чувств к тебе, моего уважения и глубочайшей признательности и удостой защиты твоего имени. Зная, как много у тебя важных дел и забот, я не стану злоупотреблять долее твоим временем и закончу пожеланием тебе счастья во всех твоих делах.

Оставаясь навеки самым обязанным тебе и своими занятиями, и твоими благодеяниями.

Фр. Бэкон.

Воспитавшему меня преславному университету Кембриджскому

Поскольку без философии даже сама жизнь не радует меня, я с полным правом воздаю вам великую честь, ибо от вас проистекает для меня этот оплот и утешение в жизни. А посему заявляю, что и сам я, и все, что есть во мне, обязаны этим вам; и тем более нет ничего удивительного в том, если я воздаю вам тем же, что получил от вас, дабы в естественном движении этот дар возвратился вновь к своему источнику. И однако же, не знаю почему, слишком редкими кажутся тропы, возвращающие к вам, тогда как бесчисленное множество их вышло от вас. И да не возьму я на себя слишком много (как я полагаю), если выражу надежду, что благодаря некоторому опыту, неизбежно вытекающему из моего рода жизни и занятий, я смогу этим своим трудом несколько приумножить открытия ученых мужей. Во всяком случае я убежден, что размышления, перенесенные в практическую жизнь, приобретают немало достоинства и новых сил и, получая обильный материал, пускают, может быть, более глубокие корни или по крайней мере дают более высокую и пышную крону. И вы сами (я полагаю) не знаете, сколь обширны ваши владения и сколь многое они охватывают. Однако справедливость требует, чтобы все это считалось вашим достоянием и воздавало вам честь, ибо всякий успех в значительной мере обязан своему началу. Не требуйте, однако, от человека занятого

чего-то исключительного, какого-то замечательного и необыкновенного плода его досуга, но примите как знак безграничной любви моей к вам и трудам вашим все то, что среди терний гражданских дел не погибло безвозвратно, но сохранилось для вас как ваше достояние. Прощайте.

Ваш безгранично любящий воспитанник

Фр. Бэкон.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глубочайшая древность скрыта от нас покровом молчания и забвения (исключая лишь сказанное в Священном писании). Мифы, созданные поэтами, пришли на смену молчанию древности, а за мифами последовали, наконец, те сочинения, которыми мы обладаем теперь; так что самые отдаленные и потаенные уголки древности отделены, скрыты от последующих веков этим покровом мифов, который распростерся между тем, что исчезло, и тем, что существует сейчас. Впрочем, мне кажется, что большинство сочтет эти мои занятия игрой и забавой, полагая, что я претендую чуть ли не на ту же свободу в изложении мифов, что и сами поэты, создававшие их; но я имею, конечно, полное право на это, дабы несколько скрасить и мои собственные размышления над достаточно сложными вещами и сделать более приятным знакомство с ними других. Для меня не является тайной, сколь податливую материю представляет миф, как легко его можно привлечь, а то и притянуть в подтверждение разных точек зрения и какое большое содержание заложено в нем, так что прекрасно можно найти в нем и такой смысл, о котором никогда раньше и не помышляли. Мне вспоминается также, что уже с давних пор прибегают к подобного рода толкованиям: ведь немало было тех, кто, желая в своих изобретениях и выдумках опереться на авторитет древности, пытался для этой цели привлечь сказания поэтов, так что этот пустой обычай весьма распространен и отнюдь не нов. Ведь в свое время Хризипп, как толкователь снов, старался приписать древнейшим поэтам взгляды стоиков, и еще более неуклюже алхимики пытаются приложить к своим опытам шутливые и забавные рассказы поэтов о превращениях. Все это, повторяю, нам достаточно известно, и мы знаем этому цену: знаем, с каким легкомыслием и сколь про-

извольно пользуются некоторые аллегориями, и все же мы не хотим на этом основании отказаться от нашего намерения. Прежде всего нелепости и произвол, допускаемые здесь некоторыми, не означают, что вообще жанр параболы не заслуживает уважения. Ведь это было бы и дерзко и нечестиво, ибо религия охотно прибегает к такого рода покровам и тайнам, и тот, кто пытается их уничтожить, мешает общению человеческого с божественным. Но посмотрим на это дело с точки зрения человеческой мудрости. Во всяком случае я честно и искренне заявляю: я склонен считать, что весьма многим мифам, созданным древнейшими поэтами, уже изначально присущ некий тайный и аллегорический смысл. Меня заставляет думать так и преклонение перед прошлым, и то, что в некоторых мифах я нахожу удивительные и совершенно очевидные подобие и связь с обозначаемыми в них вещами как в самом сюжете мифа, так и в значении имен, которыми наделены действующие в них лица, так что невозможно отрицать, что этот тайный смысл уже с самого начала был заложен в мифе и старательно завуалирован его создателями. Действительно, может ли быть кто-либо настолько непроницательным, настолько слепым к очевидному, чтобы, услышав миф о том, как Фама (Молва) после гибели гигантов явилась на свет как их сестра, не понял бы, что речь идет о подстрекательских слухах, тайно распространяемых партиями, как это бывает всегда после поражения мятежей? Или, услышав о том, как гигант Тифон вырвал жилы у Юпитера и унес их и как Меркурий похитил их у него и вернул Юпитеру, сразу же не обратил бы внимание на то, что это говорится об удачных мятежах, подрывающих и богатство и авторитет королей, хотя спустя немного времени любезные речи и мудрые указы постепенно, как бы незаметно, смиряют умы подданных и восстанавливают силы государей? Или, услышав о том, как в знаменитом сражении богов против гигантов осел Силена своим ревом обратил в бегство последних, не подумает, что этот рассказ совершенно ясно имеет в виду далеко идущие замыслы мятежников, которые большей частью рушатся из-за нелепых слухов и ложного страха? Наконец, для кого может остаться неясным смысл и значение имен, если Метида, жена Юпитера, ясно обозначает рассудительность, Тифон — надменность, Пан — Вселенную, Немезида — возмездие и т. п.? И пусть никого не смущает то обстоятельство, что здесь порой что-то примешивается из истории, или кое-что говорится лишь ради

красоты, или же допускаются хронологические ошибки, или из одного мифа что-то переносится в другой и вводится новая аллегория. Ведь все это неизбежно, ибо мифы были созданием людей, живших в разные эпохи и преследовавших различные цели: одни жили раньше, другие — позже, одних интересовала природа, других — гражданские дела. У нас есть и другое немаловажное доказательство скрытого и тайного смысла мифов. Некоторые из мифов столь бессмысленны и нелепы по своему сюжету, что уже издалека можно услышать в них параболу, громко заявляющую о себе. Ведь миф, представляющийся вероятным, можно считать придуманным для интересного и приятного изложения событий так, как они могли происходить в действительности, ну а то, что никому и в голову не придет помыслить или рассказать, по-видимому, создано с другими целями. Как, например, назвать выдумку о том, что Юпитер взял в жены Метиду, и, как только заметил, что она беременна, сразу же проглотил ее, и поэтому сам стал беременным и родил из головы своей вооруженную Палладу? Я полагаю, ни одному человеку даже во сне не могло присниться такое чудовищное, не укладывающееся в сознании измышление. Прежде всего для нас имеет особое значение и особенно важно то, что большинство мифов, как нам кажется, ни в коем случае не созданы теми, кто их распространяет и передает, т. е. ни Гомером, ни Гесиодом, ни другими. Ведь если бы нам было совершенно ясно, что эти мифы возникли в ту эпоху и созданы теми авторами, которые их излагают и от которых они дошли до нас, то, я думаю, нам никогда не пришло бы в голову ожидать или предполагать при таком их происхождении что-либо великое или возвышенное. Но, если внимательнее взглянуть на это, станет ясно, что эти мифы излагаются и передаются как уже созданные раньше, воспринятые от других, а не как только что придуманные. Более того, поскольку писатели почти одной и той же эпохи по-разному передают одни и те же мифы, нетрудно сообразить, что общее в них взято из древнейших преданий, то же, в чем они разнятся, есть собственное создание этих авторов. И это обстоятельство еще более увеличило наше уважение к мифам: как будто они стоят вне времени и являются не созданием самих поэтов, а чем-то вроде священных реликвий, дыханием лучших времен, проникшим в поэзию греков из преданий еще более древних народов. Ну а если кто-то будет и дальше возражать, доказывая, что

аллегория в мифе всегда была чем-то привнесенным извне, чуждой, а отнюдь не органически присущей ему с самого момента возникновения, мы не станем докучать тому, а оставим его при той категоричности суждения, на которую он претендует, хотя она более похожа на тупость и скорее подобна свинцу, и атакуем его (если он только этого окажется достойным) совершенно другим способом. Люди двояко пользуются параболами и, что более всего удивительно, в прямо противоположных целях. Параболы могут затемнять и скрывать смысл, но могут раскрывать и прояснять его. Если мы не будем говорить о первой цели (дабы не вступать в спор) и допустим, что древние мифы смутны и сочинены лишь ради развлечения, все же остается вне всякого сомнения вторая цель, и никакой произвол фантазии, ни одна ученая посредственность не смогут помешать тотчас же принять этот способ поучения, так как он основателен и трезв, свободен от пустых претензий, в высшей степени полезен, а иной раз и необходим науке. Ибо, когда речь идет о новых открытиях, далеких от представлений толпы и глубоко скрытых от нее, нужно искать более удобный и легкий доступ к человеческому пониманию через параболы. Поэтому в древности, когда открытия и заключения человеческого разума — даже те, которые теперь представляются банальными и общеизвестными,— были новыми и непривычными, всюду мы встречаем всевозможные мифы, загадки, параболы, притчи, к которым прибегали для того, чтобы поучать, а не для того, чтобы искусно скрывать что-то, ибо в то время ум человеческий был еще груб и бессилен и почти неспособен воспринимать тонкости мысли, а видел лишь то, что непосредственно воспринимали чувства. Ведь как иероглифы старше букв, так и параболы старше логических доказательств. Да и теперь тот, кто хочет в какой-нибудь области осветить людям что-то новое, и притом сделать это не грубо и труднодоступно, обязательно должен пойти по тому же самому пути и прибегнуть к помощи сравнений. Потому мы заключим наши рассуждения следующими словами. Мудрость прошлого была или великой, или счастливой. Великой, если она силой вымысла воплотилась в фигуру, или троп; счастливой, если люди, думая совсем о другом, сумели дать материал и повод для столь глубоких наблюдений и размышлений. Мы же считаем, что наши усилия (если они в чем-нибудь могут быть полезны) и в том и в другом случае будут достаточно уместны, потому что мы сделаем более понятными

или мысли древних, или сам предмет исследования. Конечно, я не могу не знать, что и другие уже брались за это дело, но, если вам интересно мое мнение (я говорю отнюдь не высокомерно, а лишь откровенно), все эти труды, хотя и весьма немалые, и очень сложные, почти совершенно утратили свое значение, ибо эти люди, плохо знающие предмет, вся ученость которых не идет дальше известных общих мест, сводили смысл парабол к каким-то избитым общим истинам и не смогли постичь ни их истинного значения, ни их настоящих особенностей, ни их глубочайшего смысла. Мы же (если не ошибаюсь), говоря новое слово о вещах, уже давно известных, и оставляя в стороне все лежащее на поверхности и очевидное, будем стремиться к более глубокому и более важному.

I. Кассандра, или Откровенность

Рассказывают, что Кассандра, в которую влюбился Аполлон, всяческими хитростями уклонялась от его домогательств, однако же не лишала его надежды до тех пор, пока не добилась от него дара предвидения; и тогда, получив то, к чему с самого начала стремилась своим притворством, Кассандра открыто отвергла мольбы Аполлона. А он, так как не мог никакими силами вернуть назад то, что опрометчиво подарил ей, пылая жаждой мести и не желая быть одураченным хитрой женщиной, присоединил к своему дару и возмездие: хотя она всегда будет предсказывать правду, никто не будет ей верить. И вот пророчества ее всегда были истинны, но им не было веры. Она это сразу же познала на гибели своей родины: ведь Кассандра не раз предупреждала об этой угрозе, но никто ее не слушал и никто не верил ей.

Этот миф, по-моему, говорит о несвоевременности и бесполезности иных советов и наставлений. Так люди упрямого и резкого характера, не желающие подчиниться Аполлону, т. е. богу гармонии, познать и соблюдать меру и границы во всем, различать высокие и низкие тоны в речи так же, как и различать искушенных людей и толпу, наконец, вообще не желающие знать, когда время говорить, а когда — молчать,— такие люди, даже если они разумны и откровенны и дают здравые и добрые советы, тем не менее никогда не принесут никакой пользы своими увещеваниями и настойчивостью, и от них нет никакого проку в делах. Наоборот, они даже ускоряют гибель тех, кому хотят помочь, и уже только потом, когда несчастье случилось, их славят как дальновидных пророков. Прекрасный пример тому — Марк Катон Утический. Ведь он задолго вперед предвидел и, подобно оракулу, предсказывал гибель родины и тиранию, которыми были чреваты сначала соглашение, а затем борьба между

Цезарем и Помпеем; но от этого не было никакой пользы, скорее, он принес вред и ускорил несчастья родины. Именно это очень умно заметил и метко выразил Цицерон в письме к одному из друзей: «Мысли Катона замечательны, но он все же приносит вред республике: он говорит так, как будто он живет в республике Платона, а не среди этих подонков Ромула» [2].

II. Тифон, или Мятежник

Поэты рассказывают, что Юнона, негодуя на то, что Юпитер родил Палладу сам, без нее, просила всех богов и богинь, чтобы и ей было позволено родить без Юпитера, а после того, как они согласились удовлетворить ее безумное и наглое желание, она сотрясла землю, и от этого движения родился Тифон, огромное и ужасное чудовище. Его отдали змее, чтобы та вскормила его. И как только он подрос, тотчас же пошел войной на Юпитера. В этой борьбе Юпитер был побежден гигантом, который поднял его на плечи, отнес в далекое царство тьмы и, вырезав жилы рук и ног, унес их с собой, оставив его, изуродованного и обессиленного. Меркурий похитил у Тифона жилы Юпитера и вернул их ему. К Юпитеру вернулись силы, и он снова начал борьбу. Сначала он ранил Тифона молнией, и из пролившейся крови родились змеи; потом, когда тот обратился в бегство, метнул в него Этну и придавил его громадой горы.

Этот миф рассказывает об изменчивой судьбе государей и о мятежах, которые время от времени случаются в монархических государствах. Ведь государи по праву считаются связанными со своими государствами, как Юпитер с Юноной брачными узами. Но случается иной раз, что привычка властвовать портит их, и они, уподобляясь тиранам, все сосредоточивают в себе, пренебрегая мнением сословий и сената, все рождают из самих себя, т. е. решают все по собственному разумению и произволу. Народы с трудом переносят этот произвол и сами замышляют самостоятельно создать и укрепить какое-то новое правление. Это начинается с тайных подстрекательств знати и вельмож, а когда этому попустительствуют, начинается волнение народа. Отсюда и возникает подобное возмущение (представленное в мифе детством Тифона). Такого рода положение вещей питается присущей простому народу от природы испорченностью и хитростью, этими змеями, бесконечно враждебными госуда-

рям. Когда же силы оппозиции укрепляются, дело доходит до открытого мятежа, который из-за бесконечных несчастий, приносимых им и государям, и народам, изображается в виде страшного Тифона, у которого сто голов, потому что власть раздроблена, пылающая пасть, т. е. пожары, пояс из змей, т. е. эпидемии (особенно во время осад), железные руки, т. е. убийства, орлиные когти, т. е. грабежи; тело, покрытое перьями, обозначает бесконечные слухи, вести, страхи и тому подобное. Иногда эти мятежи оказываются такими сильными, что короли, как бы теснимые мятежниками, бывают вынуждены покидать столицы и главные города государства, собирать остатки сил где-то в отдаленной и безлюдной провинции, оставшейся подвластной им, приводить себя в чувство, ибо жилы их богатства и величия подрублены. Но немного времени спустя, благоразумно перенеся удары судьбы, благодаря усердию и храбрости Меркурия они вновь обретают мускулы, т. е. делаются более мягкими; мудрыми указами и добрыми речами примиряют умы и стремления подданных и в конце концов добиваются энтузиазма в пожертвованиях и вновь во всем обретают свой авторитет. И хотя, будучи мудрыми и осторожными, они обычно не желают искушать судьбу и воздерживаются от сражения, однако прилагают усилия к тому, чтобы каким-нибудь замечательным деянием подорвать уважение к мятежникам. Если все случается так, как они того желали, мятежники, понимая, какую рану им нанесли, в страхе за свою судьбу сначала обращаются к безнадежным и пустым угрозам, подобным шипению змей, а затем, отчаявшись в успехе, обращаются в бегство. И когда наконец они начнут неудержимо катиться к своей гибели, короли смогут спокойно и в удобное для них время, всеми своими силами и всей мощью державы, как горой Этна, преследовать их и подавлять.

III. Киклопы, или Подручные террора

Рассказывают, что Киклопы сначала за их свирепость и чудовищность были низвергнуты Юпитером в Тартар и осуждены на вечное заключение там, но потом Земля убедила Юпитера, что ему будет весьма полезно, если он их освободит из заключения и поручит им выковать ему молнии. Так он и поступил. Те с ревностью и усердием принялись за дело и, подняв грозный шум, изготовили

ему молнии и другие орудия устрашения. Через некоторое время случилось так, что Юпитер разгневался на Эскулапа, сына Аполлона, за то, что тот своим лечением воскресил умершего. Желая скрыть свой гнев (ибо причина его была не очень справедлива, ведь поступок Эскулапа был благороден и благочестив), он тайно возбудил против него Киклопов, которые тотчас же поразили его молниями. В наказание за это Аполлон с позволения Юпитера пронзил их своими стрелами.

Мне кажется, что этот миф говорит о делах государей. Ведь они сначала наказывают своих жестоких служителей, корыстолюбивых и запятнанных кровью своих жертв, отстраняя их от дел, но потом по совету Земли, т. е. по совету низкому и бесчестному, уступая соображениям выгоды, они снова призывают их на службу, когда появляется надобность или для жестоких казней, или для безжалостных поборов. И они, грубые по природе и ожесточившиеся из-за прошлых неудач, прекрасно понимая, чего от них ждут, проявляют удивительное рвение в такого рода делах; но, забывая об осторожности в торопливой погоне за монаршими милостями, ловя тайные намеки и двусмысленные указания государей, иной раз совершают дела, навлекающие на них ненависть. Государи же, желая отвести от себя недовольство и отлично зная, что у них никогда не будет недостатка в подобного рода орудиях, оставляют их и отдают на милость жаждущих мщения друзей и близких тех, кого они погубили. Они становятся предметом народного негодования и под громкий шум аплодисментов и здравиц в честь государей, скорее, поздно, чем незаслуженно, несут свою кару.

IV. Нарцисс, или Себялюбие

Говорят, что Нарцисс был удивительно красив и изящен, но безумно заносчив и невыносимо презрителен. И вот, любя самого себя и презирая других, он вел уединенную жизнь, охотясь в лесах вместе с немногими спутниками, для которых он был всем. Следовала повсюду за ним и нимфа Эхо. Но роковым для него оказалось то, что он однажды в жаркий полдень подошел к какому-то прозрачному источнику и склонился над ним. Когда он увидел в воде собственный образ, он был захвачен этим зрелищем и пришел от него в такое восхищение, что его никакими силами нельзя было отвлечь от созерцания своего облика; он так и застыл в вечном созерцании и

в конце концов превратился в цветок, названный его именем. Этот цветок появляется в начале весны и посвящен подземным богам — Плутону, Прозерпине и Эвменидам.

Миф, как мне кажется, изображает характер и судьбу тех людей, которые безгранично любят себя, буквально влюблены в самих себя или за красоту, или за какие-нибудь иные достоинства, которыми они одарены от природы и для приобретения которых им не пришлось приложить никаких собственных усилий. Люди с таким складом характера редко появляются в обществе или посвящают себя общественной деятельности, потому что в таком случае они неизбежно не раз столкнулись бы с пренебрежением и презрением, что могло бы обидеть и расстроить их. Поэтому они, как правило, ведут уединенную, замкнутую жизнь, занимаясь только своими делами, в очень узком окружении избранных друзей, тех, которые, как им кажется, их особенно уважают и любят и которые им во всем угождают и как эхо повторяют каждое их слово. Такой образ жизни портит их и делает самовлюбленными, и в конце концов в восхищении собственной персоной они погружаются в удивительную лень и безделье, как бы цепенеют, и лишаются всей своей силы и энергии. Изящен образ весеннего цветка, символизирующего такого рода характеры. Ведь начало деятельности этих людей удачно, они пользуются успехом, но в зрелом возрасте выявляется, что они обманули возлагавшиеся на них надежды. Такой же смысл имеет и то, что этот цветок посвящен подземным богам; ибо люди такого склада оказываются совершенно неспособными к любому виду деятельности. А все, что не приносит никаких плодов, а проходит и исчезает, подобно следу корабля в море,— все это древние обычно посвящали теням и подземным богам.

V. Стикс, или Союзы

Хорошо известно и во множестве мифов встречается упоминание о той своеобразной клятве, которой всегда связывали себя боги, если не хотели оставить себе никакой возможности раскаяния. Это была клятва не именем какой-нибудь небесной силы или какого-нибудь божества, а Стикса, реки подземного царства, которая множеством спиралей окружала дворец Дия. Это была единственная формула клятвы, и никакая другая, кроме нее, не

считалась прочной и нерушимой, потому что за нарушение ее угрожало наказание, особенно страшное для богов: нарушивший клятву в течение многих лет не допускался на пиры богов.

Миф, как мне кажется, имеет в виду союзы и соглашения между государями: а здесь слишком верно утверждение, что союзы, как бы торжественно они ни заключались, какими бы священными клятвами ни сопровождались, не очень-то прочны, и заключаются, скорее, чтобы создать какое-то впечатление, какое-то мнение, соблюсти видимость, нежели ради достижения безопасности и укрепления доверия. Даже узы родства, освященные самой природой, даже взаимные заслуги большинством ставятся ниже соображений честолюбия, выгоды и неограниченного господства, тем более что государям легко, пользуясь различными благовидными предлогами, скрывать и маскировать свои стремления и вероломство (ведь у них нет судьи, перед которым они должны были бы давать отчет). Поэтому существует только одно подлинное и действительное основание верности; и это не какое-то небесное божество, нет, это необходимость (великое божество для власть имущих), опасность, грозящая их положению, и соображения пользы. Необходимость весьма тонко представлена как Стикс, река рока, через которую нельзя переплыть назад. Этой клятвой поклялся при заключении союза афинянин Ификрат. Поскольку он принадлежал к тем, которые открыто говорят о том, о чем большинство молча думает, было бы полезно привести здесь его собственные слова. Видя, что лакедемоняне придумывают и предлагают различные гарантии, клятвы, обязательства, договоры, он сказал: «У нас с вами, лакедемоняне, может быть только один способ гарантировать безопасность — если вы ясно покажете, что вы уступаете нам и передаете в наши руки все средства, без которых у вас не будет никакой возможности нанести нам вред, даже если бы вы очень захотели это сделать». Таким образом, только в том случае союзы могут считаться нерушимыми, священными и как бы скрепленными стиксовой клятвой, когда исключена сама возможность нанести вред или когда нарушение союза могло бы повлечь за собой или гибель государства, или его уменьшение и сокращение доходов, т. е. когда существует опасность не быть допущенным на пиры богов, которые у древних считались символом власти, могущества, богатства и счастья.

VI. Пан, или Природа

Древние в образе Пана со всеми подробностями нарисовали природу мира, однако о происхождении Пана у них не было ясного представления. Одни утверждают, что он сын Меркурия, другие изображают его происхождение совершенно иначе. Говорят, что Пенелопа сожительствовала со всеми женихами, и общим плодом этого беспорядочного сожительства явился Пан. В этом последнем рассказе, несомненно, какие-то более поздние толкователи отнесли имя Пенелопы к этому древнему мифу, что нередко случается, когда древние повествования относят к лицам, жившим позднее, причем иногда это делается весьма неумело и приводит к абсурду, как это можно видеть на данном примере: ведь Пан принадлежит к древнейшим божествам и был задолго до времен Улисса, а, кроме того, имя Пенелопы пользовалось у древних особым уважением как воплощение женского целомудрия. Не следует оставлять без внимания и третий рассказ о рождении Пана: ведь некоторые передают, что он был сыном Юпитера и Гюбрис, т. е. Дерзости. Но что бы ни рассказывали о его происхождении, всегда его сестрами считаются Парки. С древних времен Пана изображали так: на голове у него рога, поднимающиеся к небу; все тело его густо покрыто шерстью, волосы курчавые и очень длинная борода. Верхняя часть его тела — человеческая, хотя и напоминающая зверя; ноги же у него козлиные. В руках у него знаки его могущества: в левой — свирель, сделанная из семи тростниковых трубочек, в правой — посох, т. е. палка, изогнутая сверху. Одет он в хламиду из шкуры леопарда. Что же касается его власти и его функций, то он считался богом охотников, кроме того, пастухов и вообще сельских жителей, а также владыкой гор. Кроме того, подобно Меркурию, он был вестником богов. Он считался также предводителем и повелителем нимф, которые всегда водили вокруг него хороводы и плясали; его сопровождали сатиры и более старшие силены. Он обладал также способностью внушать страх, особенно пустой и суеверный, который называется паническим. Деяния его немногочисленны. Главное среди них — состязание, на которое он вызвал Купидона и в котором был побежден им. Кроме того, он поймал в сети и связал гиганта Тифона; а еще рассказывают, что, когда Церера в горе и негодовании из-за похищения Прозерпины скрылась и все боги всячески

старались ее разыскать и отправлялись во все концы земли, только Пану по какой-то счастливой случайности удалось во время охоты встретить ее и показать богам, где она находится. Он осмелился также вступить в музыкальное состязание с Аполлоном и даже оказался победителем по решению судьи Мидаса; за это решение Мидас получил ослиные уши, хотя ему и удавалось их прятать. Почти совсем ничего или очень мало говорится о любви Пана, что может показаться удивительным, ибо древние боги безгранично любвеобильны. Рассказывают только, что он любил Эхо, которая даже считалась его женой, а еще он был влюблен в одну нимфу, по имени Сиринга (эта любовь была мщением разгневанного Купидона, которого Пан осмелился вызвать на состязание). У него не было и никакого потомства (что в равной степени удивительно, так как боги, а особенно мужского пола, были весьма плодовиты). Правда, его дочерью считают некую служанку, по имени Ямба, которая всегда развлекала гостей смешными побасенками; некоторые считают, что она была его дочерью от супруги Эхо.

Миф о Пане — один из самых известных и заключает в себе глубокие тайны природы.

Пан (как показывает уже само имя) олицетворяет и представляет всю совокупность вещей, т. е. природу. О его происхождении существуют (да, естественно, только и могут существовать) всего два мнения: или он происходит от Меркурия, т. е. от божественного слова (что считают бесспорным и Священное писание, и те философы, которые больше, как полагают, прониклись божественной мудростью), или из беспорядочного смешения семян вещей. Ведь те, кто принимают единое начало вещей, или видят его в боге, или считают таким началом материю, утверждая в то же время разнообразие ее способностей; так что весь этот спор сводится к двум положениям: или мир происходит от Меркурия, или — от всех женихов.

Петь же он начал о том, как в пустом безбрежном пространстве
Собраны были земли семена, и ветров, и моря,
Жидкого также огня; как зачатки эти, сплотившись,
Создали все; как мир молодой из них появился [3].

Третья же версия о рождении Пана наводит на мысль, что греки, по-видимому, слышали что-то или через египтян, или откуда-то еще о таинствах евреев: ведь эта версия относится к состоянию мира не в период его рождения, а ко времени после падения Адама, когда мир стал

доступен смерти и порче. Это состояние было и остается порождением бога и греха. Таким образом, все эти три рассказа о происхождении Пана могут даже оказаться правильными, если правильно учитывать различие во времени и обстоятельствах. Ведь этот Пан, которого мы созерцаем, и наблюдаем, и более, чем следует, почитаем, происходит от божественного слова, и в то же время в его создании принимает участие нерасчлененная материя (которая, впрочем, сама была создана богом), а также вкравшиеся грех и порча. Судьбы же вещей правильно называются и изображаются как сестры их природы, ибо цепи естественных причин влекут за собой рождение, существование и гибель вещей, падение и возвышение, несчастья и удачи и, наконец, вообще любую судьбу, которая может выпасть па долю той или иной вещи.

Миру приписываются также рога. И то, что эти рога внизу шире, а у вершины острее, означает, что вся природа вещей образует своего рода заостренную пирамиду. Ведь индивидуумы бесконечны; они, в свою очередь, объединяются в многочисленные виды; виды же — в свою очередь — в роды; а эти последние, поднимаясь все выше, соединяются в более общие категории, так что в конце концов природа соединяется как бы в одной точке. Нет ничего удивительного в том, что рога Пана достигают даже неба, поскольку самое высшее в природе, т. е. общие идеи (ideae universales), некоторым образом соприкасается даже с божеством. Ведь путь от метафизики к естественной теологии весьма короток и всегда открыт.

Удивительно тонко и в то же время очень верно изображение тела природы покрытым волосами: ведь это же лучи, исходящие от вещей, а лучи — это своего рода волосы или «кудри» природы. Почти все в природе в большей или меньшей степени испускает лучи, что становится особенно ясным в способности зрения, точно так же как и во всякой способности действовать на расстоянии: ведь обо всем, что способно действовать на расстоянии, поистине можно сказать, что оно испускает лучи. Но особенно длинны волосы в бороде Пана, как лучи, исходящие от небесных тел, они действуют на особенно большом расстоянии и проникают повсюду. Да ведь и Солнце кажется нам бородатым, когда его закрывает сверху облако, а снизу пробиваются из-под облака лучи.

В высшей степени правильно и изображение тела природы обладающим двоякой формой, ибо тела высшей сферы отличны от тел низшей. Ведь первые благодаря

своей красоте, равномерности и устойчивости движения, а также своей власти над Землей и земными вещами с полным основанием изображаются в облике человека; вторые же вследствие своей беспорядочности, нестройности движения и зависимости от небесных тел вполне могут удовольствоваться образом бессловесного животного. Это же изображение тела природы олицетворяет и взаимоотношения видов. Ведь никакая природа не может рассматриваться как простая, всегда она заимствует что-то у другой и как бы сливается с ней. В самом деле, человек имеет что-то общее с животным, животное — что-то общее с растением, растение — с неодушевленным телом, и поистине все обладает двоякой формой и складывается из элементов высшего и низшего видов. Очень тонкой является также аллегория о козлиных ногах, раскрывающая восхождение земных тел к небесным областям: ведь коза — горное животное и любит взбираться на крутые скалы и почти повисать над пропастью; нечто подобное удивительным образом происходит и с вещами, принадлежащими даже к низшей сфере, что особенно ясно на примере облаков и других метеорологических явлений.

Пан держит в руках два символа — гармонии и власти. Ведь свирель из семи тростинок достаточно ясно указывает на созвучие и гармонию вещей, или согласие, переплетающееся с раздором, возникающее из движения семи планет. Посох — также прекрасная метафора, потому что пути природы могут быть то прямыми, то окольными. Эта палка или трость изогнута именно в верхней своей части, ибо почти все совершаемое в мире божественным провидением осуществляется сложными и запутанными путями, так что внешний ход событий может порой показаться противоречащим их подлинному смыслу, как, например, продажа Иосифа в Египет и тому подобное. Да и все более или менее разумные правители с большим успехом внушают и указывают народу то, что они считают нужным для него,— опять-таки не прямо, а исподволь, прибегая к различного рода уловкам и околичностям, так что всякий жезл или посох власти поистине оказывается изогнутым сверху. Остроумно изображение одежды Пана в виде накидки, сделанной из шкуры леопарда. Ведь шкура леопарда пятниста. Но и небо усеяно звездами, моря — островами, земля покрыта цветами, да и вообще почти все вещи обладают неоднородной поверхностью, которая служит для них одеждой.

Занятие же Пана нельзя, пожалуй, изобразить вернее и удачнее, чем сделав его богом охотников: ведь любое действие природы, любое движение, любое развитие есть не что иное, как охота. Действительно, науки и искусства охотятся за своими созданиями, сообщества людей преследуют свои цели, да и вообще все создания природы охотятся или за добычей ради пищи, или за удовольствиями ради отдыха, прилагая к этому все свое умение и ловкость.

...За волком гонится львица,
Волк — за козой, а коза похотливая тянется к дроку...[4]

Пан является также богом вообще всех сельских жителей, потому что эти люди живут по природе, тогда как в городах и дворцах природа уничтожается чрезмерным ростом культуры. Так что правильны слова поэта любви:

Женщина в зрелище их — самая малая часть[5].

Пана прежде всего называют господином гор, потому что в горах и на возвышенных местах раскрывается природа, становясь более доступной для созерцания и наблюдения. И уж поистине божественной аллегорией оказывается изображение Пана вторым после Меркурия вестником богов, потому что вслед за словом божиим сам образ мира является провозвестником божественного могущества и мудрости. Об этом сказал и боговдохновенный поэт: «Небеса повествуют о славе господа, и твердь небесная указует на творения рук его»[6].

Пана услаждают нимфы, т. е. души, ибо души живущих — это услада мира, а он с полным основанием считается их повелителем, ведь каждая из них следует за своей природой, как за вождем; в беспрерывном движении, в бесконечном разнообразии фигур, как бы подражая отцу, они танцуют и ведут хороводы вокруг него. Пана постоянно сопровождают сатиры и силены, т. е. старость и молодость. Ибо всему на свете выпадает возраст веселья и плясок и возраст неторопливости и пьянства; и пристрастия обоих этих возрастов, может быть, кажутся мудрому наблюдателю (как Демокриту) смешными и безобразными, подобными какому-нибудь сатиру или силену. Очень глубокий смысл заложен в рассказе о паническом страхе. Природа всему живому дала чувство страха как средство сохранения своей жизни и существования, помогающее избежать и отразить надвигающуюся опасность. Однако та же самая природа не умеет сохранить меру

и к спасительному страху примешивает всегда страхи пустые и неосновательные, так что, если заглянуть поглубже, все вокруг охвачено паническим страхом, особенно же люди, которые в огромной степени подвержены суеверию (а ведь оно есть не что иное, как панический страх), особенно в трудные, тяжелые, смутные времена.

Что же касается дерзости Пана, вызвавшего на борьбу Купидона, то смысл этого состоит в следующем: материя обладает известной склонностью, стремлением к разрушению своей формы и возвращению в первоначальный Хаос, и только более могучая сила согласия (воплощенная в Амуре, или Купидоне) сдерживает ее разрушительные порывы и заставляет подчиниться порядку. Поэтому если Пан терпит поражение в этой борьбе и удаляется побежденным, то люди и вся природа обязаны этим своей весьма счастливой судьбе. Сюда же можно в полной мере отнести и рассказ о Тифоне, пойманном в сети. Ведь всюду в природе время от времени мы можем наблюдать обширные и необыкновенные вздутия вещей (что и обозначает образ Тифона): вздуваются моря, набухают тучи, вздымается земля и т. п.; однако природа неразрывными сетями сдерживает и обуздывает такие возмущения и эксцессы, как бы сковывая их стальной цепью.

Что же касается того, что именно этот бог во время охоты обнаружил Цереру, остальным же богам это не удалось, хотя они и старательно искали и все делали для того, чтобы найти ее, то этот эпизод заключает в себе очень верный и глубокий смысл: не следует ждать открытия полезных и необходимых для практической жизни вещей от философов, погруженных в абстракции (которых можно сравнить со старшими богами), хотя они всеми силами стремятся к этому; таких открытий следует ждать только от Пана, т. е. от мудрого эксперимента и всеобъемлющего познания природы, и такие открытия происходят почти всегда случайно, как бы во время охоты.

Музыкальное же состязание и его исход дают нам разумный совет, как можно обуздать и привести в себя человеческий разум, слишком возомнивший о себе и утративший чувство здравого смысла. Ведь существуют, по-видимому, две гармонии, или музыки,— гармония божественного провидения и гармония человеческого разума. Для человеческого ума, как и для слуха смертных, божественное управление миром и тайные предначертания бога звучат как что-то грубое и как бы дисгармоничное. И хотя это человеческое невежество вполне заслуженно

символизируется ослиными ушами, однако сами эти уши обычно прячутся и не выставляются напоказ, и поэтому люди не видят этого уродства и не обращают на него внимания.

Наконец, нет ничего удивительного в том, что Пан никого не любит (исключение — его брак с Эхо). Ибо мир довольствуется самим собой и всем, что есть в нем; ведь тот, кто любит, хочет пользоваться тем, что любит, а изобилие не оставляет места стремлению. Поэтому мир не может любить никого и не может стремиться овладеть чем-то (ибо он вполне довлеет самому себе), за исключением, может быть, любви к речи; она и олицетворяется нимфой Эхо или же Сирингой, символизирующей речь более отделанную. Но среди всех видов речи одна только Эхо оказывается вполне достойной быть супругой мира. Ведь именно та философия является подлинной, которая самым тщательнейшим и верным образом передает его собственные слова и сама как бы написана под диктовку мира; она есть не что иное, как его подобие и отражение, она ничего не прибавляет от себя, но только повторяет произнесенное им. На самодовлеющее и совершенное состояние мира указывает и то, что он не имеет потомства: ведь он рождает лишь в отдельных своих частях. Ибо как бы он смог рождать в целом, если за его пределами вообще не существует тела? Что же касается той самой женщины, его предполагаемой дочери, то упоминание о ней является весьма мудрым добавлением к мифу. Она олицетворяет различные пустопорожние теории о природе вещей, в изобилии существовавшие во все времена, теории, по существу бесплодные, как бы незаконнорожденные, привлекающие иногда бойкостью своего изложения, но подчас тягостные и невыносимые.

VII. Персей, или Война

Говорят, что Персей был послан Палладой обезглавить Медузу, которая приносила неисчислимые страдания множеству народов, живших на западе, на краю Иберии. Это чудовище было столь страшным и ужасающим, что одним только видом своим обращало людей в камни. Медуза была одной из Горгон, единственной смертной среди них, тогда как остальные были неуязвимы. И вот Персей, готовясь совершить столь славный подвиг, получил от трех богов дары: крылья к ногам — от Меркурия, шлем — от Плутона и щит и зеркало — от Паллады. Но,

несмотря на такое снаряжение, он не направился прямо против Медузы, а сначала завернул к Грайям; а они были сестрами Горгон от другой матери. Эти Грайи были от рождения седыми и старыми. У них на всех был только один глаз и один зуб. Когда одной из них нужно было выйти из дому, они по очереди брали этот зуб и глаз, а вернувшись домой, вынимали их. И вот этот-то глаз и этот зуб Грайи отдали Персею. Только теперь, считая себя вполне снаряженным для свершения предстоящего подвига, он на крыльях храбро помчался к Медузе. Он напал на нее в то время, когда она спала; однако, боясь встретиться с ее взглядом, если она вдруг проснется, он, отвернувшись и глядя в зеркало Паллады, нанес удар и отрубил ей голову. Из ее крови, пролившейся на землю, сразу же родился Пегас. Отрубленную голову Медузы Персей прикрепил к щиту Паллады. Даже отрубленная, голова Медузы сохранила свою страшную силу, так что при взгляде на нее все цепенели, как пораженные громом.

Миф, как мне кажется, повествует о мудром способе ведения войны. Он предлагает три разумных и важных совета, как бы подсказанных мудростью Паллады, относительно того, как следует начинать войну и как обдуманно выбирать способ ее ведения. Во-первых, не следует слишком настойчиво стремиться к покорению соседних народов: ведь пути расширения империи не похожи на пути увеличения собственного состояния. Когда речь идет о частных владениях, имеет главное значение то, что они расположены по соседству; в деле же расширения империи соображения соседства уступают место удобству случая, легкости ведения войны и ее результатам. Во всяком случае римляне за то же самое время, в течение которого они на Западе с трудом проникли дальше Лигурии, на Востоке подчинили своему господству земли вплоть до Таврских гор. Так и Персей, хотя он и жил на Востоке, однако же ни на мгновение не поколебался предпринять долгий поход на крайний Запад. Во-вторых, следует подумать о том, чтобы причина для войны была справедлива и достойна, ибо это поднимает дух и воинов, и самих народов, на которых ложатся все издержки войны, помогает организовывать и привлекать к себе союзников, да и вообще несет с собой множество преимуществ. Нет более благочестивой причины для войны, чем свержение тирании, под гнетом которой страдает обессиленный и измученный народ, как бы оцепеневший под взглядом Медузы. В-третьих, весьма разумно говорится также, что, хотя

существовали три Горгоны (а они олицетворяют собой войны), Персей выбрал ту, которая была смертной, т. е. такую войну, которую он мог совершить и довести до победоносного исхода, не гонясь за бесплодными и неосуществимыми надеждами. Исключительно важно для ведения войны снаряжение Персея, от него зависит чуть ли не сама удача. Ведь Персей получил быстроту от Меркурия, возможность скрывать свои замыслы от Орка и предусмотрительность от Паллады. Не лишено глубокого аллегорического смысла и то, что крылья; дающие быстроту, прикреплены не к плечам, а к ногам, потому что быстрота действий требуется даже не столько при первых военных столкновениях, сколько в последующих операциях, которые должны поддержать первоначальный успех, и нет на войне более распространенной ошибки, чем неумение развивать наступление и преследование противника в том же темпе, в каком начата была операция. Точно так же представляется весьма удачным разделение мудрости (ибо смысл параболы о шлеме Плутона, делавшем людей невидимыми, весьма прозрачен), символизированное в щите и зеркале; ведь на войне необходима не только та мудрость, которая выражается в осторожности, т. е. щит, но и другая, помогающая узнать силы врагов, его передвижения и планы, т. е. зеркало Паллады. Но Персею, как бы он ни был вооружен и силен духом, прежде чем начнется война, остается исполнить еще одно во всех отношениях чрезвычайно важное дело — зайти к Грайям. Грайи же воплощают собой измены, предательство, являющиеся сестрами войн, правда не родными, а несколько более низкого происхождения. Ведь войны благородны, предательство же низко и омерзительно. Изображение их седыми и старыми уже от рождения весьма удачно и символизирует беспрерывные тревоги и страхи предателей. Сущность предательства (до тех пор пока оно не превратилось в открытую измену) может быть выражена в символических образах глаза и зуба, поскольку любая обособившаяся политическая группировка старается все подглядеть и укусить. И этот глаз, и этот зуб могут быть представлены как общие, ибо то, что им удается узнать и выведать, переходит от одного участника заговора к другому. Единственный же зуб означает, что они кусают как бы одной пастью и поют одну и ту же песню, так что если слышишь одного, то слышишь их всех вместе. Таким образом, Персею необходимо убедить этих Грай уступить ему глаз и зуб — глаз, чтобы подгля-

дывать, зуб, чтобы сеять слухи, раздувать ненависть и вызывать волнения среди людей. После того как все эти приготовления завершены, наступают сами военные действия. Он застал Медузу спящей, потому что любой благоразумный человек, начинающий войну, почти всегда нападает на врага, когда тот не готов к отпору и считает себя в безопасности. И вот теперь, наконец, нужно зеркало Паллады. Весьма многие способны перед сражением внимательно и глубоко изучить положение врага, но и во время самого сражения прежде всего необходимо зеркало, для того чтобы распознать характер опасности и не поддаться страху (что символизируется образом повернутой головы, смотрящей в зеркало). Завершение войны имеет два результата. Во-первых, рождение и взлет Пегаса, что достаточно ясно означает молву, разлетающуюся повсюду и прославляющую победу. Во-вторых, прикрепление головы Медузы к щиту: ведь никакой иной вид обороны не может сравниться с ним, потому что даже единственный выдающийся и знаменательный подвиг, счастливо завершившийся, способен парализовать все действия врагов и сделать бессильной даже саму злобу.

VIII. Эндимион, или Фаворит

Говорят, что Луна полюбила пастуха Эндимиона, и это была невиданная доселе и странная любовь, ибо тот спал в каком-то гроте на Латмийской горе, а Луна, говорят, часто спускалась с неба, целовала спящего и снова возвращалась на небо. И этот безмятежный сон не наносил никакого ущерба его состоянию, поскольку Луна сделала так, чтобы скот его тем временем тучнел и счастливо множился, так что ни у одного из пастухов не было стада более откормленного и более многочисленного.

Мне кажется, что это миф о государях, об их характерах и нравах. Ведь они, занятые своими мыслями и склонные к подозрительности, неохотно допускают в свой круг людей прозорливых, любознательных, с беспокойным умом, т. е. как бы бодрствующих; напротив, они предпочитают, скорее, людей спокойных и покладистых, готовых стерпеть все, что придет в голову государю,— людей, которые ничего не ищут и стараются показать, что они ничего не знают, ничего не замечают — словом, спят, да и вообще проявляют, скорее, слепое повиновение, а не лукавую наблюдательность. Вот с такого рода людьми государи охотно позволяют себе спуститься с высоты сво-

DESCRIPTIO HISTORIAE NATVRALIS, ET EXPERIMENTALIS, *QVALIS SVFFICIAT, ET SIT* in Ordine ad Basin, & Fundamenta Philosophiæ Veræ.

QVOD Instaurationem *nostram per partes edamus, id eò spectat, vt aliquid extra periculum ponatur. Non absimilis nos mouet ratio, vt aliam quandam Operis particulam iam in præsenti subiungamus, & cum ijs quæ supra absoluimus, vna edamus. Ea est Descriptio & Delineatio Historiæ Naturalis & Experimentalis, eius generis, quæ sit in Ordine ad Condendam Philosophiam; & complectatur Materiem probam, copiosam, & apte digestam ad Opus Interpretis quod succedit. Huic autem rei locus proprius foret, quum ad* Parasceuas *Inquisitionis ordine deuentum fuerit. Hoc vero præuertere, nec locum proprium expectare, consultius nobis videtur; quod huiusmodi Historia, qualem animo metimur, & mox describemus, res perquam magnæ sit Molis, nec sine magnis laboribus & sumptibus confici possit; vt quæ multorum opera indigeat, &*

 (vt alibi

Первая страница «Приготовления к естественной и экспериментальной истории» (издание 1620 г.)

FRANCISCI
BACONI EQVITIS
AVRATI,
Magni Angliæ Sigilli
Cuſtodis
DE SAPIENTIA
VETERVM, LIBER,
Ad Inclytam Academiam
Cantabrigienſem,
Iam recuſus.

LONDINI,
Apud IOHANNEM
BILLIVM.
Anno M.DC.XVII.

Титульный лист «О мудрости древних»
Английское издание 1617 г.

DE SAPIENTIA VETERVM.

I.
CASSANDRA, siue Parresia.

NArrant CASSANDRAM *ab Apolline adamatam fuisse, atque varijs artificijs eius desideria elusisse, spes nihilominus fouisse, quousque donum Diuinationis ab eo extorsisset; tum verò nactam quod ab initio dissimulatione suâ quæsiuisset, preces eius apertè reiecisse: Illum cum quod temerè largitus erat nullo modo reuocare posset, & tamen vindictâ arderet, nec fœminæ callidæ ludibrio esse vellet, muneri suo pœnam addidisse; vt illa quidem vera semper prædiceret, sed nemo ei crederet; itaque vaticinijs eius ve-*

Страница из «О мудрости древних»
(издание 1617 г.)

Ф. Бэкон в возрасте шести лет

его величия, как Луна со своей орбиты, снять маску (которую им приходится постоянно носить как тяжкое бремя) и вести себя попросту, считая, что с ними они могут это делать совершенно спокойно. Это особенно хорошо видно на поведении императора Тиберия, самого капризного и коварного из всех государей: у него в фаворе были только те, кто, зная его истинные склонности и поведение, упорно и едва ли не тупо делали вид, что ничего не замечают. То же самое было свойственно и Людовику XI, королю Франции, человеку очень осторожному и хитрому. Не без тонкости в мифе упоминается грот Эндимиона, ибо у тех людей, которые пользуются подобного рода милостями государей, вошло в привычку иметь уютные и укромные уголки, куда бы они могли приглашать государей спокойно отдохнуть и развлечься, освободившись от бремени своего величия. И те, кто пользуется таким расположением, живут обычно счастливо, ибо государи, хотя, может быть, и не назначают их на высокие должности, однако же искренне, а не только из соображений пользы любят их и щедро одаряют.

IX. Сестра гигантов, или Молва

Поэты рассказывают, что гиганты, порожденные Землей, пошли войной против Юпитера и богов, но были рассеяны молниями и в страхе бежали. Земля же, рассерженная гневом богов, желая отомстить за детей своих, породила Молву, последнюю сестру гигантов.

Мать-Земля, на богов разгневавшись, следом за Кеем
И Энкеладом Молву, как преданья гласят, породила... [7]

Смысл этого мифа, мне кажется, следующий: Земля здесь означает природу толпы, всегда наглой и злобной по отношению к правителям, всегда чреватой бунтом. Выждав удобный случай, она порождает мятежников и бунтовщиков, дерзко и нечестиво замышляющих потрясти и низвергнуть власть государей, а когда мятежники подавлены, та же самая плебейская природа толпы, сочувствующая негодяям и не терпящая спокойствия, порождает слухи, зловредное шушуканье, сеет панику, распространяет клеветнические книжонки и тому подобное, для того чтобы вызвать ненависть к власть имущим. Как действия мятежников, так и подстрекательские слухи имеют одну и ту же природу и происхождение, только различаются как бы по полу: если последние представляются женскими, то первые — мужскими.

X. Актеон и Пенфей, или Любопытный

Человеческое любопытство, стремление подглядеть тайну, безумное желание познать ее древние осуждают в двух мифах: в мифе об Актеоне и в мифе о Пенфее. Актеон, случайно увидевший Диану без одежды, был превращен в оленя и растерзан собственными собаками. Пенфей, который взобрался на дерево, чтобы увидеть таинства бога Вакха, был поражен безумием. Безумие Пенфея выражалось в том, что ему все вещи казались двойными, так что он все время видел два солнца, двое Фив, и всякий раз, когда он направлялся в Фивы, он тотчас же видел другие Фивы и возвращался, и так он метался то туда, то сюда в вечном и безостановочном движении.

Так же видит Пенфей Эвменид ряды в исступленье,
Солнца два в небесах и города два семивратных...[8]

Первый из этих мифов, как мне кажется, имеет в виду тайны государей, второй — божественные тайны. Ведь те, кто без позволения государей и вопреки воле последних стал причастным к их тайнам, обязательно становятся предметом ненависти государей. Поэтому, зная, что они в немилости и что только ждут случая с ними расправиться, они живут, подобно оленям, всегда в страхе и беспокойстве. Более того, нередко случается, что их слуги и домашние, желая угодить государям, доносят на них и предают их: ведь когда известна немилость государя, то обычно, сколько слуг, столько и предателей; так что таких людей ожидает участь Актеона. Несчастье Пенфея иного рода. Ведь тех, кто дерзко и безрассудно, забывая о своей смертной природе, стремится познать божественную тайну, поднявшись на вершины природы и философии (как Пенфей поднялся на дерево),— тех ожидает наказание вечного непостоянства, вечного колебания и нерешительности в суждении. Ведь так как свет природного знания — одно, а божественного — другое, с ними происходит так, как если бы они видели два солнца. А поскольку и действия жизни, и решения воли зависят от интеллекта, эти люди в равной мере нерешительны и в волевых и в мыслительных своих актах; они вообще никогда не бывают последовательны и поэтому сразу видят двое Фив. Фивы же означают цели действия и поступков (ведь дом Пенфея в Фивах). В результате они не знают, куда им направиться, не имеют четкого пред-

ставления о главном и мечутся от одного к другому, подчиняясь внезапным импульсам и беспорядочно хватаясь за частности.

XI. Орфей, или Философия

Миф об Орфее, хотя и хорошо известный, но все же еще недостаточно объясненный во всех подробностях, как мне кажется, дает образ универсальной философии (philosophia universa). Ибо личность Орфея, человека удивительного, поистине божественного, владеющего любой гармонией, умевшего сладостными мелодиями волновать и увлекать всех и вся, очень легко может быть использована как изображение философии. Деяния Орфея в такой же мере превосходят деяния Геркулеса своим величием и мощью, как творения мудрости превосходят творения силы. Орфей из любви к жене, похищенной безвременной смертью, полагаясь на свою лиру, решил спуститься к подземным богам, чтобы упросить их, и не обманулся в своей надежде. Сладостным пением и звуками струн он умилостивил и смягчил подземных владык, так что они позволили ему увести жену с собой, с тем, однако, условием, чтобы она следовала за ним, он же не должен оглядываться до тех пор, пока они не выйдут из подземного царства. И когда Орфей, несмотря на это, побуждаемый нетерпеливой любовью и заботой (когда он уже был почти у цели), все же оглянулся, договор был нарушен, и супруга его тотчас вновь была низвергнута в подземное царство. С той поры Орфей в отчаянии, возненавидя женщин, удалился в пустынные места и там такими же сладостными звуками лиры и пением сначала привлек к себе всех зверей; а те, утратив свою природу, свою дикую свирепость, не подвластные больше побуждениям похоти и ярости, не заботясь, как удовлетворить голод или как выследить свою добычу, стояли вокруг него, как в театре, добродушные и кроткие, лишь жадно вслушиваясь в звуки его лиры. Но это не все. Такова была сила и могущество музыки, что она приводила в движение даже леса и сами камни, и они тоже оставляли свои места и располагались вокруг него в чинном порядке. И вот когда все это столь счастливо и столь удивительным образом удалось ему, появились фракийские жены; возбужденные Вакхом, они наполнили все дикими хриплыми звуками рогов, и из-за этого грохота уже нельзя было больше услышать звуков его музыки. И тогда, когда ис-

чезло то, что создавало этот порядок и согласие, все пришло в замешательство и все звери вновь обрели свою природу и, как и прежде, снова набросились друг на друга; камни и леса тоже вернулись на свои места, а сам Орфей в конце концов был растерзан беснующимися женщинами, и члены его были разбросаны по земле. Геликон (река, посвященная Музам) в отчаянии и негодовании из-за его смерти скрыл под землей свои воды и уже только в других местах вновь вышел наружу.

Смысл мифа, как мне кажется, следующий. У Орфея есть две песни: одна призвана смягчить подземных богов, другая — увлечь зверей и леса. Первая очень хорошо подходит для изображения естественной философии, вторая — нравственной и гражданской. Ведь самая благородная задача естественной философии — это восстановление и укрепление всего преходящего и как частная задача от этой более общей цели — сохранение тел в свойственном им состоянии и замедление процесса разложения и гниения. Этого можно достичь (если это вообще достижимо) только соответствующим искусным управлением природой, которое мы могли бы уподобить гармонии лиры и стройному ритму. И однако же эта задача невероятно сложна, и попытки решить ее обычно кончаются неудачей, причем не по какой-нибудь иной причине, а лишь из ненужной суетливости и подстегиваемого любопытством нетерпения. Поэтому философия, чувствуя себя почти бессильной перед этой громадной задачей и потому, естественно, охваченная отчаянием, обращается к людским делам с красноречивыми наставлениями, внушая сердцам людей любовь к добродетели, справедливости и миру, побуждает народы объединиться, принять на себя ярмо законов, подчиниться власти и, покорно слушая наставления науки, забыть о необузданных аффектах. Вслед за тем поднимаются здания, возводятся города, засеваются поля, засаживаются деревьями сады, так что получает смысл и рассказ о том, как созываются и сходятся вместе камни и леса. Эта забота о гражданских делах закономерно появляется уже после настойчивых попыток возрождения смертного тела, потерпевших в конце концов неудачу; ибо неизбежность смерти, ставшая еще более очевидной, заставляет людей искать путь к бессмертию уже собственными деяниями и славой своего имени. Очень разумно говорится в мифе также и о том, что Орфею была отвратительна мысль о браке; ведь радости брака и любовь к детям очень часто отвлекают людей от великих и воз-

вышенных деяний на благо государства, и они считают достаточным, если достигнут бессмертия не своими делами, а своим потомством. Но и сами творения мудрости, хотя они и возвышаются среди прочих людских дел, все же ограничены своим временем. Ибо случается и так, что после периодов расцвета государств вдруг начинаются волнения, восстания и войны; в их грохоте законы умолкают, люди вновь обретают худшие стороны своей природы; и в деревнях, и в городах царит опустошение. А вскоре (если все эти яростные бури продолжаются), несомненно, и науки, и философия оказываются растерзанными, так что только их обломки удается найти кое-где, подобно доскам корабля после кораблекрушения; и тогда наступают времена варварства, воды Геликона скрываются под землю, до тех пор пока по прошествии должного времени и смены обстоятельств они вновь не вырвутся наружу, но, быть может, уже в других местах и у других народов.

XII. Уран, или Истоки

Поэты рассказывают, что Уран (Coelum) был самым древним из богов. Его сын Сатурн ножом отсек у него детородные части. Сам Сатурн породил многочисленное потомство, но сразу же пожирал своих детей. Только Юпитеру удалось избежать гибели, и он, когда вырос, низверг своего отца Сатурна в Тартар и захватил престол; более того, он тем же самым ножом, каким тот у Урана, отсек детородные части у отца и бросил их в море, и от этого родилась Венера. Но едва царство Юпитера упрочилось, как ему пришлось испытать две достопамятные войны. Первой была война с титанами, в которой ему огромную помощь оказал Гелиос (Солнце) — единственный из титанов, вставший на сторону Юпитера, второй — война с гигантами, которые были рассеяны молниями Юпитера; после того как они были покорены, Юпитер царствовал совершенно спокойно.

Этот миф, по-моему, является аллегорическим рассказом о происхождении вещей, весьма близким к той философии, которую позднее развивал Демокрит, яснее всех других утверждавший вечность материи и отрицавший вечность нашего мира, в чем он довольно близко подошел к истине божественного глагола, заявляющего, что материя была бесформенной до дней творения. Смысл этого мифа таков. Уран (Небо) — это тот свод, или оболочка,

которая содержит в себе материю; Сатурн же — это сама материя, которая поглощает всю производящую силу своего родителя. Сумма материи постоянно остается одной и той же, и само количество материи не увеличивается и не уменьшается. Волнения же и движения материи производят сначала несовершенные и плохо соответствующие друг другу связи вещей, своего рода эскизы миров, а уже потом с течением времени возникает это здание, которое может поддерживать и сохранять свою форму. Таким образом, первая попытка устройства мира изображается как царство Сатурна, который представлен пожирающим своих сыновей, что обозначает частые распадения связей и непродолжительное существование вещей. Второе распределение материи, вторую стадию становления мира изображает царство Юпитера, который низверг в Тартар все эти беспрерывные и внезапные изменения материи. Тартар и обозначает место беспорядочного смешения. Это место считают расположенным между нижней частью неба и глубинами земли; именно в этом промежутке сосредоточено все изменчивое, хрупкое, все смертное, все, что подвержено разложению. И в течение первого периода возникновения вещей, относящегося к царству Сатурна, Венера не родилась. Ведь до тех пор, пока в универсальной материи раздор сильнее и могущественнее согласия, изменения неизбежно происходят всюду, и даже в самом целокупном здании мира. Так вещи производились до тех пор, пока Сатурн не был оскоплен. Вслед за тем этот способ порождения сменился другим, введенным благодаря Венере: тогда созрело и приобрело силу согласие вещей, и изменения стали происходить только в отдельных частях, оставляя неизменным и незыблемым само мироздание. Рассказывают, однако, что Сатурн был низвергнут и изгнан, но не погиб и не уничтожен; поэтому, по мнению Демокрита, мир может снова впасть в первоначальное состояние хаоса и безвластия, чего, кстати, Лукреций боялся для своего времени:

Да отвратит испытанье такое судьбины кормило!
И не на деле уж лучше уверимся мы, а рассудком,
Что уничтожиться всё с ужасающим грохотом может [9].

И даже тогда, когда мир установился во всей своей массе и силе, все же вначале не было еще покоя. Потому что последовали значительные сдвиги в небесных сферах, остановленные, однако, силой солнца, господствующего на небе, с тем чтобы мир сохранил устойчивое состояние.

А затем то же самое произошло и на земле: когда наводнения, бури, ураганы, землетрясения улеглись, наступил наконец более длительный и более спокойный и мирный период согласия вещей. Но об этом мифе можно говорить по-разному: можно утверждать, что миф этот имеет философское содержание, и, наоборот, можно сказать, что философия заключает в себе миф. Ведь, согласно вере, мы знаем, что все это не что иное, как пророчества, уже давно утратившие свой смысл, ибо и материя, и строение мира на самом деле суть творения создателя.

XIII. Протей, или Материя

Поэты рассказывают, что Протей был пастухом у Нептуна, что он был стариком и обладал пророческим даром; предсказателем же он был замечательным, как говорят, «трижды великим». Ибо знал он не только будущее, но и прошлое, и настоящее, так что помимо предсказания будущего он знал все, что случилось в прошедшем, и все тайны настоящего. Жил он в огромной пещере. У него было обычаем около полудня пересчитывать свое стадо тюленей и только потом засыпать. Тот, кто хотел воспользоваться его помощью в каком-нибудь деле, мог добиться этого единственным путем: связав его и сковав цепями. А Протей, чтобы освободиться, превращался в разнообразные и удивительные формы — в огонь, воду, зверей, пока, наконец, не возвращался в свой первоначальный облик.

Смысл мифа, как мне кажется, касается глубочайших тайн природы и свойств материи (conditiones materiae). В лице Протея изображается материя, древнейшее из всего сущего после бога. Материя располагается под сводом неба, как бы под сводом пещеры. Протей — раб Нептуна, потому что всякое действие и всякое распределение происходят в жидком состоянии. Скот же, или стадо Протея, как мне кажется, есть не что иное, как виды животных, растений, минералов, в которых материя как бы разливается и тратит себя, так что, после того как она завершает создание этих видов (как бы исполнив свою работу), она спокойно засыпает и уже, по-видимому, больше не пытается создать другие виды. Это как раз и означает пересчет стада Протеем и наступающий за ним сон. Все это происходит в полдень, а не утром или вечером, т. е. когда наступает подходящее, как бы законное время для создания и формирования видов из должным образом под-

готовленной и предрасположенной материи; время это приходится на период между их первыми зачатками и их упадком. Мы достаточно хорошо знаем из священной истории, что материя находилась в таком состоянии как раз перед самым моментом творения; тогда-то в силу того божественного глагола «Да произведет!» материя по воле создателя, а не собственными кружными путями внезапно слилась воедино и, до конца доведя свое дело, установила виды. На этом миф завершает повествование о свободном и несвязанном Протее и его стаде. Ибо Вселенная с ее естественными структурами и системами видов есть облик материи несвязанной, свободной — так сказать, стада материальных творений. Тем не менее, если какой-нибудь опытный служитель природы применит насилие к материи и начнет мучить и терзать ее, будто он поставил своей целью уничтожить ее, то материя в свою очередь (поскольку уничтожение или подлинная гибель материи может совершиться только всемогущим господом), оказавшись в столь затруднительном положении, претерпевает удивительные превращения, принимает различные образы, переходя от одного изменения к другому, до тех пор пока не совершит весь круговорот и не возвратится в прежнее состояние, если только продолжает испытывать воздействие этой силы. Способ связывания, или обуздания, материи при этом более легок и удобен, когда материя заключается в наручники, т. е. в свои крайние пределы. Рассказ же о том, что Протей был предсказателем и знал настоящее, прошедшее и будущее, прекрасно согласуется с природой материи. Ведь для того чтобы познать претерпевания и процессы материи, необходимо понимание в целом всего сущего — и того, что было, и того, что есть, и того, что будет, хотя бы знание это и не распространялось на отдельные частности.

XIV. Мемнон, или Скороспелый

Поэты говорят, что Мемнон был сыном Авроры. Он носил прекрасные доспехи, его прославляла народная молва. Придя к стенам Трои, он, горя нетерпеливым желанием великих подвигов, вступил в поединок с Ахиллом, храбрейшим из греков, и пал от его руки. Юпитер, скорбя о нем, послал птиц, чтобы они беспрерывными заунывными кликами сопровождали его похороны. Говорят также, что его статуя, когда ее озаряли лучи восходящего солнца, издавала жалобный стон.

Мне кажется, что миф рассказывает о несчастных исходах великих надежд юношества. Ведь они подобны сыновьям Авроры: чванясь пустой видимостью и чисто внешними вещами, они часто дерзают на то, что превосходит их силы, идут на могучих героев, вызывают их на бой и гибнут в неравной борьбе. Их смерть всегда вызывает безграничную скорбь, ибо нет ничего печальнее среди человеческих судеб, чем безвременно скошенный цвет доблести. Ведь молодость их оборвалась, они не насытились жизнью и еще не возбудили к себе зависти, которая была бы способна смягчить скорбь кончины или умерить сострадание. Более того, не только вокруг их погребальных костров, подобно этим зловещим птицам, летают стенания и плач; нет, эта печаль и скорбь длятся и дальше; и особенно остро возрождается тоска по ним, когда начинаются новые движения, когда замышляются великие деяния, подобные утренним лучам солнца.

XV. Титон, или Пресыщение

Изящный миф существует о Титоне. Его любила Аврора, которая, желая вечно быть с ним, попросила Юпитера, чтобы Титон никогда не умирал, но по женскому легкомыслию она забыла попросить также и о том, чтобы он никогда не состарился. Итак, он был избавлен от смерти, но его настигла страшная и жалкая старость, как это естественно должно было случиться с тем, кому отказано в смерти, а сам он с годами все больше и больше дряхлел. В конце концов Юпитер, сжалившись над его жалкой судьбой, превратил его в цикаду.

Этот гениальный миф представляется мне аллегорическим изображением наслаждения. Оно сначала (как бы на заре жизни) так приятно, что люди желают, чтобы эти радости никогда их не покидали и были бы вечными, забыв о том, что пресыщение и отвращение незаметно подкрадываются к ним, подобно старости. И наконец, когда люди уже физически не могут получать наслаждения, а желание и страсти продолжают жить в них, они обычно утешаются лишь разговорами и воспоминаниями о том, что в молодости доставляло им наслаждение. Мы видим это на примере двух категорий людей — сластолюбцев и военных. Первые любят рассказывать непристойности, вторые — перечислять свои былые подвиги, подобно цикадам, вся сила которых заключена только в голосе.

XVI. Жених Юноны, или Непристойность

Поэты рассказывают, что Юпитер, желая овладеть тем или иным предметом своей любви, принимал различные облики: быка, орла, лебедя, золотого дождя. Добиваясь же любви Юноны, он принял облик самый недостойный, вызывающий презрение и насмешки: он превратился в жалкую кукушку, мокрую, трясущуюся от дождя и непогоды, еле живую.

Это мудрый и нравственно глубокий миф. Смысл же его таков: люди не должны слишком любоваться собой, полагая, что их достоинства могут сделать их приятными и дорогими каждому. Ведь все зависит от природы и нравственного облика тех, за кем они ухаживают и кому хотят понравиться: если это люди, не отмеченные сами никакими талантами и достоинствами, а лишь наделенные заносчивым и злобным нравом (то, что представлено в образе Юноны), то — да будет известно таким женихам — им необходимо полностью отрешиться от всех тех своих черт, которые несут в себе хоть малейший намек на достоинство и красоту, и они глубоко ошибаются, если выбирают какой-либо иной путь. И здесь мало одного лишь отвратительного угодничества: они ничего не достигнут до тех пор, пока не превратятся во что-то совершенно отталкивающее и мерзкое.

XVII. Купидон, или Атом

То, что поэтами рассказано о Купидоне, или Амуре, собственно, не может быть отнесено к одному и тому же лицу. Все же это расхождение таково, что можно, не смешивая этих персонажей, говорить об их сходстве. Рассказывают, что Амур был самым древним из богов и даже из всех вещей, за исключением Хаоса, который изображается его ровесником. Однако древние никогда не причисляли Хаоса к числу богов и не называли его богом. У этого Амура вообще не было родителей; правда, некоторые говорят, что он родился из яйца, порожденного Ночью. Сам же он из Хаоса произвел и богов, и все сущее. У него четыре атрибута: он вечный младенец, он слепой, нагой, вооружен стрелами. Был и другой Амур, самый младший из богов, сын Венеры, на которого переносили атрибуты более старшего и на которого он был вообще чем-то похож.

Миф рассказывает о самой колыбели, самих истоках природы. Этот Амур, как мне кажется, есть стремление,

или побуждение, первичной материи, или, чтобы яснее выразиться, *естественное движение атома.* Ведь это та самая сила, первоначальная и единственная, которая создает и формирует из материи все сущее. Она вообще не имеет родителя, т. е. не имеет причины, ибо причина — это как бы родитель следствий, а у этой силы вообще не может быть в природе никакой причины (мы не говорим здесь о боге). Ведь нет ничего, что было бы раньше ее самой, следовательно, никакого производящего начала; нет ничего более близкого природе — следовательно, ни рода, ни формы. Поэтому, какова бы она ни была, она положительна и невыразима (surda). И даже если возможно познать способ ее существования (modus) и ее движение (processus), она тем не менее не может быть познана через причину, так как, являясь после бога причиной причин, она сама не имеет причины. И быть может, не следует надеяться, что человеческое познание полностью охватит ее, поэтому полное основание имеет упоминание о яйце, порожденном Ночью. По крайней мере святой философ заявляет так: «Все он сделал прекрасным в свое время и передал мир на их суд, хотя человек не может постигнуть дел, которые бог творит от начала до конца» [10]. Ведь общий закон природы, или сила этого Купидона, приданная богом первичным частицам вещей, которая собирает их вместе и, повторяясь и умножаясь, производит все разнообразие вещей,— этот общий закон может лишь коснуться мышления смертных, но едва ли может быть схвачен им. Философия греков, внимательная и проницательная в исследовании материальных начал вещей, в исследовании начал движения (в которых заключена сила всякого действия), оказывается небрежной и бессильной. Ну а в той области, о которой мы говорим здесь, она оказывается и вовсе слепой и не может произнести ни одного внятного слова, ибо мнение перипатетиков о *лишении* как *стимуле материи* по существу не идет дальше слов и, скорее, называет явление, чем объясняет его. Те же, кто все это относит к богу, поступают, конечно, прекрасно, но они поднимаются к цели одним скачком, а не постепенно, шаг за шагом. Ведь несомненно, единственный и общий закон, которому подчиняется природа, является субститутом бога; это тот самый закон, о котором в только что цитированном тексте говорится словами: «Содеянное богом от начала до конца». Демокрит же, который глубже рассматривает предмет, наделяет атом определенными размерами и формой и приписывает ему

только этого Купидона, или первоначальное движение — простое и абсолютное и вторичное — относительное. Ведь он, собственно, считал, что все движется к центру мира; и то, что обладает бо́льшим весом, движется к центру быстрее и, сталкиваясь с тем, что обладает меньшим весом, отбрасывает его и толкает в противоположном направлении. Однако эта теория слишком узка и неприменима ко многим случаям. Ведь, по-видимому, ни круговое движение небесных тел, ни сжатие и расширение объемов не могут быть подведены под этот принцип. Мнение же Эпикура об отклонении атома и произвольном движении — это чистейшие пустяки, оно свидетельствует о незнании предмета. Поэтому слишком верно (больше, чем нам хотелось бы), что этот Купидон окутан ночью.

А теперь рассмотрим его атрибуты. Изящно изображение Купидона в виде вечного крохотного младенца: ведь вещи сложны и велики и имеют возраст; первоначальные же семена вещей, т. е. атомы, малы и остаются в вечном младенчестве. Очень верно и то, что он изображается обнаженным, ибо все сложное для правильно мыслящего представляется как бы замаскированным и одетым и, строго говоря, ничто не является обнаженным, кроме первоначальных элементов вещей. Очень мудрая аллегория заключена в слепоте Купидона. Ведь этот Купидон (каким бы он ни был), по-видимому, почти совсем лишен способности предвидения и продвигается вперед, следуя тому, на что он наталкивается, на ощупь, как это обычно делают слепые. И тем удивительнее высшее божественное провидение, поскольку из вещей, полностью лишенных способности предвидения и как бы слепых, оно, однако, по определенному судьбой закону создает весь этот прекрасный порядок мира. Наконец, Купидон вооружен стрелами, т. е. сила его такова, что действует на расстоянии. А все, что действует на расстоянии, представляется как бы пускающим стрелы. Ведь всякий, кто признает атом и пустоту (хотя бы он и считал эту пустоту смешанной с атомами, а не существующей отдельно), неизбежно должен признать силу атома, действующую на расстоянии, ибо если исключить такую силу, то невозможно было бы никакое движение (из-за пустоты, разделяющей их) и все оставалось бы в полной неподвижности и оцепенении. Что же касается того, младшего Купидона, то вполне закономерно он считается самым младшим из богов, так как он не мог обрести силу, до того как были установлены виды. В его изображении аллегория носит

уже моральный характер. Но есть, однако, и определенное сходство его с древним Купидоном. Венера возбуждает стремление к соединению и порождению потомства вообще; Купидон же, ее сын, внушает этот аффект индивидууму. Таким образом, Венера дает общее влечение, Купидон же возбуждает более конкретное чувство симпатии; первое исходит из более близких причин, второе — из принципов, более глубоких и фатальных и как бы от того древнего Купидона, от которого зависит любая тончайшая симпатия.

XVIII. Диомед, или Фанатик

Паллада побуждала своего любимца Диомеда, пользовавшегося великой, исключительной славой, ни за что не щадить Венеру, если он встретится с ней в сражении. Он, и сам готовый к этому, повиновался ей, ранив Венеру в правую руку. Некоторое время этот проступок его оставался безнаказанным, и он, покрытый славой своих деяний, вернулся на родину. Дома ему пришлось испытать немало бед, и он бежал на чужбину, в Италию. Там вначале также все шло достаточно благополучно: он пользовался щедрым гостеприимством царя Давна, получал от него богатые дары, по всей стране были воздвигнуты его статуи. Но первое же несчастье, обрушившееся на народ, среди которого он нашел приют, сразу же заставило Давна подумать о том, что он привел под свой кров человека нечестивого, ненавистного богам, вступившего в борьбу с ними, напавшего с оружием и ранившего богиню, само прикосновение к которой было бы святотатством. Поэтому, чтобы освободить свою родину от скверны, он, презрев закон гостеприимства, ибо закон религии представлялся ему важнее, неожиданно убивает Диомеда, уничтожает его статуи и отменяет все оказываемые ему почести. Никто не смел даже выразить сочувствие столь печальному исходу, а сподвижники и друзья его за то, что они оплакивали смерть своего вождя и все наполняли своими стенаниями, были превращены в каких-то птиц вроде лебедей, которые перед своей смертью издают нежные жалобные звуки.

Предмет этого мифа редкий и чуть ли не единственный в свом роде. Ведь ни в одном другом мифе не говорится, чтобы кто-либо из героев, кроме Диомеда, с оружием в руках нападал на кого-либо из богов. Во всяком случае мне представляется, что этот миф рисует в лице

Диомеда судьбу и образ человека, открыто провозглашающего целью всех своих действий преследование силой оружия и насильственное уничтожение какого-либо культа или какой-нибудь религиозной секты, хотя бы даже пустой и незначительной. И хотя древним были неизвестны кровавые религиозные распри (ибо языческим богам не знакомо религиозное рвение, являющееся атрибутом истинного бога), однако мудрость прошлого оказывается столь глубокой и всеобъемлющей, что то, чего они не знали на опыте, они постигали силой своего мышления и воображения. И вот те, кто стремится не исправить и убедить силой разума и науки, святостью образа жизни, весомостью примеров и авторитета какую-то религиозную секту, хотя бы и пустую, извращенную и бесславную (то, что изображается в образе Веперы), а огнем и мечом, жестокими казнями желают уничтожить и истребить ее,— те, вероятно, побуждаются к этому Палладой, т. е. некоей жестокой мудростью и суровостью суждения, которые помогают им вскрыть обманчивость и лживость такого рода заблуждений; ими движет ненависть к неправому делу и похвальное рвение. На время они достигают громкой славы, и толпа (для которой не может быть приемлема никакая умеренность) прославляет и чуть ли не обожает их как единственных защитников истины и религии (тогда как остальные кажутся ей нерешительными и трусливыми). Однако слава эта и счастье редко длятся до конца; ведь почти всякое насилие, если даже из-за превратности вещей и избежит скорой гибели, в конце концов терпит поражение. Так что, если случится обстоятельствам измениться и эта секта, подвергавшаяся преследованиям и гонениям, вновь обретет силы и поднимется на борьбу, тогда-то рвение подобных людей и их настойчивость становятся предметом осуждения, само имя их вызывает ненависть, и все былые их почести сменяются презрением. А то, что Диомед был убит своим другом и гостеприимцем, указывает на то, что религиозные раздоры порождают коварство и предательство даже среди самых близких друзей. Рассказ же о том, что не позволяли даже оплакать его гибель и подвергали за это наказанию, напоминает нам, что почти каждое преступление оставляет место для людского сострадания, так что даже те, кто с негодованием осуждает само преступление, тем не менее из человеколюбия жалеют самих преступников и сочувствуют их участи, ибо самое страшное несчастье — лишиться сострадания и сочувствия. Однако, когда речь

идет о преступлениях против религии, об обвинениях в нечестивости, даже выражение сочувствия таким людям встречается с осуждением и подозрением. С другой стороны, стенания и плач сподвижников Диомеда, т. е. людей, принадлежащих к той же самой секте, придерживающихся тех же самых взглядов, бывают волнующими и как бы сладкозвучными, как песни лебедей, птиц Диомеда. И здесь мы находим замечательную и умную аллегорию: слова осужденных на казнь за религиозные убеждения, произнесенные перед смертью, подобно лебединой песне, поразительно волнуют сердца людей и глубоко и навечно западают в их душу.

XIX. Дедал, или Механик

В лице Дедала, человека замечательно талантливого, но и гнусного, древние изобразили и мудрость механического искусства, и все то недозволенное и преследующее дурные цели, что существует в этом искусстве. Дедал за убийство своего соученика и соперника жил в изгнании, но его всюду любезно принимали и цари, и города, и он своим гением создал там множество замечательных произведений во славу богов и для украшения и великолепия городов и общественных мест; особенно же известно его имя благодаря дерзким и запретным его творениям. Ведь именно он воздвиг сооружение, позволившее Пасифее удовлетворить ее похоть и сойтись с быком, так что несчастное и позорное рождение этого чудовища — Минотавра, пожиравшего благородных юношей, обязано преступному мастерству и гибельному таланту этого человека. Он же, покрывая и увеличивая одно зло другим, для охраны этой чумы придумал и выстроил лабиринт — сооружение, омерзительное и нечестивое по своему назначению и в то же время изумительное и великолепное по мастерству. Позднее, чтобы не быть известным лишь злыми делами и создавать не только орудия преступления, но и средства против них, он дал гениальный совет воспользоваться нитью, для того чтобы выбраться из извилин лабиринта. Минос очень строго и настойчиво преследовал этого Дедала, тот же постоянно находил средства уйти от преследований и скрыться. В конце концов он научил своего сына Икара искусству летать, а тот, еще неопытный, желал похвастаться своим искусством и упал с неба в море.

Смысл этой параболы таков. В самом начале ее говорится о том, что́ всегда поджидает замечательных масте-

ров и удивительным образом господствует над ними,— о зависти: ведь нет ни одной категории людей, которая бы сильнее, чем они, страдала от острой, буквально убийственной зависти. За этим следует упоминание о роде наказания, столь неразумно и непредусмотрительно примененного к нему: Дедал был осужден на изгнание. Но ведь у мастеров есть то замечательное преимущество, что почти все народы принимают их с распростертыми объятиями, так что для замечательного мастера изгнание едва ли является наказанием. Люди, принадлежащие к другим группам и сословиям общества, не легко могут занять достойное положение за пределами своей родины; мастера же и художники пользуются всеобщим восхищением у иноземцев, потому что людям присуще в делах ремесла и техники своих соотечественников всегда ценить меньше, чем иностранцев. Очень ясен смысл и всего последующего, где говорится о применении искусств механики: ведь человеческая жизнь многим им обязана, ибо из их сокровищ складывались в значительной мере и обряды религии, и благоустройство гражданской жизни, и, наконец, вся материальная культура; но из того же источника рождаются и орудия похоти, и даже орудия смерти. Если даже не говорить о ремесле сводников, нам прекрасно известно, что все эти утонченнейшие яды, военные орудия и тому подобная мерзость (обязанные своим существованием механическим изобретениям) своей жестокостью и гибельными последствиями намного превосходят самого Минотавра. Великолепна и аллегория лабиринта, изображающая общую природу механики. Ведь все эти хитроумные и тщательно изготовленные произведения механического искусства могут считаться чем-то вроде лабиринта по тонкости работы, исключительной сложности их конструкции и видимому согласию частей, что делает их недоступными для суждения и позволяет разобраться в них лишь с помощью нити опыта. Не менее удачно и упоминание о том, что тот же самый человек, который придумал лабиринт с его извилинами, указал и нить спасения: ведь механические искусства могут приводить к противоположным результатам, могут и приносить вред, и находить средство исправить его, ибо в их силах развеять свои собственные чары. Недостойные изобретения, а заодно и сами искусства довольно часто преследуются Миносом, т. е. законами, которые осуждают их и запрещают людям пользоваться ими. Тем не менее они продолжают существовать тайно, всюду находя себе при-

бежище, где они могут укрыться, что правильно отмечено Тацитом для своего времени и сходных обстоятельств, когда он говорит о математиках и предсказателях: «Эта категория людей в нашем государстве всегда будет существовать и всегда будет вне закона». Однако же эти недостойные и запретные искусства с течением времени, поскольку они почти всегда не могут выполнить того, что обещают, подобно падению Икара с неба, теряют уважение к себе, вызывают презрение и погибают из-за чрезмерного хвастовства. Во всяком случае, если вообще говорить правду, не так уж успешно сдерживает их узда законов, а гораздо чаще их изобличает собственное тщеславие.

XX. Эрихтоний, или Обман

Поэты повествуют, что Вулкан покушался на честь Минервы и, охваченный страстью, пытался совершить насилие и что во время борьбы семя его пролилось на землю и из него родился Эрихтоний, верхняя часть тела которого была прекрасна и изящна, нижняя же часть напоминала тело змеи, была жалкая и безобразная. Сознавая сам свое безобразие, он первым изобрел колесницу, чтобы иметь возможность показать то, что есть прекрасного в его теле, и спрятать то, что безобразно.

Смысл этого удивительного и чудовищного мифа, по-видимому, следующий: искусство, представленное в лице Вулкана, поскольку он имеет дело с огнем, как бы оно ни пыталось, всячески терзая тела, совершить насилие над природой, стараясь победить ее и поработить (а природа изображается в лице Минервы, ибо она искусна в разных работах), редко достигает желанной цели; однако в ходе всех этих многочисленных ухищрений и хитроумных попыток (как бы во время борьбы) случайно появляются несовершенные творения, неудачные произведения, внушительные с виду, но слабые и ненадежные в употреблении; однако обманщики выставляют это напоказ, выдумывают об этом всяческие небылицы и чувствуют себя триумфаторами. Подобные вещи часто можно встретить и в деятельности химиков, и у создателей всяких хитрых механических изобретений, особенно тогда, когда люди прежде всего стремятся во что бы то ни стало добиться своей цели и, не желая освободиться от своих заблуждений на этом пути, скорее, борются с природой, чем добиваются ее объятий должным почтением и вниманием.

XXI. Девкалион, или Возрождение

Поэты рассказывают, что, когда всемирный потоп совершенно уничтожил всех жителей древней земли и остались только Девкалион и Пирра, горевшие благочестивым и достохвальным желанием восстановить человеческий род, они получили такое предсказание: желание их исполнится, если они возьмут кости матери и будут бросать их за спину. Это предсказание поначалу ввергло их в великую печаль, и у них пропала всякая надежда: ведь после того, как потоп сравнял всю поверхность земли, искать гробницу было совершенно бесполезно; но наконец они поняли, что оракул указывает на камни земные (ибо земля считается всеобщей матерью).

Миф, как мне представляется, раскрывает тайну природы и исправляет свойственное человеческому уму заблуждение; ведь человек по своему невежеству считает возможным восстановить или возродить вещи из их же праха и останков (подобно тому как Феникс возрождается из собственного пепла), тогда как подобного рода материи уже завершили путь своего существования и совершенно не годятся для воссоздания самих вещей. Поэтому нужно отступить к более общим началам.

XXII. Немезида, или Превратность вещей

Говорят, что Немезида была богиней, которую почитали все, а владыки и счастливцы даже боялись. Она, говорят, была дочерью Ночи и Океана. Изображалась она следующим образом: с крыльями, с венком на голове, в правой руке у нее ясеневое копье, в левой — чаша, украшенная изображением эфиопов, и восседает она на олене.

Парабола представляется мне следующей: само имя Немезиды достаточно ясно указывает на возмездие или воздаяние, ибо обязанность этой богини и все ее действия сводились к тому, чтобы, подобно народному трибуну, препятствовать устойчивому и надежному благополучию счастливых людей и накладывать свое veto; и она преследовала не только недостойных: удачи и благополучие людей честных и скромных она чередовала с несчастьями, как бы показывая, что смертный может быть допущен на пиры богов только в насмешку. Во всяком случае, читая у Гая Плиния ту главу, где он говорит о Цезаре Августе,— а я считал его счастливейшим человеком в мире, обладавшим даже каким-то особым искус-

ством пользоваться и наслаждаться счастьем, характеру которого были совершенно чужды надменность, пустота, слабость, нерешительность, меланхолия,— и перечисляет все его несчастья и неудачи, такие, что он однажды решил покончить с собой, я прихожу к убеждению, что это действительно великая и могущественная богиня, если у ее алтаря была принесена такая жертва. Родителями этой богини были Океан и Ночь, т. е. превратность вещей и темное, скрытое от всех божественное суждение: ведь Океан с его беспрерывными приливами и отливами очень удачно олицетворяет превратность вещей, а Ночь вполне естественно становится изображением тайны провидения. Ведь даже у язычников эта ночная Немезида пользовалась уважением, поскольку им было известно, что суд человеческий отличен от суда божественного:

Пал и Рифей, что всегда справедливейшим слыл среди тевкров,
Следуя правде во всем (но иначе боги судили) [11].

Немезида изображается крылатой — это означает внезапные, непредвиденные заранее перемены судьбы, ибо на протяжении чуть ли не всей истории случалось так, что великие и мудрые люди всегда погибали от несчастий, угрозой которых они более всего пренебрегали. Так, М. Цицерон, получив от Децима Брута предупреждение о том, что Цезарь Октавий — человек не очень надежный и искренний и считает себя глубоко уязвленным, ответил лишь следующее: «Я люблю тебя, Брут, как дóлжно за то, что ты захотел поставить меня в известность об этих пустяках, как бы незначительны они ни были». Изображаемый на голове Немезиды венок указывает на завистливую и злорадную природу толпы: ибо, когда люди, могущественные и счастливые, терпят крах, это вызывает ликование толпы, и она венчает Немезиду. Копье же в правой руке указывает на тех, кого Немезида поражает и пронзает. Кого же она не казнит бедствиями и несчастьями, тем она, однако, показывает это мрачное и зловещее видение в левой руке: перспективу смерти, даже если они находятся на вершине удачи, болезни, несчастья, предательства друзей, козни врагов, превратность вещей и т. д., подобные этим эфиопам на чаше. Во всяком случае Вергилий, описывая битву при Акции, вставляет тонкое замечание о Клеопатре:

Войску знак подает царица египетским систром
И за спиной у себя не видит змей ядовитых [12].

Но лишь немного спустя, куда бы она ни обратилась, она видела перед собой целые полчища эфиопов. И наконец, весьма мудро говорится, что Немезида восседает на олене, потому что олень очень долговечное животное; и случается так, что тот, кто в молодости погибает волею судьбы, тот предупреждает и избегает Немезиду; кому же дается длительное счастье и могущество, тот без сомнения вверяется Немезиде и как бы распростерт перед ней.

XXIII. Ахелой, или Битва

Древние рассказывают, что, когда Геркулес и Ахелой добивались руки Деяниры, дело дошло до поединка. Ахелой принимал множество разных обличий (он обладал такой способностью) и наконец предстал перед Геркулесом в образе страшного, храпящего, готового к бою быка. Геркулес же напал на него в своем обычном человеческом облике. Началась битва, которая кончилась тем, что Геркулес сломал один из рогов у быка, и тот, испытывая сильную боль, напуганный этим, чтобы получить назад свой рог, отдал Геркулесу в обмен на него рог Амалфеи, или рог изобилия.

Этот миф говорит о военных предприятиях. Подготовка к оборонительной войне (которая олицетворяется Ахелоем) весьма сложна и многообразна. Ведь для того, кто вторгается в чужую землю, достаточно одной простой вещи — только войска или, может быть, флота. Страна же, которая ждет врага на своей собственной земле, должна вести бесконечно многообразную и сложную подготовку; укрепляются одни крепости, другие срываются; народ из сел и деревень переселяется в города и крепости; одни мосты наводятся, другие разрушаются; собираются и распределяются запасы и продовольствие; работа кипит на реках, в портах, на холмах и в долинах, в лесах и во многих других местах, так что земля ежедневно как бы надевает и примеряет новые облики, и наконец, когда она уже в изобилии снабжена всем необходимым, она живо напоминает грозного, готового к битве быка. Тот же, кто совершает вторжение, прежде всего стремится завязать сражение и все свои силы направляет на это, боясь, что на вражеской земле ему может угрожать нехватка припасов и снаряжения, и если ему удается, вступив в сражение, выйти из него победителем и, так сказать, сломать рог врагу, то за этим, без сомнения, следует отступление охваченного паникой и упав-

шего духом противника в более укрепленные места, для того чтобы оправиться от поражения и собраться с силами; он оставляет победителю на разграбление города и целые области, что поистине можно считать рогом Амалфеи из этого мифа.

XXIV. Дионис, или Страсть

Рассказывают, что возлюбленная Юпитера Семела, добившись от него нерушимой клятвы исполнить любое ее желание, попросила его явиться к ней на свидание в том же самом облике, в каком он является к Юноне, и поэтому погибла, не выдержав его сияния. Ребенка же, которого она носила во чреве, принял отец, зашил в собственное бедро и сам носил необходимое для его рождения время. Из-за этого Юпитер немного прихрамывал, а мальчик за то, что причинял боль Юпитеру и колол его, когда тот носил его в бедре, получил имя Диониса [13]. В течение нескольких лет после рождения он воспитывался у Прозерпины и, когда подрос, имел весьма женственный облик, так что даже трудно было определить, к какому полу он принадлежит. Потом он умер и был погребен, но вскоре воскрес. В ранней юности он первым создал искусство виноградарства и научил других изготовлять вино и пить его. Это принесло ему великую славу, и он подчинил себе весь мир, вплоть до дальних пределов Индии. Он ездил на колеснице, запряженной тиграми, а вокруг него бежали, пританцовывая, безобразные демоны — Кобал, Акрат и прочие; но и Музы присоединялись к его свите. В жены он взял Ариадну, покинутую и оставленную Тезеем. Священным деревом его был плющ. Он считался также создателем обрядов и церемоний, отличавшихся, однако, оргиастическим характером, разнузданностью и порой жестокостью. Он обладал также силой насылать приступы безумия. Так, во время его оргий женщины в припадке безумия растерзали, как говорят, двух знаменитых мужей — Пенфея и Орфея: первого — в то время как он, забравшись на дерево, хотел посмотреть, что происходит на оргиях; второго — когда он играл на лире. Иногда деяния этого бога смешивают с деяниями Юпитера.

Смысл мифа, как мне кажется, моральный, и, пожалуй, трудно найти что-нибудь лучшее во всей моральной философии. В образе Вакха изображается природа страсти, т. е. аффектов и волнений души. Ведь матерью вся-

кой страсти, даже самой опасной, является не что иное, как влечение и жажда кажущегося блага: страсть всегда возникает в недозволенных желаниях, которым предаются прежде, чем обдумают и оценят их. А уже после того, как аффекты начинают бушевать, их мать (т. е. природа блага) разрушается и гибнет от невыносимого жара. Страсть же, пока она еще незрела, вскармливается и скрывается в человеческой душе (которая является ее родителем и представлена Юпитером), главным образом в низшей ее части (как в бедре); она колет, раздражает, угнетает дух, мешает его действиям и решениям, и они как бы хромают. И даже тогда, когда она, не встречая противодействия, с течением времени окрепнет и выльется в действие, она, однако, еще некоторое время воспитывается у Прозерпины, т. е. ищет себе убежище, остается тайной, как бы скрываясь под землей до тех пор, пока не сбросит с себя узду стыда и страха и, призвав на помощь дерзость, не постарается либо выдать себя за какую-нибудь добродетель, либо пренебречь даже самим позором. Удивительно верной является мысль о том, что всякий более или менее сильный аффект похож на существо, имеющее признаки обоих полов, ибо он всегда несет в себе и мужскую настойчивость, и женскую слабость. Великолепен также и образ воскресения Вакха после смерти. Ведь аффекты иной раз кажутся уснувшими и мертвыми, но ни в коем случае нельзя этому верить, даже если они погребены, потому что, если представится повод и удобный случай, они воскресают вновь.

И парабола об открытии виноградарства несет в себе большой смысл: ведь всякая страсть удивительно изобретательна и ловка в поисках пищи для себя. Но из всего, что известно людям, ничто не возбуждает сильнее и действеннее, ничто не воспламеняет так всякого рода волнения, как вино. Да и вообще оно разжигает все страсти. Очень удачно изображение аффекта как покорителя чужих земель, предпринимающего бесконечно дальний поход. Ведь страсть нигде не может успокоиться, но, подстрекаемая беспредельным и ненасытным желанием, стремится все дальше и жаждет нового. Страстям сопутствуют тигры и даже впрягаются в их колесницу: ведь после того, как страсть взбирается на колесницу и перестает ходить пешком, превращаясь в победителя и триумфатора, она становится жестокой, неукротимой и безжалостной по отношению ко всему, что ей противоре-

чит или борется с ней. Остроумно и выведение пляшущих вокруг колесницы смешных демонов. Ведь любой аффект порождает во взгляде, в самом выражении лица и во всех движениях человека нечто нелепое, недостойное, суетливое и безобразное, и если иному кажется, что он великолепен и величествен в каком-нибудь аффекте (например, в гневе, возмущении, любви), то всем другим он представляется безобразным и смешным. В свите страсти мы видим и Муз. Ведь, пожалуй, нельзя найти почти ни одной страсти, которая бы не имела своих ученых хвалителей. И здесь снисходительность писателей нанесла ущерб величию Муз, которые вместо того, чтобы быть проводниками на жизненном пути, становятся прислужницами страстей.

Но особенно замечательна аллегория Вакха, полюбившего ту, которая была покинута другим. Ведь твердо известно, что страсть добивается и стремится к тому, что уже отвергнуто опытом. И пусть знают все, кто в угоду своим страстям, рабами которых они являются, безмерно высоко ценят возможность обладания предметом своих желаний, будь то почести, состояние, любовь, слава, знание или что-то еще,— пусть знают, что они стремятся к тому, что уже оставлено множеством людей, которые на протяжении чуть ли не всей истории, убеждаясь на опыте в тщетности своих желаний, отбрасывали и отвергали их. Не лишено глубокого скрытого смысла и то, что Вакху посвящен плющ. Здесь важны два момента: во-первых, то, что плющ и зимой остается зеленым, а во-вторых, что он растет, обвивая и охватывая множество предметов — деревья, стены, здания. Первое символизирует, что всякая страсть, подобно плющу во время зимних холодов, растет в результате сопротивления, оказываемого ей, стремясь к тому, что запрещено и в чем отказано, и набирает силу как бы путем антиперистасии. Во втором случае речь идет о том, что любая господствующая в человеческой душе страсть, подобно плющу, обвивает все человеческие действия и помыслы, примешивается к ним, соединяется и сливается с ними. Не удивительно и то, что Вакху приписывается создание обрядов, полных суеверий, ибо почти все безумные страсти расцветают в ложных религиях, а также и то, что считается, будто он насылает приступы безумия, ибо всякий аффект есть краткий приступ неистовства, а если он оказывается более сильным и прочным, то кончается безумием. Очень ясную аллегорию заключает в себе рассказ о растерзан-

ных Пенфее и Орфее. Любой очень сильный аффект ненавидит и не выносит двух вещей: проявление интереса и любопытства к нему и желание дать спасительный и честный совет. Наконец, с полным основанием можно свести к параболе и смешение личностей Юпитера и Вакха: ведь любое благородное и знаменитое деяние, любой великий и славный подвиг могут иметь своим источником как добродетель, мудрость и величие духа, так и скрытые аффекты и тайную страсть (поскольку они находят удовольствие в известности и славе), так что не легко отличить деяния Вакха от деяний Юпитера.

XXV. Аталанта, или Выгода

Аталанта, отличавшаяся быстротой бега, вступила в состязание за победу с Гиппоменом. Условия состязания были такие: если Гиппомен победит, он возьмет в жены Аталанту; если будет побежден, его постигнет смерть. Никто не сомневался в исходе состязания, поскольку непреодолимое превосходство Аталанты в беге уже многих привело к гибели. Поэтому Гиппомен решил прибегнуть к хитрости: он добыл три золотых яблока и принес их с собой. Начался бег. Впереди бежала Аталанта. Тогда Гиппомен, видя, что он остается позади, и помня о задуманной хитрости, бросил одно из золотых яблок перед Аталантой, но не прямо перед ней, а в сторону, чтобы не только задержать ее, но и заставить свернуть с пути. И действительно, она по женской своей жадности, соблазнившись красотой яблока, оставила дистанцию, побежала за яблоком и нагнулась для того, чтобы поднять его. Гиппомен тем временем пробежал немалую часть дистанции и опередил соперницу. Однако та благодаря прирожденной быстроте бега наверстала потерянное время и снова его обогнала. Когда же Гиппомен во второй и в третий раз заставил ее задержаться, он в конце концов одержал победу, но хитростью, а не своим превосходством в беге.

Мне кажется, что этот миф представляет прекрасную аллегорию борьбы искусства и природы. Ведь искусство (изображенное в лице Аталанты) по своей силе, если ничто ему не мешает и не препятствует, значительно быстрее природы, и подобно более быстрому бегуну, скорее достигает цели. И это можно наблюдать почти в любой области. Например, мы видим, что плоды появляются поздно, если посадить косточки, если же сделать при-

вивку — то быстро; что глина медленно превращается в камень, если же ее подвергнуть обжигу, она быстро твердеет. То же самое и в области моральной: утешения и время, как бы по доброте самой природы, приносят забвение страданий, философия же (которая является своего рода искусством жить) не дожидается этого срока, а сама приносит и предоставляет его. Но этой особой силе и способности искусства препятствуют, к неисчислимому ущербу для рода человеческого, золотые яблоки. Ибо среди всех наук и искусств не найдется ни одного, которое бы последовательно проделало свой истинный и законный путь и достигло своей цели, как финиша; нет, всегда искусства обрывают свои начинания, покидают дорожку состязания и сворачивают в сторону в погоне за выгодой и благополучием, подобно Аталанте:

И отклонилась с пути, и нагнулась за золотом жарким [14].

Поэтому нет ничего удивительного, если искусству не дано победить природу и по закону и условиям состязания уничтожить или разрушить ее; наоборот, происходит противоположное: искусство оказывается во власти природы и подчиняется ей, как замужняя женщина своему супругу.

XXVI. Прометей, или Статус человека

Древние говорят, что человек был произведением Прометея, созданным им из глины, если не считать, что Прометей примешал к этой массе частички различных животных. А сам он, желая облагодетельствовать и сохранить свое творение и считаться не только создателем рода человеческого, но и его покровителем, тайно поднялся на небо, захватив с собой связку прутьев, подложил их под колесницу Солнца, и, когда они загорелись, он принес огонь на землю и передал его людям. Известно, что люди были не очень-то благодарны Прометею за его столь великую услугу.

Более того, сговорившись, они перед Юпитером обвинили Прометея за его открытие. И эта жалоба была принята совсем не так, как могло бы показаться справедливым, ибо Юпитеру и богам такое обвинение было весьма по сердцу. Поэтому они с удовольствием не только разрешили людям пользоваться огнем, но и пожаловали им еще один подарок, самый приятный и желанный из всех,— вечную юность; те же вне себя от радости по

глупости погрузили божественный дар на ослика. Во время обратного пути ослик страдал от страшной, невыносимой жажды, и, когда он подошел к какому-то источнику, змея, охранявшая этот источник, не позволила ему напиться, покуда он не согласится отдать за это то, что несет на своей спине. Несчастный ослик принял это условие, и вот дар вечной юности за крошечный глоток воды от людей перешел к змеям. Однако Прометей не оставил своих козней и, примирившись с людьми, когда они потеряли этот дар, и сохраняя в душе злобу на Юпитера, не побоялся пойти на хитрость даже в жертвоприношениях богам. Говорят, что однажды он заколол Юпитеру двух быков, но при этом в шкуру одного из них положил мясо и жир обоих, а другую шкуру набил одними костями и с благочестивым и доброжелательным видом предложил Юпитеру сделать выбор. Юпитеру были отвратительны его козни и коварство, но, получив теперь случай отомстить, он выбрал быка, предложенного ему в насмешку, и решил наказать Прометея. Но так как он видел, что невозможно справиться с наглостью Прометея, если не наказать человеческий род (а Прометей безмерно гордился и чванился этим своим созданием), он приказал Вулкану сделать прекрасную и обаятельную женщину, которой каждый из богов принес свой подарок, почему ее и прозвали Пандора. В руки этой женщине дали изящный сосуд, в который заключили все беды и злосчастья, и лишь на самом дне сосуда пряталась Надежда. И вот Пандора со своим сосудом прежде всего направилась к Прометею, надеясь, что он, быть может, захочет взять сосуд и раскрыть его; но тот, будучи осторожным и хитрым, отказался его взять. Тогда она направилась к Эпиметею, брату Прометея (совсем, однако, не похожему на него по своему уму). Тот, ни минуты не медля, не раздумывая, открыл сосуд. Видя, что из него вылетают всевозможные несчастья и беды, он, не ко времени мудрый, поспешил как можно быстрее снова закрыть сосуд крышкой и только едва успел задержать находившуюся на дне сосуда Надежду. В конце концов Юпитер, обвинив Прометея во множестве тяжких проступков — в том, что он некогда украл огонь, что издевался над великим Юпитером, подстроив этот хитрый обман с жертвоприношением, что отверг его дар, наконец, еще и за то преступление, что он пытался совершить насилие над Палладой,— заковал его в цепи и осудил на вечные мучения. По приказанию Юпитера его привели к Кавказским горам

и приковали там к скале, так что он не мог даже пошевельнуться; днем к нему прилетал орел, который клевал его печень и пожирал ее; ночью же все, что было съедено, вырастало вновь, так что источник его страданий никогда не иссякал. Однако рассказывают, что эта казнь все же имела конец: Геркулес, переплыв через Океан в чаше, которую он получил от Солнца, пришел к Кавказским горам и освободил Прометея, поразив орла стрелой. В честь Прометея у некоторых народов были учреждены состязания в беге, во время которых бегуны несли зажженные факелы; и тот, чей факел гас, уступал место следующим за ним, а сам прекращал бег; победа в конце концов доставалась тому, кто первым приносил зажженный факел к финишу.

Миф демонстрирует и кратко выражает множество правильных и глубоких наблюдений. Кое-что из этого было подмечено уже раньше, многое же остается еще совершенно незатронутым. Прометей ясно и красноречиво обозначает провидение (providentia), и во всем многообразии Вселенной древние особо выделяли организацию и конституцию человека, что они считали собственным делом провидения. А причина этого, как мне кажется, заключается не только в том, что человеческая природа обладает духом и интеллектом, в котором сосредоточено провидение, и не только в том, что представляется трудным и невероятным возникновение и рождение разума и духа из начал грубых и лишенных чувствительности, так что неизбежно приходится заключить, что провидение вложено в человеческую душу не без намеренной помощи более великого Провидения, послужившего для него образцом. Но особенно важно то, что человек с точки зрения конечных причин рассматривается здесь как центр мироздания; так что, если убрать из этого мира человека, все оставшееся будет тогда казаться неопределенным и бессмысленным, чем-то оборванным и не имеющим определенной цели. Ибо все служит человеку, он же извлекает и получает пользу из каждой окружающей его вещи. Ведь круговращения и фазы светил помогают определять время и ориентироваться в пространстве. Небесные явления служат для предсказания погоды, а ветры — для мореплавания, для приведения в движение мельниц и других машин. Всевозможные растения и животные служат и для постройки жилища человека, и для изготовления одежды и дают ему пищу и средства лечения от болезней или облегчения страданий

и трудностей или, наконец, служат для развлечения и удовольствия человека, так что складывается впечатление, что все они существуют не ради самих себя, а ради него. Немалый смысл имеет и замечание о том, что с первоначальной бесформенной массой, состоящей из глины, были перемешаны частицы, взятые от различных животных, ибо в высшей степени верно утверждение, что из всех вещей, составляющих Вселенную, человек является наиболее собирательной и наиболее разнородной, так что древние имели все основания назвать его *малым миром*. Хотя химики слишком опошлили своим буквальным пониманием прекрасное слово «микрокосм», извратили его смысл, утверждая, что в человеке находятся все минералы, все растения и прочее или что-то им соответствующее, все же остается основательным и здравым утверждение, что человеческое тело оказывается из всех существующих вещей и самым смешанным, и самым органичным; от этого оно приобретает еще более удивительные достоинства и способности. Ведь силы простых тел немногочисленны, ибо, хотя они и определены, и быстры в действии, они остаются почти не разложенными, не раздробленными и не распределенными; избыток же и превосходство силы находится в смешении и соединении. И тем не менее человек в самом начале своего пути представляется чем-то беззащитным, обнаженным, беспомощным, нуждающимся, наконец, во множестве вещей. Поэтому Прометей поспешил изобрести огонь, который необходим для удовлетворения чуть ли не всех потребностей людей и приносит им помощь и облегчение, так что если душа есть форма форм, если рука — это орудие орудий, то огонь по праву может быть назван средством средств или богатством богатств. От него происходит множество операций, от него пошли механические искусства, от него бесчисленными способами исходит помощь самой науке. Удачно и в соответствии с сущностью дела описывается похищение огня. Говорят, что огонь был похищен с помощью лозовой ветки, подложенной под колесницу Солнца. Но ведь лоза применяется для порки, нанесения ударов. Таким образом, ясно говорится, что огонь возникает из сильных столкновений и ударов друг о друга тел, в результате чего материя становится тоньше, приходит в движение, делается пригодной к восприятию небесного тепла, схватывает и как бы незаметно и потихоньку похищает огонь, подобно тому как загорается лоза от движения колесницы Солнца.

Далее следует другая замечательная часть параболы. Люди вместо одобрения и благодарности пришли в негодование, пожаловались Юпитеру и обвинили перед ним Прометея в похищении огня. И это было так приятно Юпитеру, что он за это дал людям новые блага. Какой же смысл имеет это одобрение и вознаграждение преступления неблагодарной к своему создателю души (а этот порок встречается почти всюду)? Мне кажется, что речь здесь идет о другом. Аллегория эта имеет следующий смысл: осуждение людьми и собственной природы, и искусства исходит из наилучших побуждений ума и приводит к добрым результатам; противное же ненавистно богам и приводит к несчастью. Ведь те, кто безмерно превозносит человеческую природу или искусства, которыми овладели люди, кто приходит в несказанное восхищение от тех вещей, которыми они обладают и владеют, считая абсолютно совершенными те науки, которые они изучают и преподают,— те прежде всего не проявляют достаточного уважения к божественной природе, к совершенству которой они готовы приравнять собственное знание; а кроме того, они не приносят и никакой пользы людям, потому что, считая, что они уже достигли вершины знания и как бы выполнили свой долг, они уже не стремятся дальше. Наоборот, те, кто обвиняет природу и искусство, кто беспрерывно жалуется на них, те, безусловно, сохраняют и душевную скромность и постоянно стремятся к новой деятельности и к новым открытиям. Тем больше удивляюсь невежественности и недобросовестности людей, рабски преклоняющихся перед высокомерием маленькой группки, столь благоговеющих перед этой философией перипатетиков (которая является лишь частью, и притом небольшой, греческой мудрости), что всякую попытку обвинить ее они изображают не только бесполезной, но и подозрительной и даже опасной. По-моему, насколько достойнее и Эмпедокл, и Демокрит, первый — в каком-то безумии, второй — с большой скромностью, жалующиеся на то, что все покрыто тайной, что мы ничего не знаем, ничего не различаем,что истина погружена на дно глубокого колодца, что правда удивительным образом перемешана и перепутана с ложью (хотя новая Академия перешла здесь всякую меру),— насколько, повторяю, они заслуживают бóльшего одобрения, чем самонадеянная и безапелляционная школа Аристотеля. Поэтому людям следует напомнить, что обвинение природы и искусства приятно богам и они по божественной своей доброте

вознаграждают их новыми милостями и подарками; и что обвинение Прометея, хотя он и был творцом и наставником человечества, как бы резко и энергично оно ни было, лучше и полезнее, чем пустое славословие; и наконец, что убеждение в собственном богатстве является одной из главных причин бедности. Что же касается того дара, который люди получили в награду за обвинение Прометея (т. е. цвет юности, а не увядание), то смысл его заключается в том, что древние, по-видимому, не смотрели безнадежно на возможность найти средства и способы отдалить наступление старости и продлить жизнь; наоборот, они всегда относили такие средства, скорее, к разряду тех, которые люди, однажды получив, потеряли и погубили по своей лености и легкомыслию, а не тех, которые вообще недоступны для человека и никогда не будут ему дарованы. Миф указывает и дает понять, что добросовестное и энергичное изобличение и осуждение употребления огня и заблуждений искусства щедро вознаграждается богами такого рода подарками и что люди сами виноваты в своих несчастьях, доверив божественный дар ленивому и медлительному ослу, т. е опыту (experientia), вещи неповоротливой и требующей много времени, чей неторопливый, черепаший шаг породил знаменитый античный афоризм, жалующийся на краткость жизни и на долгий путь искусства. Во всяком случае мы придерживаемся того мнения, что эти две стороны человеческой деятельности — «догматическая» и «эмпирическая» — до сих пор не были прочно соединены и связаны друг с другом, но новые дары богов были доверены либо абстрактной философии, напоминающей легкую птицу, либо неторопливому и медлительному опыту, похожему на этого осла. При этом, однако, можно было бы возлагать кое-какие надежды на этого ослика, если бы не помешала случайность — жажда во время пути. Мы считаем, что тот, кто последовательно, подчиняясь определенным правилам и методу, служит опыту и в пути не отклоняется на эксперименты, сулящие либо выгоду, либо пустую славу, и для того, чтобы получить все это, не снимает и не бросает свой груз,— тот будет неплохим носильщиком нового, еще более богатого дара богов. Ну а то, что дар этот перешел к змеям, могло бы показаться простой добавкой к мифу и каким-то ненужным его украшением, если бы в этом не слышался упрек людям, которым должно быть стыдно за то, что со своим огнем и множеством искусств они не в состоянии добыть себе

того, что другие животные получили от самой природы. Точно так же и это внезапное примирение людей с Прометеем, после того как они потеряли все свои надежды, содержит в себе мудрый и полезный урок, порицая легкомыслие и опрометчивую торопливость людей в новых экспериментах. Ведь если они не приносят немедленного успеха и обманывают их ожидания, люди с удивительной легкостью и быстротой оставляют свои пачинания, поспешно возвращаются к старому и примиряются с ним.

Завершив описание статуса человека в области искусств и интеллектуальной деятельности, парабола переходит к религии, ибо развитие искусств и наук сопровождается почитанием божества, а им сразу же овладевает и оскверняет его лицемерие. Поэтому в эпизоде о двух жертвах очень тонко изображаются два типа — истинно религиозного человека и лицемера. Ведь в первой жертве есть жир, т. е. то, что принадлежит богу, поскольку его сжигают и воскуряют, что символизирует религиозное чувство и рвение, горение любовью к славе господней и стремление ввысь; в ней и внутренности — благочестие, в ней и мясо — доброе и полезное. В другой же нет ничего, кроме сухих, голых костей, спрятанных, однако, в шкуру и создающих видимость прекраснейшего и великолепнейшего жертвенного животного; и это очень верно обозначает пустые, чисто внешние ритуалы и бессмысленные церемонии, которыми люди заполняют культ божества,— все эти образы созданы ради корыстного, а вовсе не подлинного благочестия. И людям недостаточно подносить богу подобные пустяки — они приносят их так, как будто он сам их избрал и предписал исполнять все эти обряды. Верно говорит об этом выборе пророк от имени бога: «Неужели же, наконец, я избрал этот пост для того, чтобы человек в какой-то день терзал свою душу и склонял голову свою, как тростник?» После религии парабола обращается к морали и условиям человеческой жизни. Достаточно широко и известно и совершенно правильно то, что Пандора символизирует наслаждение и похоть, которые зажглись вслед за искусствами, материальной культурой и роскошью цивилизации, как бы рожденные этим огнем. Поэтому создание наслаждения поручается Вулкану, который тоже представляет огонь. А от наслаждения проистекли бесчисленные несчастья и для души, и для тела, и для имущества людей (а вместе с ними и позднее раскаяние); и это касается не только судеб отдельных лиц, но и королевств и республик. Из

того же источника берут начало и войны, и мятежи, и тирании. Стоит, однако, обратить внимание и на то, как тонко и искусно рисует миф два образа жизни человека, как бы воочию представляя их в лице Прометея и Эпиметея. К приверженцам Эпиметея принадлежат люди неумные, недальновидные, считающие самым важным то, что приятно в данный момент, из-за чего они всегда оказываются в трудном положении, терпят бедствия и беспрерывно вынуждены бороться с несчастьями. А между тем они пытаются успокоить себя и по своему незнанию жизни лелеют в душе своей множество пустых надежд, которыми утешаются, как сладкими снами, и скрашивают ими страдания своей жизни. Школа же Прометея — это люди мудрые, думающие о будущем и способные поэтому осторожно предотвратить или отбросить много бед и несчастий; но с этим достоинством соединяется то, что они лишают себя многих удовольствий и разнообразных радостей жизни, подавляют свои желания и, что еще хуже, мучают и терзают себя заботами, беспокойством и внутренним страхом. Прикованные к скале необходимости, они страдают от бесчисленных мыслей, терзающих их, рвущих и пожирающих их печень (а так как эти мысли стремительны, то они символизируются в образе орла), и только иногда получают какое-то маленькое облегчение и покой (как сон ночью); но тотчас же вслед за этим приходят новые терзания и страхи. Таким образом, очень немногим выпадает на долю и тот и другой жребий — и обладать преимуществами мудрой предусмотрительности, и быть свободным от страданий, приносимых душевным волнением и беспокойством; этого можно достичь только с помощью Геркулеса, т. е. благодаря мужеству и стойкости души, готовой к любому исходу, к любому жребию, смотрящей вперед без страха, наслаждающейся неприхотливо и терпеливо переносящей страдания. Стоит также отметить и то, что эта способность у Прометея не врожденная, а привнесенная извне какой-то силой, ибо никакое врожденное и естественное мужество не может быть соразмерным такой задаче. Эта сила получена от Солнца и пришла с дальних берегов океана, т. е. она исходит от мудрости, как от Солнца, и от мыслей о непостоянстве и волнениях человеческой жизни, подобных волнению Океана. И то и другое хорошо соединено в словах Вергилия:

Счастливы те, кто вещей познать сумели основы,
Те, кто всяческий страх и Рок, непреклонный к моленьям,
Смело повергли к ногам, и жадного шум Ахеронта [15].

Очень тонко и умно упоминание о том, что этот великий герой приплыл в чаше или каком-то сосуде. Это говорится для того, чтобы утешить и ободрить людей, дабы они не слишком страшились слабости и непрочности своей природы или не оправдывались тем, будто она вообще не способна на такого рода твердость и мужество. Именно на это надеялся Сенека, говоря: «Великое это дело — обладать одновременно и хрупкостью человека и спокойствием бога».

Однако теперь уже пора вернуться к тому, что мы намеренно пропустили, чтобы не нарушить связь нашего изложения: речь идет о самом последнем преступлении Прометея — о попытке обесчестить Минерву. Ведь именно за этот тяжелейший проступок он и понес самое страшное из своих наказаний, когда орел терзал его внутренности. Это, как мне кажется, есть не что иное, как изображение людей, безмерно возгордившихся своими искусствами и многознанием и пытающихся подчинить божественную мудрость власти чувства и разума, а за этим неизбежно следуют терзания духа и беспрерывное, не знающее отдыха беспокойство (stimulatio). Поэтому по трезвому и скромному рассуждению следует различать божественное и человеческое, откровения чувства и веры, если только люди не становятся адептами еретической религии и лживой философии. Остается, наконец, последняя часть мифа — об играх в честь Прометея, о беге с зажженными факелами. Этот эпизод опять затрагивает вопросы искусства и науки, подобно тому огню, в память и во славу которого установлены эти игры: он содержит в себе напоминание (и весьма разумное) о том, что совершенствования науки нужно ждать не от способностей или проворства какого-нибудь одного человека, а от последовательной деятельности многих поколений, сменяющих друг друга. Ведь тем, кто бежит на состязании быстрее и сильнее всех, подчас не так легко удается сохранить свой факел зажженным, поскольку быстрый бег, равно как и слишком медленный, грозит опасностью погасить факел. Но этот бег с факелами и эти состязания, как видно, уже давно прекратили свое существование, так как считается, что наука своим расцветом обязана прежде всего нескольким авторам — Аристотелю, Галену, Евклиду, Птолемею — и что все последующие поколения не внесли в нее ничего значительного и даже не пытались сделать этого. И нужно желать, чтобы эти игры в честь Прометея, т. е. в честь человеческой природы, были вновь

восстановлены, и снова вернулись состязания, соревнования и добрая удача в науке, и чтобы они не зависели от дрожащего и колеблющегося факела какого-нибудь одного человека. Поэтому нужно убедить людей встряхнуться, испробовать собственные силы и способность сменять друг друга и не ставить все в зависимость от умишек и скудости мозгов немногих персон. Таковы те мысли, которые мы считали нужными подчеркнуть в этом широко известном и популярном мифе; мы не отрицаем также, что в нем есть немало такого, что удивительно созвучно с таинствами христианской веры, и прежде всего, мне кажется, что Геркулес, плывущий в чаше с целью освободить Прометея, представляет собой образ слова божия во плоти, подобно хрупкому сосуду, спешащему искупить род человеческий. Но мы сознательно лишаем себя всякой свободы в этом жанре, дабы не возжечь на алтаре божьем чуждого ему огня.

XXVII. Полет Икара; Сцилла и Харибда, или Средний путь

Золотая середина, или средний путь, весьма похвальна в области морали, менее приемлема в области интеллектуальной, в политике же весьма сомнительна и требует осторожности. Известно, что древние символизировали средний путь в морали рассказом о том пути, которым должен был лететь Икар; средний же путь в интеллектуальной области — рассказом о Сцилле и Харибде, обозначавших трудности и опасности. Отец говорил Икару, когда им предстояло перелетать через море, чтобы он не залетал слишком высоко и не спускался слишком низко. Ведь так как крылья были склеены воском, была опасность, что воск растает от жара Солнца, если Икар поднимется слишком высоко, или, промокнув, будет плохо держать перья, если он спустится близко к морской воде. А тот с юношеской дерзостью устремился ввысь и упал в море.

Парабола весьма проста и общеизвестна: путь добродетели проходит прямой тропой между порывами увлечения и слабостью малодушия. И не удивительно, если Икара, охваченного юношеским воодушевлением, погубил этот порыв. Порывы увлечения почти всегда являются пороками юности, малодушная слабость — порок старости. Из двух дурных и гибельных путей (если уж неизбежна была гибель) Икар избрал лучший. Ведь пра-

вильно считается, что малодушная слабость хуже порыва увлечения, потому что в последнем есть что-то великое и мужественное, близкое к небу; он подобен птице; малодушие же ползает по земле, подобно пресмыкающемуся. Прекрасно сказал Гераклит: «Сухой свет — лучшая душа». Ведь если душа воспримет из земли влагу, она полностью потеряет свое величие и выродится; однако же следует соблюдать осторожность, дабы от этой хваленой сухости шел лишь тонкий свет и не начался пожар. И это известно почти каждому. Что же касается среднего пути в области интеллектуальной, т. е. пути между Сциллой и Харибдой, то он, безусловно, требует и опытности в кораблевождении, и счастливой удачи. Ведь если корабли столкнутся со Сциллой, они будут разбиты о скалы, если с Харибдой — она поглотит их. Смысл этой параболы (мы коснемся его лишь коротко, хотя она влечет за собой бесчисленные размышления), как мне кажется, заключается в том, что во всяком учении, во всякой науке, в их правилах и аксиомах нужно сохранять меру, осторожно выбирая путь между скалами расчленений и пропастями обобщений. И те и другие знамениты гибелью и многих талантов, и многих искусств.

XXVIII. Сфинкс, или Наука

Говорят, что Сфинкс была чудовищем с лицом и голосом девы, покрытая перьями, как птица, с когтями грифа; она сидела на вершине горы близ Фив и следила за дорогой, подстерегая путников; она набрасывалась на них из своей засады и, схватив, загадывала им темные и сложные загадки, которые, как полагали, сама узнавала от Муз. Если несчастные пленники не могли разрешить и растолковать эти загадки, но колебались и говорили что-то невнятное, она со страшной свирепостью растерзывала их. И так как эта напасть свирепствовала уже давно, то фиванцы назначили награду тому, кто сможет разгадать загадки Сфинкс, а наградой этой была сама царская власть над Фивами (потому что не было иного способа одолеть Сфинкс). Привлеченный такой наградой, Эдип, человек энергичный и умный, но с больными, проколотыми некогда ногами, принял это условие и решил попытать счастья. И вот, когда он мужественно и твердо предстал перед Сфинкс, она спросила у него, что это за животное, которое сначала рождается четвероногим, затем делается двуногим, потом трехногим и наконец снова

четвероногим. Тот, подумав, ответил, что все это относится к человеку, который сразу после рождения и в младенчестве оказывается четвероногим и только учится ползать, но вскоре за этим поднимается и ходит на двух ногах; в старости же он опирается на палку, чтобы крепче держаться, и представляется как бы трехногим, а в самом конце своей жизни, уже дряхлым старцем, когда мускулы его уже совсем ослабели, лежит, прикованный к постели, и снова становится как бы четвероногим. Дав правильный ответ, он одержал победу над Сфинкс и погубил ее; тело ее, погруженное на осла, возили, как в триумфальной процессии, сам же Эдип по условиям уговора стал царем фиванцев.

Миф очень тонкий и умный; мне кажется, что он рассказывает о науке, и в особенности о ее связи с практикой. В самом деле, вовсе не абсурдно называть науку чудовищем, ибо у невежд и просто неосведомленных людей она вызывает удивление. Она многообразна по своему виду и облику, ибо предмет науки бесконечно многообразен: женские лицо и голос указывают на изящество и словоохотливость; крылья даны ей потому, что знания и открытия мгновенно распространяются и разлетаются по свету, ибо передача знания подобна бурно вспыхнувшему пламени, зажженному от другого пламени. Очень глубокий смысл содержит и упоминание об острых кривых когтях, ибо аксиомы и доказательства науки проникают в ум, захватывают его и держат так крепко, что он не может ни двинуться, ни вырваться, о чем говорил и святой мудрец: «Слова мудрецов подобны шипам и как гвозди, глубоко вонзенные» [16]. Всякое же знание представляется нам расположившимся на крутых и высоких горах, ибо, будучи явлением возвышенным, оно по праву рассматривается помещенным где-то высоко наверху, откуда оно с презрением взирает на невежество и может, как с вершины горы, далеко и на широком пространстве видеть все вокруг. Наука изображается нападающей на путников, идущих по дороге,— это обозначает, что повсюду на этом пути, в этом странствии человеческой жизни, возникает и встречается и материал, и удобный случай для наблюдения. Сфинкс предлагает смертным различные трудные вопросы и загадки, которые она узнала от Муз. Но пока эти загадки остаются достоянием Муз, они, возможно, не таят в себе ничего страшного: ведь до тех пор, пока у размышления и исследования нет никакой иной цели, кроме самого знания, ум пребывает не стесненным, не за-

ключенным в узкие рамки, но свободно устремленным вдаль и в самом сомнении, в разнообразии решений чувствующим какое-то удовольствие и наслаждение. Когда же такого рода загадки переходят от Муз к Сфинкс, т. е. к практике, так что свои требования начинают настойчиво предъявлять действие, выбор, решение, вот тогда-то загадки становятся тягостными и страшными, чудовищно терзают и мучают человеческий ум, тянут его в разные стороны, буквально разрывают на части, если люди оказываются неспособными разрешить и разгадать их. Поэтому в загадках Сфинкс всегда предполагаются два условия: тех, кто не разрешит их, ожидают терзания духа, тех, кто разрешит,— власть. Ведь тот, кто знает свое дело, тот достигает своей цели, и всякий мастер — повелитель своего творения. Вообще же загадки Сфинкс делятся на два рода: загадки о природе вещей и загадки о природе человека, и, соответственно, в награду за их решение предлагаются два рода власти: власть над природой и власть над людьми. Ибо собственная и конечная цель истинной естественной философии — это власть над природными вещами, телами, лечебными средствами, машинами и бесконечным множеством других вещей, тогда как философия Школы, довольствуясь тем, что она поучает, гордая своими разглагольствованиями, пренебрегает практикой, чуть ли не отвергая ее совершенно. Но загадка, предложенная Эдипу, разрешив которую, он получил власть над Фивами, относилась к природе человека, ибо тот, кто поймет до конца природу человека, тот почти наверняка может стать кузнецом своего счастья, тот рожден для власти. Это то, что хорошо было сказано о римских искусствах:

> Римлянин! Ты научись народами править державно —
> В этом искусство твое! [17]

Поэтому немалый смысл имеет то, что Цезарь Август, то ли сознательно, то ли случайно пользовался печатью с изображением Сфинкс. Ведь он, как никто другой, был выдающимся политиком; в своей жизни он счастливо разрешил множество новых загадок о природе человека, а если он легко и умело не решил бы их, ему не раз пришлось бы оказаться в двух шагах от грозящей ему неизбежной гибели. В мифе говорится также и о том, что тело побежденной Сфинкс погрузили на осла. Это удивительно меткий образ, ибо нет ничего столь глубокого и сложного, что, будучи до конца понятно и став

общеизвестным, не могло бы быть внушено даже тяжелодуму. Не следует упускать и той детали, что Сфинкс была побеждена человеком с больными ногами: ведь люди обычно слишком быстрым, торопливым шагом спешат разрешить загадки Сфинкс, и в результате (если Сфинкс оказывается сильнее) они чаще терзают свои таланты в спорах, чем властвуют благодаря своим трудам.

XXIX. Прозерпина, или Дух

Рассказывают, что Плутон, получив в результате известного раздела власти подземное царство, потерял надежду уговорить какую-нибудь из небесных богинь выйти за него замуж и был вынужден думать о похищении. И вот, воспользовавшись удобным случаем, он похитил и на квадриге увез с собой в подземное царство Прозерпину, дочь Цереры, прекраснейшую девушку, схватив ее внезапно, когда она собирала нарциссы на лугах Сицилии. В подземном мире она была встречена с величайшим уважением и провозглашена владычицей Дита. Мать же ее, Церера, нигде не видя своей горячо любимой дочери, в отчаянии и тревоге, с зажженным факелом в руке обошла весь мир, чтобы найти дочь. Все было напрасно. Случайно узнав о том, что она увезена в подземное царство, Церера, беспрерывно рыдая и стеная, стала упрашивать Юпитера, чтобы ей возвратили дочь. В конце концов она добилась разрешения вернуть ее на землю, если та еще не съела ничего из того, что растет в подземном царстве. Это условие никак не устраивало мать, поскольку Прозерпина, как известно, съела три зерна граната. Но Церера не оставила своих просьб и рыданий. Наконец, уступая ее мольбам, Юпитер позволил Прозерпине попеременно быть шесть месяцев с мужем и шесть других — с матерью. Позднее Тезей и Пирифой с изумительной дерзостью пытались увести ее из дворца Дита. Но когда в подземном царстве, устав от долгого пути, они присели на камень, подняться им уже не было дано, и они остались навечно сидеть на этом камне. Прозерпина же осталась царицей подземного царства. Ей была оказана еще одна особая и великая честь. Известно, что никто, спустившись в подземное царство, не может вновь подняться на землю; в этот закон было внесено неслыханное исключение: тому, кто принесет в дом Прозерпины золотую ветвь, разрешалось спуститься в подземное царство и вернуться вновь на землю. Эта ветвь была единствен-

ной в огромном темном лесу и не имела своего ствола, но, подобно омеле, росла на другом дереве; и если ее отломить, на ее месте вырастала другая.

Мне кажется, что миф имеет в виду природу и толкует о той богатой, плодоносной, мощной подземной силе, от которой произрастает все, что существует на земле, и в которую все возвращается снова. Прозерпина символизировала у древних тот эфирный дух (spiritus aethereus), вырванный из верхней сферы, который заперт и спрятан под землей (представленной в виде Плутона). Это неплохо выразил поэт:

> Иль молодая Земля, разделенная с вышним Эфиром
> Только что, семя еще сохраняла родимого неба?..[18]

Этот дух изображается похищенным с земли, потому что его невозможно удержать там, где у него есть время улететь, но его можно сковать и задержать, если только внезапно сломить и раздробить его, подобно тому как это происходит, когда хотят смешать воздух с водой; последнее возможно лишь единственным путем — быстрым и сильным вращением, и мы видим, как в этом случае оба эти тела соединяются в пене, как будто вода похищает воздух. Весьма тонко говорится и о том, что Прозерпина была похищена в то время, как она собирала нарциссы в долине: ведь Нарцисс означает оцепенение или неподвижность, а дух именно тогда более всего пригоден для похищения земной материей, когда он начинает сгущаться и как бы цепенеет. Справедливо воздается Прозерпине особая честь (какая не выпадает на долю ни одной супруги богов) — честь стать владычицей Дита: ведь она неограниченно управляет всем в тех краях, а Плутон остается безучастным и даже как будто не знает ничего. Эфир же и небесная сила (изображенные в виде Цереры) всячески стараются извлечь и вернуть себе этот дух. А высоко поднятый факел, т. е. пылающий в руке Цереры светоч, без сомнения, обозначает Солнце, которое, обходя вокруг Земли, освещает ее, как факел, и оказывается очень важным и необходимым для возвращения Прозерпины, если оно вообще возможно. Она же остается и не уходит; причина же этого превосходно и точно вытекает из соглашений Юпитера и Цереры. Прежде всего совершенно несомненно, что существуют два способа удержать дух в плотной земной материи: первый — уплотнение, или «запирание», его, что является подлинным заключением в тюрьму и насилием; второй — предоставление ему

соответствующего питания, что делается добровольно и охотно. Ведь после того как запертый дух начинает есть и питаться, он не спешит улететь, но как бы закрепляется на своей земле — это как раз и есть тот самый гранат, который попробовала Прозерпина; если бы этого не произошло, то Церера, ищущая ее по всему миру со своим факелом, уже давно увела бы ее к себе. Ведь дух, который содержится в металлах и минералах, связывается, вероятно, главным образом благодаря плотности массы; тот же дух, который заключен в растениях и живых существах, обитает в пористом теле и имеет возможность уйти, если только он не задержится сам, чтобы вкусить «зерна граната». Второе же соглашение — о полугодичном пребывании Прозерпины то у Цереры, то у Плутона — есть не что иное, как изящное описание деления на времена года, когда этот дух, разлитый по Земле (речь идет о растительности), в течение летних месяцев находится наверху, в зимние же месяцы вновь скрывается под землю. Что же касается попытки Тезея и Пирифоя увести Прозерпину на землю, то здесь имеется в виду то, что случается довольно часто: более тонкие духи, спускающиеся к земле во множестве тел, не могут впитать в себя дух, находящийся под землей, соединиться с ним и вывести его наружу; наоборот, они сами сгущаются и не могут вновь подняться, так что благодаря им увеличивается и число подданных, и власть Прозерпины. Что же касается золотой ветви, то, мне кажется, здесь нам весьма трудно будет сдержать натиск химиков, если они обрушатся на нас с этой стороны: ведь они обещают с помощью своего знаменитого камня и гóры золота, и восстановление разрушенных природных тел, как бы возвращение обратно из врат преисподней. Тем не менее относительно химии, как и постоянных притязаний этого камня, мы знаем наверняка, что теория их не имеет основания, да к тому же подозреваем, что и практика их лишена каких-либо твердых гарантий. Поэтому, оставив их в стороне, выскажем свое мнение об этой последней части параболы. Нам известно наверняка на основании многих фигуральных высказываний древних, что сохранение и восстановление природных тел они отнюдь не считали безнадежным делом, но, скорее, трудным и малодоступным. То, что они думали именно так, видно из того, что они поместили эту ветку среди бесконечных зарослей огромного, непроходимого леса; они изобразили ее золотой, ибо золото — символ прочности; привитой — ибо ре-

зультата такого рода следует ждать только от искусства, а не от какого-то простого и естественного средства или способа.

XXX. Метида, или Совет

Древние поэты рассказывают, что Юпитер взял в жены Метиду, имя которой весьма прозрачно обозначает совет. Она забеременела от него. Когда он узнал об этом, то не стал дожидаться родов, но тотчас же ее проглотил, и поэтому сам стал беременным. Удивительны были его роды: он родил из своей головы, т. е. из мозга, вооруженную Палладу.

Смысл этого чудовищного и на первый взгляд весьма нелепого мифа, как мне кажется, раскрывает тайные пружины власти. Он описывает, как ведут себя государи по отношению к своим советникам, заботясь о том, чтобы их авторитет и величие не только ни в чем не пострадали, но и преумножились бы и выросли в глазах народа. Ведь существует правильный и мудрый порядок, по которому государи крепко связаны со своими советниками, соединены как бы брачными узами и обсуждают с ними важнейшие дела, вполне основательно полагая, что это ни в коей мере не умаляет их величия. Когда же дело доходит до решения (а его можно уподобить родам), то они не позволяют членам совета принимать его, дабы не создалось впечатления, что постановление зависит от мнения совета; наоборот, государи обычно (за исключением тех случаев, когда они боятся навлечь на себя недоброжелательство) любое выработанное советом и как бы выношенное во чреве решение выдают за свое, так, чтобы казалось, что и само постановление, и его исполнение (а это последнее, поскольку всегда связано с проявлением власти и является выражением необходимости, очень тонко изображается в виде вооруженной Паллады) проистекает от них самих. Но мало того, что все это представляется как результат авторитета государей, их свободной, независимой, никому не подчиняющейся воли; государи хотят еще, чтобы решения считались рожденными из их головы, т. е. из их собственной мудрости и суждения.

XXXI. Сирены, или Наслаждение

Миф о сиренах правильно истолковывается как изображение гибельных соблазнов наслаждения, но делается это весьма примитивно. Мудрость древних представляется

нам подобной плохо отжатым виноградным гроздьям, из которых хотя и выжато кое-что, однако самая лучшая часть остается и не используется. Рассказывают, что сирены были дочерьми Ахелоя и Терпсихоры, одной из Муз; они вначале были крылатыми, но безрассудно вступив в состязание с Музами и потерпев поражение, лишились крыльев. Из их перьев Музы сделали себе венцы, и с тех пор головы у Муз были украшены крыльями, кроме одной — матери сирен. Сирены жили на неких прелестных островах; завидев с вышины приближающиеся корабли, они своим пением задерживали моряков, завлекали их к себе, а потом убивали. И песня их была не простой: для каждого у них были мелодии, которые более всего отвечали его внутренней природе. Они погубили столько людей, что их острова даже издали были хорошо видны из-за множества белеющих костей непогребенных трупов. От этой напасти нашлись только два, совершенно непохожих друг на друга средства избавления: одно придумал Одиссей, другое — Орфей. Одиссей приказал всем своим спутникам накрепко залепить уши воском, сам же, желая услышать их пение, но избежать опасности, потребовал, чтобы его привязали к мачте корабля, предупредив, чтобы его не отвязывали, даже если он будет просить об этом. Орфей же даже и не думал обо всех этих веревках, но, воспевая мощным голосом под звуки лиры хвалу богам, заглушил голоса сирен и избежал опасности.

Миф относится к области морали и представляется весьма прозрачной, хотя и не лишенной изящества параболой. Наслаждения происходят от богатства и изобилия, а также от веселого и приподнятого расположения духа. Некогда они своими соблазнами внезапно, как будто на крыльях, увлекали за собой смертных. Наука же и образование привели во всяком случае к тому, что человеческий дух стал себя немного сдерживать и обдумывать про себя возможный результат своих действий; тем самым он лишил наслаждения крыльев. Но они перешли к Музам как украшение и знак особого почета. Ведь после того как на примере некоторых стало ясно, что философия может нести с собой презрение к наслаждениям, она сразу же стала представляться чем-то возвышенным, способным поднять и возвысить человеческую душу, как бы прикованную к земле, и сделать человеческие помыслы (которые обитают в голове) крылатыми и как бы небесными. Только одна мать сирен остается на земле и без

крыльев; она, без сомнения, есть не что иное, как легкомысленные науки, созданные и используемые для развлечения, вроде тех, которые любил Петроний: получив известие о смертном приговоре, он и на самом пороге смерти продолжал искать наслаждений и, желая прочитать что-нибудь утешающее, он (по словам Тацита) пренебрег всеми теми сочинениями, которые укрепляют твердость духа, а читал лишь легкомысленные стихи, вроде следующих:

Будем, Лесбия, жить любя друг друга!
Пусть ворчат старики,— что нам их ропот?
За него не дадим монетки медной [19]

Или таких:

Пусть же о правом и том, что дозволено, старцы лишь судят
Мрачные, твердо блюдя предписанья суровых законов [20].

Такого рода науки и искусства, по-видимому, хотят снова лишить крыльев венцы Муз и вернуть их сиренам. Говорят, что сирены живут на островах, ибо наслаждения почти всегда ищут для себя уединения и часто избегают многолюдья. Пение сирен предназначено всем, но губят людей они по-разному, прибегая к различным ухищрениям,— это место вообще не нуждается в объяснении. Более тонко упоминание о белеющих холмах костей, видимых издалека. Это означает, что примеры несчастий, которые несут с собой наслаждения, какими бы ясными и красноречивыми они ни были, не очень-то помогают против их соблазнов. Остается парабола, говорящая о средствах спасения от сирен; она совсем не сложна, однако мудра и благородна. Против напасти, столь хитрой и столь лютой, предлагаются три средства: два предлагает философия, третье — религия. И первый способ избежания зла — когда противостоят злу в самом зародыше и старательно избегают всего, что могло бы смутить и соблазнить душу; на это и указывает рассказ о том, как залепляли уши. Это средство необходимо лишь для душ заурядных и плебейских, таких, какими обладали спутники Одиссея. Души же возвышенные могут даже вращаться в самой гуще наслаждений, если только они тверды в своей решимости противостоять им; более того, они испытывают радость от того, что получают возможность подвергнуть свою добродетель более сложному испытанию; они познают все нелепости и безумия наслаждений, скорее созерцая, чем покоряясь им. Об этом заявляет и

Соломон, перечисляя наслаждения, которым он предавался, и заключая следующими словами: «Но и мудрость всегда пребывала со мной»[21]. Подобным образом люди выдающиеся могут остаться непоколебимыми среди величайших соблазнов наслаждений и не упасть, стоя у самого края пропасти, однако лишь при условии, что они по примеру Одиссея не позволят своим близким давать гибельные советы и потакать им, ибо эти советы и потакания больше всего остального способны пошатнуть и ослабить решимость души. Но самым лучшим во всех отношениях является средство, примененное Орфеем, который, воспевая хвалы богам, заглушил и заставил замолкнуть голоса сирен: ведь размышления о делах божественных побеждают стремление к наслаждениям не только своей силой, но и своей сладостностью.

О НАЧАЛАХ И ИСТОКАХ В СООТВЕТСТВИИ С МИФАМИ О КУПИДОНЕ И О НЕБЕ, ИЛИ О ФИЛОСОФИИ ПАРМЕНИДА И ТЕЛЕЗИО И ОСОБЕННО ДЕМОКРИТА В СВЯЗИ С МИФОМ О КУПИДОНЕ

Сказания древних о Купидоне, или Амуре, не могут относиться к одному и тому же лицу. И сами древние действительно упоминают о двух Купидонах, отделенных друг от друга огромным периодом времени, причем одного из них они считают старшим, другого самым младшим в семье богов. Сейчас у нас будет идти речь о старшем. Так, как рассказывают, этот Амур является наиболее древним из всех богов и, следовательно, из всего существующего, за исключением Хаоса, который одних лет с ним. Этот Амур представляется никем не рожденным, сам же он, соединившись с Хаосом [1], породил богов и все существующее. По другим сказаниям, однако, он произошел из яйца, которое снесла Ночь. Ему приписываются различные свойства, вроде того, что он остается вечным младенцем, что он слепой, нагой, крылатый и стреляет из лука. Но главное и особенное его свойство состоит в соединении тел; ему также вверены ключи от воздуха, земли и моря. В мифах говорится также о другом, молодом Купидоне, сыне Венеры, на которого перенесены свойства древнейшего и которому сверх того приписываются многие оригинальные черты.

Этот миф вместе со следующим, касающимся Неба, как будто излагает иносказательно *учение о началах вещей и об истоках мира,* сходное во многом с философией, которой придерживался Демокрит, с той лишь разницей, что оно представляется более строгим, трезвым и чистым. Ибо спекуляции упомянутого философа, остроумного и прилежного, каким он был, не могли ни успокоиться, ни соблюсти надлежащей меры, ни обуздать и сдержать себя. И даже те взгляды, которые скрываются в мифе, хотя они и более правильны, все же не лучше, чем все те рассуждения, которые порождены разумом, довлеющим самому себе и не опирающимся постоянно, при каждом

своем продвижении вперед на опыт,— недостаток, которому, как я полагаю, были подвержены и первобытные века. Следует, однако, прежде всего принять во внимание, что изложенное здесь выведено и провозглашено на основании авторитета одного лишь человеческого разума и в соответствии со свидетельством чувств, жалкие и несовершенные оракулы которых по справедливости отвергаются тогда, когда нас озарит лучший и более верный свет божественного откровения.

Этот Хаос, который был сверстником Купидона, означал беспорядочную массу или собрание материи. Сама же материя, а также ее сила и природа и вообще начала вещей были символически изображены в образе самого Купидона. Он представлен как не имеющий родителей, т. е. как тот, чье существование не обусловлено никакой причиной, ибо причина является родительницей следствия и обозначение причины и следствия как родительницы и дитя — обычная и почти неизменная фигура речи. Эта *первая материя,* равно как и свойственные ей сила и действие, не могут иметь никакой естественной причины (бога мы всегда исключаем), ибо до них ничего не было. Поэтому не было никакой производящей их причины и ничего более первичного в природе. Следовательно, ни рода, ни формы. Вот почему, что бы ни представляли собой эта материя и ее сила и действие, она является чем-то данным и необъяснимым и должна быть взята так, как мы ее находим, и мы не должны судить о ней на основании какого-либо предвзятого понятия. Ибо хотя и можно познать способ существования (modus) этой материи, однако этого нельзя сделать через познание ее причины, так как после бога она является причиной всех причин, не будучи сама обусловлена никакой причиной. Дело в том, что цепь причин в природе имеет несомненный и определенный предел и исследовать или воображать себе какую-нибудь причину там, где мы дошли до последней силы и положительного закона природы, является в такой же мере неразумной поверхностной философией, как не искать причины в подчиненных явлениях. Вот почему Купидон, иносказательно представленный древними мудрецами как не имеющий родителей, т. е. как не имеющий причины,— идея немаловажного значения, едва ли не величайшая из когда-либо высказанных. Ибо ничто так не способствовало искажению философии, как эти поиски родителей Купидона, т. е. то обстоятельство, что философы не брали начала вещей

так, как они открываются в природе, воспринимая их как положительное знание, основанное на опыте, а, скорее, выводили их из законов спора, из диалектических и математических умствований, из общих понятий и тому подобных заскоков ума за пределы природы. Вот почему философствующий, для того чтобы его разум не блуждал в дебрях фикций, должен неустанно напоминать себе, что Купидон не имеет родителей, ибо человеческий дух не знает удержу в такого рода общих представлениях, искажает природу вещей и самого себя и, стремясь к далекому, всякий раз оказывается где-нибудь поблизости. А так как человеческий ум вследствие своей ограниченности чаще всего приводится в движение наиболее близким ему и тем, что может сразу захватить и поразить его, то обыкновенно бывает так, что когда он доходит до самых общих явлений опыта и все же не может успокоиться на них, доискиваясь как бы еще более знакомых явлений, он в конце концов возвращается к тем явлениям, которые его больше всего поразили или которыми он был введен в заблуждение, воображая, что эти явления более способны служить причиной и более доказательны, чем те общие.

Мы сказали, что первичная сущность вещей, сила и Купидон не имеют причины. Нам теперь остается рассмотреть способ существования этого начала (не имеющего причины). Он весьма темен, и мы предупреждены об этом самим мифом, именно его изящным вымыслом о возникновении Купидона из яйца, снесенного Ночью. Божественный философ прямо говорит: «Бог сделал все прекрасным в свое время и передал мир на их суд, хотя человек не может постигнуть дел, которые бог творит от начала до конца» [2]. И действительно, высший закон бытия и природы, действие которого сказывается неизменно во всех изменениях вещей (то, что может быть выражено словами: «дело, которое бог творит от начала до конца»), т. е. сила, вложенная богом в те первичные частицы, от умножения которых возникает и конституируется все разнообразие вещей, есть нечто, на познание чего человеческий разум претендует, но что он едва ли может постигнуть. Что же касается рассказа о яйце, снесенном Ночью, то он прекрасно подходит для демонстрации того, как этот Купидон производится на свет. Ибо то, что получено путем утверждений, представляется детищем света, между тем как то, что выведено путем отрицаний и исключений, как бы исторгнуто и выведено

из тьмы и ночи. Таким именно яйцом, высиженным Ночью, действительно является этот Купидон, ибо все то знание, которое мы о нем можем иметь, есть результат отрицаний и исключений, а доказательство путем исключения в отношении того, что исследуется, есть в некотором роде незнание и как бы блуждание во тьме. На этом основании Демокрит правильно утверждал, что *атомы* или семена и их свойства не похожи на что-либо, что может быть воспринято ощущением, и отмечал, что по своей природе они абсолютно невидимы и недоступны, говоря о них:

...Ни с огнем у них сходства, ни с вещью
Кроме того никакой, способною к чувствам направить
Нашим тела и касаньем своим осязанье затронуть [3].

И об их свойствах:

А между тем, при созданьи вещей, ведь должны непременно
Первоначала вносить потаенную, скрытую сущность,
Чтоб не являлось ничто препятствием или помехой
Всяким созданьям иметь свои самобытные свойства [4].

Атомы поэтому не похожи ни на искры огня, ни на капли воды, ни на воздушные пузырьки, ни на пылинки, ни на частицы воздуха или эфира. Точно так же и в отношении силы и формы они не являются ни тяжелыми, ни легкими, ни горячими, ни холодными, ни плотными, ни редкими, ни твердыми, ни мягкими в том виде, как эти качества проявляются в больших телах, ибо все перечисленные качества и другие подобные им являются продуктом соединения и комбинаций. Подобным же образом и естественное движение атома не есть просто движение падения, которое называют естественным, или противоположное падению движение (обусловленное толчком), или движение растяжения и сжатия, или движение отталкивания и соединения, или вращательное движение небесных тел и вообще какое-либо из других движений, свойственных большим телам. Тем не менее в теле атома есть элементы всех тел, а в его движении и силе — начала всех движений и сил. Впрочем, в этом пункте, а именно в отношении движения атома по сравнению с движением больших тел, философия мифа, по-видимому, расходится с Демокритом. Действительно, то, что Демокрит далее говорит об этом, не только не согласно с мифом, но и непоследовательно и почти противоречиво само по себе. Ибо ему следовало бы приписать

атому особого рода движение, подобно тому как он наделил его особой материей и особенными силами, между тем как он из движений, свойственных большим телам, выбрал два вида движения, а именно движение вниз тяжелых тел и движение вверх легких (объясняя последнее действием силы или толчка более тяжелых атомов, толкающих менее тяжелые вверх), и приписал их атому в качестве первичных движений. Миф же, напротив, сохраняет особенность и исключительность атома как в отношении субстанции, так и в отношении движения. Но миф, далее, намекает, что указанные нами исключения имеют известный предел и меру: Ночь ведь не вечно высиживает яйцо. И действительно, лишь один бог обладает той особенностью, что, когда мы желаем постигнуть его природу с помощью чувства, то исключения никогда не завершаются в утвердительном. В нашем же случае дело обстоит иначе, а именно так, что после надлежащих исключений и отрицаний кое-что утверждается и устанавливается и яйцо высиживается как бы после надлежащего периода инкубации; и не только Ночь высиживает свое яйцо, но, сверх того, из этого яйца вылупливается персона Купидона, т. е. из незнания выводится и извлекается не какое-то понятие предмета, но определенное, [отнюдь не] смутное понятие. И из всех возможных доказательств в отношении первой материи мы придерживаемся того, которое нам представляется наиболее согласным со смыслом мифа.

Перейдем теперь к самому Купидону, т. е. к первой материи и ее свойствам, окутанным столь глубокой ночью, и посмотрим, какого рода свет бросает на них миф. Мы, конечно, хорошо знаем, что мнения этого рода кажутся людям дикими и почти невероятными как для чувства, так и для мысли; и это, как мы видим, уже испытала на себе атомистическая философия Демокрита, которую чернь объявила детской лишь потому, что она более глубоко и тонко проникла в тайны природы и была наиболее далека от ходячих мнений. Мало того, словопрения других философов, более доступные пониманию черни, словно ветер, поколебали ее, и она чуть не была предана забвению. А между тем в свое время этот человек пользовался большой славой и за разносторонность своих знаний был прозван Pentathlus[5] и по общему мнению философов считался величайшим физиком, так что он снискал себе даже прозвище мага. И ни словесные бои и сражения Аристотеля (который, подобно турецким

султанам, не чувствовал своего философского царства в безопасности, пока не убил своих братьев, и который, как это явствует из его собственных слов, заботился о том, чтобы потомство ни в чем не сомневалось), ни величие и святость Платона не могли в такой мере взять верх — один средствами насилия, другой своим моральным авторитетом, чтобы окончательно дискредитировать философию Демокрита. Но, в то время как философия Платона и Аристотеля с шумом и помпой пропагандировалась и прославлялась профессорами в школах, философия Демокрита была в большом почете у более мудрых людей и у таких, которые тяготели к молчаливым размышлениям и более трудным видам исследования. Несомненно, что в эпоху расцвета римской образованности философия Демокрита была не только известна, но и пользовалась сочувствием, ибо Цицерон везде отзывается о нем с величайшей похвалой, а знаменитые строки о нем поэта, выражавшего, по-видимому (как это обычно делают поэты), господствующее мнение своей эпохи, были написаны вскоре; эти строки гласят:

...Говорит его мудрость,
Что величайшие люди, пример подающие многим,
Могут в бараньей стране и под небом туманным рождаться [6].

Эта философия была, следовательно, уничтожена не Платоном и Аристотелем, а Гензерихом, Атиллой и варварами. Ибо, после того как все человеческое знание потерпело кораблекрушение, эти дощечки философии Платона и Аристотеля, сделанные из наиболее легкого материала, сильно разбухнув, уцелели и дошли до нас, между тем как наиболее весомые потонули и почти были забыты. Нам же представляется, что философия Демокрита заслуживает того, чтобы ее извлекли из забвения, тем более что она во многом согласуется с указаниями древнейших времен.

Итак, Купидон прежде всего описывается как определенное лицо, и ему приписываются младенчество, крылья, стрелы и другие атрибуты, о которых я после буду говорить особо. Пока же мы устанавливаем, что древние представляли себе первую материю (такую, которая может быть началом всех вещей) как имеющую форму и качества, а не как абстрактную, только возможную и бесформенную. И конечно, такая лишенная всяких качеств и форм пассивная материя является, по-видимому, совершеннейшей фикцией человеческого ума, про-

исходящей из-за склонности человеческого разума считать наиболее реальным то, что он сам более всего расположен воспринять и чем он чаще всего аффицируется. Из этой склонности и проистекает то представление, что формы (как их обычно называют) есть нечто более реальное, чем материя или действие, ибо материя скрыта, а действие изменчиво, материя не столь сильно запечатлевается, действие же есть нечто преходящее. Формы же, напротив, представляются явными и постоянными. Отсюда возникает представление, будто первая и всеобщая материя есть лишь придаток в виде опоры к форме, а действие, какого бы характера оно ни было, есть лишь эманация формы, и, таким образом, первое место отводится формам. Отсюда, по-видимому, возникло представление о сущем как о царстве форм и идей с прибавлением, так сказать, некоторого рода фантастической материи. Развитию этих представлений способствовало, кроме того, суеверие (обыкновенно сопутствующее заблуждению и необузданности), и абстрактные идеи и их преувеличенная оценка воцарились в науке настолько самонадеянно и помпезно, что полчище фантастов почти взяло верх над трезвыми людьми. Эти воззрения теперь в значительной степени изжиты, хотя и в наш век кое-кто пытался более смело (как мне кажется), чем успешно, выступить в их защиту и воскресить их[7]. Но всякий не зараженный предрассудками легко может видеть, насколько противоречит разуму принятие за начало абстрактной материи. Ведь реальное существование самостоятельных, не связанных с материей форм признавалось многими; реальное же существование самостоятельной материи не признавалось никем, не исключая даже тех, кто принимал такую материю за начало. Но образовывать реальные сущности из воображаемых вещей нелепо и бессмысленно, и это не дает ответа на вопрос о началах. Ибо вопрос не в том, каким образом мы лучше всего можем мысленно охватить и распознать природу сущего, а в том, какова реальная природа тех первичных и наиболее простых сущностей, из которых образовалось все остальное. Но это первосущее должно существовать не менее реально, чем то, что из него возникает, а в известном смысле даже более реально. Ибо первосущее существует самостоятельно, между тем как остальное существует благодаря ему. А то, что было сказано об упомянутой абстрактной материи, имеет не больше смысла, чем если бы кто-нибудь стал утверждать, что мир и все сущест-

вующее образованы из категорий и подобных диалектических понятий как из своих начал. В самом деле, разница между утверждением, что мир образован из материи, формы и небытия, и утверждением, что мир образован из субстанции и противоположных качеств, невелика. Однако почти все древние мыслители — Эмпедокл, Анаксагор, Анаксимен, Гераклит и Демокрит,— хотя и расходились между собой во многих других пунктах, касающихся первой материи, тем не менее сходились в том, что все они определяли материю как активную, как имеющую некоторую форму, как наделяющую этой формой образованные из нее предметы и как заключающую в себе принцип движения. Да и никто не может мыслить иначе, если он не желает совершенно покинуть почву опыта. Поэтому все указанные мыслители подчинили свой разум природе вещей, между тем как Платон подчинил мир мыслям, а Аристотель подчинил эти мысли словам, ибо уже и тогда люди были склонны к спорам и разговорам и отказывались от более строгого искания истины. Вот почему такие мнения должны быть, скорее, отвергнуты целиком, чем опровергнуты по частям, ибо они являются мнениями тех, кто желает много говорить и мало знать. И эта абстрактная материя есть материя дискуссий, а не материя Вселенной. Но тому, кто правильно и систематически философствует, следует рассекать природу, а не абстрагировать ее (те же, кто не хочет рассекать, вынуждены абстрагировать), и первую материю следует вообще рассматривать как неразрывно связанную с первой формой и с первым началом движения, как мы это и находим. Ведь абстрагирование движения также породило много фантазий о душах, жизненных началах и т. п., как будто для объяснения этих явлений недостаточны материя и форма, а они зависят от каких-то своих особенных принципов. Но эти три стороны ни в коем случае не могут быть отделены друг от друга, а лишь различены, и мы должны представлять себе материю (какова бы она ни была) столь упорядоченной, подготовленной и оформленной, чтобы всякая сила, сущность, всякое действие и естественное движение могли бы быть ее следствием и эманацией. При этом нам, как я покажу позже, не следует бояться, что результатом этого будет всеобщая косность или что, следуя указанному принципу, нельзя будет объяснить видимое разнообразие вещей. А что первая материя имеет некоторую форму, демонстрируется в мифе тем, что он наделяет

Купидона личностью. Однако этот же миф говорит о том, что материя как целое, или масса материи, была некогда бесформенной, ибо Хаос лишен формы, тогда как Купидон — определенное лицо. И это согласуется с тем, что говорится в Священном писании, ибо там не сказано, что бог вначале сотворил материю, а лишь что он сотворил небо и землю.

Имеется также некоторое описание состояния вещей до дней творения, в котором есть ясное упоминание земли и воды, выступающих как названия форм, хотя в целом масса материи была еще бесформенной. Однако, хотя Купидон представлен в мифе как персона, он представлен голым. Вот почему вслед за теми, кто делает материю абстрактной, наибольшую ошибку (хотя в противоположном направлении) совершают те, кто представляет себе ее необнаженной. Мы уже слегка коснулись этого вопроса в своих замечаниях о доказательствах относительно первой материи и неоднородности этой материи. Но та часть нашего трактата, к которой мы сейчас приступаем, является наиболее подходящим местом для рассмотрения этих вопросов. Мы должны поэтому рассмотреть, кто из тех мыслителей, которые принимали за начала вещей оформленную материю, приписывал этой материи естественную и голую форму, а кто — привнесенную и облекающую ее. На этот счет имеются четыре разных мнения. Первое—это мнение тех, кто утверждает, что имеется какое-то одно начало вещей, но что разнообразие существующего обусловлено непостоянством и изменчивостью этого начала. Второе — это мнение тех, кто принимает за начало одну твердую и неизменную субстанцию и производит разнообразие существующих вещей из различия величин, конфигураций и положений этого начала. Представители третьего мнения принимают много начал вещей и объясняют разнообразие существующего соотношением и смешением этих первичных начал. Сторонники же четвертого мнения принимают бесконечное или во всяком случае огромное число начал, каждому из которых они приписывают специфическую природу и форму, так что представителям этого мнения не приходится ничего придумывать для объяснения разнообразия вещей, ибо они это разнообразие вкладывают в самые начала[8]. Из этих направлений, как мне кажется, только второе представляет Купидона так, как он есть,— естественным и голым. Ибо первое направление представляет его нам как бы носящим покрывало, третье —

как бы одетым в тунику, а четвертое — как бы закутанным в плащ и почти замаскированным. Однако в целях лучшего объяснения аллегории я скажу несколько слов о каждом из этих направлений. Прежде всего я должен отметить, что среди всех тех мыслителей, которые принимают одно начало вещей, я не нашел ни одного, который принимал бы за это начало землю. В самом деле, покоящаяся и пассивная природа земли, испытывающая воздействия неба, огня и других вещей, исключала возможность такого предположения. Тем не менее мудрость древних отвела Земле второе место после Хаоса и сделала ее сначала родительницей, а затем невестой Неба, от брака с которым родилось все существующее. Но это следует понимать не в том смысле, будто древние принимали землю за начало сущего, а лишь в том, что они считали ее началом или, скорее, источником схематизма или упорядоченности (schematismi sive systematis). Поэтому мы относим это учение к мифу о Небе, когда мы будем исследовать вопрос об источниках, рассмотрение которого должно следовать за рассмотрением вопроса о началах.

Фалес утверждал, что начало вещей — это *вода*. Он видел, что материя наделена преимущественно влагой, а влага содержится в воде. И казалось вполне обоснованным принять за начало вещей то, в чем мы находим их свойства и силы и особенно элементы их рождения и восстановления. Он видел, что причиной рождения животных служит влага; что семена и зерна растений точно так же бывают мягкими и нежными (пока они свежи и способны давать плод); что металлы плавятся и становятся жидкими, так что они представляют собой как бы застывшие соки земли или своего рода минеральные воды; что сама земля становится плодородной и оживает благодаря ливням или орошению; что земля и тина представляют собой не что иное, как осадки и отстой воды; что воздух — это очевидно — есть испарение и расширение воды; мало того, сам огонь не может быть зажжен, не может сохраниться и поддерживаться без помощи и содействия влаги. Он видел также, что те жидкие масла, при помощи которых поддерживается жизнь пламени и огня, являются своего рода состоянием зрелости и сгущением воды. Он видел, далее, что тело и масса воды распределены по всей Вселенной как жизненное средство всего существующего, что земля окружена океаном, что велика сила пресных подземных вод, дающих начало

источникам и рекам, которые, подобно венам тела, разносят воду по поверхности и по внутренностям земли; что и в верхних сферах имеются огромные скопления паров и воды — другой мир вод, созданный как бы для пополнения и освежения существующих внизу, а также и самого океана. Фалес вместе с тем предполагал, что даже небесные светила питаются этими парами и водами, поскольку они не могут ни существовать без питания, ни питаться чем-либо другим. Он, далее, видел, что форма воды, как она проявляется в ее частицах (я подразумеваю капли), одинакова с формой Вселенной, именно кругла и шарообразна; более того, что колебания, свойственные воде, наблюдаются также в воздухе и в пламени; наконец, что движение воды бывает плавным: оно не сковано и не очень быстро, и что рыба и водяные животные порождаются в огромных количествах.

Однако Анаксимен принял за единственное начало вещей *воздух*. Ведь если масса должна быть принята во внимание при установлении начал вещей, то воздух занимает самую большую часть Вселенной. В самом деле, если мы отвергаем представление о существовании особого пустого пространства, а также предрассудок о разнородности небесного и подлунного, то мы должны думать, что все пространство между земным шаром и пределами небес, все части этого пространства, не занятые ни звездами, ни метеорами, заполнены воздушной субстанцией. Но весь земной шар по сравнению с небесной сферой представляется чем-то вроде точки. И насколько мала та часть самого эфира, которая занята звездами! В ближайших к земле сферах отдельные звезды видны поодиночке, и хотя в более отдаленных сферах число звезд огромно, однако они занимают малое пространство по сравнению с расстоянием между ними; так что все существующее как бы плавает в огромном воздушном море. Кроме того, и в воде, и во впадинах земли имеется немало воздуха и воздушной субстанции, благодаря которой воды получают свою текучесть, а иногда расширение и вспучивание; и земля, помимо того что обладает пористостью, подвергается время от времени колебаниям и потрясениям, которые являются явными признаками сдавленного ветра и воздуха. И если наиболее пригодной для роли начала вещей является посредствующая природа, способная обеспечить такое разнообразие, то такое начало мы как будто в полной мере находим в воздухе. Ибо воздух является как бы средством всеобщей связи

вещей не только потому, что он имеется везде, проникает в пустоты и занимает их, а, скорее, в силу того, что он обладает как бы посредствующей и безразличной природой. В самом деле, воздух принимает и проводит свет, темноту, окраску всех цветов и тусклый цвет тени, передает с величайшей точностью разные впечатления и оттенки музыкальных тонов и (что важнее) членораздельных звуков, принимает и не смешивает различия запахов, не только общих, вроде душистого, зловонного, тяжелого, крепкого и т. п., но своеобразных и специфических, как запах розы или фиалки; воздух одинаково восприимчив к устойчивым и сильным свойствам жары, холода, влажности и сухости; в нем, пребывая, плавают водяные пары и испарения жиров, соли и металла; в нем, наконец, тайно сходятся и спорят между собой лучи небесных тел и наиболее скрытые согласия и несогласия вещей. Воздух, таким образом, является вторым хаосом, в котором действуют, бродят, враждебно сталкиваются и мерятся силами семена столь многих вещей. Наконец, если мы обращаемся к производительной и животворящей силе в вещах как к той, которая служит указанием на начала вещей и их выявляет, то и в этом случае мы как будто придем к воздуху как к основному началу. Недаром же названия воздуха, духа и души употребляются иногда как синонимы, а это делается с полным основанием, так как дыхание является как бы неразлучным спутником наиболее зрелых стадий жизни (т. е. за исключением первых зачатков жизни в эмбрионах и в яйцах), так что рыбы задыхаются, когда поверхность застывает и замерзает. Даже огонь умирает, если он не оживляется окружающим воздухом; да и огонь нам представляется воздухом, подвергшимся трению, возбужденным и воспламененным, как и вода, с другой стороны, нам представляется застывшим и сжатым воздухом. Земля точно так же беспрестанно выдыхает воздух и вовсе не нуждается в промежуточной стадии воды, чтобы перейти в состояние воздуха.

Гераклит, с другой стороны, с большим остроумием, но менее правдоподобно сделал началом вещей *огонь*. Ибо в качестве начала вещей он выбрал не промежуточную природу, которая бывает обычно наиболее неопределенной и тленной, а законченную и совершенную, которая завершает собой всякое преобразование и изменение. Дело в том, что Гераклит видел, что величайшее разнообразие и смешение можно встретить в твердых и плот-

ных телах, ибо такие тела могут быть органическими и подобны машинам, которые уже благодаря одной своей конфигурации допускают бесчисленные вариации. Таковы, например, тела растений и животных. И даже те из тел, которые не являются органическими, оказываются при внимательном рассмотрении весьма различными между собой. В самом деле, сколь различны между собой те части животных, которые называются подобными,— мозг, стекловидная влага, глазной белок, кость, перепонка, хрящ, жила, вена, мясо, жир, костный мозг, кровь, семя, дух, млечный сок и т. п.; соответственно в растениях — корень, кора, ствол, лист, цвет, семя и т. п.? Ископаемые, конечно, не являются органическими, и тем не менее и они обнаруживают большое разнообразие внутри каждого вида и еще более богатое разнообразие между различными видами. Вот почему представляется, будто это огромное разнообразие, наблюдаемое среди обширного ряда наличных и действующих реальных существ, имеет своей основой твердую и плотную природу. Но жидкие тела совершенно лишены свойств органической структуры, ибо во всей видимой природе нельзя найти животное или растение, которые обладали бы совершенно жидким телом. Таким образом, из жидкой природы исключено, изъято бесконечное разнообразие. И все же разнообразие, и в не малой степени, присуще и природе жидкости, как это явствует из огромного различия, существующего между расплавленными телами, разными соками, жидкостями и т. п. В воздушных же и пневматических телах это разнообразие значительно более ограничено, и его место занимает какое-то безразличное однообразие вещей. Действительно, цвет и вкус, которыми обладают еще иногда жидкие тела, совершенно не присущи воздушным телам: способность обладать запахом и кое-что другое у них остается, но лишь как нечто преходящее, беспорядочное и отделимое от них, так что можно установить как общее правило, что, чем ближе тела приближаются к природе огня, тем больше они теряют в разнообразии. И после того как тела перешли в состояние огня в его надлежащем и чистом виде, они отбрасывают все органическое, всякое специфическое свойство и всякое несходство между собой, и кажется, будто природа сжимается в одну точку на вершине пирамиды и будто она достигла предела свойственной ей деятельности. Вот почему это воспламенение, или пожар, Гераклит называл миром, ибо здесь природа приводится

к единству; рождение же он называл войной, так как оно ведет ко множеству. И чтобы этот закон (в силу которого все существующее, подобно морскому приливу и отливу, переходит от разнообразия к единству и от единства к разнообразию) мог быть как-нибудь объяснен, он утверждал, что огонь сгущается и редеет, однако так, что процесс разрежения по отношению к природе огня является прямым и поступательным действием природы, между тем как процесс сгущения является своего рода возвратным действием, или результатом ее бездеятельности. Оба эти процесса, по его мнению, имеют место в силу судьбы и (в общем итоге) в определенные периоды, так что ныне существующий мир будет когда-нибудь разрушен огнем, а затем снова воссоздан, и эта смена и последовательность сгорания и возрождения непрерывны. Однако воспламенение и затухание должны, согласно Гераклиту (если внимательно изучить скудный материал, дошедший до нас об этом мыслителе и его взглядах), иметь место в различном порядке. Ибо что касается процесса воспламенения, то Гераклит не отклоняется от общего мнения, а именно что движение разрежения и уменьшения шло от земли к воде, от воды к воздуху, от воздуха к огню, а назад иначе: порядок был круговой. Так, он утверждал, что огонь, угасая, производит землю как свою золу и сажу, что последние производят и собирают влагу, от скопления которой происходит разлив воды, которая в свою очередь испускает и испаряет воздух; так что переход от огня к земле является внезапным, а не постепенным.

Таковы, если не еще лучше, были мнения тех, которые принимали одно начало вещей, занимаясь просто исследованием природы, а не спорами о ней. И они заслуживают похвалы за то, что дали Купидону лишь одно платье (что является ближайшей ступенью к совершенной наготе) и это платье, как мы уже говорили, было чем-то вроде вуали, а не из более плотной ткани. Платьем же Купидона мы будем называть некоторую форму, которая приписывается первой материи и о которой можно сказать, что она субстанциально однородна с формой какой-нибудь из вторичных сущностей. Однако утверждения этих мыслителей относительно воды, воздуха и огня — утверждения, покоящиеся на шатких основаниях,— нетрудно будет опровергнуть, и, по-моему, нет основания оспаривать здесь каждое из них в отдельности, поэтому я коснусь их лишь в общем.

Прежде всего заметим, что эти древние философы при исследовании начал пользовались не вполне строгим критерием отбора. Они лишь выискивали среди видимых и явных тел то, которое им казалось наиболее превосходным, и провозглашали его началом всех вещей, провозглашали таковым как бы по праву его превосходства, а не потому, что оно на самом деле и действительно таково. Ибо они полагали, что такая природа является той единственной, о которой можно сказать, что она есть то, чем она кажется; прочие же тела, полагали они, имеют ту же природу, хотя это и не согласуется с их внешним видом. Таким образом, они, по-видимому, или выражались иносказательно, или говорили под влиянием ослепления; более сильное впечатление заслонило собой все остальное. Однако правильно рассуждающий должен бы смотреть на все вещи одинаково и принимать за начало вещей то, что согласуется в такой же мере с мельчайшими, редчайшими и наиболее пренебрегаемыми вещами, как и с величайшими, самыми многочисленными и наиболее сильными. Ибо хотя мы, люди, больше поражаемся тем сущностям, которые сильнее действуют, однако объятия природы открыты для всех, если же указанные философы придерживаются своих начал не в силу их превосходства, а просто так, тогда они, несомненно, применили очень грубую фигуру речи, которая делает их высказывания двусмысленными, ибо то, что они говорят, относится не к естественному огню, воздуху или естественной воде, а к какому-то воображаемому и идеальному огню, воздуху и т. д., которые, сохраняя эти имена, означают нечто совсем другое. Очевидно, кроме того, что они наталкиваются на те же трудности, что и сторонники абстрактной материи, ибо если последние вводят совершенно потенциальную и фантастическую материю, то отчасти делают то же и первые. Больше того, они делают материю оформленной и актуальной в отношении одной вещи (именно в отношении своего начала), но потенциальной в отношении всего другого. Ясно также, что такого рода единое начало не имеет никакого преимущества перед абстрактной материей, за тем лишь исключением, что оно все же способно что-то предложить человеческому разуму, на чем человеческие мысли могут лучше сосредоточиться и благодаря чему понятие самого начала становится несколько более содержательным, чем понятия других вещей, более темных и трудных. Однако факт, что в это время еще не наступило царство «кате-

горий», где это абстрактное начало могло бы укрыться под покровительством и защитой категорий субстанции, и поэтому никто не осмелился придумать совершенно воображаемую материю, а за начало принималось нечто, что может быть воспринято чувством, нечто реально существующее, и лишь способ действия этого начала оставался воображаемым (ибо в этом отношении они себе позволили большую вольность) [9]. Ведь они не открыли — мало того, даже не думали о том,— какое побуждение или стимул, какое основание и какая причина заставляют их начало отступать от своей природы и снова обретать ее и каким путем это совершается. В самом деле, мы наблюдаем в мире огромную массу противоположностей — плотного и редкого, теплого и холодного, света и тьмы, одушевленного и неодушевленного — противоположностей, которые взаимно сталкиваются и разрушают друг друга; и если предположить, что эти противоположности проистекают как из своего источника из одной материальной субстанции, и при этом не показать, каким образом это может совершиться, то это будет проявлением путаной мысли и отсутствием всякого исследования. Ибо, если такое предположение имело бы за собой достоверность чувств, вы обязаны были бы принять его, если бы даже и оставалось непонятным, каким образом это происходит; с другой стороны, если бы можно было при помощи разума найти соответствующее и правдоподобное объяснение того, как дело происходит, мы, может быть, должны были отказаться от очевидности; но от нас ни в коем случае не могут требовать, чтобы мы согласились с таким предположением, реальность которого не засвидетельствована непосредственным чувством или вероятность которого не доказана на основании разума. Кроме того, если бы имелось лишь одно начало вещей, его отличительный признак должен был бы усматриваться во всех вещах наравне с их наиболее важными частями и преобладающими признаками и не должно было бы существовать ни одной значительной вещи, которая была бы диаметрально противоположна этому началу. Точно так же это начало должно было бы занимать промежуточное положение, чтобы быть наиболее пригодным для перехода во всякую вещь и к всесторонней деятельности. Но ни одного из этих свойств мы не находим в началах указанных философов. Ибо земля, которой не досталась честь быть началом, очевидно, обладает свойствами, противоположными свойствам указанных трех

начал, так как подвижности огня и свету, исходящему от него, она противопоставляет покой и тьму; разреженности и мягкости воздуха она точно так же противопоставляет плотность и твердость, а влажности и податливости воды она противопоставляет сухость, тугость и шероховатость. Земля сама, кроме того, занимает центральное место, оттесняя от центра остальные элементы. И даже если бы имелось лишь одно начало вещей, то оно должно было бы иметь природу, безразлично склонную как к рождению вещей, так и к их разрушению, ибо условием начала является в одинаковой мере как то, что вещи в него возвращаются, так и то, что они из него порождаются. Но и этого нет, ибо из указанных тел воздух и огонь, очевидно, не способны доставлять материю для порождения вещей, хотя готовы принимать их разрушение; вода же, напротив, способствует рождению, но, скорее, чужда и враждебна разрушению или восстановлению, как в этом легко было бы убедиться, если бы на некоторое время совершенно прекратились дожди. Мало того, само гниение ни в коем случае не превращает вещи в простую и чистую воду. Но величайшей ошибкой упомянутых нами философов является то, что они принимают за начало нечто тленное и смертное, и именно эту ошибку они совершают, вводя такое начало, которое покидает и отбрасывает свою природу, когда оно переходит в производные явления.

Ведь, коль из граней своих что-нибудь, изменяясь, выходит,
Это тем самым есть смерть для того, чем оно было раньше [10].

Но нам придется более подробно развить этот аргумент при ближайшем рассмотрении третьего направления, к которому наше изложение сейчас подходит, а именно к тому, которое принимало несколько начал вещей. Это направление на первый взгляд может показаться более солидным и основательным, на деле же оно основывается на большом числе предрассудков. Вот почему я намерен подвергнуть разбору представителей этого направления не совокупно, а каждого в отдельности.

Из всех мыслителей, утверждавших, что имеется много начал, я оставляю в стороне тех, которые считали число начал бесконечным, так как пункт о бесконечности относится к мифу о Небе. Но среди древних философов Парменид принимал два начала вещей — *огонь* и *землю* или *небо* и *землю*. Ибо он утверждал, что солнце и звезды представляют собой истинный огонь, чистый и

светлый, а не выродившийся, как наш земной огонь, который подобен Вулкану, сброшенному с неба и получившему увечье при падении. Все эти взгляды Парменида в наше время возродил Телезио — человек способный и хорошо знакомый с воззрениями перипатетиков (если они имеют какую-либо ценность), которые он также обратил против них; но в своих собственных построениях он путался и был сильнее в разрушении, чем в созидании. О взглядах самого Парменида до нас дошли скудные и смутные сведения. Но основы сходной концепции, кажется, правильно изложены в книге, написанной Плутархом и посвященной первичному холоду. Источником для этой книги, по-видимому, послужил какой-то древний трактат, существовавший в то время и до нас не дошедший. Ибо книга Плутарха содержит немало мыслей, более остроумных и более дельных, чем обычные высказывания этого автора. Эти взгляды, вероятно, оказали свое влияние на Телезио, так что он их твердо усвоил и строго придерживается их в своих комментариях к книге «О природе вещей». Взгляды этого направления сводятся к следующему.

Первыми формами, первыми активными сущностями и поэтому и первыми субстанциями являются *тепло* и *холод*. Но эти сущности, однако, бестелесны. Они лишь имеют своей основой пассивную и потенциальную материю, которая снабжает их телесной массой и одинаково восприимчива к обеим этим формам, но сама совершенно неспособна к действию. Свет есть продукт тепла, но рассеянного тепла, которое, увеличиваясь от скопления, становится сильным и чувствительным. Темнота подобным же образом есть отсутствие и уничтожение лучистой природы благодаря холоду. Разреженность и плотность как бы сотканы теплом и холодом, которые являются их производителями и действующими агентами, причем холод сгущает и уплотняет, а тепло разрежает и утончает. От характера этой ткани зависит то или иное отношение тела к движению, а именно его склонность или нерасположенность к движению: готовность и склонность у тонких тел, косность и нерасположенность у плотных. Поэтому тепло путем разрежения возбуждает и создает движение, холод же путем сгущения тормозит и останавливает движение. В силу этого имеется четыре одинаково существенных и связанных одна с другой природы, причем двух видов соответственно указанному мной порядку (ибо источником являются тепло и холод, все

же остальное — следствия), так что все они неизменно сопровождают друг друга и неразделимы. Эти природы суть тепло, свет, разреженность, подвижность, а с другой стороны, их четыре противоположности — холод, темнота, плотность, неподвижность. Первая группа имеет свое местопребывание и седалище на небе, на звездах, и в частности на солнце, вторая группа — на земле. Ибо благодаря своему чрезвычайному и полному жару и благодаря максимальному растяжению материи небо является наиболее горячим, светлым, разреженным и подвижным; земля же, напротив, благодаря своему исключительному и непрерывному холоду, а также благодаря крайнему сжатию материи является наиболее холодной, наиболее темной, плотной, совершенно неподвижной и исключающей всякое движение. Небесные же выси сохраняют свою природу цельной и нерушимой, и, хотя они допускают некоторые взаимные различия, своей отдаленностью они ограждены от возможности противоположного воздействия или столкновения. Такое же постоянство существует в глубине или во внутренних частях земли. И лишь на краях неба и земли близко подходят друг к другу и сталкиваются противоположные тела, что ведет к взаимной борьбе между ними и к взаимным воздействиям. Небо поэтому во всей своей массе и субстанции горячо и совершенно свободно от противоположной природы, но это тепло неравномерно распределено по всем частям неба, и некоторые части более, другие менее горячи. Ибо в телах звезд жар более силен, в межзвездных пространствах—менее. Мало того, среди самих звезд некоторые являются более горячими, чем остальные, и обладают более ярким и более светлым огнем; но ни противоположная природа холода, ни какая-либо степень ее сюда не могут проникнуть, ибо небо допускает внутри себя лишь различия, но не противоположности. Но вы не должны судить о цельном и самородном тепле или огне небесных тел на основании обычного огня. Ибо наш огонь оторван от родной почвы, неустойчив, окружен враждебными телами, беспомощен, нуждается для своего сохранения в снабжении топливом и имеет преходящую природу, между тем как на небе огонь находится на своем настоящем месте, огражденный от возможности насилия со стороны какого-нибудь противоположного тела, постоянен, сохраняется сам собой и при помощи однородных тел и совершает свойственные ему действия свободно и без помехи. Небо также светло повсюду, но

разные его части не в одинаковой степени, ибо, ввиду того что среди известных и исчисленных звезд имеются некоторые, видимые лишь при ясном небе, и в Млечном Пути имеются скопления малых звезд, совокупность которых образует нечто вроде белой цепочки, но которые в отдельности не различаются как светлые тела,— ввиду этого нельзя сомневаться, что имеется много невидимых для нас звезд. И в самом деле, универсум небес на всем своем протяжении наделен светом, но этот свет не везде обладает таким сильным и далеко отражающимся блеском и такими плотными и интенсивными лучами, чтобы он мог пройти такое огромное расстояние и дойти до нашего зрения. Небо, кроме того, состоит из тонкой и разреженной субстанции, в которой ничто не нагромождено и не уплотнено насильственно, однако в некоторых частях материя более растянута, в других — меньше. Мы находим, наконец, что небо имеет то движение, которое подобает наиболее подвижным телам, именно кругообращение, или вращательное движение. Ибо круговое движение не имеет предела и является как бы самоцелью, между тем как движение по прямой линии имеет предел и совершается для чего-то и как бы стремится к покою. Поэтому универсум небес движется в круговом движении, и никакая его часть не свободна от этого движения. Однако, подобно тому как существует неравенство между различными частями неба в отношении тепла, света и разреженности, точно так же наблюдается неравенство между ними и в отношении движения, причем это неравенство является наиболее явным, ибо оно более всего привлекает человеческое внимание, и более доступно наблюдению, и даже может быть установлено путем вычислений. Движение обращения может различаться по скорости и по направлению. В отношении скорости оно может быть быстрее и медленнее; в отношении же направления оно происходит по совершенному кругу или по спиралевидному, при котором движущееся тело не возвращается при каждом обороте на прежнее место (так как спиральная линия состоит пз прямой линии и круга). Поэтому на небе имеют место как раз эти неравенства — различие в быстроте и отклонения от точки отправления, или спиральность. Ибо блуждающие звезды и планеты обладают неравной скоростью, а планеты явно отклоняются от тропика к тропику; и, чем выше находятся небесные тела, тем больше их скорость и тем более спирально направление их движения. В са-

мом деле, если мы возьмем явления просто и так, как мы их наблюдаем, и установим одно естественное и простое суточное движение небесных тел, отвергнув при этом тенденцию математики сводить движения к совершенным кругам и допуская спиральную линию, если мы также сведем к одному те противоположные движения, которые совершаются последовательно с востока на запад (каковое движение называется движением перводвигателя) и с запада на восток (которое считают специфическим движением планет), относя разницу во времени возвращения за счет разности скорости, а разницу в положении по отношению к Зодиаку за счет спиральных линий,— то ясно, что должно произойти то, что я сказал, а именно что луна, например, которая является наиболее низкой из всех планет, должна двигаться медленнее всех и по наиболее редким и наиболее открытым спиралям. Таковы, по-видимому, взгляды представителей этого направления относительно природы той части неба, которая (по причине своей отдаленности от противоположных тел) является прочной и постоянной. Но сохранил ли Телезио прежние пределы и представлял ли он себе, что такова природа всего, что находится над луной, как и самой луны, или он полагал, что враждебная сила может подняться выше,— этого он ясно не говорит. Но о земле (которая является сферой и седалищем противоположных тел) он точно так же утверждает, что бóльшая часть ее остается незатронутой и непоколебленной и огражденной от проникновения небесных тел. Но какова природа этой части, об этом, говорит он, нечего спрашивать. Достаточно представлять ее себе наделенной четырьмя свойствами, а именно холодом, темнотой, плотностью и покоем, но наделенной ими в абсолютной и никак не меньшей степени. Часть же земли, лежащую у поверхности и представляющую как бы земную кору или оболочку, Телезио предназначает для рождения вещей. Он предполагает, что все сколько-нибудь известные нам предметы, даже наиболее тяжелые и твердые, и те, которые лежат глубже всего в земле, как металлы, камни, море,— все это состоит из земли, несколько измененной и обработанной жаром неба и уже получившей некоторую теплоту, излучение, тонкость и подвижность, коротко говоря, из земли, участвующей уже в промежуточной природе между солнцем и чистой землей. Отсюда поэтому следует, что сама чистая земля находится ниже глубочайших глубин моря, ниже глубочай-

ших руд и всех производных предметов и что между этой чистой землей и луной или еще выше должна быть расположена какая-то промежуточная природа, образованная путем уравновешивания и преломления неба и земли.

Таким образом, достаточно укрепив содержимое обоих царств, Телезио переходит к набегу и войне, ибо он предполагает, что в областях, расположенных между отдаленнейшими частями неба и глубочайшими частями земли, происходят все мятежи, конфликты и пертурбации, подобно тому как мы видим в государствах, что их пограничные области опустошаются нашествиями и войнами, в то время как их внутренние провинции наслаждаются нерушимым миром. Ведь указанные природы вместе с их конкретами имеют стремление и обладают способностью к постоянному рождению, и размножению, и распространению по всем направлениям, а также к овладению всей массой материи, к взаимным нападениям и набегам, к взаимному вытеснению и изгнанию друг друга с их собственных мест, с тем чтобы занять самим эти места; мало того, они обладают способностью замечать и усваивать силу и действия другой природы так же хорошо, как свои собственные, и благодаря этому усвоению двигаться и приспособляться. И эта борьба производит все разнообразие существующего, все действия и качества. Однако в некоторых местах он как будто приписывает (хотя и нерешительно и мимоходом) материи некоторые собственные качества: во-первых, что она не увеличивается и не уменьшается от действия на нее форм и активных начал, сохраняя всегда свою общую сумму; во-вторых, что ей свойственно движение тяжести или падения; и он что-то также говорит о черноте материи. Но одно он говорит ясно, а именно что тепло и холод при одинаковой интенсивности и одинаковом количестве действуют с меньшей силой на разреженную и растянутую материю, чем на плотную и компактную, ибо они заполняют объем материи, а не собственный объем. Но Телезио идет дальше в своих предположениях и объяснениях насчет того, каким образом эти распри и борьба могут привести к такому плодотворному рождению. Он начинает с обеспечения безопасности земли как низшего начала и показывает причину, почему она не была давно разрушена и поглощена солнцем и почему это с ней никогда не может случиться. Как первое и главное основание он приводит неизмери-

мое расстояние земли от неподвижных звезд и весьма большое расстояние от солнца — расстояние, более или менее хорошо измеримое. Второе основание — это отклонение лучей солнца от перпендикуляра по отношению ко многим частям земли, иными словами, то обстоятельство, что над большей частью земли солнце никогда не стоит вертикально, или что лучи его не падают на эту часть перпендикулярно, так что оно никогда не действует на весь земной шар с большой силой жара. Третьим основанием является склонение солнца по отношению к тем же частям земли при прохождении его через Зодиак, тепло вследствие чего, какова бы ни была его сила, увеличивается не непрерывно, а через большие промежутки. Четвертым основанием является скорость солнца в его суточном движении, когда оно проходит такой огромный круг в столь короткое время, вследствие чего тепло нигде ни на минуту не задерживается. Пятым основанием является наличие непрерывного ряда тел между солнцем и землей, вследствие чего солнце не через пустоты направляет неистощаемый запас тепла, а через множество противодействующих ему тел, борьба с которыми необычайно ослабляет его, и это тем сильнее сказывается благодаря тому, что чем дальше оно идет и чем слабее оно становится, тем более упорными бывают те тела, с которыми оно сталкивается, а больше всего оно ослабляется при приближении к поверхности земли, где оно сталкивается не только с сопротивлением, но и с прямым противодействием.

Процесс изменения рисуется Телезио в следующем виде. Между противоположными природами происходит, как он полагает, непримиримая и ожесточенная война. Указанные противоположные природы не сходятся ни в одном пункте и не сосуществуют рядом ни в чем третьем, за исключением пассивной материи. Каждая природа поэтому стремится и делает усилия к тому, чтобы совершенно разрушить другую и наложить на материю свой собственный отпечаток, и формировать ее по своему образу и подобию. Так что солнце (как Телезио это ясно и часто говорит) определенно стремится превратить землю в солнце, а земля в свою очередь стремится превратить солнце в землю. Это, однако, не мешает тому, чтобы все вещи происходили в определенном порядке, в определенное время и в надлежащей мере, а также тому, чтобы всякое действие имело надлежащее течение — начало, развитие, расцвет, увядание и прекра-

щение. Но это обусловлено не какими-нибудь законами союза, или согласия, а исключительно недостатком силы. Ибо всякое увеличение или уменьшение в свойствах и действиях проистекает не от регулирования усилия (которое стремится всецело овладеть своим объектом), а от противодействия и сдерживающей силы противоположной природы. Разнообразие, множественность, как и усложнение действия, должны всецело зависеть от одного из трех факторов, именно от силы тепла, характера материи или от способа действия. Эти три фактора тем не менее взаимно связаны между собой и обусловливают друг друга.

Само тепло различается в отношении силы, изобилия, продолжительности, среды и последовательности. Последовательность, в свою очередь, различна во многих отношениях в зависимости от того, является ли она приближением или удалением, иными словами, усилением или ослаблением, бывает ли приращение внезапным или постепенным, происходит ли возвращение или повторение через длительные или короткие промежутки времени и тому подобные случаи. Итак, тепло бывает самым разнообразным в отношении силы и природы. Оно может быть более и менее чистым относительно своего первоисточника, именно солнца. Да и не всякое тепло содействует другому теплу. Напротив того, когда две теплоты различаются между собой на много градусов, то одна из них убивает и разрушает другую точно так же, как это делает холод. Ибо каждая теплота имеет свои собственные действия и оказывает сопротивление действиям других. По отношению к более сильным теплотам более слабые теплоты являются, таким образом, в изображении Телезио, предателями и перебежчиками, состоящими в заговоре с холодом. Вот почему то слабое тепло, которое пребывает в воде, совершенно разрушает тот живой жар, который пребывает и вибрирует в огне, точно так же как неестественный жар гноя в человеческом организме тушит и гасит его естественный жар. Факт различий в количествах тепла слишком очевиден, чтобы он нуждался в доказательстве, ибо один или два горящих угля не дают такого тепла, как целая куча. Ведь эффект увеличения количества тепла наиболее замечательным образом обнаруживается в увеличении солнечного жара через отражение солнечных лучей, ибо число лучей удваивается при простом и умножается при разнообразном отражении. Но к умножению количества тепла следует присоединить также и сочетание источников тепла, что также лучше

всего показывается на примере склонения и прямого падения лучей, а именно: чем ближе сходятся прямые и отраженные лучи и чем острее угол, который они образуют между собой, тем значительнее сила выделяемого ими тепла. Мало того, само солнце испускает бо́льшее тепло, когда оно находится среди более мощных и сильных огней неподвижных звезд — созвездий Льва, Пса и Девы. Но особенно очевидно огромное значение продолжительности жара, ибо все естественные силы требуют времени: некоторое время им требуется, чтобы вступить в действие, а еще более продолжительное — для полного развития своей силы. Поэтому продолжительность тепла превращает равное тепло в прогрессирующее и неравное, так как предыдущее и последующее тепло объединяются. И это особенно ясно сказывается в том факте, что осенняя жара бывает сильнее, чем летняя, и что летний зной после полудня бывает сильнее полуденного. Точно так же слабость тепла в более холодных странах иногда возмещается более длинными и продолжительными летними днями. Однако самой изумительной является сила среды в проведении тепла, ибо благодаря ей необычайно варьирует температура времен года, и с несказанной изменчивостью она иногда бывает холодной летом и теплой зимой, между тем как солнце неизменно и регулярно держится одного и того же направления и сохраняет то же расстояние от земли. Зерновые посевы и виноград точно так же зреют быстрее при южном ветре и облачном небе. И всякое расположение и проявление неба в соответствии со сменами времен года, иногда пагубное и вредное, иногда полезное и благоприятное, имеют в этом свою причину и свое начало, а именно в разнообразии состава воздушной среды, которая накапливает различные предрасположения из самой смены и изменчивости погоды, быть может, в результате длительного времени. Но последовательность видов тепла и порядок, в котором теплота следует за теплотой, обусловлены разнообразными причинами и имеют огромное значение. Ибо солнце не могло бы вызвать столь многочисленное и столь плодотворное размножение, если бы его положению во время движения по отношению к земле и ее частям не были свойственны великое разнообразие и изменчивость. Ибо солнце движется по кругу и быстро и под наклонным углом по отношению к земле, и оно само меняется, так что оно то отсутствует, то присутствует, то бывает ближе, то дальше, то более перпендикулярно, то под более острым углом, то

возвращаясь медленно, то быстро, и никогда ни на один момент тепло не выделяется из солнца непрерывно, и нигде (разве только в тропиках) это тепло не восстанавливается через короткий промежуток, так что такая изменчивость производителя прекрасно гармонирует с таким разнообразием произведенных вещей. К этому надо прибавить крайнее разнообразие природы среды, или проводника тепла. Все остальное, что было сказано о неравенстве и степенях одного вида тепла, может быть применено к изменениям последовательности в различных видах тепла. Поэтому Аристотель не без основания приписывал рождение и разрушение вещей блуждающему пути солнца как их действующей причине. Однако он погубил эту правильную концепцию своей страстью устанавливать законы и действовать как судья над природой и вообще различать и связывать вещи по своему произволу. Ибо должно было бы приписывать рождение и уничтожение (которое никогда не бывает простым лишением, а всегда имеет своим следствием рождение чего-то другого) неравенству жара солнца в целом, т. е. его продвижению и отступлению, вместе взятым, а не раздельно, именно рождение — продвижению, а уничтожение — отступлению, как это нелепо делает Аристотель, почти не возвышаясь в данном случае над мнением толпы. И если кому-нибудь покажется странным, что рождение вещей приписывается нами действию солнца, после того как мы выставили положение и высказали предположение, что солнце есть огонь, между тем как огонь ничего не производит, то это легко опровергнуть. Ибо представление о различии между теплом, исходящим от солнца, и огнем есть простая фантазия. В самом деле, имеется бесконечный ряд явлений, в которых действие солнца сходно с действием огня, так, например, при созревании плодов, при сохранении в холодных климатах нежных растений, растущих обычно под теплым небом, при высиживании яиц, при очищении урина (ибо я объединяю в одно жар солнца и животную теплоту), при оживлении мелких животных, закоченевших от холода, при выделении росы и пара и тому подобных явлениях. Тем не менее наш огонь плохо играет свою роль и не может идти ни в какое сравнение с действием солнца, ибо тепло солнца обладает тремя свойствами, которые едва ли может проявить обычный огонь. Прежде всего в силу отдаленности солнца его тепло и слабее, и приятнее. Но это, однако, является свойством, которое может быть воспроизведено искусст-

венно, ибо степень тепла солнца скорее неизвестна, чем невоспроизводима. Во-вторых, проходя и двигаясь через столь многие и столь различные среды, оно заимствует и приобретает некоторую разнообразную и творческую силу. Но важнее всего та регулярность, с которой солнечное тепло возрастает и уменьшается, продвигается и отступает, никогда не протекая порывисто или стремительно. Последние два свойства никогда не могут быть воспроизведены огнем, хотя разумные и хорошо рассчитанные усилия могут в этом отношении многое сделать. Таковы взгляды Телезио относительно разнообразия тепла.

Между тем о холоде, т. е. о противоположном начале, и о его распределении он едва упоминает, быть может думая, что своим рассуждением о характере материи (к которому мы теперь переходим как ко второму вопросу) он достаточно осветил этот вопрос. Но ему не следовало бы так поступать, ибо мы видим, что холод для него ни в какой мере не есть отсутствие тепла, а вполне активное начало, как бы соперник и конкурент тепла. А то, что он говорит о характере материи, имеет целью показать, как материя подвергается действию тепла, как она обрабатывается им и претерпевает через него преобразования, но о холоде он при этом не упомянул и не подумал. Однако он мог бы сказать о холоде что-нибудь вроде следующего (ибо мы хотели бы обращаться с открытиями других с полным доверием и благожелательностью). Неподвижное и неизменное положение холода вполне соответствует подвижной и изменчивой структуре тепла, как наковальня соответствует молоту. Ибо, если бы оба начала были подвержены разнообразию и изменениям, они, несомненно, производили бы лишь скоропреходящие предметы и явления. Огромные пространства тепла (именно небеса), кроме того, несколько уравновешиваются компактной природой земли и ее окружения, так как дело не в пространстве, а в количестве материи в пространстве. Однако что касается холода и его свойств и пропорций, то лучше всего обойти это молчанием или коснуться лишь в нескольких словах, так как на основании опыта нельзя об этом сказать ничего достоверного и хорошо обоснованного. Ведь для выяснения природы тепла мы имеем обычный огонь как бы в качестве заместителя солнца. А для холода земли нет заместителя, который находился бы в распоряжении человека и с которым можно было бы экспериментировать. Ибо те ужасные, суровые холода, которые в зимнее время и в наиболее

холодных странах выдыхают в воздух земной шар и его окружение, являются лишь теплыми воздушными течениями и теплыми ваннами по сравнению с природой первоначального холода, запертого в недрах земли. Дело обстоит так, что тот холод, о котором люди имеют представление и которым они могут управлять, представляет собой на одном полюсе нечто подобное тому, что было бы на противоположном полюсе, если бы люди не знали другого тепла, кроме тепла, выделяемого солнцем в летнее время и в жарких странах; это тепло по сравнению с огнем растопленной печи может считаться холодом.

Чтобы, однако, не задерживаться долее на предположениях и догадках, послушаем сначала, что говорит Телезио о характере материи, на которую действует тепло и которая обладает способностью продвигать, тормозить и изменять это действие тепла. Сюда относятся четыре отличительных особенности. Первое отличие зависит от того, имелось ли до этого тепло или нет. Второе — от обилия или недостатка материи. Третье — от степени ее подготовленности. Четвертое — от замкнутого или открытого положения того тела, на которое оказывается действие.

Что касается первого отличия, Телезио предполагает, что во всех известных реальных сущностях содержится некоторое скрытое тепло, которое, правда, не ощущается при прикосновении, но которое соединяется с новым или добавочным теплом. Мало того, это скрытое тепло возбуждается тем пришлым теплом и получает от него импульс к совершению свойственных ему действий в собственной сфере. Ясным доказательством этого, говорит он, служит тот общеизвестный факт, что нет ни одного предмета, будь это металл, камень, вода или воздух, который не становился бы теплым от прикосновения или даже от приближения огня или горячего тела,— факт, который, может быть, не имел бы места, если бы не было некоторого первоначального и скрытого тепла, подготовившего почву для нового и явного тепла. Точно так же и большее или меньшее в этом отношении, т. е. большая или меньшая готовность воспринять тепло, наблюдаемая в реальных существах, соответствует мере первоначального тепла. Ибо воздух нагревается от небольшого количества тепла, такого, которое в воде даже не ощущалось бы. Вода точно так же нагревается быстрее металла, камня или стекла. Ибо хотя и верно то, что некоторые из этих предметов, как, например, металл и камень, нагреваются по видимости быстрее воды, но это бывает лишь на поверхности,

а не во внутренних частях тела. Ибо в твердых телах существует менее свободное сообщение между частями, чем в жидких телах. Поэтому внешняя часть металла нагревается быстрее внешней части воды, но тело металла в целом нагревается медленнее тела воды.

Второе отличие — сконцентрированность и растянутость материи. Ибо если материя сжата, то силы тепла более сконцентрированы и благодаря концентрации увеличены и напряжены; если же материя, наоборот, свободна, то силы более рассеяны и благодаря этому уменьшены и ослаблены. Вот почему жар раскаленного металла сильнее жара кипятка и сильнее даже жара пламени, разве только то, что пламя в тонкое тело легче входит. Ибо пламя горящих углей и горящего дерева не очень страшно, если оно только не раздувается так, чтобы движение помогло ему проникнуть в тело; мало того, некоторые виды огня (вроде, например, пламени винного спирта, особенно если оно в небольшом количестве и рассеяно) обладают таким умеренным теплом, что такой огонь почти можно трогать руками.

Третье различие, связанное с подготовленностью материи, многообразно, ибо Телезио приводит семь степеней подготовленности [11], из которых первая есть гибкость, или то свойство материи, которое заставляет тело несколько уступать большой силе и подвергаться сжатию и особенно растяжению,— одним словом, то свойство, которое делает тело эластичным, или податливым. Вторая степень есть мягкость, когда не требуется большой силы, а достаточно маленького толчка или прикосновения, чтобы тело уступило без всякого видимого сопротивления. Третья степень — клейкость, или липкость, представляющая собой в некотором роде начальную стадию жидкости. Ибо клейкое тело начинает течь и растягиваться от прикосновения или связи с другим телом и не является строго ограниченным в себе самом, хотя оно не течет самопроизвольно и по собственному побуждению; и между тем как жидкое тело следует за самим собой, клейкое тело следует, скорее, за чем-то другим. Четвертая степень есть само состояние жидкости, когда тело, как бы причастное внутреннему духу, легко обращается в движение и движется самопроизвольно, но с трудом ограничивается и останавливается. Пятая степень есть пар, когда тело разрежено до неосязаемости, так что оно еще более легко и подвижно — течет, волнуется и колеблется. Шестая степень есть газ, представляющий собой род пара, более сгущенного

и зрелого и готового принять природу огня. Седьмая степень есть сам воздух, который, по уверению Телезио, наделен собственным природным теплом, притом значительным и сильным, ибо даже в самых холодных местах воздух никогда не замерзает. Другим явным доказательством того, что воздух обладает собственным теплом, является тот факт, что всякий запертый воздух, отделенный от мирового воздуха и предоставленный самому себе, явно выделяет теплоту, как мы наблюдаем это на шерсти и волокнистых материях. Мы задыхаемся также в тесных и замкнутых помещениях, что происходит от тепла. Причина всех указанных явлений заключается в том, что, когда воздух заперт, он начинает выявлять свою природу, между тем как в открытом помещении он через дверь охлаждается тем холодом, который непрерывно выделяет земной шар. Мало того, наш обычный воздух обладает в малой мере некоторыми качествами небесных тел, так как он содержит в себе некоторый свет, о чем свидетельствует зрение животных, обладающих способностью видеть ночью и в темных местах. Таков, по Телезио, порядок свойств материи, и именно в промежуточных телах, ибо крайние тела, именно твердые и негибкие,— на одной стороне, самый огонь — на другой стороне, как крайние пределы того, что лежит между ними, не принимаются им во внимание.

Но кроме этих простых градаций Телезио находит огромное разнообразие в характере материи в зависимости от однородности и неоднородности тела. Ибо различные части материи, соединенные в одно тело, могут или одинаково относиться к какой-нибудь из упомянутых выше градаций, или к различным градациям по-разному. Отсюда возникает величайшее разнообразие в действиях тепла. Поэтому четвертое различие необходимо зависит от природы, а также от положения тела, подвергающегося действию тепла, а именно от того, замкнуто ли оно, пористо или открыто. Ибо, когда тепло действует на открытое тело, оно действует в последовательном порядке на каждую часть, ослабляя и одновременно вытягивая и отделяя ее. Когда же оно действует на замкнутую и компактную природу, оно действует на целое и на массу, причем тепло при этом условии нисколько не теряется; напротив, старое тепло соединяется с новым для совместного действия. Следствием этого являются более сильные, более глубокие и более совершенные изменения и преоб-

разования. Однако об этом мы скажем подробнее вскоре, когда будем говорить о способе действия.

Пока же Телезио, неизменно запутываясь, силится объяснить нам, как произошел разрыв между его первоначально неотделимыми друг от друга качествами, а именно между теплом, светом, разреженностью и подвижностью, а также между четырьмя противоположными качествами,— разрыв, который фактически имеет место в телах. Ибо мы наблюдаем, что некоторые тела бывают горячими или чрезвычайно приспособленными для тепла и одновременно чрезвычайно плотными, неподвижными и темными, другие же бывают разреженными, подвижными, светлыми или белыми, однако холодными. То же самое повторяется с другими качествами, а именно что какое-нибудь одно из них пребывает в теле, между тем как остальные качества этого тела с ним не согласуются; с другой стороны, иные участвуют в двух из этих природ без других двух. В результате мы имеем огромное разнообразие сочетаний и комбинаций. В этой части Телезио не очень удачно выпутывается из своих затруднений и ведет себя так, как ведут себя его противники, которые, составив себе мнение до ознакомления с вопросом, при переходе к частностям насилуют свой собственный ум и реальную природу, и безжалостно искажают и извращают и то и другое, и тем не менее шествуют уверенно и (если им верить) победоносно и тем или другим путем ухитряются еще привести многое в свое оправдание. В конце своего рассуждения Телезио, однако, в отчаянии отказывается от своей попытки объяснения и ограничивается пожеланиями, говоря, что, хотя можно грубо и суммарно установить и определить силу и количество тепла, и предрасположенность материи, тем не менее установление их точных отношений, а также детальное выяснение их способов действия превышают возможности человеческого познания. Впрочем, дело, по его мнению, обстоит так, что (если можно говорить, что из двух невозможностей одна меньше, чем другая) разнообразие свойств материи может быть лучше определено, чем сила и степени тепла, и тем не менее именно в этих последних (если бы нам надо было проникнуть в них) кроется предел и кульминация человеческого знания и могущества. Однако, признавшись в своем отчаянном положении, Телезио тем не менее не прекращает своих обетов и молитв. Ибо он говорит: «Далее, нельзя спрашивать о том, какое тепло и сколько, т. е. какая сила его и какое

количество, может превратить какую именно часть земли или какие реальные существа и во что, так как это, как мне кажется, недоступно человеческому познанию. Ибо как можно, так сказать, делить по степеням силу тепла или само тепло, или иметь ясное представление о массе и количестве материи, в которую это тепло влито, или приурочить к определенной силе и определенному количеству тепла определенное количество и качество и определенные действия материи, или, наоборот, к определенному количеству и определенным действиям материи определенное количество тепла? Если бы люди, имеющие досуг и обладающие более ясным умом и всеми средствами, необходимыми для спокойного исследования природы вещей, могли бы найти решение всех этих вопросов, то такие люди не только оказались бы всезнающими, но и почти всемогущими» [12]. Здесь Телезио поступает несколько более честно, чем его противники, обычно объявляющие абсолютно недоступным для всякого искусства все то, что им самим не удалось достигнуть с помощью их искусства, ибо в этом случае они сами и вершат, и судят.

Нам еще остается рассмотреть третье положение Телизио, именно о способе действия (subactio). Здесь Телезио устанавливает три положения. Первое — то, которого я уже раньше мимоходом коснулся, а именно что нельзя установить никаких признаков (как это делает учение перипатетиков), по которым вещи как бы находились в согласии между собой и действовали бы сообща. Ибо всякое рождение естественного тела, а следовательно, и всякое изменение в нем совершаются путем победы и господства одного фактора над другим, а не путем союза и соглашения между ними. И это положение не ново, ибо уже Аристотель замечает относительно учения Эмпедокла [13], что хотя Эмпедокл установил в качестве активных начал вещей раздор и дружбу, однако в своих объяснениях причин он обычно использует раздор, как бы зачеркивая другое начало. Второе положение заключается в том, что тепло своим собственным действием непрерывно превращает сущее в жидкость и что ни сухость не связана с теплом, ни влажность — с холодом. Ибо утончать означает то же, что обращать в жидкость, и все, что является наиболее разреженным, является одновременно и наиболее жидким, понимая под жидкостью то, что податливо, что распадается на части и снова восстанавливается с наибольшей легкостью и с большим трудом мо-

жет быть ограничено и удержано в определенных пределах. Всеми этими качествами обладает в большей степени огонь, чем воздух, который перипатетики считали наиболее жидким. Поэтому тепло всегда притягивает, пополняет, расширяет и рождает влагу; наоборот, благодаря холоду все ссыхается, сращивается и твердеет. И тут же замечает, что Аристотель обнаруживает недостаток наблюдательности и недостаток последовательности, а также деспотизм и своеволие в отношении опыта, так как он связывает тепло с сухостью. Ибо если тепло иногда и сушит предметы, то это случайное явление, а именно: в теле, состоящем из разнородных частей, из которых некоторые более грубы, а другие более тонки, тепло притягивает и заставляет истекать более тонкую часть, в силу чего грубая часть больше уплотняется и стягивается, и тем не менее если эту грубую часть подвергнуть действию более сильного тепла, то она сама превратится в жидкость, что хорошо явствует из примера кирпичей. Ибо в первую очередь умеренное тепло заставляет глину благодаря испарению наиболее ее тонкой части превратиться в кирпич, но более сильное тепло расплавляет эту кирпичную субстанцию в стекло. Эти два положения могут быть рассматриваемы как опровержение заблуждений. Третье же положение ясно утверждает, мало того, точно различает способы действия. Эти способы бывают двоякого рода — отталкивание и превращение, причем каждый из этих способов осуществляется в зависимости от силы тепла и предрасположенности материи. И тут, по-видимому, могут быть установлены два закона. Первый закон заключается в том, что когда тепло и холод сталкиваются в больших количествах и как бы регулярными армиями, то происходит отталкивание. Ибо предметы выбиваются тогда, точно армии, из их позиций и изгоняются с их мест. Но если сталкиваются небольшие количества, тогда происходит превращение[14], ибо сущности в этом случае разрушаются и, скорее, меняют свою природу, чем свое место. Примечательный и яркий пример этого мы наблюдаем в верхних областях воздуха, в которых холоднее, чем на земле, несмотря на то что они расположены ближе к солнцу. Ибо в местах, расположенных ближе к источнику тепла, это тепло, сосредоточив все свои силы, отталкивает и сбрасывает всю силу поднявшегося с земли холода, препятствуя его приближению; и возможно, что по аналогичной же причине в глубинах земли теплота интенсивнее, чем на ее поверхности, ибо по мере при-

ближения к месту источника холода холод, собравшись с силами, с большой стремительностью отбрасывает и прогоняет тепло, а частью обращает в свою пользу. Второй закон заключается в том, что в открытом месте действует отталкивание, в замкнутом — преобразование. Лучшим доказательством этого является тот факт, что в закрытых сосудах, в которых разреженное тело (которое мы обыкновенно называем спиртом) не находит выхода, совершаются глубокие и радикальные преобразования и брожения в телах. Но то же самое происходит в телах, которые в силу сжатости своих частей сами представляют собой как бы закрытый сосуд. Таковы взгляды Телезио, а может быть, и Парменида относительно начал вещей, за исключением того, что Телезио прибавил кое-что свое относительно пассивной материи, будучи введен в этом отношении в заблуждение мнениями перипатетиков.

То, что говорит Телезио, было бы естественно для человека, удаленного от природы вместе со всеми механическими искусствами, которые пытают (vexant) материю, и просто наблюдающего строение мира. Ибо его философия представляется чем-то вроде пасторальной философии, наблюдающей мир спокойно и благодушно. О системе мира он говорит достаточно хорошо, но о началах — в высшей степени неудачно. Мало того, в самой его системе имеется большое недоразумение, а именно: он конструирует такую систему, которая может казаться вечной, не предполагая хаоса или каких-либо изменений в великом схематизме. Ибо всякая философия — будь то философия Телезио, или перипатетиков, или любая другая, которая строит в этом духе систему мира, настолько уравновешенную и прочную, что может быть отброшена мысль о ее возникновении из хаоса,— всякая такая философия кажется легковесной и является плодом душевной ограниченности. В самом деле, тот, кто философствует в соответствии с чувственным опытом, будет утверждать вечность материи, но отрицать вечность мира (как мы его созерцаем); и таково было воззрение как древней мудрости, так и того мыслителя, который наиболее близко подошел к ней, именно Демокрита. О том же свидетельствует и Священное писание, с той лишь разницей, что последнее представляет и материю как созданную богом, первые же считают ее существующей изначально. Ибо в отношении этого вопроса имеются, очевидно, три положения, о которых мы знаем на основании веры. Во-первых, что материя создана из ничего. Во-вторых, что обра-

зование системы мира произошло по слову всемогущего, а не так, что будто материя сама развилась из хаоса до настоящего схематизма. В-третьих, что этот схематизм (до грехопадения) был наилучшим из тех, которые материя (как она была создана) была способна принять. Но указанные философы не смогли возвыситься до такого рода положений. Творение из ничего они отвергают, а относительно существующего схематизма мира они полагают, что он развился из многих окольных и подготовительных процессов материи; насчет же того, чтобы она была лучшей из возможных, они мало беспокоятся, так как мы видим, что они считают ее тленной и изменчивой. Поэтому в этих вопросах мы должны отстаивать веру и ее незыблемые положения. А вопрос о том, могла ли эта сотворенная материя при той силе, которая была в нее вложена, сложиться и оформиться в течение долгих веков в это совершенное устройство (как она это сделала сразу, без всяких околичностей по велению слова божия), является, пожалуй, праздным вопросом. Ибо воспроизведение времени является в такой же мере чудом и делом всемогущего, как и оформление сущего. Божественной природе, очевидно, было угодно запечатлеть себя в этих двух формах эманации своего всемогущества, проявленного, во-первых, в бесконечной власти над бытием и материей, именно в сотворении бытия из ничего, во-вторых, во власти над движением и временем, именно в предварении порядка природы и ускорении процесса бытия. Но эти вопросы относятся к мифу о Небе, где мы более подробно остановимся на том, чего мы теперь касаемся лишь слегка.

Перейдем теперь к началам Телезио и будем считать общепризнанными следующие два положения: во-первых, что сущее не возникает из не-сущего, как начала не должны выводиться иначе как из начал; и во-вторых, что явное противоречие недопустимо. Но абстрактное начало не есть сущее, а тленное сущее не есть начало. С неизбежной необходимостью, таким образом, человеческая мысль (если она желает быть последовательной) приходит к *атому,* который есть истинно сущее, обладающее материей, формой, объемом, местом, сопротивляемостью, стремлением, движением и эманациями и который также при разрушении всех естественных тел остается непоколебимым и вечным. И так как разрушения более крупных тел многочисленны и разнообразны, то отсюда с необходимостью вытекает, что то, что остается неизменным

центром, должно быть или чем-то потенциальным, или минимальным. Но оно не есть нечто потенциальное, ибо первичная потенциальность не может быть подобна другим потенциальностям, которые бывают актуально чем-то одним и потенциально чем-то другим. Первичная потенциальность должна быть чем-то абсолютно абстрактным, лишенным всякой актуальности и содержащим в себе все возможности. Остается поэтому думать, что это неизменное будет минимальным, разве только кто-нибудь будет действительно утверждать, что начал вообще не существует и что всякая вещь может считаться началом; что постоянным и вечным являются лишь закон и порядок изменения, сущее же непостоянно и изменчиво. И было бы лучше утверждать прямо что-нибудь в этом роде, чем, желая установить некое вечное начало, допустить еще большую нелепость, а именно сделать это начало воображаемым. Ибо первый метод, по-видимому, еще приводит к некоторому результату, именно к тому, что изменения вещей совершаются кругообразно, между тем как второй метод не приводит ни к какому, ибо он рассматривает сущее существующим лишь в понятии и являющимся лишь инструментом ума. Но что это ни в коей мере не так, будет показано позже. Телезио, однако, вводит в философию Парменида понятие пассивной материи (hyle), хотя известно, что оно появилось после Парменида.

И он устраивает странное и в высшей степени неравное сражение между своими активными началами, неравное как в отношении численности борющихся сторон, так и в отношении рода сражающихся. В самом деле, что касается численности, то земля, по его представлению, одна, между тем как небо представляет собой огромное войско; земля точно так же представляет собой почти лишь точку, между тем как пространства и сферы неба неизмеримы. И эта нелепость не может быть оправдана тем соображением, что земля и связанные с ней предметы состоят из наиболее плотной материи, между тем как небеса и эфирные тела состоят из наиболее рассеянной материи. Ибо, хотя это различие очень верно, все же оно ни в коем случае не способно уравновесить силы сторон, даже если принять во внимание большие расстояния. Но состоятельность или несостоятельность учения Телезио зависит от возможности или невозможности, так сказать, наделения каждого из его активных начал равной долей пассивной материи (равной по количеству, а не по протяжению) так, чтобы вещи могли иметь устойчивое

существование и могла бы быть конституирована и установлена система. Ибо всякий, кто, согласившись с Телезио в других пунктах, допустит перевес пассивной материи в одном начале по сравнению с другим, и тем более такой чрезмерный перевес, попадет в затруднение и вообще не сможет выпутаться. Вот почему в диалоге Плутарха о поверхности лунного шара предусмотрительно развивается мысль о невероятности предположения, будто при распределении материи природа включила все плотные тела в одну лишь землю, между тем как имеется так много вращающихся шаров в виде звезд. Однако Гильберт довел эту мысль до крайности, утверждая, что не только земля и луна, но и многие другие плотные и непрозрачные шары рассеяны среди светящихся шаров на всем пространстве небесной тверди. Мало того, сами перипатетики, выставив положение, что небесные тела вечны, как таковые, а подлунные тела вечны благодаря преемственности и процессу обновления, считали необходимой предпосылкой этого учения предположение о том, что элементы наделены одинаковыми долями материи. Ибо это был смысл их фантазии о десятикратной пропорции между окружным элементом и внутренним. И я привожу все эти положения ни с какой другой целью (ибо ни одно из них для меня не приемлемо), но лишь затем, чтобы показать, насколько неразумно и непродуманно противопоставлять землю в качестве активного принципа небу, как это делает Телезио. И это предположение окажется еще более невероятным, если мы кроме разницы в количестве между небом и землей примем во внимание разницу между ними в отношении силы и действия. Ибо нет никакого сражения там, где оружие одной стороны действует исправно, а оружие другой стороны не достигает неприятеля и не соответствует своему назначению. И вот нет, конечно, никакого сомнения в том, что сила солнца достигает земли, но кто осмелится утверждать, что сила земли достигает солнца? Ибо из всех сил, произведенных природой, свет и тень являются наиболее далеко распространенными и с наиболее широким радиусом действия. Но тень, исходящая от земли, остается по сю сторону солнца, между тем как свет солнца проникал бы насквозь через земной шар, если бы последний был прозрачен. Тепло же и холод (о которых идет теперь речь) далеко не имеют такого широкого радиуса действия, как свет и тень. Поэтому если тень земли не достигает солнца, то тем менее вероятно, чтобы холод земли достигал солнца. Если мы

теперь представим себе такое положение, что солнце и тепло действуют на определенные промежуточные тела, до которых сила противоположного начала не доходит и никоим образом не мешает их действию, то отсюда необходимо последует, что они (т. е. солнце и тепло) охватят в первую очередь все близкие к ним тела, а затем проникнут также и в более отдаленные, пока дело не кончится всеобщим Гераклитовым огнем, по мере того как солнечная и небесная природа будут постепенно спускаться и все ближе и ближе подходить к земле. И трудно предположить, чтобы приписываемая Телезио своим началам способность налагать свою природу на другие предметы, обращать их на себя и тем умножать свою собственную природу не действовала на однородные предметы с одинаковой и даже большей силой, чем на противоположные. Небо, следовательно, должно было бы быть раскалено теперь, а звезды соединены вместе.

Однако при более внимательном рассмотрении можно найти четыре доказательства, каждого из которых достаточно, а тем более всех их, вместе взятых, чтобы в отношении начал совершенно разбить и повергнуть философию Телезио. Первым из этих доказательств является признание факта, что даже среди наиболее сильных и универсальных действий и следствий, встречающихся в природе, имеются такие, которые ни в коем случае не могут быть отнесены к теплу и холоду. Вторым доказательством является то обстоятельство, что мы находим некоторые природы, у которых тепло и холод являются результатом и следствием, причем не в том смысле, что приводится в действие их изначальное тепло или что они подвергаются воздействию привходящего тепла, а в том смысле, что тепло и холод в них впервые появляются или зарождаются. Эти природы, таким образом, в двух отношениях противоречат тем условиям, которым должно удовлетворять начало. Ведь, с одной стороны, имеется нечто, что не возникло из него, а, с другой стороны, оно само возникло из чего-то другого. Третьим доказательством является то, что даже по отношению к тому, что происходит от тепла и холода (чего более чем достаточно), тепло и холод не являются причинами в собственном и настоящем смысле этого слова, а лишь побудителями и орудиями. Последнее, что можно привести против его философии, это то, что его координация четырех взаимно связанных между собой качеств совершенно смешивается и спутывается. Мы будем говорить поэтому о каждом из

этих пунктов отдельно. Кое-кому, пожалуй, может показаться, что вряд ли стоит труда опровергать философию Телезио, философию, о которой мало говорят и которая мало кем разделяется. Однако мне нет дела до этой оценки философии Телезио. Ибо о самом Телезио я имею хорошее мнение и признаю в нем искателя истины, полезного для науки, реформатора некоторых воззрений и первого мыслителя, проникнутого духом современности; кроме того, я имею с ним дело не как с Телезио, а как с восстановителем философии Парменида, к которому мы обязаны питать большое уважение. Но главное основание, почему мы более подробно останавливаемся на этой философии, заключается в том, что в связи с тем, кто нам встретился первым, мы обсуждаем много такого, что можно перенести для опровержения других философских направлений, о которых нам придется говорить позже, и избежать, таким образом, необходимости повторяться. Ибо заблуждения, самые различные, удивительно переплетаются своими нитями, но так, что они часто могут быть подрезаны и повергнуты одним возражением, как бы взмахом косы.

Возвращаясь теперь к обсуждаемому нами вопросу, мы должны рассмотреть, какие имеются в природе силы и действия, которые ни порядком самих вещей, ни какой бы то ни было силой ума не могут быть приписаны теплу и холоду. Прежде всего поэтому рассмотрим то положение, которое признает Телезио, а именно что сумма материи остается всегда постоянной и не может быть увеличена или уменьшена. Это свойство, в силу которого материя сохраняется и поддерживается, он третирует как пассивное и относящееся, скорее, к количеству, чем к форме и действию, полагая, очевидно, что нет никакой нужды приписывать его теплу и холоду, которые установлены в качестве источников исключительно активных форм и сил, ибо эта материя не лишена просто всего, а лишь всех активных способностей. Но в этих утверждениях заключено великое заблуждение ума, которое казалось бы весьма странным, если бы общее согласие и укоренившееся мнение не поднимали бы такие странности на щит. Ибо вряд ли может быть мнение столь же ошибочное, как то, согласно которому эта присущая материи сила, благодаря которой материя сохраняет себя от разрушения (в такой мере, что ни одна мельчайшая ее часть не может быть ни одолена всей массой мира, ни разрушена совокупной силой всех агентов, ни вообще как-нибудь уничтожена и

сведена на нет; напротив, всякая мельчайшая часть материи занимает определенное место и сохраняет способность сопротивления и непроницаемости и в свою очередь иногда совершает посягательство на другие части и всегда отстаивает свое существование), не является активной силой, между тем как эта сила, напротив, является из всех сил наиболее могущественной и совершенно непреодолимой, так что она может казаться воплощением рока и необходимости. И тем не менее Телезио даже и не пытается связать эту силу с теплом и холодом. И он правильно поступает, ибо мы имеем тут силу, к которой ни пламя, ни оцепенение и замерзание ничего не могут прибавить и от которой они ничего не могут отнять и вообще не могут иметь никакой власти над ней, между тем как сама эта сила действует активно как на солнце, так и в центре земли и повсюду. Но недоразумение Телезио, по-видимому, заключается в том, что, признавая массу материи определенной и установленной, он остается слепым к той силе, благодаря которой эта материя сохраняет свое количество, и (зараженный грубыми предрассудками перипатетиков) объявляет эту силу чем-то побочным, между тем как в ней-то заключается самое главное, ибо именно она заставляет колебаться одно тело, передвигает другое, крепка и несокрушима в себе и с непререкаемой властью устанавливает законы возможного и невозможного. Обычная школьная философия точно так же ребячески пытается охарактеризовать это свойство материи пустым сочетанием слов, полагая, что дает о нем достаточное представление, устанавливая его как правило, согласно которому два тела не могут находиться в одном и том же месте; но эта сила и ее проявление никогда не рассматривались этой философией открытыми глазами и никогда не анализировались ею глубоко, ибо она мало понимала, как много от этого зависит и какой свет может из этого исходить для науки. Однако (чтобы вернуться к нашей теме) эта сила, как она ни могущественна, не попала в число начал Телезио.

Теперь следует перейти к той силе, которая является противоположной первой, именно к той, которая поддерживает связность материи. Ибо, подобно тому как материя не допускает того, чтобы другая материя ее превозмогла, она точно так же не допускает своего отрыва от другой материи, хотя имеется большое сомнение насчет того, является ли этот закон природы таким же непреложным, как и предыдущий. Ибо Телезио, как и Демо-

крит, признает существование безграничной сплошной пустоты, благодаря которой отдельные сущности могут отпадать, а иногда даже и совершенно отделяться от соприкасающегося с ними (как Телезио и Демокрит выражаются) насильно и против их воли, т. е. если они побеждены и принуждены к этому большей силой. И это Телезио старается доказать некоторыми опытами, выбирая в особенности такие, которые везде приводятся против и в опровержение существования пустого пространства. Эти опыты он выбирает и расширяет с таким расчетом, чтобы иметь право заключать, что соприкасающиеся сущности подчинены некоторой необходимости держаться друг друга, однако так, что при очень сильном давлении они допускают также пустое пространство. Такое явление, по его мнению, мы наблюдаем в водяных часах, а именно: если отверстие, через которое стекает вода, в них слишком узко, требуется доступ воздуха, для того чтобы вода могла стекать вниз; если же отверстие широко, то и при отсутствии доступа воздуха вода, давя своим более тяжелым весом на отверстие, будет стекать вниз, несмотря на пустоту, образовавшуюся вверху. Аналогичное же явление мы, по мнению Телезио, наблюдаем в раздувальных мехах. Если мы их закроем и затем заткнем отверстие так, чтобы воздух не мог проникнуть внутрь, и после этого начнем раздувать и расширять, то если кожа, из которой они сделаны, тонка и слаба, то она лопнет, если же она толста и не может лопнуть, то она выдержит напряжение. Однако все эти опыты недостаточно точно проверены, да и, кроме того, они не удовлетворяют условиям исследования и не решают вопроса. И хотя, приводя их, Телезио убежден, что он обращается тем самым к вещам и открытиям, и хотя он старается более точно различать то, что другие наблюдали неясно, однако эта задача оказалась ему не по силам, и он не выясняет вопроса до конца, а обрывает исследование посредине — обыкновение, общее у него с перипатетиками, которые являются настоящими совами в отношении опыта, и это не столько вследствие слабости зрения, сколько вследствие того, что их видение затуманено мнениями, точно катарактами, а также вследствие нетерпеливого стремления к исчерпывающим и окончательным выводам. Однако вопрос (один из наиболее трудных) о том, в какой мере может быть принято пустое пространство, и на каком расстоянии первичные частицы могут притягивать и отталкивать друг друга, и что в этом отношении непреложно и неизменно,— все

это будет рассмотрено там, где речь пойдет о пустом пространстве. Ибо для занимающего нас теперь вопроса не столь важно знать, отвергает ли природа совершенно пустоту, или (как считает более правильным говорить об этом Телезио) имеют ли сущности склонность к взаимному контакту. Ведь ясно одно, что это отвращение к пустоте, или влечение к контакту, ни в коем случае не зависит от тепла и холода, и сам Телезио не приписывает этого действию тепла и холода, и такая зависимость не может быть подтверждена свидетельством опыта, ибо мы видим, что, когда материя бывает сдвинута со своего места, она неизбежно влечет за собой другую материю независимо от того, бывает ли она горячей или холодной, влажной или сухой, твердой или мягкой, дружественной или враждебной, и это настолько верно, что горячее тело скорее притянет к себе самое холодное, чем потерпит отсоединение или отделение от какого-либо тела. Ибо связь материи сильнее, чем антагонизм между теплом и холодом, и взаимная зависимость материи не считается с разнообразием специфических форм. Следовательно, эта сила сцепления материи совершенно не зависит от начал тепла и холода.

Далее, имеются два взаимно противоположных друг другу свойства, которые это царство начал сводят, как может показаться, к теплу и холоду, однако эта видимость плохо обоснована. Мы имеем в виду те свойства, в силу которых тела оказываются открытыми, разреженными и расширенными и распространяются, стремясь занять наибольшее пространство и рассредоточиться в большей сфере, или, наоборот, оказываются замкнутыми, плотными и стянутыми, сжимаясь так, чтобы покрыть возможно меньшее пространство и уложиться в наименьшем объеме. Мы должны поэтому показать, в какой мере эти свойства обязаны своим возникновением холоду и теплу и в какой мере они представляют собой нечто самостоятельное и независимое от этих факторов. И тут мы должны сказать, что, безусловно, верно утверждение Телезио, что плотность и разреженность являются, так сказать, естественным делом тепла и холода, ибо эти факторы больше всего способствуют тому, чтобы тела занимали большее или меньшее пространство. И все же эти вещи остались неясно понятыми, ибо тела, по-видимому, иногда переселяются и переносятся из одного естественного объема в другой, но свободно и, так сказать, охотно, изменяя при этом свою форму; иногда же, по-видимому,

насильно выталкиваются из естественного объема и возвращаются в свои привычные границы при сохранении старой формы. И вот эта способность перемещения в новое пространство почти исключительно управляется теплом и холодом. Но не так обстоит дело со способностью восстановления старого состояния. Ибо вода расширяется в пар и воздух, точно так же масло и жировые вещества превращаются в пары и пламя — и все это силой тепла, и они (если переход был полным) не думают о возвращении; мало того, самый воздух вздувается и расширяется от действия тепла. Если же переход совершился лишь наполовину, то тела по удалении тепла легко возвращаются к своему первоначальному состоянию, так что и способность возвращения к первоначальному состоянию отчасти обусловлена действием тепла и холода. Но вещи, которые были расширены не при помощи тепла, а каким-нибудь усилием, наиболее стремительно возвращаются в свое исходное положение (даже без увеличения холода и уменьшения тепла), как только усилие прекратилось, как мы это наблюдаем при высасывании воздуха из стеклянного яйца и при надувании мехов. Но это еще более очевидно в твердых и плотных телах. Если, например, растягивается силой лоскут материи или струна арфы, то они по удалении действующей причины укорачиваются с величайшей быстротой, и то же самое бывает при сжатии. Ибо воздух, сжатый и запертый с помощью давления, прорывается с большой силой. И в самом деле, мы наблюдаем целый ряд движений, обусловленных ударом одного твердого тела о другое. Эти движения, которые обычно называют насильственными движениями и при которых плотные тела вынуждаются к движению и несутся по воздуху и по воде, суть не что иное, как усилия частей вытолкнутого тела освободиться от сжатия, и, однако, тут нет никаких явных следов тепла и холода. И нельзя защищать учение Телезио таким аргументом, что, мол, к каждому естественному объему приурочены в определенной пропорции тепло и холод так, чтобы определенное отношение между указанными моментами оставалось одинаковым, поэтому если объем материального тела увеличился или уменьшился, то и без изменения количества тепла или холода в нем может получиться тот же результат, как если бы такое изменение произошло, ибо в этом случае в пространство вложено большее или меньшее количество материи, чем то, которое соответствует ее пропорции к теплу и холоду. И хотя указанные

доводы и не абсурдны в рассуждении, они тем не менее свойственны людям, которые всегда ищут какой-нибудь выдумки, способной подкрепить их предвзятую мысль, и игнорируют в своем исследовании природу и факты. Ибо если мы даже и увеличим количество тепла и холода в таких расширенных или сжатых телах и увеличим в большей мере, чем это допускает сама сущность и природа тела (пусть, например, упомянутый кусок растянутой материи будет нагрет огнем), то все же это не восстановит равновесия и не уничтожит тенденции к возвращению в первоначальное состояние. Этим ясно доказывается, что свойство пространственности (spatiatio) не зависит в какой бы то ни было значительной степени от тепла и холода, хотя это именно то свойство, которое больше всего служило аргументом в пользу этих начал.

Далее следует два свойства, о которых все говорят и которые имеют широкое распространение, именно те свойства, в силу которых тела движутся по направлению к большим массам и собраниям однородных им тел. И это явление, как и все остальное, люди исследуют или легкомысленно, или неправильно, ибо ходячая школьная философия считает достаточным различать естественное и насильственное движения и утверждать, что естественным движением тяжелых тел является движение вниз, а легких тел — вверх. Но такого рода спекуляции мало обогащают философию, ибо термины «природа», «искусство» и «насилие» являются лишь игрой слов и пустяками. Между тем ведь следовало бы не только отнести это движение к природе, но и стараться найти в этом же движении специфические свойства и стремления естественного тела, ибо имеется много других естественных движений, возникающих из самых различных состояний вещей. Поэтому вопрос этот должен был бы быть исследован с учетом всех различий. Мало того, можно утверждать, что те самые движения, которые они называют насильственными, более соответствуют природе, чем те, которые они называют естественными, если считать более соответственным природе то, что сильнее, или даже то, что больше находится в соответствии с законами Вселенной. Ибо это движение падения и подъема вверх не представляет собой чего-либо непреложного и не имеет даже универсального характера, а лишь, если можно так выразиться, локальный, будучи приурочено лишь к определенным областям. Оно, кроме того, подчинено другим движениям. Сказать же, что тяжелые предметы движутся вниз, а лег-

кие — вверх, это то же, что сказать, что тяжелые предметы тяжелы, а легкие легки. Ибо то, что выражено в предикате, уже по смыслу самого термина содержится в субъекте. Но если под тяжелыми предметами философы подразумевают плотные, а под легкими — разреженные, тогда они делают некоторый шаг вперед, но доходят, скорее, до познания дополнительного и сопутствующего явления, чем до познания причин. Те же, кто, с другой стороны, объясняет стремление тяжелых тел таким образом, что, мол, они стремятся к центру земли, а легких — что они стремятся к небесным сферам и областям как к свойственным им местам, конечно, высказывают нечто определенное и даже устанавливают определенную причину, однако это всецело ошибочно. Места ведь не являются силами, а на тело нельзя действовать иначе как через другое тело; и всякое быстрое движение тела, которое представляется нам как бы стремлением найти себе место, на деле есть стремление не просто занять какое-нибудь место или положение, но положение по отношению к некоторому другому телу. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

ОПЫТЫ ИЛИ НАСТАВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ

ПОСВЯЩЕНИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ «ОПЫТОВ» 1597 г.

М-ру Антони Бэкону

Любезный брат мой! Я поступаю ныне подобно тем владельцам садов, которые, имея плохих соседей, собирают плоды, прежде чем они созреют, опасаясь, чтобы их не разворовали. Эти плоды моих размышлений готовы были выйти в свет. Задержать их выход было бы хлопотно и могло подать повод к толкам; пустить их на волю судеб значило бы подвергнуть их опасности искажения или приукрашивания, как вздумалось бы любому их издателю. Вот почему я почел за лучшее издать их самому так, как они некогда вышли из-под моего пера, что не грозит никакими неприятностями, разве что автора их упрекнут в слабости. Я всегда был того мнения, что изъятие своих произведений из обращения (за исключением особых случаев) может быть поступком столь же тщеславным, как и навязывание их читателю. Так что я в этом случае сам явился себе цензором и не нашел их ни в чем противными религии или же вредными для нравов, но, скорее, как кажется мне, целительными. Единственно, почему я выпускаю их неохотно, это потому, что они будут подобны новым полупенсовым монетам: серебро в них полноценно, но монеты очень уж мелки. Но раз уж они не остались со своим создателем, а хотят гулять по свету, я представляю их тебе, как ближайшему мне по крови, посвящая их, каковы они есть, нашей любви; она во мне так сильна (уверяю тебя), что я иной раз желаю себе твои недуги, дабы ум твой, столь деятельный и сильный, мог служить ее величеству, а я имел возможность посвятить себя всецело созерцанию и занятиям, которые всего более мне по душе. Препоручаю тебя всевышнему. Писано в моей адвокатской конторе на Грейс-Инн, 30 января 1597 года.

Любящий тебя брат Френсис Бэкон

ПОСВЯЩЕНИЕ К ИЗДАНИЮ «ОПЫТОВ» 1612 г.

Генриху, принцу Уэльскому,
герцогу
Корнуэльскому и графу Честерскому

Ваше высочество!

Разделив жизнь свою на две части — созерцательную и деятельную,— я желал бы преподнести ее величеству и вашему высочеству скромные плоды обеих этих частей. Обстоятельные трактаты требуют досуга пишущего, равно как и досуга читателя, между тем как ваше высочество заняты своими королевскими делами, а я — постоянной службою. Это и вынудило меня избрать иной род — кратких очерков, примечательных скорее содержанием, нежели тщательностью отделки, которые я назвал «Опытами». Слово это новое, сама же вещь отнюдь не нова. Ибо послания Сенеки к Луцилию, если хорошенько в них разобраться, не что иное как «Опыты», т. е. отрывочные размышления, хотя и облеченные в форму посланий. Я знаю, что эти мои труды недостойны вашего высочества: ибо что может быть вас достойно? Но я питаю надежду, что они, как малая толика соли, возбудят в вас аппетит, не пресыщая. И хотя они касаются вещей, наиболее обычных и в жизни людей, и в их сочинениях (чего удалось мне достичь, я не знаю), однако я старался избегать в них пошлости и черпать больше из опыта, нежели из книг; так что они не являются ни повторением, ни пустыми вымыслами. Как бы то ни было, я смиренно прошу ваше высочество благосклонно принять их и заключить отсюда, что если я так стремлюсь доказать свою преданность вашему высочеству по собственному своему почину, то тем более готов я служить исполнению приказаний ваших.

Желая вашему высочеству всех благ вашего высокого сана, остаюсь вашего высочества смиренным слугою.

Фр. Сент-Албан

ПОСВЯЩЕНИЕ К ИЗДАНИЮ «ОПЫТОВ» 1625 г.

Моему милостивому господину
светлейшему герцогу Бекингему,
лорду-адмиралу Англии

Милорд!

Соломон сказал: «Добрая слава подобна драгоценному благовонию». Такова, несомненно, будет судьба вашего имени в потомстве. Ибо вы равно возвеличены судьбою и собственными заслугами и посеяли много доброго, чему суждено жить долго. Сейчас я выпускаю в свет мои «Опыты», которые из всех моих сочинений получили наибольшее распространение; надо полагать, потому, что они ближе всего к практическим делам и чувствам людей. Я увеличил их число и улучшил достоинство, так что они представляют совершенно новое сочинение. Преданность моя вашей светлости и милости, оказанные мне вами, побуждают меня предпослать ему ваше имя как в английском, так и в латинском изданиях. Ибо я надеюсь, что латинское издание (будучи на языке международном) будет жить, покуда живут книги.

Мое «Восстановление» я посвятил королю; мою «Историю Генриха Седьмого» (которую я ныне тоже перевел на латинский) и части «Естественной истории» — принцу; а эти «Опыты» — вашей светлости. Они принадлежат к лучшим плодам, которые божьей милостью могло принести мое перо. Да сохранит бог вашу светлость!

Вашей светлости преданный и верный слуга

Фр. Сент-Албан

I. Об истине

«Что есть истина?» — спросил насмешливо Пилат и не стал дожидаться ответа. Разумеется, есть люди, которые испытывают восторг от неопределенности и головокружения и считают, что они попадут в рабство, если станут придерживаться какого-либо неизменного убеждения, что истина повлияет на свободу воли как в мыслях, так и в поступках. И хотя секты такого рода философов исчезли, еще остаются нерешительные умы, которые сохраняют эту привычку, хотя они и не пользуются таким влиянием, какое имели философы древности. Но ложь попадает в фавор не только потому, что для обнаружения истины нужно преодолеть трудности и приложить труд; и не потому, что, когда истина обнаружена, она налагает ограничения на мысли людей; а в силу естественной, хотя и порочной любви ко лжи, как таковой. Одна из более поздних философских школ греков занималась этим вопросом и зашла в тупик, не зная, чтó же во лжи есть такого, что она нравится людям, хотя она и не доставляет им наслаждения, как поэтам, и не приносит им барыша, как торговцам, а просто нравится ради самой лжи.

Но я не могу не сказать: эта самая истина есть обнаженный и открытый дневной свет, при котором маски, представления и торжества мира выглядят в половину менее величественными и утонченными, чем при свете свечей. Возможно, истина и может по своей ценности приблизиться к жемчугу, который лучше всего выглядит днем, но она никогда не поднимется до ценности алмаза или карбункула, которые смотрятся при самом разном освещении. Действительно, примесь лжи всегда увеличивает наслаждение. Разве кто-либо усомнится в том, что если бы умы людей были освобождены от суетных мнений, лестных надежд, ложных оценок, свободной игры воображения и тому подобного, то они у многих людей сжа-

лись бы и обеднели, исполнились бы меланхолии и отвращения и стали бы неприятны им же самим. Один из отцов в великой суровости назвал поэзию «vinum daemonum»[1], поскольку она насыщает воображение, и все же она является лишь тенью лжи. Но вред приносит не та ложь, которая проходит, не задерживаясь, сквозь ум, а та, которая пускает корни и укрепляется в нем, т. е. такая ложь, о которой мы говорили ранее.

Но как бы ни представлялись все эти вещи в извращенных суждениях и чувствах людей, все же истина, которая действительно только сама может судить о себе, учит, что поиски истины, т. е. любовь к ней и ухаживание за нею, знание истины, т. е. ее присутствие, и вера в истину, т. е. наслаждение ею, составляют высшее благо человеческой натуры. Первым созданием бога, в трудах дней его, был свет видимый, последним — свет разума; и его субботний труд с того времени всегда есть свет его духа. Сначала он вдохнул свет в лицо материи, или хаоса; затем — свет в лицо человека, и с тех пор он постоянно вдохновляет и вызывает свет в лицах избранников своих. Ведь прекрасно сказал тот поэт, который украсил секту, в других отношениях уступавшую остальным: «Приятно стоять на берегу и видеть корабли, борющиеся с волнами; приятно стоять у окна замка и наблюдать внизу битву со всеми ее превратностями; но ни с чем не сравнимо то наслаждение, когда стоишь на прочном основании истины (вершина, которую ничто не может превзойти и где воздух всегда свеж и чист) и наблюдаешь ошибки, и блуждания, и туманы, и бури внизу в долине»[2]. Это правильно, но всегда это зрелище должно наблюдать с жалостью, а не с напыщенностью или гордостью. Разумеется, добиться того, чтобы ум человека действовал в милосердии, покоился на провидении и опирался на столпы истины, значит достичь рая на земле.

Если перейти от теологической и философской истины к мирской, то даже те, кто сам не придерживается этого правила, признают, что честность и прямота в делах составляют честь человеческой натуры и что добавление лжи подобно примеси в золотой или серебряной монете; это, быть может, и улучшает обработку металла, но портит его чистоту. Ибо эти извилистые и кривые пути суть действия змия, который бесчестно передвигается на брюхе, а не на ногах. Нет другого порока, который бы так покрывал человека позором, как если его найдут лживым и вероломным; и поэтому очень хорошо сказал

Монтень, когда он исследовал причину того, почему лживое слово является таким бесчестьем и таким позорным обвинением: «Если хорошенько взвесить, то сказать, что человек лжет, это значит сказать, что он смел перед богом и труслив перед людьми» [3]. Ибо ложь открыта богу и ускользает от человека. Безусловно, вся преступность лжи и вероломства ни в чем не может быть выражена более полно, как в том, что она будет последним трубным гласом, который призовет род человеческий на суд божий, ибо предсказано, что, когда придет Христос, он не найдет веры на земле.

II. О смерти

Люди страшатся смерти, как малые дети потемок; и как у детей этот врожденный страх усиливается сказками, так же точно и страх смерти. Конечно, мысль о смерти как каре за грехи и переходе в иной мир благочестива. Но боязнь ее как неизбежной дани природе есть слабость. Да и в благочестивые о ней размышления примешивается порой доля суетности и суеверия. В иных монашеских сочинениях о смертных муках нам напоминают, какова боль, ощущаемая человеком, если терзать хотя бы кончик пальца его, и каковы, следовательно, должны быть муки смерти, когда разрушается все тело. А между тем смерть зачастую менее мучительна, чем повреждение одного члена, ибо самые важные для жизни органы не есть самые чувствительные. «Pompa mortis magis terret quam mors ipsa» [4]— слова эти заключают в себе и философскую и житейскую истину. Стоны, судороги, мертвенный лик, слезы друзей, траур, погребение и прочее — вот отчего смерть предстает ужасной.

Заметьте, что нет в душе человека такой даже самой слабой страсти, которая не побеждала бы страха смерти; а значит, смерть не может быть столь уж страшным врагом, раз есть у человека целая рать, способная ее одолеть. Месть торжествует над смертью; любовь ее презирает; честь призывает ее; горе ищет в ней прибежища; страх предвосхищает ее. А когда убил себя император Отон, жалость — это слабейшее из чувств — многих побудила искать смерти из сочувствия императору и в знак верности. Сюда же Сенека прибавляет еще прихотливость и пресыщение: «Cogita quam diu eadem feceris; mori velle, non tantum fortis, aut miser, sed etiam fastidiosus potest» [5]. Ведь человек бывает готов умереть, не будучи ни храбре-

цом, ни несчастливцем, оттого только, что ему наскучит однообразие. Заметьте и то, как мало действует приближение смерти на сильных духом, ибо каждый из них до конца остается самим собой. Цезарь Август умер с любезностью на устах: «Livia, conjugii nostri memor vive et vale!» [6]; Тиберий — продолжая лукавить; как говорит Тацит: «Jam Tiberium vires et corpus, non dissimulatio, deserebant»[7]; Веспасиан — с шуткой, сидя на стульчаке: «Ut puto, deus fio»[8]; Гальба — с изречением, подставляя шею убийце: «Feri, si ex re sit populi Romani» [9]; Септимий Север — впопыхах: «Adeste, si quid mihi restat agendum»[10]. И так далее.

Стоики, несомненно, уделяли смерти чрезмерно много внимания и пышными к ней приготовлениями делали ее еще более устрашающей. Мне же более по душе тот, «qui finem vitae extremum inter munera ponat naturae»[11]. Умереть столь же естественно, как и родиться; а для младенца второе, быть может, не менее болезненно, чем первое. Кто умирает за важным делом — подобен раненому в жарком бою, поначалу едва ощущающему боль. Поэтому, кто поглощен благими помыслами, тот поистине избавлен от мук смерти. Но всего слаще, поверьте, звучит гимн «Nunc dimittis» [12], когда человек достиг достойной цели и оправдал ожидания. У смерти есть еще то, что она открывает врата доброй славы и унимает завистников: «Ekstinctus amabitur idem»[13].

III. О единой религии [14]

Будучи главной связующей силой общества, религия и сама должна быть скреплена силой единства. Религиозные расколы и распри были неизвестны язычникам. Причиной было то, что религия их состояла более в обрядах и церемониях, нежели в твердой вере. Какого рода была эта вера, можно видеть из того, что учителями и отцами церкви были у них поэты. Но истинный бог отличается именно тем, что он — бог-ревнитель, а поэтому и служения себе требует безраздельного. Скажем же несколько слов о единстве церкви: каковы плоды его, каковы границы и каковы пути к его достижению.

Плодами единства — не говоря уж о том, что оно угодно богу, а это превыше всего — равно пользуются и те, кто не приобщен к церкви, и те, кто находится в лоне ее. Что касается первых, то, несомненно, ереси и расколы

являются величайшим соблазном, худшим даже, нежели развращенность нравов. Ибо, как в теле человеческом ранение или нарушение связей более опасны, чем скопление испорченных соков, так же точно и в теле церковном. Ничто так не отдаляет и не отвращает людей от церкви, как нарушение единства. А поэтому всякий раз, когда один говорит: «Ecce in deserto», а другой: «Ecce in penetralibus» [15], т. е. когда одни ищут Христа на сборищах еретиков, а другие — во внешней церкви, надо, чтоб непрерывно звучал в ушах людей голос: «Nolite exire!» — «Не выходите!» Учитель язычников (чьим призванием была забота о не приобщенных к церкви) говорит: «Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить незнакомыми языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь?» [16] А ведь так оно и есть: атеисты и нечестивцы, слыша о стольких разногласиях в делах веры, отвращаются от церкви и «занимают места в собрании развратителей» [17]. Сошлюсь на пример, хотя и пустяшный для столь серьезного предмета, зато наглядно рисующий уродство, о котором я говорю. Один мастер насмешки в свой список книг для вымышленной библиотеки включил такое заглавие, как «Мавританская пляска еретиков» [18]. И действительно, каждая секта кривляется на свой лад; как же не вызвать насмешек у нечестивцев и развращенных политиканов, склонных относиться непочтительно к священным предметам?

Для тех, кто уже находится в лоне церкви, плодом единства является мир, таящий в себе неисчислимые блага, ибо он укрепляет веру, побуждает к милосердию, из мира церковного претворяется в мир душевный; а силы, ранее затрачиваемые на полемические сочинения, обращаются на проповедь смирения и благочестия.

В отношении границ единства чрезвычайно важным является правильное их обозначение. Тут возможны две крайности. Иным фанатикам невыносим малейший намек на примирение: «С миром ли? И сказал Иуй: что тебе до мира? Поезжай за мною» [19]. Не мир им важен, но вербовка приверженцев. И напротив, иные лаодикийцы [20] и нерадивые полагают, что в делах веры можно сойтись на полпути, хитроумно согласовав стороны и взявши от обеих понемногу — словно берутся быть судьями между богом и людьми. Обеих крайностей следует избегать; а этого можно достичь, если будут просто и понятно разъяснены два по видимости противоречивых положения хри-

стианского устава, начертанного самим Спасителем: «Кто не с нами, тот против нас» и «Кто не против нас, тот с нами» [21], т. е. если основные и существенные вопросы веры будут отделены и отграничены от вопросов, касающихся не столько веры, сколько мнений, порядка или добрых намерений. Это многие могут счесть чем-то само собой разумеющимся и уже свершившимся. Однако если бы оно вершилось с меньшим пристрастием, то получило бы большее распространение.

Касательно этого я могу дать лишь один совет, сообразно моему скромному разумению. Следует остерегаться двух видов разногласий, терзающих божью церковь. В одном случае спорный вопрос настолько пуст и ничтожен, что не стоит затрачиваемого на него пыла, каковой разжигается единственно духом противоречия; ибо, как замечает один из отцов церкви, «хитон Христа не имел швов, одежды же церкви были пестры». При этом он добавляет: «In veste varietas sit, scissura non sit» [22], ибо единство и единообразие — вещи различные. В другом случае спор идет по вопросу серьезному, но доводится до чрезмерной тонкости и запутывается, так что становится скорее изощренным, нежели существенным. Человек здравых понятий и суждений, слушая порой спор глупцов, знает про себя, что спорящие разумеют одно и то же, но сами никогда не придут к согласию. И если такова разница в суждении между одним человеком и другим, нельзя разве предположить, что всевышний, читающий в сердцах, различает в некоторых людских спорах единое намерение и приемлет правду обеих сторон. Природа подобных разногласий отлично определена святым Павлом в его предостережении против таковых: «Devita profanas vocum novitates, et oppositiones falsi nominis scientiae» [23]. Люди сами создают несуществующие противоречия и облекают их в новые слова, причем таким образом, что смысл, вместо того чтобы подчинять себе слово, сам ему подчиняется. Есть также два вида ложного единения, или примирения: во-первых, когда единение зиждется лишь на невежестве, ибо в темноте все цвета сливаются; и, во-вторых, когда оно кое-как слажено при прямом допущении разногласий в основных вопросах. Ибо в таких делах истинное и ложное подобны железу и глине в ногах Навуходоносорова истукана [24]: их можно смешать, но они не соединятся.

Что касается способов обеспечения единства, то дóлжно остерегаться, чтобы при создании и укреплении единства

церкви не уничтожить и не извратить законов милосердия и человеческого общежития. Христиане владеют двумя мечами — духовным и светским, и оба они имеют в делах веры надлежащее место и назначение. Но нельзя браться за третий меч — меч Магомета и подобных ему, т. е. за проповедь религии оружием и насилование совести путем кровавых преследований — разве лишь в случаях открытых бесчинств, кощунства или заговора против государства. Тем более нельзя прибегать в этих же целях к поощрению смуты, допускать заговоры и мятежи, вооружать народ или как-либо иначе подрывать власть, ибо власти установлены от бога. Это значило бы разбивать одну скрижаль о другую и в заботах о христианах забывать, что они также и люди. Поэт Лукреций, негодуя против Агамемнона, допустившего принесение в жертву собственной дочери, воскликнул:

Tantum religio potuit suadere malorum [25].

Что же сказал бы он, если бы знал о резне во Франции или о пороховом заговоре в Англии? [26] Он стал бы еще бо́льшим эпикурейцем и атеистом, нежели был. Коль скоро меч светской власти должен лишь с великой осторожностью извлекаться из ножен в защиту религии, то совсем уже чудовищно вооружать им простой народ. Оставим это анабаптистам и другим безумцам. Великое богохульство изрек дьявол, когда сказал: «Взойду на высоты облачные, буду подобен всевышнему» [27]; но еще большее богохульство — действовать именем бога, как бы заставляя его говорить: «Опущусь в преисподнюю, буду подобен князю тьмы». А разве не это именно происходит, когда дело веры унижается до таких жестоких и омерзительных деяний, как убийство государей, избиение целого народа, ниспровержение государств и правительств. Поистине, это значит ниспосылать святого духа не в виде голубя, но ворона или коршуна и водружать на ковчеге христианской церкви флаг пиратов и убийц. Вот почему необходимо церкви вооружиться своим учением и божественными установлениями, государям — мечом, а богословию и нравственной философии — как бы жезлом Меркурия, дабы навеки изгнать и предать проклятию все подобные деяния, равно как и учения, им способствующие, что, впрочем, уже в немалой степени сделано. Поистине, в делах веры надлежит руководствоваться апостольским изречением: «Ira hominis non implet justitiam dei» [28]. А один из мудрых отцов церкви оставил следую-

щее изречение, примечательное своей откровенностью: «Те, кто проповедует и осуществляет насилие над совестью, обычно имеют при этом собственные корыстные цели».

IV. О мести

Месть есть своего рода стихийное и дикое правосудие, и, чем сильнее стремится к ней человеческая натура, тем более закон обязан искоренять ее. Ибо если первая несправедливость лишь нарушает закон, то месть за эту несправедливость упраздняет закон. В сущности, прибегая к мести, человек ставит себя на одну доску со своим врагом, если же он простит обиду, то возвысится над ним; ибо прощать — это удел царей. И Соломон, насколько я знаю, сказал: «Слава для человека — быть снисходительным к проступкам» [29]. Что прошло — ушло и не вернется, и для мудрых людей достаточно забот о том, что есть сейчас и будет потом; поэтому те, кто занят делами прошлого, только зря тратят время. Нет никого, кто делал бы зло ради него самого, но все творят его ради выгоды, или удовольствия, или чести, или тому подобного; почему же я должен сердиться на человека за то, что он любит себя больше, чем меня? А если кто-то сделал зло просто по своей зловредной натуре, что из этого? Ведь это похоже на шип или колючку, которые колют и царапают, потому что по-другому не могут.

Самым терпимым видом мести является месть за такое зло, для наказания которого нет закона; но в этом случае пусть человек позаботится, чтобы месть была такой, за которую его не могли бы наказать по закону; иначе его враг окажется в более выгодном положении, ибо пострадает только раз, а сам человек — два раза. Некоторые, прибегая к мести, хотят, чтобы их обидчик знал, от кого она исходит; это наиболее великодушно, ибо показывает, что удовлетворение получают не столько от причинения боли, сколько от того, что заставляют обидчика раскаяться; бесчестные же и хитрые трусы подобны стрелам, летящим из темноты. У Козимо, герцога Флорентийского [30], есть одно суровое и скорбное высказывание в отношении вероломных или забывчивых друзей, из которого видно, что эти два зла он считает непростительными. Он говорит: «Вы прочтете, что мы обязаны прощать своих врагов; но нигде не сказано, что мы обязаны прощать своих друзей». Но Иов высказывается все

же в несколько более примирительном духе. Он говорит: «Мы принимаем добро из рук господа, почему же не хотим принять и зло?»[31] — это относится в такой же мере и к друзьям. Совершенно очевидно, что человек, замышляющий мщение, сохраняет свои собственные раны открытыми, в противном случае они бы закрылись и полностью залечились бы. Мщение общества большей частью совершается удачно, как видно на примере мщения за смерть Цезаря, Пертинакса, Генриха III Французского[32] и многих других. Но с личной местью дело обстоит не так; нет, мстительные люди, скорее, ведут жизнь ведьм, которые, причиняя несчастья другим, и сами кончают несчастливо.

V. О бедствиях

Есть у Сенеки возвышенное изречение, где утверждается (в духе стоиков), что «благ процветания следует желать, а благами бедствий — восхищаться». — «Bona rerum secundarum optabilia; adversarum mirabilia»[33]. Поистине, если чудом мы называем власть над природой, то оно более всего являет себя в бедствиях. А вот еще более возвышенное его изречение (особенно удивительное в устах язычника): «Истинное величие состоит в том, чтобы сочетать бренность человеческую с безмятежностью бога». — «Vere magnum, habere fragilitatem hominis, securitatem dei»[34]. Это годилось бы, скорее, для поэзии, где преувеличения более допустимы. И действительно, тема эта занимала поэтов. Она составляет предмет одного древнего мифа (содержащего, видимо, некий скрытый смысл и даже кое в чем близкого описанию христианской души), а именно сказания о Геракле, ради освобождения Прометея (который представляет здесь человеческую природу) переплывшем в глиняном сосуде через пустыню океана; живое подобие христианской решимости — в ладье бренной плоти пускающейся по мирским волнам. Говоря без поэтических прикрас, высшей добродетелью должно считать: в благоденствии — умеренность, в бедствиях же — стойкость, наиболее героическую из добродетелей.

Благоденствие — это благословение Ветхого завета; испытания же ниспосылаются Новым, который есть величайшее благословение и очевидный знак милости божьей. Однако даже и в Ветхом завете, прислушавшись к звукам арфы Давидовой, мы услышим столько же скорбных напевов, сколько ликующих; и заметим, что персты

духа святого более потрудились над изображением горестей Иова, нежели радостей Соломона. В благоденствии есть свои страхи и огорчения, а беды не лишены утешений и надежд. В вышивках и иных рукоделиях приятнее видеть яркий узор на темном и сумрачном поле, нежели темный и унылый на светлом; а что более радует глаз, то радует и сердце. Поистине, добродетель подобна драгоценным веществам, которые благоухают сильнее, будучи возжены или растерты; ибо благоденствие лучше всего обнаруживает пороки человека, бедствия же выявляют его добродетели.

VI. О притворстве и лицемерии

Притворство — прибежище слабых, ибо надобны силы ума и духа, чтобы знать, когда уместна правдивость в словах и поступках. Поэтому наиболее лицемерны слабейшие из государственных деятелей.

Тацит сообщает, что «Ливия была подстать хитрости мужа и притворству сына» [35], приписывая, таким образом, хитрость Августу, а притворство Тиберию; а Муциан, побуждая Веспасиана выступить с оружием против Вителлия [36], говорил: «Мы восстаем не против проницательного ума Августа, но против чрезмерной осторожности и скрытности Тиберия». Действительно, искусство политики и лицемерие или скрытность — вещи разные, и их надлежит различать. Кто наделен такой проницательностью, что видит, что дóлжно открыть, что утаить, а что обнаружить лишь отчасти и когда и кому (искусство, нужное и в государственной, и в частной жизни, как справедливо говорит Тацит [37]), для того лицемерие будет лишь жалкой помехой. Но кто не обладает такой силой суждения, тому остается взять скрытность и лицемерие за правило. Ибо не умеющему выбирать пути лучше идти путем безопаснейшим, как подслеповатому лучше всего ступать потихоньку. Наиболее даровитые из людей действовали прямо и откровенно и славились своей правдивостью, но ведь это потому, что они, как выезженные кони, отлично знали, где остановиться или свернуть; а когда, по их мнению, требовалось притворство и они применяли его, прежняя добрая слава об их честности и чистосердечии никому не давала этого заметить.

Есть три степени того, как можно скрыть и завуалировать свое истинное лицо. Первая состоит в молчаливости, сдержанности и скрытности, когда человек не дает

проникнуть в себя и узнать, что́ он такое; вторая — в притворстве, когда он знаками и намеками способствует ложному о себе мнению; третья будет уже собственно лицемерием, когда он намеренно и усердно притворяется не тем, что́ он есть.

Что до первой из них — молчаливости, то это лучшее качество исповедника. Умеющий молчать слышит много признаний. Ибо кто же откроется болтуну или сплетнику? А кто слывет молчаливым, вызывает на откровенность, подобно тому как спертый воздух всасывает воздух более редкий; и, как исповедь служит не житейским целям, но облегчению души, так и умеющие молчать узнают много вещей; с ними люди не столько делятся мыслями, сколько отделываются от того, что их тяготит. Словом, скрытному открыты все тайны. Кроме того, нагота неприглядна — как телесная, так и духовная; скрытые легким покровом дела человеческие выглядят много почтеннее. Что же касается говорунов и пустословов, то они обычно тщеславны и притом легковерны. Кто выбалтывает, что́ знает, будет говорить и о том, чего не знает. А потому возьми себе за правило сдержанность: оно и благоразумнее, и пристойнее. И тут надобно, чтобы лицо не опережало язык; у кого мысли написаны на лице, тот выдает себя с головой; ведь лицу придают куда больше веры, нежели словам.

Вторая степень, которая есть уже притворство, нередко следует за первой по необходимости. Кто желает сохранить тайну, вынужден отчасти и притворствовать, ибо люди хитры и не допустят, чтобы ты ничем себя не выдал. Они так будут досаждать расспросами, так выведывать и вызывать на разговор, что, если только не упорствовать в нелепом молчании, придется обнаружить, куда склоняешься. А если и нет, тогда из твоего молчания они заключат не меньше, чем из слов. Ведь темных и двусмысленных отговорок надолго не хватит. Вот почему нельзя быть скрытным, не позволяя себе также и некоторой доли притворства, которое как бы тянется следом за скрытностью.

Что же касается третьей степени, т. е. собственно лицемерия и лживости, это считаю я более предосудительным и менее благоразумным, за исключением чрезвычайных и редких случаев. Привычное лицемерие есть порок, порождаемый либо врожденной лживостью, либо робостью, либо существенными нравственными изъянами, которые человек принужден скрывать, а для этого при-

творяться и во всем другом, дабы не утратить в притворстве сноровки.

Лицемерие и притворство имеют три преимущества. Во-первых, усыпляют бдительность противника и застигают его врасплох, ибо открыто объявленные намерения, подобно сигнальному рожку, собирают всех врагов. Во-вторых, обеспечивают отступление, ибо, связав себя открытым объявлением своих целей, надо идти до конца или пасть. В-третьих, помогают выведать чужие замыслы, ибо тому, кто открывает себя людям, едва ли отвечают тем же, но дают ему волю и, что было бы на языке, держат на уме. Умна поэтому испанская поговорка: «Солги и узнаешь правду», т. е. правду не узнаешь иначе как притворством. Зато и невыгод тоже три. Первая состоит в том, что лицемерие и притворство указывают обычно на боязливость, а это во всяком деле препятствует прямому движению к цели. Вторая — в том, что они смущают и отталкивают многих, кто иначе, быть может, помог бы, и оставляют человека почти в одиночестве. А третья и величайшая невыгода заключается в том, что человек лишается одного из важнейших средств успеха, а именно доверия. Лучше всего сочетать добрую славу человека чистосердечного, привычку к сдержанности, при случае — способность к скрытности, а в крайней нужде — и к притворству.

VII. О родителях и детях

Радости родителей скрыты, так же как их горести и страхи; они не могут открыто проявить первые и не хотят обнаруживать вторые. Дети делают труды более приятными, а несчастья, напротив, еще более горькими; они увеличивают тяготы жизни, но и смягчают мысль о смерти. Продолжение рода свойственно всем животным; сохранение же памяти, достоинств и благородных дел характерно только для человека. Ведь, разумеется, всякому должно быть известно, что самые благородные дела и начинания происходят от тех людей, у которых нет детей и которые стремятся оставить потомкам образы своего духа, раз уж им не удалось оставить им образы своего тела; так что забота о потомстве сильнее всего у тех, кто не имеет потомства. Те, кто первым прославляет свой род, наиболее снисходительно относятся к своим детям, считая их продолжением не только своего рода, но и своего дела, т. е. не только детьми, но и творениями.

Отношение родителей к своим детям, если их несколько, во многих случаях не одинаково; а иногда родители, особенно мать, любят и недостойных. Соломон сказал однажды: «Разумный сын радует отца, глупый же — приносит печаль матери»[38]. В доме, полном детей, можно видеть, что одного или двух старших уважают, а самых младших балуют; однако из средних детей, которых как бы забывают, не раз между тем выходили самые лучшие люди. Скупость родителей в содержании детей является вредной ошибкой; она делает детей бесчестными, толкает их на хитрости, вынуждает связываться с дурной компанией и заставляет больше предаваться излишествам, когда они становятся богатыми. И поэтому лучший результат достигается тогда, когда родители больше заботятся о своем авторитете у детей, а не о кошельке.

У людей (родителей, школьных учителей и слуг) есть глупый обычай вызывать и поддерживать соревнование между братьями в пору их детства, что много раз приводило к ссорам, когда они становились взрослыми, и нарушало спокойствие семей. Итальянцы почти не делают различия между своими детьми и племянниками или другими ближайшими кровными родственниками; им все равно, являются они порождением их собственной плоти или нет, раз они принадлежат к одному роду. И если говорить правду, в природе дело обстоит очень похоже на это, причем до такой степени, что, иногда случается, мы видим племянника, более похожего на дядю или на другого близкого родственника, чем на своего собственного родителя. Пусть родители заблаговременно выберут занятия и карьеру, которым, по их мнению, должны посвятить себя дети, ибо тогда они наиболее податливы; и пусть они не слишком руководствуются наклонностями своих детей, полагая, что они лучше всего привяжутся к тому, к чему они более всего расположены. Правда, если дети проявляют какие-либо необычайные склонности, или способности, тогда правильно будет не противоречить им; но обычно хороша та заповедь: «Optimum elige, suave et facile illud faciet consuetudo»[39]. Младшие братья обычно более удачливы, но редко или никогда там, где старшие братья лишены наследства.

VIII. О браке и безбрачии

Тот, у кого есть жена и дети, отдал заложников судьбе, ибо семья является помехой на пути свершения великих предприятий, как добродетельных, так и злонаме-

ренных. Несомненно, что самые лучшие начинания, принесшие наибольшую пользу обществу, исходили от неженатых и бездетных людей, которые и своими привязанностями, и своим богатством как бы слились с обществом и одарили его. И все же есть серьезное основание полагать, что тем, у кого есть дети, более всех необходимо заботиться о будущем, которому, как они знают, они должны передать свои самые дорогие заклады. Есть и такие, которые, хотя и ведут одинокую жизнь, тем не менее думают только о себе и считают, что будущее их никак не касается. Есть даже и такие, которые считают жену и детей только платежными счетáми. Более того, есть некоторые глупые богатые скряги, которые гордятся, что у них нет детей, с тем чтобы их считали еще богаче, ибо, возможно, они где-то слышали разговоры примерно такого рода: «Такой-то человек очень богат», на что следовало продолжение: «Да, но у него на попечении много детей»; как будто его богатство от этого уменьшается.

Но самой распространенной причиной безбрачия является стремление к свободе, особенно у некоторых самодовольных и привередливых людей, которые настолько чувствительны ко всякому стеснению, что готовы даже свои пояса и подвязки считать оковами и кандалами. Холостые мужчины — лучшие друзья, лучшие хозяева, лучшие слуги; но не всегда лучшие подданные, ибо они скорее готовы покинуть свою страну, и почти все беженцы относятся именно к этой категории людей. Безбрачие хорошо подходит церковникам, ибо милостыня вряд ли оросит землю там, где сначала она должна заполнить пруд. Для судей и исполнителей власти не имеет значения, состоят ли они в браке или нет, ибо если они будут уступчивы и продажны, то у них будет слуга в пять раз хуже, чем жена. Что касается солдат, то известно, что военачальники в своих призывах напоминают солдатам об их женах и детях; и я думаю, что презрение к браку, распространенное среди турок, делает этих грубых солдат еще более низкими.

Несомненно, жена и дети являются своего рода школой человечности; а одинокие, хотя они во много раз щедрее женатых, ибо обладают бóльшими возможностями делать милость, вместе с тем все же более жестоки и бесчувственны (из них выходят суровые инквизиторы), потому что к их нежности не так часто взывают. Серьезные натуры, руководствующиеся обычаем и потому постоянные, обычно являются любящими мужьями; как было ска-

зано об Улиссе: «Vetulam suam praetulit immortalitati»[40].

Целомудренные женщины часто бывают горды и высокомерны, они слишком злоупотребляют этим достоинством — своим целомудрием. Если жена считает своего мужа мудрым, то она привязывается к нему самыми лучшими узами — узами целомудрия и послушания, чего не будет, если она обнаружит, что он ревнив. Жены — это любовницы и властительницы молодых, подруги зрелых и няньки стариков; так что мужчина может иметь причину для женитьбы в любом возрасте, когда ему захочется. Все же мудрецом посчитали того человека, который на вопрос, когда мужчине следует жениться, ответил: «Молодому еще рано, старому уже поздно». Часто можно наблюдать, что у плохих мужей очень хорошие жены; происходит ли это из-за того, что жены больше ценят доброту своих мужей, когда она редко проявляется, или же из-за того, что они гордятся своим терпением, но это всегда справедливо, если плохие мужья выбраны ими самими, вопреки совету друзей, ибо тогда, конечно, им приходится делать хорошую мину при плохой игре.

IX. О зависти

Никакая страсть так не околдовывает человека, как любовь и зависть. Им обеим свойственны пламенные желания, обе во множестве порождают вымыслы и соблазны, и обе выражаются во взгляде, особенно в присутствии своего предмета; а это всего более способствует колдовским чарам, если они вообще существуют. Недаром Писание говорит о дурном глазе, а астрологи называют пагубное излучение светил дурными аспектами. Как видно, признано, что зависть проявляется в некоем излучении. Иные подметили даже, что завистливый глаз всего опаснее, когда созерцает свой предмет в час его торжества, ибо зависть от этого обостряется; к тому же в эти часы дух счастливца более всего устремляется наружу и становится, таким образом, более уязвим.

Но оставим эти диковинки (не вовсе, впрочем, недостойные рассмотрения в надлежащем месте) и посмотрим, кто именно склонен к зависти, кто всего чаще становится ее предметом и чем различается зависть в общественной и частной жизни.

Человек, лишенный достоинств, неизменно завидует им в других, ибо душа человеческая питается либо собственным благом, либо чужим несчастьем; кому не хватает

первого, тот будет упиваться вторым; кто не надеется сравняться с ближним в достоинствах, старается сквитаться с ним, нанося ущерб его благополучию.

Человек любопытный и докучливый обычно также и завистлив, ибо вряд ли он так вникает в чужие дела потому, что это касается его самого; нет, он дивится на чужое счастье. И напротив, кто знает лишь свои дела, мало находит пищи для зависти. Ведь зависть — зевака; она бродит по улицам, а дома ей не сидится: «Non est curiosus, quin idem sit malevolus» [41].

Люди знатного рода замечены в зависти к людям новым при их возвышении; ведь расстояния при этом меняются, а им, как это бывает при обманах зрения, кажется, будто они сами идут назад потому только, что другие ушли вперед.

Завистливы уроды, евнухи, старики, незаконнорожденные. Ибо кто не в силах помочь собственной беде, обращает свои усилия на то, чтобы вредить другому, исключая, впрочем, те случаи, когда в уродливом теле живет геройский дух, который и уродство свое стремится обратить к своей чести, чтобы заставить людей говорить: «Вот какие великие дела мог свершить евнух или хромец». Так было с евнухом Нарсесом, с Агесилаем и Тамерланом [42], которые оба были хромые.

Завистливы люди, перенесшие бедствия, а также те, кто не в ладу с временами, ибо горе других они считают возмещением за собственное.

Неизменно завистливы те, кто из прихоти и тщеславия желает преуспеть во всем сразу. У них всегда найдется кому позавидовать, ибо невозможно, чтобы многие хоть в чем-нибудь их не превосходили. Таков был нрав императора Адриана, снедаемого завистью к поэтам, живописцам и всякому мастерству, в котором он сам стремился блистать.

Наконец, завистливы близкие родичи и те, кто вместе рос или вместе начинал службу, если вчерашняя родня или ровня их опередит. Это им как бы постоянный укор; это им колет глаза и нейдет из ума, да и людям всегда заметно; а ведь зависть усиливается от чужих речей и похвал. Зависть Каина к брату Авелю тем более гнусна, что, когда жертва Авелева оказалась угоднее богу, свидетелей при этом не было. Таковы те, кто склонен к зависти.

Обратимся теперь к тем, кто становится ее предметом. Меньше завидуют возвышению людей достойных, ибо оно

представляется лишь должным воздаянием; а кто же позавидует уплате долга? Завидуют только дарам и щедротам. К тому же в зависти всегда таится сравнение; а где невозможно сравнение, нет и зависти — вот почему королям завидуют одни короли. Следует, однако ж, отметить, что недостойным больше завидуют поначалу, а потом примиряются; достойным же, напротив, всего более завидуют тогда, когда счастье их длится долго, ибо с течением времени если не самые достоинства их, то слава о них идет на убыль, и новые люди являются им на смену.

Менее завидуют возвышению высокородных, ибо оно как бы подобает им по праву рождения, да и не столь уж много прибавляет к их благоденствию. А ведь зависть, как солнечный луч, сильнее бьет по возвышенности, чем по ровным местам. По той же причине возвышение постепенное менее возбуждает зависть, нежели внезапное, per saltum [43].

Менее завидуют тем, кому почести достались ценой тяжких трудов, забот или опасностей; ибо эту цену люди считают высокой и склонны таких пожалеть, а жалость исцеляет от зависти. Заметьте, что наиболее благоразумные из высоких сановников на вершине своего величия вечно жалуются на тяжелую долю и стонут: quanta patimur [44] — не потому, чтобы они па самом деле так думали, но чтобы несколько оградить себя от зависти. Разумеется, так говорить они могут только о делах, возлагаемых на них, но отнюдь не о тех, за которые берутся сами; ибо ничто так не возбуждает зависть, как излишнее честолюбивое стремление все дела захватить в свои руки, и ничто так ее не смиряет, как соблюдение важным сановником всех прав своих подчиненных, ибо этим приобретает он в их лице заслоны против завистников.

Всего более навлекают зависть те, кто в высокой должности держит себя надменно и гордо и никому не дает забыть о своем величии либо внешней пышностью, либо подавлением противников и соперников; тогда как мудрый готов приносить умягчительные жертвы зависти и для этого порой намеренно уступает в вещах маловажных. Впрочем, пользуясь высоким положением открыто и прямо (лишь бы без заносчивости и чванства), меньше возбуждаешь зависть, нежели пускаясь на хитрости; ибо в последнем случае как бы отрекаешься от щедрот судьбы и сознаешься в своей недостойности; а ведь это и создает завистников.

В заключение этой части скажем: коль скоро зависть сродни колдовству, то и средство против нее таково же, а именно: отвлечь злые чары на другого. Вот для этого-то мудрейшие из великих мира всегда выдвигают рядом с собой кого-либо, на кого и направляется зависть: иногда чиновника или слугу, иногда соратника или помощника; ибо всегда найдутся неистовые натуры, которые дорогу к власти оплатят любой ценой.

Что касается зависти в общественной жизни, то в ней есть и хорошие стороны — чего никак не скажешь про зависть личную. Ибо зависть в жизни общественной есть род остракизма, поражающего тех, кто чрезмерно вознесся, и служит поэтому уздой для облеченных властью.

Такая зависть по-латыни зовется «invidia», а в новых языках именуется недовольством; о ней мы еще скажем, говоря о мятежах. В государстве она подобна моровой язве, ибо, как моровая язва постепенно заражает все здоровое, так и зависть, раз появившись в стране, порочит самые благие дела и толкует их дурно. Тогда мало пользы и от уступок, ибо они лишь укажут на слабость правителей и страх перед завистью, а от этого бывает только хуже, опять-таки как с заразой, которую, чем больше бояться, тем легче схватить.

Зависть в общественной жизни направлена большей частью на главных чиновников и министров, а не на государей и государство. Но если недовольство каким-либо чиновником сильнее, чем он того заслуживает, или же распространяется на все их сословие, это есть верный признак того, что недовольство втайне направлено против самого государства. На этом покончим с завистью в общественной жизни, или, иначе, недовольством, и с отличиями ее от зависти в частной жизни, о которой была речь вначале.

Вообще же добавим, что зависть из всех страстей самая упорная и неугомонная. Для других страстей есть час и время; о зависти же недаром сказано: «Invidia festos dies non agit» [45]. Замечено также, что любовь и зависть иссушают человека,— не то, что другие страсти, действующие не столь постоянно. Зависть также есть гнуснейшая из страстей — недаром является она главной принадлежностью дьявола; он и есть тот завистник, который, «когда люди спали, пришел, и посеял между пшеницею плевелы, и ушел» [46]. Ибо зависть всегда творит свое дело во мраке и втайне, на погибель добрым посевам.

X. О любви

Сцена более благосклонна к любви, чем человеческая жизнь. Ибо на сцене любовь, как правило, является предметом комедий, и лишь иногда — трагедий; но в жизни она приносит много несчастий, принимая иногда вид сирены, иногда — фурии. Можно заметить, что среди всех великих и достойных людей (древних или современных, о которых сохранилась память) нет ни одного, который был бы увлечен любовью до безумия; это говорит о том, что великие умы и великие дела, действительно, не допускают развития этой страсти, свойственной слабым. Тем не менее необходимо сделать исключение в отношении Марка Антония, соправителя Рима, и Аппия Клавдия, децемвира и законодателя, из которых первый был действительно человеком сластолюбивым и неумеренным, а второй — строгим и мудрым. А поэтому нам представляется, что любовь (хотя и редко) может найти путь не только в сердце, для нее открытое, но и в сердце, надежно от нее защищенное, если не быть бдительным. Плохо говорит Эпикур: «Satis magnum alter alteri theatrum sumus» [47] — как будто человек, созданный для созерцания небес и всех благородных предметов, не должен делать ничего, как стоять на коленях перед маленьким идолом и быть рабом, не скажу, низменных желаний (подобно животным), но зрения, которое было дано ему для более возвышенных целей.

Интересно отметить эксцессы, свойственные этой страсти, и то, как она идет наперекор природе и истинной ценности вещей; достаточно вспомнить постоянное употребление гипербол в речи, которые приличествуют только когда говорят о любви, и больше нигде. И дело не только в гиперболе; ибо хотя и хорошо было сказано, что архильстецом, в присутствии которого все мелкие льстецы кажутся разумными людьми, является наше самолюбие, однако, безусловно, влюбленный превосходит и его. Ведь нет такого гордого человека, который так до абсурда высоко думал бы о себе, как думают влюбленные о тех, кого они любят; и поэтому правильно сказано, что «невозможно любить и быть мудрым». И нельзя сказать, что эту слабость видят только другие люди, а тот, кого любят, ее не видит; нет, ее видит прежде всего любимый человек, за исключением тех случаев, когда любовь взаимна. Ибо истинное правило в этом отношении состоит в том, что любовь всегда вознаграждается либо взаимностью, либо

скрытым и тайным презрением. Тем более мужчины должны остерегаться этой страсти, из-за которой теряются не только другие блага, но и она сама. Что касается до других потерь, то высказывание поэта действительно хорошо их определяет: тот, кто предпочитает Елену, теряет дары Юноны и Паллады. Ведь тот, кто слишком высоко ценит любовную привязанность, теряет и богатство, и мудрость. Эта страсть достигает своей высшей точки в такие времена, когда человек более всего слаб, во времена великого процветания и великого бедствия, хотя в последнем случае она наблюдалась меньше; оба эти состояния возбуждают любовь, делают ее более бурной и тем самым показывают, что она есть дитя безрассудства.

Лучше поступает тот, кто, раз уж невозможно не допустить любви, удерживает ее в подобающем ей месте и полностью отделяет от своих серьезных дел и действий в жизни; ибо если она однажды вмешается в дела, то взбаламучивает судьбы людей так сильно, что люди никак не могут оставаться верными своим собственным целям. Не знаю, почему военные так предаются любви; я думаю, это объясняется тем же, почему они предаются вину, ибо опасности обычно требуют того, чтобы их оплачивали удовольствиями. В природе человека есть тайная склонность и стремление любить других; если они не расходуются на кого-либо одного или немногих, то, естественно, распространяются на многих людей и побуждают их стать гуманными и милосердными, что иногда и наблюдается у монахов. Супружеская любовь создает человеческий род, дружеская любовь совершенствует его, а распутная любовь его развращает и унижает.

XI. О высокой должности [48]

Высокая должность делает человека слугой трех господ: слугой государя или государства, слугой людской молвы и слугой своего дела; он уже не хозяин ни себе, ни своим поступкам, ни своему времени. Не странно ль стремиться к власти ценой свободы или к власти над людьми ценой власти над собою? Возвышение стоит трудов; а там одни тяготы влекут за собой другие, тягчайшие; возвышение требует порой унижения, а честь достается бесчестьем. На высоком месте нелегко устоять, но нет и пути назад, кроме падения или, по крайней мере, заката — а это печальное зрелище: «Cum non sis, qui fueris, non est cur velis vivere»[49]. Нет, люди не в силах

уйти на покой, когда хотели бы; не уходят они и тогда, когда следует; уединение всем нестерпимо, даже старости и немощам, которые надо бы укрывать в тени; так, старики вечно сидят на пороге, хотя и предают этим свои седины на посмеяние.

Высоким особам, чтобы считать себя счастливыми, необходимо справляться о мнении других, ибо сами они не могут чувствовать счастья. Им надо думать о себе то, что думают о них другие, кто охотно оказался бы на их месте, и тогда они счастливы или слывут таковыми. Но втайне они, быть может, иного мнения; ведь они первыми узнают о своих горестях и последними — о своих ошибках. И всегда высокие особы — чужие самим себе; в сутолоке дел им недосуг позаботиться о здоровье телесном или душевном: «Illi mors gravis incubat, qui notus nimis omnibus, ignotus moritur sibi» [50]. Высокая должность позволяет творить как добро, так и зло; в этом смысле она — проклятие, ибо, чтобы уберечься от зла, мало не хотеть его, надо еще и не мочь. Зато возможность делать добро есть подлинное и законное оправдание властолюбию, ибо добрые помыслы, конечно, угодны богу, но людям от них не более проку, чем от сладостных снов, покуда помыслы не воплощены в дела; а это невозможно без высокого сана и власти, служащих удобной позицией. Заслуги и добрые дела есть цель наших трудов, а сознание таковых — венец нашего отдыха. Кто может, как господь бог, созерцать свои творения, может и почить от трудов своих. «Et conversus deus, ut aspiceret opera, quae fecerunt manus suae, vidit quod omnia essent bona nimis» [51] — а там и отдохнул в день субботний.

В отправлении должности следуй лучшим образцам, ибо примеры стоят целого сборника прописей. А спустя немного, возьми за образец себя самого и со всей строгостью выясни, не лучше ли шло у тебя дело вначале. Не пренебрегай и примером тех, кто в той же должности выказал себя дурно — не для того, чтобы порочить их память и тем прибавлять себе заслуг, но чтобы знать, чего надлежит избегать. Итак, вводи улучшения без похвальбы и без поношения предшественников и прежних порядков; но возьми себе за правило не только следовать достойным примерам, а и самому создавать их. Возводи все установления к первооснове и старайся проследить, в чем и как подверглись они искажениям; но совета ищи и у старых времен и у новых: у старых заимствуй, что лучше, у новых — что пригоднее. По возможности будь последовате-

лен, дабы люди заранее знали, чего ожидать; но не будь чересчур самонадеян и своеволен и разъясняй свое поведение, если отступаешь от обычных своих правил. Блюди подобающие тебе права, но не взывай при этом к законам; лучше утвердиться в своем праве молча и de facto, нежели заявлять о нем громко и вызывающе. Блюди также права своих подчиненных и считай за большую честь руководить в главном, нежели вмешиваться во все. Привлекай помощников и советников и не гони за докучливость тех, кто осведомляет тебя, но, напротив, встречай их приветливо.

Власть имущим присущи четыре главных порока: промедления, подкупность, грубость в обхождении и податливость. Чтобы не было промедлений, облегчи к себе доступ; держись назначенных сроков; не откладывай повседневных дел и без крайней нужды не берись за несколько дел сразу. Чтобы не было подкупов, свяжи не только руки берущие — т. е. свои и слуг своих, но также и руки дающие — своих просителей. Для первого надо лишь быть неподкупным, для второго же — открыто о том заявлять и клеймить лихоимство. Избегай не только проступка, но и подозрения. Кто переменчив и меняется без видимой причины, может быть заподозрен в подкупности. Поэтому всякую перемену во мнениях или образе действий провозглашай открыто, вместе с причинами, к ней побудившими, но не вздумай утаивать. Доверенный слуга или любимец, если по видимости ничем не заслуживает доверия, всеми считается обычно за пособника в тайном лихоимстве. Что касается грубого обхождения, то это ненужный повод к недовольству. Строгость рождает страх, но грубость рождает ненависть. От властей и порицание должно быть степенным, а не оскорбительным. Что до податливости, то она хуже лихоимства; ибо взятки берут лишь от случая к случаю, а кто поддается назойливости или пустой лести, того никогда не оставляют в покое. Как говорит Соломон: «Быть лицеприятным — нехорошо: такой человек и за кусок хлеба предаст истину» [52].

Справедлива древняя поговорка: «Место кажет человека». Только одних оно кажет в хорошем виде, а других — в плохом. «Omnium consensu capax imperii, nisi imperasset» [53],— сказал Тацит о Гальбе; но о Веспасиане он говорит: «Solus imperantium Vespasianus mutatus in melius» [54]. Правда, в первом случае речь идет о способностях; во втором — о нраве и обхождении. Кого почести изменяют к лучшему, тот наверняка по природе

великодушен. Ибо почести подобают — или должны подобать — именно добродетели; и как в природе все движется стремительно к своему месту и спокойно — по достижении его, так и добродетель стремительна, когда одержима честолюбием, и умиротворяется, когда облечена властью. На большую высоту всегда восходят не прямо, но по винтовой лестнице; и если имеются партии, то при восхождении нужно искать опоры, а взойдя на вершину — равновесия. К памяти предшественника будь справедлив и почтителен, ибо иначе этот долг наверняка отдадут ему после тебя. К соратникам имей уважение; лучше призвать их, когда они того не ждут, чем обойти, когда они надеются быть призванными. В личных беседах с просителями не следует слишком помнить о своем сане или напоминать о нем; но пусть лучше о тебе говорят: «Когда он в должности, он совсем другой человек».

XII. О бойкости

Следующая ходячая школьная притча заслуживает, однако, внимания человека вдумчивого. Однажды Демосфена спросили: какой дар всего нужнее оратору? Тот ответил: «Жест». А затем? — «Жест». А еще? — «Опять-таки жест». Так говорил тот, кто лучше всех мог судить об этом, хотя сам природой не был предназначен для успеха в том, что так восхвалял [55]. Не странно ли, что этот дар, внешний и относящийся, скорее, к искусству актера, ставится выше других благородных талантов: воображения, дара речи и прочих, и даже как бы объявляется единственным. Причина, однако ж, ясна. Человеческой натуре вообще более сродни глупость, нежели мудрость; а потому и качества, пленяющие людскую глупость, имеют наибольшую силу воздействия.

В прочих житейских делах такую же точно силу имеет бойкость. Что нужнее всего? — Бойкость. А что во-вторых и в-третьих? — Опять-таки бойкость. А между тем бойкость — дитя низости и невежества и не идет в сравнение с другими талантами; и все же она прельщает и покоряет всех, кто либо слаб разумом, либо робок духом — а таких всегда много; в минуты же слабости подчиняет себе и мудрых. Вот почему бойкость творит чудеса при народовластии, но меньше при сенатах и монархах; и всегда бойкие достигают большего при первом своем появлении, чем в дальнейшем, ибо бойкость плохо держит свои обещания.

Как есть шарлатаны, обещающие исцеление телу, так есть и шарлатаны в политических исцелениях. Они сулят чудеса и бывают, быть может, удачливы раз или два, но, не зная основ всей науки, не могут удерживаться долго. Не раз приходится бойким свершать чудо Магомета. Магомет уверил народ, что призовет к себе гору и с вершины ее вознесет молитвы за правоверных. Народ собрался. Магомет вновь и вновь взывал к горе; когда же гора не тронулась с места, он, ничуть не смущаясь, сказал: «Если гора не идет к Магомету, Магомет придет к горе». Так и эти люди, посулив чудеса и потерпев постыдную неудачу, умеют, если вполне овладели искусством бойкости, ловко отвести глаза, да на том и кончить дело.

Конечно, для людей мыслящих бойкость представляет забавное зрелище, да и в глазах толпы она смешна; ибо если смешным почитается нелепое, то крайняя бойкость с нелепостью почти неразлучна. Особенно забавно видеть, как бойкий бывает приведен в смущение и как лицо его при этом вытягивается и деревенеет; оно и неудивительно: кто скромен, тому не привыкать смущаться; но на бойких в подобных случаях находит столбняк — вроде пата в шахматной игре, когда и мата нет и с места сойти нельзя. Последнее, впрочем, составляет скорее предмет сатиры, нежели серьезных наблюдений.

Надо хорошенько помнить, что бойкость всегда слепа: она не различает опасностей и препятствий, а потому непригодна советнику, но нужна исполнителю; так что бойких лучше не выдвигать на первое место, но ставить под начало других, ибо при обсуждении дела полезно видеть все его опасности, а при выполнении лучше не видеть их, разве когда они очень уж велики.

XIII. О доброте и добродушии

Под добротой я разумею заботу о благе людей, называемую у греков «филантропией»; слово «гуманность» (как оно употребляется ныне) для нее несколько легковесно. Добротой я называю деяние, добродушием же — природную склонность. Изо всех добродетелей и достоинств доброта есть величайшее, ибо природа ее божественна; без нее человек — лишь суетное, вредоносное и жалкое создание, не лучше пресмыкающегося. Доброта соответствует евангельскому милосердию; излишество в ней невозможно, возможны лишь заблуждения.

Чрезмерное властолюбие привело к грехопадению ангелов, чрезмерная жажда знания — к грехопадению человека; милосердие же не бывает чрезмерным и не может ввести в грех ни человека, ни ангела.

Склонность творить добро заложена глубоко в природе человеческой; когда она не изливается на людей, то направляется на другие создания; это видим мы у турок, народа жестокого, который, однако же, добр к животным и подает милостыню собакам и птицам. Как рассказывает Бусбек[56], дело доходит до того, что однажды в Константинополе христианский мальчик едва не был побит камнями за то, что из шалости заткнул клюв птицы. Но в добродетели милосердия, или доброте, таится опасность заблуждения. Есть у итальянцев злая поговорка: «Tanto buon che val niente» — «Так добр, что ни к чему не годен». А один из ученых итальянцев, Никколо Макиавелли, имел дерзость прямо написать, что «христианская вера делает добрых добычею несправедливости и тирании»[57]. Это могло быть сказано потому, что ни один закон и ни одно учение так не превозносит доброту, как это делает христианство.

Во избежание как подобных дерзостей, так и указанной опасности следует знать, какие именно заблуждения свойственны столь превосходному качеству. Стремись ко благу ближних, но не будь рабом их прихотей или притворства, ибо это будет всего лишь податливость, или слабоволие, обращающие в рабство отличных людей. Не одаривай также жемчугом Эзопова петуха[58], когда ячменное зерно его более осчастливило бы. Пред тобой пример господа твоего: «Он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных»[59]; но он не изливает богатств и почестей на всех без различия. Необходимое должно быть доступно всем, но особые блага надлежит распределять с разбором. Остерегайся также разбить оригинал, делая слепок; оригиналом же, согласно Писанию, является любовь к самому себе, а любовь к ближнему — лишь слепком. «Все, что имеешь, продай и раздай нищим... и приходи, последуй за мною...»[60]. Но не продавай всего, что имеешь, если не готов последовать за мною, т. е. если нет призвания, которое позволит тебе с малыми средствами делать столько же добра, сколько с большими; иначе, питая потоки, осушишь ключи.

Впрочем, добро творится не только по разуму; в некоторых людях и даже в природе существует естественное

к нему расположение, как существует, с другой стороны, и прирожденная злобность, по природе своей не терпящая чужого благополучия. В более легкой степени злобность оборачивается простой угрюмостью, или упрямством, или склонностью перечить; худший же вид ее — зависть и злонравие. В чужом несчастье такие люди чувствуют себя как рыбы в воде и на редкость умеют его отягчить; это не собаки, лизавшие язвы Лазаря, а, скорее, мухи, без устали жужжащие над открытой раной; эти misanthropi постоянно заняты тем, что доводят людей до петли, но даже дерева не припасают им для этого, как Тимон[61]. Люди подобного нрава являются поистине ошибками природы, но вместе с тем и наилучшим материалом для создания великих политиков; это как бы узлистое дерево, пригодное для кораблей, предназначенных к бурным плаваниям, но не для домов, коим надлежит стоять прочно.

Признаки доброты многочисленны. Если человек приветлив и учтив с чужестранцами, это значит, что он гражданин мира и что сердце его не остров, отрезанный от других земель, но континент, примыкающий к ним. Если сочувствует чужому несчастью, это показывает, что сердце его, как благородное дерево, источает бальзам из собственных ран. Если легко прощает обиды, это значит, что дух его выше оскорблений и не может потерпеть от них урона. Если признателен за малые дары, это означает, что в людях ценит душу, а не имущество. Если же он достиг совершенства апостола Павла и готов быть отлученным от Христа за братьев своих[62], это указует на божественную природу и как бы родство с самим Христом.

XIV. О знати[63]

О знати я намерен говорить сперва как о сословии в государстве, а затем как об отличиях отдельных лиц.

Монархия, где вовсе отсутствует знать, всегда бывает чистым деспотизмом и тиранией, наподобие турецкой. Ведь знать умеряет власть монарха и отвлекает взоры народа от королевского дома. Демократиям она не нужна: там, когда нет знатных родов, обыкновенно бывает больше покоя и меньше склонности к смутам; ибо внимание людей устремляется тогда на дело, а не на лица; а если на лица, то опять-таки в поисках наиболее пригодных для дела, но не ради гербов и родословных. Мы видим, например, что Швейцарская республика держится прочно, несмотря на множественность вероисповеданий и

кантонов, ибо покоится на принципе полезности, а не привилегий. Преуспевают также благодаря своему управлению и Соединенные Провинции; ведь, где господствует равенство, там решения правительства беспристрастнее, а подати и повинности выплачиваются охотнее. Многочисленная и могущественная знать придает монарху величие, но ограничивает его власть, ободряет народ, но ложится на него бременем. Хорошо, когда знать не более могущественна, чем это необходимо в интересах государя и закона, однако же достаточно сильна, чтобы служить трону оплотом против наглости черни. Многочисленная знать несет стране разорение, ибо увеличивает расходы; к тому же многие из ее числа со временем неизбежно беднеют, создавая тем самым несоответствие состояния со званием.

Что касается знатности отдельных лиц, то мы благоговейно взираем на древний замок, уцелевший от разрушения, или на вековой дуб со здоровой сердцевиной; а тем более — на древний знатный род, устоявший против волн и бурь времени. Ибо новая знать есть дело рук монарха, старая же — дело времени. Основатели знатных родов имели обычно больше доблести, но меньше добродетелей, нежели их потомки, ибо редко бывает возвышение без того, чтоб к заслугам не примешивались темные дела. Но справедливо, чтобы слава их переходила к потомству, а пороки погребены были вместе с ними. Знатное рождение обычно отвращает от труда; а кто не трудится, тот завидует прилежанию. К тому же знатному некуда возвышаться далее; а кто застыл на месте, когда другой подымается, тот едва ли избежит чувства зависти. Знатных же само рождение ограждает от зависти других, потому что почести им полагаются. Государи, насчитывающие среди своей знати людей даровитых, могут употребить их на службе с большей пользой и удобством, ибо люди склонны подчиняться тем, кто как бы рожден повелевать.

XV. О смутах и мятежах [64]

Пастырям народов надлежит разбираться в предзнаменованиях политических бурь, которые обычно всего сильнее, когда дело идет о равенстве, подобно тому как в природе бури всего сильнее ближе к равноденствию. И, как бурям предшествует глухой шум ветра и вздымание волн, так и в государствах:

...Ille etiam caecos instare tumultus
Saepe monet, fraudesque et operta tumescere bella [65].

Предвестниками смуты следует считать пасквили и крамольные речи, когда они часты и смелы, а также ложные слухи, порочащие правительство, когда они возникают часто и охотно подхватываются. Вергилий в родословной Молвы говорит, что она доводилась сестрою гигантам:

Illam Terra Parens, ira irritata Deorum,
Extremam (ut perhibent) Coeo Enceladoque sororem
Progenuit... [66]

Добро бы еще молва была лишь отзвуком прошедших смут, но она является также и провозвестницей смут грядущих. Однако же поэтом верно подмечено, что мятежи и мятежные слухи не болѐе отличаются друг от друга, чем брат от сестры, мужской пол от женского, особенно когда уже и самые благие постановления правительства, коим надлежало бы вызвать всеобщее одобрение, толкуются превратно и в дурном смысле, ибо это показывает, что недовольство велико. Как говорит Тацит: «Conflata magna invidia, seu bene seu male gesta premunt» [67]. Но из того, что подобные слухи являются предвестиями смуты, не следует еще, что чрезмерно суровое их подавление поможет избежать смуты. Для прекращения слухов часто лучше всего пренебречь ими, а усердные попытки пресечь их лишь продлят им веку. Не следует также доверять тому повиновению, о котором Тацит говорит: «Erant in officio, sed tamen qui mallent mandata imperantium interpretari, quam exequi» [68]. Обсуждения, отговорки и придирки к распоряжениям властей — все это уже попытки стряхнуть ярмо и упражнения в неподчинении, особенно если при этом сторонники приказа высказываются робко и нерешительно, а противники его — с дерзостью.

Далее, как верно подмечает Макиавелли [69], если государь, обязанный быть отцом всем своим подданным, отождествляет себя с какой-либо из партий и склоняется к одной из сторон, он уподобляет свое правление кораблю, который опрокидывается от неравномерного размещения груза. Это мы можем видеть на примере Генриха III Французского, который сперва сам присоединился к Лиге для истребления протестантов, а вскоре за тем эта же Лига обратилась против него самого. Ибо, когда монаршая власть окажется подчинена партийным целям и появятся иные узы, связующие крепче, нежели узы подданства, монарха можно считать уже почти низложенным.

Далее, когда распри, раздоры и столкновения партий происходят открыто и дерзко, это признак того, что уважение к властям утрачено. Ибо движения даже видных людей в государстве должны быть подобны движениям планет под воздействием «primum mobile» [70], а это, согласно древнему учению, означает, что каждая из них подчиняется быстрому движению высшего порядка и более медленно движется сама по себе. Поэтому, когда вельможи устремляются собственным путем слишком решительно и, как хорошо выразился Тацит, «liberius, quam ut imperantium meminissent» [71], это означает, что пришла в расстройство вся планетная система; ибо почестями государи облечены от самого господа, который сам и грозит лишением их: «Solvam cingula regum» [72].

Поэтому, когда расшатан любой из четырех столпов, коими держится правление,— религия, правосудие, совет и казна — людям надобно молиться, чтобы их миновала беда. Но оставим прорицания (которые, впрочем, станут более ясными из дальнейшего) и посмотрим, каковы материальные причины мятежей, какие поводы их вызывают и, наконец, какие существуют против них средства.

Что касается материальных причин для мятежей, то они заслуживают пристального внимания, ибо вернейшим средством предотвращения мятежа (если времена это позволяют) является именно устранение его материальной причины. Ведь когда горючий материал налицо, можно отовсюду ждать искры, которая воспламенит его. Причины же, коими вызываются мятежи, бывают двоякие: великий голод и великое недовольство. Можно сказать наверное: сколько в государстве разоренных, столько готовых мятежников. Лукан отлично описал состояние Рима перед гражданской войною:

Hinc usura vorax, rapidumque in tempore foenus,
Hinc concussa fides, et multis utile bellum [73].

Вот эта-то «multis utile bellum» и есть верный и безошибочный признак того, что государство расположено к смутам и мятежам. А если к разорению и оскудению знати прибавляется обнищание простого народа, опасность становится велика и неминуема, ибо мятежи, вызываемые брюхом, есть наихудшие. Что касается недовольства, то оно в политическом теле подобно мокротам в теле человека, которые способны вызывать жар и воспаляться. И пусть ни один правитель не вздумает судить об опасности недовольства по тому, насколько оно справедливо;

ибо это значило бы приписывать народу чрезмерное благоразумие, тогда как он зачастую противится собственному своему благу; пусть не судит об опасности также и по тому, сколь велики на деле обиды, вызывающие волнения, ибо то недовольство опаснее всего, в котором страх сильнее прочих чувств: «Dolendi modus, timendi non item»[74]. К тому же, когда угнетение действительно велико, оно не только истощает терпение народа, но и подавляет его волю; не то бывает, когда народ охвачен лишь страхом. И пусть монархи и правители пред лицом недовольства не утешаются тем, что так-де бывало уже не раз и, однако же, никакой беды не случалось; ибо хотя и верно, что не всякая туча приносит грозу, но верно и то, что гроза, много раз пройдя стороной, наконец разражается. Как гласит испанская поговорка: «Дай срок, и веревка оборвется, как легонько ни дернуть».

Причинами и поводами к мятежам являются религиозные новшества, налоги, изменения законов и обычаев, нарушения привилегий, всеобщее угнетение, возвышение людей недостойных или чужеземцев, недород, распущенные после похода солдаты, безрассудные притязания какой-либо из партий,— словом, все, что, возбуждая недовольство, сплачивает и объединяет народ на общее дело.

Что касается средств против мятежей, то существуют кое-какие общие меры предохранения, на которые мы и укажем, однако на каждый случай болезни — свое лекарство; так что здесь лучше советовать, чем предписывать.

Первым из лекарств будет устранение всеми возможными средствами тех материальных причин для мятежа, о которых мы уже говорили, а именно голода и нищеты в стране. Цель эта достигается: открытием торговых путей и благоприятным торговым балансом, поощрением мануфактур, искоренением праздности, обузданием роскоши и расточительства посредством особых законов, усовершенствованием земледелия, регулированием цен на все предметы торговли, уменьшением налогов и пошлин и тому подобным. Вообще надобно заботиться, чтобы население королевства (особенно, если его не косят войны) не превышало средств к его существованию; причем население надлежит измерять не одним лишь числом, ибо небольшое число людей, если они потребляют больше, а работают меньше, скорее истощит государство, нежели большое число таких, которые живут скромнее, но больше производят. Поэтому чрезмерное увеличение знати и других

привилегированных групп по сравнению с численностью простого народа не замедлит ввергнуть страну в нищету; к этому ведет и чрезмерно многочисленное духовенство, ибо оно ничего не вносит в общий запас, а также — если больше людей готовить к ученому званию, нежели найдется для них должностей.

Поскольку обогащение страны может происходить лишь за счет торговли с иноземцами (у себя что выгадал на одном, то потерял на другом), надлежит помнить, что одна страна продает другой лишь три вида товаров: сырой продукт, как его дарует природа, обработанный продукт и, наконец, перевозку и доставку. Так что, если вертятся все эти три колеса, богатство должно хлынуть в страну подобно вешним водам. И зачастую случается, что «materiam superabit opus» [75], т. е. работа и перевозка, превосходят ценность самого продукта и больше обогащают государство; это особенно видно на примере жителей Нидерландов, владеющих лучшей в мире такой золотой жилой [76].

Но всего более правительству надлежит заботиться, чтобы деньги и драгоценности не скоплялись в руках немногих; иначе государство может иметь большой их запас и все же терпеть нужду. Ведь деньги, подобно навозу, бесполезны, покуда не разбросаны. А для этого надо искоренять или по крайней мере строго ограничивать такие хищнические дела, как ростовщичество, монополии, огораживания и тому подобное.

Что касается средств к устранению недовольства или хотя бы опасностей, при этом возникающих, напомним, что в каждом государстве имеются (как известно) два сословия: знать и простой народ. Когда недовольно одно из них, опасность еще не велика, ибо простой народ не скор на подъем, если вельможи его к этому не возбуждают; а те бессильны, если сам народ не расположен к возмущению. Опасность тогда велика, когда знать только и ждет смуты в народе, чтобы тотчас выступить самой. Поэты рассказывают, что боги вздумали как-то сковать Юпитера; он же, прослыша о том и наученный Палладой, послал просить подмоги у сторукого Бриарея. Смысл этой аллегории, без сомнения, в том, что государям всего надежнее заручиться расположением простого народа.

Даровать народу некоторые вольности, возможность приносить жалобы и изливать недовольство (лишь бы это было без излишней наглости и угроз) тоже будет спасительной мерой; ибо, кто загоняет гнилые мокроты внутрь

и допускает внутреннее кровоизлияние, вызывает этим злокачественные нарывы и смертоносные язвы.

В случае недовольства Прометею была бы подстать роль Эпиметея, ибо с этой бедой никто не сумел бы сладить лучше, чем он. Эпиметей, выпустив на волю бедствия и зло, закрыл наконец крышку и удержал на дне сосуда надежду. В самом деле, искусно и ловко тешить народ надеждами, вести людей от одной надежды к другой есть одно из лучших противоядий против недовольства. Поистине, мудро то правительство, которое умеет убаюкивать людей надеждами, когда оно не может удовлетворить их нужды, и ведет дело таким образом, чтобы любое зло смягчено было надеждой; а это не так уж трудно, ибо как отдельные лица, так и целые партии весьма склонны тешить себя надеждами или хотя бы заявлять о них вслух, если сами уж им не верят.

Общеизвестной, но тем не менее прекрасной мерой предосторожности является забота о том, чтобы у недовольных не оказалось подходящего вожака, который бы мог их объединить. Говоря о подходящем предводителе, я разумею такого, который обладает и именем, и значением, пользуется доверием недовольных, привлекает к себе их взоры и сам имеет причины быть в числе недовольных; такого надлежит либо привлечь на сторону правительства, причем незамедлительно и надежно, либо противопоставить ему другого, принадлежащего к той же партии, чтобы ослабить таким образом его популярность. Вообще разделение и раскалывание всех враждебных государству союзов и партий посредством стравливания их между собой и создания меж ними недоверия можно считать неплохим средством, ибо плохо дело, когда сторонники правительства предаются раздорам и разъединены, а противники его сплочены и едины.

Замечено, что поводом к мятежу может стать иное острое и колкое слово в устах государя. Цезарь несказанно повредил себе словами: «Sulla nescivit litteras, non potuit dictare» [77], ибо эти слова убили в людях надежду, что сам он когда-либо откажется от диктатуры. Гальба погубил себя, когда сказал: «Legi a se militem, non emi» [78], тем самым лишив своих солдат надежды на вознаграждения. То же сделал и Проб словами: «Si vixero, non opus erit amplius Romano imperio militibus» [79]— словами, которые повергли воинов в отчаяние. Подобных примеров множество. Вот почему в щекотливых делах и в трудные минуты государям следует высказываться крайне осто-

рожно, особенно в тех кратких суждениях, которые мгновенно облетают свет и считаются за истинное выражение их тайных намерений. Ведь пространные речи — вещь прескучная, и прислушиваются к ним куда меньше.

И наконец, пусть государи на всякий случай имеют при себе одного, а еще лучше нескольких лиц, известных своей воинской доблестью, для подавления мятежей в самом начале. Ибо иначе двор при первых же признаках смуты приходит в неподобающее волнение, и государству грозит та опасность, о которой говорит Тацит: «Atque is habitus animorum fuit, ut pessimum facinus auderent pauci, plures vellent, omnes paterentur» [80]. Необходимо, однако, чтобы эти военачальники были людьми надежными и почтенными, а не любителями расколов и искателями популярности и чтобы они были в ладах с другими важными особами в государстве; иначе лекарство это может оказаться опаснее самой болезни.

XVI. О безбожии

Я скорее поверил бы всем сказкам Легенды [81], Талмуда и Корана, чем тому, что это устройство Вселенной лишено разума. И следовательно, бог никогда не творил чудес, чтобы убедить атеистов в своем существовании, потому что в этом их убеждают его обычные деяния. Поистине, поверхностная философия склоняет ум человека к безбожию, глубины же философии обращают умы людей к религии. Ведь, когда ум человеческий созерцает рассеянные всюду вторичные причины, он порой может остановиться на них и не идти дальше; но, когда он охватил их цепь целиком, объединил и связал друг с другом, он неизбежно воспаряет ввысь, к провидению и божеству.

Даже та школа, которую более всех обвиняют в безбожии, в действительности демонстрирует свою большую религиозность, т. е. школа Левкиппа, Демокрита и Эпикура. Ведь в тысячу раз более вероятно предположение о том, что четыре изменяющихся элемента и одна неизменная пятая сущность, должным образом и определенно расположенные, не нуждаются в боге, чем предположение о том, что великое множество бесконечно малых неупорядоченных частиц или семян могло бы произвести весь этот порядок и красоту без божественного распорядителя. В Писании сказано: «Сказал безумец в сердце своем: нет бога» [82]; но там не сказано: «Подумал безумец в

сердце своем», так что он, скорее не отдавая себе отчета, говорит то, чего он желал бы, чем то, во что он может вполне основательно верить или в чем убежден. Ведь никто не отрицает того, что бог есть, за исключением тех, кому было бы выгодно, если бы бога не было. То, что безбожие скорее на устах, чем в сердце человека, более всего видно из того, что безбожники постоянно говорят об этом, как будто их уверенность в правильности своего мнения постоянно слабеет и поэтому они были бы рады, если бы оно было подкреплено одобрением других. И более того, заметьте, что безбожники стремятся иметь учеников, как это принято и в других сектах, и, что самое важное, среди них есть такие, которые и пострадают за безбожие, и не отрекутся; в то время как если бы они действительно думали, что такого явления, как бог, не существует, то чего ради им беспокоиться? Эпикура обвиняют, что он притворялся, дабы сохранить репутацию своего имени, когда утверждал наличие благословенных существ, таких, которые лишь наслаждаются своим существованием, не имея никакого отношения к управлению миром. В этом, как утверждают, он приспосабливался к обстоятельствам, хотя втайне и полагал, что бога нет. Однако его, несомненно, оклеветали, ибо его слова благородны и исполнены любви к богу: «Non deos vulgi negare profanum, sed vulgi opiniones diis applicare profanum» [83]. Платон вряд ли сказал бы лучше. И хотя Эпикур был достаточно убежден, чтобы отрицать их управление, он был не в силах отрицать их природу.

У западных индейцев есть имена для всех их отдельных богов, хотя у них нет имени для бога (как и язычники имели имена — Юпитер, Аполлон, Марс и т. п., но не слово «deus»); это показывает, что даже у этих варварских народов имеется понятие о боге, хотя и не во всем его объеме и широте. Так что против безбожников даже дикие народы выступают совместно с самыми утонченными философами. Размышляющий безбожник встречается редко; сюда относятся Диагор, Бион, возможно, Лукиан [84] и некоторые другие; и все же их представляют бо́льшими атеистами, чем они были на самом деле, ибо все те, кто подвергает сомнению принятую религию или укоренившиеся суеверия, клеймятся противной стороной как безбожники. Самые величайшие безбожники в действительности лицемеры, которые постоянно хватаются за святые предметы, но без всякого чувства; так что они должны бы сгореть, когда наступит конец света.

Причины безбожия следующие: расколы в религии, если их много, ибо какой-нибудь один раскол увеличивает религиозное рвение обеих сторон, но множество расколов приводит к безбожию. Другая — скандальное поведение священников, когда оно доходит до того, как сказал св. Бернард, что «non est jam dicere, ut populus, sic sacerdos; quia nec sic populus, ut sacerdos» [85]. Третья причина — привычка насмешливо богохульствовать о святых делах, что мало-помалу подрывает благоговение перед религией. И наконец, времена учености, особенно в периоды мира и процветания, ибо смуты и несчастья более склоняют умы людей к религии.

Те, кто отрицает бога, уничтожают благородство человека, ибо человек по телу своему, несомненно, близок животным; и если он не будет близок богу по своему духу, то останется презренным и низменным созданием. Они уничтожают также великодушие и возвышенность человеческой натуры. Ибо возьмите, например, собаку и заметьте, какое в ней великодушие и мужество, когда она знает, что ее содержит человек, который для нее является как бы богом или melior natura [86]; очевидно, что, не имея веры в природу, более высокую, чем ее собственная, эта тварь никогда бы не достигла такого мужества. Так и человек, когда он полагается на божественную защиту и благосклонность и уверен в ней, накапливает такую силу и веру, которой человеческая натура сама по себе не могла бы добиться. Поэтому как безбожие ненавистно во всех отношениях, так и в этом: оно лишает человеческую натуру средства возвыситься над человеческой бренностью. Это справедливо как в отношении отдельных лиц, так и в отношении народов. Никогда не было более великодушного государства, чем Рим. Послушайте, что говорит об этом государстве Цицерон: «Quam volumus licet, patres conscripti, nos amemus, tamen nec numero Hispanos, nec robore Gallos, nec calliditate Pœnos, nec artibus Græcos, nec denique hoc ipso hujus gentis et terræ domestico nativoque sensu Italos ipsos et Latinos; sed pietate, ac religione, atque hac una sapientia, quod deorum immortalium numine omnia regi gubernarique perspeximus, omnes gentes nationesque superavimus» [87].

XVII. О суеверии [88]

Лучше вообще не иметь никакого мнения о боге, чем иметь такое, которое его недостойно. Ибо первое есть неверие, второе же — оскорбление, и, разумеется, суеверие

есть оскорбление божества. Очень хорошо по этому поводу выразился Плутарх. «Конечно,— сказал он,— я скорее предпочел бы, чтобы многие люди заявили, что такого человека, как Плутарх, вообще не было, чем чтобы они говорили, что жил такой Плутарх, который пожирал своих детей, как только они появлялись на свет»[89], т. е. как писали поэты о Сатурне. И чем сильнее оскорбление для бога, тем больше опасность суеверия для людей. Безбожие не отнимает у человека разума, философии, естественных чувств, законов, репутации; все они могут быть путями достижения внешней моральной добродетели, хотя и не религии; но суеверие все это уничтожает, воздвигая в душах людей абсолютную монархию. Поэтому безбожие никогда не потрясало государства: ведь оно заставляет людей быть осторожными по отношению к самим себе и не смотреть никуда больше; и мы видим, что времена, склонные к безбожию (как, например, времена Цезаря Августа), были спокойными временами. Суеверие же явилось причиной смуты во многих государствах и привнесло новый primum mobile[90], который поразил все сферы управления. Мастером суеверий является простой народ, и во всех суевериях мудрые люди следуют за глупцами, а аргументы подгоняются под практику извращенным образом. Некоторые из прелатов на Тридентском соборе[91], где учение схоластиков имело большое влияние, не без основания говорили, что схоластики подобны астрономам, которые выдумали эксцентрики и эпициклы и тому подобные механизмы небесной сферы, чтобы спасти явления, хотя они знали, что таких вещей не существует; так и схоластики изобрели целый ряд хитроумных и запутанных аксиом и теорем, чтобы спасти практику церкви.

Причинами суеверия являются: приятные и чувствительные обряды и церемонии; чрезмерная внешняя фарисейская святость; чрезмерное обожание традиций, которые только лишь обременяют церковь; уловки прелатов, на которые они идут ради собственного честолюбия и выгоды; излишняя благосклонность к добрым намерениям, которая открывает ворота тщеславным замыслам и новшествам; приписывание божеству человеческих целей, которое не может создать ничего, кроме смеси фантастических представлений, и, наконец, времена варварства, в особенности если они соединяются с бедствиями и несчастьями. Ничем не прикрытое суеверие уродливо; ведь, чем больше обезьяна похожа на человека, тем больше это

увеличивает ее уродство; так и сходство суеверия с религией делает его более уродливым. И подобно тому как здоровое мясо портится и превращается в мелких червяков, так и хорошие формы и установления разлагаются на ряд мелочных обрядов, которые надо соблюдать. Когда люди, стремясь избежать старого суеверия, полагают, что лучше всего поступают, уходя от него как можно дальше, они могут впасть в новое суеверие; поэтому следует остерегаться, чтобы (как это случается в нездоровых очищениях) хорошее не изымалось вместе с дурным, что обычно бывает тогда, когда реформатором выступает народ.

XVIII. О путешествиях

В юности путешествия служат пополнению образования, в зрелые годы — пополнению опыта. Кто отправляется в страну, не освоившись прежде с ее языком, отправляется в учение, а не в путешествие. Не плохо, когда юноши путешествуют с наставником или степенным слугой, лишь бы с таким, который знает язык страны и бывал там ранее; в этом случае он сможет указать юношам, что́ в посещаемой стране достойно внимания, чьего общества следует искать, чему можно там научиться и в чем упражняться; иначе они будут как бы с завязанными глазами и мало что увидят. Не странно ли, что в морских плаваниях, где нечего смотреть, кроме неба и вод, люди ведут журналы; а в путешествиях сухопутных, где столь многое можно наблюдать, они большей частью пренебрегают этим обычаем, словно случайность — более достойный предмет для пера, нежели наблюдения. Итак, пусть наш путешественник ведет дневник.

Посещать и наблюдать надлежит такие места, как королевский двор, особенно во время приема послов; суд, когда там разбирается дело, а также церковные консистории; храмы и монастыри с находящимися там памятниками; стены и укрепления городов, а также гавани и пристани; памятники старины; библиотеки; колледжи, происходящие в них диспуты и лекции; корабли и верфи; дворцы и общественные сады вблизи больших городов; арсеналы, склады боеприпасов; биржи; торговые склады; конные ристалища; состязания в фехтовании; места обучения войск и тому подобное; комедию, какую посещает порядочное общество; сокровищницы драгоценностей; кунсткамеры и антикварные лавки,— словом, все достопримечательности посещаемой страны, о которых настав-

никам или слугам надлежит тщательно собрать сведения. Что касается торжественных процессий, представлений, празднеств, бракосочетаний, погребений, публичных казней и тому подобных зрелищ — то о них напоминать нет нужды, хотя пренебрегать ими не следует.

Если хотите, чтобы юноша не мешкал в своих путешествиях и за короткий срок собрал обильную жатву, вот что надлежит делать. Во-первых, он должен, как уже было сказано, прежде чем отправиться в путь, несколько ознакомиться с чужим языком. Затем, что также уже было сказано, он должен иметь при себе слугу или наставника, знакомого со страной. Пусть достанет себе карту или книгу, содержащую описание страны, где он путешествует: они будут хорошим ключом для его изысканий. Пусть также ведет дневник. Пусть не медлит подолгу в одном городе, а уделяет каждому столько внимания, сколько тот заслуживает (но не чересчур много), и, даже находясь в одном городе, пусть переезжает с квартиры на квартиру в разных его концах: это отличный способ заводить знакомства. Пусть не ищет общества соотечественников и столуется там, где есть хорошее общество из числа местных жителей. При переездах же с одного места на другое пусть добывает рекомендательные письма к тамошним знатным особам, дабы заручиться содействием в том, что он захочет узнать или осмотреть. Таким путем он сможет с большой пользой сократить срок своего путешествия. Что касается знакомств, которых надлежит искать в путешествиях, то наиболее полезны знакомства с секретарями и чиновниками при посланниках, ибо таким образом, путешествуя по одной стране, можно получить сведения о многих. Пусть также посещает всякого рода именитых людей, прославленных за рубежами их родины, дабы убедиться, насколько заслужена их слава. Что до ссор, то их надобно тщательно избегать, а случаются они всего чаще за вином, из-за женщин, из-за места или неудачного слова. Надо также избегать общества людей раздражительных и вспыльчивых, иначе окажешься вовлечен в какую-нибудь чужую ссору.

Возвратясь домой, пусть путешественник не распростится с увиденными странами, но поддерживает с ними связи перепиской с теми из новых знакомых, которые наиболее того достойны. И пусть увиденное им скажется более в беседах, чем в одежде или повадках; а в беседах пусть он более заботится об осмотрительности ответов, чем о бойкости россказней; и пусть будет каждому видно, что

он не изменил обычаям родины ради чужеземных, но только хочет украсить их лучшим из того, чему научился в чужих краях.

XIX. Об искусстве властвовать [92]

Жалок тот, кто ничего не желает и всего опасается; а ведь именно таков обычный удел монархов. Вознесенные превыше всех людей, они не имеют желаний и оттого томятся тоской; зато много воображают опасностей и страхов и оттого утрачивают ясность суждения. В этом одна из причин, почему, как говорит Писание, «сердце царей непроницаемо» [93]. Ибо множество тревог и отсутствие главного стремления, которому подчинялось бы все остальное, любое человеческое сердце делают непостижимым. Отсюда же проистекает и то, что государи зачастую придумывают себе желания и тешатся игрушками: один — возведением зданий, другой — учреждением ордена, кто — задариванием любимца, кто — достижениями в каком-либо искусстве или мастерстве. Так, Нерон играл на арфе, Домициан упражнялся в стрельбе из лука, Коммод — в борьбе, Каракалла правил колесницей и тому подобное. Это может показаться невероятным тем, кому неизвестно, что «человека больше утешают и радуют мелкие дела, идущие успешно, нежели большое дело, в котором встретились препятствия». Мы видим также, что монархи, оказавшиеся вначале удачливыми завоевателями, но испытавшие затем поворот фортуны (ибо никто не может преуспевать бесконечно), становятся впоследствии суеверны и мрачны; так было с Александром Великим, с Диоклетианом, а на нашей памяти — с Карлом V и другими; ибо тот, кто привык быстро двигаться вперед, вынужденный остановиться, становится немил сам себе и уже не тот, что раньше.

Переходя к вопросу о том, каков наилучший характер правления, следует сказать, что это вещь редкая и соблюсти его трудно, ибо всякий порядок, и плохой и хороший, состоит из противоположностей. Но одно дело — сочетать противоположности, а иное — переходить от одной к другой. Весьма поучителен ответ Аполлония [94] Веспасиану. Веспасиан спросил о причинах падения Нерона, на что получил ответ: «Нерон хорошо умел играть на арфе и настраивать ее, но в делах правления он иногда чрезмерно натягивал струны, иногда же слишком ослаблял их». И действительно, ничто так не расшатывает власть, как колебания правительства и неожиданные, несвоевремен-

ные переходы от излишней суровости к чрезмерным послаблениям.

Правда, в наше время мудрость монархов состоит скорее в том, чтобы удачно ускользать от опасностей и сторониться бед, когда они близко, нежели в расчетливом их предотвращении. Но это значит действовать наудачу и допускать опасный материал для мятежа. А если горючие вещества готовы, можно ли уберечься от искры или предсказать, откуда она возникнет? Тяготы монаршего сана многочисленны и велики, но самые большие из затруднений государя часто порождаются собственным его характером. Государям, как говорит Тацит, свойственны противоречивые желания: «Sunt plerumque regum voluntates vehementes, et inter se contrariae» [95]. Ведь обычное заблуждение власть имущих — это думать, что можно достичь желаемой цели, отвергнув надлежащие средства.

Монархам приходится иметь дело с соседними державами, со своими женами и детьми, с духовенством, знатью, дворянством второго ранга, или джентри, купечеством, простым народом и войском; и отовсюду им грозят опасности, избежать которых можно лишь величайшей осмотрительностью.

Что касается отношений с соседями, здесь не может быть дано никаких общих правил (настолько бывают разнообразны случаи), кроме одного, всегда пригодного, а именно: государи должны следить, чтобы никто из соседей не становился опаснее, чем был раньше (ни путем увеличения своих владений, ни приближением их к чужим границам, ни расширением торговли и т. п.). Предусмотреть это и этому воспрепятствовать является обычно делом постоянных государственных советов. Во времена триумвирата королей Генриха VIII Английского, Франциска I Французского и императора Карла V [96] за этим следили так тщательно, что стоило одному из троих завладеть хоть пядью земли, как оба других тотчас восстанавливали равновесие либо посредством союза, либо, если было необходимо, войной; и ни один не соглашался платить за мир с процентами. Нечто подобное делала и та Лига (по словам Гвиччардини, обеспечившая безопасность Италии), которую создали Фердинанд Неаполитанский и Лоренцо Медичи и Лодовико Сфорца, правители Флоренции и Милана [97]. Нельзя согласиться с мнением некоторых схоластиков, будто справедливая война возможна лишь как ответ на оскорбление или нападение [98]. Нет сомнения

в том, что обоснованное опасение, хотя бы удар и не был нанесен, является законным поводом к войне.

Что касается государевых жен, то тут известны крайне жестокие примеры. Ливия покрыла себя позором, отравив своего супруга; Роксалана, жена Солимана, была причиной гибели славного султана Мустафы и нарушила порядок престолонаследия; жена Эдуарда II Английского была главной участницей низложения и убийства своего мужа [99]. Наиболее опасны, следовательно, те жены, которые составляют заговоры в пользу своих детей, или же те, которые имеют фаворитов.

Из-за детей также разыгралось немало кровавых трагедий; и обычно подозрения отцов, направленные против детей, бывали чреваты бедствиями. Убийство Мустафы, уже нами упоминавшееся, оказалось столь роковым для Солиманова рода, что и по сей день происхождение турецкой династии от Солимана считается сомнительным, ибо Селим II [100] был, как говорят, подменен в детстве. Убийство юного Криспа, царевича на редкость кроткого, по велению отца его, Константина Великого, также было роковым для царского дома, ибо два других его сына, Константин и Констант, погибли насильственной смертью; не лучшая судьба постигла последнего сына царя, Констанция, который, правда, скончался от болезни, но после того как Юлиан поднял против него оружие [101]. Убийство Деметрия, сына Филиппа II Македонского [102], обратилось против его отца, который умер от раскаяния. Подобных примеров множество; но вряд ли когда-нибудь случалось, чтобы отцам пошла впрок такая подозрительность,— кроме разве тех случаев, когда сыновья открыто выступали против них с оружием, как Селим I против Баязета или трое сыновей Генриха II Английского [103].

Надменные и могущественные прелаты также представляют опасность; так было с Ансельмом и Томасом Бекетом [104], архиепископами кентерберийскими, которые дерзнули померяться своими епископскими посохами с королевским мечом, хоть и имели дело с государями сурового и надменного нрава — Вильгельмом Рыжим, Генрихом I и Генрихом II. Однако сословие это действительно опасно лишь тогда, когда оно зависит от чужеземной власти или же когда духовные лица получают пожалования не от короля или отдельных патронов, но от народа.

Что касается высшего дворянства, то государю следует держать его на почтительном от себя расстоянии; однако подавление его хотя и усиливает абсолютную власть госу-

даря, но зато делает положение его менее прочным и лишает его возможности осуществлять многие свои замыслы. Это я отметил в моей истории Генриха VII Английского [105], угнетавшего свою знать, отчего в его царствование произошло много смут и возмущений, ибо знать, хотя и оставалась ему покорной, не помогала в его делах, так что ему поневоле приходилось делать все самому.

Что касается дворян второго ранга, то они вследствие своей разрозненности не представляют особой опасности. Порой они ведут дерзкие речи, но в этом нет еще большой беды; к тому же они составляют как бы противовес высшему дворянству, не давая ему слишком усилиться; и наконец, будучи поставлены непосредственно над простым народом, они всего лучше умеряют народные волнения.

Что до купечества, то это есть vena porta [106] политического тела: когда оно не процветает, государство может иметь хорошо сформированные члены, но крови в его сосудах будет мало и питания недостаточно. Налоги и пошлины на торговлю редко бывают выгодны королевской казне, ибо то, что она соберет по округу, она потеряет по графству; налог на то или другое возрастет, общий же объем торговли, скорее всего, сократится.

Что касается простого народа, то он опасен лишь в двух случаях: когда имеет выдающегося и могущественного вождя или когда задеты его верования, обычаи или средства к существованию.

Что же касается войска, то оно опасно, если содержать его крупными частями и приучать к наградам; примеры тому — янычары и преторианская гвардия Рима [107]. Однако, если обучать и содержать войска в различных местах, подчинив их нескольким военачальникам и не давая подачек, это служит делу обороны и опасности не представляет.

Государи подобны небесным светилам, от расположения которых зависят хорошие или дурные времена; им много почестей, но нет покоя. Все наставления монархам заключены в следующих двух предостережениях: «Memento, quod es homo» и «memento, quod es deus» или «vice dei» [108], из коих одно обуздывает их власть, другое — их волю.

XX. О совете

Просить совета есть величайшее доверие, какое один человек может оказать другому. Ибо в других случаях мы доверяем лишь часть того, что имеем: землю, имущество,

детей, доброе имя или какое-либо одно дело; но тем, кого избираем мы советниками, вверяется все это вместе; насколько же обязывает это советников к неподкупности и верности! Мудрейшие из государей, полагаясь на советника, не должны почитать это за унижение своего величия или умаление своей мудрости. Сам господь не обошелся без такового, но сделал имя «советник» одним из имен своего возлюбленного сына [109]. А Соломон провозгласил, что «Совет — залог прочности» [110]. Все дела должны быть так или иначе проверены; если не подвергнуть их обсуждению на совете, они будут подвергнуты всем превратностям случая и пойдут неладно и шатко, как ходят пьяные. Сын Соломона на себе испытал все значение совета, необходимость которого постиг еще его отец: ведь избранное богом царство их было впервые разрушено именно дурным советом; и совет этот в назидание нам отмечен двумя признаками, обычно отличающими дурные советы, а именно: советники были молоды, а совет призывал к насилию [111].

Древние воплотили в образах неразрывную связь государей с советниками, равно как и мудрое использование ими советов: первое — в мифе о браке Юпитера с Метидой [112] (что означает «совет»), т. е. о союзе между монархом и советником; а второе — в последовавших за этим браком событиях, которые были таковы: сочетавшись с Юпитером, Метида, как говорят, зачала от него, но Юпитер не дал ей выносить плод, а проглотил ее, отчего сам забеременел и родил из головы своей вооруженную Палладу. Этот чудовищный миф содержит в себе одну из тайн власти. Он поучает монархов, как надо пользоваться услугами своих государственных советников. Сперва они должны передать дело на их рассмотрение (это будет как бы оплодотворением); когда же семя созреет и плод оформится, не допускать советников до таких решений и руководства, которые зависели бы только от них, но снова взять дело в свои руки и показать миру, что окончательные решения (которые за их мощь и мудрость уподоблены вооруженной Палладе) исходят от самих монархов — и не от одной лишь их власти, но (к вящей их славе) также и из их собственной головы.

Обратимся теперь к неудобствам совета и к способам их избежать. Таких неудобств можно насчитать три. Во-первых, разглашение дела, отчего оно становится менее тайным. Во-вторых, умаление власти государей и их самостоятельности. В-третьих, опасность неискреннего совета,

направленного более ко благу советника, чем того, кому совет предназначен. Для избежания этих неудобств итальянцы придумали, а французы (при некоторых королях) применяли тайные советы (cabinet counsels); но это лекарство хуже самой болезни [113].

Что касается тайны, то государи не обязаны поверять каждому советнику всего дела целиком, но могут делать из него выборки. Нет также и надобности в том, чтобы испрашивающий совета, как ему следует поступать, объявлял, как он сам намерен поступить; пусть государи остерегаются, чтобы разглашение их тайн не исходило от них самих. Что же касается тайных советов, их девизом могло бы быть: «Plenus rimarum sum» [114]. Один пустой человек, почитающий заслугой болтовню, больше натворит бед, нежели многие, почитающие своим долгом молчание. Бывают, конечно, дела, требующие полной тайны, которые должны быть известны не более чем одному-двум лицам помимо государя. И нельзя считать, чтобы подобные советы не были плодотворны; ведь помимо тайны они обеспечивают также единство направления, ничем не нарушаемое. Это, однако, возможно лишь при благоразумном монархе, который умеет, так сказать, молоть вручную; и тайные советники также должны быть людьми мудрыми и особо преданными своему государю. Такие порядки были при Генрихе VII Английском, в важнейших делах не доверявшемся никому, кроме Мортона и Фокса [115].

Что касается умаления монаршей власти, то наш миф указывает средство пособить и этой беде. Нет, совет не только не унижает, а скорее возвеличивает монарха. Никогда еще государь не лишался независимости через своих советников, если только один из них не бывал вознесен сверх меры или несколько из них не составляли чересчур тесного союза; а это легко бывает обнаружить и исправить. Что до последнего неудобства, а именно склонности людей давать советы, имея в виду собственную свою выгоду, несомненно, что слова: «Non inveniet fidem super terram» [116]— имеют в виду плохие времена, но не каждую отдельную личность. Есть люди по природе своей верные, искренние, прямые и честные, без лукавства и двоедушия; их-то и должны прежде всего приближать к себе государи. К тому же не столь уж согласны бывают меж собой советники, чтобы один не следил за другим; так что если кто-нибудь в советах своих руководствуется личными или групповыми целями, это обычно доходит до слуха короля.

Но всего лучше, чтобы государи знали своих советников так же хорошо, как те знают их:

Principis est virtus maxima nosse suos [117].

С другой стороны, советникам не следует быть излишне любопытными в том, что касается личности монарха. Настоящему советнику подобает лучше разбираться в делах своего господина, нежели в личных его свойствах, ибо тогда он будет давать ему подлинные советы, а не потакать его причудам. Государям полезно выслушивать советников и наедине, и сообща. Наедине мнения высказываются более свободно, на людях — более почтительно. Наедине человек смелее обнаруживает собственные склонности, на людях скорее поддается чужим влияниям, поэтому-то и надлежит выслушивать его и так, и этак; причем людей пониже рангом лучше вопрошать наедине, дабы обеспечить им свободу, а высших сановников — сообща, дабы воздать им должное уважение. И тщетно стали бы государи испрашивать совета о деле, если при этом они не спрашивают также о лицах, ибо сами по себе все дела подобны безжизненным изваяниям, а пробуждает их к жизни хороший подбор исполнителей. Недостаточно, однако, совещаться о людях «secundum genera» [118], точно об общей идее или математической формуле, решая, какого рода этот человек должен быть: ведь именно в выборе личностей совершаются величайшие ошибки, так же как обнаруживается и наибольшая верность суждения. Истинно сказано, что «optimi consiliarii mortui» [119], ибо книги скажут правду там, где советники не осмелятся. Хорошо поэтому быть в них сведущим, особенно в тех, чьи авторы сами были некогда актерами на этой сцене.

В наши дни советы большей частью собираются запросто [120]; о делах скорее беседуют, нежели совещаются, а решения выносятся слишком уж быстро. Лучше было бы в важных случаях один день отводить на слушание дела и только следующий — на решение: «In nocte consilium» [121]. Именно так поступали в комиссии по объединению Англии и Шотландии [122], которая была учреждением солидным и организованным. Для подачи просьб я советую отвести особые дни: просители будут тогда надлежащим образом выслушаны, а советникам останется время для государственных дел, чтобы они могли «hoc agere» [123]. При выборе комитетов, подготовляющих дела для совета, лучше избирать действительно беспристрастных лиц, не-

жели создавать обстановку беспристрастия введением в них сил обеих партий. Следует также учреждать постоянные комиссии, например по делам торговли, казначейства, по делам военным, судебным, а также некоторых провинций, ибо, где имеется ряд особых советов и только один государственный (как, например, в Испании), они представляют собой не более как постоянные комиссии — разве лишь с бо́льшими полномочиями. Хорошо, если бы лица, которым надлежит давать перед советом показания в качестве знатоков своего дела (как-то: стряпчие, моряки, чеканщики монет и тому подобное), выслушивались сначала в комиссиях, а затем уже в случае надобности выступали перед советом. И пусть не приходят толпами или с громогласными требованиями: это оглушит совет, вместо того чтобы осведомить. Ставить ли в совете длинный стол, или квадратный, или же стулья вдоль стен — все это только кажется пустяками, на деле же имеет существенное значение, ибо за длинным столом все дела вершат немногие, сидящие на переднем его конце, тогда как при другой форме стола и сидящие ниже имеют случай высказать свое мнение. А монарх, заседая в совете, пусть поостережется обнаружить, к какому мнению он склоняется; иначе советники поплывут по ветру и вместо свободного обсуждения запоют «Placebo» [124].

XXI. О промедлении

Счастье похоже на рынок, где, если немного подождать, цена не раз упадет. Или же иногда оно напоминает предложение Сивиллы, которая сначала предлагает товар целиком, затем часть за частью его истребляет, однако цену оставляет прежней. Ведь случай (как говорится об этом в широко известном стихотворении) «космат спереди, лыс сзади, и если не ухватиться за его космы, то упустишь совсем» [125]; или по крайней мере он сначала как бутылка поворачивается вперед горлышком, за которое легко взять, а потом пузом, которое ухватить трудно. Конечно же, нет большей мудрости, чем правильно определить момент, когда надо приступить к делу или когда начнутся события. Опасности не становятся незначительнее оттого, что они кажутся незначительными, и большинство опасностей причинили вред людям, скорее, своей внезапностью, чем насилием. Нет, лучше встретить некоторые опасности на полпути, хотя бы и ничто не говорило о том, что они уже близко, чем слишком долго бодрствовать в ожидании их,

ибо если человек бодрствует слишком долго, то, вероятнее всего, он заснет. С другой стороны, быть обманутым слишком длинными тенями (как случилось с некоторыми, когда луна была низко и светила в спину их врагам) и таким образом выпустить стрелы раньше времени; или же ускорить опасности тем, что начать двигаться к ним слишком рано,— это другая крайность. Всегда необходимо тщательно взвешивать, пришло время для данного дела (как мы говорили) или еще не пришло; и вообще хорошо вверять начало всех значительных дел стоглазому Аргусу, а окончание — сторукому Бриарею: вначале наблюдать, а потом торопиться. Ибо шлемом Плутона, который позволяет политику быть невидимым, является скрытность в намерениях и быстрота в исполнении. Итак, когда дело уже доходит до исполнения, никакая тайна не сравнится с быстротой, подобно движению пули в воздухе, которая летит так быстро, что опережает глаз.

XXII. О хитрости

Хитрость считаем мы как бы искаженной мудростью. Поистине, велико различие между хитрым и мудрым, и не в одной лишь честности, но и в способностях. Иные отлично подтасовывают, а в игре неискусны; есть мастера сколачивать группы и клики, во всем же прочем — люди нестоящие. И опять-таки одно дело — разбираться в людях, другое — разбираться в делах. Есть много искусников разгадывать людские причуды, не очень-то пригодных для настоящего дела,— это большей частью те, кто прилежнее изучал людей, нежели книги. Такие более годятся для исполнения, чем для совета; они хороши лишь на своем месте, а стоит свести их с новыми людьми, как от их остроты не остается следа; так что старое правило, чтобы отличить мудреца от глупца: «Mitte ambos nudos ad ignotos et videbis» [126]— для них навряд ли годится. Эти хитрецы подобны мелким торговцам, а потому нелишне сделать ревизию их товару.

Так, например, хитрость велит следить глазами за собеседником — таково и правило иезуитов,— ибо многие мудрые люди на словах скрытны, а лицом откровенны; но делать это надлежит украдкой, смиренно опустивши глаза; так именно и делают иезуиты.

Другая уловка, когда чего-либо хотят добиться, состоит в том, чтобы отвлечь собеседника другим предметом беседы, дабы он не успел найти возражений. Я знавал од-

ного секретаря и советника, который никогда не подавал королеве Елизавете Английской биллей на подпись, без того чтобы не завести сперва речь о других государственных делах, не давая ей времени подумать над биллями [127].

Подобным же образом застичь врасплох можно также, предложив решение дела, когда тот, кто должен решить его, спешит и не может над ним поразмыслить.

Если кто желает помешать делу, которое другой мог бы быстро и успешно довести до конца, пусть притворится доброжелателем и сам его поведет, но так, чтобы оно расстроилось.

Если внезапно оборвать речь, словно спохватившись, что сказал лишнее, это распаляет собеседника желанием узнать поболее.

И всегда лучше представить дело так, будто ты вынужден отвечать на расспросы, а не сам что-либо сообщаешь; к расспросам же можно побудить, приняв необычное для себя выражение, с тем чтобы быть спрошенным о причине такой перемены. Так было с Неемией: «И казалось, не был печален перед ним, но царь сказал: отчего лицо твое печально?..» [128]

В делах щекотливых и неприятных хорошо сломать лед с помощью какого-либо незначительного лица, а затем, как бы случайно, появиться самому и только подтвердить его сообщение, как это сделал Нарцисс, сообщая Клавдию о бракосочетании Мессалины с Силием [129].

В делах, где сам не хочешь казаться участником, хитрость велит говорить от лица всего света в таких, например, выражениях: «люди говорят...» или же «прошел слух...».

Я знал одного, который в своих письмах наиболее важное помещал в виде приписки, словно это не относилось к делу.

Знал я и такого, который в своих речах опускал то, что более всего хотел сказать, продолжал, а потом возвращался и говорил о главном так, словно уже готов был о нем позабыть.

Иной намеренно дает застичь себя будто бы врасплох, выбрав время, когда тот, кому предназначена ловушка, всего вероятнее может явиться, и предстает перед ним с письмом в руках или за каким-либо необычным занятием, чтобы его начали расспрашивать о том, что он и сам хотел бы высказать.

И еще есть уловка у хитрости: обронить слово, с тем чтобы другой его подобрал и использовал; самому же

извлечь из этого выгоду. Во времена королевы Елизаветы я знал двоих, которые оба добивались должности секретаря и все же дружили и совещались друг с другом об этом деле; и вот один из них сказал однажды, что быть секретарем «при упадке монархии» — дело щекотливое и ему не по душе; второй тотчас эти слова подхватил и сообщил нескольким приятелям, что ему нет причины желать секретарской должности «при упадке монархии». Первый этим воспользовался и сумел довести до сведения королевы; а та, услыхав об «упадке монархии», так этим была обижена, что не пожелала более и слышать о втором соискателе [130].

Есть род хитрости, заключающийся в том, чтобы «свалить с больной головы на здоровую», т. е. собственные слова приписать другому. И по правде сказать, когда дело происходит наедине, нелегко распознать, от кого все началось и пошло.

Есть еще род косвенного обвинения, когда человек делает вид, что хочет всего-навсего оправдаться, но при этом как бы говорит: «А вот я не таков». Это сделал Тигеллин в отношении Бурра, когда заявил: «Se non diversas spes, sed incolumitatem imperatoris simpliciter spectare» [131].

Иные имеют наготове столько всяких россказней, что любой нужный им намек преподнесут в виде целой истории; это помогает им соблюсти осторожность, а другим — охотнее выслушать.

Есть еще недурная уловка, состоящая в том, чтобы в самой просьбе уже подсказать желаемый ответ в нужных словах, ибо это облегчает труд тому, от кого зависит ответ.

Диву даешься, как долго иной может дожидаться минуты, чтобы высказать то, что хочет, и как далеко в сторону он уклоняется, и сколько переберет всяких других дел, покуда доберется до нужного. Терпения тут надобно много, зато и польза бывает большая.

Внезапный и дерзкий вопрос нередко может ошеломить и обезоружить. Так было с неким человеком, который, живя под чужим именем, прогуливался в соборе св. Павла [132]: кто-то неожиданно окликнул его по-старому и заставил обернуться.

Нет числа подобным уловкам и мелким проделкам хитрости. Кто составит их список — сделает благое дело, ибо ничто так не вредит государству, как если хитрые сходят за мудрых. Есть, однако, среди них такие, которые знают ходы и выходы, но не умеют проникнуть в суть

дела; как бывают домá, где удобны сени и лестницы, но нет ни одной хорошей комнаты. Такие ловко умеют показать себя в каком-нибудь деле, уже завершенном, но отнюдь не способны взвешивать и обсуждать. А между тем они часто извлекают пользу из своей неспособности и хотят слыть руководящими умами. Иные строят свои расчеты более на том, чтобы чернить других и, как мы теперь говорим, «подставлять им ножку», нежели на правильности собственных действий. Но, как говорит Соломон: «Prudens advertit ad gressus suos; stultus divertit ad dolos» [133].

XXIII. О себялюбивой мудрости

Муравей сам по себе существо мудрое, но в саду или огороде он вреден. Точно так же люди, чрезмерно себялюбивые, вредят обществу. Избери разумную средину между себялюбием и общественным долгом; будь верен себе настолько, чтобы не оказаться вероломным в отношении других, в особенности же государя и родины. Собственная особа — жалкая цель для человеческих стремлений и всецело земная. Ибо одна лишь земля прочно стоит на собственном центре, тогда как все тела, имеющие сродство с небесами, движутся вокруг других тел, принося им пользу. Привычка все возводить к своей особе более терпима в монархе, ибо он есть не просто он, но от участи его зависит благоденствие общества. Однако в подданном монарха или гражданине республики это черта гнусная. Какое дело ни поручи такому, он его подчинит своим интересам, которые, разумеется, зачастую не совпадают с интересами его государя или государства. Поэтому пусть государи и государства ищут себе слуг, не наделенных своекорыстием, если не хотят, чтобы служба была для них на последнем месте.

Что особенно пагубно по своим последствиям — это утрата всякой меры. Несоразмерно уж и то, что благо слуги ставится выше блага его господина, но еще хуже, когда собственное ничтожное благо слуга предпочитает величайшему благу господина. А ведь так именно и поступают дурные чиновники, казначеи, послы, военачальники и другие вероломные и продажные слуги, пускающие шар по кривой собственных целей и страстишек на гибель важнейшим предприятиям господина. При этом извлекаемая ими выгода большей частью подстать их собственному ничтожеству, тогда как ущерб, коим покупают

они эту выгоду, соразмерен с высоким жребием их господина. Эти крайние себялюбцы готовы сжечь дом, лишь бы зажарить себе яичницу; и, однако же, такие люди нередко в почете у своих господ, так как стараются лишь об их удовольствии и собственной выгоде и ради обеих этих целей готовы пренебречь подлинными интересами дела.

Себялюбивая мудрость гнусна во всех своих видах. Это мудрость крыс, покидающих дом, которому суждено завалиться; мудрость лисы, выгоняющей барсука из вырытой им норы; мудрость крокодила, проливающего слезы, перед тем как пожрать свою жертву. Заметим, однако же, что те, кого Цицерон, говоря о Помпее, назвал «sui amantes, sine rivali» [134], бывают зачастую несчастны; всем пожертвовав ради себя, они наконец сами становятся жертвами непостоянства фортуны, которую в себялюбивой мудрости своей думали пригвоздить к месту.

XXIV. О новшествах

Как детеныши живых существ при рождении уродливы, таковы и все новшества — детища времени. Но подобно тому как первый, кто прославит свой род, обычно превосходит достоинствами бо́льшую часть потомков, так и достоинства первого установления (когда оно хорошо) редко бывают достигнуты позднейшими порядками. Ибо зло (более свойственное порочной природе человека) с течением времени усиливается; добро же, как побуждение не столь естественное, наибольшую силу имеет поначалу. Каждое лекарство есть новшество; а кто не хочет применять новые средства, должен ждать новых бед. Ибо время есть величайший из новаторов; и если время в своем течении изменяет вещи к худшему, а мудрость и совет не станут изменять их к лучшему, к чему это приведет? Правда, что́ вошло в обычай, быть может и дурно, зато ладно пригнано одно к другому; что́ долго было вместе, пришло между собой как бы в некое согласие; тогда как новое не так-то легко приспособить: оно хоть и приносит пользу, но смущает своей новизной. Подобно чужеземцам, оно вызывает более удивления, нежели любви.

Все это было бы верно, если бы время стояло на месте; но оно, напротив, движется так быстро, что упрямое пристрастие к раз установленному обычаю вносит не меньше смуты, чем новшество, и кто чрезмерно чтит старину, становится в новое время посмешищем. Поэтому хорошо бы людям, вводя новшества, брать пример с самого времени,

которое производит поистине великие перемены, но исподволь и едва заметно, ибо иначе все новое будет неожиданным. И всегда новшество одним на руку, а другим на беду; и тот, кому от него польза, считает его за благо и восхваляет времена; а кому ущерб, считает за зло и клянет виновника. Не следует также решаться на новые опыты в государствах, кроме случаев крайней необходимости или очевидной пользы, и надо непременно удостовериться, что именно преобразования повлекут за собой перемены, а не жажда перемен служит предлогом к преобразованию. И наконец, не отвергая вовсе новшеств, все же следует брать их под подозрение. Как говорит Писание, «остановитесь на путях своих, и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему» [135].

XXV. О распорядительности

Ничего нет опаснее для успеха дела, нежели показная распорядительность. Она подобна тому, что именуется у врачей несварением, а это всегда наполняет организм неусвоенной пищей и тайными зачатками болезней. Поэтому распорядительность в делах надобно мерить не временем заседаний, а успехом дела. Как на скачках наиболее резвы оказываются не те лошади, которые выше всего выбрасывают ноги, так и здесь распорядительность достигается не тем, чтобы охватывать сразу слишком много, но чтобы держаться ближе к делу. Иные заботятся только о том, как бы отделаться поскорее и лишь по видимости привести дело к концу, дабы показать себя людьми распорядительными. Но одно дело — сберечь время умелым сокращением хлопот, другое — скомкать саму работу. И поступать так на нескольких заседаниях и совещаниях это все равно, что делать один шаг вперед, а другой назад. Я знавал одного мудрого человека, который при виде чрезмерной поспешности любил говорить: «Повременим, чтобы скорее кончить».

С другой же стороны, подлинная распорядительность поистине благодатна, ибо дело измеряется временем, как товар — деньгами, и, где мало распорядительности, там дело обходится дорого. Спартанцы и испанцы известны своей медлительностью: «Mi venga la muerte de Spagna» — «Пусть смерть моя идет из Испании», ибо тогда она наверняка промедлит.

Внимательно выслушивай тех, кто доставляет первые сведения о деле, и старайся верно направить их с самого начала, а не прерывать на середине; ибо кто потерял нить мысли, будет топтаться на месте и более наскучит попытками вспомнить, что́ он хотел сказать, чем наскучил бы, если бы дать ему волю. А то иной раз вопрошающий вносит более беспорядка, чем вопрошаемый.

Повторения являются обычно потерей времени; но ничто так не сберегает время, как повторное изложение сути вопроса, ибо оно предотвращает множество не идущих к делу разговоров. Пространные и цветистые речи столь же способствуют быстрому исполнению, сколь одежда или мантия с длинным шлейфом удобна при беге. Предисловия, отступления, оговорки и другие россказни говорящего — все это лишь трата времени; и хотя по видимости они вызваны скромностью, по существу являются похвальбой. Все же остерегайся сразу переходить к делу, если слушатели что-либо имеют против него: чтобы устранить предубеждение, нужны некоторые околичности, как нужны умягчительные припарки перед втиранием мази.

Секрет подлинной распорядительности заключается в порядке, в распределении обязанностей и в расчленении разбираемого вопроса, если только членение это не слишком сложно. Не расчленяя, невозможно вникнуть в дело, а расчленяя чрезмерно, невозможно его распутать. Выбрать время — значит сберечь время; а что сделано несвоевременно, сделано понапрасну. Всякое дело слагается из трех частей — подготовки, обсуждения или рассмотрения и совершения. Если надобно быстро выполнить дело, пусть лишь среднюю часть поручат многим, первую же и последнюю доверят немногим. Обсуждение по заранее написанному плану большей частью способствует распорядительности, ибо, если даже этот план будет отвергнут, такое отрицание больше содержит положительных указаний, чем неопределенность, подобно тому как зола плодоноснее пыли.

XXVI. О мнимой мудрости

Существовало мнение, что французы на самом деле мудрее, чем они кажутся, а испанцы кажутся более мудрыми, чем они есть на самом деле. Не знаю, насколько это может быть справедливо в отношении народов, но, безусловно, это справедливо в отношении людей. Ведь как говорит апостол о притворно благочестивых людях:

«Имеющие вид благочестия, от силы же его отрекшиеся», так, конечно, существуют такие, кто, не имея от мудрости и способностей ничего или почти ничего, сохраняют при этом самый торжественный вид, «magno conatu nugas» [136].

Людям трезвым смешно наблюдать, к каким уловкам прибегают эти формалисты и какие используют увеличительные стекла, чтобы выдать плоскую поверхность за тело, имеющее объем и глубину: все это достойно сатирического осмеяния. Некоторые настолько скрытны и сдержанны, что будут показывать свои товары (т. е. то, чем богаты) только при тусклом освещении и всегда сделают вид, будто они что-то удерживают про себя; и даже когда они сами знают, что говорят о вещах, в которых хорошенько не разбираются, тем не менее у других людей они создают такое впечатление, будто знают и то, о чем не могут говорить. Некоторые помогают себе мимикой и жестами и мудры при помощи знаков; так, Цицерон говорит о Пизоне, что когда тот отвечал ему, то поднял одну бровь высоко на лоб, а вторую опустил до подбородка: «Respondes, altero ad frontem sublato, altero ad mentum depresso supercilio; crudelitatem tibi non placere» [137].

Некоторые думают подтвердить свои знания, произнося внушительные слова тоном, не допускающим возражения, а затем продолжают говорить, как будто бы уже принято и одобрено то, чего они не могут доказать. Другие, если что-либо находится вне пределов досягаемости их разума, притворяются, что презирают это или не обращают на него внимания как на несущественное или курьезное, и тем самым выдают свое невежество за некую рассудительность. Есть и такие, которые всегда с чем-либо не согласны и обычно, изумив людей какой-либо тонкостью, избегают существа дела, закрывая вопрос; о таких людях А. Геллий сказал: «Hominem delirum, qui verborum minutiis rerum frangit pondera» [138]. Платон в своем «Протагоре» также с презрением выводит человека такого рода в образе Продика и заставляет его произнести речь, от начала и до конца состоящую из надуманных дистинкций. Обычно такие люди во всех обсуждениях легко занимают позицию отрицания и пытаются завоевать доверие возражениями и предсказаниями трудностей: ибо, когда предложения отвергаются, на этом все и кончается; но, если они принимаются, это означает новые усилия; этот ложный вид мудрости является проклятием для дела. Словом, ни один разоряющийся торговец или скрытый банкрот

не прибегает к стольким ухищрениям, чтобы поддержать веру в свое богатство, как эти пустые люди, чтобы поддержать доверие к своим способностям. Люди мнимой мудрости могут ухитриться создать о себе мнение; однако пусть никто не берет их на службу, ибо, конечно, для дела лучше взять человека в чем-то глупого, чем такого рода претенциозного формалиста.

XXVII. О дружбе

Сказавшему: «Тот, кто находит удовольствие в уединении, либо дикий зверь, либо бог» [139] — было бы трудно вложить в несколько слов больше и правды и неправды, чем содержится в этих словах. Ибо совершенно справедливо, что естественная и тайная ненависть и отвращение к обществу в любом человеке содержат нечто от дикого животного; но совершенно несправедливо, что в уединении вообще есть нечто божественное, за исключением тех случаев, когда оно проистекает не из удовольствия, которое находят в одиночестве, а из любви и желания уединиться для более возвышенного образа жизни. Так, оно, как выяснилось, было ложным и притворным у некоторых язычников — у Эпименида Кандийского, Нумы Римского, Эмпедокла Сицилийского и Аполлония из Тианы; и подлинным и истинным — у разных древних отшельников и святых отцов церкви. Но очень немногие понимают, что́ такое одиночество и до чего оно доводит, ибо толпа не есть общество и лица — всего лишь галерея картин, а разговор — только звенящий кимвал, где нет любви. Латинское изречение «Magna civitas, magna solitudo» [140] отчасти объясняет это состояние; ведь в большом городе друзья разобщены, так что по большей части нет того чувства товарищества, которое существует у соседей в менее крупных поселениях. Но мы можем пойти еще дальше и утверждать с полным основанием, что отсутствие истинных друзей, без которых мир становится пустынным, и есть печальное одиночество в его чистом виде; и даже в этом смысле одиночество кого бы то ни было, кто из-за склада своей натуры и привязанностей не способен к дружбе, также происходит от дикого животного, а не от человеческих качеств.

Главный плод дружбы заключается в облегчении и освобождении сердца от переполненности и надрыва, которые вызывают и причиняют всякого рода страсти. Мы знаем, что болезни закупорки и удушья являются са-

мыми опасными для тела; не иначе это и в отношении духа. Вы можете принять сарсапарельный корень, чтобы освободить печень, железо — чтобы освободить селезенку, серный цвет — для легких, бобровую струю — для мозга; однако ни одно средство так не облегчает сердца, как истинный друг, с которым можно поделиться горем, радостью, опасностями, надеждами, подозрениями, намерениями и всем, что лежит на сердце и угнетает его, в своего рода гражданской исповеди или признании.

Удивительная вещь — наблюдать, как высоко ценят великие короли и монархи этот плод дружбы, о котором мы говорили; настолько высоко, что они покупают его множество раз, рискуя своей собственной безопасностью и величием. Ибо государи, принимая во внимание то расстояние, которое отделяет их от положения их подданных и слуг, не могут сорвать этот плод, за исключением тех случаев, когда (дабы получить возможность насладиться им) они возвышают некоторых людей, делая их своими товарищами и почти что равными себе, что не раз приводило к неудобствам. Современные языки называют таких лиц «фаворитами» или «доверенными» (privadoes), как будто дело заключается в милости или интимном общении. Но латинское название определяет истинное их назначение и причину, именуя их participes curarum [141], ибо именно это связывает дружеский союз. И мы отчетливо видим, что это делалось не только слабыми и чувствительными государями, но и самыми мудрыми и расчетливыми из них; они часто приближали к себе некоторых своих слуг, которых называли друзьями, и разрешали другим называть их так же, используя слово, которое принято меж близкими людьми.

Когда Л. Сулла правил Римом, он настолько возвысил Помпея (впоследствии прозванного Великим), что тот хвастал, что стал сильнее Суллы. Ибо, когда Помпей предоставил должность консула одному из своих друзей против желания Суллы и Сулла вознегодовал на него и стал в резких тонах говорить ему об этом, Помпей сам обрушился на него и даже заставил его замолчать, сказав, что «больше людей поклоняется солнцу восходящему, чем солнцу заходящему» [142]. Децим Брут имел такой вес в глазах Юлия Цезаря, что в своем завещании Цезарь назвал его своим наследником сразу после племянника. И он же был тем человеком, который обладал такой властью над Цезарем, что ускорил его смерть. Ибо, когда Цезарь хотел было распустить сенат из-за плохих предзнаменований,

и особенно из-за одного сна Кальпурнии, этот человек мягко поднял его за руку из кресла и сказал ему, что надеется, что он, Цезарь, не распустит сенат до тех пор, пока его жена не увидит более благоприятный сон. И он был, кажется, в таком великом фаворе у Цезаря, что Антоний в письме, дословно приводимом в одной из филиппик Цицероном, называет его venefica — «колдун», как будто тот околдовал Цезаря. Август так возвысил Агриппу (хотя тот и был низкого происхождения), что когда он спросил у Мецената совета относительно замужества своей дочери Юлии, то у Мецената хватило смелости сказать, что он должен либо выдать свою дочь замуж за Агриппу, либо лишить последнего жизни: третьего пути нет — так возвеличил он Агриппу. При Тиберии Цезаре Сеян вознесся на такую высоту, что их обоих называли и считали неразлучными друзьями. В письме к нему Тиберий сказал: «Haec pro amicitia nostra non occultavi» [143]; и весь сенат посвятил алтарь Дружбе как богине, в честь великой ценности дружбы между этими двумя людьми. Такая же или даже еще более сильная дружба существовала между Септимием Севером и Плавцианом. Ибо он заставил своего старшего сына жениться на дочери Плавциана; и часто поддерживал Плавциана в его действиях против своего сына; и написал также в одном из посланий сенату следующее: «Я так сильно люблю этого человека, что хочу, чтобы он меня пережил». Будь эти императоры подобны Траяну или Марку Аврелию, можно было бы подумать, что эта дружба проистекала из бесконечной доброты их натуры; но, поскольку все эти люди были так мудры, обладали такой силой и суровостью духа и настолько сильно любили себя, все это с очевидностью доказывает, что они считали свое собственное благополучие (хотя оно было настолько велико, насколько вообще возможно для смертного) лишь половинчатым, если у них нет друга, который сделал бы его полным; и все это при том, что они были императорами, у которых имелись жены, сыновья, племянники; и все же эти родственники не могли дать того утешения, которое дает дружба.

Не следует забывать и того, что́ Комин заметил о своем первом хозяине, герцоге Карле Смелом, именно что тот ни с кем не делился своими секретами, и особенно теми секретами, которые более всего беспокоили, после чего он добавляет, что в последние годы жизни «эта замкнутость действительно ослабила и немного повредила его разум» [144]. Комин, конечно, мог бы также высказать

точно такое же суждение, если бы захотел, о своем втором господине, Людовике XI, чья замкнутость действительно была его мучителем. Изречение Пифагора «Cor ne edito» — «Не грызи сердце» — несколько темно, но по смыслу правильно. Конечно же, если выразиться резко, те, у кого нет друзей, которым они могли бы открыться, являются каннибалами своих собственных сердец. Но одно совершенно замечательно (и этим я закончу рассмотрение первого плода дружбы), а именно что это раскрытие своего «Я» другу производит два противоположных действия, ибо оно удваивает радости и делит горести пополам. Потому что нет такого человека, который, поделившись своими радостями с другом, еще более не возрадовался бы; и нет такого человека, который, поделившись своими печалями с другом, не стал бы меньше печалиться. Итак, в том, что касается воздействия на дух человека, дружба обладает таким же достоинством, какое алхимики раньше приписывали своему камню в воздействии на человеческое тело — она производит все противоположные действия, однако, на пользу и на благо природе. Но даже если не прибегать к помощи алхимиков, в обычном течении природы есть явный образец этого, ибо в телах соединение усиливает и поддерживает любое естественное действие и, с другой стороны, ослабляет и притупляет любое бурное впечатление; так же обстоит дело и в отношении духа.

Второй плод дружбы так же целебен и превосходен для разума, как первый — для чувств. Ведь дружба из штормов и бурь страстей действительно делает хорошую погоду, а разум она как бы выводит из тьмы и путаницы мыслей на ясный свет. Не следует понимать, что это справедливо только в отношении верного совета, который человек получает от своего друга, о чем мы будем говорить ниже; но совершенно очевидно, что если у кого-то ум занят множеством мыслей, то его разум и понимание действительно проясняются и раскрываются в беседах и рассуждениях с другим человеком; он легче разбирает свои мысли; он располагает их в более стройном порядке; он видит, как они выглядят, когда превращаются в слова; наконец, он становится мудрее самого себя и за один час рассуждения вслух достигает большего, чем за целый день размышлений. Фемистокл хорошо сказал персидскому царю: «Речь подобна аррасскому ковру, развернутому и полностью открытому для обозрения; тем самым образы появляются в виде конкретных фигур; в то время

как если они остаются только в мыслях, они подобны скатанному и свернутому ковру»[145]. И этот второй плод дружбы, заключающийся в раскрытии разума, может быть получен не только от таких друзей, которые в состоянии дать совет (они и есть самые лучшие друзья); но даже без таковых человек познáет себя, прояснит свои собственные мысли и заострит свой ум как бы о камень, который сам по себе не режет. Одним словом, человеку лучше обратиться с речью к статуе или картине, чем позволить своим мыслям тесниться в голове, не находя выхода.

И теперь, чтобы сделать этот второй плод дружбы полным, отметим ту другую его сторону, которая более открыта и поддается обычному наблюдению, а именно верный совет друга. Гераклит хорошо сказал в одной из своих загадок: «Сухой свет всегда самый лучший». И конечно же, свет, который человек получает от совета другого человека, суше и чище, чем тот, который проистекает из его собственного разума и суждения, ибо последний всегда насыщен и пропитан его чувствами и привычками. Так что между советом, который дает друг, и советом, который человек дает самому себе, существует такая же разница, как и между советом друга и советом льстеца. Потому, что нет большего льстеца, чем тот, кто сам себе льстец, и нет более сильного лекарства от самолюбивой лести, чем откровенное и свободное мнение друга. Совет бывает двух видов: один относительно нравов, другой относительно дела. Что касается первого, то самым лучшим средством сохранения душевного здоровья является справедливое предупреждение друга. Призвать самого себя к ответу — это порой слишком сильнодействующее и разрушительное лекарство. Чтение хороших книг по морали — несколько скучновато и безжизненно. Замечать свои ошибки в других — не всегда подходит для нашего случая. Самое же лучшее лекарство (по-моему, лучше всего действующее и лучше всего воспринимаемое) — предупреждение друга. Интересно заметить, в какие серьезные ошибки и крайние нелепости, действительно, впадают многие (особенно люди более высокого положения) из-за того, что у них нет друга, который мог бы сказать им об этих ошибках; и тем самым они наносят огромный вред как своей репутации, так и своему благоденствию, ибо, как сказал святой Яков, они напоминают людей, «которые, посмотревшись в зеркало, тут же забывают свой собственный образ и облик»[146]. Что касается дела, чело-

век может думать, если ему угодно, что два глаза видят не больше, чем один; или что игрок всегда видит больше, чем сторонний наблюдатель; или что человек в гневе так же разумен, как и тот, кто спокойно пересчитает все двадцать четыре буквы алфавита; или что из мушкета можно так же хорошо стрелять с руки, как и с упора, и иметь тому подобные глупые и беспочвенные фантазии, полагаться во всем только на себя. Но, когда все средства исчерпаны, помощь доброго совета исправляет дело. И если человек думает, что он примет совет, но сделает это по частям, спрашивая совет по одному делу у одного, а по другому — у другого, то это хорошо (т. е., возможно, лучше, чем если бы он вообще никого не спрашивал). Однако он подвергается двум опасностям. Первое, что ему дадут неверный совет, ибо, за исключением тех случаев, когда совет исходит от совершенно и целиком преданного друга, редко случается так, чтобы он не был корыстен и намеренно направлен на достижение каких-либо целей того человека, который дал его. Второе, что ему дадут совет вредный и небезопасный (хотя и с добрыми намерениями), который частично принесет неприятности, частично же явится средством исправления дела; как если бы вы пригласили врача, который, по общему мнению, хорошо вылечивает ту болезнь, на которую вы жалуетесь, но не знаком с вашим организмом, и поэтому он может излечить вас от данной болезни, но расстроить ваше здоровье в каком-либо другом отношении и тем самым вылечить болезнь, но убить пациента. Но друг, в совершенстве знакомый с состоянием ваших дел, будет осторожен, исправляя данное дело так, чтобы не причинить вам какую-либо другую неприятность. Поэтому не полагайтесь на случайные советы: они, скорее, отвлекут и уведут вас в сторону, чем устроят ваши дела и дадут им правильное направление.

Кроме этих двух благородных плодов дружбы (успокоение в чувствах и поддержка в суждениях) есть еще последний плод, который, подобно гранату, полон множества зерен. Я имею в виду помощь и участие во всех делах и случаях. Здесь наилучший способ убедиться в разнообразной пользе дружбы в жизни состоит в том, чтобы взглянуть вокруг и увидеть, сколько есть вещей, которых сам человек сделать не может. И тогда окажется, что изречение древних «друг — это второе я» недостаточно справедливо, ибо друг гораздо больше, чем второе я. Люди проживают жизнь и умирают с тревогой о некоторых

вещах, которые особенно принимали близко к сердцу,— устройство жизни своего ребенка, окончание труда и тому подобное. Если у человека есть преданный друг, он может быть почти уверен в том, что об этом позаботятся и после его смерти; так что у человека тогда есть как бы две жизни для осуществления своих желаний. У человека одно только тело, и оно занимает только одно место в пространстве, но там, где есть дружба, все отправления жизни как бы удваиваются: они даются и самому человеку, и его заместителю, ибо он может осуществлять их через своего друга. Сколько есть на свете вещей, которые человек, дорожа своей честью и добрым именем, не может сам сказать или сделать? Вряд ли будет скромно, если человек сам будет расписывать свои заслуги и тем более превозносить их; случается, он не может вынести того, что ему приходится молить или просить о чем-то, и еще много других подобных вещей. Но все это вполне прилично в устах друга, хотя заставило бы самого человека покраснеть, если бы их произносили его уста. Кроме того, человеческая личность связана множеством условностей, которые не могут быть нарушены. Человек может говорить со своим сыном только как отец; со своей женой — только как муж; со своим врагом — только употребляя определенные выражения. В то же время друг может говорить так, как требует того случай, а не как это подобает данному лицу. Можно было бы бесконечно перечислять все преимущества дружбы. Я предлагаю следующее правило на тот случай, когда человек не может подобающим образом сыграть свою собственную роль: если у него нет друга, он может покинуть сцену.

XXVIII. О расходах

Богатства существуют, чтобы их тратить, а траты — чтобы делать добро и этим снискать честь. Поэтому чрезвычайные расходы должны быть соразмерны важности случая: добровольный отказ от своего достояния бывает нужен не только для спасения души, но и для блага отечества. Обычные же расходы надобно соразмерять с достатком, не допуская расхищения имущества слугами и производя траты наиболее выгодным образом, так, чтобы счета были в действительности меньше, чем можно подумать со стороны. Кто не хочет уменьшения своего состояния, должен тратить не более половины своего дохода; а кто желает приумножить его — не более трети. Самым

важным особам не зазорно входить в подобные дела самолично. Некоторые уклоняются от этого не из одной лишь небрежности, но боясь огорчиться, увидя свое состояние расстроенным. Но нельзя исцелить рану, не исследуя ее. А кто уж никак не может сам управлять своим имением, должен хорошо выбирать управителей и почаще их сменять, пока они еще робки и не понаторели в плутнях. Кто может заниматься своим имением лишь изредка, тому следует завести во всем неизменный порядок.

Кто много тратит на один какой-либо предмет, должен быть столь же бережлив в другом. Так, например, если кто много расходует на стол, пусть будет бережлив в одежде; если любит пышную обстановку, пусть меньше держит лошадей, и тому подобное. Ибо, кто расточителен во всем, тот вряд ли избежит разорения. При продаже имения для расплаты с долгами так же легко повредить себе поспешностью, как и медлительностью, ибо поспешная продажа обычно так же невыгодна, как заем под проценты. К тому же, кто сразу расплачивается со всеми долгами, в скорости делает новые, ибо, выйдя из затруднения, возвращается к прежним привычкам. А кто расплачивается понемногу, приучается к бережливости, что полезно и для имущества, и для нравственности. Кто хочет поправить свое состояние, тот не должен пренебрегать мелочами. Не стыдно сокращать мелкие расходы — стыдно унизиться до мелкого стяжания. Долговременную статью расхода надо вводить осмотрительно, а если речь идет об одном разе, тут можно быть щедрее.

XXIX. Об истинном величии королевств и республик [147]

Слова афинянина Фемистокла, в отношении его самого высокомерные, в более общем смысле оказываются, однако, мудрым суждением и наблюдением. Когда на празднестве попросили его сыграть на лютне, он сказал, что «бренчать не умеет, зато может сделать из малого городка великий город». Эти слова (если употребить их в переносном смысле) могут выражать два рода способностей у тех, кто вершит дела государства. Сделав смотр советникам и министрам, мы найдем (хотя и в малом числе) таких, что могут сделать из малого государства великое, но не умеют бренчать; а с другой стороны,— великое множество таких, которые бренчат весьма искусно, но отнюдь не сумели бы сделать малое государство великим,

ибо одарены талантом как раз противоположным — умением великую и цветущую страну довести до упадка и разорения. Поистине, презренные уловки и хитрости, какими многие советники и министры приобретают и милость своего господина, и расположение толпы, не заслуживают лучшего названия, чем бренчание, ибо доставляют временное удовольствие, а их самих выставляют в приятном свете, но отнюдь не направлены к благу и процветанию государства, которому они служат. Существуют, без сомнения, и такие советники и министры, которые справляются с делами (negotiis pares[148]), умеют обходить пропасти и наиболее явные затруднения и тем не менее неспособны приумножить мощь и богатство страны. Но, каковы бы ни были деятели, обратимся к самому делу, т. е. к истинному величию королевств и республик и к способам достичь такового,— предмет, достойный внимания великих и могущественных государей, дабы они, переоценив свои силы, не тратили их попусту на неосуществимые предприятия, а, с другой стороны, недооценивая их, не поддавались советам робких и малодушных.

Величина страны может быть измерена, богатства и доходы ее — исчислены, число жителей — установлено по переписи, число и размеры городов и местечек — определены по картам и планам. И все же ни в чем нельзя так легко ошибиться, как в истинной оценке и верном суждении относительно мощи государства. Царство небесное уподоблено Писанием не какому-либо крупному зерну, а горчичному зернышку — одному из мельчайших, но наделенному свойством быстро распространяться. Так и государства бывают обширны, но не способны расширяться или повелевать или же, напротив, малы по размерам, но способны стать основой великой монархии.

Укрепленные города, большие запасы вооружения в арсеналах, хорошие породы коней, боевые колесницы, слоны, пушки и тому подобное — все это может оказаться лишь овцой в львиной шкуре, если нет при этом мужественного и воинственного народа. Самая численность армий не много значит там, где народу недостает мужества, ибо, как говорит Вергилий, «волку безразлична численность овец». Армия персов в долине Арбелы была столь многочисленна, что военачальники Александра, смутившись этим, стали просить его выступить против врага ночью. Но он ответил: «Не хочу красть победу», и победа оказалась легкой. Когда Тигран Армянский, расположившись на холме со своим войском в четыреста тысяч человек,

увидел войско римлян, в котором едва насчитывалось четырнадцать тысяч, он возликовал и сказал: «Их слишком много для посольства, но слишком мало для битвы». А между тем не успело зайти солнце, как он убедился, что их было достаточно, чтобы рассеять его армию с огромными потерями. Много можно привести примеров, когда численность отнюдь не соответствовала мужеству; поэтому с достоверностью можно утверждать, что для величия государства необходим прежде всего воинственный народ.

Нельзя также, согласно ходячей поговорке, считать деньги мускулами войны там, где дряблы мускулы бойцов и народ изнежен. Хорошо Солон ответил Крезу, когда тот хвастал перед ним своим золотом: «Государь мой, достаточно прийти кому-нибудь с лучшим, чем у вас, железом, и он овладеет всем этим золотом». Пусть поэтому государи и государства трезво оценивают свои силы, если только их ополчение не состоит из храбрых бойцов. И с другой стороны, пусть государи, имеющие воинственных подданных, сознают свою мощь, ибо иначе они не воздают себе должного. Что же касается наемников (на которых в таких случаях рассчитывают), то опыт неизменно показывает, что, полагаясь на них, государи и государства «могут на время опериться, но очень скоро начинают линять».

Никогда не соединятся воедино дары, предназначенные Иуде и Иссахару; «никогда один и тот же народ не бывает одновременно и молодым львом, и ослом, падающим под бременем ноши»; никогда народу, обремененному податями, не быть воинственным и храбрым. Правда, что налоги, взимаемые с согласия народа, не так ослабляют его мужество; примером тому могут служить пошлины в Нидерландах и до известной степени субсидии в Англии. Заметьте, что речь идет у нас сейчас не о кошельке, а о сердце. Подать, взимаемая с согласия народа или без такового, может быть одинакова для кошельков, но неодинаково ее действие на дух народа. Заключим отсюда, что ни один народ, отягченный податями, неспособен повелевать другими.

Пусть государства, стремящиеся к могуществу, не дают слишком расплодиться знати и дворянству, ибо простой народ становится при этом тупым и забитым и работает только на господ. Нечто подобное бывает с лесными посадками: если саженцы слишком густы, никогда не получим мы чистого подлеска, а один лишь кустарник. Так

и в стране: если слишком много дворян, простой народ вырождается; и дело может дойти до того, что из сотни не наберется и одного, годного к военной службе, особенно в пехоту,— ведь это главный нерв армии; вот и получится, что людей будет много, а силы мало. Нигде не сказалось это с такой ясностью, как при сравнении Англии и Франции: значительно уступая в размерах и в численности населения, Англия показала, однако, свое превосходство, и все потому, что английский средний класс поставляет добрых бойцов, а французское крестьянство — нет. Мудрым и достойным восхищения был статут короля Генриха VII (о чем я говорю подробно в истории его жизни), установившего размеры ферм и земельных участков с тем расчетом, чтобы земля обеспечила подданному довольство и независимость и за плугом ходил бы сам владелец его, а не наемный батрак. Так достигается то процветание, какое Вергилий приписывает древней Италии:

Terra potens armis atque ubere glebae [149].

Не следует пренебрегать и тем сословием, которое, насколько мне известно, существует только в Англии да, еще, пожалуй, в Польше; я имею в виду сословие свободных слуг при дворянах и знати — эти на бранном поле отнюдь не уступают йомепам. Поэтому обычай широкого гостеприимства и роскошных, многочисленных свит у вельмож и дворянства, несомненно, немало способствует военной мощи. Напротив же, уединенный и замкнутый образ жизни дворянства порождает недостаток войск.

Не надо щадить никаких усилий, чтобы ствол Навуходоносорова древа монархии был достаточно мощным для поддержания его ветвей и листьев, иначе говоря, чтобы число коренных подданных короны или республики было в надлежащем соотношении с числом иноземцев, которыми они управляют. Поэтому все государства, легко принимающие в подданство иноземцев, способны стать мощными державами. Ибо нельзя полагать, чтобы горсточка людей, сколь бы ни были они отважны и умелы, могла удерживать обширные владения; это может удаваться до поры до времени, но окончится внезапным крушением. Спартанцы проявляли в отношении чужеземцев большую разборчивость, отчего и были сильны, пока держались в своих границах, а когда распространились и ветви стали слишком тяжелы для ствола, то и сломились от первого ветра. Ни одно государство не прини-

мало чужеземцев в свое лоно так охотно, как римское. Потому-то оно и выросло в величайшую монархию. У римлян было в обычае даровать права гражданства (называемые ими jus civitatis), причем самые полные, включавшие не только jus commercii, jus conubii, jus haereditatis, но и jus suffragii и jus honorum [150], — не только отдельным лицам, но и целым семьям, городам, а иногда и народам. Прибавим к этому их обычай основывать колонии, благодаря которому римские корни укреплялись в чужой земле. Сопоставив эти два обычая, мы можем сказать, что не римляне раскинулись по миру, а мир перед ними раскинулся; а это и было верным путем к достижению величия. Не раз дивился я, глядя, как Испания удерживает столь обширные владения с таким малым числом коренных испанцев; но уж, конечно, ствол испанский куда мощнее, чем были Рим или Спарта. И к тому же, если нет у них широкой раздачи прав гражданства, зато есть нечто весьма к этому близкое, а именно обычай принимать почти все без различия народности в свою армию в качестве рядовых, а иногда и на высшие должности. Впрочем, сейчас они, по-видимому, ощутили недостаток коренного населения, как видно из недавно обнародованной Прагматической Санкции.

Несомненно, сидячая жизнь и тонкие ремесла (требующие скорее ловкости в пальцах, нежели силы в руках) по природе своей противоположны воинственному духу. А все воинственные народы вообще несколько склонны к праздности и опасности любят больше, чем труд. Да они и не должны быть к нему чрезмерно принуждаемы, если надобно сберечь их силу. Поэтому большим преимуществом древних государств — Спарты, Афин, Рима и других — был труд рабов, которые обычно и занимались подобными ремеслами. Это, однако, христианским законом почти повсеместно отменено. Остается в таком случае предоставить эти ремесла чужеземцам (коих для этого надлежит с большей легкостью принимать в свою среду), а коренным жителям простого звания оставить три занятия: хлебопашество, услужение по найму и те ремесла, кои воспитывают силу и мужество, как-то: ремесло каменщика, кузнечное и плотничье дело и др., не считая солдатского.

Но что всего важнее для создания мощной державы — это чтобы воинское дело стало у народа главной его честью и основной заботой. Ибо все указанное выше будет лишь подготовкой к достижению военной мощи; а что

значит подготовка, если нет самого намерения и выполнения его? Как гласит история или легенда, Ромул, умирая, завещал римлянам превыше всего ценить воинское искусство, и тогда, сказал он, станут они величайшей державой мира. В Спарте государственный строй был полностью (хоть и неразумно) подчинен той же цели. Очень недолго господствовала она у персов и македонян. Некоторое время — у галлов, германцев, готов, саксов, норманнов и др. У турок она существует по сей день, хотя и клонится к упадку. В христианской Европе имеется она, в сущности, у одних лишь испанцев. Человек всего более преуспевает в том, чему всего усерднее предается — положение это настолько бесспорно, что останавливаться на нем долее нет нужды; довольно будет на него указать. Ни один народ, если он не занимается воинским искусством, не вправе ждать, чтобы величие свалилось на него с небес. А с другой стороны, очевидно, что те нации, кои долгое время в нем упражняются (как, например, Рим или Турция), творят чудеса. И даже там, где оно процветало лишь временно, обычно достигалось величие, сохранявшееся долгое время спустя, когда воинское искусство уже приходило в упадок.

Заметим, кстати, что государству надлежит иметь такие законы и обычаи, которые предоставляли бы справедливые (или могущие быть названы таковым) поводы к войне. Ибо люди по врожденному чувству справедливости не вступают в войну (отчего происходит множество бедствий), если нет к тому хоть сколько-нибудь благовидных предлогов. У турок таким удобным предлогом к войне служит распространение их веры; этот предлог всегда у них под рукой. Римляне хотя и ставили расширение границ империи в заслугу своим полководцам, когда они это свершали, однако никогда не довольствовались одним этим предлогом, чтобы начать войну. Пусть нации, стремящиеся к величию, будут, во-первых, чувствительны к обидам, кому бы они ни были нанесены — пограничным жителям, купцам или посланникам, и не сносят бесчестье безропотно. Во-вторых, пусть постоянно будут готовы не медля прийти на помощь союзникам; это всегда соблюдалось Римом, так что, когда союзник его имел договоры также и с другими государствами и при вражеском вторжении обращался за помощью к каждому из них, римляне всегда опережали других и этой чести никому не уступали. Что же касается войн, некогда ведшихся в интересах какой-либо

партии или из стремления навязать повсюду свой строй, то им трудно найти оправдание. Такова была война римлян за свободу Греции; войны лакедемонян и афинян за создание или свержение демократий и олигархий; или когда войны велись иноземцами под предлогом защиты или борьбы за справедливость, ради освобождения чужих подданных из-под ига тиранов, и тому подобное. Довольно будет сказать, что ни одно государство не может стать великим, если не готово вооружиться по каждому справедливому поводу.

Нет здоровья без упражнения; этого требует организм, как человеческий, так и политический. А лучшим упражнением для государства служит справедливая и почетная война. Гражданская война — та действительно подобна горячке; но война с иноземцами, если и горячит, то лишь как упражнение, способствующее здоровью. Ибо периоды мирной лени несут с собой утрату мужества и испорченность нравов. Как бы там ни было для благополучия, для величия державы готовность к войне есть бесспорное преимущество. Именно мощь постоянной армии (хотя это и немалый расход) заставляет всех соседей слушаться или по крайней мере прислушиваться, как это мы видим на примере Испании, где постоянная армия существует вот уже много десятилетий подряд.

Господство на морях имеет для королевства первостепенное значение. Цицерон, когда писал Аттику о планах Помпея против Цезаря, говорил: «Consilium Pompeii plane Themistocleum est; putat enim, qui mari potitur, eum rerum potiri» [151]. И Помпей, несомненно, взял бы Цезаря измором, если бы самонадеянно не отказался от своего плана. Морские битвы имеют, как мы знаем, важные следствия: битва при Акции решила, кому владеть миром; Лепантский бой положил конец величию Турции. Есть много примеров, когда морские битвы решали исход войны; но это бывает, если государь или государство возлагают на них свои надежды. Одно, во всяком случае, верно: господствующий на море действует с полной свободой и распоряжается войной по своему усмотрению, тогда как имеющие перевес на суше часто, несмотря на это, попадают в беду. В нынешней Европе преимущества, даваемые силой на морях (ценнейшим наследием, доставшимся нашему британскому королевству), поистине велики, как потому, что большинство государств Европы имеет главным образом морские, а не внутренние границы, так и потому, что господство на

морях дает свободный доступ к сокровищам обеих Индий.

По сравнению с той славой и честью, какие доставались войнам древности, войны нового времени ведутся словно в потемках. Для поощрения воинской доблести есть у нас, правда, ордена различных степеней, коими, однако же, награждаются без разбору как воины, так и не видавшие боя. Иногда память о победе бывает увековечена в гербе. Есть также госпитали для изувеченных воинов и еще кое-что. Между тем в древности все воодушевляло людей: и трофеи, устанавливаемые на месте победы; и надгробные речи и памятники павшим в бою; и увенчание победителей лавровым венком; и титул «императора», впоследствии заимствованный величайшими монархами мира; и триумфальные встречи вернувшихся полководцев; и щедрые дары воинам, распускаемым по домам; а всего более — обычай триумфа, который был у римлян не пустой мишурой, но одним из мудрейших и благороднейших установлений, ибо включал в себя три вещи: почести полководцу, прибыль казне из военной добычи и награды войскам. Правда, обычай этот, пожалуй, непригоден для монархий, разве что почести воздаются самому монарху или его сыновьям. Так и случилось во времена римских императоров, присвоивших право на триумф себе и своим сыновьям, когда войны вели они сами, оставляя подданным лишь знаки отличия и торжественные облачения.

В заключение скажем: никто не в силах «прибавить себе росту хоть на один локоть», если речь идет о росте человека; иное дело — королевства или республики: там государь или правительство могут и увеличить, и возвеличить свою державу, ибо с помощью тех законов, обычаев и установлений, о которых мы говорили, могут быть заложены основы величия для преемников и потомства. А между тем это обычно не делается, но предоставляется случаю.

XXX. О поддержании здоровья

В этом деле есть мудрость, выходящая за рамки предписаний медицины: собственные наблюдения человека за тем, что́ ему хорошо, а что́ вредно, есть самая лучшая медицина для сохранения здоровья. И более безопасно говорить: «Это не очень хорошо влияет на меня, поэтому я воздержусь от этого», чем: «Я не нахожу ничего вред-

ного в этом, поэтому я могу это употреблять». Ведь сила природы в молодости преодолевает многие излишества, которые свойственны человеку до самой старости. Не забывай надвигающихся лет и не думай делать по-прежнему то, что делал раньше, ибо с возрастом не спорят. Остерегайся внезапных изменений в какой-либо важной части диеты и, если необходимость вынуждает осуществить их, приспособь остальную часть диеты к этому изменению. Ибо один из секретов природы и политики состоит в том, что безопаснее менять много вещей, чем одну. Изучи своп привычки в отношении диеты, сна, занятий, одежды и тому подобпого и старайся мало-помалу сокращать то, что ты сочтешь вредным; но делай это так, чтобы, обнаружив, что это изменение причиняет тебе неудобство, ты снова мог вернуться к прежним привычкам, ибо трудно различить то, что вообще считается хорошим и полезным, от того, что особенно хорошо и пригодно для твоего собственного тела. Один из лучших рецептов долгой жизни — это пребывать в свободном и жизнерадостном расположении духа в часы еды, сна и занятий. Что же касается страстей и увлечений духа, то избегай зависти, тревожных страхов, затаенного гнева, тонкого и путаного самоанализа, чрезмерных радостей и веселий, неразделенной печали. Питай надежды; испытывай, скорее, спокойное веселье, чем буйную радость; стремись, скорее, к разнообразию удовольствий, чем к их излишеству; переживай удивление и восхищение от знакомства с новшествами; занимай ум блестящими и прославленными предметами, как история, предания и размышления о природе.

Если будешь совершенно избегать лекарств, они окажутся слишком чуждыми для твоего тела тогда, когда они тебе понадобятся; если слишком познакомишь с ними тело, они не произведут необходимого действия, когда наступит болезнь. Я, скорее, рекомендовал бы применять некоторую диету в определенные периоды, чем частое использование лекарств, если только это не превратилось уже в привычку, ибо эти диеты изменяют тело больше, а беспокоят меньше. Не оставляй без внимания ни одного происшествия с твоим телом и испрашивай мнение о нем. Когда болен, обращай внимание главным образом на здоровье; когда здоров — на свою активность. Ибо тот, кто, будучи здоровым, подвергает свое тело лишениям, когда заболевает не очень серьезными болезнями, может быть зачастую вылечен при помощи одной диеты и

тщательного ухода. Цельс, если бы он был только врачом, а не мудрым человеком, не смог бы дать столь прекрасный рецепт здоровья и долголетия, а именно: человек должен менять и чередовать противоположности, но склоняться к более доброй из двух крайностей; например, чередовать пост и хорошее питание, но чаще хорошо питаться; чередовать бодрствование и сон, но предпочитать сон; чередовать отдых и упражнения, но чаще упражняться и тому подобное. Таким образом будет поддерживаться и укрепляться природа. Некоторые врачи настолько поддаются настроению пациента и подделываются под него, что не заставляют его подчиняться правильному курсу лечения; а некоторые другие так педантичны в своих действиях, предпринимаемых в соответствии с искусством лечения, что недостаточно принимают во внимание состояние пациента. Изберите середину или же, если нельзя найти таких качеств в одном враче, возьмите двоих, того и другого рода; и не забудьте позвать как того, кто лучше знаком с вашим организмом, так и того, кто более всего известен своими способностями.

XXXI. О подозрении

Подозрения разнятся от прочих мыслей, как совы от птиц: тем, что летают в потемках. Их надлежит подавлять или хотя бы подчинять; ведь они омрачают ум, ссорят с друзьями и служат помехой в деле. Государей они располагают к тирании, мужей — к ревности, а в мудрых рождают уныние и нерешимость. Подозрения зарождаются не в сердцах, а в умах; ибо им подвержены и смельчаки, каков был, например, Генрих VII Английский [152]. Не было человека подозрительнее его, но не было и смелее. Таким натурам подозрения не страшны, ибо обычно они не допускаются, покуда не выяснена их основательность; но натурами робкими могут завладеть целиком.

Подозрений у человека тем больше, чем меньше он знает. Поэтому надлежит избавляться от подозрений, стараясь узнать побольше, а не держать их про себя. Чего же надобно людям? Уж не думают ли они, что имеют дело со святыми? Ужели предполагают, что у других нет собственных целей, коим служат они всего усерднее? Всего лучше поэтому умерять подозрения, помня, что они могут быть справедливы, и вместе с тем надеясь, что они ложны. Другими словами, из подозрений надлежит извлекать пользу ровно настолько, чтобы быть защищен-

ным на случай, если они оправдаются. Подозрения, рождающиеся сами собой, подобны праздно жужжащим шмелям; но подозрения, вскормленные искусственно и внушенные чужим нашептыванием, имеют ядовитое жало. Чтобы прорубить дорогу в лесу подозрений, лучше всего откровенно поделиться ими с подозреваемым, ибо при этом сам наверняка будешь знать, основательны ли твои подозрения, а он остережется впредь подавать к ним повод. Этот способ, однако, не годится, когда имеешь дело с людьми низкими, ибо такие, однажды увидев себя подозреваемыми, никогда уж не будут верны. Итальянцы говорят: «Sospetto licentia fede» [153], т. е. подозрение как бы освобождает подозреваемого от долга верности. А между тем оно должно было бы, напротив, побуждать к доказательствам верности.

XXXII. О беседе

Некоторые люди во время разговора стремятся скорее стяжать похвалу своему остроумию и доказать, что они в состоянии отстоять любые свои аргументы, чем проявить здравомыслие в распознавании того, что́ есть истина; как будто достойно похвалы знать, что́ можно было бы сказать по данному поводу, а не то, что́ следовало бы думать. У некоторых есть в запасе определенные общие места и выражения, которыми они умело пользуются, но им недостает разнообразия; бедность такого рода большей частью утомительна, а когда ее однажды заметили, смешна. Самый благородный способ ведения беседы состоит в том, чтобы сначала дать повод к ней, а затем смягчать мнения и перейти к чему-либо другому, ибо в этом случае человек как бы ведет в танце. В обсуждении или беседе хорошо разнообразить их тон и течение, перемежая разговор о текущих делах с доказательствами, повествование — с размышлениями, вопросы — с выражением мнений, серьезные предметы — с шутками, ибо глупо кого-нибудь сильно утомлять, или, как мы теперь говорим, «заездить». Что касается шутки, то есть определенные предметы, которые должны быть избавлены от нее, а именно: религия, государственные вопросы, великие люди, важное в данный момент дело любого человека и все, что заслуживает сочувствия. Однако есть такие люди, которые считают, что их ум будет спать, если только они не выпалят чего-нибудь пикантного

и не уязвят другого человека до глубины души. Такую привычку следует держать в узде.

Parce, puer, stimulis, et fortius utere loris [154].

И вообще следует соблюдать различие между остроумием и злостью. Разумеется, тот, у кого есть сатирическая жилка и который поэтому заставляет других бояться своего остроумия, неизбежно должен сам бояться их памяти.

Тот, кто задает много вопросов, много узнает и многое получает, в особенности, если его вопросы касаются предметов, особенно хорошо известных тем лицам, кого он спрашивает, ибо тем самым он предоставляет им случай доставить себе удовольствие в разговоре, а сам постоянно обогащает свой ум знаниями. Однако его вопросы не должны быть слишком трудными, дабы разговор не походил на экзамен. Он также должен поступать так, чтобы и всем остальным людям была предоставлена возможность говорить в свою очередь. Если же найдутся такие, которые будут доминировать в разговоре и занимать все время, он должен отыскать средство вынудить их замолчать и включить в разговор других, как это обычно делают музыканты с теми, кто танцует слишком долгие гальярды.

Если иногда не показать знания того, что, по общему мнению, вам известно, то в следующий раз будут думать, что вы знаете и то, что вам может быть неизвестно. О самом себе надо говорить очень редко и тщательно выбирать выражения. Я знал одного человека, который имел обыкновение презрительно отзываться об одном знакомом: «Он, должно быть, хочет быть мудрым человеком, ведь он так много говорит о себе». Есть только один случай когда прилично, чтобы человек похвалил себя: когда он хвалит достоинства другого, при этом сам претендуя на то, чтобы обладать этими достоинствами. Замечания, затрагивающие личность других присутствующих людей, должны употребляться очень осторожно, ибо разговор должен быть как бы прогулкой по полю и не вести в дом какого-либо человека. Я знавал двух знатных людей из западной части Англии. Один из них был склонен к иронии, но всегда по-королевски угощал в своем доме. Второй спрашивал кого-либо из тех, кто был за его столом: «Скажите правду, неужели не было ни одной насмешки и колкости?» На что гость обычно отвечал: «Произошло то-то и то-то». Тогда лорд говорил: «Я так и думал, что он испортит хороший обед».

Осторожность в речи значит больше, чем красноречие; а умение говорить должным образом с тем, с кем мы имеем дело, значит больше, чем умение говорить хорошо и стройно.

Беспрерывная речь, даже хорошая, при отсутствии способности к находчивому диалогу указывает на медлительность ума; а хороший ответ собеседника в диалоге без умения сначала последовательно и глубоко излагать свои мысли указывает на поверхностность и слабость суждений. Так мы наблюдаем и у животных, что те, кто слабее всех в беге, самые проворные на повороте; в этом различие между борзой и зайцем. Давать слишком много подробностей перед тем, как приступить к делу, значит утомлять слушателей; не давать их вовсе, значит поступать резко.

XXXIII. О колониях [155]

Колонии принадлежат к числу предприятий древних, изначальных и героических. Когда мир был молод, он плодил больше детей; теперь, состарившись, он плодит меньше [156]; ибо колонии можно поистине считать детищами старых государств. Мне более по душе поселение на безлюдных пространствах, где нет надобности сгонять с земли одних, чтобы поселить других. Иначе мы имеем, скорее, выселение, чем поселение.

Колонизация стран подобна насаждению лесов, ибо при этом приходится отказаться от прибылей лет на двадцать и пожать плоды трудов своих лишь спустя долгое время. Самым пагубным для большей части колоний было низкое и алчное стремление извлекать из них барыши с первых же лет. Разумеется, что и скорой прибылью пренебрегать не годится, но лишь поскольку она совместима с благом колонии, не более.

Постыдно и греховно заселять колонию отбросами общества и преступниками; это и для колонии пагубно, ибо подобные люди остаются негодяями и вместо работы предаются лености и бесчинствам, поглощают припасы, а вскоре, наскучив всем этим, сообщают на родину ложные вести, порочащие колонию. Населять колонию надлежит садоводами, пахарями, кузнецами, плотниками, столярами, рыбаками, охотниками, а к ним добавить врачей, поваров и пекарей.

При основании колонии удостоверьтесь прежде всего, какими природными продуктами она изобилует, как-то:

каштаны, орехи, ананасы, оливки, финики, сливы, вишни, дикий мед и тому подобное. Затем прикиньте, какие быстрорастущие овощи и злаки можно вырастить за один год, как, например: пастернак, репа, морковь, лук, редис, земляная груша, маис и др. Что касается пшеницы, ячменя и овса, то они требуют чересчур много труда; а вот бобы и горох можно для начала посеять, ибо ухода им надобно меньше, а сытностью они не уступают хлебу и мясу. Питателен также рис, дающий к тому же обильные урожаи.

Но прежде всего надлежит ввезти запас сухарей, овсяной крупы, муки и прочего, чтобы хватило до нового хлеба. Из животных и птиц берите больше таких пород, которые не подвержены болезням и быстро плодятся, как-то: свиньи, козы, петухи, куры, индюшки, гуси, голуби и др. Расходовать припасы в колониях следует осмотрительно, почти как в осажденном городе. И пусть бóльшая часть земель под огородами и хлебами, кроме участков, отведенных в личное пользование, будет в общинном пользовании, а урожай с них собирается в общественный склад, чтобы потом равномерно распределяться.

Поразмыслите также, какие из местных продуктов могут быть предметом торговли и давать прибыль, дабы сколько-нибудь окупить первоначальные расходы; но только (как уже было сказано) без ущерба для главного дела, как это было в Виргинии с табаком [157]. Лес обычно имеется, и даже в избытке; пусть он и будет одной из доходных статей. Если есть железная руда и потоки, пригодные для водяных колес, то при обилии леса выгодно добывать железо. Хорошо также выпаривать соль, если этому благоприятствует климат. Выгодно производство растительного шелка (growing silk), где таковой имеется. В местах, изобилующих сосной и елью, верную прибыль сулит добывание смолы и вара. Весьма прибыльны лекарственные и благовонные растения, а также сода и многие другие предметы. Не следует только чересчур много рыться в земле, ибо рудничные предприятия не сулят верной прибыли, а между тем заставляют колонистов пренебрегать другими делами.

Что до управления, то пусть оно будет в руках одного человека, а при нем чтобы был совет; и пусть управление будет военным, хотя и с некоторыми ограничениями. И пусть пребывание в пустыне прежде всего послужит обращению помыслов человеческих к богу. Пусть прави-

тель колонии не подчиняется чрезмерно большому числу советников и предпринимателей в метрополии, а лишь ограниченному числу, и скорее знатным и дворянам, нежели купцам, ибо эти последние заботятся более всего о немедленных барышах. Пусть колония торгует беспошлинно, пока не окрепнет, и даже более того: пусть свободно вывозит свои товары куда ей выгодно, разве только будут особые причины ограничить ее в этом.

Не обременяйте колонии, засылая беспрерывно одну партию поселенцев за другой; узнавайте, какова там убыль, и посылайте пополнение в меру надобности, так чтобы поселенцы жили привольно и не терпели ни в чем нужды вследствие тесноты. Случалось, что поселения гибли от того, что их основывали по берегу моря и рек, в местах топких и нездоровых. Поэтому, если и селиться там для начала ради удобства перевозок, то распространяться затем надлежит в глубь страны, но не вдоль рек. Для здоровья поселенцев важно также иметь достаточный запас соли, дабы употреблять ее в пищу сколько необходимо.

Если поблизости есть туземцы, то недостаточно одаривать их побрякушками; надобно обходиться с ними справедливо и приветливо, соблюдая, однако, должную осторожность. Не стремитесь приобрести их расположение, помогая им завоевывать земли врагов, но единственно лишь защищая их; и почаще посылайте их в метрополию, чтобы они наблюдали там порядки, более совершенные, чем их собственные, а вернувшись, хвалили их. Когда поселение окрепнет, пора поселять там женщин, а не одних лишь мужчин — дабы поселенцы могли множиться, а не пополняться беспрестанно извне. И нет тяжелее греха, как кинуть на волю судеб однажды основанную колонию; не говоря уже о бесчестии, это означает верную гибель многих невинных.

XXXIV. О богатстве

Не могу назвать богатство иначе как обузой добродетели. А еще более подходит ему латинское слово «impedimenta» [158]. Ибо богатство для добродетели то же, что обоз для армии: без него не обойтись, нельзя также и бросить его, но он затрудняет движение, а забота о нем стоит подчас победы.

В большом богатстве нет иной пользы, кроме возможности раздавать его; остальное же все — суета. Как

говорит Соломон: «Умножается имущество, умножаются и потребляющие его; и какое благо для владеющего им — разве только смотреть своими глазами» [159]. Никто не может из больших богатств извлечь много для себя лично. Можно быть их хранителем, можно раздавать их, можно тщеславно ослеплять ими, но в чем истинная польза их для самого владельца? А дутые цены на камушки и редкости или пышные здания, возводимые напоказ,— разве не для того все это, чтобы найти большим богатствам хоть какое-то применение? Вы скажете, что они могут пригодиться на то, чтобы выручить людей из беды или опасности. Говорит же Соломон: «Имение богатого — крепкий город его и как высокая ограда в его воображении» [160]. Но недаром сказано, что это в воображении, а отнюдь не всегда на деле, ибо большое богатство гораздо чаще губит, нежели выручает.

Не стремись к чванным богатствам, но лишь к таким, какие можешь приобрести честно, тратить благоразумно, раздавать от души и оставить без сожалений. И все же не питай к ним философского или монашеского презрения. Умей различать тех, кто, как Рабирий Постум, по удачному выражению Цицерона, «in studio rei amplificandae apparebat non avaritiae praedam, sed instrumentum bonitati quaeri» [161]. Прислушайся также к словам Соломона и остерегайся поспешного накопления: «Qui festinat ad divitias non erit insons» [162]. Поэты сочинили, будто Плутос (т. е. богатство) хром и медлителен, когда его посылает Юпитер, но быстроног, когда послан Плутоном. Это означает, что богатство, добытое правыми путями и честным трудом, приходит медленно; а когда достается с чьей-нибудь смертью (по наследству, завещанию и тому подобное), то сваливается внезапно. Но можно также толковать Плутона как дьявола, ибо, когда богатство достается от дьявола (мошенничеством, вымогательством и всякими неправыми путями), оно летит как на крыльях.

Способов обогатиться существует много, и большей частью гнусных. Из них скупость является одним из лучших; но и этот способ нельзя считать невинным, ибо он препятствует щедротам и милосердию. Наиболее естественный путь к богатству лежит через увеличение плодородия почвы, ибо это есть дар земли, великой матери нашей; но это способ медленный. И все же, когда люди с большими капиталами берутся за сельское хозяйство, это весьма умножает их богатства. Я знавал в Англии вельможу, имевшего больше доходов, чем любой из моих

современников: были у него и пастбища, и овцы, и лес, и зерно, и каменноугольные копи, и свинцовые и железные рудники, и еще многое другое. Земля была для него словно океаном, откуда вылавливал он все новые ценности. И правильно заметил некто, что нажить малые деньги ему было трудно, а большие — легко. Ибо, когда у человека запасено столько, что он может дожидаться самой высокой цены, заключать такие крупные сделки, которые не многим под силу, и пользоваться плодами усердия более мелких дельцов, он непременно богатеет все более.

Обычный доход от торговли и ремесла есть доход честный, приумножаемый двумя путями: прилежным трудом и славой честного дельца. Более сомнительны барыши от выгодных сделок: когда пользуются чужим несчастьем, действуют через подставных лиц, хитростью отделываются от менее выгодных покупателей или пускаются на другие бесчестные проделки. Что касается посредничества, когда товар покупается не для себя, а для перепродажи, то здесь обычно наживаются и на продавце, и на покупателе. Хорошим средством обогащения являются товарищества, если иметь дело с людьми надежными. Ростовщичество есть наиболее верный способ разбогатеть, но один из гнуснейших, ибо ростовщик ест свой хлеб «in sudore vultus alieni» [163] и к тому же не соблюдает дня субботнего. Однако, как ни надежен этот путь, все же и на нем есть свои тернии, ибо посредники ради собственной выгоды могут поручиться за людей несостоятельных.

Кому выпадет счастье опередить других в каком-нибудь изобретении или привилегии, может иной раз нажить несметные богатства, как это было с первым, кто стал добывать сахар на Канарских островах. Так что, если человек окажется подлинно искусным в логике и проявляет как здравое суждение, так и изобретательность, ему суждены большие дела, особенно когда времена этому благоприятствуют. Кто ищет одних лишь верных прибылей, навряд ли станет очень богат; а кто вкладывает все имущество в рискованные предприятия, зачастую разоряется и впадает в нищету; поэтому надлежит сочетать риск с известным обеспечением на случай убытков. Верным путем к обогащению являются также монополии и исключительное право скупки товара, когда они ничем не ограничены, особенно если располагать сведениями насчет будущего спроса и запастись этим товаром заранее.

Богатство, приобретенное службой, хотя и наиболее почетно, все же, когда добыто лестью, угождением и иными рабскими услугами, может быть причислено и к наиболее постыдным. Что же касается охоты за завещаниями и должностью душеприказчика, как это делал Сенека, по словам Тацита: «Testamenta et orbos tanquam indagine capi» [164], это и того хуже, ибо тут приходится угождать более недостойным людям, нежели при исполнении службы.

Не слишком верь тем, кто заявляет о своем презрении к богатству, ибо презирают его те, кто отчаялся его добыть; и нет их хуже, когда случится им вдруг разбогатеть. Не будь копеечником. У богатства есть крылья: иногда оно улетает само; иногда же приходится пустить его в далекий полет, чтобы оно привлекло еще большее богатство. Оставляют богатство либо родичам, либо обществу; в обоих случаях умеренные доли больше идут впрок. Наследник, получивший большое состояние,— приманка для всех окрестных хищников, если только он годами и разумом не является более обычного зрелым. Точно так же роскошные дары и пожертвования обществу подобны жертвоприношениям без соли или гробам повапленным, в которых даяние скоро обращается в прах и тлен. Поэтому меряй дары свои не количественной мерой, но сообразуй с надобностью; и не откладывай даяний до смертного часа, ибо, если поразмыслить, человек, поступающий так, щедр уже более за чужой счет, нежели за собственный.

XXXV. О пророчествах

Здесь я намерен говорить не о божественных прорицаниях; не об оракулах язычников; и не о прогнозах, касающихся явлений природы; но именно о пророчествах, хорошо всем памятных и, однако ж, необъяснимых.

Так, пророчица говорит Саулу: «Завтра ты и сын твой будут со мною» [165]. У Гомера мы находим следующие стихи:

At domus Aeneae cunctis dominabitur oris,
Et nati natorum, et qui nascentur ab illis [166].

Что, по-видимому, является пророчеством об образовании Римской империи. В трагедиях Сенеки встречаются стихи.

...Venient annis
Saecula seris, quibus Oceanus

Vincula rerum laxet, et ingens
Pateat Tellus, Tiphysque novos
Detegat orbes; nec sit terris
Ultima Thule... [167]

Здесь предсказано открытие Америки. Дочь Поликрата увидела во сне, будто отца ее омывал Юпитер и осушал Аполлон; так и случилось: он был распят на открытом месте, где тело его, выставленное на солнце, обливалось потом и обмывалось дождями. Филипп Македонский увидел во сне, что запечатал печатью чрево жены своей, и истолковал это как пророчество об ее бесплодии, но гадатель Аристандр сказал ему, что, напротив, жена его беременна, ибо порожних сосудов не запечатывают. Тень, явившаяся Бруту в его палатке, провещала ему: «Philippis iterum me videbis» [168]. Тиберий говорил Гальбе: «Tu quoque, Galba, degustabis imperium» [169]. Во времена Веспасиана на Востоке было в ходу пророчество о том, что владычество над миром достанется выходцу из Иудеи. Тацит отнес это к Веспасиану, хотя это может быть пророчеством и о Спасителе [170]. Домициану в ночь накануне его убийства привиделось, будто на шее его выросла золотая голова; и действительно, эпоха его наследников была золотым веком. Генрих VI Английский как-то сказал о Генрихе VII, когда тот, будучи еще мальчиком, подал ему воды: «Этому мальчику достанется корона, за которую мы боремся» [171]. В бытность мою во Франции я слышал от некоего доктора Пэна, что королева-мать, верившая в астрологию, приказала под вымышленным именем составить гороскоп короля, своего супруга, а астролог [172] заключил из него, что он будет убит на дуэли. Этому королева много смеялась, полагая, что высокое положение ее супруга ограждает его от дуэлей; и все же он был убит на турнире обломками копья графа Монтгомери, которые вонзились ему под забрало. Во времена моего детства, когда королева Елизавета была в расцвете лет, в большом ходу было следующее предсказание:

Как выйдет вся пенька,
Так и Англии конец

Это толковали так: после царствования государей, у которых начальные буквы имен составляют слово «пенька» [173], в Англии настанет величайшая смута; однако, благодарение богу, дело ограничилось изменением в титуле короля, который именуется ныне королем не Англии,

а Великобритании. Перед 88-м годом ходило еще одно пророчество, не вполне мне понятное:

Будет день, и беда к нам придет:
Между Бау и Мэй подойдет
Черный Норвегии флот.
Но когда он воротится вспять,
Будешь, Англия, прочно стоять,
Не придется вовек воевать.

Это почиталось за предсказание об испанском флоте, приплывшем в 88-м году [174], ибо король испанский носит, как говорят, прозвище «Норвегия». Пророчество Региомонтана «Octogesimus octavus mirabilis annus» [175] также считалось сбывшимся, когда явился к нам этот огромный флот, если не численностью, то мощью превосходивший все когда-либо посылавшиеся в моря. Что касается до сна Клеона, то я его считаю шуткой [176]. Ему приснилось, будто его пожирает предлинный дракон; на этом основании он получил прозвище Колбаспик, что причинило ему величайшее огорчение.

Число подобных пророчеств весьма велико, особенно если добавить сюда сны и предсказания астрологов. Я здесь указал для примера лишь некоторые из известнейших. По моему мнению, все они заслуживают презрения и годятся разве вместо сказок, какими коротают зимний вечер у очага. Впрочем, советуя презирать их, я хочу только сказать, что они не заслуживают веры; но появлением их и распространением пренебрегать нельзя, ибо они причиняют много вреда; и существует немало законов, которыми они строго караются [177]. А причин их распространения можно указать три. Во-первых, людям свойственно замечать лишь те предсказания, которые сбываются; так же бывает у них и со снами. Во-вторых, смутные предания или догадки подчас облекаются в форму пророчеств, ибо человеку свойственно стремление предугадывать будущее и, следовательно, умозаключения обращать в предсказания. Так было со стихами Сенеки. Ведь тогда уже было известно, что земная поверхность простирается далеко за Атлантику, а значит, там может быть и суша. Вспомним также предание, рассказанное Платоном в «Тимее», и его «Атлантик» [178]; все это могло побудить поэта обратить эти сведения в предсказание. Последняя и главная причина состоит в том, что почти все эти бесчисленные пророчества суть не что иное, как обман, порождения праздных или лукавых умов, сочиненные уже после события.

XXXVI. О честолюбии

Честолюбие подобно желчи; присутствие этой влаги способствует в людях живости, проворству и рвению в делах, если не преграждать ей выхода. В противном случае она перегорает, обращаясь в губительный яд. Так же точно и с честолюбцами: если путь перед ними открыт, они заняты делом и не опасны; но, встретив преграду своим стремлениям, преисполняются тайного недовольства, со злобой взирают на все и вся, особенно радуются, когда что-либо движется вспять, а это — худшее качество для слуги государя или государства. Поэтому государям, если имеют на службе у себя честолюбцев, следует стараться, чтобы они были на стороне прогресса, а не застоя; а раз это неизбежно сопряжено с трудностями, то лучше и вовсе таких людей не брать. Ибо если они не смогут возвыситься на своей службе, то приложат старания, чтобы службу принизить вместе с собой.

Но коль скоро мы сказали, что не следует прибегать к услугам честолюбцев, кроме как в случае необходимости, надлежит указать, в каких именно случаях они необходимы. Так, например, нельзя обойтись без даровитых полководцев, как бы ни были они честолюбивы, ибо заслуги их искупают все прочее; к тому же без честолюбия воин все равно что без шпор. Велика также польза честолюбца, когда государю надо заслониться от опасности или зависти; ведь на такую роль никто не отважится, если не подобен ослепленной птице [179], которая взлетает все выше и выше потому, что не видит ничего вокруг себя. Честолюбцы могут пригодиться и тогда, когда требуется сокрушить мощь какого-либо подданного, чрезмерно возвысившегося; так, Макрон пригодился Тиберию для расправы над Сеяном [180].

Поскольку в указанных случаях приходится пользоваться честолюбцами, остается сказать, каким образом держать их в узде, дабы сделать менее опасными. Честолюбцы менее опасны, если они низкого происхождения, а не знатного; если они сурового нрава, а не приветливы и любимы народом и если возвысились недавно и не постигли еще всех хитрых способов укрепить свое положение. Иметь любимцев почитается некоторыми за признак слабости в государе, а между тем это наилучшее средство против мощных честолюбцев. Ибо, когда милость и немилость находятся в руках любимца, невозможно никому другому чрезмерно возвыситься. Есть и еще средство

обуздывать их, а именно противопоставить им других, столь же надменных. Но тогда для равновесия необходим еще советник-посредник, ибо без такого балласта корабль подвергнется чересчур сильной качке. Наконец, государь может держать наготове нескольких человек менее крупного калибра, чтобы при случае натравить их на честолюбцев.

А если держать честолюбцев под угрозой опалы, оно, быть может, и неплохо для тех, кто робкого нрава, но тех, кто поотважнее, заставит поспешить с их замыслами и может оказаться опасным. А если интересы дела требуют их сокрушить, но сделать это внезапно было бы неосторожностью, остается одно: непрерывно чередовать милости и немилости, чтобы они не знали, чего ожидать, и были словно в лесу. В честолюбии безвреднее тот вид его, который состоит в стремлении побеждать в больших делах, а не в попытках всюду поспеть, ибо это рождает путаницу и портит дело. И все же пусть лучше честолюбец набирает себе много дела, чем много сторонников. Кто стремится занять почетное место среди людей способных, ставит себе трудную задачу; но это всегда на благо обществу. А вот кто замышляет быть единственной фигурой среди пешек — тот позор для своего времени.

Высокие почести заключают в себе три блага: возможность делать добро, близость к государю и важным особам и собственное возвышение. Кто в честолюбивых устремлениях своих преследует лучшую из этих целей, тот честный человек; а кто из государей умеет эти цели распознать, тот мудрый государь. Вообще же государям и правителям надлежит избирать себе в министры тех, кто помышляет более о долге, чем о возвышении, и дело свое любит от души, а не напоказ; а также отличать суетливость от подлинного рвения.

XXXVII. О масках и триумфах [181]

Предметы, о которых пойдет речь, представляются лишь игрушками среди серьезных наблюдений. Однако, поскольку государи желают иметь их, лучше, если они изящно будут украшены, чем с бо́льшими затратами размалеваны. Танец под пение весьма торжествен и доставляет удовольствие. Насколько мне известно, пение должно осуществляться хором, расположенным на возвышении, и сопровождаться какой-либо струнной музыкой, а слова песнопения должны подходить к сюжету. Игра актеров во время пения, особенно в диалогах, производит

чрезвычайно благоприятное впечатление; я говорю игра, а не танец (ибо это низко и вульгарно); и голоса диалога должны быть сильными и мужественными (бас и тенор, без дисканта); и слова — возвышенными и трагическими, а не чувствительными и утонченными. Несколько хоров, расположенных один против другого и вступающих в пение с перерывами, как при исполнении гимнов, доставляют огромное удовольствие. Превращение танцев в фигуру есть детская забава. И вообще заметьте, здесь я излагаю такие вещи, в которых, естественно, есть смысл, а не те, которые вызывают лишь легкое удивление. Верно, что перемены сцен, если они происходят спокойно и без шума, очень красивы и доставляют большое удовольствие, ибо они дают пищу глазам и в то же время снимают с них усталость, освобождая от созерцания одних и тех же предметов. Сцены должны быть обильно залиты светом, окрашенным в различные, специально подобранные и меняющиеся цвета; и пусть участники маски или другие лица, которые будут сходить со сцены, делают на ней определенные движения, прежде чем сойти вниз, ибо это необыкновенно привлекает зрение и заставляет его с удовольствием стремиться разглядеть то, что оно не может отчетливо различить. Пение должно быть громким и бодрым, а не похожим на щебетание или писк. Музыка также должна быть отчетливой и громкой и располагающей. При свечах лучше всего смотрятся белый и алый цвета и так называемый цвет морской волны, а также блестки, ибо, хотя они стоят недорого, смотрятся лучше многого другого. Что касается богатой вышивки, то она теряется и ее почти незаметно. Костюмы участников должны быть элегантны и им к лицу, даже когда сняты маски: они не должны следовать известным образцам одежды; не надо одеваться турками, солдатами, матросами и т. п. Антимаски не должны быть слишком длинными; обычно они включают глупцов, сатиров, обезьян, дикарей, шутов, диких зверей, эльфов, ведьм, эфиопов, пигмеев, турок, нимф, простаков селян, купидонов, движущиеся статуи и тому подобное. Что касается ангелов, то представлять их как антимаску не достаточно смешно; и, с другой стороны, все, что отвратительно, также не подходит для нее, например черти и великаны. Но главное, пусть музыка их будет развлекательной и с несколько необычными переходами. Если во время представления неожиданно возникнут приятные запахи, но не будут падать капли, то это доставит вспотевшей и запарившейся компании большое

удовольствие и освежит ее. Двойные (double) маски — одни мужские, другие дамские — увеличивают пышность и разнообразие. Но все это ничто, если залу не содержат в чистоте и опрятности.

Что касается турниров конных и пеших, с барьерами и без них, то главная их красота заключается в колесницах, в которых соперники выезжают на арену, особенно если их везут какие-либо необыкновенные животные, как львы, медведи, верблюды и тому подобное; или же в особой манере их появления; или в великолепии их одеяний; или же в красивой сбруе их лошадей и красивых доспехах. Но достаточно об этих игрушках.

XXXVIII. О человеческой природе

Природа в человеке часто бывает сокрыта, иногда подавлена, но редко истреблена. Принуждение заставляет природу жестоко мстить за себя, поучения несколько смиряют ее порывы, но только привычка может ее переделать и покорить.

Кто стремится победить в себе природу, пусть не ставит себе ни чрезмерно трудных, ни слишком легких задач, ибо в первом случае будет удручен частыми неудачами, а во втором — слишком мало сделает успехов, хотя побеждать будет часто. И пусть вначале облегчает себе дело, подобно пловцу, прибегающему к пузырям или камышовым связкам; а немного погодя пусть ставит себя, напротив, в трудные условия, как делают танцоры, упражняясь в тяжелых башмаках. Ибо для полного совершенства надо, чтобы подготовка была труднее самого дела.

Где природа могущественна и победа, следовательно, трудна, первым шагом к ней должно быть умение вовремя обуздать свой порыв: так, некоторые, желая остудить гнев, повторяют про себя азбуку; затем следует себя ограничить: так, отучаясь от вина, переходят от заздравных кубков к одному глотку за едой; а там и совсем оставить свою привычку. Но если хватает у человека стойкости и решимости покончить с ней разом, это всего лучше:

Optimus ille animi vindex, laedentia pectus
Vincula qui rupit, dedoluitque semel [182].

Может пригодиться и старое правило: гнуть природу в противную сторону, чтобы тем самым выпрямить; но это лишь тогда, разумеется, когда противоположная крайность не будет пороком.

Пусть никто не понуждает себя к чему-либо беспрерывно, но дает себе передышку. Ибо она позволяет набраться сил для новых попыток; а кроме того, если человек, не утвердившись еще в новых правилах, беспрестанно себя упражняет, он заодно с хорошими упражняет и дурные свои свойства, укрепляя в себе к ним привычку; и помочь тут можно лишь своевременной передышкой. И пусть никто не верит вполне победе над своей природой, ибо природа может долгое время не давать о себе знать и вновь ожить при случае или соблазне. Так было с Эзоповой девицей, превращенной из кошки в женщину: уж на что она чинно сидела за столом, пока не пробежала мимо нее мышь [183]. А потому пусть человек либо вовсе избегает соблазна, либо почаще ему подвергается, дабы стать к нему нечувствительным.

Природу человека всего легче обнаружить в уединении, ибо тут он сбрасывает с себя все показное; в порыве страсти, ибо тогда забывает он свои правила; а также в новых обстоятельствах, ибо здесь покидает его сила привычки.

Счастливы те, чья природа находится в согласии с их занятиями; иначе они могут сказать: «Multum incola fuit anima mea» [184], когда вынуждены заниматься вещами, к которым не питают склонности. Занимаясь науками, пусть человек назначает часы тому, к чему себя понуждает; а для того, что согласно с его природой, пусть не заботится отводить особое время, ибо мысли его и сами будут к этому обращаться, насколько позволят другие дела и занятия.

В каждом человеке природа всходит либо злаками, либо сорной травой; пусть же он своевременно поливает первые и истребляет вторую.

XXXIX. О привычке и воспитании

Люди думают сообразно природным наклонностям, говорят сообразно познаниям и внушенным мнениям, но поступают они сообразно привычке. Поэтому верно замечает Макиавелли (хоть и гнусный выбирает при этом пример), что нельзя доверять ни силе природы, ни силе красноречия, если к ним не присоединяется еще и привычка. А пример его состоит в том, что для успеха кровавого заговора не следует полагаться ни на врожденную свирепость, ни на выражения решимости, но выбирать непременно такого, кто уже однажды обагрил свои руки

кровью[185]. Правда, Макиавелли не знал ни брата Клемана, ни Равальяка, ни Жореги, ни Балтазара Жирара[186]; и все же его правило остается в силе: ни природа, ни словесные обязательства не имеют той силы, что привычка. Но только суеверие сделало ныне такие успехи, что и новички выказывают не меньшую твердость, чем закоренелый убийца; и даже в кровавом деле обет сделался равносилен привычке. Во всем прочем привычка царит повсеместно, так что диву даешься, слыша, как люди уверяют, заверяют, обязуются, громко клянутся, а затем поступают точно так же, как и раньше, словно все они мертвые истуканы, приводимые в движение одним лишь механизмом привычки.

Хорошо известно также, к чему ведет тирания обычая[187]. Индийцы (я разумею здесь касту их мудрецов), обрекши себя в жертву, спокойно восходят на костер, и даже жены их стремятся быть сожженными вместе с телами мужей. Юноши древней Спарты, не дрогнув, подвергали себя бичеванию на алтаре Дианы. Помнится, в начале царствования Елизаветы Английской один осужденный ирландский мятежник просил наместника, чтобы его удавили не веревкой, но ивовой лозой, ибо так именно поступали с мятежниками прежде. А в России бывает, что монахи из покаяния просиживают всю ночь в бочке с водой, покуда совсем не обледенеют[188]. Можно привести еще множество примеров всесильной власти привычки и обычая над телами и душами. И коль скоро обычай является главным правителем человеческой жизни, то и надлежит все силы устремить к установлению хороших обычаев.

Привычка всего прочнее, когда берет начало в юные годы; это и называем мы воспитанием, которое есть в сущности не что иное, как рано сложившиеся привычки. Смолоду и язык при обучении чужим наречиям послушнее воспроизводит звуки, и суставы гибче в движениях и упражнениях. А запоздалый ученик уже не может всего перенять, если только не принадлежит к тем умам, которые не поддались окостенению, но сохранили восприимчивость и готовность совершенствоваться; что встречается крайне редко.

Но если такова сила привычки у отдельных людей, еще гораздо могущественнее сила обычая среди людских масс. Ведь тут человека наставляет пример, ободряют товарищи, побуждает соревнование и награждает одобрение; так что сила обычая имеет здесь наиболее благопри-

ятные для себя условия. Конечно, умножение добродетели в человеческой натуре зависит от хорошего устройства общества. Ибо республики и хорошие правительства лелеют добродетель уже созревшую, не оказывая заметного воздействия на ее семена. Но в том-то и беда, что наиболее действенные средства направлены в наши дни к целям, наименее желательным.

XL. О счастье

Нельзя отрицать того, что внешние обстоятельства во многом способствуют счастью человека: фавор, благоприятная возможность, смерть других, случай, способствующий добродетели. Но главным образом судьба человека находится в его собственных руках. «Faber quisque fortunae suae» [189],— сказал поэт. Наиболее же частой внешней причиной счастья одного человека является глупость другого, ибо нет другого такого способа внезапно преуспеть, как воспользовавшись ошибками других людей. «Serpens nisi serpentem comederit non fit draco» [190]. Открытые и очевидные достоинства вызывают похвалу; но есть тайные и скрытые достоинства, приносящие счастье,— определенные проявления человеческой натуры, которые не имеют названия. Отчасти они выражаются испанским словом «desinvoltura», т. е. когда в натуре человека нет упрямства или своенравия и проявления его духа следуют за поворотами колеса фортуны. Так, Ливий, описав Катона Старшего следующими словами: «In illo viro tantum robur corporis et animi fuit, ut quocunque loco natus esset, fortunam sibi facturus videretur», отметил, что он имел «versatile ingenium» [191]. Поэтому, если человек посмотрит пристально и внимательно, то он увидит Фортуну; ибо хотя сама она и слепа, однако не является невидимой. Дорога Фортуны подобна Млечному пути в небе, который есть собрание или средоточение множества мелких звезд, не видимых поодиночке, но дающих свет, когда они собраны воедино. Таковы же незначительные и едва различимые свойства или, скорее, способности и нравы, которые делают людей счастливыми. Итальянцы отмечают среди них и такие, которые вряд ли придут в голову. Когда они говорят о ком-либо, кто не может ошибиться, то к его прочим качествам они обязательно добавят, что у него есть «poccо di matto» [192]. И конечно, не может быть двух более счастливых свойств, чем быть немножко глупым и не слишком честным. Поэтому-то те, кто чрезвычайно

любит свою страну или своих господ, никогда не были счастливы; они и не могут быть таковыми. Ибо когда человек устремляет свои мысли на что-либо лежащее вне его, он уже не волен идти своим собственным путем.

Скороспелое счастье делает предприимчивым и неугомонным (у французов есть более подходящие слова «entreprenant» или «remuant»); испытанное счастье делает опытным и умелым. Счастье надо уважать и почитать хотя бы из-за двух его дочерей — уверенности и репутации. Ведь обе они порождают удовлетворение: первая — в самом человеке; вторая — в других по отношению к нему. Все мудрые люди, чтобы отвести зависть к своим успехам, достигнутым благодаря их добродетелям, обычно приписывают эти успехи Провидению и Судьбе, ибо они таким образом могут спокойнее пользоваться своим счастьем и, кроме того, это признак величия человека, если о нем заботятся высшие силы. Поэтому Цезарь сказал своему проводнику в бурю: «Caesarum portas et Fortunam eius» [193]. Поэтому Сулла выбрал имя Felix, а не Magnus [194]. Было также замечено, что те, кто открыто приписывают слишком многое своей собственной мудрости и прозорливости, плохо кончают. Передают, что Тимофей Афинский, рассказывая народному собранию о результатах своего правления, часто вставлял в свою речь слова: «И к этому Фортуна не была причастна»; и после этого, чтобы он ни предпринимал, он никогда больше ни в чем не преуспевал. Конечно, есть и такие люди, судьбы которых подобны стихам Гомера, которые более гладки и легки, чем стихи других поэтов, как, к примеру, Плутарх говорил о судьбе Тимолеонта, противопоставляя ее судьбе Агесилая или Эпаминонда [195]. Но что бы там ни говорили, несомненно, многое здесь зависит от самого человека.

XLI. О ростовщичестве

Много было сказано против ростовщичества. Говорили, что не подобает отдавать дьяволу божью долю, т. е. десятину. Что никто более ростовщика не нарушает дня субботнего, так как он работает и по праздникам. Что ростовщик и есть тот трутень, о котором сказано у Вергилия:

Ignavum fucos pecus a praesepibus arcent [196].

Что ростовщик нарушает первый закон, данный человечеству после грехопадения, а именно: «In sudore vultus

tui comedes panem tuum»,— но не «in sudore vultus alieni»[197]. Что ростовщику подобает желтый колпак, ибо он жидовствует. Что противоестественно, чтобы деньги рождали деньги; и тому подобное. Я же скажу только, что ростовщичество есть «concessum propter duritiem cordis»[198], ибо раз уж должны быть на свете заимодавцы и должники, а люди столь жестокосердны, что не хотят ссужать безвозмездно, то ростовщичество должно быть дозволено. Кое-кто предлагал хитроумные предосторожности по части банков, установления несостоятельности и тому подобного. Но мало кто говорил о ростовщичестве дельно. Нам следует поэтому обозреть дурные и хорошие его стороны, дабы взвесить и отделить хорошее, и действовать осмотрительно, чтобы, стремясь к лучшему, не прийти к худшему.

Дурные стороны ростовщичества следующие. Во-первых, то, что оно уменьшает число купцов. Не будь этого паразитического промысла, деньги не лежали бы втуне, а большей частью оплодотворяли торговлю, которая есть vena porta богатства страны. Во-вторых, ростовщичество обедняет купцов. Как у земледельца дела идут хуже, когда он платит большую аренду, так и у купца хуже идет торговля, если он занимает под большие проценты. Третье неудобство проистекает из первых двух и заключается в уменьшении доходов правительств и государей от таможенных пошлин, ибо доходы эти зависимы от торговли. Четвертое состоит в том, что богатства страны скопляются в немногих руках, ибо доходы ростовщика надежны, все же другие подвержены случайности, так что в конце игры большая часть денег остается в его кубышке; а между тем для процветания страны надобно более равномерное распределение богатств. Пятое неудобство состоит в том, что ростовщичество понижает цены на землю, ибо главное применение денег заключается в купле-продаже; ростовщичество же препятствует тому и другому. Шестым является застой во всех промыслах, нововведениях и изобретениях, куда притекали бы деньги, если бы не эта помеха. И наконец, ростовщичество является губительной язвой для множества частных состояний, а это со временем истощает и самое государство.

С другой стороны, ростовщичество имеет и свои выгоды. Во-первых, хотя оно кое в чем и затрудняет торговлю, зато в других отношениях благоприятствует ей, ибо известно, что торговля ведется большей частью молодыми купцами, которые берут взаймы под проценты; так

что, если ростовщик возьмет свои деньги назад или откажет в них, это может повести к застою в торговле. Во-вторых, не будь возможности легко занять под проценты, люди платились бы за свои траты разорением, ибо были бы вынуждены продавать имущество (как движимое, так и недвижимое) за бесценок; ростовщичество подтачивает их состояние исподволь, а тут они сразу пошли бы ко дну. Что до ипотек, то они мало помогают против этого зла, ибо ненужных закладов никто не возьмет, а ценные всякий захочет присвоить за неуплату. Помню одного жестокосердого богача, который всегда говорил: «Чорт бы побрал этих ростовщиков; они отбивают у нас все барыши от просроченных закладных». В-третьих, тщетно было бы искать охотников ссужать без процентов, а ограничение ссуд повлекло бы за собой неисчислимые неудобства. Вот почему все толки об уничтожении ростовщичества являются праздными. Всегда и всюду оно было — не в одном, так в другом виде. Так что с этим замыслом надо отправляться в Утопию.

Поговорим лучше о том, как удержать ростовщичество в должных границах, как устранить наносимый им ущерб и сохранить выгоды. Взвесив первые и вторые, мы убедимся, что необходимы две вещи. С одной стороны, следует подпилить зубы ростовщику, дабы ослабить его хватку; с другой — побудить денежных людей ссужать свои деньги купцам ради оживления торговли. А этого нельзя добиться, если не ввести двух различных ссудных процентов — меньшего и большего. Ибо, если установить единый низкий процент, это облегчит долю обычного должника, зато купцу трудно будет найти где занять денег. А между тем торговля, будучи делом наиболее прибыльным,— не то, что другие,— может выдержать более высокий ссудный процент.

Итак, чтобы достичь обеих целей, надлежит установить два процента. Один — доступный и общий для всех; другой — по особому разрешению, для некоторых лиц и только в главных торговых городах. Пусть общий процент будет снижен до пяти, пусть он будет повсеместно дозволен и государственными пошлинами не облагается. Это не даст иссякнуть кредиту, облегчит долю бесчисленных должников и немало повысит цены на землю, ибо земля, которая покупается за шестнадцать лет, приносит шесть со ста и даже несколько более, тогда как такая ссуда приносит всего пять. По той же причине это поощрит промышленность и выгодные усовершенствования,

так как многие скорее вложат деньги во что-либо подобное, нежели согласятся ссужать из пяти процентов, особенно привыкнув получать больше. Далее, пусть некоторым лицам будет дозволено ссужать известных купцов под больший процент, но с соблюдением следующих предосторожностей. Пусть и этот процент для купцов будет несколько ниже того, что им приходилось платить ранее, ибо тогда преобразование принесет облегчение всем должникам, будь то купец или кто другой. Пусть не будет банка и общей кассы, но пусть каждый сам распоряжается своими деньгами. Не то, чтобы я совсем не признавал банков, но их вряд ли будут терпеть, ибо доверия к ним нет. Пусть государство требует себе небольшую долю за предоставляемое разрешение, а остальное идет заимодавцу. Ибо, если процент будет снижен незначительно, это ничуть его не охладит. Кто раньше брал десять или девять процентов, тот скорее удовольствуется восемью, нежели вовсе откажется от ростовщичества и верным прибылям предпочтет неверные. Число таких разрешений нет надобности определять заранее; но выдавать их следует лишь в наиболее крупных торговых городах, ибо тогда они едва ли окажут действие на ссудный процент по всей стране; и разрешение взимать девять процентов не уничтожит общей нормы в пять процентов, ибо никто не станет одалживать своих денег далеко или в неизвестные руки.

Если кто возразит, что это явится как бы поощрением ростовщичества, которое сейчас в иных местах едва терпят, то мы ответим, что лучше умерить ростовщичество, признав его открыто, нежели дать ему полную волю, потворствуя ему втайне.

XLII. О юности и старости

Человек, молодой годами, может быть умудрен жизненным опытом, если он не терял времени даром. Но это случается редко. Вообще говоря, юность подобна первым пришедшим в голову мыслям, которые не так зрелы, как последующие. Ибо юность бывает не только в возрасте, но и в мыслях. И все же изобретательность у молодых людей более ярка, чем у стариков, идеи рождаются в их воображении с большей легкостью и как бы более вдохновенно. Натуры, обладающие огромным пылом и большими и бурными желаниями и страстями, не созрели для действий до тех пор, пока не перешли меридиан своих

лет. Так было с Юлием Цезарем и Септимием Севером. О последнем из них сказано: «Juventutem egit erroribus, imò furoribus, plenam» [199]. И все же он был, пожалуй, самым способным императором из всех. Но уравновешенные натуры могут хорошо проявить себя и в молодости, как это видно на примере Октавиана Августа, Козимо, герцога Флорентийского, Гастона де Фуа и др. С другой стороны, пыл, живость и пожилой возраст являются отличным сочетанием для ведения дел. Молодые люди более подходят для того, чтобы изобретать, чем выносить суждение; выполнять дело, чем советовать; выдвигать новые проекты, чем продолжать начатое дело. Ведь опыт старых правильно руководит ими в тех делах, которые попадают в его рамки, но в отношении новых явлений он вводит их в заблуждение. Ошибки молодых людей означают гибель всего дела; ошибки пожилых лишь означают, что можно было бы сделать больше или скорее.

Молодые люди, ведя свои дела и управляя ими, захватывают больше, чем могут удержать; будоражат больше, чем могут успокоить; несутся к цели, не обращая внимания на средства и желая достичь ее сразу, одним махом; слепо следуют каким-то нескольким принципам, на которые они случайно наткнулись; легкомысленно вводят новшества, которые влекут за собой непредвиденные неудобства; прибегают сразу к крайним мерам и — что усугубляет все их ошибки — не признают ошибок и не исправляют их; не идут на попятную, как нетренированная лошадь, которую не остановишь и не повернешь. Старики слишком много возражают, слишком долго советуются, слишком мало рискуют, слишком скоро раскаиваются и редко доводят дело до полной победы, а удовлетворяются средним успехом. Разумеется, в деле лучше всего сочетать достоинства обоих возрастов; это будет хорошо как для настоящего, ибо достоинства каждого возраста могут исправить недостатки другого, так и для будущего, ибо молодые могут учиться, пока еще работают пожилые люди; и наконец, такое сочетание было бы хорошо для внешних связей, ибо старики пользуются авторитетом, а молодежь — любовью и популярностью. Однако, что касается моральной стороны, то здесь, пожалуй, предпочтение будет отдано молодежи, старость же будет играть роль в политической стороне дела. Некий раввин, рассматривая библейское высказывание «Ваши юноши будут иметь видения, а ваши старики увидят лишь сны» [200], делает вывод, что юноши

ближе допускаются к богу, чем старики, поскольку видение — это более ясное откровение, чем сон. И разумеется, чем больше человек пьет от мира, тем больше он опьяняет его; и старость совершенствует, скорее, силы разума, чем добродетели воли и чувств. Есть такие, которые чрезмерно рано созревают для своих лет, и зрелость эта рано вянет. К ним относятся прежде всего те, у кого хрупкий ум, острие которого вскоре притупляется. Таким был Гермоген-риторик, книги которого чрезвычайно тонки и остроумны и который впоследствии поглупел. Во-вторых, те, у кого есть какие-либо естественные наклонности, которые более свойственны молодости, чем старости, как, например, плавная и цветистая речь, которая лучше подходит молодым, чем старикам. Так, Туллий говорит о Гортензии: «Idem manebat, neque idem decebat» [201]. В-третьих, те, которые с самого начала забираются слишком высоко и величественны более, чем позволяют им прожитые годы. Как, например, Сципион Африканский, о котором Ливий прямо сказал: «Ultima primis cedebant» [202].

XLIII. О красоте

Добродетель подобна драгоценному камню, который лучше всего выглядит в простой оправе; и конечно, добродетель лучше всего проявляется в человеке, который просто приятен, хотя и неизысканных свойств и который, скорее, держится с достоинством, чем красив на вид. Так же почти не наблюдается, чтобы очень красивые люди в других отношениях обладали большими достоинствами; как будто природа, выпуская их в свет, скорее, была озабочена тем, чтобы не допустить ошибки, а не тем, чтобы произвести совершенство. И поэтому они оказываются лишенными недостатков, но не обладают возвышенностью духа и заботятся, скорее, о манерах, чем о добродетели. Но это не всегда справедливо: ведь Август Цезарь, Тит Веспасиан, Филипп Красивый Французский, Эдуард IV Английский, Алкивиад Афинский, Исмаил, шах персидский — все они обладали возвышенным и величественным духом и тем не менее были самыми красивыми людьми своего времени. Что касается самой красоты, то миловидность ставится выше яркости, а красота и грациозность в движениях — выше миловидности.

Эта лучшая часть красоты не может быть выражена в портрете: он не может передать и красоту живого лица,

даже в первых проблесках жизни. Не существует такой совершенной красоты, у которой не было бы какой-либо необычности в пропорции. Нельзя сказать, кто был более безумен, Апеллес или Альбрехт Дюрер, из которых один создавал образы с помощью геометрических пропорций, а другой — беря лучшие черты у разных лиц и составляя из них одно совершенное[203]. Я думаю, что такие портреты никому не доставят удовольствия, кроме художника, который их нарисовал. Не то, чтобы я полагал, что художник не может нарисовать лицо более красивое, чем когда-либо существовавшее в реальной жизни; но тогда ему должна придти на помощь своего рода удача (как к музыканту, создающему арию), а не установленные правила. Часто можно наблюдать лица, черты которых, если рассматривать их одну за другой, не красивы, однако все вместе приятны на вид. Если справедливо, что основную часть красоты составляет изящество движений, то, разумеется, неудивительно, что люди в годах кажутся во много раз приятнее, чем молодые, «pulchrorum autumnus pulcher»[204]; ведь юные не могут держать себя так грациозно, как люди в годах, если только не считать, что это возмещается молодостью и заслуживает снисходительного отношения. Красота подобна летним плодам, которые легко портятся и не могут долго сохраняться; и по большей части она делает молодость беспутной, а в старости за это приходится раскаиваться. Но так же верно и то, что если красота такова, какой ей дóлжно быть, то она заставляет добродетель сиять, а пороки краснеть.

XLIV. Об уродстве

Уродливые люди обычно сводят счеты с природой; так как природа причинила им зло, то и они, будучи по большей части (как говорит Священное писание) «обойдены любовью», мстят природе. Разумеется, между телом и духом имеется определенное соответствие, и, где природа ошиблась в одном, она рискует ошибиться и в другом: «Ubi peccat in uno, periclitatur in altero». Но поскольку у человека есть право выбора в отношении склада его души, который не зависит от устройства его тела, то иногда звезды природной склонности затмеваются солнцем дисциплины и добродетели. Поэтому уродство лучше считать не признаком злой природы, ибо это может ввести в заблуждение, а причиной злого нрава, которая редко не имеет последствий. Если у кого-либо есть

Essays. 1597. 8vo.

Eſſayes.

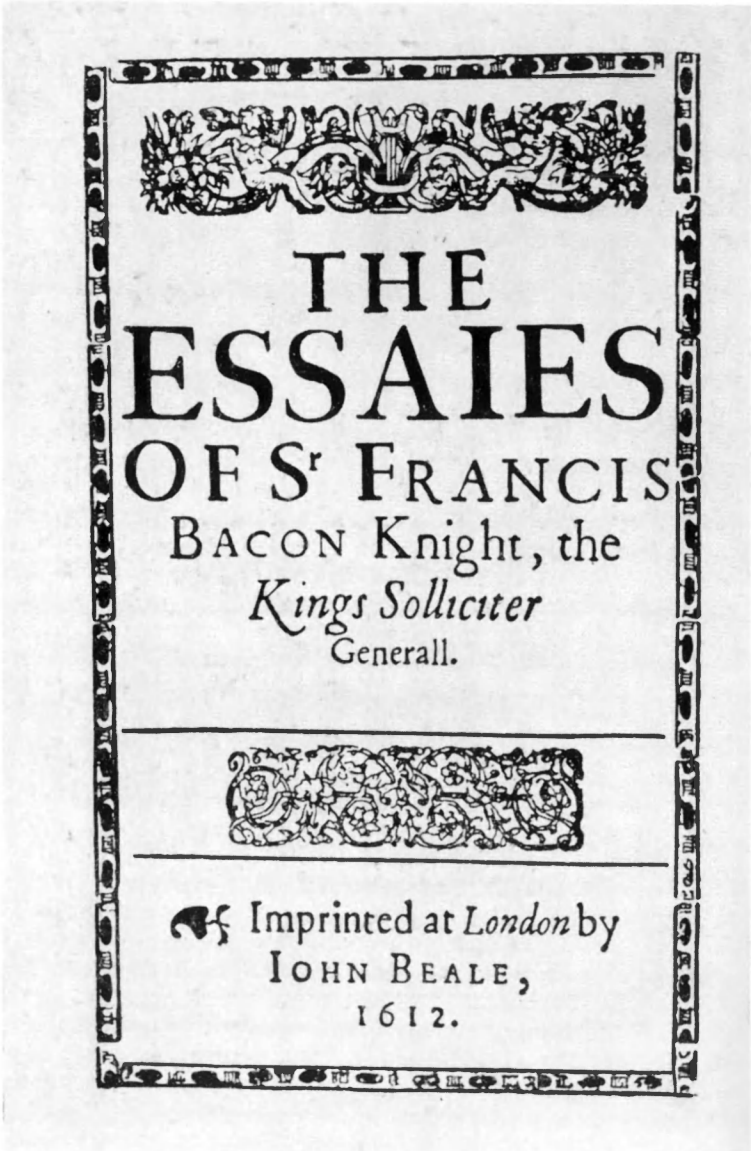
Religious Meditations.

Places of perſwaſion and diſſwaſion.

Seene and allowed.

AT LONDON,
Printed for Humfrey Hooper, and are to be ſold at the blacke Beare in Chauncery Lane.
1597.

Титульный лист «Опытов»
Первое английское издание 1597 г.



THE
ESSAIES
OF Sr FRANCIS
BACON Knight, the
Kings Sollicitor
Generall.

Imprinted at *London* by
IOHN BEALE,
1612.

Титульный лист «Опытов»
Издание 1612 г.

THE
ESSAYES
OR
COVNSELS,
CIVILL AND
MORALL,
OF
FRANCIS LO. VERVLAM,
VISCOVNT St. ALBAN.

Newly enlarged.

LONDON,
Printed by IOHN HAVILAND for
HANNA BARRET, and RICHARD
WHITAKER, and are to be sold
at the signe of the Kings head in
Pauls Church-yard. 1625.

Титульный лист «Опытов»
Издание 1625 г.

FRANCISCI

BACONI,

BARONIS DE

VERVLAMIO, VICE-COMITIS

SANCTI ALBANI, OPERVM

MORALIVM ET CIVILIVM

Tomus.

Qui continet
- *Historiam Regni Henrici Septimi, Regis Angliæ.*
- *Sermones Fideles, sive Interiora Rerum.*
- *Tractatum de Sapientiâ Veterum.*
- *Dialogum de Bello Sacro.*
- *Et Novam Atlantidem.*

Ab ipso Honoratissimo Auctore, præterquam in paucis, Latinitate donatus.

Curâ & Fide *Guilielmi Rawley*, Sacræ Theologiæ Doctoris, olim Dominationi suæ, nunc Serenissimæ Majestati Regiæ, à Sacris.

In hoc volumine, iterum excusi, includuntur
- *Tractatus de Augmentis Scientiarum.*
- *Historia Ventorum.*
- *Historia Vitæ & Mortis.*

Adjecti sunt, in Calce Operis, Libri duo Instaurationis Magnæ.

Cum Privilegio.

LONDINI.

Excusum typis *Edwardi Griffini*, Prostant ad Insignia Regia in Cœmeterio D. *Pauli*, apud *Richardum Whitakerum*. 1638.

Титульный лист «Сочинений» Бэкона,
где впервые были напечатаны «Опыты»
и «Новая Атлантида» на латинском языке

что-то в его личности, что вызывает презрение, то у него также есть постоянное стремление спасти и оградить себя от насмешки. Вследствие этого все уродливые люди чрезвычайно смелы — вначале для своей собственной защиты, так как они открыты для насмешек, а с течением времени — по привычке. Их уродство также побуждает их к прилежанию, особенно в том отношении, что они наблюдают и замечают слабости других, с тем чтобы как-то им отплатить. Кроме того, их безобразие заглушает ревность по отношению к ним у тех, кто стоит выше, так как эти люди думают, что могут сколько угодно презирать их; и это усыпляет их соперников и конкурентов, которые никогда не верят, что уродливые люди получат повышение, до тех пор, пока не увидят, что они его уже получили. Так что, строго говоря, для большого ума уродство составляет даже преимущество для возвышения. В древние времена (а в некоторых странах и сейчас) правители имели обыкновение оказывать большое доверие евнухам, потому что те, кто завидуют всем, более угодливы и почтительны по отношению к одному. И все же они доверяли им, скорее, как хорошим шпионам и ловким доносчикам, чем как хорошим судьям и чиновникам. Таково отношение и к уродливым людям. И причина этого та же, ибо если они сильны духом, то будут стремиться оградить себя от насмешек; а это может быть сделано либо при помощи добродетели, либо при помощи зла; и поэтому не следует удивляться тому, что иногда они оказываются великими людьми; такими были Агесилай, Зангер — сын Солимана, Эзоп, Гаска — президент Перу; и Сократ может также быть назван среди них вместе с другими.

XLV. О строениях

Дома строятся для того, чтобы в них жить, а не смотреть на них; поэтому следует оказывать предпочтение пользе перед гармонией, за исключением тех случаев, когда можно достичь и того и другого. Сооружение невиданных домов только для красоты оставьте поэтам, которым дешево обходятся их заколдованные замки. Тот, кто строит хороший дом на плохом месте, заключает себя в тюрьму. Я считаю плохим местом не только такое, где нездоровый воздух, но также — где воздух непостоянен. Можно видеть много красивых зданий, расположенных на возвышении, окруженном более высокими холмами,

благодаря чему там скапливается жар солнца и собирается ветер, как в расщелинах скал; так что у вас будет, и притом внезапно, такое разнообразие жара и холода, как будто вы живете в двух разных местах. И не только плохой воздух делает место не подходящим для постройки дома, но и плохие дороги, плохие рынки и — если вы обратитесь за советом к Мому — плохие соседи[205]. Я не буду говорить еще о многом другом: нехватка воды; нехватка леса, тени и защиты; плохое плодородие земли и малое ее разнообразие; отсутствие приятного вида; отсутствие ровных площадок; отсутствие вблизи от дома мест для охоты с борзыми и соколом или скачек; близко к морю, слишком далеко от него; неудобство от судоходности рек или неудобство от их разлива; слишком далеко от больших городов, что может мешать вашим делам, или слишком близко к ним, что может привести к нехватке провизии или ее удорожанию; где человек будет располагать всеми удобствами, чтобы жить беззаботно, или где его средства к жизни будут ограничены; и поскольку, вероятно, невозможно найти все это в одном месте, то все же полезно знать и думать о них, чтобы получить столько, сколько можно; и если у кого-нибудь есть несколько домов, то он должен распределить их таким образом, чтобы то, чего нет в одном доме, он мог найти в другом. Лукулл хорошо ответил Помпею, когда тот, осмотрев величественные галереи и комнаты, такие большие и светлые, в одном из его домов, сказал: «Безусловно, хорошее помещение для лета, но как ты живешь здесь зимой?» Лукулл ответил: «Как, неужели ты считаешь меня глупее тех птиц, которые всегда к зиме меняют свое жилище?»[206].

Перейдя от места расположения дома к самому дому, мы поступим, как поступил Цицерон в отношении ораторского искусства, написав сначала книгу «Об ораторском искусстве», а потом другую, которую назвал «Оратор»; в первой из них он излагает основы искусства, а во второй — способы его совершенствования. Поэтому мы опишем королевский дворец, представив его небольшую модель. Ибо странно видеть теперь в Европе такие огромные здания, как Ватикан, Эскуриал и некоторые другие, в которых едва найдется одно достаточно просторное помещение.

Поэтому прежде всего я скажу, что у вас не будет совершенного дворца, если у него не будет двух различных половин: одна для приемов, как говорится об этом

в книге Эсфири, а другая для домашнего хозяйства; первая служила бы для празднеств и церемоний, а вторая — для жилья. По моему мнению, обе эти половины должны составлять не только крылья здания, но и часть фасада, должны быть внешне одинаковы, хотя по-разному разгорожены внутри, и должны быть расположены по обе стороны высокой и величественной башни в центре фасада, которая как бы соединяла их вместе, находясь посередине. В парадной половине с фасада я бы имел только одну большую залу над лестницей, примерно 40 футов высоты, а под ней комнату для переодеваний или приготовлений во время торжественных банкетов. Что касается другой половины, предназначенной для домашнего хозяйства, то я хотел бы, чтобы она сначала была разделена на залу и часовню (с перегородкой между ними), причем обе они должны быть достаточно величественны и обширны; и они не должны идти по всей длине крыла, а иметь в дальнем конце зимнюю и летнюю гостиную, обе просторные; а под этими комнатами — просторный и большой погреб, а также кухни и другие службы с кладовыми и буфетными, и тому подобное. Что касается башни, то я бы хотел, чтобы у нее было два этажа высотой 18 футов каждый над обоими крыльями; и чтобы наверх вела красивая лестница с балюстрадой, обставленной статуями, расположенными на некотором расстоянии друг от друга; и чтобы эта башня была разделена на комнаты, как будет сочтено удобным. Равным образом лестница в верхние комнаты должна быть винтовой и с деревянными изображениями, окрашенными под цвет бронзы; а наверху должна быть очень красивая смотровая площадка. Но это будет так, если вы не отведете одну из нижних комнат под столовую для слуг, ибо в противном случае вам придется устроить, чтобы слуги ваши обедали после вас, так как запах из кухни будет подниматься вверх, как бы по тоннелю. И это все о фасаде. Только, насколько мне известно, высота первой лестницы должна быть 16 футов, как и высота нижней комнаты.

За фасадом дома должен быть большой двор, но три стороны его должны быть обставлены зданиями гораздо более низкими, чем фасад. А во всех четырех углах этого двора должны быть широкие лестницы, ведущие в башенки, выдающиеся вперед, а не во внутрь самих зданий. Но эти башенки должны быть высотой не с фасад, а, скорее, соразмерны более низким строениям. Двор не

должен быть замощен, ибо это притягивает много тепла летом и много холода зимой. Должны быть вымощены только некоторые боковые аллеи, пересекающиеся и делящие двор на четыре газона с травой, которую необходимо постоянно подстригать, но не слишком коротко. Задняя сторона той половины здания, которая отведена для торжественных празднеств, должна представлять собой пышные галереи; и по всей длине этих галерей должно быть три или пять красивых куполов, расположенных на равном расстоянии друг от друга, и красивые цветные окна с различными поделками. Задняя сторона половины, отведенной под домашние покои, должна иметь комнаты для приема гостей и комнаты для обычных развлечений, а также спальни; и пусть все три части будут как бы двойным домом без сквозного света, чтобы у вас были комнаты, в которых можно было бы укрыться от солнца как до полудня, так и после. Распределите комнаты также таким образом, чтобы у вас были отдельные покои для лета и для зимы: затененные — для лета и теплые — для зимы. Иногда можно встретить большие дома, в которых так много окон, что нельзя найти, куда себя деть, чтобы спрятаться от солнца или холода. Что касается окон-фонарей, то я считаю их весьма полезными (в городах, напротив, лучше иметь прямые окна, ибо это придает единообразие улицам), так как они являются отличным местом, где можно уединиться для беседы, и, кроме того, они загораживают от солнечного света и ветра: ведь, хотя свет и ветер могли бы пронизать почти всю комнату, в этом случае они едва проходят окно; но окон должно быть немного; в крыльях всего четыре, выходящих во двор.

За этим двором должен располагаться внутренний двор такой же площади и высоты, который должен быть окружен со всех сторон садом, а изнутри со всех сторон окружен крытыми аркадами с подходящими и красивыми арками высотой в два яруса. Та часть первого яруса аркады, которая обращена в сад, должна быть превращена в грот или затененное место, используемое в летнее время, и должна иметь выход и окна, обращенные только в сад, находящиеся на уровне земли, но не погруженные совершенно в землю, чтобы избежать сырости. В центре двора должен быть фонтан или какая-либо красивая статуя; двор должен быть вымощен таким же образом, как и первый двор. Здания по обеим сторонам двора могут быть предназначены для уединенных жилищ, а замы-

кающая двор сторона — для отдельных галерей. В них необходимо предусмотреть помещение для лазарета на тот случай, если государь или какое-либо иное особо важное лицо заболеет; чтобы там были покои, спальня, приемная и задние комнаты, примыкающие к лазарету. Все это должно быть на втором этаже. На первом этаже — большая открытая галерея на колоннах; и на третьем этаже также должна быть открытая галерея, опирающаяся на колонны, чтобы можно было наблюдать красивые виды и вдыхать свежесть сада. В обеих углах дальней стены с внутренней стороны должны быть устроены два изящных и богатых кабинета, элегантно устланных коврами, украшенных богатыми занавесями, уставленных хрусталем и с богатым куполом посередине; там должны быть и всякие другие изящные вещи, которые можно только придумать. Я хотел бы, чтобы и на верхней галерее, если позволит место, были фонтаны, воды которых текли бы в разных направлениях от стены, с красиво расположенными водостоками. И это все об образцовом дворце, за исключением того, что перед фасадом дворца должно быть три двора. Простой зеленый двор, окруженный стеной; второй двор такой же, но более украшенный, с башенками или, скорее, украшениями на стене; и третий двор, который вместе с фасадом дома образовывал бы площадь, которая не была бы застроена и окружалась не голой стеной, но террасами, крытыми свинцом и богато украшенными с трех сторон; а с внутренней стороны он был бы окружен колоннами без арок внизу. Что касается служб, то они должны находиться на некотором расстоянии от дворца и соединяться с ним низкими галереями.

XLVI. О садах

Всемогущий бог первым насадил сад. И действительно, это самое чистое из всех человеческих наслаждений. Оно более всего освежает дух человека; без него здания и дворцы всего лишь грубые творения его рук; и можно будет увидеть, что с течением времени, когда разовьется цивилизация и вкус к изящному, люди научатся скорее строить красиво, чем насаждать прекрасные сады; получается, что разведение садов — более тонкое занятие и требует большего совершенства. Я считаю, что когда король повелевает разбить парк и сад, то они должны быть устроены таким образом, чтобы каждый месяц в году в

них цвели какие-либо прекрасные растения, для которых наступил сезон. Для декабря, января и конца ноября необходимо выбирать такие растения, которые зелены всю зиму: остролист, плющ, лавр, можжевельник, кипарис, тис, сосна, ель, розмарин, лаванда, барвинок белоцветный, пурпурный и голубой, дубровка, ирисы, апельсиновые деревья, лимонные деревья и мирт, если их поместить в оранжерею, и сладкий майоран, тепло укрытый. За ними в конце января и феврале идут: германская камелия, которая тогда и зацветает, крокус весенний, как желтый, так и серый, примулы, анемоны, ранние тюльпаны, гиацинт восточный, камаирис, кудрявка. В марте наступает пора фиалок, особенно одноцветно голубых, которые являются самыми ранними, желтых нарциссов, маргариток, миндального дерева, персикового дерева, кизилового дерева, сладкого шиповника. В апреле следуют: махровая белая фиалка, желтофиоль, левкой, баранчик, ирисы и лилии всех видов, цветы розмарина, тюльпаны, махровые пионы, дикий нарцисс, французская жимолость; цветут вишневое дерево, сливовое дерево, сирень, покрывается листьями белый боярышник. В мае и июне распускаются гвоздики всех видов, особенно красная гвоздика; розы всех видов, за исключением мускусной, которая расцветает позже; жимолость, клубника, боярышник, водосбор, ноготки (flos africanus); плодоносят вишня, смородина, фиговое дерево; расцветает малина, виноград, лаванда, сладкий белоцветный кукушник, herba muscaria, lilium convallium, яблоня. В июле: левкои всех видов, мускусные розы, цветет липа, плодоносят ранние груши и сливы, появляются ранние зеленые яблоки. В августе: сливы всех сортов, груши, абрикосы, барбарис, фундук, мускусные дыни, аконит всех цветов. В сентябре: виноград, яблоки, маки всех цветов, персики разных сортов (peaches, melocotones, nectarines), кизил, груши зимних сортов, айва. В октябре и начале ноября: рябина домашняя, мушмула, дикие сливы, розы срезанные или вырытые из грунта, чтобы они расцвели позднее, мальвы и тому подобное. Все эти растения, которые я называю, подходят для климата Лондона, но я пытаюсь показать, что можно иметь ver perpetuum [207] в том виде, как это позволяет природа данной местности.

А поскольку дыхание цветов гораздо более приятно, когда цветок находится на растении (ибо тогда его дыхание распространяется в воздухе подобно волнам музыки), а не когда его сорвали и держат в руке, постольку

ничто так не способствует получению этого наслаждения, как знание того, какие цветы и растения испускают наилучший аромат вокруг себя. Розы дамасские и красные неохотно расстаются со своим ароматом, так что можно пройти мимо целого ряда этих роз и не почувствовать их сладости, даже если это будет утром по росе. Лавр также во время своего роста испускает мало запаха; очень немного — розмарин и майоран. Цветок, который сильнее всех других испускает аромат,— это фиалка, особенно белая махровая, цветущая дважды в год, примерно в середине апреля и около дня св. Варфоломея. За ней следует мускусная роза; затем вянущие листья клубники, которые испускают совершенно превосходный сильный запах; затем цветок винограда, напоминающий облачко пыли, похожее на цветок полевицы, который заметен на кустиках сразу же при его появлении; затем сладкий шиповник; затем желтофиоль, которая доставит огромное наслаждение, если высадить ее под окнами гостиной или спальни на первом этаже; затем гвоздики и левкои, особенно турецкая гвоздика, смешанная с обыкновенной; затем цветы липы; затем жимолость, так что надо высаживать ее где-нибудь подальше. Я ничего не говорю о цветах горошка, потому что это полевые цветы. Есть и такие цветы, которые в отличие от остальных наиболее сильно и приятно пахнут не тогда, когда проходишь мимо них, а тогда, когда на них наступают ногой и давят; таких растений три, а именно: бедренец, дикий тимьян и водяная мята. Поэтому нужно засеять ими целые аллеи, чтобы вы могли получать удовольствие во время прогулок по ним.

Необходимо, чтобы сады (если говорить о тех, которые действительно достойны государей, так же как и дворцы, о которых мы говорили ранее) были не менее тридцати акров и делились на три части: при входе — зеленая площадка, в конце — вересковая пустошь или луг, а главный сад — посередине; и кроме того, по обеим сторонам — аллеи. И я предпочел бы, чтобы четыре акра земли было выделено под зеленую лужайку, шесть — под пустошь, по четыре — на каждую сторону и двенадцать — под главный сад. От зеленой лужайки получаешь два удовольствия: во-первых, потому что нет ничего приятнее для глаза, чем зеленая трава, к тому же коротко подстриженная; во-вторых, потому что в середине ее открывается широкая аллея, по которой вы можете пройти к величественной ограде, которая должна окружать

сад. Но так как эта аллея будет длинной, а в самое жаркое время года или дня не совсем приятно идти через зеленую лужайку по солнцу, чтобы достичь тени сада, вам нужно по обеим сторонам лужайки насадить крытую аллею на деревянной раме примерно двенадцати футов высотой, изготовленной плотником, в тени которой вы сможете проходить в сад. Что касается изготовления узоров или фигур из разноцветной зелени, дабы они лежали под окнами дома с той стороны, которая выходит в сад, то это всего лишь игрушки; вы можете часто наблюдать такие же красивые виды на тортах. Лучше всего, если сад будет квадратным, окруженным со всех четырех сторон величественной оградой с арками. Арки должны опираться на изготовленные плотником деревянные рамы примерно десять футов высотой в шесть футов шириной, и расстояние между ними должно равняться ширине арки. Над арками должна быть сплошная ограда высотой примерно в четыре фута, тоже на деревянной раме плотницкой работы; а на верхней ограде, над каждой аркой,— небольшая башенка, которая должна быть достаточно велика, чтобы в ней уместилась клетка с птицами; а над каждым промежутком между арками — какая-либо другая фигурка с широкими позолоченными пластинками из закругленного цветного стекла, чтобы на них играло солнце. Но я хотел бы, чтобы эта ограда была устроена не на крутом, а, скорее, на пологом склоне примерно шести футов высотой, который весь был бы усажен цветами. Я также считаю, что эта часть сада не должна занимать всю ширину участка, а с каждой боковой стороны должно быть оставлено достаточно земли для разнообразных боковых аллей, в которые вас могли бы вывести две крытые аллеи зеленой лужайки; но с обеих концов этого большого огороженного участка сада не должно быть аллей с изгородями — ни на ближнем конце, чтобы не загораживать вам вид на большую ограду с зеленой лужайки; ни на дальнем конце, чтобы не загораживать вида от ограды и через арки на вересковую пустошь.

Что касается планировки участка внутри этой большой ограды, я оставляю ее на усмотрение владельца, ибо здесь могут быть самые разнообразные случаи; я, однако, посоветую: какую бы форму вы ему ни придали, она прежде всего не должна быть слишком изощренной или трудоемкой. Что касается меня, то мне не нравятся эти изображения, вырезанные в можжевельнике или каких-либо иных садовых насаждениях; это все для детей. Мне

очень нравятся небольшие низкие ограды, подобные бордюру с маленькими пирамидками, а в некоторых местах — большие колонны на рамах плотницкой работы. Я бы также сделал аллеи просторными и светлыми. Боковые аллеи могут быть более узкими, но в главном саду таких быть не должно. Я хотел бы также, чтобы в самой середине сада был большой холм с тремя лестницами и тремя аллеями, достаточно широкими, чтобы в ряд могло идти четыре человека; аллеи должны представлять собой правильные круги без каких-либо валов или насыпей; и весь холм должен быть высотой в тридцать футов, а на вершине его должен быть красивый павильон с изящно устроенными каминами; у павильона не должно быть слишком много стекол.

Что касается фонтанов, то они являются источником большой красоты и свежести; однако я бы не советовал устраивать пруды, которые портят сад и делают его нездоровым, а также служат питомником мух и лягушек. Я полагаю, что фонтаны должны быть двух видов: первый — тот, который разбрызгивает воду или из которого вода бьет струей; второй — большой резервуар для воды площадью в тридцать или сорок футов, но без рыбы и, следовательно, без мути и грязи. Первым хорошо подходят украшения в виде позолоченных или мраморных скульптур, как это принято ныне; но главное — вода должна непрерывно циркулировать, чтобы она нигде не застаивалась, ни в чашках фонтана, ни в цистерне, не потеряла бы своей прозрачности и не приобрела бы зеленый, красный или еще какой-либо иной цвет и чтобы не завелись в ней мох или гниль. Кроме того, фонтан нужно чистить вручную каждый день. Неплохо было бы, чтобы к нему вело несколько ступенек, а пространство вокруг него было чем-либо замощено. Что касается фонтана второго вида, который мы можем назвать бассейном для купания, то в нем может быть много любопытного и прекрасного, но мы не будем на этом останавливаться; например, дно его, а также и стенки должны быть красиво вымощены и разрисованы и к тому же украшены цветным стеклом и тому подобными блестящими вещами; он должен быть окружен также красивой оградой, с небольшими статуями. Но главное — это то, что мы говорили в отношении фонтана первого вида, т. е. что вода должна находиться в постоянном движении, снабжаться из источника, расположенного выше бассейна, и вливаться в него большими струями, а затем уходить под землю через

такое же количество отверстий, чтобы она не застаивалась. А что касается хитроумных приспособлений, таких, как сгибание струи воды в арку без разбрызгивания или придание ей самых различных форм (перьев, бокалов, куполов и тому подобное), то на них приятно смотреть, но они ничего не дают для здоровья и не прибавляют свежести саду.

Что касается вересковой пустоши, которая является третьей частью нашего участка, то я хотел бы, чтобы она, насколько возможно, напоминала не тронутый человеком уголо́к природы. Я бы вообще не имел там деревьев, а только заросли кустарника — шиповника и жимолости — и среди них какие-либо дикие ползучие растения; а земля была бы засажена фиалками, клубникой и примулой, ибо они испускают приятный запах и хорошо растут в тени. И они должны быть посажены беспорядочно, разбросаны там и тут по всей пустоши. Мне нравится также, когда небольшие кочки, похожие на кротовины (какие встречаются в диких лугах), засеваются разнообразными цветами: диким тимьяном, гвоздиками, дубровкой, цветы которой приятны для глаза, барвинком, фиалками, клубникой; другие — баранчиком, маргаритками, красными розами, ландышами, красными турецкими гвоздиками, медвежьей лапой или какими-либо иными низкорослыми цветами, которые должны приятно пахнуть и быть красивыми. У части этих кочек по верху должны быть посажены правильные ряды маленьких кустов. Типичными растениями должны быть здесь розы, можжевельник, остролист, барбарис (разбросанный там и тут из-за запаха его цветов), красная смородина, крыжовник, розмарин, лавр, шиповник и тому подобное. Но эти кусты должны всегда подрезаться, чтобы они не вырастали за пределы своих рядов.

Что касается боковых участков сада, то вы должны занять их самыми разнообразными аллеями, уединенными, чтобы они (по крайней мере некоторые из них) давали сплошную тень, где бы ни находилось солнце. Некоторые из них должны быть также сделаны в виде укрытий, с тем чтобы при сильном ветре вы могли гулять в них, как в галерее. Для защиты от ветра они должны иметь с обоих концов изгороди; эти более узкие аллеи должны быть хорошо вымощены гравием, в них не должно быть травы, чтобы не заводилось сырости. Большинство аллей должно быть обсажено разнообразными фруктовыми деревьями, как по внешнему краю,

так и во внутренних рядах. Здесь следует обычно соблюдать следующее правило: участок, на котором вы сажаете свои фруктовые деревья, должен быть просторным и светлым, с пологим склоном, засаженным красивыми цветами, но редким и тонким слоем, чтобы не вредить деревьям. В конце каждого бокового участка я насыпал бы небольшую красивую возвышенность, чтобы стена ограждения сада доходила до груди человека; с этой возвышенности можно было бы смотреть из сада в поля.

Что касается главного сада, то я не возражал бы против устройства там больших аллей, обсаженных с обеих сторон фруктовыми деревьями; а также красивых групп фруктовых деревьев и зеленых беседок со скамьями, расположенных в каком-либо изящном порядке; но они ни в коей мере не должны быть слишком частыми; и главный сад не должен быть слишком густым, пространство в нем должно быть открытым и свободным для воздуха. Ведь если нужна тень, то лучше отдыхать в аллеях боковых участков и прогуливаться там, если вам хочется, в самое жаркое время дня или года. А главный сад предназначен для прогулок в более умеренные времена года, а в разгар лета — в утренние или вечерние часы, а также в пасмурные дни.

Что касается авиариев, то я их не люблю, за исключением тех случаев, когда они настолько велики, что их можно выложить дерном и насадить в них живые растения и кусты, так чтобы у птиц было больше простора и создавались естественные условия для гнездования и на полу авиария не появлялось никакой грязи. Итак, я изложил план королевского сада, частично в виде наставлений, частично в виде рисунка,— не всю модель, но некоторые главные ее черты; и я при этом не считался с расходами. Но это не имеет значения для государей, которые большей частью, полагаясь на своих садовников, с неменьшими затратами устраивают свои сады и иногда добавляют статуи и тому подобные вещи для помпезности и великолепия и ничего — для истинного наслаждения, доставляемого садом.

XLVII. О переговорах

Переговоры лучше вести устно, нежели письменно, и лучше через посредников, чем самому. Письма хороши в тех случаях, когда надобно добиться письменного же ответа; или когда само это письмо может впоследствии

послужить оправдательным документом; или когда есть опасение, что тебя прервут или подслушают. Вести дела самому хорошо, когда одним своим видом внушаешь почтение, например с людьми низшими; или же в случаях щекотливых, когда надобно руководствоваться выражением лица собеседника, чтобы чувствовать, не зашел ли ты слишком далеко; или когда хочешь оставить за собой возможность отступиться от сказанного или перетолковать его.

При выборе посредников следует отдавать предпочтение людям попроще, которые выполнят поручение и дадут о нем точный отчет, а не таким, кто из чужого дела ухитряется извлечь для себя честь и ради этого не прочь его приукрасить. Выбирать надо людей, имеющих склонность к поручаемому делу, ибо это немало его ускоряет; а также подходящих для него, а именно: смелых для выражения негодования, обходительных для уговоров, хитрых для наблюдения и выведывания, упрямых и несговорчивых для дел неправых. Следует также искать таких, которые уже ранее были удачливы в поручаемых им делах, ибо это рождает в них уверенность и желание поддержать лестное о себе мнение.

При переговорах лучше начинать издалека, нежели сразу приступать к делу, если только не хочешь захватить собеседника врасплох неожиданным вопросом. Лучше иметь дело с неудовлетворенным честолюбцем, нежели с тем, кто уже достиг желаемого. Если речь идет о взаимном выполнении условий, все дело в том, чьи условия будут выполнены первыми; а этого никто не может требовать, разве только условия сами по себе таковы, что должны быть выполнены раньше; или же человек сумел убедить другого, что еще пригодится ему в будущем; или, наконец, считается более честным.

Все переговоры имеют целью выявить человека или воздействовать на него. Люди открываются из доверчивости, или в порыве страсти, или будучи застигнуты врасплох, или же поневоле, когда им надо чего-либо добиться, а приличный предлог не находится. Если хочешь воздействовать на кого-либо, надо знать его натуру и склонности, чтобы подчинить его; или его цели, чтобы убедить его; или его слабые места, чтобы застращать его; или же тех, кто имеет на него влияние, чтобы руководить им через них. Когда имеешь дело с хитрецами, надо при истолковании их речей не упускать из виду их целей; с такими лучше говорить мало и говорить такое, чего они

менее всего ожидают. В трудных делах нельзя ожидать немедленных результатов, следует подготовлять их и давать им созреть постепенно.

XLVIII. О приближенных и друзьях

Свита не должна обходиться дорого, иначе, удлиняя хвост, укоротишь себе крылья. Дорогими считаю я не только тех, кто обременяет кошелек, но и тех, кто докучает просьбами. Обычные приближенные должны довольствоваться поддержкой, покровительством и защитой от обидчиков. Еще хуже приближенные-интриганы, побуждаемые не привязанностью к тому, при ком состоят, но недовольством против кого-либо другого; откуда и возникает обычно рознь, часто наблюдаемая между вельможами. Множество неудобств причиняют и приближенные-фанфароны, повсюду трубящие славу своим покровителям, ибо они вредят делу неумением хранить его в тайне; чести при этом убывает, а завистников прибывает. Опасен и тот приближенный, который, на деле будучи соглядатаем, стремится выведать домашние тайны и пересказать их другим. И все же такой часто бывает в большой милости, ибо кажется весьма услужливым, а между тем разносит сплетни в обе стороны.

Свита из людей определенного сословия соответственно положению самого вельможи (как, например, свита из солдат при бывшем военачальнике и тому подобное) всегда считалась весьма пристойной и дозволялась даже при монархиях, лишь бы не было при этом излишней пышности и поисков популярности. Наиболее почетна та свита, которую составляет себе человек, стремящийся покровительствовать добродетели и достоинствам в людях любого сословия. И все же, где нет чрезмерного различия в способностях, лучше приближать к себе посредственных, нежели даровитых. К тому же, если говорить откровенно, в наш испорченный век деятельные люди полезнее добродетельных.

На государственной службе к людям одного звания лучше относиться одинаково, ибо чрезмерно отличать кого-либо значит сделать его дерзким, а остальных — недовольными; ведь и они могут потребовать свою долю. Напротив того, при оказании милостей лучше поступать с большим разбором, потому что в этом случае обласканные будут признательнее, а остальные усерднее; ведь на то и милость. Неразумно оказывать одному человеку

слишком много милостей сразу, ибо тогда их хватает ненадолго. Опасно идти, как говорится, на поводу у одного любимца; это указывает на слабость и дает волю сплетням и пересудам; ведь те, кто не решился бы порочить самого человека, будут смело злословить о его любимце, а тем самым бесчестить и его. Но еще хуже находиться во власти нескольких лиц, ибо от этого человек становится переменчив и послушен последнему наговору.

Советоваться с немногими избранными друзьями всегда хорошо, ибо зачастую зрителям дело яснее, чем игрокам; а лучший вид на холмы открывается из долины. Дружба в этом мире — редкость, а особенно дружба меж равными, столь превозносимая всюду. Если и бывает она, то между высшим и низшим, когда благосостояние одного зависит от другого.

XLIX. О просителях

Многие вредные дела и предложения находят своих ходатаев; и происки отдельных лиц действительно наносят вред общественному благу. Многие хорошие дела находят в качестве своих ходатаев плохих людей; я имею в виду не только испорченных людей, но и людей хитрых, которые не намереваются действовать на защиту дела, по которому они взялись ходатайствовать. Некоторые берутся за дела, которые они вообще не намерены доводить до конца; но если они видят, что дело продвигается вперед и без их помощи, то все же добиваются благодарности или хотя бы незначительного вознаграждения за свои усилия, которые они якобы затратили, или же, по крайней мере, употребят себе на пользу надежды просителя. Некоторые становятся ходатаями только потому, что представляется случай перебежать дорогу кому-либо другому; или получить сведения, которых в противном случае они не имели бы возможности добыть, не заботясь о том, что станет с делом, когда они достигли своей цели; или вообще превращают дело другого человека в своего рода развлечение, чтобы можно было протолкнуть свое собственное дело. Некоторые же ходатайствуют по чужим прошениям с единственной целью завалить все дело, чтобы удовлетворить противоположную сторону или конкурента.

Разумеется, в каждом прошении есть своего рода право: либо право справедливости, если прошение касается судебного дела; либо право заслуги, если прошение представляет собой просьбу о назначении на долж-

ность. Если личное пристрастие заставляет человека вынести решение в суде в пользу неправой стороны, то пусть он использует свою поддержку скорее для того, чтобы кончить дело компромиссом, а не для того, чтобы возбудить его. Если личное пристрастие заставляет человека вынести решение в пользу менее достойного просителя, имеющего меньше заслуг, то пусть он делает это, не очерняя и не унижая более достойного конкурента. Если человек не совсем хорошо понимает какое-либо прошение, то лучше спросить о нем мнение друга, суждению которого он доверяет и который может сказать, имеет ли этот человек право с честью заниматься этим делом; но пусть он тщательно выбирает своих советчиков, ибо в противном случае его могут водить за нос.

Просители настолько возмущаются отсрочками и злоупотреблениями, что откровенность в отношениях с ними не только похвальна, но и приятна для них, идет ли речь о немедленном отказе от рассмотрения прошений, об откровенном изложении результатов рассмотрения или о требовании вознаграждения только в той мере, в какой действительно оно заслужено. Когда просят о милости, пришедший первым не должен получать только из-за этого какое-либо преимущество; в дальнейшем может быть еще рассмотрен вопрос о том, достоин ли он доверия, но если суть дела можно узнать только от него, не следует злоупотреблять этим, а предоставить претенденту возможность показать другие свои способности и каким-либо образом вознаградить его за его сведения. Не знать ценности просимого означает неопытность; игнорировать право на прошение означает недостаток совести. Сохранение тайны прошения — сильная гарантия получить удовлетворение; ведь преждевременное разглашение прошения может отбить охоту у одних просителей, но привлечь внимание и возбудить интерес других. Но главное — это своевременная подача прошения. Своевременная не только в отношении лица, которое должно удовлетворить просьбу, но и в отношении тех, кто может противодействовать этому. Пусть при выборе средства человек избирает скорее наиболее пригодное, чем самое сильное; и скорее такое, которое поможет в данном конкретном деле, чем такое, которое верно вообще. Иногда компенсация за отвергнутую просьбу окажется ценнее, чем сама первоначальная просьба, если человек не обнаружит ни разочарования, ни недовольства. «Iniquum petas, ut aequum feras» [208] — хорошее правило, если человек

находится в большом фаворе; в противном случае лучше постепенно увеличивать свои просьбы; ведь тот, кто вначале и рискнул бы потерять просителя, отказав ему в просьбе, в конечном итоге не захочет терять ни просителя, ни плоды своей собственной прежней милости. Полагают, что нет более легкой просьбы, с которой можно обратиться к высокому лицу, чем просить у него рекомендательное письмо; и все же, если это делается не ради доброго дела, то очень сильно вредит его репутации. Нет ничего худшего, чем эти стряпчие по любым ходатайствам; они представляют собой отраву и заразу в общественных делах.

L. О занятиях науками [209]

Науками занимаются ради удовольствия, ради украшения и ради умения. Удовольствие обнаруживается всего более в уединении, украшение — в беседе, а умение — в распоряжениях и руководстве делом. Ибо людям опыта можно поручить выполнение да еще, пожалуй, суждение об отдельных подробностях; но общего руководства и совета лучше искать у людей ученых. Отдавать наукам все время означает неумение применить их к делу; превращать их целиком в украшение — жеманство; а всецело полагаться на них в суждениях — ученое чудачество. Наука совершенствует природу, но сама совершенствуется опытом, ибо прирожденные дарования подобны диким растениям и нуждаются в выращивании с помощью ученых занятий, а ученость сама по себе дает указания чересчур общие, если их не уточнить опытом. Люди хитроумные презирают ученость, простодушные дивятся ей, мудрые ею пользуются. Ибо сама по себе ученость не научает, как применять ее: на то есть мудрость особая, высшая, которую приобрести можно только опытом.

Читай не затем, чтобы противоречить и опровергать; не затем, чтобы принимать на веру, и не затем, чтобы найти предмет для беседы; но чтобы мыслить и рассуждать. Есть книги, которые надо только отведать, есть такие, которые лучше всего проглотить, и лишь немногие стоит разжевать и переварить. Иначе говоря, одни книги следует прочесть лишь частично, другие — без особого прилежания и лишь немногие — целиком и внимательно. Есть и такие, которые можно поручить прочесть другому и воспользоваться сделанными им извлечениями; но так

можно поступать лишь с маловажными предметами и посредственными авторами, ибо перегонка книг, как перегонка воды, убивает всякий вкус. Чтение делает человека знающим, беседа — находчивым, а привычка записывать — точным. Поэтому, кто мало пишет, тому нужна хорошая память; кто мало упражняется в беседе, должен быть находчив; а кто мало читает, должен быть весьма хитер, чтобы казаться более знающим, чем есть на самом деле.

В истории черпаем мы мудрость; в поэзии — остроумие; в математике — проницательность; в естественной философии — глубину; в нравственной философии — серьезность; в логике и риторике — умение спорить. «Abeunt studia in mores» [210]. Скажем более: нет такого умственного изъяна, который не мог бы быть исправлен надлежащими занятиями, подобно тому как недостатки телесные устраняются соответствующими упражнениями. Так, игра в шары полезна при каменной болезни и для почек; стрельба — для легких и груди; ходьба — для желудка; верховая езда — для головы и так далее. А кто рассеян, тот пусть займется математикой, ибо при доказательстве теорем малейшая рассеянность вынуждает все начинать сызнова. Кто неспособен усматривать различия, пусть изучает схоластиков, ибо они «cymini sectores» [211]. Кто не умеет быстро осваиваться с предметом и быстро припоминать все нужное для доказательства, пусть изучает судебные дела. И такие средства имеются против каждого умственного изъяна.

LI. О партиях

Многие ошибочно держатся того мнения, что и государю в управлении страной, и каждому вельможе в ведении дел надо прежде всего принимать во внимание интересы партий; а между тем высшая мудрость велит, напротив, сообразоваться либо с общими интересами, осуществляя то, с чем согласны представители самых различных партий, либо с интересами отдельных лиц. Этим я не хочу, однако, сказать, что соображениями партийными должно совершенно пренебречь. Людям простого звания, чтобы возвыситься, необходимо за что-то держаться; но людям знатным, чувствующим свою силу, лучше сохранять независимость. И даже начинающему выдвигаться для более верного успеха обычно лучше обнаруживать столь умеренную приверженность, чтобы из всех членов своей партии быть наиболее приемлемым для другой.

Чем партия слабее и малочисленнее, тем больше в ней единства; и часто бывает, что небольшое число непреклонных берет верх над многочисленным, но более умеренным противником. Когда одна из двух партий прекращает свое существование, другая раскалывается. Так, партия, объединявшая Лукулла и сенатскую знать (называвшуюся «Optimates»), некоторое время противостояла партии Помпея и Цезаря; но, когда власть сената рушилась, произошел и разрыв Цезаря с Помпеем. Подобным же образом партия Антония и Октавиана противостояла некоторое время Бруту и Кассию, но вслед за падением Брута и Кассия последовал разрыв Антония с Октавианом. Эти примеры относятся к партиям, состоящим в открытой войне, но то же самое можно сказать о более частных случаях. И зачастую при расколах те, что были на вторых ролях, оказываются во главе партии, но столь же часто оказываются ничтожествами и бывают отстранены, ибо многие сильны лишь в оппозиции, а когда этого нет, они бесполезны.

Часто видим мы, что человек, добившись успеха, переходит в партию, враждебную той, коей обязан он своим возвышением, полагая, вероятно, что с первой он свое уже взял, и ища новой выгоды. Такому перебежчику это сходит легко, ибо, когда силы долгое время уравновешены, приобретение даже одного лишнего приверженца дает перевес одной из сторон, а вся заслуга приписывается ему. Если кто держится середины между двумя партиями, это не всегда происходит от умеренности, но нередко от своекорыстия и имеет целью извлечение выгоды из обеих. В Италии, например, считаются подозрительными те папы, у которых постоянно на устах «Padre commune» [212], ибо это служит признаком стремления всеми средствами возвеличить свой род.

Королям не следует держать сторону какой-либо одной партии, потому что всяческие союзы неизменно пагубны для монархии; они налагают обязательства, которые могут возобладать над долгом подданного, и король становится при этом «tanquam unus ex nobis», как это было с Лигой во Франции [213]. Чрезмерное усиление партий и раздоров между ними указывает на слабость государей и весьма вредит их славе и успеху их дел. Действия партий под властью монархии должны быть (если говорить языком астрономов) подобны движениям низших орбит, которые могут иметь и собственное движение, но вместе с тем увлекаться высшим движением — «primum mobile».

LII. О манерах и приличиях

Тот, кто внешне скромен и прост, должен обладать исключительно большими добродетелями, чтобы заслужить похвалу у людей, подобно тому как тот камень, который имеет оправу без фольги, должен действительно быть богатым. Если человек хорошо понимает значение манер, то с одобрением его другими дело обстоит так же, как и в случае приобретений и выгод. Ведь существует правильная поговорка, гласящая, что «мелкие барыши туго набивают мошну», так как мелкие барыши идут густо, в то время как крупные редки. Поэтому верно, что за малые дела люди получают большую похвалу, ибо малые дела постоянно в ходу и, следовательно, на виду; случай же для проявления какой-либо великой добродетели представляется редко, только во время значительных событий. Поэтому если у человека хорошие манеры, то это значительно укрепляет его репутацию и (как говорила королева Изабелла) равносильно тому, что у него есть «постоянно рекомендательные письма». Для того чтобы приобрести такие манеры, почти достаточно ими не пренебрегать; ведь тогда человек будет наблюдать их у других, а в остальном пусть доверяет самому себе. Ибо если он будет проявлять слишком большие старания в манерах, то они потеряют свое изящество, которое должно быть естественным и непринужденным.

Поведение некоторых людей напоминает стихотворение, в котором измерен каждый слог; как может человек, обращающий свой ум на соблюдение множества мелочных приличий, понять великие дела? Не соблюдать правил приличия в обращении с другими — значит подавать дурной пример; и в следующий раз вам отплатят тем же, и, следовательно, уважение к вам будет подорвано; особенно не следует забывать о приличиях при общении с незнакомыми людьми и формалистами; но придавать церемониям слишком большое значение и превозносить их до небес не только утомительно для других, но и подрывает доверие к тому человеку, который придерживается таких правил.

Ясно, что существует эффективный способ внушения определенных мыслей под видом любезности, который приносит исключительную пользу, если умело его применять. Находясь среди старших по положению, можно быть уверенным в том, что столкнешься с фамильярностью, и вследствие этого хорошо быть чуть-чуть сдержанным.

Находясь среди низших по положению, будешь уверен в том, что встретишь почтительное отношение, и поэтому хорошо быть немного фамильярным. Тот, кто чрезмерен во всем, так что им пресыщаются уже при второй встрече, теряет всякое уважение. Хорошо уметь приспосабливать свою личность к другим, но это нужно делать, показывая, что поступаешь так из уважения к ним, а не из своекорыстных побуждений. Обычно, если поддерживаешь другого человека, хорошо добавить что-либо от себя; например, если поддерживаешь его мнение, то все же твое мнение в чем-то должно от него отличаться; если поддерживаешь его предложение, то только при определенном условии; если одобряешь его совет, то выдвигаешь какие-либо новые обоснования. Нужно остерегаться того, чтобы быть слишком изощренным в любезностях; ибо даже если у вас не будет никаких других недостатков, ваши завистники, безусловно, припишут вам это в качестве недостатка в ущерб вашим другим более важным добродетелям. Если также придавать слишком большое значение мелочам или всегда быть готовым воспользоваться любым благоприятным моментом и случаем, то это нанесет вред делу. Соломон сказал: «Кто наблюдает ветер, тому не сеять; и кто взирает на облака, тому не жать» [214]. Умный человек создаст себе больше благоприятных возможностей, чем ему предоставит случай. Поведение человека должно быть подобно его одежде: не слишком стеснять его и не быть слишком изысканной, но обеспечивать свободу движения и действия.

LIII. О похвале

Похвала есть отражение добродетели, но качество отражения зависит от зеркала. Если зеркалом служит толпа, то исходящая от нее похвала обычно лжива и бесполезна и высказывается она, скорее, людям тщеславным, чем добродетельным. Ведь простой народ не понимает многих высших добродетелей — низшие добродетели вызывают у него похвалу, средние — его удивление или изумление; но о самых высоких добродетелях он не имеет ни малейшего представления или вообще не воспринимает их. И лучше всего его удовлетворяет видимость и «species virtutibus similes» [215]. Безусловно, молва подобна реке, которая несет на своей поверхности легкие и пустые предметы и топит вещи тяжелые и прочные. Однако, если похвалу произнесут лица, известные своими суждениями и

высокими качествами, тогда, как говорится в Писании: «Nomen bonum instar unguenti fragrantis» [216], она заполняет все вокруг и ее нелегко рассеять, ибо аромат благовоний более стоек, чем аромат цветов.

В похвале может содержаться столько лжи, что вполне справедливо относиться к ней с подозрением. Некоторые похвалы произносятся чисто из лести; и если это обыкновенный льстец, то у него есть некоторые общие места, которые он может высказывать многим людям; если же это хитрый льстец, то он подражает тому архильстецу, каким является сам для себя каждый человек; и если кто-либо особенно кичится каким-то качеством, то льстец именно в этом и будет больше всего его поддерживать; а если это бесстыдный льстец, то он узнает, в чем человек наиболее уязвим (что он и сам осознает и больше всего из-за этого смущается), и тогда льстец своей похвалой волей-неволей вызывает у такого человека состояние «spreta conscientia» [217]. Некоторые похвалы исходят из благих пожеланий и почтения, и это такая форма, в которой подобает из вежливости обращаться к государям и великим людям, «laudando praecipere» [218]; когда говорят людям, каковы они есть, указывают, какими они должны быть. Некоторых людей хвалят злобно, чтобы уязвить их и вызвать зависть и ревность по отношению к ним: «Pessimum genus inimicorum laudantium» [219]; так, у греков была поговорка, что «у того, кого хвалят во вред, должен вскочить прыщ на носу»; как мы говорим, что «у того, кто лжет, на языке вскочит волдырь». Безусловно, умеренная похвала, высказанная в подходящий момент и соответствующим образом, приносит пользу тому, кого хвалят. Соломон сказал: «Кто громко хвалит друга своего с раннего утра, будет для него проклятием» [220]. Слишком сильное возвеличение человека или дела поистине приводит к умалению его достоинства, а со стороны противников вызывает зависть и презрение.

Хвалить самого себя неприлично, за исключением некоторых редких случаев; но хвалить свою должность и профессию вполне допустимо, и это можно делать даже со своего рода великодушием. У римских кардиналов — теологов, монахов и схоластов — есть слово, выражающее их явное презрение и неуважение к гражданским делам, ибо они называют все мирские дела — войны, посольства, правосудие и другие занятия — словом «sbirrerie», т. е. полицейство, как будто все эти дела подходят только полицейским и судебным приставам; хотя эти полицейские

приносят во много раз больше пользы, чем высокомерные рассуждения кардиналов. Когда св. Павел хвалил себя, он часто вставлял слова: «Скажу по неразумию», но, говоря о своей миссии, он сказал: «Magnificabo apostolatum meum» [221].

LIV. О тщеславии

Хорошо выразился Эзоп в одной из басен: «Муха села на ось воза и сказала: какую пыль я подымаю!» [222]. Таковы и некоторые тщеславные люди, которые, где бы что ни двигалось само по себе или под воздействием более сильных причин, думают, что они это двигают, хотя иногда они даже не приложили к этому рук. Тщеславные люди неизбежно должны вносить разногласия и раскол в любое дело, ибо всякое тщеславие познается в сравнении. Они неизбежно должны быть шумливыми, дабы подтвердить свое хвастовство. Они не могут быть скрытными и поэтому не достигают своей цели; как говорит французская пословица: «Beaucoup de bruit, peu de fruit» — много шума, мало проку. Однако, безусловно, в гражданских делах можно найти применение даже этому качеству; где необходимо создать мнение или прославить добродетель или величие, эти люди являются хорошими трубачами. Как заметил Тит Ливий в отношении Антиоха и этолийцев, «иногда перекрестная ложь приводит к большим последствиям» [223]; например, если какой-либо человек, ведущий переговоры между двумя государями с целью вовлечь их в войну против третьего, действительно сверх меры преувеличивает силы каждого из них перед другим; а иногда тот, кто имеет дело с двумя людьми, приобретает больше доверия в глазах обоих, притворяясь, что он проявляет больше интереса, чем у него есть на самом деле, к каждому из них. И в этих и других подобных случаях часто получается так, что из ничего создается нечто, ибо лжи достаточно, чтобы породить мнение, а мнение влечет за собой действие.

Тщеславие является важной чертой военачальников и солдат; ибо подобно тому, как железо заостряется железом, так восхвалением мужества одного заостряется мужество другого. В случаях, требующих большой предприимчивости, связанных с нападением и риском, сочетание тщеславных натур действительно вдыхает жизнь в эти предприятия; а солидные и трезвые натуры, скорее, служат балластом, чем парусом. Что касается славы в уче-

ном мире, то ее полет будет медленным, если в ней не будет нескольких перьев хвастовства: «Qui de contemnenda gloria libros scribunt, nomen suum inscribunt» [224]. Сократ, Аристотель, Гален были полны хвастовства. Тщеславие, безусловно, помогает увековечить память о человеке; и добродетель не бывает обязана за свое прославление только тому, что получает из вторых рук. Слава Цицерона, Сенеки, Плиния Младшего не пережила бы их вéка, если бы к ней не присоединилось их тщеславие, подобно лаку, который придает полу не только блеск, но и прочность.

Но все время, пока я говорю о тщеславии, я имею в виду не то качество, которое Тацит приписывает Муциану: «Omnium, quae dixerat, feceratque, arte quadam ostentator» [225]; ибо оно происходит не от тщеславия, а от природного великодушия и благоразумия, и у некоторых людей оно не только благообразно, но и грациозно. Ибо оправдания, притворные уступки, сама скромность, которой хорошо владеют, есть всего лишь приемы хвастовства. И среди этих приемов есть один непревзойденный, о котором говорит Плиний Младший и который состоит в том, чтобы щедро раздавать похвалы другим в отношении того, в чем сам человек достиг какого-либо совершенства. Ибо, как весьма остроумно замечает Плиний: «Восхваляя другого, ты воздаешь должное самому себе; ибо тот, кого ты хвалишь, либо превосходит тебя в этом, что ты восхваляешь, либо уступает тебе в этом. Если он тебе уступает и если его хвалят, то ты тем более заслуживаешь похвалы; если же он превосходит тебя и если его не хвалят, то тем менее нужно хвалить и тебя» [226].

Тщеславные люди возбуждают презрение у мудрых, восхищение у глупцов, становятся идолами паразитов и рабами своей собственной похвальбы.

LV. О почестях и славе

Завоевание почестей есть лишь обнаружение — без помех — достоинств и добродетелей человека. Некоторые во всех своих деяниях стремятся к почестям и известности. О таких обычно говорят много, но втайне думают дурно. Другие, напротив, не умеют показать своих достоинств, так что им не воздают должного.

Если человек совершит что-либо, что до него не предпринималось, или было начато и оставлено, или же выполнено не столь удачно, ему достанется больше чести, чем

за более трудное дело, где он явится лишь последователем. Кто сумеет так повести себя, чтобы угодить всем партиям и группировкам, того будут славить всего громче. Кто предпримет что-либо, что грозит большим позором в случае неудачи, нежели обещает почестей при свершении, тот плохо заботится о своей славе. Слава, отнятая у соперника, сверкает всего ярче, как граненый алмаз. Старайтесь же превзойти всех соперников, поразить их, так сказать, собственным их оружием.

Много содействуют доброй славе слуги и приближенные, если они не болтают лишнего. «Omnis fama a domesticis emanat» [227]. Чтобы избежать зависти, пагубной для доброй славы, лучше всего заявлять, что целью ваших стремлений является не слава, но единственно лишь служение, и приписывать ваши успехи более божественному промыслу и удаче, нежели собственным вашим достоинствам или образу действий.

Лиц, облеченных верховной властью, я разместил бы на лестнице славы в следующем порядке. На первом месте — «conditores imperiorum», основатели государств и содружеств, как Ромул, Кир, Цезарь, Осман, Исмаил [228]. На втором — «legislatores», законодатели, называемые также «вторыми основателями» или «perpetui principes», потому что они и после смерти управляют посредством своих законов; таковы Ликург, Солон, Юстиниан, Эдгар, Альфонсо Кастильский Мудрый, создатель «Siete partidas» [229]. На третьем месте стоят «liberatores», или «salvatores», которые кладут конец долгим бедствиям гражданской войны или освобождают отечество от чужеземного ига или тирана; таковы Цезарь Август, Веспасиан, Аврелиан, Теодорих, Генрих VII Английский, Генрих IV Французский [230]. На четвертом месте стоят «propagatores», или «propugnatores imperii» [231],— те, кто в почетной войне раздвигает границы своих государств или доблестно защищается от завоевателей. На последнем месте стоят «patres patriae» [232]— те, кто правит по справедливости, составляя счастье своих подданных. Последние две категории не нуждаются в примерах, столь они многочисленны.

Подданные заслуживают почестей в следующем порядке. Вначале — «patricipes curarum», те, на кого государи возлагают главное бремя правления и кого называют обычно их правой рукой. Далее следуют «duces delli» — великие полководцы, помощники государей в делах войны. На третьем месте стоят «gratiosi», фавориты, но только те из них, кто умеет держаться в границах и, служа уте-

хой государю, не причиняют вреда народу. На четвертом месте стоят «negotiis pares» — те, кто занимает высокие должности в государстве и добросовестно их отправляет. Есть и еще род славы, из числа величайших, но редко кому выпадающий,— это честь пожертвовать собой на благо родины, как это сделали М. Регул и оба Деция [233].

LVI. О правосудии [234]

Судьям надлежит помнить, что их дело «jus dicere», а не «jus dare» — толковать законы, а не создавать и издавать их. Иначе будет похоже на ту власть, какую присваивает себе римская церковь, которая под предлогом толкования Писания не останавливается перед добавлениями и изменениями, находит там то, чего нет, и под видом охраны старого вводит новое [235]. Судьям подобает более учености, чем остроумия, более почтительности, чем искусности в доказательствах, более осмотрительности, чем самоуверенности. Но главной их добродетелью является неподкупность. «Проклят нарушающий межи ближнего своего» [236],— гласит Писание. Кто сдвинет межевой знак, достоин осуждения. Но никто не смещает столько межевых знаков, сколько неправедный судья, неверно межующий земли и владения. Один дурной приговор пагубнее множества дурных примеров, ибо последние оскверняют поток, первые же — самый родник. Так говорит и Соломон: «Fons turbatus, et vena corrupta est justus cadens in causa sua coram adversario» [237]. В отправлении своей должности судьи имеют дело с тяжущимися сторонами, с защищающими их адвокатами, с подчиненными им судейскими писцами и чиновниками и с государем или правительством, которому они сами подвластны.

Скажем сперва об отношении судей к тяжущимся сторонам. «Есть такие,— говорит Писание,— которые суд превращают в отраву» [238], а есть и такие, что превращают правосудие в уксус, ибо оно становится горьким от несправедливости и кислым от проволочек. Главная обязанность судьи состоит в обуздании насилия и плутовства, причем насилие пагубнее, когда оно явно, а плутовство — когда оно тайно. Добавьте к этому спорные дела, которые судам следовало бы изрыгать, не обременяя своего чрева. Судья должен готовить справедливый приговор, как бог прокладывает свой путь, «наполняя всякий дол и понижая всякий холм» [239]. Если с какой-либо стороны окажутся произвол, насилие, хитрость, сговор, сильная

заручка, искусный защитник, вот тогда-то и должен праведный судья уравнять неравенство и как бы уравновесить весы правосудия. «Qui fortiter emungit, elicit sanguinem» [240], и где винный пресс жмет чересчур сильно, вино получается терпким и отзывается косточками. Пусть судьи остерегаются толкований в дурную сторону и натянутых выводов, ибо нет пытки хуже, нежели пытка законом. Особенно в части уголовных законов они должны стараться, чтобы острастка не превратилась в жестокость; и чтобы не обрушить на народ того бедствия, о котором говорит Писание: «Pluet super eos laqueos» [241], ведь суровые уголовные законы для народа не что иное, как тенета и ловушки. А потому пусть те уголовные законы, кои пребывали в долгой спячке или стали непригодны для новых времен, мудрыми судьями применяются ограниченно: «judicis officium est, ut res, ita tempora rerum, etc.» [242]. Там же, где дело идет о жизни и смерти, судьям надлежит (поскольку дозволяет закон), верша правосудие, помнить о милосердии и взирать суровым оком на дурной пример, но милосердным — на самого виновника.

Скажем, далее, об отношении судей к адвокатам, защищающим дело. Умение выслушивать терпеливо и невозмутимо составляет важную часть судейских обязанностей; многоречивый судья не есть «кимвал бряцающий». Судье не подобает первому высказывать то, что он может своевременно услышать от адвокатов, щеголять своей сметливостью, прерывая на полуслове свидетеля или защитника, и прерывать показания вопросами, хотя бы и уместными. Обязанности судьи при слушании дела могут быть сведены к четырем: направлять показания; умерять многословие, повторения и неуместные речи; отобрать и свести воедино наиболее существенное из сказанного и вынести решение или приговор. Все, что сверх этого, излишне и проистекает из тщеславия и словоохотливости, или от нетерпения, или от беспамятности, или от неумения сосредоточить свое внимание. Странно видеть, как может влиять на судьбу бессовестный адвокат; тогда как судье надлежит, подобно богу, чьим наместником он является, «гордым противиться, а смиренным давать благодать» [243]. Но еще более странно, что у судей бывают любимцы. Ведь это неизбежно влечет за собой повышение платы адвокатам и подозрения в лихоимстве. Когда дело защищалось правильно и по чести, судья обязан выразить адвокату известное поощрение, в особенности же адвокату проигравшей стороны, ибо это внушает тяжущемуся

доверие к адвокату и колеблет его убеждение, что дело его и без того верное. С другой стороны, когда имеются налицо плутни, грубое небрежение, неосведомленность, давление или наглость, судья обязан публично вынести адвокату порицание. И пусть адвокат на суде не пререкается с судьей и после вынесения приговора не пытается вновь вмешаться в дело; но пусть и судья со своей стороны не спешит с решением и не дает какой-либо из сторон повод жаловаться, что его защитник или свидетели не были выслушаны.

Скажем, далее, о судейских писцах и чиновниках. Суд есть место священное, а потому не только судейское кресло, но и подножье его и все подступы к нему должны быть охраняемы от соблазнов и худой славы. «Нельзя,— гласит Писание,— собирать виноград с терновника» [244]. Так и правосудие не может дать своего сладостного плода среди шипов и терниев, какими являются алчные и корыстные писцы и чиновники. Крючкотворы эти встречаются в четырех разновидностях. Первые из них — мастера плодить тяжбы, от которых жиреют судьи и беднеет народ. Вторые — это те, кто вовлекает суды в столкновения по поводу границ их юрисдикции, а на деле является не «amici curiae», но «parasiti curiae» [245], ибо ради собственных выгод подстрекают суды к превышению их полномочий. Третьи — это те, кого можно назвать левой рукой правосудия: люди, имеющие в запасе всевозможные ловкие и темные плутни и ухищрения, которые мешают прямому ходу правосудия и ведут его кривыми и запутанными путями. Четвертые — это вымогатели, из-за которых суд часто сравнивают с терновым кустом, где овцы, ищущие убежища от непогоды, непременно оставляют часть своей шерсти. И напротив, старый чиновник, сведущий в прецедентах, осмотрительный в судопроизводстве и опытный во всех делах, является превосходным руководителем и нередко может указать путь самому судье.

Что касается государя и государства, то здесь судьям надлежит прежде всего помнить заключительные слова римских Двенадцати Таблиц: «Salus populi suprema lex» [246] — и знать, что законы, если они не служат этой цели, суть лишь вздорные и ложные прорицания. Благо тому государству, где король и правители часто совещаются с судьями, а судьи часто совещаются с правителями и королем; первые — когда в государственные дела замешаны вопросы права, вторые — когда вопросы права сталкиваются с политическими соображениями. Ибо нередко

дело по видимости сводится к понятиям «meum» и «tuum»[247], тогда как последствия его могут затрагивать интересы государства. Делом государственным я называю не только права верховной власти, но все, что влечет за собой важные перемены, или создает опасный прецедент, или касается большой части населения. И пусть никто не думает, что справедливые законы и разумная политика враждебны друг другу, ведь они подобны нервам и мускулам: одно без другого не действует. Пусть судьи памятуют также, что трон Соломонов поддерживаем был с обеих сторон львами. И пусть они будут львами, но львами у подножия трона, и не ставят никаких препон верховной власти. Вместе с тем пусть судьи достаточно знают свои права, чтобы понимать, что мудрое применение законов остается их главнейшей прерогативой. Ибо им, наверное, ведомо, что сказал апостол о другом, высшем законе: «Nos scimus quia lex bona est, modo quis ea utatur legitime»[248].

LVII. О гневе

Надеяться совершенно смирить свой гнев — это всего лишь показное стремление стоиков. У нас есть более верные оракулы: «Гневаясь, не согрешайте. Солнце да не зайдет во гневе вашем»[249]. Гнев необходимо ограничивать и сдерживать как в силе выражения, так и в продолжительности. Мы сначала поговорим о том, как естественная склонность и привычка сердиться могут быть поставлены под контроль и усмирены; во-вторых, как можно подавлять конкретные действия, вызываемые гневом, или по крайней мере как можно избежать беды во гневе; в-третьих, как возбуждать или усмирять гнев у других.

Что касается первого, то нет другого пути, как хорошенько подумать и поразмыслить о последствиях гнева, о том, какое беспокойство он приносит в жизнь человека. Самое лучшее время для этого — тот момент, когда приступ гнева совершенно прошел. Сенека хорошо сказал: «Гнев подобен падающему зданию, которое разбивается о то, что оно сбивает»[250]. Писание требует от нас, чтобы мы «терпением своим спасали души свои»[251]. И тот, кто потерял терпение, потерял свою душу. Люди не должны превращаться в пчел.

Animasque in vulnere ponunt[252].

Гнев, безусловно, является одним из видов низменного, что хорошо проявляется в слабости тех, в ком он царит:

в детях, женщинах, стариках, больных. Необходимо только иметь в виду, что в гневе лучше выказывать презрение, чем страх, с тем чтобы казаться, скорее, выше обиды, чем ниже ее; что легко сделать, если человек сам управляет собой.

Что касается второго пункта, то причины и мотивы гнева главным образом сводятся к трем. Первая — слишком большая чувствительность к обиде, ибо человек не испытывает гнева, если он не чувствует, что его обидели. Поэтому нежные и тонкие натуры гневаются чаще, так как их задевает много таких вещей, которые более грубые натуры даже почти не ощущают. Затем — восприятие и истолкование обиды: то, как она была нанесена, в каких обстоятельствах, нанесена ли с полным презрением. Ведь презрение является тем фактором, который разжигает гнев в той же мере или даже сильнее, чем сама обида. И поэтому, когда люди искусны в определении тех обстоятельств, которые свидетельствуют о презрении, они, действительно, очень сильно разжигают свой гнев. Наконец, мысль о том, что это затрагивает репутацию человека, умножает и заостряет гнев. Лекарством от этого является обладание, как имел обыкновение говорить Гонсальво, «telam honoris crassiorem» [253]. Но при всех попытках сдержать гнев самое лучшее средство состоит в том, чтобы выиграть время; заставить себя поверить тому, что время для мщения еще не наступило, но непременно наступит; а пока успокоить себя и оставить за собой право на мщение.

Чтобы сдержать гнев и не допустить беды, даже если человек уже в гневе, нужно обратить особое внимание на два обстоятельства, с которыми надо быть особенно осторожным. Первое, не допускать чрезвычайной ожесточенности выражений, особенно если они будут ядовиты и крепки; ибо «communia maledicta» [254] есть многозначительное ничто; и еще, чтобы в припадке гнева не раскрыть секретов, ибо это ставит человека вне общества. Второе, нельзя в припадке гнева бесповоротно ломать какое-либо дело; и как бы вы ни выражали свою горечь, не делайте ничего, чего нельзя было бы поправить.

Что касается возбуждения и успокоения гнева в другом человеке, то это достигается главным образом выбором подходящего времени, когда люди наиболее упрямы и плохо настроены; тем легче распалить их. И опять же, вы собираете (как было упомянуто ранее) все то, что может усугубить презрение. А для успокоения имеются два

противоположных средства. Первое — выбрать подходящее время, когда можно впервые сообщить человеку о деле, которое способно вызвать его гнев, ибо первое впечатление много значит. Второе же — пресечь в той мере, в какой это возможно, истолкование обиды как следствия презрения; отнести ее за счет непонимания, страха, аффекта или всего чего угодно.

LVIII. О превратностях вещей

«Нет ничего нового под солнцем» [255],— сказал Соломон. И, как Платон считает, что «всякое знание есть лишь припоминание», так Соломон говорит, что «все новое есть лишь забвенное» [256],— откуда можно видеть, что воды Леты текут не только под землей, но и на земле. У одного астролога находим мы следующее темное высказывание: «Не будь на свете двух постоянных вещей (а именно неподвижных звезд, всегда находящихся друг от друга на одном расстоянии, не приближаясь и не удаляясь; и неизменного ежедневного вращения, которое отсчитывает время), никто не мог бы существовать и одного мгновения».

Одно можно сказать с достоверностью: материя не знает покоя и находится в вечном движении. Есть два обширных савана, все под собой погребающих,— потопы и землетрясения. Что касается пожаров и больших засух, то они хотя и разрушительны, но не совсем истребляют население. Кони Фаэтона понесли только раз [257]. А трехлетняя засуха во времена Илии была только частичной и оставила жителей в живых [258]. Точно так же и пожары, возникающие от молний и часто наблюдаемые в Вест-Индии,— действие их местное и ограниченное. Тогда как при потопе и землетрясении если и случится кому уцелеть, то это обычно люди темные, жители глухих горных мест, не сохранившие памяти о прошлом; поэтому забвение поглощает страну так, словно бы никого в живых и не оставалось. Возьмем хотя бы население Вест-Индии; весьма возможно, что это народ более новый или молодой, чем обитатели Старого Света, и что бедствие, некогда там происшедшее, было всего вероятнее не землетрясением (как говорил египетский жрец Солону об острове Атлантида [259]), но частичным потопом, ибо землетрясения в тех краях редки. Зато реки у них столь мощны, что рядом с ними реки Азии, Африки и Европы кажутся

ручьями. Точно так же и горы их, Анды, много выше наших; почему и представляется возможным, что жители после такого потопа частью уцелели. Что же касается замечания Макиавелли, который главную причину исчезновения памятников прошлого видит во вражде религиозных сект и обвиняет Григория Великого в усердном истреблении языческих древностей[260], то я что-то не вижу, чтобы подобное рвение достигало цели или имело длительные последствия; так было и на сей раз, ибо Григорию наследовал Сабиниан, взявшийся за восстановление древностей.

Превратности или перемены в небесных сферах не являются подходящим предметом для моего рассуждения. Быть может, Платонов Великий Год[261], если только мир наш продержится до тех пор, окажет некоторое действие — не в смысле воскрешения отдельных личностей (ибо это лишь пустые бредни тех, кто воображает, будто небесные светила имеют более влияния на земные дела, чем это есть в действительности), но в смысле общих перемен. Такое же действие и влияние на общий ход вещей, несомненно, имеют кометы. Но у нас принято более дивиться им и следить за их движением, нежели должным образом наблюдать их действие, особенно в его взаимосвязях, а именно какие кометы — по величине, цвету, направлению лучей, положению в небе и длительности появления — какое действие оказывают.

Мне довелось слышать один пустяк, который, однако же, не хотелось бы оставлять без внимания. Говорят, что в Нидерландах (не знаю только в какой их части) каждые тридцать пять лет повторяются в том же порядке все явления природы, как-то: большие морозы, проливные дожди, сильные засухи, теплые зимы, холодные лета и так далее. И называется это у них «Примой». Пример этому я привожу тем охотнее, что, произведя некоторые вычисления за прошедшие годы, обнаружил ряд совпадений.

Но обратимся теперь от природы к человеку. Величайшей превратностью в делах человеческих являются смены сект и вероучений. Ведь именно они всего более властвуют над умами. Истинная религия зиждется на скале; остальные же являются игралищем волн времени. Итак, поговорим о причинах появления новых сект и дадим по этому поводу некоторые советы в той мере, в какой слабый человеческий разум способен оказывать действие на события такой важности.

Когда общепринятая религия раздираема спорами; когда нравы ее служителей исполнились греха и соблазна, а времена темны и невежественны — тогда должно ожидать появления новой секты, если к тому же явится неспокойный и мятущийся дух, чтобы стать ее основателем. Все эти обстоятельства были налицо, когда Магомет возгласил свой закон. Но есть еще два признака, обязательных для новой секты; иначе нечего и опасаться ее распространения. Во-первых, надо, чтобы она противостояла установленной власти и стремилась заменить ее, ибо нет ничего популярнее этого; а во-вторых, чтобы давала простор чувственным страстям. Ибо ересь умозрительная (каковым было в древние времена арианство, а ныне — арминианство[262]), хотя и сильно воздействует на умы, все же не производит переворотов в государствах, разве лишь в сочетании с политическими событиями. Насаждение новой веры происходит тремя путями: силой чудес и знамений, красноречивыми и мудрыми речами и увещеваниями и силой оружия. Мученичество причисляю я также к чудесам, ибо оно превышает, по-видимому, силы человеческой природы. Туда же склонен я отнести и выдающиеся примеры необычайной святости жизни. Для борьбы с новыми сектами и ересями нет лучшего способа, как искоренять злоупотребления, примирять несущественные разногласия, действовать с умеренностью, не прибегая к кровавым расправам; главных же зачинщиков лучше привлекать подкупами и милостями, нежели озлоблять преследованиями.

Превратности и перемены в войнах многочисленны, но более всего подвержены им три вещи: театр военных действий, оружие и способы ведения войны. В древности войны имели преимущественно направление с востока на запад, ибо персы, ассирийцы, арабы, татары (т. е. все завоеватели) были народами восточными. Правда, галлы относятся к числу западных; но из их набегов нам известны лишь два: один — на Галатию, другой — на Рим[263]. Восток и запад не являются, однако, постоянными точками на небе; так же и о войнах нельзя с точностью заключить, свойственно ли им восточное направление или западное. Тогда как север и юг являются направлениями постоянными; и редко или даже никогда не случалось южному народу завоевать северный, а бывало как раз наоборот. Отсюда явствует, что жители северных стран по природе своей более воинственны, будь то влияние звезд этого полушария или следствие расположения на севере

Издание «Sylva Sylvarum» и «Новой Атлантиды»
Амстердам», 1648 г.

NEW

ATLANTIS

A Worke vnfinished.

Written by the Right Honourable, FRANCIS
Lord Verulam, Viſcount St. Alban.

Заглавная страница «Новой Атлантиды»,
включенной в книгу Ф. Бэкона «Sylva Sylvarum»
Первое английское издание 1627 г.

MVNDVS
ALTER ET IDEM.
Sive
Terra Auſtralis antehac ſemper incognita; longis itineribus peregrini Academici nuperrimè luſtrata.
Autbore MERCVRIO BRITANNICO.
Acceſſit propter affinitatem materiæ.
THOMÆ CAMPANELLÆ,
CIVITAS SOLIS.
ET
NOVA ATLANTIS.
FRANC. BACONIS,
Bar. de Verulamio.

VLTRAIECTI,
Apud JOANNEM à WAESBERGE Anno cIↃ IↃ cXLIII.

Титульный лист «Города Солнца»
Кампанеллы и «Новой Атлантиды» Бэкона
Утрехт, 1643 г.

НОВАЯ

АТЛАНТИДА;

СОЧИНЕНІЕ

ФРАНЦИСКА БАКОНА

АНГЛИНСКАГО КАНЦЛЕРА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Г-ЖИ БОЖУКОВОЙ

1821

Русское издание «Новой Атлантиды» 1821 г.

больших материков, тогда как юг, насколько известно, почти целиком занят морями; или же (что всего вероятнее) следствие холодного климата северных стран, который без помощи военного обучения всего более укрепляет тела и горячит сердца.

Войны наверняка можно ждать при распаде великой империи. Ибо такие империи, покуда они существуют, весьма расслабляют население подвластных им областей, полагаясь для защиты их единственно на собственные свои силы; а когда силы эти иссякнут, то и все рушится, становясь легкой добычей. Так было при распаде Римской империи, так было с империей Германской после Карла Великого, когда каждый хищник отрывал по куску; так может случиться с Испанией, если станет она распадаться. Крупные государственные объединения также порождают войны, ибо, когда могущество государства чрезмерно усиливается, оно становится подобным мощной реке и наверняка выходит из берегов. Так было с Римом, Турцией, Испанией и др. И еще заметим: когда мир населен не варварскими племенами, но преимущественно такими, которые воздерживаются от брака и деторождения, если не имеют средств к жизни (а это в наши дни наблюдается почти повсеместно, исключая Татарию), то нечего опасаться нашествий. Но когда имеются огромные скопления людей, продолжающих плодиться, не заботясь о средствах к существованию, тогда неизбежно раз или два в столетие часть этого народа будет наводнять соседние страны; это у древних народов Севера решалось жребием: кому оставаться дома, а кому искать счастья по свету. Война неизбежна и тогда, когда народ, ранее воинственный, становится изнеженным и расслабленным, ибо такие государства обычно накапливают богатства за время своего вырождения; это служит приманкой, а упадок в них доблести поощряет врагов к войне.

Что касается оружия, то здесь трудно привести какое-либо общее правило; однако и тут мы видим превратности и чередования. Известно, например, что огнестрельное оружие применялось в Индии и что именно его македонцы называли громом и молнией или колдовством. И мы знаем также, что в Китае огнестрельное оружие было известно более двух тысячелетий назад. От оружия требуется, во-первых, дальность боя, ибо тогда оно опережает опасность, как видно по артиллерии и мушкетам; во-вторых, пробивная сила, в чем артиллерия опять-таки превосходит все тараны и военные машины древности;

в-третьих, удобство пользования: чтобы действовали во всякую погоду, были подвижными, легкими и тому подобное.

Что касается способов ведения войны, то вначале более всего полагались на численность войска; в солдатах ценили лишь силу и храбрость, назначали дни для решающих сражений, т. е. старались решить дело просто в схватке, а искусство боевого строя было неведомо. Впоследствии стали более ценить умение, а не число, понимать значение выбора местности, хитроумных диверсий и прочего и искуснее располагать войска перед боем.

В молодых государствах процветает искусство войны; в зрелых — науки; затем некоторое время процветает то и другое; в дряхлых же — ремесла и торговля. Есть и у науки младенчество, когда она только еще лепечет; затем юность, когда она бывает цветущей и пышной; далее, зрелость, когда она становится серьезной и немногословной; и наконец, старость, когда она дряхлеет. Но не следует слишком долго созерцать вращение колес превратности, не то закружится голова. Что же касается их объяснения, то это лишь собрание побасенок, а потому для этих страниц непригодно.

НОВАЯ АТЛАНТИДА

Мы отплыли из Перу (где пробыли целый год) в Южные моря[1], в направлении Китая и Японии, взяв с собою припасов на двенадцать месяцев. В течение пяти с лишним месяцев дули попутные, хотя и слабые, ветры с востока; но затем ветер переменился и много дней подряд дул с запада, так что мы почти не продвигались и порой подумывали о возвращении. Вслед затем, однако, поднялся сильный ветер с юга и юго-запада, отнесший нас (несмотря на все наши усилия) к северу. К этому времени запасы наши истощились, хотя мы и расходовали их бережно. И вот, очутившись среди величайшей в мире водной пустыни, мы почли себя погибшими и стали готовиться к смерти. Однако мы все еще возносили сердца наши и мольбы ко всевышнему, творящему чудеса на водах, моля, чтобы как при сотворении мира он собрал воду воедино и явил сушу; так и теперь явил бы нам сушу и не дал погибнуть.

И вот ввечеру следующего дня показалось с севера как бы густое облако, вселившее в нас некоторую надежду на землю; ибо мы знали, что эта часть Южного моря совершенно не исследована, и тут могли оказаться острова и материки, дотоле неизвестные. Поэтому направили мы наш корабль туда, где всю ночь виднелось это подобие земли, а на рассвете ясно увидели, что это и была земля — плоская на вид и весьма лесистая, отчего казалась темнее.

Спустя полтора часа вошли мы в удобную бухту, служившую гаванью красивому городу, не слишком большому, но отлично построенному и с моря выглядевшему весьма живописно. Считая каждую минуту промедлением, подошли мы к берегу и уже готовились высадиться. Но тут мы увидели, что несколько человек с жезлами в руках запрещают нам это — не криками или угрозами,

но предостерегающими знаками. Будучи немало огорчены, мы стали совещаться, как поступить.

Тем временем направилась к нам небольшая лодка, вмещавшая человек восемь; один из них держал жезл из желтого тростника, окрашенный на концах в синий цвет; он взошел к нам на корабль, не обнаруживая ни малейшего недоверия. Увидев, что один из нас выступил несколько вперед, он вынул небольшой свиток пергамента (более желтого, чем наш, и блестящего, но весьма мягкого и гибкого) и вручил его стоявшему впереди. Там начертаны были — на древнееврейском, древнегреческом, на хорошей латыни и на испанском — следующие строки: «Пусть никто из вас не сходит с корабля. И будьте готовы покинуть эти берега не позднее, как через шестнадцать дней, если только срок этот не будет вам продлен. А пока, если нуждаетесь в пресной воде, или съестных припасах, или в лечебной помощи вашим больным, или же корабль ваш имеет повреждения — напишите, что вам надобно, и долг милосердия будет нами исполнен».

Свиток скреплен был печатью, изображавшей крыла серафимов, но не простертые, а опущенные книзу; а подле них крест. Вручив нам свиток, чиновник удалился, оставив слугу, которому должны мы были передать наш ответ. Посовещавшись между собою, мы все же пребывали в большом смущении. Запрещение высадиться и приказ вскорости отплыть весьма нас огорчали. Вместе с тем открытие, что народ здешний сведущ в наших языках и полон человеколюбия, немало нас ободрило. Но всего более порадовал нас знак креста на свитке, как верный предвестник доброго. Ответ наш был составлен на испанском языке: «Что до корабля, то он в исправности, ибо в пути мы испытали безветрие и противный ветер, но не бури. Что до больных, то их у нас много — и очень тяжелых; так что запрещение высадиться угрожает им смертью». Прочие наши нужды мы отметили особо, добавив, что «имеем с собой кое-какие товары, которые, если угодно будет вступить с нами в сделку, могли бы покрыть наши расходы».

Слуге мы предложили некоторое вознаграждение в виде пистолей, а для чиновника — кусок алого бархата. Слуга, однако, не взял даров, едва на них взглянул и отплыл в другой лодке, которая была за ним послана.

Спустя примерно три часа после того, как отправлен был наш ответ, явилось к нам некое по-видимому важное

лицо. На нем было облачение с широкими рукавами из некой ткани, напоминавшей камлот, превосходной лазурной окраски и более глянцевитой, чем наша; нижнее платье его было зеленым; таков же был и его головной убор в виде чалмы, искусно сделанный — но размером поменьше, чем носят турки,— из-под которого спускались локонами его волосы. Вид у него был весьма почтенный. Доставившая его лодка была украшена позолотой; в ней находилось еще четыре человека. За этой лодкой следовала другая, в которой помещалось человек около двадцати.

Приблизившись к нашему кораблю на расстояние полета стрелы, они знаками показали нам, чтобы мы выслали кого-либо навстречу, что мы и сделали, пославши шлюпку, в которую сел второй по старшинству из наших начальников, а с ним еще четверо. Когда мы были в шести ярдах от лодки, они велели остановиться и не подходить ближе, что также было нами исполнено. Тут человек, описанный мною выше, поднялся в лодке и громко спросил по-испански: «Христиане ли вы?» Мы ответили утвердительно и безбоязненно, помня о кресте, изображенном на их печати. При этом ответе человек воздел правую руку к небесам, а затем медленно поднес ее к устам (этим знаком принято у них благодарить бога) и сказал: «Если все вы поклянетесь муками Спасителя, что вы не пираты, а также, что в течение последних сорока дней не пролили крови, будь то законным или незаконным образом, вам разрешено будет сойти на берег». Мы ответили, что готовы принести такую клятву; после чего один из сопровождавших его (как видно, писец) сделал соответствующую запись. Затем другой из его свиты, находившийся в одной с ним лодке, выслушав сперва своего господина, громко сказал: «Господин мой оповещает вас, что если не вступает к вам на корабль, то причина этому не гордость или высокомерие; но поскольку из ответа вашего оказалось, что на борту много больных, то блюститель народного здоровья распорядился, чтобы держались от вас на расстоянии». Мы отвечали с поклоном, что мы — покорные его слуги; что все, уже сделанное для нас, считаем за большую честь и проявление редкого человеколюбия, но уверены, что недуг наших людей не заразителен. С этим они отплыли; а спустя немного, к нам на корабль взошел писец; в руке он держал местный плод, напоминающий апельсин,— но цветом скорее алый, чем оранжевый,— издававший чудес-

ный аромат. Казалось, он пользовался им для предохранения себя от заразы. Он взял с нас клятву «именем Иисуса и мук его», а затем сообщил, что на следующее утро в шесть часов за нами пришлют, чтобы поместить в Доме чужестранцев (так он назвал его), где мы получим все необходимое как для больных, так и для здоровых. С этим он оставил нас; а когда мы предложили ему несколько пистолей, сказал с улыбкою, что не может дважды получать плату за труды; это (насколько я понимаю) означало, что он получает достаточное жалованье от государства. Как я узнал позже, «дважды оплаченными» они называют чиновников, берущих дары.

Рано поутру явился к нам тот самый человек с жезлом, который посетил нас первым, и сказал, что прислан доставить нас в Дом чужестранцев, а прибыл рано затем, чтобы мы имели в нашем распоряжении весь день. «Ибо, если послушаетесь моего совета,— сказал он,— со мной сперва отправятся несколько человек, чтобы осмотреть помещение и решить, как его удобнее приготовить; а там можно послать и за вашими больными и остальными вашими людьми, которых вы желаете высадить на сушу». Мы поблагодарили его, сказав, что бог вознаградит его за заботу о бесприютных чужестранцах. Итак, шестеро из нас сошли с ним на берег; причем он, идя впереди, обернулся и сказал, чтобы мы считали его нашим проводником и слугой. Он провел нас тремя прекрасными улицами; на всем нашем пути по обеим сторонам улицы собрался народ; но все выстроились правильными рядами и вели себя так вежливо, словно собрались не дивиться на нас, а приветствовать; некоторые при нашем приближении несколько выставляли вперед руку, что является у них знаком приветствия.

Дом чужестранцев представляет собой отличное просторное здание, выстроенное из кирпича, имеющего, по сравнению с нашим, синеватый отлив, с красивыми окнами, из которых одни застеклены, другие затянуты промасленной льняной тканью.

Введя нас в красивую приемную залу наверху лестницы, он спросил, сколько у нас больных. Мы ответили, что всего нас (здоровых и больных) пятьдесят один человек, из коих больных семнадцать. Он попросил нас запастись терпением и подождать его возвращения; а около часу спустя вернулся и повел нас осматривать отведенные нам комнаты, коих было девятнадцать. Как видно, они решили в четырех лучших комнатах поместить

четверых наших начальников, а в остальных пятнадцати разместить нас по двое. Комнаты были красивые, светлые и богато убранные. Затем он провел нас в длинную галерею, или спальный покой, где по одной стороне (по другой шла стена со множеством окон) расположен был ряд одиночных спален, очень опрятных, отделенных одна от другой перегородками из кедрового дерева. Эта галерея со спаленками, которых было всего сорок (значительно больше, чем нам требовалось), служила у них лазаретом. Он тут же сказал нам, что по мере выздоровления больные наши будут переводиться в обычные помещения, для чего было приготовлено еще десять комнат, кроме тех, о которых я упоминал выше. После этого он вернулся с нами в приемную залу и, подняв слегка свой жезл, как делают они при объявлении приказов начальства, сказал: «Вам надлежит знать, что обычаи нашей страны запрещают вам выходить отсюда в течение трех дней, не считая сегодняшнего и завтрашнего, которые даются вам для переселения с корабля. Однако пусть это не смущает вас и не почитается за лишение свободы, но скорее за срок, надобный для того, чтобы осмотреться и отдохнуть. Вы ни в чем не будете терпеть нужды; к вам приставлено шесть человек, которые будут выполнять все ваши поручения, требующие отлучек из этого дома». Мы поблагодарили его со всем усердием и почтительностью, прибавив: «Поистине, господь явил себя в этой стране». Мы также предложили ему двадцать пистолей, но он улыбнулся и сказал только: «Как? вторичная плата?» И с этим оставил нас. Вскоре был нам подан обед: причем и хлеб, и мясо были отличные — лучше чем за любой общественной трапезой, какую я мог припомнить в наших краях. Были также напитки трех сортов, все полезные и приятные на вкус: виноградное вино, напиток из зерна, наподобие нашего эля, но прозрачнее, и род сидра, приготовленного из местных фруктов,— удивительно вкусный и освежающий. Кроме того, принесли нам для наших больных большой запас упомянутых мной красных апельсинов, которые, по их словам, были верным средством от болезни, поражающей мореплавателей. Дали нам также коробку мелких пилюль серого и беловатого цвета, посоветовав давать их нашим больным, по одной пилюле на ночь, для ускорения их выздоровления.

На следующий день, когда мы уже несколько отдохнули от хлопот, причиненных перевозкою с корабля

людей и товаров, решил я созвать всех своих спутников; когда же они собрались, сказал: «Друзья мои, соберемся с мыслями и подумаем о нашей судьбе. Мы выброшены на сушу, подобно Ионе, извергнутому из чрева китова, когда уже считали себя погребенными в морской пучине; но и сейчас, обретя землю, мы находимся между жизнью и смертью; ибо оказались за пределами и Старого, и Нового света; и одному богу ведомо, увидим ли мы когда-либо берега Европы. Чудом попали мы сюда и только чудом сумеем отсюда выбраться. Пусть же,— памятуя недавнее избавление, а также нынешние и грядущие опасности,— каждый из нас обратит взоры к богу и очистится от скверны. К тому же, мы находимся здесь среди христианского племени, исполненного благочестия и человеколюбия. Так не посрамим же себя перед ними, обнаружив свою порочность и недостойность. Но это еще не все. Ибо они особым приказом (хотя и в учтивой форме) на три дня заключили нас в этих стенах; как знать, не для того ли, чтобы получить некоторое понятие о наших нравах? И если они окажутся плохи, изгнать нас немедля; а если хороши — продлить наше здесь пребывание? Ибо люди, приставленные к нам для услуг, могут, вместе с тем, наблюдать за нами. Поэтому заклинаю вас богом и заботою о душах и телах ваших так вести себя, чтобы быть в мире с господом и снискать расположение здешнего народа». Спутники мои в один голос поблагодарили меня за полезное увещевание и обещали вести себя учтиво и скромно, не подавая никаких поводов к неудовольствию. И так провели мы три дня с легким сердцем и беззаботно, ожидая, как будет поступлено с нами по истечении этого срока.

А тем временем ежечасно радовало нас улучшение состояния наших больных, которые мнили себя погруженными в некую целительную купель — так быстро и легко они выздоравливали.

По истечении трехдневного срока явился к нам поутру новый человек, до тех пор нами не виданный — одетый, как и прежний, в синее, только чалма на нем была белая, украшенная маленьким красным крестом, да еще пелерина из тонкого полотна. Входя, он слегка склонился и выставил руки вперед. Мы, со своей стороны, приветствовали его со смирением и покорностью, ибо ждали от него своего приговора. Он изъявил желание говорить с несколькими из нас; после чего шестеро из нас остались с ним, остальные же удалились. Пришедший ска-

зал: «Я по должности управитель Дома чужестранцев, а по сану христианский священник, и пришел предложить вам свои услуги как чужестранцам, но прежде всего как христианам. Могу сообщить весть, которая, я уверен, будет вам приятна. Правительство разрешило вам оставаться на берегу в течение шести недель; и пусть не тревожит вас, если окажется, что вам понадобится больше; ибо закон в этом пункте не слишком строг; и я не сомневаюсь, что сам смогу испросить для вас дальнейшее продление срока. Скажу также, что Дом чужестранцев в настоящее время богат и всем обеспечен. Вот уже тридцать семь лет накапливаются его доходы, ибо за это время ни один чужестранец не появлялся в этих краях. А потому ни о чем не тревожьтесь; государство берет на себя расходы по содержанию вашему на все время вашего пребывания, так что по этой причине оно не будет сокращено ни на один день. Что касается ваших товаров, то с вами поступлено будет по справедливости и произведен расчет: либо товарами, либо золотом и серебром; ибо для нас это безразлично. А если имеете какие-либо просьбы, говорите без утайки, и увидите, что мы не огорчим вас отказом. Об одном только вас предупреждаю: никто из вас не должен отлучаться из города дальше чем на один каран (это составляет у них полторы мили) без особого на то разрешения». Мы отвечали, обменявшись друг с другом взглядами, в коих выразилось восхищение столь приветливым и отеческим к нам отношением, что не знаем, что и сказать; ибо не находим слов для выражения нашей благодарности, а его щедрые и великодушные предложения не оставляют места для просьб. Мы словно видим перед собою прообраз нашего небесного спасения; ибо, находясь еще столь недавно в пасти смерти, очутились вдруг там, где все дарует нам утешение. Что касается наложенного на нас запрета, то мы его не нарушим, хотя и невозможно, чтобы мы не горели желанием повидать и другие части этой счастливой и благословенной страны. Мы добавили, что скорее языки наши присохнут к гортани, чем мы позабудем упоминать в своих молитвах как его почтенную особу, так и весь народ его. И смиренно просили его считать нас своими преданными слугами, по праву благодетеля, повергая к стопам его и себя самих, и все наше имение. Он отметил, что, будучи священником, ожидает лишь пастырской награды, а именно: нашей братской любви и блага нашим душам и телам; после чего удалился со слезами умиления,

нас же оставил радостными и смущенными. «Поистине,— говорили мы друг другу,— мы очутились в стране ангелов, которые являются нам ежедневно, предупреждая наши желания щедротами, каких мы не только не могли ожидать, но даже и представить себе».

На следующий день часов около десяти управитель явился к нам снова; после приветствий сказал дружески, что пришел навестить нас, велел подать себе стул и сел; сели и мы, человек десять (остальные были низкого звания, а некоторые отсутствовали). Когда мы уселись, он начал следующим образом: «Мы, жители острова Бенсалем (ибо так он именуется на их языке), благодаря нашему отдаленному расположению, тайне, к которой обязываем мы наших путешественников, и редкому допущению к себе чужестранцев, хорошо осведомлены о большей части обитаемых земель, сами же остаемся неизвестны. А коль скоро спрашивать подобает тому, кто менее осведомлен, то мы с вами лучше употребим время, если задавать вопросы будете вы, а не я». Мы отвечали, что смиренно благодарим его за это дозволение и уже можем на основании собственного опыта судить, что нет на земле ничего, более достойного ознакомления, нежели эта счастливая страна. «Но всего более,— прибавили мы,— после столь чудесной встречи на краю земли и уповая — несмотря на то, что мы живем в разных концах света,— на грядущую встречу в царствии небесном (ибо видим в них единоверцев-христиан), хотели бы знать (поскольку здешняя земля столь удалена и отделена обширными и неисследованными морями от тех мест, где сходил на землю Спаситель), кто был ее апостолом и как была она просвещена верою». При этом вопросе лицо его выразило большое удовлетворение, и он ответил: «Вы расположили меня к себе, задав этот вопрос в первую очередь, ибо он означает, что вы ищете прежде всего царствия небесного; отвечу вам на него охотно и кратко».

«Спустя около двадцати лет по воскресении Спасителя, жители Ренфузы (города на восточном побережье нашего острова) увидели однажды ночью (а ночь была облачной и спокойной) большой столп света, появившийся на море в расстоянии около мили; он имел форму колонны (или цилиндра) и подымался к небу на большую высоту; вершину его увенчивал крест, сиявший более ярко, нежели самый столп. Столь необычайное зрелище привлекло горожан на берег моря; а там некоторые сели в лодки, чтобы еще более приблизиться к чудес-

ному явлению. Однако не доплыв ярдов шестидесяти до столпа, лодки оказались словно скованными и не в силах плыть дальше, хотя в других направлениях могли двигаться свободно; так что все лодки расположились полукружием, созерцая небесное знамение. Случилось, что в одной из них находился мудрец из числа членов Соломонова дома; а это, добрые друзья мои, зеница ока нашей страны. И вот, после внимательного и благоговейного созерцания столпа и креста, человек этот склонился ниц; а затем, стоя на коленях и воздев руки к небу, произнес следующую молитву:

«Боже, владыка неба и земли, милостиво даровавший нашему братству познание твоих творений и тайн их, а также способность различать (насколько это доступно человеку) божественные чудеса, явления природы, произведения искусства и всякого рода обманы и призраки. Свидетельствую перед собравшимся здесь народом, что в представшем нам зрелище вижу перст твой и подлинное чудо; а зная из книг наших, что ты не творишь чудес иначе, как с благой и божественной целью (ибо законы природы есть твои законы, и ты не преступаешь их без важных к тому причин), мы смиренно просим тебя благословить твое знамение и открыть нам его значение, что ты уже отчасти обещаешь, ниспосылая его».

Едва окончил он свою молитву, как почувствовал, что лодка его обрела свободу движения, тогда как остальные оставались по-прежнему скованными; приняв это за дозволение приблизиться, он велел медленно и в молчании грести по направлению к столпу. Но не успел он приблизиться, как сияющий столп и крест распались и рассыпались как бы на множество звезд, вскоре также погасших; а на воде остался лишь небольшой ковчежец, или ларец, кедрового дерева, нимало не подмоченный водою, хотя и плыл по ней. Из переднего конца его, ближайшего к лодке, росла зеленая пальмовая ветвь. Когда же мудрец благоговейно взял ларец в лодку, он сам собою раскрылся, и в нем оказались книга и послание — и то, и другое на тонком пергаменте, обернутые в льняную ткань. Книга содержала все канонические книги Ветхого и Нового завета, соответствующие вашим (ибо нам известно, какие приняты вашими церквами); Апокалипсис и некоторые другие книги Нового завета, в ту пору еще не написанные, также, тем не менее, оказались тут. Что касается послания, то оно состояло из следующих строк:

«Мне, Варфоломею, рабу божию и апостолу Иисуса Христа, было видение, в коем ангел повелел мне вручить морским волнам этот ковчежец. А потому, объявляю народу, к которому угодно будет господу привесть ковчежец, что тем самым ниспосылается ему спасение, мир и благоволение от бога-отца и господа нашего Иисуса».

Кроме того, в обоих этих писаниях — книге и послании — было нам явлено чудо, подобное чуду апостолов, когда был ниспослан им дар языков. Ибо не только местные жители, но также иудеи, персы и индийцы, находившиеся в ту пору в нашей стране, смогли прочесть книгу и послание так, словно они были написаны на их родном языке. Вот как случилось, что ковчег, спасший остальную часть старого мира от потопа, спас нашу землю от неверия, через апостольскую проповедь св. Варфоломея». Тут он остановился, ибо пришел посланец и вызвал его от нас.

На следующий день, тотчас после обеда, управитель явился к нам снова и попросил извинения, говоря, что накануне был вызван от нас несколько поспешно, но теперь постарается возместить это и проведет с нами больше времени, если только общество его и беседа нам приятны. Мы отвечали, что оно столь нам приятно, что, слушая его, мы забываем и перенесенные бедствия и грядущие опасения и один час, проведенный с ним, ценим наравне с годами прежней нашей жизни. Он слегка наклонился, а когда мы уселись, сказал: «Итак, спрашивать надлежит вам».

Тут один из нас, после некоторого молчания, сказал, что есть один предмет, о котором мы столь же желаем, сколько боимся спросить, дабы не злоупотребить его добротою. Однако же, одобренные столь редкостным человеколюбием с его стороны, и не считая себя совершенно чужими, но его верными слугами, осмеливаемся заговорить об этом, смиренно, прося его простить дерзкий вопрос, если бы и пришлось отклонить его. Нам запомнилось, продолжали мы, прежнее его замечание о том, что счастливый остров, где мы сейчас находимся, известен лишь немногим, хотя самим его жителям известна большая часть света; это видно из того, что здесь знают европейские языки, а также многие наши дела; тогда как мы, европейцы (несмотря на все плавания и открытия последнего времени), никогда не видали этого острова и не слыхали о нем. Это кажется нам удивительным; ибо все народы знают друг друга либо посредством путеше-

ствий в чужие края, либо через приезжающих чужестранцев; и хотя путешественник больше узнает, видя все воочию, нежели остающиеся у себя дома могут узнать из рассказов, однако ж оба эти способа достаточны для некоторого взаимного познания. Что же касается этого острова, то мы никогда не слыхали, чтобы какой-либо их корабль приставал к берегам Европы, Ост-Индии или Вест-Индии и чтобы хоть чей-нибудь корабль побывал у них. Но самое диковинное еще не в этом. Ибо этому может способствовать (как сказала и его светлость) уединенное расположение в неисследованной части обширного океана. Но как могут островитяне знать языки, книги и историю тех, кто отделен от них таким расстоянием,— вот что кажется нам непостижимым и представляется свойством и особенностью божественных существ, которые сами неведомы и незримы, тогда как другие для них прозрачней стекла. Выслушав это, управитель добродушно улыбнулся и сказал, что мы недаром просили прощения за подобный вопрос; ибо, как видно, считаем его землю страной чародеев, посылающих во все концы света незримых духов, которые доставляют им сведения о чужих краях. На это все мы ответили с подобающей почтительностью, но, однако, показав, что поняли его шутку: «Да, мы действительно склонны думать, что остров имеет в себе нечто сверхъестественное, но скорее ангельское, нежели колдовское. Однако, если говорить правду, не это заставило нас опасаться задать наш вопрос, но запомнившиеся нам слова вашей светлости о том, что законы страны предписывают хранить ее тайну от чужестранцев». На это он сказал: «Вы не ослышались; а потому, отвечая вам, я умолчу о некоторых подробностях, которые оглашать не имею права; но и без того сумею удовлетворить вашу любознательность».

«Вам надлежит знать (хотя вы и можете счесть это невероятным), что три тысячи, и более, лет назад мореплавание (особенно в отдаленные страны) было развито более, нежели сейчас. Не думайте, что мне неизвестно, какие успехи оно сделало за последние сто двадцать лет. Я знаю это отлично и, тем не менее, повторяю: более, нежели сейчас. Потому ли, что пример ковчега, спасшего остатки рода человеческого от всемирного потопа, поощрял людей вверяться волнам, или по другой причине, но так оно было. Большой флот был у финикийцев, особенно у жителей Тира, а также у их колонии, Карфагена, лежавшего еще дальше к западу. На востоке

много кораблей было у Египта и Палестины. Китай и великая Атлантида (именуемая у вас Америкой), сейчас имеющие лишь джонки и пироги, в ту пору также в изобилии имели большие суда. Наш остров (как видно из достоверных летописей того времени) имел полторы тысячи прочных кораблей большого водоизмещения. Об этом у вас сохранилось мало сведений, или же вовсе никаких, нам же все это хорошо ведомо.

В то время страна наша была известна и посещалась кораблями всех названных мною стран. И нередко случалось, что с ними прибывали также люди других стран, не имевших своего флота, как-то: персы, халдеи, арабы; так что у нас побывали почти все могучие и слабые народы, от которых здесь и по сей день сохранилось несколько родов и небольших племен. Что касается собственных наших кораблей, то они, плавая повсюду, достигали и вашего пролива, называемого Геркулесовыми столбами, и других частей Атлантики и Средиземного моря, и Пекина (иначе называемого Камбалу), и Кинсаи на Восточных морях, и даже самих рубежей Восточной Татарии [2].

В это же время, и еще столетие спустя, процветала и великая Атлантида. И хотя повесть о ней, написанная одним из ваших великих людей [3],— который назвал ее поселением потомков Нептуна и описал ее великолепный храм, дворец, город и холм, ее многочисленные судоходные реки, опоясывавшие город точно кольцами, и величавые ступени, подобные scala coeli [4], по которым туда восходили,— хотя все это поэтический вымысел, одно, во всяком случае, верно: эта Атлантида, так же как и Перу (в то время называвшаяся Койя) и Мексика (носившая название Тирамбель), были мощными и гордыми державами, которые славились войском, флотом и богатствами, столь мощными, что жители последних одновременно (или на протяжении десяти лет) совершили два больших плавания: жители Тирамбеля — через Атлантиду и Средиземное море, а жители Койи — через Южные моря к нашему острову. О первом из этих плаваний — к берегам Европы — тот же великий писатель ваш [5] слышал от одного египетского жреца, чьи слова он и приводит; ибо оно, несомненно, имело место. Но правда ли, что именно древним афинянам принадлежала честь отразить врага,— об этом мне неизвестно; известно лишь, что из этого похода не вернулся ни единый корабль и ни единый человек. Не лучше окончился бы и другой поход — людей из Койи, если бы им не посчастливилось встретить более мило-

сердного противника. Ибо король нашего острова (по имени Альтабин), мудрый муж и славный полководец, правильно оценив и свои силы, и вражеские, сумел отрезать сухопутные их войска от кораблей, окружил их и на море, и на суше превосходящими силами и вынудил сдаться без боя; а когда оказались они в полной его власти, удовольствовался их клятвой никогда не подымать против него оружия и отпустил всех с миром.

Но небесный гнев вскоре покарал эти властолюбивые замыслы. Менее чем сто лет спустя великая Атлантида была разрушена до основания — не землетрясением, как утверждает ваш источник (ибо вся та часть света мало им подвержена), но частичным потопом или наводнением; ибо реки в тех краях доныне гораздо многоводней, а горы, с которых стекают воды, выше, чем в любой части Старого Света. Наводнение это не было, однако ж, глубоким, во многих местах покрыв землю не более чем на сорок футов; так что, хотя люди и животные были уничтожены, некоторым диким лесным жителям удалось спастись. Уцелели и птицы, взлетевшие на вершины деревьев и холмов. Что касается людских жилищ, они тоже нередко возвышались над уровнем воды. Однако, вследствие того что вода, хотя и неглубокая, стояла очень долго, жители долин, даже там, где они не утонули, погибли от недостатка пищи и других необходимых предметов. Не удивляйтесь поэтому редкому населению Америки, а также грубости его нравов; ибо нынешних обитателей Америки надлежит считать молодым народом, не менее чем на тысячелетие моложе остальных народов мира. Ведь именно такой срок отделяет всемирный потоп от постигшего их наводнения. Ибо жалкие остатки человеческого рода, уцелевшие в их горах, лишь очень медленнно заселили страну вновь и, будучи невежественны и дики (в отличие от Ноя и его сыновей, которые были первейшим семейством на всей земле), не смогли оставить потомству письменности, искусств и цивилизации; а привыкнув в своих горных местностях (отличающихся крайне холодным климатом) одеваться в шкуры тигров, медведей и косматых коз, которые там водятся, они, когда спустились в долины, где царит нестерпимая жара, не знали способа одеваться легче и начали ходить нагишом, каковой обычай сохранился у них и по сей день. Зато любят они украшать себя перьями птиц; и это опять-таки осталось им от их предков, обитателей гор, которых побудило к этому изобилие огромных птичьих стай, слетавшихся на возвы-

шенные места, пока долины были затоплены. Вот из-за этого-то бедствия и прекратились наши сношения с Америкой, с которой, вследствие более близкого соседства, они были наиболее тесными.

Что касается других частей света, то в последующие века (вследствие ли войн или просто превратностей времени) мореплавание всюду пришло в крайний упадок; а дальние плавания прекратились вовсе (чему способствовало также распространение галер и других подобных судов, непригодных в открытом море). Итак, тот способ сношений, который состоял в посещении нас чужестранцами, уже издавна, как видите, стал невозможен, не считая редких случаев, вроде того, что привел сюда вас. Что же касается второго способа, а именно, наших плаваний в чужие земли, то для этого должен я привести другую причину, ибо не могу (не греша против истины) сказать, что флот наш по части численности и прочности судов, искусства моряков и лоцманов и всего, относящегося до мореплавания, стал сколько-нибудь хуже, чем прежде. Отчего сделались мы домоседами, о том надлежит рассказать особо; а тем самым отвечу я и на главный ваш вопрос.

Около тысячи девятисот лет назад правил у нас король, память которого мы чтим более всех других — не как-либо суеверно, но потому, что в нем, хотя и смертном человеке, видим орудие божественного промысла. Имя его было Соламона, и он считается законодателем нашей страны. Государь этот обладал сердцем неистощимой доброты; и цель своей жизни полагал единственно в том, чтобы сделать страну и народ счастливыми. Видя, сколь богата наша земля и способна прокормиться без помощи чужеземцев, ибо имеет в окружности пять тысяч шестьсот миль и на редкость плодородную почву почти повсеместно; и сколько найдется дела нашим кораблям, как на рыбных промыслах, так и на перевозках из порта в порт или на небольшие острова, расположенные неподалеку от нас и принадлежащие нашему королевству; и сколь страна наша счастлива и благополучна; и сколько есть способов ухудшить это положение, тогда как едва ли найдется хоть один способ улучшить его,— решил он, что для осуществления его благородной цели (насколько это доступно человеческому предвидению) требуется лишь увековечить столь счастливое состояние. Поэтому в число изданных им основных законов нашего королевства включил он запреты, касающиеся посещения нас чужеземцами, что в те времена (хотя это было уже после

бедствия, постигшего Америку) случалось часто; ибо опасался новшеств и влияния чуждых нравов. Подобный закон о недопущении чужеземцев без особого разрешения с древних времен и доныне существует в Китае. Однако там это нечто жалкое. Наш же законодатель издал закон совсем иного рода. Ибо он прежде всего сохранил принцип человеколюбия, предусмотрев оказание помощи чужестранцам, потерпевшим бедствие; в чем вы сами могли убедиться». При этих словах все мы, как и подобало, встали и поклонились. Он же продолжал:

«Государь этот, стремясь сочетать благоразумие и гуманность, и полагая бесчеловечным удерживать чужестранцев против воли и неблагоразумным — допускать их возвращение на родину, где они разгласили бы тайну нашего местонахождения, постановил следующее: всем чужеземцам, получившим дозволение высадиться, в любое время разрешать возвращение, но всем кто пожелал бы остаться, предлагать отличные условия и содержание за счет государства. В этом оказался он столь дальновиден, что за все века, прошедшие с тех пор, мы не помним, чтобы хоть один корабль от нас возвратился; и только тринадцать человек были, в разное время, доставлены на родину на наших судах. Что эти немногие могли рассказать по возвращении — я не знаю. Но все, что они рассказывали, должно было, как вы сами понимаете, показаться сном. Что касается наших путешествий в чужие края, то наш законодатель счел нужным запретить их совершенно. Не то мы видим в Китае, ибо китайцы разъезжают всюду, куда хотят или могут. Наш же запрет допускает лишь одно, и притом замечательное исключение, позволяющее извлечь всю возможную пользу из сношений с чужестранцами, но избежать вреда. Вот это-то я и открою вам сейчас. И здесь может показаться, что я несколько уклоняюсь от предмета; но скоро вы увидите, что все придется кстати. Знайте же, дорогие друзья, что в числе превосходных законов, введенных этим государем, особо выделяется один. Это было основание некоего Ордена, или Общества, называемого нами «Дом Соломона» — благороднейшего (по нашему мнению) учреждения на земле, служащего стране нашей путеводным светочем. Оно посвящено изучению творений господних. Некоторые считают, что в его названии имя основателя подверглось искажению и что правильней было бы называть его «Дом Соламоны». Но именно так оно значится в летописях. И я полагаю, что оно названо в честь царя иудеев, прославленного у вас и

нам также небезызвестного. Ибо у нас имеются некоторые его сочинения, считающиеся у вас утерянными, а именно его *Естественная история,* трактующая обо всех растениях, от кедра ливанского до иссопа, растущего из стены, и обо всем, чему присуща жизнь и движение. Это заставляет меня думать, что государь наш, видя, что деятельность его во многом совпадает с деяниями иудейского царя (жившего за много лет до него), почтил его память этим названием. В этом мнении меня еще более утверждают древние летописи, иногда называющие Дом Соломона Коллегией шести дней творения; откуда очевидно, что достойный государь наш знал от иудеев о сотворении мира и всего в нем сущего в шесть дней и поэтому, учреждая Общество для познания истинной природы всех вещей (дабы прославить бога, создавшего их, а людей научить плодотворному пользованию ими), дал ему также и это второе название.

Но обратимся к главному предмету нашей беседы. Запретив своим подданным плавания во все края, не подвластные его короне, государь, однако ж, постановил, чтобы каждые двенадцать лет из королевства нашего отплывало в разных направлениях два корабля; чтобы на каждом из них отправлялось по три члена Соломонова дома для ознакомления с делами тех стран, куда они направляются, в особенности с науками, искусствами, производствами и изобретениями всего мира, и для доставки нам всевозможных книг, инструментов и образцов; и чтобы привезшие их корабли возвращались, сами же они оставались в чужой земле до следующей такой поездки. Корабли эти грузятся провиантом и запасом золота, который остается у членов Соломонова дома для закупок и оплаты различных услуг по их усмотрению. Сообщать вам, каким образом наши матросы остаются неузнанными; и как те, кто высаживается на берег, выдают себя за представителей других наций; и куда именно ходили наши корабли; и какие порты определены им для дальнейших поездок — я не могу; да и вы навряд ли этого хотите. Но, как видите, мы ведем торговлю не ради золота, серебра или драгоценностей; не ради шелков, пряностей или иных материальных ценностей; но единственно ради того, что создано господом раньше всех других вещей, т. е. света — чтобы обрести свет, в каком бы конце земли он ни забрезжил».

Сказав это, он умолк, и мы также некоторое время хранили молчание; ибо были изумлены правдивой повестью о вещах столь необычных. Он же, заметив, что

мы желаем нечто сказать, но еще к этому не готовы, с большой учтивостью вывел нас из затруднения, осведомившись о нашем плавании и приключениях; а затем добавил, что хорошо было бы нам решить, какой срок пребывания просить у правительства, и предложил не ограничивать себя чрезмерно, ибо он испросит любой нужный нам срок. При этом все мы встали и пытались поцеловать край его пелерины, но он этого не допустил и ушел. А мы, едва наши люди услышали, что государство предлагает обеспечение чужестранцам, которые пожелали бы остаться, лишь с превеликим трудом смогли заставить их привести в порядок корабль и удержали от немедленного обращения к управителю за этим обеспечением. Однако кое-как нам это удалось; ибо надо было прежде прийти к согласному решению насчет дальнейшей нашей судьбы.

Теперь считали мы себя свободными, убедились, что нам не грозит окончательная гибель, и отлично проводили время, осматривая город и его окрестности в пределах дозволенного нам расстояния, а также заводя знакомство со многими лицами, отнюдь не простого звания, которые обходились с нами с такой добротою, непринужденностью и желанием обогреть чужестранцев на своей груди, что заставили нас позабыть все, что было нам дорого на родине. Непрерывно встречались мы со множеством вещей, достойных наблюдения и описания; ибо если есть в мире зерцало, достойное привлекать людские взоры, таким зерцалом является эта страна.

Однажды двое из нас были приглашены на так называемый Праздник семьи — обычай весьма почтенный, благочестивый и согласный с природою и выказывающий эту нацию с самой лучшей стороны. Вот как он празднуется. Праздновать его может всякий, кто породит не менее тридцати живых детей и внуков, как только младший из них достигнет трехлетнего возраста; расходы же по устройству праздника берет на себя государство. За два дня до празднества отец семейства, называемый здесь тирсаном, приглашает к себе троих друзей по своему выбору; в приготовлениях ему помогает также правитель города или местности, где происходит празднество; и собираются все члены семьи обоего пола. Эти два дня тирсан проводит в совещаниях о благополучии семьи. Если оказываются между ее членами раздоры или тяжбы, их разбирают и улаживают. Если кто-либо из семьи впал в нищету или находится в тяжелом положении, изыскп-

ваются способы помочь ему и обеспечить средства к существованию. Если кто предался пороку или повинен в дурных поступках, ему выносится порицание и осуждение. Здесь же даются указания относительно браков, выбора подходящего занятия и другие подобные советы. При этом присутствует правитель, дабы своей властью подкреплять распоряжения тирсана, если кто-либо вздумает их ослушаться; однако надобность в этом бывает редко: настолько велико у них уважение к законам природы. Здесь же тирсан выбирает из числа своих сыновей одного, которому предстоит жить в его доме и носить звание Сына виноградной лозы. А откуда такое название, будет видно из дальнейшего.

В день празднества отец, или тирсан, после богослужения выходит в отведенный для празднества большой покой, в конце которого устроено возвышение. Посередине возвышения ставится для него кресло, а перед ним — стол. Возвышение устилается ковром, а над креслом устраивается круглый или овальный балдахин из плюща; плющ у них несколько светлей нашего и напоминает листья серебристой осины; только больше блестит, ибо круглый год бывает зелен. Балдахин искусно убирается серебром и разноцветными шелками, которые переплетаются с плющом — это всегда бывает работой дочерей данной семьи,— а сверху затягивается тонкой сеткой из шелка и серебра. Но основой его служит живой плющ, который друзья семьи разбирают потом по листочку на память.

Тирсан выходит со всем своим потомством, причем мужчины идут впереди его, а женщины позади; а если жива мать, породившая их всех, то справа от кресла, на хорах, отгораживают для нее особое помещение с дверью и застекленным окном с резной рамою, украшенной лазурью и золотом; там она сидит, невидимая присутствующим. Тирсан садится в кресло, а все семейство становится вдоль стены, позади его и по сторонам возвышения, по старшинству, но без различия пола; комната при этом всегда полна народа, но без всякой суматохи и шума; спустя минуту с противоположного конца появляется таратан (а по нашему вестник) и с ним два мальчика, из которых один несет свиток тамошнего желтого и блестящего пергамента, а другой — золотую виноградную гроздь на длинном стебле. Вестник и мальчики одеты в атласные мантии цвета морской воды; а у вестника мантия, сверх того, украшена золотыми полосами и шлейфом. Отвесив три поклона, вестник подходит к возвыше-

нию и тут только берет в руку свиток. Свиток этот содержит королевскую грамоту с перечислением пенсий, льгот, почестей и привилегий, даруемых отцу семейства, которого король в обращении всегда именует «своим любезным другом и заимодавцем»; и это звание ни в каких других случаях не употребляется. Ибо здесь считают, что король не может ни перед кем быть в долгу, кроме человека, приумножающего число его подданных. Грамота скреплена золотой чеканной печатью с изображением особы короля; и хотя подобная грамота непременно полагается в каждом таком случае, кое-что может в ней меняться соответственно численности и достоинству семейства. Эту грамоту вестник читает вслух, а тирсан выслушивает стоя, поддерживаемый двумя из своих сыновей. После этого вестник подымается на возвышение и вручает ему грамоту, а все присутствующие приветствуют это восклицаниями на их языке, означающими: «счастлив народ Бенсалема!» Затем вестник берет из рук второго мальчика виноградную гроздь, которая сделана целиком из золота — как стебель, так и ягоды. Ягоды красиво отделаны эмалью; если в семье преобладают мужчины, то эмаль бывает пурпурной, а вверху грозди укреплено маленькое солнце, если дочери — то желто-зеленой, а гроздь увенчана изображением полумесяца. Число ягод в грозди соответствует числу потомства. Эту гроздь вестник также вручает тирсану, который тут же передает ее тому из сыновей, кого избрал он жить при себе, и тот всегда потом, в торжественных случаях, носит ее впереди отца, почему и называется Сыном виноградной лозы. По окончании этой церемонии тирсан удаляется, а спустя некоторое время выходит к обеду, в продолжении которого он, как и ранее, сидит один под балдахином, и никто из потомков его не садится с ним, каково бы ни было его звание и положение, если только это не член Соломонова дома. За столом прислуживают отцу только дети мужского пола, которые каждый раз преклоняют перед ним колено; а женщины стоят вдоль стены. Пониже возвышения накрыты столы для приглашенных, где все подается с большой торжественностью; а в конце обеда (пиршества у них никогда не длятся более полутора часов) исполняется гимн, который бывает различным, смотря по искусности сочинителя (поэты здесь превосходные), но темой своей неизменно имеет восхваление Адама, Ноя и Авраама, из коих первые два населили мир, а третий был отцом верующих; а в заключение всегда поется хвала рождеству

Спасителя, рождением своим искупившего грехи всех рожденных.

По окончании трапезы тирсан вновь удаляется и после некоторого времени, проводимого в уединении и молитве, появляется в третий раз, чтобы благословить свое потомство, которое, как и вначале, стоит вокруг него. Он вызывает их одного за другим поименно, в любом угодном ему порядке, но обычно по старшинству. Названный преклоняет колено перед креслом (стол к тому времени убирается), а глава семьи возлагает ему руку на голову, произнося следующее благословение: «Сын Бенсалема (или дочь Бенсалема), так говорит отец твой, даровавший тебе дыхание жизни: да будет на тебе благословение вечного отца, князя мира и святого духа, а дни странствия твоего да будут долгими и счастливыми». Так говорит он каждому из них. А после того, если окажутся среди его сыновей люди выдающихся заслуг и достоинств (но не более двух), он призывает их вновь и, обняв за плечи, произносит: «Дети, благо, что вы родились; восхвалите господа и не сходите с доброго пути». С этими словами вручает он каждому из них драгоценное украшение в виде пшеничного колоса, которое они всегда потом носят на своей чалме или шляпе. Затем начинаются музыка, танцы и иные принятые у них развлечения, и так проходит весь день. Таков порядок этого празднества.

Не прошло шести или семи дней, как я завязал короткое знакомство с одним тамошним купцом по имени Иоабин. Он был евреем и был обрезан; ибо здесь сохранилось несколько еврейских родов, которым предоставляют исповедовать свою веру, с тем большим основанием, что евреи эти весьма отличаются от евреев, населяющих другие страны. Тогда как те ненавидят имя Христово и таят про себя злобу на народы, среди которых живут, тамошние евреи, напротив, весьма почитают Спасителя и исполнены любви к народу Бенсалема. Купец, о котором я говорю, признавал, что Христос рожден девой и не был обыкновенным человеком; он говорил, что господь сделал его повелителем серафимов, охраняющих его престол. А еще они называют Христа Млечным Путем, Илией Мессии и многими другими возвышенными именами, которые, хотя и недостойны его божественного величия, но сильно отличаются от речей других евреев.

Что касается страны Бенсалем, то человек этот не уставал превозносить ее и, по традиции тамошних евреев,

утверждал, что местные жители происходят из колена Авраамова, от другого брата его, называемого ими Нахор; и что нынешние законы Бенсалема происходят от тайных законов, начертанных Моисеем в Каббале; и что когда приидет Мессия и воссядет на свой престол в Иерусалиме, король Бенсалема будет сидеть у ног его, тогда как все другие государи станут поодаль. Но если отбросить все эти иудейские бредни, приятель мой был человеком мудрым, ученым, проницательным и весьма сведущим в обычаях и законах страны.

Во время наших бесед я однажды сказал ему, что был весьма поражен рассказом некоторых членов нашего экипажа о Празднике семьи; ибо, как мне казалось, никогда еще не слышал о празднестве, на котором была бы так почтена природа; а поскольку семья ведет начало от брачного союза, то я пожелал узнать их обычаи и законы, касающиеся брака, и строго ли блюдут они брачные обеты, и держатся ли единобрачия; ибо где так заботятся об увеличении населения как у них, там обычно дозволено многоженство. На это он сказал: «Ты недаром хвалишь превосходное установление, называемое Праздником семьи. Мы по опыту знаем, что семьи, справившие этот благословенный праздник, впоследствии необычайно процветают. Но слушай, и я поведаю тебе все, что знаю. Тогда поймешь ты, что нет на земле народа столь целомудренного, как бенсалемцы, и столь чуждого всякой скверны. Это поистине девственница мира. Помнится, читал я в одной из ваших европейских книг, как один святой отшельник пожелал увидеть дух блудодеяния. И тотчас предстал перед ним маленький уродливый эфиоп. Пожелай он увидеть дух бенсалемского целомудрия, и тот явился бы в образе светлого херувима. Ибо нет среди смертных ничего более прекрасного, чем целомудрие этого народа. Знай же, что нет у них ни публичных домов, ни блудниц, и ничего на это похожего. Они изумлены (а также и возмущены) тем, что вы, европейцы, терпите у себя подобные вещи. Они говорят, что вы лишили брак его смысла; ибо брак ведь призван быть средством против недозволенных вожделений; а вожделение естественное должно быть к нему побуждением. Но где люди имеют под рукой средство более приятное для их извращенной похоти, там брак почти упраздняется. Вот почему можно видеть у вас бесчисленное множество мужчин, которые не женятся, но предпочитают брачным узам развратную холостую жизнь. А из тех, кто женится, многие женятся

поздно, когда пора их расцвета уже миновала. Да и что для них брак, как не сделка, в которой ищут выгодных связей, приданого или высокого положения; или разве еще продолжения рода (и то без большой охоты). Сколь непохоже это на брачный союз, как он был установлен изначала! Невозможно также, чтобы, расточив столь постыдным образом лучшие свои силы, они так дорожили детьми (этой частью нас самих), как это бывает у людей целомудренных. Да и так ли уж они остепеняются после брака, как можно было бы ожидать, если бы все это зло допускалось лишь по необходимости? Отнюдь нет; ибо оно и после того остается прямым поруганием брака. Посещение вертепов разврата и блудниц столь же безнаказанно для женатых, как для холостяков. Извращенная склонность к переменам и пристрастие к ласкам блудниц (превращающих грех в искусство) отбивают всякий вкус к браку и делают из него некую повинность. Мы слышали, что вы защищаете все это в качестве меньшего зла, во избежание прелюбодейств, обесчещения девушек, противоестественных пороков и тому подобного. Но здесь эти предосторожности считают нелепыми и называют щедростью Лота, который, желая избавить своих гостей от бесчестья, предложил своих дочерей. К тому же, по нашему мнению, от всего этого мало проку; ибо названные пороки и вожделения сохраняются в изобилии. Ведь недозволенная похоть подобна печи, где, стоит закрыть выход пламени, как оно затухает; а стоит дать ему волю, начинает бушевать. Что касается любви между мужчинами, этого у них нет и в помине. А между тем нигде не найти столь верной и нерушимой дружбы. Словом, как я уже говорил, нигде нет такого целомудрия, как в этом народе. Они любят говорить, что лишившийся целомудрия лишается и уважения к себе. А уважение к себе считается у них наиболее могущественным, после религии, средством обуздания пороков».

Окончив свою речь, почтенный еврей умолк. И тут я, предпочитая слушать его, а не говорить, но считая, однако ж, неучтивым хранить полное молчание, промолвил только, что — как сарептская вдова пророку Илии — готов сказать, что он напомнил нам о прегрешениях наших, и признаю бо́льшую праведность Бенсалема в сравнении с Европою. На это он ответил наклонением головы и продолжал следующим образом:

«Имеется у них и множество мудрых и превосходных законов, касающихся брака. Многоженство не допуска-

ется. Есть также закон, не дозволяющий вступать в брак или обручаться ранее, чем через месяц после первой встречи брачащихся. Брак без согласия родителей хотя и признается, но карается особым законом о наследстве. Ибо дети от таких браков не могут наследовать более трети родительского имущества. Читал я в одной вашей книге, описывающей некое воображаемое государство, что там вступающим в брак разрешается предварительно видеть друг друга нагими[6]. Этого здешние жители не одобряют, ибо считают оскорбительным отвергнуть кого-либо после столь близкого общения. Но из-за наличия у мужчин и женщин многих тайных телесных изъянов прибегают они к более учтивому способу, устраивая вблизи каждого города по два водоема, называемых водоемами Адама и Евы — где одному из друзей жениха, а также одной из подруг невесты дозволено видеть их, порознь, нагими во время купанья».

Пока мы таким образом беседовали, явился некий человек, как видно, посланец, в богатом плаще с капюшоном, и что-то сказал еврею. А тот, обернувшись ко мне, произнес: «Прости меня, ибо меня вызывают весьма поспешно».

На следующее утро он вновь пришел ко мне с радостным видом и сказал: «Правитель города получил известие, что один из отцов Соломонова дома прибудет через неделю. Вот уж двенадцать лет как мы никого из них не видали. Возвращение его будет обставлено особой торжественностью, но причина возвращения хранится в тайне. Я добуду тебе и твоим спутникам хорошие места, откуда можно будет видеть его въезд». Я поблагодарил его и выразил радость по поводу этого известия.

В назначенный день состоялся въезд. Прибывший был человек среднего роста и возраста, благообразного вида, с лицом, на котором написано было человеколюбие. На нем было облачение из превосходного черного сукна с широкими рукавами и капюшоном. Нижнее платье из отличного белого полотна доходило ему до лодыжек и было подпоясано кушаком из той же материи; из нее же был и воротник. На нем были искусно сделанные перчатки, шитые драгоценными каменьями, и бархатные башмаки персикового цвета. Шея его было открыта. Головной убор его имел форму шлема или испанской монтеры; из-под него красиво выбивались каштановые кудри. Борода была округленно подстрижена и несколько светлее волос. Его везли в богатой повозке без колес, наподобие носилок,

с двумя лошадьми с каждой стороны, в роскошно расшитой сбруе синего бархата; в сопровождении двух скороходов, одетых в те же цвета. Повозка была сделана из кедрового дерева, украшенного позолотой и хрусталем; в передок ее были вделаны плиты из сапфиров в золотой оправе, а позади — такие же плиты из изумрудов перуанского цвета. Наверху ее украшало золотое солнце, а впереди — маленький золотой херувим с распростертыми крыльями. Изнутри повозка была обита синею с золотом парчой. Впереди шло пятьдесят юношей в широких кафтанах белого атласа, доходивших до икр, в белых шелковых чулках, в башмаках из синего бархата и таких же бархатных шляпах, убранных вокруг тульи красивыми разноцветными перьями. За ними, также впереди повозки, шли два человека с обнаженными головами, в длинных полотняных одеждах, подвязанных поясами, и в синих бархатных башмаках; из коих один нес епископский посох, а другой — пастушеский, но не металлические, а деревянные: первый из бальзамового дерева, второй — из кедра. Конной свиты не было ни впереди, ни позади повозки; как видно, во избежание всякого шума и замешательства. За повозкой вослед шли главные должностные лица города и старшины городских цехов. Прибывший восседал один на роскошных подушках, крытых синим плюшем. Под ноги ему были постланы пестрые шелковые ковры, наподобие пéрсидских, только много лучше. Правую, обнаженную руку он простирал вперед, как бы благословляя народ, но в полном молчании. На улицах всюду соблюдался образцовый порядок; ни одна армия так не держит строй, как стояли здесь люди; и даже зрители в окнах не толпились, а как бы занимали отведенные им места. Когда процессия удалилась, еврей сказал мне: «Сейчас я не смогу проводить с тобой столько времени, сколько хотел бы, из-за некоторых обязанностей, возложенных на меня городом в связи с приемом этого славного мужа». Спустя три дня еврей явился вновь и сказал: «Счастливы вы; ибо отец Соломонова дома, узнав о вашем пребывании здесь, приказал передать, что примет вас всех и побеседует с одним из вас, по вашему выбору. Для этого назначил он послезавтрашний день, а желая дать вам свое благословение, выбрал утренние часы».

В назначенный день и час мы явились; причем для беседы с глазу на глаз спутники мои избрали меня. Мы застали отца Соломонова дома в богатом покое, убранном коврами и драпировками, но без тронного возвышения.

Он сидел в низком кресле, богато украшенном и осененном балдахином из синего расшитого бархата. С ним не было никого, кроме двух пажей в красивых белых одеждах, стоявших по обе стороны кресла. Нижнее платье его было таким же, как и при въезде; но поверх него была теперь надета мантия с пелериной из того же черного сукна. Войдя, мы низко ему поклонились, как были научены, а когда приблизились, он встал, протягивая правую руку без перчатки, как бы для благословения. Тут все мы склонились и поцеловали край его мантии. После этого все, кроме меня, удалились. Он выслал пажей из комнаты, велел мне сесть рядом с собой и обратился ко мне по-испански со следующими словами: «Благослови тебя господь, сын мой; я подарю тебе величайшую из драгоценностей, какими владею; ибо открою тебе, во имя любви к богу и людям, истинный устав Соломонова дома. А для этого, сын мой, я буду держаться следующего порядка. Прежде всего изложу цель, ради которой он был основан; во-вторых, опишу сооружения и приборы, какими располагаем мы для наших работ; в-третьих, расскажу о разделении труда и обязанностей между членами Дома; и, наконец,— о наших обычаях и порядках.

Целью нашего общества является познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным.

Для этого располагаем мы следующими сооружениями: есть у нас обширные и глубокие рудники различной глубины; наиболее глубокие достигают 600 морских сажен; а некоторые вырыты под высокими холмами и горами; так что если сложить вместе вышину холма и глубину рудника, то некоторые из них достигают в глубину трех миль. Ибо мы полагаем, что внутренность горы, считая до поверхности земли, и глубина рудника, считая также от земной поверхности, в сущности одно и то же; ибо они равно лишены солнечных лучей и доступа воздуха. Эти рудники называются у нас нижнею сферой и применяются для всякого рода сгущения, замораживания и сохранения тел. Мы пользуемся ими также для воссоздания природных рудников и для получения новых, искусственных металлов из составов, которые закладываем туда на многие годы. Иногда (пусть не покажется это странным) мы пользуемся ими для лечения некоторых болезней и для продления жизни отшельников, которые соглашаются поселиться там, снабженные всем необходимым,

и живут, действительно, очень долго; так что мы многому от них научились.

Применяем мы также захоронение в различных почвах всякого рода составов, как это делают китайцы со своим фарфором. Только у нас составы эти более разнообразны, а некоторые сорта их более тонки. Нам известны также различные способы изготовлять перегной и сложные удобрения, делающие почву более плодородной.

Есть у нас высокие башни; самые высокие из них достигают полумили, а некоторые выстроены на высоких горах; так что если прибавить еще и высоту горы, то в самой высокой из башен будет не менее трех миль. Эти места называем мы верхнею сферой, а то, что находится посредине — среднею сферой. Эти башни служат нам, сообразно с их высотой и расположением, для прокаливания на солнце, для охлаждения или для сохранения тел, равно как и для наблюдений над явлениями природы, как-то: над ветрами, дождем, снегом, градом, а также некоторыми огненными метеорами. В некоторых из этих башен обитают отшельники, которых мы по временам навещаем, чтобы поручить то или иное наблюдение.

Есть у нас обширные озера, как соленые, так и пресные, служащие для разведения рыбы и водяной птицы, а также для погружения некоторых тел; ибо мы обнаружили, что тела сохраняются различно, смотря по тому, погребены ли они в земле, хранятся в подземелье, или же погружены в воду. Есть у нас также водоемы, где мы получаем пресную воду из соленой или, наоборот, соленую из пресной. Есть скалы посреди моря и заливы, вдающиеся в сушу, предназначенные для некоторых работ, требующих морского воздуха и испарений. Есть также бурные потоки и водопады, служащие для получения многих видов движения, и всякого рода двигатели для увеличения силы ветра, также обращаемой нами в различного рода движение.

Немало у нас искусственных колодцев и источников, подражающих природным и содержащих примеси купороса, серы, железа, меди, свинца, селитры и других веществ. Есть также особые небольшие водоемы для получения настоев, где вода приобретает желаемые свойства быстрее, чем в сосудах. И среди них один, называемый райским источником; ибо мы придали ему могучие свойства, способствующие сохранению здоровья и продлению жизни.

Есть у нас обширные помещения, где мы искусственно вызываем и показываем различные явления природы, как-то: снег, дождь, искусственный дождь из различных твердых тел, гром, молнию, а также зарождение из воздуха живых существ: лягушек, мух и некоторых других.

Есть у нас особые комнаты, называемые комнатами здоровья, где мы наделяем воздух теми свойствами, которые считаем целебными при различных болезнях и для сохранения здоровья. Есть у нас просторные купели, наполненные различными лекарственными составами для излечения болезней и предохранения человеческого тела от высыхания, и еще другие составы для укрепления мускулов, важнейших органов и самой жизненной субстанции.

Есть у нас обширные и разнообразные сады и огороды, в которых мы стремимся не столько к красоте, сколько к разнообразию почв, благоприятных для различных деревьев и трав. В некоторых из садов, наиболее обширных, мы сажаем разные деревья и ягодные кусты, служащие для приготовления напитков, и это не считая виноградников. Там производим мы также опыты различных прививок как над дикими, так и над фруктовыми деревьями, дающие разнообразные результаты. Там заставляем мы деревья цвести раньше или позднее положенного времени, вырастать и плодоносить скорее, нежели это наблюдается в природных условиях. С помощью науки мы достигаем того, что они становятся много пышней, чем были от природы, а плоды их — крупнее и слаще, иного вкуса, аромата, цвета и формы. А многим из них мы придаем целебные свойства.

Нам известны способы выращивать различные растения без семян, одним только смешением почв, а также способы выводить новые виды растений, отличные от существующих, и превращать одно дерево или растение в другое.

Есть у нас всевозможные парки и заповедники для животных и птиц, которые нужны нам не ради одной лишь красоты или редкости, но также для вскрытий и опытов; дабы знать, что можно проделать над телом человека. При этом нами сделано множество необычайных открытий, как, например, сохранение жизнеспособности после того, как погибли и были удалены органы, которые вы считаете жизненно важными; оживление животных после того, как, по всем признакам, наступила смерть, и тому подобное. На них испытываем мы яды и иные

средства, хирургические и лечебные. С помощью науки делаем мы некоторые виды животных крупнее, чем положено их породе, или, напротив, превращаем в карликов, задерживая их рост; делаем их плодовитее, чем свойственно им от природы, или, напротив, бесплодными; а также всячески разнообразим их природный цвет, нрав и строение тела. Нам известны способы случать различные виды, отчего получилось много новых пород, и притом не бесплодных, как принято думать. Из гнили выводим мы различные породы змей, мух и рыб, а из них некоторые преобразуем затем в более высокие виды живых существ, каковы звери и птицы; они различаются по полу и производят потомство. И это получается у нас не случайно, ибо мы знаем заранее, из каких веществ и соединений какое создание зародится.

Есть у нас особые водоемы, где подобные же опыты производятся над рыбами. Есть у нас особые места для разведения червей и бабочек, имеющих какие-либо полезные свойства, вроде ваших пчел или шелковичных червей.

Не буду утруждать твоего слуха перечислением наших пивоварен, пекарен и кухонь, где приготовляются различные напитки, хлебы и кушанья, имеющие особые свойства. Вино выделываем мы из винограда, а напитки из фруктовых соков, зерна и кореньев; а также из смесей и настоек меда, сахара, манны и сухих фруктов, или из древесных соков и сердцевины тростника. Напитки эти выдерживаются — иные до сорока лет. Есть у нас также целебные напитки из трав, кореньев и пряностей, куда добавляют иной раз белого мяса, причем некоторые из них могут служить одновременно и питьем и пищею; так что немало людей, особенно в преклонных летах, питаются ими, почти или вовсе не употребляя мяса и хлеба. Особенно стараемся мы изготовлять напитки из мельчайших частиц, которые проникали бы в тело, но при этом не были бы на вкус едкими и раздражающими, и уже получаем такие, что, будучи вылиты на тыльную сторону руки, вскоре просачиваются до ладони, вкус же имеют приятный. Есть у нас воды, которым мы умеем придавать питательные свойства и превращать в отличные напитки; так что многие предпочитают их всем прочим. Хлеб печем мы из различного зерна, кореньев и орехов, а иногда из сушеного мяса или рыбы, с большим разнообразием заквасок и приправ; так что некоторые сорта его служат для возбуждения аппетита, а другие настолько питательны, что многие ничего кроме них не употребляют и

живут, однако же, очень долго. Также и мясо подвергается у нас такой обработке, измельчению и разжижению — без всякого, однако, ущерба для его свежести — что даже слабый жар больного желудка превращает их в полноценный млечный сок с такой же легкостью, с какой обычно мясо переваривается здоровым желудком. Есть у нас сорта мяса и другой пищи, прием которой позволяет затем человеку вынести длительное голодание, и есть другие, от которых мышцы становятся заметно плотнее и тверже и силы прибывают необычайно.

Есть у нас аптеки. И коль скоро имеется у нас такое разнообразие растений и животных, бо́льшее, нежели у вас, европейцев (ибо все ваши породы нам известны), то и лекарственных трав и других веществ должно быть соответственно больше. Некоторые из них мы выдерживаем и подвергаем длительному брожению. Что касается приготовляемых из них лекарств, то нам известны не только многие совершенные способы перегонки и выделения — чаще всего посредством равномерного нагревания и процеживания сквозь различные фильтры, иногда весьма плотные — но также и точные формулы соединений, благодаря которым из множества составных частей получаем как бы природное вещество.

Есть у нас различные производства, неизвестные вам, и немало изделий, как-то: бумага различных сортов; льняные, шелковые и другие ткани; нежные ткани из пуха с удивительными переливами; отличные краски и многое другое. И есть мастерские как для изделий, вошедших в общее употребление, так и для редкостных. Ибо из перечисленного мною многое распространилось уже по всей стране, но если что было изобретено нами, то остается у нас в качестве образца.

Есть у нас различного устройства печи, дающие и сохраняющие самую различную температуру: с быстрым нагревом; с сильным и постоянным жаром; со слабым и равномерным нагревом; раздуваемые мехами; с сухим или влажным жаром и тому подобное. Но важнее всего то, что мы воспроизводим жар солнца и других небесных светил, который подвергаем различным изменениям, проводя через циклы, усиливая или уменьшая и тем достигая удивительных результатов. Мы воспроизводим также теплоту навоза, чрева животных и их пасти; теплоту их крови и тела; теплоту сена и трав, когда их сгребли влажными; теплоту негашеной извести и другие. Есть у нас также приборы, порождающие теплоту одним лишь своим

движением. Есть особые места для сильного прокаливания на солнце, а также подземные помещения, где поддерживается естественное или искусственное тепло. Этими различными видами тепла мы пользуемся смотря по тому, какую производим работу.

Есть у нас дома света, где производятся опыты со всякого рода светом и излучением и со всевозможными цветами и где из тел бесцветных и прозрачных мы извлекаем различные цвета (не в виде радуги, как мы это видим в драгоценных камнях и призмах), но по отдельности. Мы умеем также усиливать свет, который передаем на большие расстояния и можем делать столь ярким, что при нем различимы мельчайшие точки и линии. Здесь же производим мы опыты с окрашиванием света, со всевозможными обманами зрения в отношении формы, величины, движения и цвета, со всякого рода теневыми изображениями.

Мы открыли также различные, еще не известные вам, способы получать свет из различных тел. Мы нашли способы видеть предметы на большом расстоянии, как, например, на небе и в отдаленных местах; близкие предметы мы умеем представить отдаленными, а отдаленные — близкими и можем искусственно создавать впечатление любого расстояния. Есть у нас зрительные приборы, значительно превосходящие ваши очки и подзорные трубы. Есть стекла и приборы, позволяющие отчетливо рассмотреть мельчайшие предметы, как, например, форму и окраску мошек, червей, зерен или изъяны в драгоценных камнях, которые иначе не удалось бы обнаружить и найти в крови и моче вещества, также невидимые иным способом.

Мы искусственно получаем радугу, сияния и ореолы вокруг источников света. А также воспроизводим явления отражения, преломления и усиления видимых лучей.

Есть у нас всевозможные драгоценные камни, из коих многие отличаются дивной красотой и вам неизвестны; а также хрусталь и разного рода стекло, которое мы получаем не только из известных вам веществ, но также из металлов, приведенных в стеклообразное состояние. Есть немало неизвестных вам ископаемых и низших минералов, магниты огромной мощи и другие редкие камни, как природные, так и искусственные.

Есть у нас дома звука для опытов со всевозможными звуками и получения их. Нам известны неведомые вам гармонии, создаваемые четвертями тонов и еще меньшими

интервалами, и различные музыкальные инструменты, также вам неизвестные и зачастую звучащие более приятно, чем любой из ваших; есть у нас колокола и колокольчики с самым приятным звуком. Слабый звук мы умеем делать сильным и густым, а густой — ослабленным или пронзительным; и можем заставить дрожать и тремолировать звук, который зарождается цельным. Мы воспроизводим все звуки речи и голоса всех птиц и зверей. Есть у нас приборы, которые, будучи приложены к уху, весьма улучшают слух. Есть также различные диковинные искусственные эхо, которые повторяют звук многократно и как бы отбрасывают его, или же повторяют его громче, чем он был издан, выше или ниже тоном; а то еще заменяющие один звук другим. Нам известны также способы передавать звуки по трубам различных форм и на разные расстояния.

Есть у нас дома ароматов, где производятся опыты также и над вкусовыми ощущениями. Мы умеем, как это ни странно, усиливать запахи, умеем искусственно их создавать и заставлять все вещества издавать иной запах, чем свойственно им от природы. Мы умеем также подражать вкусу различных веществ, так что эти подделки способны обмануть кого угодно. Тут же имеется у нас кондитерская, где изготовляются всевозможные свежие и сухие сладости, а также различные сладкие вина, молочные напитки, бульоны и салаты, куда более разнообразные, чем у вас.

Есть у нас дома механики, где изготовляются машины и приборы для всех видов движения. Там получаем мы более быстрое движение, чем, например, полет мушкетной пули или что-либо другое, известное вам; а также учимся получать движение с большей легкостью и с меньшей затратой энергии, усиливая его при помощи колес и других способов — и получать его более мощным, чем это умеете вы, даже с помощью самых больших ваших пушек и василисков. Мы производим артиллерийские орудия и всевозможные военные машины; новые сорта пороха; греческий огонь, горящий в воде и неугасимый; а также фейерверки всех видов, как для развлечения, так и для других целей. Мы подражаем также полету птиц и знаем несколько принципов полета. Есть у нас суда и лодки для плавания под водой и такие, которые выдерживают бурю; есть плавательные пояса и другие приспособления, помогающие держаться на воде. Есть различные сложные механизмы, часовые и иные, а также приборы, основанные

на вечном движении. Мы подражаем движениям живых существ, изготовляя для этого модели людей, животных, птиц, рыб и змей. Кроме того, нам известны и другие виды движения, удивительные по равномерности и точности.

Есть у нас математическая палата, где собраны всевозможные инструменты, как геометрические, так и астрономические, изготовленные с большим совершенством.

Есть у нас особые дома, где исследуются обманы органов чувств. Здесь показываем мы всякого рода фокусы, обманы зрения и иллюзии и тут же разъясняем их обманчивость. Ибо вам должно быть очевидно, что, открыв столько естественных явлений, вызывающих изумление, мы могли бы также бесчисленными способами обманывать органы чувств — стоит лишь облечь эти явления тайной и представить в виде чудес. Но нам настолько ненавистны всякий обман и надувательство, что всем членам нашего Общества под угрозой штрафа и бесчестья запрещено показывать какое-либо природное явление приукрашенным или преувеличенным; а только в чистом виде, без всякой таинственности.

Таковы, сын мой, богатства Соломонова дома.

Что касается различных обязанностей и занятий членов нашего Дома, то они распределяются следующим образом: двенадцать из нас отправляются в чужие земли, выдавая себя за представителей других наций (ибо существование нашей страны мы храним в тайне), и отовсюду привозят нам книги, материалы и описания опытов. Их называем мы торговцами светом.

Трое из нас извлекают материал для опытов, содержащийся в книгах. Их называем мы похитителями.

Трое других собирают опыт всех механических наук, равно как и всех свободных искусств и тех практических знаний, которые не вошли в науку. Их мы называем охотниками за секретами.

Еще трое производят новые опыты, по собственному усмотрению. Их называем мы пионерами, или изыскателями.

Еще трое заносят результаты опытов всех названных четырех категорий в таблицы и сводки для более удобного извлечения из них общих наблюдений и законов. Их называем мы компиляторами.

Еще трое занимаются изучением опытов своих товарищей ради изобретений, которые могут быть полезны в обиходе, а также всего пригодного для дальнейших

работ или для учебного объяснения причин явлений и наиболее легкого усвоения состава и свойств различных тел. Их называем мы дарителями, или благодетелями.

А после того как указанные работы подвергнутся обсуждению на общих совещаниях членов нашего Дома, трое других составляют на их основе указания для новых опытов, более высокого порядка и глубже проникающих в природу, нежели предыдущие. Их называем мы светочами.

Еще трое осуществляют эти новые опыты и дают о них отчет. Их называем мы прививателями.

И, наконец, еще трое возводят все добытые опытом открытия в общие наблюдения, законы и принципы. Их называем мы истолкователями природы[7].

Есть у нас также, как ты понимаешь, новопосвященные и ученики, дабы не прекращалась преемственность в работе, не считая многочисленных слуг и подручных обоего пола. И вот что еще мы делаем: на наших совещаниях мы решаем, какие из наших изобретений и открытий должны быть обнародованы, а какие нет. И все мы даем клятвенное обязательство хранить в тайне те, которые решено не обнародовать; хотя из этих последних мы некоторые сообщаем государству, а некоторые — нет.

Обратимся теперь к нашим обычаям и обрядам. Есть у нас две просторные и красивые галереи; в одной из них выставлены образцы всех наиболее ценных и замечательных изобретений; в другой — скульптурные изображения всех великих изобретателей. Среди них находится статуя вашего Колумба, открывшего Вест-Индию; а также первого кораблестроителя; монаха, изобретшего огнестрельное оружие и порох; изобретателя музыки; изобретателя письменности; изобретателя книгопечатания; изобретателя астрономических наблюдений; изобретателя обработки металлов; изобретателя стекла; изобретателя культуры шелка; первого винодела; первого хлебопашца и первого, кто начал добывать сахар. Все они известны нам более достоверно, нежели вам. Кроме того, у нас немало и своих отличных изобретателей. Но поскольку ты не видел этих изобретений, описывать их было бы чересчур долго; к тому же по описанию ты можешь составить о них ошибочное суждение. За каждое ценное изобретение мы воздвигаем автору статую и присуждаем щедрое и почетное вознаграждение. Статуи делаются иногда из меди, из мрамора и яшмы, из кедрового или другого

ценного дерева, позолоченного и изукрашенного, из железа, серебра или золота.

Есть у нас особые гимны и ежедневные литургии для восхваления господа и благодарения за чудесные его творения, и особые молитвы о содействии нашим трудам и обращении их на цели благие и благочестивые.

И, наконец, есть у нас обычай посещать главные города нашего королевства, где мы оглашаем те новые полезные открытия, какие находим нужным. А также предсказываем — сопровождая это естественными объяснениями — повальные болезни, моровую язву, нашествия саранчи, недороды, грозы, землетрясения, наводнения, кометы, погоду и тому подобное и даем жителям советы, как предупредить стихийные бедствия и бороться с ними».

Окончив свою речь, он встал, а я, как мне было указано, преклонил колени; после чего он возложил правую руку мне на голову и произнес: «Да благословит тебя господь, сын мой; и да благословит он мое повествование. Дозволяю тебе огласить его на благо другим народам. Ибо мы находимся здесь в лоне господнем и живем никому неведомые». С этим он оставил меня, пожаловав мне и моим спутникам около двух тысяч дукатов. Ибо члены Соломонова дома раздают щедрые дары всюду, куда прибывают. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

НОВЫЙ ОРГАНОН НАУК *

«Novum Organum Scientiarum» был опубликован в 1620 г. в Лондоне на латинском языке как вторая часть «Instauratio Magna Scientiarum». Над этим произведением Бэкон работал свыше 10 лет; некоторые его идеи содержатся уже в работе «Cogitata et Visa de Interpretatione...» (написана в 1607—1608 гг.), и, как свидетельствует В. Раули, сам он видел не менее 12 вариантов «Нового Органона». Тем не менее трактат вышел в свет незаконченным. Он обрывается на рассмотрении «Преимущественных примеров», так что намеченный в афоризмах XXI и LII кн. II план остался нереализованным. Как показывает уже само название сочинения, замысел автора состоял в том, чтобы противопоставить перипатетической и схоластической логике новое «орудие», или «инструмент», познания. (Как известно, последователи Аристотеля — перипатетики собрали его логические сочинения в свод под общим названием «Organon».) Некоторые разделы «Нового Органона» перекликаются с содержанием более позднего трактата «О достоинстве и приумножении наук» (в особенности с III и V книгами), однако именно в «Новом Органоне» нашли свое развернутое изложение бэконовское учение о методе и теория индукции.

Переиздания «Нового Органона» появились в 1645 и 1650 гг. в Лейдене, в 1660 г. — в Амстердаме, в 1770 г. — в Вюрцбурге, в 1803 г. — в Глазго и в 1813 г. — в Оксфорде. Имеются и многочисленные более поздние издания, из которых следует выделить: издание, вошедшее в семитомное собрание сочинений Фр. Бэкона — «The Works of Francis Bacon.., coll. and ed. by J. Spedding, R. L. Ellis and D. D. Heath». London, 1857—1874, в котором латинский текст «Нового Органона» содержится в I, а его перевод на английский язык — в IV томе; издание в составе двухтомника «The Works of Lord Bacon». London, MDCCCLXXIX; критическое издание *Th. Fowler.* Bacon's Novum Organum, 2 ed. Oxford Clarendon Press, 1889. Начиная с XVIII в. «Новый Органон» переводится на основные европейские языки — немецкий, итальянский, французский. В отрывках «Новый Органон» появился на русском языке еще в 1760 г. и затем в 80-х годах XVIII в. Существуют два полных русских перевода: П. А. Бибикова (*Бакон.* Собрание сочинений, т. II. СПб., 1874) и С. Красильщикова (*Франциск Бэкон Веруламский.* Новый Органон. М., 1935). Последний и выбран для настоящего издания, при этом заново сверен Г. Г. Майоровым по латинскому тексту I тома «The Works of Francis Bacon.., coll. and ed. by J. Spedding, R. L. Ellis and D. D. Heath».

[1] Термин «idolum» первоначально (в греч.) означал «призрак», «тень умершего», «видéние». В средневековой церковной латыни

* Примечания к «Новому Органону Наук» составлены И. С. Нарским.

означал «фигура божка», «идол». Ф. Бэкон возвращается к изначальному значению термина, имея в виду призрак, уводящий человеческое познание на ложный путь. Интересно, что и Роджер Бэкон (XIII в.) говорил о четырех препятствиях (offendicula) на пути познания: доверие недостаточному авторитету, привычка, приверженность общепринятым мнениям, боязнь признаться в собственном незнании. — *8.*

[2] Под *аксиомами* имеются в виду общие положения, научные генерализации, выражающие законы природы. — *13.*

[3] Бэкон здесь имеет в виду «слепой опыт» («experientia»), осуществляемый без должного метода, беспорядочно, в отличие от «научного опыта» («experientia literata») (ср. «О достоинстве и приумножении наук», кн. V, гл. 2—т. 1 наст. изд.). — *13.*

[4] Т. е. к изначальным *принципам,* «архэ» в понимании Аристотеля. — *13.*

[5] Имеется в виду высказывание римского папы Александра VI *Борджиа* о победоносном походе французского короля Карла VIII в Италию в 1494 г. — *17.*

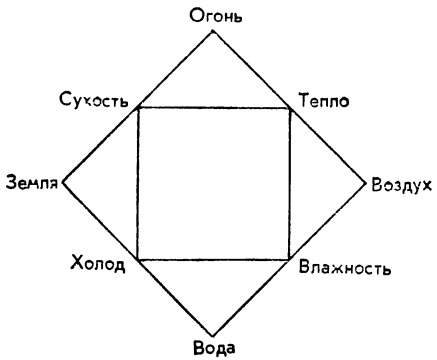
[6] См. прим. 1. — *18.*

[7] Бэкон здесь имеет в виду тезис, обычно приписываемый софисту Протагору (см. *Платон.* Теэтет, 151 е — 152 с). — *18.*

[8] Образ-символ *пещеры* заимствован у Платона (см. «Государство», VII, 514 в). — *19.*

[9] *Драконами* в средневековой астрономии называли некоторые кривые траектории движения небесных тел. Еще в древности узлы орбиты Луны на эклиптике именовали «хвостом» и «головой дракона» (ср. «О достоинстве и приумножении наук», кн. III, гл. 4 (наст. изд., т. 1, стр. 212)). — *20.*

[10] Учение о четырех *элементах,* из соединений которых образованы все естественные тела,— одно из главных в философии перипатетиков. Четыре основных элемента мира: огонь, земля, воздух, вода — получаются в результате сочетания по два четырех элементарных состояний: тепла, холода, сухости и влажности. Всего эти состояния могут составить шесть комбинаций по два, однако две (тепло — холод, влажность — сухость) отвергались как внутренне противоречивые. Это представление можно выразить следующей диаграммой, составленной из четырехугольников:



При этом *круг огня* ставился выше «кругов» остальных элементов и считался «не подчиненным чувству». — *20.*

[11] В средневековых книгах по естествознанию воспроизводилось учение Аристотеля (см. «О возникновении и разрушении», II, 6) о десятеричном отношении плотности элементов (считалось, например, что вода в 10 раз плотнее воздуха). — *20.*

[12] Эту историю рассказывает Цицерон об атеисте Диагоре («De Natura Deorum» («О природе богов»), III, 37), а Диоген Лаэртский — о кинике Диогене из Синопа. — *20.*

[13] Имеется в виду представление Аристотеля о бесконечной делимости величин (см. *Аристотель.* Физика). — *21.*

[14] Это бэконовское положение весьма спекулятивно критиковал Спиноза в одном из писем Г. Ольденбургу. Спиноза считал, что Бэкон (как и Декарт) не постиг истинной природы человеческой души и истинной причины ее заблуждений (см. *Б. Спиноза.* Избранные произведения, т. II, письмо 2. М., 1957). — *22.*

[15] Бэкон широко экстраполировал это идущее еще от Галена учение о духах (spiritus) на всю природу, считая, что духами проникнуты и неорганические тела (в кн. II «Нового Органона» этот взгляд встречается довольно часто). В «Historia Vitae et Mortis» («История жизни и смерти») Бэкон различает два вида духов: «мертвые» и «жизненные» («животные»). Последние отличаются большей тонкостью и в органических телах играют роль стимула физиологических процессов. Мертвые же духи — это, в сущности, так называемые невесомые флюиды средневековой натурфилософии. — *22.*

[16] *Чистое действие* (actus purus), термин, заимствованный у Аристотеля; у Бэкона означает, видимо, просто сам процесс движения как таковой. — *23.*

[17] *Устремление второго порядка* (intentio secunda [formalis]) в схоластической философии — рефлексия или устремление разума на свои собственные состояния, возникшие как результат «intentio prima», т. е. акта интеллекта, устремленного на внешние объекты. Аристотель в своем учении о душе приписывал ей именно эти «вторые устремления», объектами которых считались, например, понятия «энтелехия», «форма» и др. — *28.*

[18] Возможно, здесь имеется в виду и современник Бэкона философ-эклектик Роберт Флэдд (R. Fludd, 1574—1637). — *30.*

[19] См. прим. 10. — *30.*

[20] Здесь речь идет о *скрытых свойствах* (proprietates occultae) схоластической науки. — *31.*

[21] Такое разделение всех видов движения было характерно для Аристотеля и перипатетиков. — *32.*

[22] *Султаны* Оттоманской империи, восходя на престол, имели обыкновение расправляться с близкими родственниками, дабы избавить себя от возможных соперников и заговорщиков. Так поступил, например, в 1595 г. Магомет III. — *33.*

[23] *Ефектики,* т. е. «воздерживающиеся от суждений»; так называли последователей скептика Пиррона. — *33.*

[24] Бэкон явно недооценивает вклад в науку арабских ученых, получивших важные результаты, в частности, в химии и математике. — *35.*

[25] Имеется в виду тиран Сиракуз Дионисий Старший (431—367 гг. до н. э.) (см. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, III, 18). — *36.*

[26] Об этих словах, сказанных Солону одним из египетских жрецов, упоминает Платон (см. «Тимей», 22 в).— *36.*

[27] Бэкон имеет в виду трактат римского ученого и писателя I в. н. э. *Авла Корнелия Цельса* «De Medicina» (Praefatio) («О медицине» (Введение)). — *37.*

[28] Подобную мысль высказывал римский врач и философ Гален, который в своем трактате «De Naturalibus Facultatibus» («О естественных способностях») противопоставлял внутренние созидательные силы природы и внешние операции искусства. — *39.*

[29] *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания (Фокион, VIII). — *40.*

[30] См. прим. 24. Такое отношение Бэкона к наследию арабской науки могло проистекать и из недостаточной осведомленности Бэкона, и из общей его установки подвергнуть критике состояние средневековой науки, и из характерной для того времени враждебности европейских христиан к магометанам. — *41.*

[31] *Мета,* конический столбик, устанавливавшийся в начальном и конечном пунктах конского ристалища в Древнем Риме. — *43.*

[32] *Развязанная метла* (scopa dissoluta), образ, который использовали римляне для обозначения полной неразберихи, путаницы. — *45.*

[33] Считают, что *перегонка* (дистилляция) *жидкостей* была известна в античности; указания на простейшую форму дистилляции имеются у Аристотеля и Плиния. — *47.*

[34] *Амадис Галльский,* герой испанского рыцарского романа «Смелый и доблестный рыцарь Амадис, сын Периона Галльского и королевы Элисены». Сарагосса, 1508; этот персонаж упоминается в «Дон Кихоте» (ч. 1, гл. 1). *Артур* (Артус) *Британский,* легендарный вождь бриттов. Подвиги короля Артура и его рыцарей были темой многочисленных сказаний, а затем — рыцарских романов, в частности Т. Мэлори. — *49.*

[35] См. *Аристофан.* Облака, 368—407. — *51.*

[36] Ср. *Лактанций.* Divinae Institutiones (Божественные установления), III, 24; *Августин.* О граде божьем (De Civitas Dei), XVI, 9. — *51.*

[37] Матф., 22, 29. — *52.*

[38] Лук., 17, 20. — *55.*

[39] Дан., 12, 4; эта сентенция была помещена на титульном листе первого издания «Нового Органона». — *55.*

[40] *Демосфен.* III Филиппика, 5. — *56.*

[41] *Эсхин* (389—314 до н. э.), афинский оратор и политический деятель, противник Демосфена и сторонник промакедонской партии. — *57.*

[42] *Тит Ливий.* Римская история от основания города, IX, 17. — *57.*

[43] Здесь противопоставляются «повествовательная» («Historia narrativa») и «индуктивная» («Historia inductiva») естественные истории (см. «Бэконовскую классификацию человеческих познаний» в прим. к 1-му т. наст. изд.). — *58.*

[44] Здесь имеется в виду *опыт,* письменно зафиксированный в своих результатах. Однако выше речь идет об «experientia literata», т. е. упорядоченном, научном опыте. В этом же смысле Бэкон говорит об опыте в афор. CIII и CX кн. I «Нового Органона» и в гл. II кн. V «О достоинстве и приумножении наук». — *60.*

[45] Платон применял операцию исключения (элиминации), аналогичную операции в бэконовской индукции, но у него не была сформулирована операция дизъюнкции, характерная для логической структуры индуктивного метода Бэкона. — *61.*

[46] Как рассказывает итальянский историк и врач Петер Мартир Ангиерра (1457—1526), лично знавший Колумба, мысль о существовании на Западе материка появилась у Колумба на основании наблюдений за западными ветрами, которые в определенное время года дуют у берегов Португалии. — *66.*

[47] По-видимому, имеются в виду вторая и третья части «Великого восстановления наук» (см. прим. 3 к стр. 60 в 1-м т. наст. изд.). — *68.*

[48] См. *Плиний.* Естественная история, I; ср. *Аристотель.* О частях животных, I, 5. — *70.*

[49] *Мускус* добывали из семенных желез кабарги. *Цибет,* применявшийся, как и мускус, в парфюмерии и медицине, получали из выделений заднепроходных желез афро-азиатского хищного животного циветты. — *70.*

[50] В древнегреческой мифологии божество судьбы изображалось лишенным на затылке волос, так что его уже нельзя было ухватить и остановить, если оно кого-либо миновало. — *72.*

[51] *Плутарх.* Apophthegmata (Изречения). Имеется в виду Филипп Македонский. — *72.*

[52] См. *Платон.* Тимей, 24e—25d. — *72.*

[53] Слова Филократа (*Демосфен.* О преступном посольстве, 46).— *73.*

[54] В подлиннике: «Itaque ipsissimae res sunt (in hoc genere) veritas et utilitas». Это важное утверждение Бэкона предлагали переводить по-разному. Например: «Ведь сами вещи (в этом роде) суть истина и польза», т. е. «вещи суть источник как истины, так и пользы». Или: «Истина и польза суть вещи наиболее существенные», «истина и польза составляют суть вещей». Однако в пользу принятого в нашем издании перевода говорят другие места «Нового Органона», например, афор. III кн. I. — *74.*

[55] В оригинале: «compositionis et divisionis», что позволяет перевести это словосочетание и так: «синтеза и анализа». Под *историей* здесь, как и во многих других местах, у Бэкона подразумевается «описание». — *76.*

[56] Имеется в виду изданное в 1605 г. сочинение «The Proficience and Advancement of Learning, Divine and Human» («Успехи и развитие знания божественного и человеческого») в двух книгах. — *76.*

[57] *Лукреций.* О природе вещей, VI, 1—3 (здесь и далее пер. Ф. А. Петровского). Сам Бэкон цитирует не вполне точно. — *77.*

[58] Притч., 25, 2. — *78.*

[59] Ср. «Valerius Terminus...», 22; «The Proficience and Advancement of Learning...», II. — *79.*

[60] Это место К. Айдукевич истолковывает следующим образом: «Источник сущности (fons essentiae) — это общее свойство, делающееся определенным и конкретным через присоединение к нему некоторого конкретного свойства, или природы, вызываемого формой». В таком случае *источник сущности* соответствует роду, форма — это differentia specifica, а конкретная природа *(natura data)* — это вид (species), образуемый соединением рода и формы. Таким образом становится понятным, почему Бэкон назвал форму «истинным отличием» («differentia vera») в афор. I, ч. II «Нового

Органона» (см. *F. Bacon.* Novum Organum. Warszawa, 1955, стр. 406). — *82.*

[61] Проводимое Бэконом различие между «collegia minora», т. е обладающими специфическими характеристиками собраниями материальных тел, «видами» и «collegia majora» — неспецифицированной материей, «элементами» изложено в трактате «О достоинстве и приумножении наук», кн. II, гл. 3. — *86.*

[62] Бэкон собирался рассмотреть *вспоможение чувству* в третьей части «Великого Восстановления Наук», *вспоможение памяти* — в четвертой, *вспоможение уму* — это бэконовское учение об индукции. — *87.*

[63] *Майоран,* дикое растение, богатое ароматическими маслами, встречается на юге Европы, в Северной Америке и Средней Азии. — *89.*

[64] *Тургун,* тропическое растение. — *89.*

[65] *Вергилий.* Георгики, 1, 93 (здесь и далее пер. С. Шервинского). — *90.*

[66] *Дни Пса,* или «каникулы», период от четырех до шести недель между июлем и сентябрем; «Каникулой» римляне называли большую звезду в созвездии Пса. — *90.*

[67] *Пик Тенериф* высотой свыше 3700 м находится на одноименном острове, самом крупном из группы Канарских о-вов. Зимой его вершина покрывается снегом. Ненрав Бэкон и в отношении *Перуанских Анд* (Кордильер), наиболее высокие вершины которых также покрыты снегом. — *91.*

[68] В частности Аристотелем. — *91.*

[69] Бэкон имеет в виду третью экспедицию Баренца 1596—1597 гг.; комментаторы считают, что Бэкон ошибся, упомянув о начале июля вместо июня. — *91.*

[70] Т. е. не выпуклую, но вогнутую линзу. — *92.*

[71] Речь идет об одной из первых конструкций термометра, вернее, термоскопа (ибо на его показания влияла не только температура, но и давление воздуха), изобретенного Галилеем. О его устройстве Бэкон рассказывает в афор. XIII, § 38 кн. II «Нового Органона» (см. также *Ф. Розенбергер.* История физики, ч. 2. М. — Л., 1933, стр. 51). — *92.*

[72] Французский ученый Мерсенн утверждал, что значительная часть экспериментов, упоминаемых во второй части «Нового Органона», уже была поставлена, давая понять, в частности, что он сам проделал этот опыт с зажигательным стеклом (см. «De la Vérité des Sciences» («Об истине наук»), 1625, p. 210). — *92.*

[73] Имеется в виду высказанное в «Saggiatore» мнение Галилея о том, что кометы — это разновидность метеоров, т. е. атмосферных, а не космических явлений. — *93.*

[74] Так древнегреческий врач Диоскорид (см. «De Materia Medica» («О целебных веществах»), II, 39) назвал ночную фосфоресценцию моря (ср. «О достоинстве и приумножении наук», кн. IV, гл. 3). Ее источник — инфузории-ночесветки. — *94.*

[75] *Огнем св. Эльма* (первоначально: Эразма) называли слабое свечение над остроконечными предметами, например верхушками корабельных мачт. Оно является следствием атмосферного электричества. Древние называли это явление огнями *Кастора* и *Поллукса,* мифологических героев, считавшихся покровителями мореплавателей, однако позднее моряки, наоборот, полагали, что эти огни предвещают несчастье. — *94.*

[76] Такое мнение высказывал, например, Аристотель. — *97.*

[77] Так называют смесь в определенной пропорции азотной и соляной кислоты. — *98.*

[78] Видимость такого *кипения* есть следствие интенсивного выделения газов при химической реакции этих металлов. — *98.*

[79] Это одно из важных мест, проливающее свет на то, что именно Бэкон понимал под *формой.* В системе гносеологии Локка это различие найдет свое выражение в противопоставлении «первичных» и «вторичных» качеств. В неоконченном бэконовском сочинении 1603 г. под загадочным названием «Valerius Terminus of the Interpretation of Nature with the annotations of Hermes Stella» мы находим намек и на будущую локковскую интерпретацию: «...у цветов мало общего с телами, с которыми они связаны, с их свойствами и сущностями» («The Works of Francis Bacon.., coll. and ed. by J. Spedding, R. L. Ellis and D. D. Heath», vol. III, p. 236). В этом же сочинении Бэкон ввел понятие диспозиционности чувственных свойств. — *100.*

[80] *Таблица степеней* завершает основную схему элиминативной индукции Ф. Бэкона. Ранний ее набросок содержался еще в «Valerius Terminus...», где даются шесть «указаний» («directions») индуктивного метода отыскания причин, а вместе с тем метода вызывания изучаемых свойств. От них при этом требуется, чтобы все они действовали совместно и обладали одновременно и «надежностью и свободой» («certainty and liberty»), т. е. не позволяли бы получаемым выводам быть ниспровергнутыми какими-либо неучтенными исключениями и обеспечивали бы широкую взаимозаменяемость всех возможных средств, используемых для получения искомой формы, что в свою очередь подкрепляет истинность полученных выводов (см. «The Works of Francis Bacon», vol. III, p. 235 etc.). Выводы для этих «указаний» послужили Бэкону стимулом к разработке учения о «таблицах» («tabulae»), изложенного в «Новом Органоне».

Структуру Бэконовой индукции сжато можно представить таким образом. В ее основе лежат следующие философские предпосылки: признание материального единства природы, единообразия ее действий и всеобщности причинных связей. Неявно им были введены, кроме того, два предварительных допущения: (1) у каждой наличной «природы» непременно есть вызывающая ее «форма», (2) у каждой наличной «формы» непременно должна быть и проявиться ее «природа» (анализ понятия «форма» см. во вступительной статье к I тому паст. изд., а также *Т. Котарбиньский.* Избранные произведения. М., 1963, стр. 139—144).

Индукция Бэкона состоит из трех основных «таблиц представления инстанций (примеров) разуму».

Первая —«Таблица присутствия» («Tabula essentiae et praesentiae»). В нее собирают случаи, где присутствует данное свойство (природа) *A,* внутреннюю причину (форму) которого ищут. Чем более будут отличаться друг от друга эти случаи, кроме, разумеется, общего для всех них свойства *A,* тем яснее будет ответ на вопрос, есть ли все же у всех этих случаев нечто общее по другим свойствам и по каким именно? Этот ответ необходим потому, что, по мысли Бэкона (философски и логически недостаточно корректной и надежной), свойство, постоянно сопутствующее свойству *A,* и есть его искомая форма (между тем *A* и сопутствующее ему свойство оба могут оказаться следствием некоторой иной причины; опасность соответствующей ошибки Бэкон заметил в «Valerius Terminus...», где он предупреждал, что «обнаруженное

свойство (т. е. форма. — *И. Н.*) должно быть более первоначальным [original], чем ожидаемая [supposed] природа, а не быть вторичным или той же самой степени [like degree]»). Кроме того, он делает чрезмерно сильное допущение, что в инстанциях первой таблицы чувственным наблюдением непременно удается выявить все те существенные свойства, которые сопутствуют иногда или же всегда исследуемой природе.

Если оказывается, что в инстанциях таблицы I свойству *A* во всех случаях сопутствует не одно определенное существенное свойство, а несколько *(B, C, D...)*, то в таком случае для получения искомого результата необходимо построить вторую — «Таблицу отсутствия» («Tabula declinationis sive absentiae in proximo»). Заметим, что, строго говоря, таблица I почти всегда оказывается недостаточной, ибо перечень собранных в ней инстанций в подавляющем большинстве исследований не может быть полным.

В таблице II собирают случаи, в которых исследуемая природа отсутствует. Полный перечень достигнуть здесь еще более затруднительно, но задача облегчается указанием подбирать такие инстанции, которые по набору своих свойств как можно меньше отличаются от инстанций в таблице I. Это требование, намечающее в зародыше метод единственного различия у Д. С. Милля, помогает увидеть, чем именно еще, кроме отсутствия в них *A*, отличаются случаи по составу их свойств в таблице II от случаев в таблице I. Для того чтобы яснее это увидеть, предлагается сравнивать инстанции из I и II таблиц попарно: если, например, наличие в таблице I инстанции *ABC* могло бы склонить к выводу, что формой свойства *A* является существенное свойство *C*, то наличие соответствующей инстанции *PQC* в таблице II позволяет элиминировать (исключать) этот вывод как ошибочный, поскольку наличие *C* не приводит к появлению *A*.

Таким образом, рассуждение Бэкона движется по схеме альтернативной дизъюнкции, члены которой один за другим, кроме одного, отбрасываются согласно modus tollendo ponens. Имеем $b \vee c \vee d$, где малыми буквами обозначены высказывания: «искомая форма есть *B*», «искомая форма есть *C*», «искомая форма есть *D*». По указанному модусу получаем: (1) $b \vee c \vee d$, но $\bar{c}$, следовательно $b \vee d$; (2) $b \vee d$, но $\bar{d}$, следовательно b. Это дедуктивная схема. В целом ход мысли Бэкона шире указанной схемы и опирается на ряд перечисленных выше общих посылок. Однако именно этот ход вывода по альтернативной дизъюнкции сохранил в науке непреходящее значение вплоть до наших дней. Им пользовались, например, Р. Бойль, Ч. Дарвин, Л. Пастер и многие другие ученые (ср. *Дж. Платт.* Метод строгих выводов. — «Вопросы философии», 1965, № 9).

Бэкон сознавал, что взаимодействие I и II таблиц недостаточно для достоверного решения вопроса, что́ есть искомая форма, ибо может быть так, что *B* всегда сопутствует *A* только случайно. Поэтому им предлагается третья — «Таблица степеней» («Tabula graduum sive tabula comparativae»), в которой подбирают инстанции по степени интенсивности в них свойства *A* и наблюдают, в каком соотношении с *A* изменяется *B*, предположенное как его форма. *B* не может быть формой для *A* тогда, когда из взаимосопоставления инстанций таблицы III оказывается: (1) возрастанию *A* сопутствует уменьшение *B* или же *B* остается неизменным; (2) уменьшению *A* сопутствует увеличение *B* или же оно остается неизменным; (3) неизменности *A* сопутствует изменение *B* в некото-

ром или же в другом, ему противоположном, направлении. Если будет зафиксирована одна из этих трех ситуаций, следует более тщательно изучить состав свойств инстанций I и II таблиц, а если это не приводит к выявлению новых, ранее не замеченных, существенных свойств, то продолжить подбор инстанций для этих таблиц, расширив число входящих в таблицы случаев, дабы в составе последних были бы все же обнаружены новые свойства *(E, F, G)*, поскольку форму теперь придется искать уже среди них. Если же окажется, что *B* изменяется в том же качественном и количественном направлении, что и *A*, то мы можем считать, что «первый сбор плодов» («vindemiatio prima») успешно осуществлен: *B* есть форма природы *A*.

Таблица III стала прообразом метода сопутствующих изменений Д. С. Милля, который в своей логике следовал идеям Ф. Бэкона и Д. Гершеля. Однако в отличие от построений Милля, индуктивная логика Бэкона ориентировала не на разрозненное действие трех канонов — единственного сходства, единственного различия и сопутствующих изменений, но непременно на тесное взаимодействие всех трех «Таблиц». Это подчеркивается тем обстоятельством, что Бэкон среди вспомогательных приемов индукции ввел «обособленные примеры» (см. афор. XXII кн. II «Нового Органона»), ориентирующие именно на эту связь. — *101.*

[81] Имеется в виду римский император *Констанций II*. Этот якобы имевший место факт приводит Аммиан Марцеллин в своей «Истории римского государства» (XXI, 15). — *102.*

[82] *Сердце Льва,* или *Регул,* звезда первой величины в созвездии Льва. *Сириус,* дважды упоминаемый Бэконом, главная звезда в созвездии Большого Пса; но возможно, называя *Пса,* Бэкон имел в виду Процион — звезду в созвездии Малого Пса, одну из самых ярких звезд неба. — *103.*

[83] Астрономические термины *«перигей»* (положение наибольшего приближения планеты к Земле) и *«апогей»* (положение наибольшего ее удаления) Бэкон относит и к Солнцу. Применительно к Солнцу принято, однако, употреблять термины «перигелий» и «афелий». — *104.*

[84] Разумеется, причина здесь не в *движении* линзы, а в нахождении, благодаря такой операции, точной фокусировки, ибо фокусное расстояние линзы несколько меньше пяди. — *106.*

[85] *Положительный* и *отрицательный* пути, о которых пишет здесь Бэкон,— два разных способа познания, иногда называемые «синтетическим» и «аналитическим». Первый состоит в обосновании фактами некоторой принятой гипотезы. Второй заключается в последовательной проверке предположительно возможных вариантов решений и исключении всех, кроме одного. Индукция через простое перечисление есть вид «положительного» метода, тогда как элиминативная (исключающая) индукция Бэкона есть разновидность «отрицательного», или аналитического, в этом смысле слова, метода. — *109.*

[86] Речь, по-видимому, идет об *идеях* Платона, учению которого Бэкон отнюдь не симпатизировал. — *110.*

[87] Иными словами: не считай форму тепла за нечто только земное, ибо тепло излучает и Солнце. Это относится к фундаментальному в перипатетической физике различению «небесного» и «элементарного». Тепло, поскольку его несут и солнечные лучи, не может зависеть от элементарной природы, противопоставленной небесной. — *111.*

[88] Таким образом исключается понимание теплоты как особой субстанции («теплорода»), диффундирующей через природу тел. — *112.*

[89] Т. е. пойти по «положительному» пути; см. выше прим. 85. — *113.*

[90] Т. е. состоящее из земных элементов; см. выше прим. 87. — *118.*

[91] Характеристика, даваемая Бэконом *обособленным примерам,* соответствует тем наблюдениям, на которых, согласно Д. С. Миллю, следует строить выводы по методам единственного сходства и единственного различия. — *119.*

[92] Бэкон излагает взгляд Б. Телезио (см. «De Rerum Natura» («О природе вещей»), VII, 31 и др.). — *120.*

[93] Английские комментаторы полагают, что здесь, возможно, имеется в виду не *Ferinus* (дикий), а Feralis (гибельный). Последним термином астрологи называли планету, которая при видимом движении по небосводу отдаляется от других планет и потому якобы предвещает бедствие. — *120.*

[94] Т. е. утверждение, что именно это есть искомая форма. — *120.*

[95] Бэкон считал, что отношение веса ртути к золоту выражается как 39 : 40, в действительности же оно несколько больше, чем 7 : 10. — *123.*

[96] В оригинале: «manipulares» от «manipulus», что означает: группа, пучок, связка чего-то, а также третья часть войсковой когорты римлян. — *125.*

[97] Имеется в виду вспомогательная мнемоническая таблица, разработанная древнегреческим ученым Метродором. — *126.*

[98] *Платон.* Федр, 266b. — *128.*

[99] Эти предположения Бэкон развивает в «Cogitationes de Natura Rerum» («Рассуждения о природе вещей»), VII. — *128.*

[100] Ср. аналогичные суждения Телезио (см. «De Rerum Natura», VI, 18), который в свою очередь следовал Галену. — *129.*

[101] См. *Аристотель.* О ходьбе животных, I, 7. — *130.*

[102] Бэкон здесь говорит о *подобии* очертаний материков Африки и Южной Америки. А. фон Гумбольдт укажет впоследствии, что между противоположными берегами Атлантики существует приблизительное соответствие (выступам с одной стороны соответствуют впадины с другой). В частности, это соответствие приводится как один из аргументов в пользу гипотезы Вегенера о разрыве материков. — *131.*

[103] Цитата из Энния, приводимая Цицероном (см. «De Natura Deorum» («О природе богов») I, 35. — *133.*

[104] См. афор. CIX кн. I. — *135.*

[105] См. афор. XXVIII кн. II. — *135.*

[106] Ср. афор. XXI кн. II. Обещанный раздел написан не был. — *137.*

[107] См. афор. XXIII кн. II. — *137.*

[108] Эфир, открытый еще в 1544 г., легче винного спирта, но он не был известен Бэкону. — *139.*

[109] *Джироламо Фракасторо* (1483—1553), итальянский врач, поэт и философ. — *141.*

[110] Эти примеры, как и разделение тепла на три вида, Бэкон заимствовал у Б. Телезио (см. «De Rerum Natura», VI, 20). — *141.*

[111] Возможно, здесь имеются в виду пассаты и антипассаты. — *142.*

[112] См. выше прим. 92. — *143.*

[113] Испанский путешественник и ученый иезуит *Хозе д'Акоста* (1539—1600) в своей «Естественной и моральной истории Индии» («Historia natural y moral de las Indias») писал об одновременности приливов на западном и восточном берегах Южной Америки, а не об одновременности их на противоположных берегах Атлантического океана. В сочинении «De Fluxu et Reflexu maris» («О морских приливах и отливах») Бэкон развивает взгляд, согласно которому морские приливы и отливы суть следствие движения вод «вслед за» Солнцем и отступления их при этом от берегов Америки. — *144.*

[114] Т. е. Тихий океан. — *145.*

[115] Здесь, как и в некоторых других местах (афор. XLVI и XLVII кн. II), Бэкон касается спора между гелиоцентрической и геоцентрической системами мира; сам он высказывается против взгляда Коперника. — *147.*

[116] Т. е. объясняется тем, что постоянные звезды в своем круговом движении опережают планеты. — *148.*

[117] Это предположение было подтверждено опытами, которые поставили в середине XIX в. английские ученые Хэвл (Whewell) и Айри (Airy). — *149.*

[118] См. *Гильберт.* О магните, III, 12. — *150.*

[119] Исходя из идеи, что Земля — это огромный магнит, Гильберт моделировал ее небольшим шарообразным магнитом, который называл *«terrella», т. е.* «маленькая земля» (см. «О магните», II). — *150.*

[120] См. *Гильберт.* De Mundo nostro sublunari Philosophia Nova (Новая философия о нашем подлунном мире), II, 13. Этот трактат был издан лишь в 1651 г., но Бэкон познакомился с ним до публикации. — *150.*

[121] Отражает, конечно, не *воздух,* а стекла окон. — *150.*

[122] См. *Фракасторо.* De sympathia et antipathia (О симпатии и антипатии), 4. — *151.*

[123] Этот эксперимент как уже осуществленный Бэкон упоминает в своей «Естественной истории» («Sylva Sylvarum», 31) — сочинении, представляющем фрагмент третьей части «Великого Восстановления Наук». — *154.*

[124] Буквально: «живущими в одной палатке» («contubernales»). Так в Древнем Риме называли знатных молодых людей в свите претора. — *155.*

[125] Бэкон имеет в виду три оптических прибора: микроскоп, телескоп и астролябию. Микроскоп был изобретен в 1590 г. голландцем Захарием Янсеном (некоторые приписывают его изобретение Роджеру Бэкону). Телескоп — в 1608 г. Яном Липпершеем. Астролябия — прибор для геодезических и астрономических наблюдений, известный еще в древности. — *157.*

[126] Ср. «Descriptio Globi Intellectualis» («Описание интеллектуального мира»), V. — *158.*

[127] Бэкон неоднократно затрагивал вопрос о плотности материи. Упомянутая *таблица* содержится в его «Historia Densi et Rari» («История плотного и разреженного»), где он между прочим высказал мнение, что воздух невесом. Эта работа — один из фрагментов третьей части «Великого Восстановления Наук». — *162.*

[128] См. афор. LIX и XLI кн. I. — *164.*

[129] Бэкон разделял традиционное мнение о рождении живых

существ из продуктов гниения как результате спонтанного обнаружения «животных духов». — *166.*

[130] Это им не было осуществлено. — *167.*

[131] Ср. афор. LI кн. I. — *169.*

[132] В то время медики считали, что мозг выделяет вещества, вызывающие различные расстройства организма. В связи с этим в ходу были особые очищающие средства, которые, как полагали, удаляли из организма эти выделения. — *171.*

[133] Ср. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания (Александр, XXXV). — *172.*

[134] Удовлетворительное объяснение этого опыта, конечно, основывается на факторе атмосферного давления. — *174.*

[135] Английские комментаторы замечают, что это, возможно, один из самых замечательных опытов, произведенных Бэконом. Они устанавливают его приоритет по отношению к Мегалотти, который, будучи секретарем Флорентийской академии, опубликовал описание этого эксперимента пять лет спустя после появления «Нового Органона». — *174.*

[136] *Параллакс,* угол, образованный двумя прямыми: от наблюдаемой планеты к центру земли и от планеты к наблюдателю на ее поверхности. Совокупные наблюдения за планетами, произведенные в различных точках земли, требуют поэтому коррекции параллаксов. — *175.*

[137] В своей теории морских приливов и отливов Галилей также учитывал и движение Земли вокруг Солнца. — *177.*

[138] См. афор. LI кн. II. — *177.*

[139] Этот введенный Аристотелем термин можно также перевести как «сопротивляемость», «непроницаемость». — *179.*

[140] См. афор. XXV кн. II. — *186.*

[141] См. *Гильберт.* О магните, II, 4. — *189.*

[142] Согласно теории *Парацельса* (1493—1541), процессы и отправления в организме, помимо взаимодействия трех алхимических элементов: серы, ртути и соли, зависят от некоего духовного начала, называемого *Археем.* — *189.*

[143] *Отмерший дух,* часть животного духа, находящаяся в отделенных от живого тела членах (см. «Historia Vitae et Mortis» («История жизни и смерти»)). — *190.*

[144] См. афор. XL кн. II. — *190.*

[145] См. «Historia Vitae et Mortis». — *190.*

[146] Бэкон называет этот вид движения *десятым,* а не одиннадцатым, возможно, потому, что «первое движение — antitypiae,— присущее всякой материи, не является специфическим. — *190.*

[147] Согласно древнегреческому мифу, Кронос *(Сатурн)* пожирал своих детей, так как ему было предсказано, что его свергнет его сын. Это продолжалось до рождения Зевса *(Юпитера),* которого спасла от гибели его мать Рея. — *191.*

[148] *Спинет,* старинный музыкальный инструмент, один из предшественников фортепиано. — *192.*

[149] До сих пор в классификации движений Бэкон не отходил от перипатетической системы физики, однако далее он вносит в нее существенные изменения (ср. афор. XXXV кн. II). Заметим, что свои астрономические взгляды Бэкон изложил в «Descriptio Globi Intellectualis» и в «Thema Coeli». — *194.*

[150] Бэкон имеет в виду теорию испанских астрономов XIII в. при дворе Альфонса X, короля Кастилии. Согласно этой теории,

небесные сферы совершают небольшую циркуляцию вокруг неподвижных центров, т. е. как бы «подрагивают». — *195.*

[151] Здесь имеются в виду: «vacuum permistum» — пустота, распределенная в каком-либо теле, и «vacuum coacervatum» — собственно пустое пространство, лишенное всякой телесности. Это различение идет от Аристотеля (см. «Физика», IV, 213b—214a). — *196.*

[152] Это утверждение связано с некоторыми ошибочными соображениями и расчетами о плотности золота, винного спирта и его паров (ср. афор. XL кн. II). Далее Бэкон имеет в виду большую силу ветра при ураганах. — *196.*

[153] *Замазка мудрости* (lutum sapientiae), особое средство у алхимиков для герметического закупоривания сосудов. — *199.*

[154] Замысел устройства водолазного колокола приписывают еще Роджеру Бэкону. Практически его применяли начиная с XVI в. — *200.*

[155] Подводную лодку на 15 человек изобрел и построил в начале XVII в. голландский механик Корнелий ван Дреббел. — *200.*

[156] См. афор. XLV кн. II, а также выше прим. 135. — *202.*

[157] *Ксилобальзам* получали из выделений особой породы деревьев в Галилее; *кассия* — дикая корица. — *204.*

[158] *Марсов шафран (crocus martis)* — используемая в качестве красной краски окись железа. — *206.*

[159] В подлиннике: «balneum Mariae», т. е. «ванна Марии». Этот термин встречался в сочинениях алхимиков, но был, видимо, испорченным «balneum maris», т. е. «морская ванна». Так называли способ постепенного нагревания жидкостей, когда сосуд с ними помещался в подогреваемый снизу сосуд с водой. — *206.*

[160] Т. Фаулер (Th. Fowler) полагает, что речь идет о школе Парацельса, уповавшей не на философский камень, а на умелое применение *лампы,* т. е. огня. — *207.*

[161] Речь идет о *триаде* ятрохимиков в составе серы, ртути и соли в смысле начал сгорания, улетучивания и обращения в пепел. Утверждение, что все тела состоят из этих трех элементов, выдвинул Василий Валентин в XV в., а развил его Парацельс. — *208.*

[162] В подлиннике стоит: «menstrua». Уже Аристотель (см. «О возникновении животных», I, 20) употреблял это слово в смыслах: материя, пассивный материал, питательная масса. — *209.*

[163] Полагают, что здесь речь идет о цистерианском монашеском ордене из Фельяна (Feuillans) во Франции, члены которого по воле их настоятеля в 70-х годах XVI в. влачили полуголодное существование. — *209.*

[164] Так называли *яды* и «заразу», которые оказывали строго определенное губительное действие. — *211.*

[165] Быт., 3, 19. — *214.*

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ЕСТЕСТВЕННОЙ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

«Parasceve ad Historiam Naturalem et Experimentalem, sive Descriptio Historiae Naturalis et Experimentalis, qualis sufficiat, et sit in ordine ad basin et fundamenta Philosophiae verae» было опубликовано в 1620 г. вместе с «Novum Organum Scientiarum» и представляет собой сжатый набросок третьей части «Instauratio Magna Scientiarum». Эту часть Бэкон хотел развернуть в серии трактатов

под общим названием «Естественная и экспериментальная история для основания философии, или явления мира», однако целиком свой замысел не осуществил.

На русском языке «Parasceve ad Historiam Naturalem et Experimentalem» впервые напечатано как «Приложение» в книге А. Л. Субботина «Фрэнсис Бэкон» (М., 1974). Перевод с латинского выполнен Н. А. Федоровым по изданию «The Works of Francis Bacon., coll. and. ed. by J. Spedding, R. L. Ellis and D. D. Heath», vol. I и для настоящего издания вновь сверен переводчиком. Примечания подготовил А. Л. Субботин.

[1] *Диоскорид* (Dioscorides, I в. н. э.), греческий врач из Киликии; сопровождая римские войска, посетил разные страны и оставил описание множества растений. Его произведение, известное под названием «Materia medica», пользовалось большой популярностью у европейских врачей вплоть до XVI в. — *219.*

[2] *Протей* (миф.), морское божество, находившееся в услужении у Посейдона (Нептуна). В аллегорической интерпретации Бэкона — образ материи. Подробнее об этом см. наст. т., «О мудрости древних», XIII. — *223.*

[3] Здесь и далее имеются в виду *афоризмы* «Нового Органона». — *224.*

[4] В созвездии Ориона три звезды второй величины, расположенные на одной прямой, образуют т. наз. *пояс Ориона,* а несколько более слабых звезд, расположенных в ряд,— *меч Ориона.* — *228.*

[5] См. «Роспись сочинения» в 1-м т. наст. изд., стр. 68—80. — *229.*

АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ И МИФОЛОГИЯ В ТОЛКОВАНИИ ФР. БЭКОНА

Энтузиаст новых экспериментальных исследований и естественнонаучной методологии, провозгласивший, что отныне открытия надо искать в свете Природы, а не во мгле Древности, превосходно знал саму эту Древность — ее литературу, историю и мифологию. Объясняется это не только классическим образованием, которое Бэкон получил в Кембридже, не только риторической выучкой первоклассного юриста, но и всей духовной атмосферой времени, в которой он жил. Фрэнсис Бэкон был последним крупным мыслителем европейского Возрождения и, естественно, выразителем и его стиля. Его сочинения пестрят многочисленными ссылками на греческих и римских ученых, писателей, историков, поэтов и риторов. Их высказывания, сентенции, стихи, рассказы о событиях и лицах он постоянно приводит по памяти и толкует в подтверждение своих соображений. Но из всего этого каскада цитат, замечаний, критики и толкований именно в трактате «О началах и истоках» и в сборнике «О мудрости древних» наиболее контрастно сфокусировано своеобразное бэконовское отношение к культурному наследию античности.

Хорошо известна заслуга Бэкона как критика догматизма и спекуляций перипатетиков. Однако его большая заслуга и в том, что, сумев избежать оппозиционных аристотелизму, модных в философии Возрождения увлечений идеями Пифагора, Платона и Плотина, он обратился к античной материалистической традиции, к древнегреческим физиологам и натурфилософам, к «линии Демокрита». Этот сторонник христианского дуализма боговдохновенной

души и тела, учение которого еще кишит теологическими отступлениями, вряд ли мог лучше продемонстрировать свои истинные философские симпатии, чем сделал он это, сказав свое похвальное слово греческим досократикам.

Их наивные, но свежие, жадно обращенные на мир взгляды напоминают ему о забытой в схоластической науке природе вещей, о подлинных природных телах и процессах, об опыте, о любезных ему проблемах естественной философии. В их понимании материи как оформленной, активной и заключающей в себе начало движения Бэкон видит исходный и единственно плодотворный принцип всякой истинной, то есть опытной, науки. Именно его он противопоставляет перипатетикам, считавшим материю пассивной и бескачественной, лишь чистой возможностью и придатком другого, активного начала — умопостигаемой формы. И в науке иногда надо отойти назад, освободиться от ненужного балласта, выработанного вхолостую работающей спекулятивной мыслью, и непосредственно взглянуть на вещи. Бывают времена, когда такая реформация особенно настоятельна. Грандиозная фантасмагория о сущем как о царстве форм, отвлеченных идей и фиктивной материи, по глубокому убеждению Бэкона, отнюдь не способствовала ориентации на терпеливое и строгое опытное исследование природы, которого требовала новая наука. Поэтому, оценивая отношение Бэкона к Аристотелю, Платону и греческим материалистам, надо иметь в виду, что его интересует не то, каким образом можно мысленно, категориально охватить и определить природу сущего, а то, какова реальная природа той первой материи, тех простых начал, из которых образуется все в мире. В его подходе доминирует интерес естествоиспытателя, физика, хотя сам анализ зачастую ведется на спекулятивно-метафизическом уровне и языке.

Вот его основные установки. Первосущее должно быть столь же реально, как и то, что из него возникает. А поэтому все рассуждения об абстрактной материи и противопоставленной ей форме имеют не больше смысла, чем утверждения, что мир и все существующее образованы из категорий и других диалектических понятий как из своих начал. Следует приветствовать тех, кто подчиняет свои мысли природе вещей, а не природу вещей мыслям, кто стремится рассекать, анатомировать природу, а не абстрагировать ее, кто полагает материю способной производить из себя всякую вещь, действие и движение, а не абстрактной и пассивной. И в свете таких установок Бэкон рассматривает и оценивает учения древнегреческих материалистов.

В трактате «О началах и истоках» Бэкон сплетает аллегорическое толкование мифа о Купидоне (в древнейшем мифологическом сознании греков олицетворявшем стихийное созидающее начало в природе) с анализом идей ионийских философов. Ведь это они первые представили Купидона одетым, или, иначе говоря, приписали первичной материи, началу всего сущего, определенную естественную форму: Фалес — воды, Анаксимен — воздуха, Гераклит — огня. Не обольстили ли они себя при этом представлениями о таком совершенстве некоторых тел, что они окрасили своим цветом все остальные? Ведь по существу они удовлетворились тем, что нашли среди видимых и осязаемых тел такое, которое казалось им превосходящим все остальные, и назвали его «началом всего сущего». Но если природа этого начала есть то, чем она является нашим чувствам, и все остальные вещи имеют ту же природу, хотя она и не соответствует их внешнему виду, тогда

встает вопрос — правомерно ли подходить ко всем вещам неодинаково и считать за начало лишь то, что более значительно, распространено или деятельно? Ведь сам Бэкон принимает другую аксиому: «Природа проявляет себя преимущественно в самом малом». И еще возражение. Если в других вещах это начало, хотя бы временно, но утрачивает свою природу, не значит ли это, что за начало принято нечто преходящее и смертное, т. е. то, что в сущности противоречит самому понятию «начало»? Пионер индуктивной методологии был мастером и спекулятивного анализа. Вместе с тем его тревожит постоянно возникающий призрак ненавистного перипатетизма. Поскольку ионийские физиологи не открыли (как полагает Бэкон, даже не думали о том), какой стимул и причина заставляет это начало изменять свою природу и вновь обретать ее и каким образом это совершается, в этой проблеме возникновения всего многообразия из одного начала у них намечается та же трудность, что и у перипатетиков, с той лишь разницей, что, будучи актуальным и оформленным в отношении одного рода вещей, их начало потенциально в отношении всех остальных. Редукция к позициям аристотеликов равносильна для Бэкона reductio ad absurdum.

Вообще, из всех древних Бэкону более всех импонирует тот, кто считал, что Купидон — это Атом, кто принял за начало одну твердую и неизменную субстанцию, выводя многообразие всего существующего из различия ее величин, конфигураций и положений. К разбору взглядов Демокрита он и должен был приступить, но эта часть трактата «О началах и истоках» осталась ненаписанной. Все же из введения, отступлений и попутных замечаний трактата, из эссе «Купидон, или Атом», из других сочинений Бэкона можно составить определенное представление о его отношении к Демокриту. Картина атомистического движения, которую он, видимо, следуя Лукрецию, приписывает Демокриту, складывается из первоначального движения атомов под воздействием их тяжести и вторичного, производного — от их столкновения между собой. Сам Бэкон полагает, что нельзя отождествлять силы, движения и свойства атомов и их макросоединений, и поэтому считает эту картину, которая заимствует понятия тяжести и толчка из макромира, узкой и недостаточной. Какие свойства и движения присущи атомам по Бэкону — не вполне ясно. В атомах коренится причина всех причин (если не говорить о боге — обычное теологическое добавление Бэкона). Они — минимальные семена материи, которые обладают «объемом, местом, сопротивляемостью, стремлением, движением и эманациями» и которые «также при разрушении всех естественных тел» остаются непоколебимыми и вечными *. Их сила и движение отличны от сил и движений продуктов их соединений и комбинаций, и вместе с тем «в теле атома есть элементы всех тел, а в его движении и силе — начала всех движений и сил» **. Бэкон ставит под сомнение правомерность демокритовского противопоставления атомов и пустоты, решительно отвергает мнение Эпикура о самопроизвольном отклонении их движения и намекает на способность атомов к дальнодействию. Впрочем, он даже оправдывает «открытость» этого вопроса — если можно познать способы действия и движения атомов, то, быть может, не следует надеяться, что человеческое познание полностью

* Наст. т., стр. 337.
** Там же, стр. 306.

охватит их сущность, так как нет ничего более «близкого природе», более первичного и всеобъемлющего. Своеобразная концепция «неисчерпаемости» познания этих неделимых в условиях чисто умозрительной постановки вопроса была, пожалуй, лучшим решением.

Кажется именно Бэкону принадлежит заслуга восстановления научной репутации Демокрита, само имя которого на протяжении многих веков старались предать забвению. Бэкон ценит Демокрита за то, что он устранил бога из физической системы объяснения мира, отделив таким образом естественную философию от теологии; за то, что он приписал строение Вселенной бесчисленному ряду попыток и опытов самой же природы; за то, что в присущей материи естественной необходимости он усмотрел причины вещей, исключив вмешательство целевых, или «конечных», причин. Для него важно, что Демокрит различает сущность и явление, свойства материальных начал и образованных из них вещей, существующее «по мнению» и «по истине». У Демокрита его привлекает все то, что и сам он будет разрабатывать в своей естественной философии, закладывая базис материализма и опытной науки Нового времени.

А вот и другой аспект предпочтительности школы древних натурфилософов по сравнению с перипатетиками — антидогматизм. О нем Бэкон упоминает в эссе «Прометей, или Статус человека». Насколько и Эмпедокл, и Демокрит, жалующиеся на то, что все покрыто тайной, что нам мало что известно, что истина погружена на дно колодца, а правда повсюду удивительным образом перемешана и перепутана с ложью, достойнее самонадеянной и безапелляционной школы Аристотеля, более заботящейся о том, чтобы иметь на все словесный ответ, чем о внутренней истине вещей. В конечном счете правда за сомневающимися и ищущими истину, а не за шумно превозносящими и не за выхолащивающими ее. Ведь кто безмерно прославляет человека и его искусство, кто приходит в несказанное восхищение от вещей, которыми люди владеют, считая абсолютно совершенными науки, которые они изучают и преподают, те вряд ли способны на то, что сделают недовольные уже имеющимся, сохраняющие душевную скромность и постоянно стремящиеся к новой деятельности и новым открытиям.

Читатель трактата «О началах и истоках», конечно, заметил эту одну из его особенностей — фигуры строгого логического рассуждения здесь вдруг расцвечиваются игрой вольного, причудливого воображения. Это как раз те места, где Бэкон обращается к мифу о Купидоне. Еще более яркий фейерверк свободной фантазии пронизывает эссе «О мудрости древних». Так вырисовывается другой аспект бэконовского отношения к наследию античного прошлого — его аллегорическая интерпретация мифологии.

Нет, он не считает мифы, по крайней мере в основных инвариантных сюжетах и образах, созданиями тех, кто их излагал в древности и донес до нашего времени. Поэты заимствовали их из старинных преданий, из сказаний еще более древних народов. Но что же собой представляет миф, в чем тайна его долговечности, как следует его понимать? Бэкон считает, что как иероглифическое письмо древнее буквенного, так и аллегорическая мысль появляется раньше отвлеченных логических рассуждений. С ней мы как раз встречаемся в мифах, притчах, загадках, сравнениях и баснях древних. Здесь таинства религии, секреты политики,

предписания морали, мудрость философии, житейский опыт как бы нарочно облекаются в поэтические одеяния, и задача состоит в том, чтобы выявить этот их скрытый смысл. Дан образ, нужно найти его значение. Миф — это иносказание, определенный художественный символ. Требуется определить его рациональное содержание. Правомерна ли такая редукционная задача, такое решение системы культурно-поэтических уравнений? Замечательно, что для решения непоэтической задачи Бэкон применяет поэтические средства, так сказать обратную образность, ибо изобретательность его воображения не в создании самой аллегории, а в толковании того, что он принимает за аллегорию. «Он относится к мифам подобно тому, как Эзоп к животным; он их пересоздает и влагает в них истины, которые они должны воплощать. Он... в этом случае есть аллегорический поэт. Он столько же истолкователь мифов, как Эзоп зоолог»,— заметил Куно Фишер *. Занимаясь дешифровкой квазизашифрованного текста, наш мыслитель использует самые широкие и свободные ассоциации своей фантазии. Эта свобода ограничена лишь в одном — истины, которые он вкладывает в мифологические сюжеты и образы, это хорошо нам знакомые истины бэконовской естественной, моральной и политической философии.

Что побудило Бэкона рассматривать миф как аллегорию? Не то ли обстоятельство, как сказал бы Шеллинг, что дух подлинно мифологической поэзии уже давно угас и миф невольно стали трактовать как фигуру и философему, свойственные более поздним поэтическим формам? Аллегорическими были средневековый эпос и моралите. Аллегоричны образы в поэзии великого Данте. Как иносказание воспринимался и миф, и Джованни Боккаччо писал трактат, в котором представлял образы античной мифологии как аллегорию звездного неба. Иносказательно трактовал античную мифологию и Джордано Бруно, в буйной фантазии подгоняя ее образы к понятиям и идеям своей философской этики. Эта традиция истолкования мифов оказалась более живучей, чем могло бы показаться, судя по первоначальным образцам. Позднее ей отдадут дань немецкие романтики, а в XIX в. она в виде так называемой солярно-метеорологической теории даже приобретет довольно широкую популярность. Такие толкования исторических поэтических древностей зачастую бывали менее всего историчны.

Было бы соблазнительным занятием перечислять уязвимые стороны бэконовского подхода — некритическое принятие той или иной редакции мифа, неоднозначность интерпретации одних и тех же мифологических символов, очевидные натяжки и бесконтрольный домысел. Между тем бэконовские эссе значимы сами по себе как самостоятельное видение мифов, как художественное преломление их в призме другой эпохи, как усмотрение в древнем мифологическом символе актуального «осмысленного образа». Надо сказать, такие операции он умел проделывать весьма эффектно. Вместе с тем любопытно, что в предпоследней книге своего трактата «О достоинстве и приумножении наук» Бэкон с подобным же ключом подходит уже к библейской мудрости. Целый ряд сентенций из «Екклезиаста» и «Книги Притчей Соломоновых» он истолковывает в сугубо светском, даже житейско-прозаическом духе. И здесь он использует средневековую традицию иносказательного

---

* *Куно Фишер.* Реальная философия и ее век. СПб., 1870, стр. 135.

толкования Св. писания как прием для изложения наставлений своей практической философии.

В произведениях Фрэнсиса Бэкона отчетливо прослеживается его отношение к трем основным сферам идейного наследия, так или иначе тяготевшим над европейской мыслью — античной философии, мифологии и христианству. Отношение Бэкона к античности по-своему продуманно. Он знает, что ему нужно в этом великом складе прошлого, и использует взятое для подтверждения идей своего мировоззрения. Но метод Бэкона не исторический, а ретроспективный, отбрасывающий в прошлое тень его, бэконовских, установок, понятий, исканий и умонастроений, деформирующий прошлое и навязывающий ему чужие контуры.

Иное дело — христианство, которое для Бэкона не только и не столько традиция, но прежде всего живая идеологическая действительность. Он неоднократно подтверждает свою приверженность учению церкви (см., напр., «О достоинстве и приумножении наук», кн. IX, гл. 1). И тогда вырисовывается один из основных парадоксов бэконовского мировоззрения, так как отношение Бэкона к христианству далеко не согласуется с главной тенденцией его философских взглядов. Концепция двух параллельных книг — природы и Св. писания,— которой в общем придерживался Бэкон, понятная исторически, отнюдь не снимала самого противоречия. Здесь правоверный христианин Фрэнсис Бэкон, как писал Л. Фейербах, выступает «дуалистическим, исполненным противоречий существом» *. Сам Фейербах следующим образом раскрывает эту парадоксальность бэконовского мировоззрения. Главная установка Бэкона — понять природу из нее же самой, построить ее картину, не искаженную привнесениями человеческого духа. Именно этому служат и его критика идолов разума, и его теория опытного, индуктивного познания. Между тем такая тенденция находится в противоречии с сущностью и духом христианства, которое учит, что бог словом и мыслью творит мир, и среди всех его созданий лишь человек, обладающий душой, подобен богу. Но если так, то как же Бэкон-христианин может упрекать Платона и Аристотеля в том, что они конструируют мир из слов, идей и категорий? Разве в этом они не предтечи христианства? И почему человек, подобие бога, не может в своем познании идти тем же путем, что и его высокий прообраз в своем творчестве?

Конечно, и постановка подобных вопросов и ответы на них были делом позднейшей критики, надо сказать, в этом отношении к Бэкону довольно снисходительной. Правда, романтик, фанатик и клерикал Жозеф де Местр, почувствовав истинную равнодействующую этого противоречия бэконовского мировоззрения, через двести лет обрушится на него с обвинениями в атеизме и материализме. Для самих же материалистов и атеистов, сделавших Бэкона своим идейным вождем, подобной проблемы вообще уже не существует. Они возьмут из философии Бэкона живое и трезвое, связанное с наукой и ее методами, считая остальное издержками слишком бурного воображения или, наоборот, данью господствующему мировоззрению. Для них это уже перелистанная страница великой книги человеческого знания, наследие прошлого, традиция, на которую брошена тень их взглядов и устремлений, выросших в другую эпоху и решающих другие задачи.

А. Л. Субботин

---

* *Л. Фейербах.* История философии, т. 1. М., 1967, стр. 127.

О МУДРОСТИ ДРЕВНИХ

Сочинение «De Sapientia Veterum» вышло на латинском языке небольшой отдельной книгой в 1609 г. В течение жизни Бэкона оно один или два раза переиздавалось и было переведено на английский и итальянский языки. Это оригинальное произведение состоит из предисловия, в котором Бэкон делится с читателем принципами своего отношения к древней мифологии, и 31 эссе, в которых дается изложение, а затем толкование античных мифологических сюжетов и образов в духе бэконовской естественной, политической и моральной философии. Оно связано с другими философскими произведениями Бэкона не только идейно. Свои интерпретации мифов о Пане, Персее и Дионисе, доработанные и расширенные, Бэкон включил как примеры параболической поэзии в трактат «О достоинстве и приумножении наук». Миниатюра «Метида, или Совет» по существу вошла в бэконовское эссе «О совете». «Купидон, или Атом» и «Уран, или Истоки» непосредственно смыкаются с трактатом «О началах и истоках», в котором по замыслу автора должны быть развиты те же образы и идеи.

На русском языке «De Sapientia Veterum» в количестве 27 эссе было издано почти сто лет назад в переводе П. А. Бибикова (*Бакон.* Собрание сочинений, т. II. СПб., 1874) и разделяет недостатки других его переводов произведений Бэкона. Для настоящего издания П. А. Федоровым сделан новый полный перевод с латинского оригинала по изданию «The Works of Francis Bacon.., coll. and ed. by J. Spedding, R. L. Ellis and D. D. Heath». Сверку осуществил Г. Г. Майоров. Примечания подготовил А. Л. Субботин.

[1] Роберт Сесиль, *граф Солсбери,* сын Вильяма Сесиля, лорда Берли, двоюродный брат Бэкона по материнской линии. — *233.*

[2] *Цицерон.* Письма к Аттику, II, 18. — *242.*

[3] *Вергилий.* Буколики, экл. VI, 31—34 (здесь и далее пер. С. Шервинского). — *248.*

[4] Там же., экл. II, 63—64. — *251.*

[5] *Овидий.* Лекарства от любви, 344 (здесь и далее пер. М. Гаспарова). — *251.*

[6] Псал., 18, 2. — *251.*

[7] *Вергилий.* Энеида, IV, 178—179 (здесь и далее пер. С. Ошерова). — *257.*

[8] Там же, IV, 469—470. — *258.*

[9] *Лукреций.* О природе вещей, V, 107—109. — *262.*

[10] Еккл., 3, 11. — *267.*

[11] *Вергилий.* Энеида, II, 426—427. — *275.*

[12] Там же, VIII, 696—697. — *275.*

[13] Традиционная этимология имени Дионис(Δίονυσος (греч.)) связывает его с названием мифической горы Нисы (Νῦσα), где был, по преданию, воспитан Дионис. Бэкон же, по-видимому, производит это имя от греческого глагола νύσσω (νύττω) — толкать, ударять, колоть, понимая имя Дионис как «колющий Зевса». — *277.*

[14] *Овидий.* Метаморфозы, X, 667 (здесь и далее пер. С. Шервинского). — *281.*

[15] *Вергилий.* Георгики II, 490—492. — *288.*

[16] Еккл., 12, 11. — *292.*

[17] *Вергилий.* Энеида, VI, 851—852. — *293.*

[18] *Овидий.* Метаморфозы, I, 80—81. — *295.*
[19] *Катул,* 5, 1—3. — *299.*
[20] Пер. А. Л. Субботина. — *299.*
[21] Премудр., 7, 7—10. — *300.*

О НАЧАЛАХ И ИСТОКАХ

Время написания Бэконом трактата «De principiis atque originibus secundum fabulas Cupidinis et Coeli: sive Parmenidis, et Telesii, et praecipue Democriti philosophia, tractata in fabula de Cupidine» точно неизвестно. Издатель и комментатор бэконовских сочинений Р. Л. Эллис считает его одним из поздних (см. его предисловие к трактату в «The Works of Francis Bacon.., coll. and ed. by J. Spedding, R. L. Ellis and D. D. Heath», vol. III). Ш. Адан высказывает соображения, что Бэкон работал над ним вскоре после 1611 г. (см. *Ch. Adan.* Philosophie de François Bacon. Paris, 1890). Трактат остался незаконченным и был издан И. Грутером (I. Gruter) в 1653 г. Дошедший до нас текст содержит обсуждение мифа о Купидоне, анализ ионийской философии и обрывается на рассмотрении философии Б. Телезио.

На русский язык «De principiis atque originibus...» переводился дважды: П. А. Бибиковым (*Бакон.* Собрание сочинений, т. II. СПб., 1874) и А. Н. Гутерманом (*Фрэнсис Бэкон.* О принципах и началах. М., 1937). Однако лишь последний перевод, безусловно, сделан с латинского оригинала, он более точен и стилистически совершенен. Помещаемый текст в переводе А. Н. Гутермана сверен Г. Г. Майоровым по изданию «The Works of Francis Bacon...». Примечания подготовил А. Л. Субботин.

[1] В бэконовском оригинале было «Coelo» («Небо»); исправлено издателями. — *303.*
[2] Еккл., 3, 11. — *305.*
[3] *Лукреций.* О природе вещей, I, 687—689. — *306.*
[4] Там же, 778—781. — *306.*
[5] «Пятиборец», победитель во всех пяти родах борьбы, т. е. превосходящий всех других людей (см. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, IX, 37). — *307.*
[6] *Ювенал.* Сатиры, X, 48—50 (здесь и далее пер. Д. Недовича и Ф. Петровского). — *308.*
[7] Сказанное, очевидно, относится к итальянскому неоплатонику Франческо Патрици (Patrizi, 1529—1597), автору сочинения «Nova de Universis Philosophia» («Новая философия Вселенной») (1593). — *309.*
[8] Перечисляя эти *четыре мнения,* Бэкон последовательно имеет в виду: ионийских философов; атомистов; Парменида, Эмпедокла, Телезио и др.; видимо, Анаксагора. — *311.*
[9] Ср. *Аристотель.* Метафизика, I, 3. — *318.*
[10] *Лукреций.* О природе вещей, III, 519—520. — *319.*
[11] У Телезио их, по-видимому, шесть: воздух и пар он не различает (см. «De Rerum Natura», I, 20). — *331.*
[12] Это неточная цитата из Телезио (см. «De Rerum Natura», I, 17). — *334.*
[13] См. *Аристотель.* Метеорология, III, 4. — *334.*
[14] Это не следует понимать в том смысле, что Телезио признавал возможность превращения тепла в холод, или наоборот. — *335.*

ОПЫТЫ ИЛИ НАСТАВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ

Работа над «Essays or Counsels, Civil and Moral» сопровождала Бэкона всю жизнь. «Они принадлежат к лучшим плодам, которые божьей милостью могло принести мое перо»,— признается он за год до смерти. «Essays» были очень популярны и неоднократно переиздавались еще при жизни автора, не говоря уже о бесчисленных изданиях потом. Поэтому важно среди всех этих публикаций «Essays» и их переводов на другие языки выделить те, которые Бэкон подготовил сам или принимал участие в их подготовке. Таких изданий пять: три английских, итальянское и латинское, выпущенные в разное время различными лондонскими издателями.

Первое английское издание «Essays» вышло в 1597 г. в одном томе с «Religious Meditations («Религиозные размышления») и «Places of Persuasion and Dissuasion» («Фигуры убеждения и разубеждения»). Оно содержало всего 10 опытов: I «О занятиях науками»; II «О беседе»; III «О манерах и приличиях»; IV «О приближенных и друзьях»; V «О просителях»; VI «О расходах»; VII «О поддержании здоровья»; VIII «О почестях и славе»; IX «О партиях»; X «О переговорах». Композиция этого первого издания еще аморфна; как отмечает комментатор бэконовских «Essays» Ф. А. Коган-Бернштейн, это — свободное сочетание наблюдений и рассуждений на разные темы, расположенных еще совершенно случайно. Через 15 лет, в 1612 г., появилось второе издание. Томик включал одни только эссе, но число их возросло до 38; из них 29 были совершенно новые, а остальные исправлены и дополнены. В этом издании уже прослеживаются узловые темы, вокруг которых сосредоточиваются размышления автора, и одна из центральных: политическая и административная. Действительно, в издании 1612 г. появляются такие эссе, как «О религии», «О знати», «О высокой должности», «Об искусстве властвовать», «О совете», «О величии королевств», «О правосудии», на которых лежит очевидная печать и социально-политических воззрений Бэкона, и его опыта крупного государственного чиновника. Последнее подготовленное Бэконом прижизненное издание «Essays» 1625 г. содержало 58 эссе: было добавлено 19 новых, а многие из старых так или иначе изменены. Круг занимающих его тем здесь еще более расширяется. Он делится соображениями о наилучшей постройке дворца, разбивке сада, устройстве придворных спектаклей («О строениях», «О садах», «О масках и триумфах»). В этом издании впервые появляются эссе: «Об истине», «О бедствиях», «О притворстве и лицемерии», «О зависти», «О путешествиях», «О колониях», «О ростовщичестве», «О гневе», «О превратностях вещей». А особенно значительному исправлению и расширению опять-таки подвергаются опыты на социальные и политические темы: «О религии», «О знати», «Об искусстве властвовать», «О величии королевств», «О партиях», «О правосудии».

Следует отметить также итальянский перевод «Essays», сделанный с издания 1612 г. и вышедший в Лондоне в 1618 г. В нем впервые был опубликован опыт «О смутах и мятежах». Последние годы жизни Бэкон работал над подготовкой латинского издания. В этом ему помогали ряд лиц, среди которых называют и Томаса Гоббса. Именно будущему автору «Левиафана» принадлежит перевод на латинский эссе «Об истинном величии королевств и республик» и, как полагают, «О новшествах» и «О притворстве и ли-

цемерии». Этот латинский перевод «Essays» под названием «Sermones Fideles, sive Interiora Rerum» вышел уже после смерти Бэкона в 1638 г. в составе подготовленного В. Раули тома бэконовских сочинений «Francisci Baconi... Operum Moralium et Civilium Tomus». Том также содержал: «Historiam Regni Henrici Septimi Regis Angliae», «Tractatum de Sapientia Veterum», «Dialogum de Bello Sacro», «Et Novam Atlantidem»— замечательный цикл гуманитарных произведений Фр. Бэкона.

На русский язык «Essays» были переведены в прошлом веке П. А. Бибиковым под названием «Нравственные и политические очерки» (*Бакон.* Собрание сочинений, т. II. СПб., 1874). Перевод П. А. Бибикова содержит 57 эссе — почему-то выпал опыт «О масках и триумфах». Новый русский перевод «Essays», выполненный З. Е. Александровой, был опубликован в академической серии «Литературные памятники» в 1954 г. (не все опыты) и в 1962 г. (все опыты). В настоящем издании «Essays» даются в переводе З. Е. Александровой (Посвящения, опыты: II, III, V, VI, IX, XI—XV, XVIII—XX, XXII—XXV, XXVIII, XXIX, XXXI, XXXIII—XXXVI, XXXVIII, XXXIX, XLI, XLVII, XLVIII, L, LI, LV, LVI, LVIII) и Е. С. Лагутина (опыты: I, IV, VII, VIII, X, XVI, XVII, XXI, XXVI, XXVII, XXX, XXXII, XXXVII, XL, XLII—XLVI, XLIX, LII—LIV, LVII). Сверка с английским текстом осуществлена Г. Г. Майоровым. Переводы цитат латинских авторов даются со ссылкой на имеющиеся последние издания на русском языке. Примечания подготовил А. Л. Субботин. При их составлении нельзя было не опираться на обстоятельные комментарии к «Опытам», выполненные Ф. А. Коган-Бернштейн для изданий: *Фрэнсис Бэкон.* Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М., 1954 и 1962 гг.

[1] Т. е. «дьявольским вином» или «вином демонов». Возможно, Бэкон объединяет сказанное о поэзии Августином и Иеронимом. Августин назвал ее «вином заблуждения», а Иероним — «пищей демонов». — *355.*

[2] См. *Лукреций.* О природе вещей, II, 1—10:

Сладко, когда на просторах морских разыграются ветры,
С твердой земли наблюдать за бедою, постигшей другого,
Не потому, что для нас будут чьи-либо муки приятны,
Но потому, что себя вне опасности чувствовать сладко,
Сладко смотреть на войска на поле сраженья в жестокой
Битве, когда самому не грозит никакая опасность.
Но ничего нет отраднее, чем занимать безмятежно
Смелые выси, умом мудрецов укрепленные прочно:
Можешь оттуда взирать на людей ты и видеть повсюду,
Как они бродят и путь, заблуждаяся, жизненный ищут. — *353.*

[3] *Монтень.* Опыты (Об изобличении во лжи). — *356.*

[4] «Атрибуты смерти устрашают сильнее самой смерти» (*Сенека.* Письма, III, 3). — *356.*

[5] «Подумай, как долго делал ты одно и то же; желать смерти может не только мужественный или несчастный, но также и пресытившийся» (см. *Сенека.* Письма, X, 1). — *356.*

[6] «Ливия, помни, как жили мы вместе; живи и прощай!» (*Светоний.* Жизнь двенадцати Цезарей (Божественный Август, 99)). — *357.*

[7] «Уже Тиберия покидали телесные, покидали жизненные силы, но все еще не покидало притворство» (*Тацит*. Анналы, VI, 50). — *357*.

[8] «Кажется, я становлюсь богом» (*Светоний*. Жизнь двенадцати Цезарей (Божественный Веспасиан, 23)). — *357*.

[9] «Рази, если так нужно римскому народу» (*Тацит*. История, I, 41). — *357*.

[10] «Помогите, если мне еще остается что-либо сделать» (*Дион Кассий*. Римская история, LXXVI, 17). — *357*.

[11] «Что почитает за дар природы предел своей жизни» (*Ювенал*. Сатиры, X, 358). — *357*.

[12] «Ныне отпускаешь» (Лук., 2, 29). — *357*.

[13] «И после смерти его будут любить» (ср. *Гораций*. Послания, II, 1). — *357*.

[14] Этот опыт впервые появился в издании 1612 г. и назывался «Of Religion». Для третьего издания Бэкон его значительно изменяет и расширяет. Здесь он называется «Of Unity in Religion», а в латинском издании 1638 г. — «De Unitate Ecclesiae» («О единстве церкви»). — *357*.

[15] «Вот, он в пустыне», «Вот, он в святилище» (Матф., 24, 26). — *358*.

[16] 1 Коринф., 14, 23. — *358*.

[17] Псалт., 1, 1. — *358*.

[18] *Мастер насмешки* — Франсуа Рабле. В одном из эпизодов его романа Пантагрюэль знакомится с каталогом книг библиотеки св. Виктора, где фигурирует и это заглавие (см. «Гаргантюа и Пантагрюэль», кн. II, гл. 7). — *358*.

[19] 4 Цар., 9, 18—19. — *358*.

[20] Приверженцы Лаодикийской церкви, в делах веры «ни холодной, ни горячей» (Откр., 3, 15). — *358*.

[21] Матф., 12, 30; Марк., 9, 40. — *359*.

[22] «Пусть будет пестрота в этой одежде, но не будет разрыва». Бэкон приводит высказывания св. Бернарда (см. *S. Bernardi ad Guillelmi abbati*. Apologia. Paris, 1640, p. 983). — *359*.

[23] «...Отвращайся негодного пустословия и прекословий лжеименного знания» (1 Тим., 6, 20). — *359*.

[24] Перефразировка места из толкования пророком Даниилом сна царя Навуходоносора (см. Дан., 2, 43). — *359*.

[25] Вот к злодеяньям каким побуждала религия смертных
(*Лукреций*. О природе вещей. I, 101). — *360*.

[26] Бэкон имеет в виду события Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 г.) и подготовленный иезуитами и католиками взрыв парламента в Лондоне в 1605 г.— *360*.

[27] Ис., 14, 14. — *360*.

[28] «Ибо гнев человека не творит правды божией» (Иак., 1, 20). — *360*.

[29] Притч., 19, 11. — *361*.

[30] *Козимо Медичи* (1519—1574), правитель Флоренции, кстати, был знаменит и тем, что в борьбе с противниками не гнушался никакими средствами. — *361*.

[31] Иов., 2, 10. — *362*.

[32] Гай Кассий и Марк Брут, организовавшие заговор против *Юлия Цезаря*, покончили с собой после разгрома их войска силами цезарианцев в битве при Филиппах (42 г. до н. э.). Септимий Север, вступив в 193 г. в Рим, наказал преторианцев, свергнувших императора *Публия Гельвия Пертинакса*. Генрих Наваррский в бит-

ве при Иври (1590 г.) разбил сторонников Католической Лиги Гизов, агент которой убил в 1589 г. короля *Генриха III*. — *362*.

[33] *Сенека*. Письма, VII, 4. — *362*.

[34] Там же, VI, 4. — *362*.

[35] *Тацит*. Анналы, V, 1. — *363*.

[36] Римский наместник в Сирии *Г. Лициний Муциан* был одним из главных инициаторов военного заговора в пользу *Веспасиана*. — *363*.

[37] См. *Тацит*. Анналы, III, 70. — *363*.

[38] Притч., 10, 1. — *366*.

[39] «Избери лучшее, а привычка сделает его приятным и легким» (лат.) — *изречение*, которое приписывают Пифагору. — *366*.

[40] «Свою старуху предпочел бессмертию» (ср. *Цицерон*. Об ораторе, I, 44). — *368*.

[41] «Ведь каждый любопытный зложелателен» (*Плавт*. Господа и рабы, акт. II, сц. 1).— *369*.

[42] *Нарсес* (472—568), византийский полководец армянского происхождения; возвысился при императоре Юстиниане и возглавлял его армию в войне против готов. *Агесилай II*, спартанский царь (398—361 до н. э.) (о нем см. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания (Агесилай)). *Тамерлан* (1336—1405), известный своей жестокостью завоеватель; захватив власть в Средней Азии, он объявил себя потомком Чингисхана. — *369*.

[43] «Одним скачком» (лат.). — *370*.

[44] «Сколько терпим» (лат.) — слова из молитвы о мертвых в католическом богослужении. — *370*.

[45] «Зависть праздников не соблюдает» (лат.). — *371*.

[46] Матф., 13, 25. — *371*.

[47] «Каждый из нас для другого являет великий театр» (*Сенека*. Письма, 1, 7). — *372*.

[48] *Опыт* «Of Great Place» впервые опубликован в 1612 г. В латинском издании 1638 г. он называется «De Magistratibus et dignitatibus». — *373*.

[49] «Так как ты уже не тот, что был, у тебя нет причин быть привязанным к жизни» (*Цицерон*. Письма к близким, VII, 3). — *373*.

[50] «Смерть страшна, тяжела тому, кто, хорошо известный всем, сам до смерти не знал себя» (*Сенека*. Тиэст, 470—472). — *374*.

[51] «И обернулся бог, чтобы взглянуть на дела, которые совершили руки его, и увидел, что все это очень хорошо» (см. Быт., 1, 31). — *374*.

[52] Притч., 28, 21. — *375*.

[53] «Все считали его способным стать императором, пока он им не стал» (*Тацит*. История, I, 49). — *375*.

[54] «Единственный, кто, ставши принцепсом, изменился к лучшему» (*Тацит*. История, I, 50). — *375*.

[55] Имеется в виду афинский оратор Демосфен (384—344 до н. э.), который страдал врожденными недостатками речи и преодолел их упорными упражнениями. — *376*.

[56] *Бусбек Ожье Жислен* (1522—1592), австрийский ученый и дипломат, был послом в Турции и издал «Legationis Turcicae Epistolae» («Письма посольства в Турцию») (1589 г.). Бэкон неточно передает его рассказ: один ювелир прибил живую птицу над дверью, распялив ей клюв палкой. Эту неточность Бэкон исправил в латинском издании. — *378*.

[57] *Макиавелли.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия, II, 2. — *378.*

[58] Имеется в виду эзоповская басня «Петух и жемчужное зерно» (см. *Федр.* Басни, III, 12). — *378.*

[59] Матф., 5, 45. — *378.*

[60] Марк., 10, 21. — *378.*

[61] *Misanthropi* (лат.), «человеконенавистники». *Тимон,* афинский гражданин, живший во времена Пелопоннесской войны. Язвительно издеваясь над нравами своих соотечественников, он отказался от всякого общения с ними и в античных комедиях осмеивался как враг и ненавистник людей. Бэкон, по-видимому, имеет в виду то место у Плутарха, где рассказывается о следующем выступлении Тимона в Собрании: «Есть у меня, господа афиняне, участочек земли подле дома, и там растет смоковница, на которой уже немало из моих любезных сограждан повесилось. Так вот, я собираюсь это место застроить и решил всех вас предупредить — на тот случай, если кто желает удавиться; пусть приходит поскорее, пока дерево еще не срублено» (*Плутарх.* Сравнительные жизнеописания (Антоний, LXX)). — *379.*

[62] Римл., 9, 3. — *379.*

[63] Опыт «Of Nobility» впервые был напечатан в 1612 г. В третьем издании 1625 г. он значительно расширен и исправлен. Во всех предшествующих русских изданиях он переводился «О дворянстве», что, на наш взгляд, стушевывает смысл бэконовской социальной характеристики. В последующих текстах у Бэкона встречается противопоставление «nobility» и «gentry». — *379.*

[64] Опыт «Of Seditions and Troubles» был впервые напечатан в итальянском издании 1618 г. и затем в английском 1625 г. В комментарии к нему Ф. А. Коган-Бернштейн указывает, что в своем анализе классовой структуры английского общества Бэкон часто исходит из более давних социальных отношений раннетюдоровского периода. В связи с этим она ставит весьма существенную задачу — проследить, в какой мере в социально-политических воззрениях и идеалах Бэкона, запечатленных в «Essays», отразились и сплелись установки раннетюдоровского, елизаветинского и стюартовского времени. — *380.*

[65] ...О глухих мятежах, о кознях незримых
Предупреждает оно, о тайком набухающих войнах
(*Вергилий.* Георгики, I, 464—465). — *381.*

[66] Мать-Земля, на богов разгневавшись, следом за Кеем
И Энкеладом Молву, как преданья гласят, породила...
(*Вергилий.* Энеида, IV, 178—179). — *381.*

[67] «Если возникает большая ненависть, хорошие ли, дурные ли дела — гнетут». Бэкон перефразирует следующее место из Тацита: «Отныне, что бы принцепс ни делал, хорошее или дурное,— все навлекало на него равную ненависть» («История», I, 7). — *381.*

[68] «Солдаты исполняли свой долг, но предпочитали обсуждать приказы командиров, а не выполнять их». Бэкон неточно цитирует Тацита (см. «История», II, 39). — *381.*

[69] *Макиавелли.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия, III, 27. — *381.*

[70] «Первый двигатель» (лат.), в аристотелевско-птолемеевской системе мира — первоисточник движения, помещающийся за сферой неподвижных звезд. — *382.*

[71] «Так открыто, что можно было подумать, будто они забыли о своих повелителях» (*Тацит*. Анналы, III, 4). — *382*.

[72] «Сниму поясы с чресл царей» (ср. Ис., 14, 25). — *382*.

[73] Хищный отсюда процент, беспощадные сроки уплаты,
И поколеблен кредит, и война стала выгодной многим
(*Лукан*. Фарсалия, I, 181—182).
Сам Бэкон цитирует Лукана неточно. — *383*.

[74] «Только для печали есть граница, а для страха — никакой». (*Плиний Младший*. Письма, VIII, 17, 6). — *383*.

[75] «Материал превзошло мастерство» (*Овидий*. Метаморфозы, II, 5). Ср. русск.: «Овчинка выделки не стоит». — *384*.

[76] Имеются в виду прибыльные фрахты Голландии, составлявшие значительную статью ее дохода. — *384*.

[77] «Сулла был неграмотен, а потому не мог диктовать» (*Светоний*. Жизнь двенадцати Цезарей (Божественный Юлий, 77)). — *385*.

[78] «Набирает солдат, а не покупает» (*Тацит*. История, I, 5). — *385*.

[79] «Если буду жив, Римская империя не будет нуждаться в солдатах» (*Флавий Вописк*. Probus (Проб), 20). — *385*.

[80] «Состояние умов было таково, что немногие отваживались на самое худшее, гораздо большее число хотело и все терпели» (см. *Тацит*. История, I, 28). — *386*.

[81] Комментаторы считают, что здесь имеется в виду сборник «Золотая Легенда», содержавший повествования о житиях и чудесах святых. Составлен он был в XIII в. доминиканцем Яковом Ворагинским. — *386*.

[82] Псалт., 13, 1. — *386*.

[83] «Кощунство не в том, что отрицают богов толпы, а в том, что богам приписывают мнение толпы» (*Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, X, 123).— *387*.

[84] *Диагор* (V в. до н. э.), греческий лирический поэт, за безбожие был приговорен к казни, но успел скрыться. *Бион* (III в. до н. э.), греческий философ и сатирик, слыл атеистом, примыкал к киникам, а затем к киренаикам. *Лукиан* (II в. н. э.), знаменитый греческий сатирик, «Вольтер классической древности», считал все религии обманом и в своих сочинениях высмеивал богов.— *387*.

[85] «Нельзя уже теперь сказать, что каков народ, таков и священник, ибо народ не таков, каковы священники» (лат.). — *388*.

[86] «Высшее существо» (лат.). — *388*.

[87] «И все же мы любим эту землю, отцы сенаторы, хотя мы не превосходим ни численностью испанцев, ни силою галлов, ни хитростью пунийцев, ни искусствами греков, ни, наконец, самих италийцев и латинян этим исконным, самою природой рожденным ощущением своего народа и земли, но мы превзошли все народы и все племена благочестием, религиозностью и той единственной мудростью, благодаря которой мы понимаем, что все управляется волею бессмертных богов» (*Цицерон*. De Haruspicum responsis, 9). — *388*.

[88] Опыт «Of Superstition» впервые появился в 1612 г.; в итальянском издании 1618 г. был опущен; значительно дополнен для издания 1625 г. — *388*.

[89] Бэкон цитирует неточно (ср. *Плутарх*. О суеверии, 24). — *389*.

[90] Здесь «первоначальное побуждение» (ср. прим. 70 к стр. 382).— *389*.

[91] Вселенский собор, созванный папой Павлом III, открылся 13 декабря 1545 г. и продолжался с перерывами и перенесением места заседаний до 4 декабря 1563 г. Основное внимание он уделил борьбе с Реформацией и укреплению позиций папства, в своих решениях установил основные доктрины католицизма. — *389.*

[92] Опыт «Of Empire» впервые появился в издании 1612 г.; для третьего издания был значительно расширен и исправлен. — *392.*

[93] Притч., 25, 3. — *392.*

[94] *Аполлоний Тианский* (I в. н. э.), неопифагореец, личность которого противники христианства противопоставляли Христу. Бэкон цитирует его биографию, написанную софистом Филостратом Младшим (III в.) («Vita Apollonii Tyanii», V, 28). — *392.*

[95] «Желания государей большей частью необузданны и противоречивы»; это цитата не из Тацита, а из Салюстия («Югуртинская война», 113).— *393.*

[96] Главные участники итальянских войн первой половины XVI в. — *393.*

[97] Имеется в виду созданный этими правителями в 80-х годах XV в. союз против растущего могущества Венеции. — *393.*

[98] См. *Фома Аквинский.* Summa Theologiae (Сумма теологии), 2^2 quest., XL. — *393.*

[99] *Ливия Друзилла,* жена Октавиана Августа; ее обвинение в отравлении мужа считается необоснованным. *Роксалана,* жена Солимана Великолепного, турецкого султана (1520—1526); чтобы доставить престол своему сыну, оклеветала старшего сына султана Мустафу, который был удушен. *Жена Эдуарда II,* дочь французского короля Филиппа IV Красивого Изабелла Анжуйская, при поддержке французов и используя крайнюю непопулярность короля в Англии, сумела свергнуть Эдуарда и засадить его в тюрьму, где он и был убит. — *394.*

[100] Сын Солимана и Роксаланы. — *394.*

[101] *Крисп* был казнен вследствие интриг своей мачехи. *Константин II,* ставший императором в 337 г., был убит в 340 г. во время междоусобной борьбы с братом Константом. Император *Констант* был убит в результате военного заговора в 350 г. Наконец, последний сын Константина Великого, *Констанций,* умер в 361 г., когда римские легионы в Галлии провозгласили императором Юлиана, впоследствии прозванного «Отступником». — *394.*

[102] *Деметрий,* сын македонского царя Филиппа I (а не Филиппа II, как пишет Бэкон) был казнен в 179 г. до н. э. в результате интриг своего брата Персея. — *394.*

[103] *Селим I,* младший сын султана *Баязета II* (1481—1512), соперничая за престол с братом Ахметом, сверг отца, а затем отравил его. *Генрих II,* английский король (1154—1189) из династии Плантагенетов; имея обширные владения во Франции, вел там непрерывные войны, французы в свою очередь интриговали против Генриха его сыновей: Генриха, Ричарда Львиное Сердце и Иоанна Безземельного.— *394.*

[104] *Ансельм Кентерберийский* (1033—1109), знаменитый богослов, философ и политический деятель. Став примасом Англии, настойчиво добивался права назначения на высшие церковные должности, что ранее было прерогативой короля. *Томас Бекет* (1118—1170), архиепископ кентерберийский, выступил против короля Генриха II, который, проводя политику усиления своей власти, пытался ограничить права церкви и церковных судов («Кларендонские постановления»); был убит сторонниками короля. — *394.*

[105] См. *Ф. Бэкон.* The History of the Reign of King Henry the Seventh (История царствования короля Генриха VII), сочинение, посвященное истории царствования и характеристике личности *Генриха VII,* первого представителя Тюдоров. — *395.*

[106] «Воротная вена» (лат.). — *395.*

[107] *Янычары* (тур. «новые войска»), привилегированное войско в Османской империи; из янычар формировались отборные военные отряды, они исполняли в стране функции полиции и жандармерии, составляли свиту губернаторов и личную гвардию султана. В XVI—XVIII вв., превратившись в самостоятельную феодальную силу, янычары начинают противопоставлять себя центральной власти, бунтуют, даже свергают султанов. Просуществовав около пяти столетий, были распущены в 1826 г. *Преторианская гвардия* возникла из преторских когорт, личной стражи полководца в Римской республике. Во времена империи превратилась в одну из решающих военно-политических сил в стране: преторианцы устраивали государственные перевороты, провозглашали, свергали и убивали императоров. В 312 г. при императоре Константине I преторианская гвардия была упразднена. — *395.*

[108] «Помни, что ты человек» *и* «помни, что ты бог» или «наместник его» (лат.). — *395.*

[109] Ис., 9, 6. — *396.*

[110] Притч., 20, 18. — *396.*

[111] 3 Цар., 12, 6—14. — *396.*

[112] Ср. нижеследующий текст с эссе «Метида, или Совет» в книге «О мудрости древних». — *396.*

[113] После этих слов в бэконовской рукописи имеется следующее добавление: «Ибо средство это превращает Метиду-супругу в Метиду-любовницу; иначе говоря, заменяет совет, с которым государь торжественно сочетался, советом лиц, которые обязаны своим положением прежде всего лести и ласке». — *397.*

[114] «Кругом я в дырах» (*Теренций.* Евнух, 106). — *397.*

[115] *Мортон Джон* (Morton, 1420—1500), архиепископ кентерберийский, кардинал и лорд-канцлер Англии (1487—1500). *Фокс Ричард* (Fox, 1448—1528), епископ Винчестерский, лорд-хранитель печати при Генрихе VII и Генрихе VIII. Эти лица пользовались особой монаршей милостью, так как, по сообщению историков, не хранили тайны чужих исповедей. — *397.*

[116] «И не найдет веру на земле» (Лук., 18, 8). — *397.*

[117] Главное достоинство государя — знать своих людей
(*Марциал.* Эпиграммы, VIII, 15). — *398.*

[118] «Вообще», «в целом» (лат.). — *398.*

[119] «Лучшие советники — мертвые» (*Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, VII, 1). — *398.*

[120] Весь текст, начиная с этой фразы и до конца опыта, добавлен Бэконом в издании 1625 г. — *398.*

[121] «Решение приходит ночью» (лат.). Ср. русск.: «Утро вечера мудренее». — *398.*

[122] *Комиссия,* оформлявшая в 1603 г. объединение Англии и Шотландии после вступления на английский престол шотландского короля Якова Стюарта. — *398.*

[123] «Заняться текущими делами» (лат.). — *398.*

[124] «Как угодно тебе» (лат.). — *399.*

[125] *Федр.* Басни, V, 8. — *399.*

[126] «Отправь обоих нагишом к тем, кого они не знают, и тогда увидишь» (лат.); это изречение приписывают философу Арпстиппу (V в. до н. э.). — *400.*

[127] По мнению некоторых комментаторов, здесь имеется в виду сэр Фрэнсис Уолсингем (1530—1590). — *401.*

[128] Неем., 2, 1—2. — *401.*

[129] См. *Тацит.* Анналы, XI, 29—30. — *401.*

[130] Предполагают, что здесь Бэкон мог иметь в виду своего двоюродного брата Роберта Сесиля и сэра Томаса Бодлея. — *402.*

[131] «У него нет никаких других интересов, кроме безопасности императора» (см. *Тацит.* Анналы, XIV, 57). — *402.*

[132] *Собор св. Павла* в Лондоне в XVI—XVII вв. был излюбленным местом праздношатающейся публики. — *402.*

[133] «Глупый верит всякому слову, благоразумный же внимателен к путям своим» (Притч., 14, 15). — *403.*

[134] «Любящие себя и не признающие соперников» (см. *Цицерон.* Письма к брату Квинту, III, 8). — *404.*

[135] Иерем., 6, 16. — *405.*

[136] 2 Тимоф., 3, 5. «Из пустяка делаешь великое дело» (*Теренций.* Самоистязатель, III, 5, 8). — *407.*

[137] «Отвечаешь, одну бровь задирая на лоб, а другую опуская до самого подбородка; но свирепость тебе не идет» (*Цицерон.* Против Пизона, VI). — *407.*

[138] «Глупец, который легковесностью слов разрушает весомость вещей». Это высказывание, которое Бэкон приписывает Авлу Гелию, имеется у Квинтилиана (см. «Наставления оратору», X, 1). — *407.*

[139] *Аристотель.* Политика, I, 1. — *408.*

[140] «Большой город, большое одиночество» (лат.). — *408.*

[141] «Причастные заботам» (лат.). — *409.*

[142] *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания (Помпей, XIV). — *409.*

[143] «Я не скрыл этого от тебя из дружбы» (*Тацит.* Анналы, IV, 40). — *410.*

[144] *Комин.* Memoirs (Мемуары), V, 5. — *410.*

[145] *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания (Фемистокл, XXIX). — *412.*

[146] Иак., 1, 24. — *412.*

[147] Второе издание 1612 г. содержало опыт «Of Greatnes of Kingdomes», который затем был Бэконом значительно изменен и расширен. В издании 1625 г. он фигурирует под названием «Of the True Greatness of Kingdoms and Estates». Однако до этого опыт был переведен на латинский язык (Томасом Гоббсом) и опубликован в 1623 г. в составе трактата «De Dignitate et Augmentis Scientiarum», VIII, 3 под названием «Exemplum Tractatus summarii de Proferendis Finibus Imperii». Поэтому все пояснения к тексту этого опыта читатель может найти в наших примечаниях 132—150 к книге восьмой «О достоинстве и приумножении наук» (см. наст. изд., т. 1). — *415.*

[148] «Удовлетворяют требованиям» (лат.). — *416.*

[149] В древней этой стране, плодородной, мощной оружьем
(*Вергилий.* Энеида, I, 531). — *418.*

[150] «Право торговли, право вступления в брак, право наследования»; «избирательное право, право занимать государственные должности» (лат.). — *419.*

[151] «Замысел Помпея поистине фемистокловский; ибо он полагает, что господство на море означает господство надо всем» (*Цицерон.* Письма к Аттику, X, 8). — *421.*

[152] См. прим. 105 к стр. 395. — *424.*

[153] «Подозрение освобождает от верности» (лат.). — *425.*

[154] Сын, берегись погонять и крепче натягивать вожжи ...
(*Овидий.* Метаморфозы, II, 127). — *426.*

[155] Опыт «Of Plantations» впервые появился в издании 1625 г. В латинском издании он назывался «De Plantationibus populorum et Coloniis». Сам Бэкон был энтузиастом колониальной политики и принимал активное участие в разработке планов колонизации Виргинии, Ньюфаундленда и Ольстера. — *427.*

[156] Ср. *Лукреций.* О природе вещей, V, 822—827. — *427.*

[157] *Виргиния,* первая английская колония в Америке. Охваченная жаждой наживы, Лондонская компания организовала здесь табачные плантации и нещадно эксплуатировала на них коренное население; когда же туземцы стали массами гибнуть, в Виргинию начался ввоз рабов-негров и приговоренных к ссылке преступников из Англии. — *428.*

[158] Это слово имеет двоякое значение: «препятствие, помеха» и «обоз». — *429.*

[159] Еккл., 5, 10. — *430.*

[160] Притч., 18, 12. — *430.*

[161] «В своем стремлении увеличить состояние обнаруживает не алчность, но поиски способов делать добро» (*Цицерон.* В защиту Рабирия Постума, 2). — *430.*

[162] «Кто спешит разбогатеть, тот не останется ненаказанным» (Притч., 28, 20). — *430.*

[163] «В поте чужого лица» (лат.) — перефразировка библейского «в поте лица твоего» (Быт., 3, 19). — *431.*

[164] «Он, словно ищейка, выслеживает завещания и бездетных граждан» (*Тацит.* Анналы, XIII, 42). — *432.*

[165] 1 Цар., 28, 19. — *432.*

[166] Будет отныне Эней над троянами царствовать мощно,
Он, и сыны от сынов, имущие поздно родиться
(*Гомер.* Илиада, XX, 307—308, пер. с греч. Н. И. Гнедича). — *432.*

[167] *Сенека.* Медея, 376—380:

Промчатся годы, и чрез много веков
Океан разрешит оковы вещей,
И огромная явится взорам земля,
И новые Тифис откроет моря,
И Фула не будет пределом земли. — *433.*

[168] «В Филиппах ты вновь увидишь меня» (см. *Аппиан.* Гражданские войны, IV, 134). — *433.*

[169] «И ты, Гальба, отведаешь самодержавной власти» (*Светоний.* Жизнь двенадцати Цезарей (Гальба, 4)). — *433.*

[170] См. *Тацит.* История, V, 13. — *433.*

[171] При Генрихе VI (1422—1461) началась война Алой и Белой роз (см. *Бэкон.* The History of the Reign of King Henry the Seventh). — *433.*

[172] Этим *астрологом* был известный составитель гороскопов, врач Нострадамус (1505—1566). — *433.*

[173] Т. е. «hempe»: Henry, Edward, Mary, Philip, Elizabeth. — *433.*

[174] В 1588 г. испанский король Филипп II послал к берегам Англии свою «Непобедимую армаду». — *434.*

[175] «Восемьдесят восьмой год будет достопамятным» (лат.). *Региомонтан* — прозвище немецкого математика и астронома Иоанна Мюллера (1436—1476). — *434.*

[176] Этот *сон* сатирически изобразил Аристофан (см. «Всадники», Пролог, 218 и след.). — *434.*

[177] В Англии в XVI—XVII вв. неоднократно принимались законы против злоупотребления всякого рода предсказаниями. — *434.*

[178] Имеется в виду диалог «Критий», который в одном из латинских переводов назывался «Критий, или Атлантик». — *434.*

[179] Приручая охотничьих птиц, им на время зашивали веки. — *435.*

[180] См. *Дион Кассий.* Римская история, LVII, 9. — *435.*

[181] Опыт «Of Masques and Triumph» появился в третьем издании 1625 г. «Масками» называли любительские придворные спектакли, в которых иногда принимали участие царственные особы и высшая знать. Эти спектакли были богато декорированы, отличались изысканными костюмами и носили характер своеобразного дивертисмента с декламацией, пением, танцами, живыми картинами и разыгрыванием небольших сцен. Как это видно из частной переписки Бэкона, он сам принимал участие в организации таких празднеств еще будучи в корпорации Грейс-Инн и даже пробовал писать для них пьески. *Триумф* здесь — величественное театральное представление. — *436.*

[182] Лучше всего свободы достичь, порвав свои путы
И бременящую боль сбросивши раз навсегда
(*Овидий.* Лекарства от любви, 293—294). — *438.*

[183] Имеется в виду эзоповская басня «Ласка и Афродита» (см. *Эзоп.* Басни, 50). — *439.*

[184] «Долго жила душа моя» (Псалт., 119, 6). — *439.*

[185] См. *Макиавелли.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия, III, 6. — *440.*

[186] *Жак Клеман,* доминиканский монах, во время религиозной войны во Франции заколол 1 августа 1589 г. короля Генриха III. *Франсуа Равальяк,* католический фанатик, убил в 1610 г. французского короля Генриха IV. *Жореги* покушался в 1582 г. на штатгальтера Голландии Вильгельма Нассауского, принца Оранского. *Жирар* через два года после Жореги повторил покушение и убил принца. — *440.*

[187] Такой перевод возможен, т. к. английское слово «custom» означает и «привычку» и «обычай». — *440.*

[188] См. *Д. Флетчер.* О государстве русском. СПб., 1906, гл. XXVIII. — *440.*

[189] «Каждый кузнец своего счастья» (*Плавт.* Триннуммус, 84). — *441.*

[190] «Змея не станет драконом, пока не съест другую змею» (лат.). — *441.*

[191] «В этом человеке сочетались такие физические и духовные силы, что, где бы он ни родился, он, несомненно, устроил бы свое счастье»; *он имел* «гибкий талант» (*Тит Ливий.* Римская история от основания города, XXXIX, 40). — *441.*

[192] «Немного безумия» (итал.).— *441.*

[193] «Ты везешь Цезаря и его счастье» (*Плутарх.* Сравнительные жизнеописания (Цезарь, XXXVIII)).— *442.*

[194] «Счастливый», *а не* «Великий» (см. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания (Сулла, XXXIV)).— *442.*

[195] См. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания (Тимолеонт, XXXVI). — *442.*

[196] Трутней от ульев своих отгоняют, ленивое стадо
(*Вергилий.* Георгики, IV, 168). — *442.*

[197] «В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт., 3, 19), *но не* «в поте чужого лица» (см. также прим. 163 к стр. 431). — *443.*

[198] «Уступка по жестокосердию» (лат.). — *443.*

[199] «Молодость его была полна ошибок, более того — безумств» (лат.). — *446.*

[200] Иоил., 2, 28. — *446.*

[201] «Он оставался прежним, но прежнее ему уже не шло» (*Цицерон.* Брут или О знаменитых ораторах, 95). — *447.*

[202] «Но то, что он делал в конце, уступало тому, что он делал в начале» (см. *Тит Ливий.* Римская история от основания города, XXXVIII, 53). — *447.*

[203] Бэкон, по-видимому, имеет в виду трактат *А. Дюрера* «Четыре книги о пропорциях человеческого тела, найденных и описанных Альбрехтом Дюрером из Нюрнберга на пользу всем любящим таковую науку» (1528). Что касается *Апеллеса,* то источники приписывают такой метод другому древнегреческому художнику — Зевксису. Расписывая храм Геры в Кротоне, Зевксис выбрал пять красивых девушек, чтобы из лучших черт каждой создать образ Елены. Аналогичная ошибка (упоминание «Венеры» Апеллеса вместо «Елены» Зевксиса) содержится и в трактате «О достоинстве и приумножении наук», кн. VI, гл. 1. — *448.*

[204] «Прекрасна осень прекрасных» (лат.) — изречение, приписываемое Еврипиду (см. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания (Алкивиад, I)). — *448.*

[205] *Мом* (миф.), греческий бог насмешки и злословия. Имеется в виду эзоповская басня «Зевс, Прометей, Афина и Мом» (см. *Эзоп.* Басни, 100). — *450.*

[206] *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания (Лукулл, XXXIX). — *450.*

[207] «Вечную весну» (лат.). — *454.*

[208] «Проси больше — получишь сколько следует» (*Квинтилиан.* Наставления оратору, IV, 5, 16).— *463.*

[209] Опытом «Of Studies» открывалось первое издание бэконовских «Essays» (1597); в обоих последующих изданиях он расширялся, а в латинском вышел под названием «De Studiis et Lectione Librorum» («О занятиях и о чтениях книг»). — *464.*

[210] «Занятия налагают печать на характер» (см. *Овидий.* Героини, XV, 83). — *465.*

[211] «Расщепляющие тминные зерна» (лат.), т. е. вдающиеся в чрезмерные тонкости. Такое прозвище имел за свою интеллектуальную изощренность римский император Антонин Пий. — *465.*

[212] «Общий отец» (итал.). — *466.*

[213] «Стал как один из нас» (Быт., 3, 22). *Католическая Лига* образовалась в 1576 г. во время религиозных войн во Франции как активная антигугенотская организация. Ее вождем был герцог Генрих Гиз, претендовавший также на французскую корону.— *466.*

[214] Еккл., 11, 4. — *468.*

[215] «Внешнее подобие добродетели» (*Тацит.* Анналы, XV, 48). — *468.*

[216] «Доброе имя как прекрасное благовоние» (Еккл., 7, 1). — *469.*

[217] «Наперекор совести» (лат.). — *469.*

[218] «Восхваляя наставлять» (лат.). — *469.*

[219] «Самая зловредная порода врагов — хвалящие» (*Тацит.* Жизнеописание Юлия Агриколы, 41). — *469.*

[220] Притч., 27, 14. — *469.*

[221] 2 Коринф., 11, 23; «Приумножу служение мое» (Римл., 11, 13). — *470.*

[222] В эзоповских сборниках такой басни нет. Это, по-видимому, одна из поздних версий басни Бабрия «Бык и комар». — *470.*

[223] *Тит Ливий.* Римская история от основания города, XXXV, 12. — *470.*

[224] «Пишущие о тщете славы ставят на книгах свои имена» (*Цицерон.* Тускуланские беседы, I, 34). — *471.*

[225] «На всем, что он говорил или делал, всегда лежала печать какого-то артистизма» (*Тацит.* История, II, 80). — *471.*

[226] *Плиний Младший.* Письма, VI, 17. — *471.*

[227] «Всякая репутация исходит от тех, с кем мы живем» (*Квинт Цицерон.* О достижении консульского звания, V, 17). — *472.*

[228] *Ромул,* легендарный основатель Рима (см. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания (Ромул)). *Кир,* персидский царь (558—529 до н. э.), основатель великой персидской державы. *Цезарь Гай Юлий* (102 или 101—44 до н. э.) всей своей деятельностью подготовил превращение Римской республики в империю. *Осман I* (ок. 1259—1326), основатель Османского государства. *Исмаил* (XVI в.), основатель династии Сефевидов, начавшей объединение Персии. — *472.*

[229] *Ликург* (VIII в. до н. э.), законодатель древней Спарты, ему приписывали создание ее государственного устройства (см. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания (Ликург)). *Солон* (ок. 635—580 до н. э.), известный афинский законодатель, реформы которого состояли в замене аристократической родовой основы государства имущественной и в создании основ афинской демократии (см. *Плутарх.* Ук. соч. (Солон)). *Юстиниан* (483—565), император Восточной римской империи, при нем была осуществлена кодификация права — создан «Свод римского права». *Эдгар Мирный* (943—975), англо-саксонский король, хроники приписывают ему активную деятельность по объединению Англии. *Альфонсо I* (1252—1284), король Леона и Кастилии, при нем был создан свод законов «Партид» (1265), в котором фиксировались суверенные права короны. — *472.*

[230] Т. е. «освободители» *или* «спасители» (лат.). *Октавиан Август* (63 до н. э. — 14 н. э.), первый римский император (с 27 г. до н. э.), положивший конец изнурительным гражданским войнам в Римской республике и самой республике. *Тит Флавий Веспасиан* (9—79), римский император (с 69 г.), власть которого завершает анархию периода правления Гальбы, Отона и Вителлия. *Луций Домиций Аврелиан* (214 или 215—275), римский император (с 270 г.), сумевший возвратить империи многие отпавшие от нее провинции. *Теодорих,* король остготов (493—526), основавший в Италии государство Остготов. *Генрих VII* (1455—1509), английский король (с 1485 г.), положивший конец междоусобной «войне Роз» и начало династии Тюдоров. *Генрих IV,* французский король

(1594—1610), его приход к власти завершает многолетние религиозные войны и кладет начало королевской династии Бурбонов. — *472.*

[231] «Защитники державы» (лат.). — *472.*

[232] «Отцы отечества» (лат.). — *472.*

[233] *Марк Атилий Регул*, римский консул, разбивший в 256 г. до н. э. карфагенский флот и высадившийся в Африке. Регул попал в плен к карфагенянам и, согласно преданию, принял там мученическую смерть. *Публии Деции Мусы,* отец и сын, консулы Рима, по преданию, пожертвовали жизнью ради отечества. — *473.*

[234] Опыт «Of Judicature» впервые появился в издании 1612 г. и значительно расширен для издания 1625 г. Этот опыт особенно для нас интересен, так как связан с предметами непосредственных профессиональных занятий Бэкона, который поднялся в своей придворной службе от простого юриста до лорд-канцлера (министра юстиции) Англии. — *473.*

[235] Обращаем внимание на весьма резкий выпад Бэкона против произвола римско-католической церкви. — *473.*

[236] Второзак., 27, 17. — *473.*

[237] «Что возмущенный псточпик и поврежденный родник, то праведник, падающий перед нечестивым» (Притч., 25, 26). — *473.*

[238] Ам., 5, 7. — *473.*

[239] Ис., 40, 4. — *473.*

[240] «Кто сморкается с большим усилием, досморкается до крови» (см. Притч., 30, 33). — *474.*

[241] «Он пошлет на них дождь тенет» (Псалт., 10, 6). — *474.*

[242] «Долг судьи разобрать поступок и время поступка» (лат.). — *474.*

[243] Иак., 4, 6. — *474.*

[244] Матф., 7, 16. — *475.*

[245] Не «приверженцы судов», *но* «паразиты судов» (лат.). — *475.*

[246] «Благо народа — высший закон»; эти слова мы находим, однако, не в законах Двенадцати Таблиц, а у Цицерона («О законах», III, 3, 8). — *475.*

[247] Т. е. «мое» *и* «твое» (лат.). — *476.*

[248] «А мы знаем, что закон добр, если кто законно употребляет его» (1 Тимоф., 1, 8). — *476.*

[249] Ефес., 4, 26. — *476.*

[250] *Сенека.* О гневе, I, 1. — *476.*

[251] Лук., 21, 19. — *476.*

[252] ...И душу в ранениях тех полагают
(*Вергилий.* Георгики. IV, 204. Пер. дается по старому изд.). — *476.*

[253] «Честь должна быть из прочной ткани» (лат.); *Фернандес Гонсальво* (1443—1515), испанский военачальник, прозванный «Великим капитаном», прославился в борьбе против мавров, затем командовал испанскими войсками в итальянских войнах. — *477.*

[254] «Общие проклятия» (лат.). — *477.*

[255] Еккл., 1, 9. — *478.*

[256] Еккл., 1, 10. — *478.*

[257] Изложение мифа о *Фаэтоне* см. у Овидия («Метаморфозы, II, 1—328). — *478.*

[258] См. 3 Царств., 17. — *478.*

[259] См. *Платон.* Тимей, 25 c—d (ср. *Ф. Бэкон.* Новая Атлантида). — *478.*

[260] *Григорий I,* римский папа (понтификат 590—604 гг.). — *479.*

[261] *Великий год,* период, в течение которого полюс мира совершает полный оборот около полюса эклиптики; равен 25 800 лет (см. *Платон.* Тимей). — *479.*

[262] *Арианство,* течение в христианстве, отрицавшее «единосущность» бога-сына и бога-отца. Его основатель — александрийский пресвитер Арий, учение которого было осуждено как еретическое Никейским собором в 325 г. *Арминиане* (ремонстранты), протестантская секта начала XVII в. в Нидерландах, основанная Яковом Арминием (1560—1609); допускала отступления от строгостей ортодоксального кальвинизма, в политическом отношении арминиане примыкали к федералистам и подвергались гонениям со стороны монархических сторонников Нассауского дома. — *480.*

[263] В III в. до н. э. произошло вторжение древних *галлов* в Малую Азию; заселенная ими область получила название *Галатия.* Поход галлов *на Рим* имел место в 390 г. до н. э., они взяли Рим и осадили Капитолий; с этой осадой связано известное предание о гусях, спасших Рим. — *480.*

НОВАЯ АТЛАНТИДА

«New Atlantis» написана Бэконом в 1623—1624 гг. Повесть не была окончена, однако готовый ее фрагмент вскоре же переводится «для пользы других народов» на латинский язык. По своему сюжету она следует довольно распространенной в XVI—XVII вв. схеме утопического произведения. Рассказ ведется от лица путешественника, побывавшего в неведомой стране и увидевшего там осуществление совершенных, с его точки зрения, общественных установлений. Так построены и «Утопия» Т. Мора и «Город солнца» Т. Кампанеллы, вышедший, кстати сказать, в том же 1623 г. Произведение Бэкона, принадлежа к иной, отнюдь не социалистической традиции, не содержит сколь-либо глубокой критики современной ему социальной действительности, что характерно для «Утопии» Мора, и не противопоставляет ей иных социально-политических идеалов. В жанре утопии Бэкон начинает развивать свою излюбленную тему о величии и благе научно-технического прогресса, и кажется, что вся повесть нужна ему для того, чтобы возвысить ученых и изложить свой проект всегосударственной организации науки. Однако написана она довольно живо, читается с интересом и обладает несомненными чисто литературными достоинствами чего нельзя сказать, например, о «Городе солнца».

Первое английское издание «New Atlantis», осуществленное В. Раули в 1627 г., опубликовано в одном томе с «Sylva Sylvarum or a Natural History in ten centuries», которую издатели и систематизаторы бэконовского литературного наследия считают существенным фрагментом третьей части «Великого Восстановления Наук». Латинский вариант впервые появился в печати в 1638 г. в составе подготовленного Раули тома сочинений Бэкона «Francisci Baconi... Operum Moralium et Civilium Tomus». Интересно, что в 1643 г. в Утрехте на латинском языке выходят вместе в одной книге две утопии-одногодки: «Новая Атлантида» Фр. Бэкона и «Город солнца» Т. Кампанеллы.

Несколько слов о ближайшей судьбе этого жанра в Англии. В период английской революции его использовали для изложения своих республиканских политических и конституционных идеалов

Сэмюэль Гартлиб («Описание славного королевства Макарии», 1641) и Джеймс Гаррингтон («Океания», 1656). При этом Гартлиб прямо указывает, что образцами ему послужили сочинения Т. Мора и Фр. Бэкона. Из утопий, проникнутых нетерпимым религиозно-пуританским духом, отметим «Новую Солиму» Сэмюэля Готта (1648), произведение серое и бездарное, и содержащую нудные мистические рассуждения книгу Джона Сэдлера «Ольбия — недавно открытый Новый остров» (1660). У Бэкона нашлись и непосредственные продолжатели. Таковы две роялистские утопии времен реставрации: анонимная «Новая Атлантида, начатая лордом Веруламом, виконтом Сент-Албанс и продолженная эсквайром Р. Х., в которой излагается программа монархического правления» (1660) и незаконченная работа Дж. Гленвилла. Принадлежа к группе кэмбриджских платоников, Гленвилл пытался соединить их рационалистический мистицизм с бэконовским сцпентизмом. В своей «Антифанатичной религии и свободной философии в продолжении Новой Атлантиды» (1676) он описывает Бенсалем, потрясаемый революцией и религиозными распрями (подробнее см. *А. Л. Мортон.* Английская утопия. М.. 1956).

На русском языке «New Atlantis» вышла отдельной небольшой книжкой: «Новая Атлантида, сочинение Франциска Бакона Аглинскаго Канцлера, перевод с французского». М., 1821. Анонимный автор этого довольно неплохого для того времени, хотя и не во всем точного, перевода в своем послесловии «Заключение из мыслей переводчика», в частности, писал: «Может быть, некоторые из читателей помыслят, что автор Новой Атлантиды не окончил своего повествования; но — он сказал все, что сказать хотел: представил обитающий в неизвестной земле народ, истинно христианский и по их вере, и по их правилам жизни; изобразил их нравы и их обыкновения, бросающия приметную тень на испорченную нравственность народов, почитающих себя образованными; дал понятие о знаменитом обществе Испытателей природы, касаясь слегка предметов, достойных внимания, желающих вникнуть в порядок естественных законов, намекая об открытиях, из которых большая часть в его времена, когда физические науки едва только возникали. могли только в догадках быть предполагаемы» (Ук. соч., стр. 183—184).

Следующее известное нам русское издание — «...Новая Атлантида. Перевод, введение и примечания проф. С. Я. Лурье». М. — Пг., 1922. В настоящем томе «New Atlantis» печатается в переводе с английского З. Е. Александровой, опубликованном в академической серии «Литературные памятники»: *Фрэнсис Бэкон.* Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М., 1962. Примечания подготовил А. Л. Субботин.

[1] Т. е. в Тихий океан. В Атлантике находилась Атлантида Платона, хотя так могло называться в его времена все неизведанное водное пространство, лежащее к западу от Гибралтара. Т. Мор, описывая свой утопический остров, видит в нем небольшую часть большого материка Нового Света (т. е. незадолго перед тем открытой европейцами Америки). Бэкон же помещает Бенсалем в «совершенно не исследованную» часть Тихого (Южного) океана. Когда Земля будет изучена, «утопия» перекочует в космос. — *485.*

[2] *Геркулесовыми столбами* в древности именовали Гибралтар. Название *Камбалу* происходит от «Хан-Балык» («город хана»);

так назывался Пекин в период монгольского владычества в Китае. Под названием *Кинсаи* у Марко Поло фигурирует Ханчжоу. — *496*.

[3] Имеется в виду Платон. См. «Тимей», 24e—25d и «Критий», 108e—121b. Бэкон отождествляет платоновскую Атлантиду («великую Атлантиду») с Америкой, по-видимому локализуя ее в области Бразилии. Впервые связал Атлантиду Платона с Америкой Франциск Лопес де Гомара («Historia de las Indias» («История Индии»), 1553), усмотревший сходство ее географического описания у Платона с топографией западной части Атлантики. — *496*.

[4] «Небесная лестница» (лат.). — *496*.

[5] См. *Платон*. Тимей, 24e. — *496*.

[6] *Т. Мор*. Утопия, кн. II (О рабах). — *507*.

[7] Ср. эту программу разделения труда исследователей Соломонова дома с теми этапами и аспектами методического истолкования природы (собирание фактов естественной и опытной истории, постановка плодоносных и светоносных опытов, составление таблиц открытия, извлечение общих законов и аксиом и др.), о которых Бэкон пишет в «Новом Органоне» (напр., афор. X—XIII, XX кн. II и др.). — *517*.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Август Октавиан 274, 275, 293, 357, 363, 389, 410, 446, 447, 466, 472
Аврелиан 472
Агесилай 369, 442, 444
Агриппа Менений 410
Адриан 369
Акоста 144
Александр Великий (Македонский) 49, 57, 392, 416
Алкивиад (Афинский) 447
Альфонсо Мудрый (Кастильский) 472
Анаксагор 28, 35, 310
Анаксимен 310, 312
Ансельм Кентерберийский 394
Антиох 470
Антоний Марк 372, 410
Апеллес 448
Аполлоний (из Тианы) 392, 408
Аристандр 433
Аристотель 23, 28, 36, 58, 130, 140, 141, 219, 289, 307, 308, 310, 328, 334, 335, 471
Артур (Британский) 49
Архей 189
Атилла 308
Аттик 421

Балтазар Жирар 440
Баязет 394
Бекет Томас 394
Бекингем 353
Бернард 388
Бион 387
Борджиа Александр 17
Брут Децим 275, 409
Брут Марк 433, 466
Бурр 402
Бусбек 378
Бэкон Антони 351

Вергилий Публий Марон 275, 381, 416, 418, 442
Веспасиан Тит Флавий 357, 363, 375, 392, 433, 447, 472
Вильгельм Рыжий 394
Вителлий 363

Гален Клавдий 289, 471
Галилей 157, 176
Гальба 357, 375, 385, 433
Гаска 449
Гастон де Фуа 446
Гвиччардини Франческо 393
Геллий Авл 407
Гензерих 308
Генрих I (английский король) 394
Генрих II (английский король) 394
Генрих VI (английский король) 433
Генрих VII (английский король) 395, 397, 418, 424, 433, 472
Генрих VIII (английский король) 393
Генрих (принц Уэльский) 352
Генрих III (французский король) 362, 381
Генрих IV (французский король) 472
Гераклит 19, 28, 36, 291, 310, 314—316, 412
Гермоген Риторик 447
Гесиод 238

Гильберт 23, 29, 34, 142, 149, 150, 183, 185, 189, 339
Гиппий 33, 36
Гомер 238, 432, 442
Гонсальво 477
Горгий 36
Гортензий Квинт 447
Григорий Великий 479

Деметрий 394
Демокрит 28, 36, 37, 142, 157, 181, 196, 251, 261, 262, 267, 285, 303, 306—308, 310, 336, 343
Демосфен 376
Деции Мусы 473
Диагор 387
Диоклетиан 392
Дионисий Старший 36
Диоскорид 219
Домициан 392, 433
Дюрер Альбрехт 448

Евклид 289
Елизавета Тюдор (английская королева) 402, 433, 440

Жорега 440

Загнер 449
Зенон 36

Изабелла (испанская королева) 467
Исмаил (Персидский) 447, 472

Кальпурния 410
Каракалла 392
Карл Великий 481
Карл V (император) 392, 393
Карл Смелый 410
Карнеад 36
Кассий 466
Катон Марк (Утический) 241
Катон Марк Порций (Старший) 441
Кир 472
Клавдий Аппий 372, 401
Клеман 440
Клеон 434
Клеопатра 275
Козимо Медичи 361, 446
Колумб Христофор 55
Комин Филипп 410
Коммод Луций Вер 392
Констант 394
Константин Великий (римский император) 394
Константин 394
Констанций 394
Коперник Николай 147
Крез 417
Крисп 394
Ксенофан 36

Левкипп 28, 36, 196
Ливий Тит 57, 441, 447, 470
Ливия Друзилла 394
Ликург 472
Лодовико Сфорца 393
Лоренцо Медичи 393
Лукан 382
Лукиан 387
Лукреций Тит Кар 261, 360
Лукулл 450, 466
Луцилий 352
Людовик XI (французский король) 257, 411

Макиавелли Никколо 378, 381, 439, 440, 479
Макрон 435
Марк Аврелий 410
Мессалина 401
Меценат 410
Монтгомери 433
Монтень Мишель 356
Мортон Джон 397
Мустафа (султан) 394
Муциан 363, 471

Нарсес 369
Нерон 392
Нума Римский 408

Осман 472
Отон (император) 356

Парацельс Аурел Теофраст 189, 205
Парменид 28, 36, 319, 320, 336, 338, 341
Патриций (Патрици) Франческо 67
Пертинакс 362
Петроний Тит Арбитр 299
Пизон 407
Пилат 354
Пиррон 33
Пифагор 30, 36, 37, 411
Плавциан 410

Платон 30, 36, 37, 40, 61, 128, 308, 310, 387, 407, 434, 478
Плиний Гай Секунд (Старший) 70, 219, 226, 227
Плиний Гай Цецилиус (Младший) 274, 471
Плутарх 320, 339, 389, 442
Пол 36
Поликрат 433
Помпей Гней (Великий) 242, 404, 409, 421, 450, 466
Проб 385
Протагор 33, 36
Птоломей Клавдий 289
Пэн 433

Рабирий Постум 430
Равальяк 440
Региомонтан 434
Регул Марк 473
Роксалана 394
Ромул 420, 472

Сабиниан 479
Северин Петр 67
Селим I Грозный (турецкий султан) 394
Селим II (турецкий султан) 394
Сенека Луций Анней 289, 352, 356, 362, 432, 434, 471, 476
Септимий Север Луций 357, 410, 446
Сеян 410, 435
Силий 401
Сократ 43, 449, 471
Солиман 394, 449
Солон 417, 472, 478
Сулла Луций Корнелий 409, 442
Сципион Африканский 447

Тамерлан 369
Тацит Корнелий 273, 357, 363, 375, 381, 382, 386, 393, 432, 433, 471
Телезий (Телезио) Бернардино 67, 155, 165, 208, 320—326, 329—334, 336—345
Теодорих 472
Теофраст 36, 219
Тиберий 257, 357, 363, 410, 433, 435
Тигеллин 402
Тигран (Армянский) 416
Тимолеонт 442
Тимон 379
Тимофей Афинский 442
Траян 410

Фалес 42, 312, 313
Фемистокл 411, 415
Фердинанд (Неаполитанский) 393
Филипп IV Красивый (французский король) 447
Филипп II (македонский царь) 394, 433
Филолай 36
Фокион 40
Фокс Ричард 397
Фракасторий (Фракасторо) Джероламо 141, 151
Франциск I (французский король) 393

Хризипп 36, 236

Цезарь Август (Октавий) см. Август Октавиан
Цезарь Гай Юлий 49, 242, 362, 385, 409, 410, 421, 442, 446, 466, 472
Цельс Авл Корнелий 37, 424
Цицерон Марк Туллий 242, 275, 308, 388, 404, 407, 410, 421, 430, 447, 450, 471

Эдгар 472
Эдуард II (английский король) 394
Эдуард IV (английский король) 447
Эзоп 449, 470
Эмпедокл 28, 36, 285, 310, 334, 408
Эпаминонд 442
Эпикур 36, 268, 372, 387
Эпименид Кандийский 408
Эсхин 57

Юлиан Флавий Клавдий (Отступник) 394
Юлия 410
Юстиниан (император) 472

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абстракции 74, 253
— вещей 212
Авторитет 10, 40
— древности 236
Акаталепсия 7, 18, 32, 33, 39, 75
Аксиомы 14—16, 21, 60, 68, 226
— низшие 61
— общие (высшие) 14, 15, 60, 61
— первичные 84, 86
— средние 13, 15, 32, 34, 60, 61
— восходящая и нисходящая лестница 119
— открытие 71
— построение 62
— род первый и второй 83
— знания 82
— наук 131
— строение мира 128
— и доказательства 292 (см. также Наука, Начала)
Аллегория 237—239, 250, 252, 268, 279, 280, 285, 310
Алхимики 35, 38, 48, 207, 236 (см. также Химики)
Алхимия 133
Анабаптисты 360
Аналогия 18, 165, 226
Анатомирование
— и рассекание мира 74
Анатомия
— членов Вселенной 128
Астрологи 37, 478
Астрология 20, 435
Атеисты 358, 386, 387
Атлетика 10
Атом (атомы) 32, 157, 266—268, 306, 337
Атриум
— природы 10
Аффекты 260, 277, 278

Безбожие 386—388
— причины 388
— и суеверие 389
Бесконечность 21
— отсечение 126, 127
Бессмертие 260, 261
Благо 198
— высшее 355
— людей 377, 378
— государства 261
Богатство 430—432
— и добродетель 429
Бойкость 376, 377
Бог 35, 55, 248, 249, 304, 307, 357, 360, 373, 386—389
— субститут 267
Божество 249
Борьба
— искусства и природы 280
Брак
— и безбрачие 366—368
Бытие 14, 70

Вера 30, 52, 337
— единая 357
— таинства 16
Вечность 21
— мира и материи 261, 262, 336
Вещи
— начало 311
— общий ход 479
— подобия 24

— превратность 72, 274—276, 478—482
— происхождение 261, 262
— связь 262
— совокупность 248
— театр 219
— темнота 15
— тонкость 11
— по отношению к человеку и Вселенной 100
(см. также Абстракции, Созерцание, Схематизм, Форма, Элементы)
Власть 250, 373—375, 392
— абсолютная 394
— монаршая 381
— человеческого рода 78
— над бытием и материей 337
— над людьми 293
— над природой 293, 362
(см. также Тайна)
Воздержание
— от суждений 75
(см. также Акаталепсия)
Возмездие 237, 241, 274
Вознаграждение
— за науки 53, 54
Война (войны) 255, 276, 480, 481
— гражданская 421
— справедливая 393
— навязывающие строй 421
— нового времени 422
— повод 420
— причина 254
Воля
— и страсти 22
(см. также Свобода)
Воображение 21
Восстановление (возрождение) наук 10, 55, 57, 66
Вселенная 114, 128, 133, 213, 237, 264, 283
— строй (строение) 148, 178
(см. также Анатомия, Мир)

Гармония 250
— мира 192
Гении 16
Гнев 476—478
Государи (монархи) 242—244, 246, 256—258, 380, 384, 392, 394—399, 403, 409, 417, 424, 433, 436
— авторитет 297
(см. также Совет, Тайна)
Государство 246, 382—386, 395, 405, 417
— монархическое 242
(см. также Благо)
Грех 249

Дарования 73
Движение 346
— главные виды 179—198
— измерение 172, 173, 176, 177
— разделение 141
— управление 208
— вечное 516
— естественное 32, 151, 184, 306
— магнетическое 187, 188
— механическое 181
— насильственное 33, 151, 181, 201, 202
— первоначальное 268
— самопроизвольное вращательное (самопроизвольного вращения) 147, 194
— царственное, или правящее 193, 194
— бегства 188
— большего собрания 184
— выгоды (нужды) 183
— вытеснения 142
— дрожания 195
— запечатления 191, 192
— материи 181
— непрерывности 182, 183
— освобождения 180, 181, 195
— очертания, или положения 192
— побуждения 190, 191
— покоя, или избегания движения 195, 196
— препровождения (по течению) 193
— противостояния материи 179
— растяжения и сжатия 306
— рождения от Юпитера и от Сатурна 191
— сцепления 180
— тяготения 177
— уподобления 189, 190
— физического рода 32
Дворянство 394, 395
(см. также Знать)

Дедукция к практике 119
Действенность 10
Действие 14
— естественное 155, 156, 177
— магнетическое 155, 156
— универсальное 340
— посредством смены и чередования способов 211
— посредством согласий и расхождений 208
(см. также Знание, Движение)
Дела
— божественные 55
— гражданские 53, 77
— практические 353
— веры 360
Деловые переговоры 459, 460
Демократия 379
Деньги 384
Деятельность
— человеческая (людей) 50, 63
Диалектика 9, 16, 33, 44
— искусство 8
— правила 15
— общепринятая 18
— Аристотеля 28
(см. также Силлогизм)
Диалектические понятия 310
Диктатура 385
Дистинкция 16, 75
Добродетель 468
— путь 290
— высшая 362, 363
(см. также Богатство)
Доброта
— и добродушие 377—379
Догматики 56
Доказательства
— методы 67
— правила 74
— порочные (ложные) 33, 34
(см. также Форма)
Достоверность 18
— степень 8
— заключений 20
Древние 9, 245—247, 286
(см. также Наука, Мифы)
Древность 45, 46, 236, 239
Дружба 408—414, 462
Дух 15, 85, 159—162, 294, 295
— сгущения 203, 204
— воинственный 419
— деятельный 186
— животный 128, 129, 141, 174
— человек (человеческий) 19, 305
— или воздух 200, 201
— и осязаемая сущность 86
Душа (души)
— определение 283
— заурядные и возвышенные 299, 300

Евкаталепсия 75
Единство (единение) церкви 357, 358
— границы 358, 359
— способы обеспечения 359, 360
— ложное и истинное 359
Ереси
— и расколы 357, 358
Ефектики 33

Заблуждения 8, 69, 341
— причины 41—54
— фундаментальные 72, 73
— ума 22, 274
Зависть 368—371
Закон (законы)
— определенные в материи 211
— Вселенной 346
— природы 84, 267, 304, 305
— и форма 81
Здоровье
— поддержание 422—424
Зло 373
Знаки
(см. Идеи, Слова, Указания)
Знание 37
— истинное 80
— и действие 82, 84
— и могущество 12, 81
— и открытия 292
(см. также Аксиомы, Наука, Свет)
Знать 242, 379, 380, 395, 417, 418
(см. также Дворянство)

Идеи
— общие 249
— божественного разума 74
Идолы 8, 18, 25, 32, 33
— виды 18, 19
— искоренение 25, 35
— указание 18
— пещеры 23, 24

— площади 25
— рода 23
— театра, или теорий 19, 26, 27
— человеческого ума 15, 74 (см. также Слова)
Иероглифы 239
Изобретения 64, 65
— введение 77
— практические 37
— механические 78 (см. также Открытия)
Имена 25
— значение 237 (см. также Идолы площади)
Индукция 75, 109, 213
— исправление 119
— помощь 119, 168
— истинная (законная, правильная) 14, 18, 61, 62, 86, 88, 109, 112, 119
— простая (через простое перечисление) 14, 34, 61 (см. также Форма)
Искусства
— творения 134
— изящные 135
— механические 38, 46, 47, 59, 135, 272
— недостойные 273 (см. также Наука)
Искусство 273, 286
— воинское 420
— книгопечатания 64
— открытия 79
— политики 363
— властвовать 392—395
— и природа 219, 280, 281 (см. также Наука)
Исключения 75, 112, 113
Истина 8, 18, 33, 74, 113, 285
— как дочь времени 46
— исследование (искание) 36, 43, 44, 52
— пути открытия 14, 15
— и ложь 354—356 (см. также Созерцание)
История 237, 465
— естественная 56—59, 65, 70, 69, 72, 75, 88, 133, 218
— священная 264
— греков 37
— афоризмы о создании первой и. 218—229
— план естественной и экспериментальной и. 217—229
— три части естественной и. 219, 221
Истолкование природы 10, 12, 16, 18, 22, 34, 67, 79, 113, 156, 225, 227, 229
Источники вещей 63

Йомены 418

Каноны 228
Категории 249
Качество (качества) 14, 306
— первичные и вторичные 31
Колонизация 427
Колонии 427—429
Конкреты 324
Коран 386
Красота 236, 447, 448 (см. также Уродство)
Круг
— совершенный 20
Купцы 443—445

Лаодикийцы 358
Легенда 386
Лицемерие
— и притворство 363—365
Логика 23, 57, 73, 212
— бесполезная 13
— общепринятая (обычная) 75, 76 (см. также Силлогизм)
Любовь 372, 373

Магия 87
— естественная (натуральная) 38, 48, 130, 133, 221
— суеверная 48
Магнетическая сила 146
— и симпатия 146
Манеры
— и приличия 467, 468
Маски
— и призраки 139
— и триумфы 436—438
Математика 57, 225, 465
Материальная культура 272
Материя 23, 32, 74, 248, 249, 252, 262—264, 267, 330, 331, 342—344, 478
— определение 310
— как начало всех вещей 308, 309

— истоки 337
— количество 161, 162, 262
— облик 264
— плотность 161, 162
— природа и свойства 263, 304
— способ существования 304, 305
— стимул 267
— сумма 262, 341
— абстрактная 308—310, 317
— пассивная 308, 338, 339
— первая 304, 307—311, 316
— первичная 260
— Вселенной 310
— и форма 14, 308, 309
(см. также Вечность)
Месть
— определение 361
— виды 361, 362
Метафизика 87, 249
(см. также Философия)
Метод (опыта)
— истинный 44, 45
— и порядок 59
— и цель 220
(см. также Способ)
Механика 87
Мир 248, 249, 252, 253
— образ 251
— система 336, 337
— становление 262
— строение 263
— материальный 46
(см. также Вечность, Вселенная, Религия, Схематизм)
Мироздание 262
Миф (мифы) 241—298, 306, 307, 361, 396
— тайный смысл 237, 238
— толкование 236
— древние 239, 303
(см. также Парабола)
Мнение
— общепринятое (обычное, укоренившееся) 21, 22, 341
Могущество
— человеческое 80
— божественное 251
(см. также Знание)
Модель 450
Монархия 379, 419
(см. также Государство)
Мораль 287, 290, 298
Мореплавание 78
Мудрость
— божественная 35, 248, 252, 290
— мнимая 406—408
— профессорская 35
— себялюбивая 403, 404
— человеческая 237
— древних (прошлого) 239, 297, 298
Мысль 21
— тонкость 239
Мятежи 237, 242, 243, 371, 380—386
— причины (и поводы) 382, 383, 385
— средства против 383—385

Надежда 54—66
Надменность 237
Наклонности ума
— превратные 11
Наслаждение 297—300
Наука (науки) 7, 35, 38, 43, 60, 61, 291, 482
— завершение 65
— занятия науками 464, 465
— периоды 41
— препятствия развитию 54
— принципы 75
— совершенствование 289
— цель (мета) 43, 44, 73
— бесполезные (легкомысленные) 13, 299
— всеобщая 49
— действенные 15
— докторальные и догматические (рациональные) 32, 47
— естественная 196
— общераспространенные (основанные на мнениях) 16, 76, 85
— тайные 48
— частные 37, 64
— греков 72
— и искусства 41, 54, 79, 251
— и образование 298
— и практика 292, 293
(см. также Аксиомы, Знание, Опыт, Открытие, Философия)
Начала 17
— активные 338
— основные 67
— производящие 121
— вещей 32, 311—344

— и аксиомы 20, 44, 60
(см. также Атом, Царство, Элементы)
Начало
— вечное 338
— единое 248, 317
— истолкования 113
Небо 67, 192
Незнание 307
— причин 12
Необходимость 246
— абсолютная 79
Новая Академия 33, 39
Новшества 404, 405

Образец 207, 273
— мира 74
Оппозиция 243
Определения 25
Опыт 7, 15, 22, 34, 45, 57, 58, 65, 66, 75, 286, 304, 335
— взвешивание 71
— нить 272
— житейский 234, 464
— научный 60, 65
— письменный 60
— простой (обычный, голый) 16, 35, 51
— случайный 44
— смутный (неупорядоченный) 44, 59
— успешный 50
— чувственный 336
— природы 24
(см. также Опыты, Разум, Свет, Эксперимент)
Опыты 37, 38, 45, 68, 74, 224
— механические 56, 58, 59
— плодоносные и светоносные 35, 59, 71, 218
— целесообразные 22
(см. также Опыт)
Опровержение 66, 67
— универсальность 72
— идолов 27
Организм
— политический 421
Органон 212
Оракулы
— чувств 304
Орден Фельянов 209
Орудие 12
— для усиления чувств 22
Основания вещей
— покоящиеся и движущие 31
— общие 34
Откровение (божественное) 304
Открытие (открытия) 77
— достоинства и последствия 78
— метод (путь) 44, 45, 73
— древние 47
— полезные 252
— правильные и превратные 72
— случайные 62—64
— наук 27
(см. также Изобретения, Искусство)
Отталкивание 14

Память
— искусственная 126
Парабола 233, 238—240, 272, 274, 278, 285, 287, 290, 291, 298
— жанр 237
(см. также Миф, Аллегория)
Партии 237, 381—383, 465, 466
Перводвигатель 25, 382, 466
Первосущее 309
Перипатетики 267, 320, 339, 342, 343
(см. также Схоласты)
Писание (Священное) 52, 227, 236, 248, 311, 336, 368, 378, 386, 392, 405, 416, 448, 469, 473, 474, 476
Планетная система 382
Плоды 37
— первый сбор 113, 118
Подати 417
Подозрения 424, 425
Подстановка
— с помощью аналога и с помощью непрерывного перехода 167
Познание 70, 333, 334
Полезность 10, 74
Политика 233, 290
Политики 379
Понятия (понятие) 34
— истинные 156
— обычные 14
— порочные 26
— смутные 113
— хорошие 14

— низших видов 14
— предмета 307
(см. также Идеи)
Потенциальность
— первичная 338
Похвала 468—470
Почести 375, 376, 436
— и слава 471, 473
Почитание
— древних 9
Поэзия 465
Правило 12
— и предписание 82
Правительство (правительства) 380, 384, 385
— хорошие 441
Правосудие 382, 473—476
Практика 35, 39, 44, 61, 68, 74, 76, 84, 88, 110, 121, 137, 170, 171, 213, 225
— церкви 293
(см. также Наука)
Превращения
— тонкие 22
— тел 83, 85, 201
Предвосхищение 17
— ума 10
— природы 16
Предзнаменование
— хорошее 9
Прелаты 394
Пресыщение 265
Прибавление (приращение)
— в знаниях 17
— наук 54
Приведение
— к чувственному 159—165
Привычка 438—440
Приготовления
— к исследованию 119
Признаки
— истинные 16
Примеры
— благосклонные, или благоприятные 170
— ближайшего отрицательного 90—100
— борьбы 196
— дверей, или ворот 156—158
— дороги, или шествующие 165, 166
— жезла, или радиуса 171—174
— исключения, или отбрасывания 111, 112
— количества (дозы природы) 178, 179
— конститутивные (связки) 125—128
— креста, или решающие 143—154
— магические 211
— математические (измерения) 170
— могущества, или фасций 134
— намекающие 198
— обособленные 119
— побуждающие (призывающие) 158—165
— пограничные (причастия) 133
— пополнения, или подстановки (убежища) 167, 168
— переходящие 120—129, 137
— практики 170
— преимущественные 119—213
— присоединительные (крайности или предела) 139
— пробега (воды) 174—178
— рассекающие (подстрекающие) 169, 170
— расхождения 154—156
— светильника, или первого осведомления 156
— скрытные (сумеречные) 123—125
— соответствия, или соразмерности (параллельные, или физические подобия) 128—131
— сопровождения и вражды (постоянных предложений) 137, 138
— сходящиеся 89—90
— союза, или соединения 139—143
— указующие (проблески), или освобожденные (преобладающие) 113, 122, 123
— уникальные (отклоняющиеся) 132, 133
— широкого применения 198—211
— представление разуму 109
Природа 7, 22, 23, 71, 72, 162, 166, 218, 229, 247—253, 285, 295, 346, 448
— господство над 72
— игра 130

— изучение (исследование) 12, 218, 316
— истоки 266
— познание 252
— пути и действия 250, 251
— состояния 219
— тайны 248
— тело 249, 250
— тонкость 13, 15, 39
— божественная 285, 337
— первоначальная 112
— промежуточная 323, 324
— скрытая 51
— человеческая (человека) 21, 233, 289, 293, 369, 438, 439
— вещей 18, 30, 34, 76, 249, 253, 293
— видимости 143
— Вселенной 21, 22
— движения ума 143
— механики 272
— сущего 309
— толпы 257
— тяготения 148
— и культура 251
— и философия 258
(см. также Атриум, Искусство, Материя, Наука, Опыт, Свет, Тайна, Указания, Уклонения)
Природы (натуры) 80, 83, 90, 317, 324, 340
— отбрасывание или исключение 117
— преимущества 119
— исследуемые 119—213
— конкретные 111
— простые 71, 87
Притчи 239
Притяжение 14
Приуготовление
— умов 55
Причина (причины) 12
— вторичные 386
— естественные 249
— конечные 80
— низшие 22
— причин 267, 304
— открытие всех 65
— и следствие 304
Провидение 283
Провидение (божественное) 55, 229, 250, 268, 442
(см. также Тайна)
Промедление 399, 400
Пророчества 432—434
Просители 462—464
Пространство 345
— пустое 343, 344
Противоположности 318, 321, 392
Процесс
— скрытый 80, 83—85, 166, 213
Пустота 196, 343, 344
(см. также Атом)
Путешествия 390—392
Путь истинный (опыта) 14, 15, 56, 66

Равенство 380
Разум (рассудок) 24, 25, 32, 59, 60, 73—75, 212, 213, 318
— определение 109
— границы 221
— дело 9
— путь 9
— тонкость 13
— возведение от видов к родам 139
— вспоможения 119
— защита 8
— льгота 113, 118
— очищение и исправление 137
— помощь 113
— голый 9
— очищенный 57
— предоставленный самому себе 12, 15
— человеческий 20—22, 33, 56, 57, 61, 74, 252, 305, 309
— толпы 25
— и мир 221
(см. также Опыт, Ум, Чувство)
Распорядительность 405, 406
Рассудительность 237
Рассуждения
— тонкость 15
Религиозность 386
Религия 38, 53, 133, 233, 287, 386
— защита 359
— еретическая 289
— здравая 79
— истинная 479
— общепринятая 480
— христианская 52
— тайны 237
— и теология 27
(см. также Мир)

Республики 441
Рок 246
Ростовщичество 431, 442—445

Свет
— изначальный 165
— знания 258
— опыта 22
— природы 72
Свобода
— воли 354
— советов 241
— суждения 53
Свойство (свойства)
— скрытые 31, 210
— пространственности 346
(см. также Способности)
Себялюбие 244, 245
Секты
— религиозные 268, 479, 480
— философов 354
Селенография 158
Силлогизм 13, 14, 61, 76
(см. также Диалектика, Логика)
Симпатия 142, 148, 205, 265
— и антипатия (в магии) 48, 208, 210, 221
(см. также Согласия вещей)
Системы
— философские 19
(см. также Школы)
Скрытность 410
Слова 19, 25
— суть знаки понятий 13
— как идолы 25
Смерть 260, 356, 357
Совет (советы) 297, 395—399, 412, 413
(см. также Государи)
Согласия вещей (тел) 209, 210, 262, 263
(см. также Симпатия)
Созерцание 22
— вещей 79
— истины 74
— природы 24, 165
Соломонов дом (Дом Соломона) 493, 499, 507—518
Сомнение 75
Сословия 242
Софизмы
— опровержение 18
Софистика 28
Софисты 7, 34, 35
Союз
— опыта и рассудка 57
— философствующих 10
Союзники 420
Союзы 245, 246
— и соглашения 246
Способ (метод)
— ведения войны 254, 482
— ведения беседы 425—427
— воздействия на тела 199
— восприятия 23
— действия 333—335
— доказательства 40
— исследования 7
— истолкования 76
— обогатиться 430, 431
— объяснения 17
— открытия 13, 34
— порождения 83
— указания 13
(см. также Метод)
Способности
— специфические 31
(см. также Свойство)
Средний путь (способ) 56, 290, 291
Стоики 236, 362, 476
Страсти 22, 277—280
Страх
— панический 251, 252
Структура 138
Субстанция 14, 310, 318
Субъект
— и предикат 137, 347
Судьба 25, 442
Судьи 473—476
Суеверие 28, 51, 252, 309, 356, 388—390
— причины 389
— и магия 136
— и теология 29
(см. также Безбожие)
Сущее 264, 338
Сущность
— пятая 386
Счастье (фортуна) 441, 442
— дело 9
Схематизм (схематизмы) 80, 148, 161, 205, 206, 312
— истинный 86
— скрытый 85—87, 213
— тонкие 164
— вещей 209
— вещества 212
— мира 336, 337
— тел 207

(см. также Форма)
Схоластика 151, 152
Схоласты (схоластики) 41, 51, 71, 109, 148, 179, 180, 184, 390, 393

Таблицы (таблица)
— весов и пространств 162
— отклонения, или отсутствия в ближайшем 90
— открытия 49, 68, 69, 76
— проявлений 213
— сопоставления примеров 88
— степеней, или сравнений 101—108
— сущности, или присутствия 88—90
Таинства
— евреев 248
— христианской веры 290
(см. также Вера)
Тайна (тайны)
— божественная 258
— власти 396
— государей 258, 397
— природы 274
— провидéния 275
Талмуд 386
Творение (творения)
— момент 264
— мудрости 261
— создателя 263
Теология 42, 51, 52
— естественная 57, 249
(см. также Религия)
Теория (теории) 37
— бесплодные 253
Тирания 241, 254, 379
— обычая 440
Тираны 242
Толпа 10, 66, 408
— понимание 71, 76
Тщеславие 470, 471
Указания 39, 40, 82
— неблагоприятные 38
— пли признаки 37
— об истолковании природы 87

Уклонения
— природы 133
Ум (умы) 8, 9, 21
— активность 7
— бессилие 21
— и различие 24
— возвышенный 234
— трезвый 15
— человеческий 21—23, 65
(см. также Разум)
Умственный мир
— границы 46
Умствования
— диалектические 305
Универсум небес 322
Уникальное
— в искусстве 135, 136
Уродство 448, 449
(см. также Красота)
Утопия 444
Учения
— софистические 29
— философские 19, 20

Факты
— естественной истории и опыта 59, 226, 227
Фанатик (фанатики) 269—271, 358
Фантазия 239
Физика 87, 225
— Аристотеля 28
Физические подобия 131
Философия (философии) 7, 38, 212, 225, 233, 234, 263, 298, 304, 386
— задача 260
— извращения 29
— образ 259—261
— содержание 27
— абстрактная 286
— гражданская 260
— естественная (натуральная) 23, 28, 30, 41—43, 51—53, 57, 59, 62, 75, 260, 293, 465
— ложная (лживая) 28, 289
— моральная (нравственная) 42, 43, 260, 465
— общепринятая (основанная на обычных понятиях) 10, 30, 50
— основанная на немногочисленных опытах 30
— пасторальная 336
— поверхностная (легковесная) 304, 336
— подлинная (истинная и действенная) 57, 218
— софистическая 24, 29
— суеверная (поэтическая) 29, 30
— универсальная 165, 259

— фантастическая 30
— школьная (школы) 293, 342, 346
— Аристотеля 40, 52, 308
— Демокрита 303, 307, 308
— древних 74
— греков 37, 267
— перипатетиков 285, 336
— Платона 308
— Телезио 336, 340, 341
— и естественная и экспериментальная история 217—219, 221, 225
— и науки 261
(см. также Опыт, Природа, Религия)
Философы (философствующие) 248, 252, 319
— три рода 27, 28
— новые 30
— древности 354
(см. также Школы)
Форма (формы) 23, 39, 85, 109, 110, 213, 267
— определение 80, 118
— как закон 110, 111
— исследование 88
— источники 134
— открытие 81, 122—213
— абстрактные 62, 110
— бо́льшие и меньшие 125—128
— видовые 110
— истинные (законные) 82, 125
— положительная 109
— специфические 344
— частные 125
— вещи (вещей) 100, 113, 137, 138, 208
— доказательств 10, 17
— индукции 61
— тепла 114—119
— явления 120
— и схематизмы 205, 208
(см. также Природы)

Характер
— правления 392
Химики 29, 273, 284
(см. также Алхимики)
Хитрость 400—403
Христиане 360
Христианский
— устав 359
— закон 421
Христианство 379

Царство
— небесное 416
— начал 344
— человека 33
Церковь 358, 359
— римская 473

Частицы 386
— мельчайшие 22
— первичные 305
(см. также Атом, Начала)
Часть
— практическая и познавательная 212, 213
Человек 22, 250
— как малый мир 284
— как центр мироздания 283
— статус 281—290
(см. также Царство)
Человеческое
— и божественное 237
Честолюбие 435, 436
Чувство (чувства) 7, 8, 22, 23, 75, 156, 158—165, 212, 213
— достоверность 318
— тонкость 13

Шкала степеней 102
Школа (школы) 53, 142, 308
— схоластическая 29
— философские (философов) 27, 29, 39, 67, 68
— эмпирическая 29
— Аристотеля 57, 285
— Левкиппа и Демокрита 24
— Платона 33, 57
— Прометея 288
— и направления 36, 341
(см. также Системы, Философия, Философы)

Эксперимент 34, 224, 226, 227, 252, 286, 287
— определение 44
Элементы (семена) 20, 30, 249, 318, 338
— вещей 71, 248, 268
Эмпирика 28
Эмпирики 56, 68
Эфемерида 60

Юность
— и старость 445—447

СОДЕРЖАНИЕ

Новый Органон 5

Предисловие 7

Афоризмы об истолковании природы и царстве человека 12

Книга вторая афоризмов об истолковании природы, или О царстве человека 80

Приготовление к естественной и экспериментальной истории 215

О мудрости древних 231

Посвящения 233

Предисловие 236

I. Кассандра, или Откровенность 241
II. Тифон, или Мятежник 242
III. Киклопы, или Подручные террора 243
IV. Нарцисс, или Себялюбие 244
V. Стикс, или Союзы 245
VI. Пан, или Природа 247
VII. Персей, или Война 253
VIII. Эндимион, или Фаворит 256
IX. Сестра гигантов, или Молва 257
X. Актеон и Пенфей, или Любопытный 258
XI. Орфей, или Философия 259
XII. Уран, или Истоки 261
XIII. Протей, или Материя 263
XIV. Мемнон, или Скороспелый 264
XV. Титон, или Пресыщение 265
XVI. Жених Юноны, или Непристойность 266
XVII. Купидон, или Атом . . . . . —
XVIII. Диомед, или Фанатик 269
XIX. Дедал, или Механик 271
XX. Эрихтоний, или Обман 273
XXI. Девкалион, или Возрождение 274
XXII. Немезида, или Превратность вещей . . . . . —
XXIII. Ахелой, или Битва 276
XXIV. Дионис, или Страсть 277
XXV. Аталанта, или Выгода 280
XXVI. Прометей, или Статус человека 281
XXVII. Полет Икара; Сцилла и Харибда, или Средний путь 290

XXVIII. Сфинкс, или Наука 291
XXIX. Прозерпина, или Дух 294
XXX. Метида, или Совет 297
XXXI. Сирены, или Наслаждение . . . . . —

О началах и истоках 301

Опыты, или наставления нравственные и политические . . 349

Посвящения 351
I. Об истине 354
II. О смерти 356
III. О единой религии 357
IV. О мести 361
V. О бедствиях 362
VI. О притворстве и лицемерии 363
VII. О родителях и детях 365
VIII. О браке и безбрачии 366
IX. О зависти 368
X. О любви 372
XI. О высокой должности 373
XII. О бойкости 376
XIII. О доброте и добродушии 377
XIV. О знати 379
XV. О смутах и мятежах 380
XVI. О безбожии 386
XVII. О суеверии 388
XVIII. О путешествиях 390
XIX. Об искусстве властвовать 392
XX. О совете 395
XXI. О промедлении 399
XXII. О хитрости 400
XXIII. О себялюбивой мудрости 403
XXIV. О новшествах 404
XXV. О распорядительности 405
XXVI. О мнимой мудрости 406
XXVII. О дружбе 408
XXVIII. О расходах 414
XXIX. Об истинном величии королевств и республик 415
XXX. О поддержании здоровья 422
XXXI. О подозрении 424
XXXII. О беседе 425
XXXIII. О колониях 427
XXXIV. О богатстве 429
XXXV. О пророчествах 432
XXXVI. О честолюбии 435
XXXVII. О масках и триумфах 436
XXXVIII. О человеческой природе 438
XXXIX. О привычке и воспитании 439
XL. О счастье 441
XLI. О ростовщичестве 442
XLII. О юности и старости 445
XLIII. О красоте 447
XLIV. Об уродстве 448
XLV. О строениях 449
XLVI. О садах 453
XLVII. О переговорах 459
XLVIII. О приближенных и друзьях 461

XLIX. О просителях 462
L. О занятиях науками 464
LI. О партиях 465
LII. О манерах и приличиях 467
LIII. О похвале 468
LIV. О тщеславии 470
LV. О почестях и славе 471
LVI. О правосудии 473
LVII. О гневе 476
LVIII. О превратностях вещей 478

Новая Атлантида 483

Примечания 519

Указатель имен 559

Предметный указатель 562

Бэкон Ф.

Б97 Сочинения в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд. Т. 2. Сост., общ. ред. и вступит. статья А. Л. Субботина. М., «Мысль», 1978.

575 с. (АН СССР. Ин-т философии. Фплос. наследие)

Настоящий том включает наиболее известное произведение Ф. Бэкона «Новый Органон», в котором он дает критику схоластической логики и развернутое изложение своего индуктивного метода. Том содержит также сочинение «Приготовление к естественной и экспериментальной истории...» (не входившее в первое издание), трактаты «О мудрости древних», «О началах и истоках...», в которых выражено своеобразное отношение Бэкона к античной философской традиции и мифологии, и, наконец, знаменитые «Опыты, или Наставления...» и утопию «Новая Атлантида».

Б $\frac{10501\text{-}189}{004(01)\text{-}78}$ подписное 1 Ф

ИБ № 896

Бэкон Фрэнсис

СОЧИНЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

Второе, исправленное
и дополненное издание

Том 2

Заведующая редакцией З. М. Павлова
Редактор А. В. Генералова
Оформление серии художника В. В. Максина
Художественный редактор С. М. Полесицкая
Технический редактор Л. Е. Пухова
Корректор А. И. Зотова

Сдано в набор 23 февраля 1977 г. Подписано в печать 26 августа 1977 г. Формат 84×108 1/32. Бум. типогр. № 1. Усл. печатных листов 31,19 с вкл. Учетно-издательских листов 33,62 с вкл. Тираж 80 000 экз. Заказ № 1127. Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.